

КЛАССИКА
ГЕОПОЛИТИКИ
XX ВЕК

PHILOSOPHY

КЛАССИКА ГЕОПОЛИТИКИ

XX ВЕК

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 321
ББК 66.1(0)
К47

Серийное оформление А. Кудрявцева

Составитель К. Королев

Подписано в печать 27.01.03. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 5000 экз. Заказ № 316.

Книга подготовлена издательством «Terra Fantastica»
(Санкт-Петербург)

Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. —
К47 М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 731, [5] с. — (Philosophy).

ISBN 5-17-017734-8

Представленные в сборнике авторы являются ключевыми фигурами по созданию новых смысловых терминов, новых понятий и тенденций развития геополитической мысли. В данный том вошли основные произведения Карла Хаусхофера, Хэлфорда Дж. Макиндера, Николая Трубецкого и др.

УДК 321
ББК 66.1(0)

© Составление. К. Королев, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003
® TERRA FANTASTICA

ОТ РЕДАКЦИИ

ТОРЖЕСТВО ГЕИ

В наше время можно уже однозначно сказать: все, что становится предметом широкого общественного обсуждения, не имеет практического отношения к текущей реальности. Любая тема, методика, научный результат, экспертное построение, ставшее достоянием широкой общественности, на поверку оказывается старой разработкой давности порядка пятнадцати-двадцати, а то и более лет.

Вряд ли стоит искать здесь злой умысел неведомых сил. Есть два основных аспекта, задающих запаздывание распространения информации по всему значимому объему социума:

1. Только со временем (а точнее — со сменой эпохи) социум дорастает до осознания идеологом, прежде бывших достоянием узкого круга разработчиков и практиков. В его ткань завершается инсталляция новых смыслов, теоретические построения расписаны на простые, эстетически приемлемые семантические формулы, и сформирована команда специалистов, способных оперировать этими смыслами и формулами. Следует обратить внимание, что здесь реализуется антирыночный принцип: предложение рождает спрос.

2. Во времена быстрой смены эпох классические социальные институты, предназначенные для рефлексии состояния социума (такие, как средства массовой информации, художественная литература, и прочие) перестают исполнять свою функцию. Это происходит вследствие недостаточной образованности как в теории, так и в практике, недостаточной дисциплины мысли, чувства и поступка, а также как результат разрушения устоявшихся привычных формул и образов бытия. Создание несуществующей дешевой реальности тривиальных истин, селекция информационных поводов, лежащих в канве примитивной психологии

испуга или сексуального влечения, уничижительная критика любых субъектов и начинаний, лежащих за пределами собственного домена, — все это приводит к деградации деятельности таких институтов. Общество теряет свое зеркало.

И запаздывание, и потеря рефлексии приводят к практическим сложностям управления развитием социума.

Тот факт, что *геополитика* в наше время стала предельно популярной, а во многих случаях маргинализировалась, является практическим подтверждением потери ее актуальности. И действительно, технологии, построенные на ее основе, уже разрушили Советский Союз, ветераны написали мемуары о боевых действиях (см., например, З.Бжезинский «Мировая шахматная доска»), а последователи и соратники провели аналитические исследования и утилизировали их деятельность, переведя энергию былой разработки в рекламную кампанию господствующих концептов мировой политики (см., например, С.Хантингтон «Столкновение цивилизаций» и настоящее издание).

В рамках уже упоминавшейся задачи построения единой понятийной системы, где возможно одновременное исследование географической, экономической, антропологической, конфессиональной, семантической динамики межнациональных и международных конфликтов, возникнет реальная надежда создать новую область знания и равную ей международную практику выстраивания протоколов взаимодействия Земли/Геи с единым человечеством.

В расширение геополитики приходит *геоэкономика* — молодая наука конца XX столетия, не имеющая стопятидесятилетней истории и работающая с новыми системами управления экономическими процессами и с новыми субъектами принятия решения. А в дополнение к ней формируется третья геопроекция социума — *геокультура*. Геокультура рассматривает процессы формирования, сохранения и переноса социальных идентичностей в рамках распределения цивилизаций и культур на поверхности Земли/Геи.

И геоэкономика и геокультура тесно смыкаются с геополитикой, формируя трехуровневую технологию исследования социума. И именно развитие этих двух новых *гео-* определит практику смысловых мирных боев на планете Земля в первой четверти нового века.

Николай Ютанов

ХЭЛФОРД ДЖ. МАКИНДЕР

**ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ОСЬ ИСТОРИИ**

© М. Тимофеев, перевод, 1994.

Когда в отдаленном будущем какой-нибудь историк соберется исследовать времена, в которые мы сейчас живем, и захочет более кратко их обозначить, как это делаем мы сегодня в отношении династий Древнего Египта, то очень может быть, что последние четыреста лет он назовет «эпохой Колумба» и скажет, что завершилась она вскоре после 1900 года. Сегодня стало прямо-таки общим местом говорить о географических исследованиях как о чем-то практически законченном. Считается также, что географию следует свести исключительно к тщательному обзору и философскому синтезу. За четыреста лет объекты на географической карте мира получили достаточно верные и точные очертания, и даже в районах обоих полюсов экспедиции Нансена и Скотта значительно уменьшили возможности для новых и невероятных открытий. При этом начало XX столетия квалифицируется как конец великой исторической эпохи, причем это касается не только ее достижений, как бы велики они ни были.

Миссионер, завоеватель, фермер, горнопромышленник и, наконец, инженер шли буквально по следам путешественников, вот почему можно с уверенностью сказать, что мир в своих самых отдаленных пределах был открыт уже до того, как мы стали говорить о его фактическом политическом освоении. В Европе, Северной и

Южной Америке, Африке и Австралии едва ли найдется место, где можно застолбить участок земли. Такое возможно разве что в ходе войны между цивилизованными и получивилизованными державами. Даже в Азии мы станем, вероятно, зрителями последних актов пьесы, начатой всадниками Ермака, казаками, а также мореплавателями Васко да Гамы. Для сравнения мы можем сопоставить эпоху Колумба с предшествующими веками, приведя в качестве ее характерной черты экспансию Европы, не встречавшей практически никакого сопротивления, тогда как средневековое христианство было загнано в рамки небольшого региона, и ему постоянно угрожало нападение варваров извне. Отныне же, в послеколумбову эпоху, нам придется иметь дело с замкнутой политической системой, и вполне возможно, что это будет система глобального масштаба. Всякий взрыв общественных сил, вместо того чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли. Существует большая разница между попаданием снаряда в яму и попаданием его в закрытое пространство между жесткими конструкциями крупного здания или же судна. Возможно, хотя бы частичное понимание этого факта, отвлекая наконец внимание государственных деятелей во всех частях мира от территориальной экспансии, обратит их к борьбе за согласованную созидательную деятельность.

Вот почему мне кажется, что в настоящее десятилетие мы впервые находимся в ситуации, когда можно попытаться установить, с известной долей завершенности, связь между широкими географическими и историческими обобщениями. Впервые мы можем ощутить некоторые реальные пропорции в соотношении событий, происходящих на мировой арене, и выявить формулу, которая так или иначе выразит определенные аспекты географиче-

ской преданности мировой истории. Если нам посчастливится, то эта формула обретет и практическую ценность — с ее помощью можно будет вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни. Известная фраза о том, что империя движется на Запад, является всего лишь эмпирической и фрагментарной попыткой подобного рода. Так что сегодня я хотел бы описать те характерные физические черты мира, которые, по-моему, очень тесно связаны с человеческой деятельностью, и представить некоторые основные фазы истории, что были органически связаны с этими чертами, причем даже тогда, когда последние были еще неизвестны географии. Я вовсе не ставлю себе целью обсуждать влияние того или иного фактора или заниматься региональной географией, но, скорее, хочу показать историю человечества как часть жизни мирового организма. Я отдаю себе отчет в том, что могу здесь познать лишь до некоторого аспекта истины, и вовсе не склонен впадать в чрезмерный материализм. Инициативу проявляет человек, не природа, но именно природа в большей мере осуществляет регулирование. Мой интерес лежит скорее в области изучения всеобщего физического регулирования, нежели в сфере изучения причин всеобщей истории. Совершенно ясно, что здесь можно надеяться только на первое приближение к истине, а потому я со смирением восприму все замечания моих критиков.

Покойный профессор Фримен говорил, что единственная история, которую следует принимать в расчет, есть история средиземноморской и европейской рас. В каком-то отношении это, конечно же, верно, ибо именно среди этих рас зародились идеи, приведшие к тому, что потомки греков и римлян стали господствовать во всем мире. Однако в другом, и не менее важном, отношении подобное ограничение значительно стесняет мысль. Идеи, формирующие нацию как противоположность простой

толпе человеческих существ, обычно принимаются под давлением общего несчастья либо же при общей необходимости сопротивляться внешней силе. Идея Англии была внедрена в государства Гептархии датскими и норманнскими завоевателями, идея Франции была навязана гуннами, спорившими между собой франками, готами и римлянами в битве при Шалоне, а также внушалась позднее, во время Столетней войны с Англией; идея христианства родилась из гонений в Римской империи и была доведена до своего логического завершения в эпоху крестовых походов; идея Соединенных Штатов была воспринята — при участии местного патриотизма колонистов — только во время длительной войны за независимость; идея Германской империи была в Южной Германии воспринята, да и то неохотно, после ее борьбы против Франции в союзе с Северной Германией. Та концепция истории, которую я могу охарактеризовать как литературную, возможно, невольно упускает из виду изначальные движения, чье давление играло роль побуждающего импульса в атмосфере, в которой вынашивались великие идеи. Как вызывающая неприятие персона выполняет важную общественную функцию, объединяя своих врагов, точно так же благодаря давлению внешних варваров Европа сумела создать свою цивилизацию. Вот почему я прошу вас взглянуть на Европу и европейскую историю как на явления, зависимые по отношению к Азии и ее истории, ибо европейская цивилизация является в значительной степени, результатом вековой борьбы против азиатских вторжений.

Наиболее важный контраст, заметный на политической карте современной Европы, — это контраст между огромными пространствами России, занимающей половину этого континента, с одной стороны, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами, — с другой. С физической точки зрения здесь, конечно, налицо еще подобный же контраст между нераспа-

ханными равнинами Востока и богатствами гор и долин, островов и полуостровов, составляющих в совокупности остальную часть этого района земного шара. При первом взгляде может показаться, что в этих знакомых фактах предстает столь очевидная связь между природной средой и политической организацией, что едва ли стоит об этом говорить, особенно если мы упомянем, что на Русской равнине холодной зиме противостоит жаркое лето, и условия человеческого существования привносят, таким образом, в жизнь людей дополнительное единообразие. И тем не менее, несколько исторических карт, содержащихся, например, в Оксфордском атласе, покажут нам, что приблизительное совпадение европейской части России с Восточно-Европейской равниной не случайно и возникло не за последние сто лет, а имело место и в более ранние времена, когда здесь существовала совершенно иная тенденция в политическом объединении. Две группы государств обычно разделяли эту страну на северную и южную политические системы. Дело в том, что орографические карты не выражают того особого физического своеобразия, которое до самого последнего времени регулировало передвижение и расселение человека на территории России. Когда снежный покров постепенно отступает на север от этих обширных равнин, его сменяют дожди, на побережье Черного моря особенно сильные в мае и июне, однако в районе Балтики и Белого моря чаще льющие в июле и августе. На юге царит долгое засушливое лето. Следствием подобного климатического режима является то, что северные и северо-западные районы покрыты лесами, чьи чащи изредка перемежаются озерами и болотами, в то время как юг и юго-восток представляют из себя бескрайние травянистые степи, где деревья можно увидеть лишь по берегам рек. Линия, разделяющая эти два региона, идет по диагонали на северо-восток, начинаясь у северной оконечности Карпат и заканчиваясь скорее у южных склонов Урала, нежели в его северной части.

Москва лежит севернее этой линии, находясь, иными словами, на лесистой стороне. За пределами России граница этих огромных лесов тянется на запад, проходя почти посередине европейского перешейка, ширина которого (т. е. расстояние между Балтийским и Черным морями) равняется 800 милям. За ним, на остальной европейской территории, леса покрывают на севере долины Германии, в то время как на юге степи формируют великий Трансильванский бастион у Карпат и простираются до Дуная, там, где теперь колышутся румынские нивы, и вплоть до Железных ворот. Отдельный степной район, известный среди местных жителей под названием «пушта» и ныне активно обрабатываемый, занял Венгерскую равнину: его окаймляет цепь лесистых Карпатских и Альпийских гор. На западе же России, за исключением Крайнего Севера, расчистка леса, осушение болот и подъем неосвоенных земель сравнительно недавно определили характер ландшафта, в большей степени сглаживая то различие, которое раньше было так заметно.

Россия и Польша возникли на лесных прогалинах. Вместе с тем, сюда начиная с V по XVI столетие через степи из отдаленных и неведомых уголков Азии направлялась в створ, образуемый Уральскими горами и Каспийским морем, непрерывная череда кочевников-туранцев: гунны, авары, болгары, мадьяры, хазары, печенеги, куманы, монголы, калмыки. Во время правления Атиллы гунны утвердились в центре пушты, на самых отдаленных «придунайских» островках степи, и оттуда наносили удары на север, запад и юг по оседлому населению Европы. Большая часть современной истории может быть написана как комментарии к изменениям, прямо или косвенно представлявшим собой последствия тех набегов. Вполне возможно, что именно тогда англосаксы были принуждены пересечь море и основать на Британских островах Англию. Впервые франки, готы и жители римских провинций оказались вынуждены встать плечом к плечу на поле бит-

вы у Шалона, имея перед собой общую цель борьбы с азиатами; таким образом они произвольно составили современную Францию. В результате разрушения Аквилена и Падуи была основана Венеция; и даже папство обязано своим огромным престижем успешному посредничеству папы Льва на встрече с Атиллой в Милане. Таков был результат, произведенный ордой безжалостных и ни над чем таким не задумывавшихся всадников, заполонивших неконтролируемые равнины, — это был удар, беспрепятственно нанесенный азиатским молотом по незанятому пространству. За гуннами последовали авары. Именно в борьбе с ними была основана Австрия, а в результате походов Карла Великого была укреплена Вена. Затем пришли мадьяры и своими непрекращающимися набегами из степных лагерей, расположенных на территории Венгрии, еще больше увеличили значение австрийского аванпоста, перенося таким образом фокус происходящего с Германии на восток, к границе этого королевства. Болгары стали правящей кастой на землях к югу от Дуная, оставив свое имя на карте мира, хотя язык их растворился в языке их славянских подданных. Вероятно, самым долговременным и эффективным в русских степях было расселение хазар — современников великого движения сарацин: арабские географы знали Каспий, или Хазарское море. Но в конце концов из Монголии прибыли новые орды, и на протяжении двухсот лет русские земли, расположенные в лесах к северу от указанных территорий, платили дань монгольским ханам, или «Степи», и, таким образом, развитие России было задержано и деформировано именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед.

Следует также заметить, что реки, выбегающие из этих лесов и текущие к Черному и Каспийскому морям, пересекают весь степной путь кочевников и что время от времени вдоль течения этих рек происходили случайные встречи (по отношению к перемещениям этих всадников), движения. Так, миссионеры греческой церкви поднялись по

Днепру до Киева, как незадолго до того спустились по той же самой реке на своем пути в Константинополь северяне-варяги. Еще раньше германское племя готов появилось на короткое время на берегах Днестра, пройдя через Европу от берегов Балтики в том же юго-восточном направлении. Но все это — проходные эпизоды, которые отнюдь не сводят на нет более широкие обобщения. На протяжении десяти веков несколько волн всадников-кочевников выходили из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства юга России, и, оседая в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних народов момент неперемennого противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулировали здоровую и мощную реакцию вместо разрушительного противодействия в условиях широко распространенного деспотизма, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала в окружении гор и лесов.

Подобная мобильность державы была свойственна и мореплавателям-викингам. Прибывая из Скандинавии и высаживаясь на южном и северном побережьях Европы, они просачивались в глубь ее территории, пользуясь для этого речными путями. Однако масштаб их действий был ограничен, поскольку, по справедливости говоря, их власть распространялась лишь на территории, непосредственно примыкавшие к воде. Таким образом, оседлое население Европы оказалось зажатым в тисках между азиатскими кочевниками с востока и наседавшими с трех сторон участниками набегов с моря. По природе своей ни одна из сторон не могла превозмочь другую, так что обе они оказывали взаимно стимулирующее воздействие. Следует заметить, что формирующее влияние скандинавов стояло на втором месте после аналогичного влияния кочевников, ибо именно благодаря им Англия и Франция

начали долгий путь к собственному объединению, тогда как единая Италия пала под их ударами. Когда-то давно Рим мог мобилизовать свое население, используя для этого дороги, однако теперь римские дороги пришли в упадок, и их не обновляли до восемнадцатого столетия.

Похоже, что даже нашествие гуннов было отнюдь не первым в этой «азиатской» серии. Скифы из рассказов Гомера и Геродота, питавшиеся молоком кобылиц, скорее всего, вели такой же образ жизни, относясь, вероятно, к той же самой расе, что и позднейшие обитатели степи. Кельтские элементы в названиях рек Дон, Донец, Днепр, Днестр и Дунай, возможно, и могли бы служить обозначением понятий у людей с похожими привычками, хотя и не одной и той же расы, однако не похоже, чтобы кельты пришли из северных лесов, подобно готам и варягам последующих времен. Тем не менее, огромный клин населения, который антропологи называют брахицефалами, оттесненный на запад из брахицефальной Азии через Центральную Европу вплоть до Франции, вероятно, внедрился между северной, западной и южной группами долихоцефального населения и, вполне возможно, происходит из Азии.

Между тем влияние Азии на Европу незаметно до того момента, когда мы начинаем говорить о монгольском вторжении XV в.; правда, прежде чем проанализировать факты, ко всему этому относящиеся, желательнее сменить наш «европейский» угол зрения с тем, чтобы мы могли представить Старый Свет во всей его целостности. Поскольку количество осадков зависит от моря, среди величайших земных массивов в климатическом отношении достаточно суха. Вот почему не стоит удивляться, что две трети мирового населения сосредоточены в относительно небольших районах, расположенных по краям великих континентов, — в Европе около Атлантического океана, у Индийского и Тихого океанов в Индии и Китае. Через всю Северную Африку вплоть до Аравии тянется

широкая полоса почти незаселенных, в силу практического отсутствия дождей, земель. Центральная и Южная Африка большую часть своей истории были точно так же отделены от Европы и Азии, как и Америка с Австралией. В действительности южной границей Европы была и является скорее Сахара, нежели Средиземноморье, поскольку именно эта пустыня отделяет белых людей от черных. Огромные земли Евро-Азии, заключенные, таким образом, между океаном и пустыней, насчитывают 21 000 000 кв. миль, т. е. половину всех земель на земном шаре, если исключить из подсчета пустыни Аравии и Сахару. Существует много отдаленных пустынных районов, разбросанных по всей территории Азии, от Сирии и Персии на северо-восток по направлению к Маньчжурии, однако среди них нет таких пустынь, которые можно было бы сравнить с Сахарой. С другой стороны, Евро-Азия характеризуется весьма примечательным распределением рек. На большей части севера и центра эти реки были практически бесполезны для целей человеческого общения с внешним миром. Волга, Окс, Яксарт¹ текут в соленые озера; Обь, Енисей и Лена — в холодный Северный океан.

В мире существует шесть великих рек. В этих же районах есть много хотя и меньших, но также значительных рек — таких, как Тарим и Хельмунд, которые опять-таки не впадают в океан. Таким образом, центр Евро-Азии, испещренный пятнышками пустыни, является в целом степной местностью, представляющей хотя зачастую и скудные, но обширные пастбища, где не так уж мало питаемых речками оазисов. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что вся ее территория все-таки не пронизана водными путями, ведущими от океана. Другими словами, в этом большом ареале мы имеем все условия для поддержания редкого, но в совокупности весьма значительного

¹ Окс, Яксарт — древние названия Амударьи и Сырдарьи.

населения — кочевников, передвигающихся на лошадях и верблюдах. На севере область их обитания ограничена широкой полосой субарктических лесов и болот, где климат, за исключением западной и восточной оконечностей, слишком суров для развития сельскохозяйственных поселений. На востоке леса простираются на юг до Тихоокеанского побережья вдоль Амура — к Маньчжурии. То же и на Западе: в доисторической Европе леса занимали основную территорию. Ограниченные таким образом на северо-востоке, севере и северо-западе степи тянутся, не прерываясь, на протяжении 4000 миль — от венгерской пушты до Малой Гоби и Маньчжурии — и, за исключением самой западной оконечности, их не пересекают реки, текущие в доступный им океан, так что мы можем не принимать во внимание недавние усилия по развитию торговли в устье Оби и Енисея. В Европе, Западной Сибири и Западном Туркестане степь лежит низко, местами даже ниже уровня моря. Далее на востоке, в Монголии, степи тянутся в виде плато; но переход с одного уровня на другой над голыми, ровными и низкими районами засушливых центральных земель не представляет значительных трудностей.

Орды, которые в конце концов обрушились на Европу в середине XIV в., собирали свои силы в 3000 миль отсюда, в степях Верхней Монголии. Опустошения, совершившиеся в течение нескольких лет в Польше, Силезии, Моравии, Венгрии, Хорватии и Сербии, были тем не менее лишь самыми отдаленными и одновременно скоротечными результатами великого движения кочевников востока, связываемого с именем Чингисхана. В то время как Золотая Орда заняла Кипчакскую степь от Аральского моря через проход между Уральским хребтом и Каспием до подножья Карпат, другая орда, спустившаяся на юго-запад между Каспийским морем и Гиндукушем в Персию, Месопотамию и даже Сирию, основала державу Ильхана. Позднее третья орда ударила на Северный Китай, овладев

Китаем. Индия и Манги, или Южный Китай, были до поры прикрыты великолепным барьером Тибетских гор, с чьей эффективностью ничто в мире, пожалуй, сравниться не может, если, конечно, не считать Сахару и полярные льды. Но в более позднее время, в дни Марко Поло — если говорить о Манги — и в дни Тамерлана — если иметь в виду Индию — это препятствие было обойдено. Произошло так, что в этом последнем известном и хорошо описанном случае все населенные края Старого Света раньше или позже ощутили на себе экспансивную мощь мобильной державы, зародившейся на степных просторах. Россия, Персия, Индия и Китай либо платили дань, либо принимали монгольские династии. Даже зарождавшееся в Малой Азии государство турок терпело это иго на протяжении более полувека.

Подобно Европе, записи о более ранних вторжениях сохранились и на других пограничных землях Евро-Азии. Неоднократно подчинялись завоевателям с севера Китай, а завоевателям с северо-запада — Индия. По меньшей мере одно вторжение на территорию Персии сыграло особую роль в истории всей западной цивилизации. За триста или четыреста лет до прихода монголов турки-сельджуки, появившиеся из района Малой Азии, растеклись здесь по огромным пространствам, которые условно можно назвать регионом, расположенным между пятью морями — Каспийским, Черным, Средиземным, Красным и Персидским заливом. Они утвердились в Кермане, Хамадане, Малой Азии, свергли господство сарацин в Багдаде и Дамаске. Явилась необходимость покарать их за их обращение с паломниками, шедшими в Иерусалим, — вот почему христианский мир и предпринял целую серию военных походов, известных под общим названием крестовых. И хотя европейцам не удалось достигнуть поставленных целей, эти события так взволновали и объединили Европу, что мы вполне можем считать их началом современной истории — это был пример продвижения Европы, стимулиро-

ванного необходимостью ответной реакции на давление, оказываемое на нее из самого центра Азии.

Понятие Евро-Азии, которое мы, таким образом, получаем, подразумевает протяженные земли, окаймленные льдами на севере, пронизанные повсюду реками и насчитывающие по площади 21 000 000 кв. миль, т. е. более чем в два раза превосходящие Северную Америку, чьи центральные и северные районы насчитывают 9 000 000 кв. миль, и более чем в два раза — территорию Европы. Однако у нее нет удовлетворительных водных путей, ведущих в океан, хотя с другой стороны, за исключением субарктических лесов, она в целом пригодна для передвижения всякого рода кочевников. На запад, юг и восток от этой зоны находятся пограничные регионы, образующие широкий полумесяц и доступные для мореплавания. В соответствии с физическим строением число этих районов равняется четырем, причем отнюдь не маловажно то, что в принципе они совпадают соответственно со сферами распространения четырех великих религий — буддизма, брахманизма, ислама и христианства. Первые две лежат в зоне муссонов, причем одна из них обращена к Тихому океану, другая — к Индийскому.

Четвертая, Европа, орошается дождями, идущими с запада, с Атлантики. Эти три региона, насчитывающие в совокупности менее семи миллионов кв. миль, населяет более миллиарда человек, иначе говоря, две трети населения земного шара. Третья сфера, совпадающая с зоной пяти морей, или, как ее чаще называют, район Ближнего Востока, в еще большей степени страдает от недостатка влаги из-за своей близости к Африке и, за исключением оазисов, заселена, соответственно, не плотно. В некоторой степени она совмещает черты как пограничной зоны, так и центрального района Евро-Азии. Эта зона лишена лесов, поверхность ее испещрена пустынями, так что она вполне подходит для жизнедеятельности кочевников. Черты пограничного района прослеживаются в ней постольку,

поскольку морские заливы и впадающие в океан реки делают ее доступной для морских держав, позволяя, впрочем, и им самим осуществлять свое господство на море. Вот почему здесь периодически возникали империи, относившиеся к «пограничному» разряду, основу которых составляло сельскохозяйственное население великих оазисов Египта и Вавилона. Кроме того, они были связаны водными путями с цивилизованным миром Средиземноморья и Индии. Но, как и следовало бы ожидать, эти империи попадали в зону череды невиданных дотоле миграций, одни из которых осуществлялись скифами, турками и монголами, шедшими из Центральной Азии, другие же были результатом усилий народов Средиземноморья, желавших захватить сухопутья, ведшие от западного к восточному океану. Это место — самое слабое звено для этих ранних цивилизаций, поскольку Суэцкий перешеек, разделивший морские державы на западные и восточные, и засушливые пустыни Персии, простирающиеся из Центральной Азии вплоть до Персидского залива, предоставляли постоянную возможность объединения кочевников добираться до берега океана, отделявшего, с одной стороны, Индию и Китай, а с другой — их самих от Средиземноморского мира. Всякий раз, когда оазисы Египта, Сирии и Вавилона приходили в упадок, жители степей получали возможность использовать плоские нагорья Ирана и Малой Азии в качестве форпостов, откуда они могли направлять свои удары через Пенджаб прямо на Индию, через Сирию на Египет, а через разгромленный мост Босфора и Дарданелл — на Венгрию. На магистральном пути во внутреннюю Европу стояла Вена, противостоявшая набегам кочевников, как тех, что приходили прямой дорогой из русских степей, так и проникавших извилистыми путями, пролежавшими к югу от Черного и Каспийского морей.

Итак, мы проиллюстрировали очевидную разницу между сарацинским и турецким контролем на Ближнем Востоке. Сарацины были ветвью семитской расы, людьми,

населявшими долины Нила и Евфрата и небольшие оазисы на юге Азии. Воспользовавшись двумя возможностями, предоставленными им этой землей, — лошадьми и верблюдами, с одной стороны, и кораблями — с другой, — они создали великую империю. В различные исторические периоды их флот контролировал Средиземное море вплоть до Испании, а также Индийский океан до Малайских островов. С этой стратегически центральной позиции, находившейся между западным и восточным океанами, они пытались завоевать все пограничные земли Старого Света, повторяя в чем-то Александра Македонского и предвосхищая Наполеона. Они смогли даже угрожать степи. Но сарацинскую цивилизацию разрушили турки, полностью отделенные от Аравии, Европы, Индии и Китая, язычники-туранцы, обитавшие в самом сердце Азии.

Передвижение по глади океана явилось естественным конкурентом внутриконтинентального передвижения на верблюдах и лошадях. Именно на освоении океанических рек была основана потамическая (речная. — *Ред.*) стадия цивилизации: китайская на Янцзы, индийская на Ганге, вавилонская на Евфрате, египетская на Ниле. На освоении Средиземного моря основывалось то, что называют «морской» стадией цивилизации, — основывались цивилизации греков и римлян. Сарацины и викинги могли контролировать побережья океанов именно благодаря своей возможности плавать.

Важнейший результат обнаружения пути в Индию вокруг мыса Добрая Надежда состоял в том, что он должен был связать западное и восточное каботажные судоходства Евро-Азии, пусть даже таким окольным путем, и таким образом в некоторой степени нейтрализовать стратегическое преимущество центрального положения, занимаемого степняками, подвергнув их давлению с тыла. Революция, начатая великими мореплавателями поколения Колумба, наделила христианский мир необычайно широкой мобильностью, не достигшей, впрочем, заветного

уровня. Единый и протяженный океан, окружающий разделенные и островные земли, является; безусловно, тем географическим условием, которое привело к высшей степени концентрации командования на море и во всей теории современной военно-морской стратегии и политики, о чем подробно писали капитан Мэхэн и м-р Спенсер Уилкинсон. Политический результат всего этого заключался в изменении отношений между Европой и Азией. Не надо забывать, что в средние века Европа была зажата между непроходимыми песками на юге, неизведанным океаном на западе, льдами или бескрайними лесами на севере и северо-востоке, а с востока и юго-востока ей угрожала необычайная подвижность кочевников. И вот теперь она поднялась над миром, дотянувшись до тридцати восьми морей либо других территорий и распространив свое влияние вокруг евроазиатских континентальных держав, до тех пор угрожавших самому ее существованию. На свободных землях, которые были открыты среди водных пространств, создавались новые Европы, и тем, чем были ранее для европейцев Британия и Скандинавия, теперь становятся Америка и Австралия и в некоторой степени даже транссахарская Африка, примыкавшая теперь к Евро-Азии. Британия, Канада, Соединенные Штаты, Южная Африка, Австралия и Япония являют собой своеобразное кольцо, состоящее из островных баз, предназначенных для торговли и морских сил, недостижимых для сухопутных держав Евро-Азии.

Тем не менее последние продолжают существовать, и известные события еще раз подчеркнули их значимость. Пока «морские» народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. Эпоха Тюдоров, увидевшая экс-

пансию Западной Европы на морских просторах, лицемерла и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом.

Возможно, самое впечатляющее совпадение в истории заключалось в том, что как морская, так и сухопутная экспансия Европы явилась в известном смысле продолжением древнего противостояния греков и римлян. Несколько неудач в этой области имели куда более далеко идущие последствия, нежели неудачная попытка Рима латинизировать греков. Тевтонцы цивилизовались и приняли христианство от римлян, славяне же — от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям; и именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской уже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности¹.

Вслед за казаками на сцене появилась Россия, спокойно расставшаяся со своим одиночеством, в котором она пребывала в лесах Севера. Другим же изменением необычайного внутреннего значения, происшедшем в Европе в прошлом столетии, была миграция русских крестьян на юг, так что если раньше сельскохозяйственные поселения заканчивались на границе с лесами, то теперь центр населения всей Европейской России лежит к югу от этой

¹ Это заявление подверглось критике в ходе дискуссии, последовавшей за прочтением доклада. Пересматривая этот параграф, я все-таки думаю, что в основе своей оно справедливо. Даже византийский грек был бы другим, подчини Рим себе всю Древнюю Грецию. Без сомнения, идеалы, о которых идет речь, были скорее византийскими, нежели эллинскими, но римскими они не были, это уж точно.

границы, посреди пшеничных полей, сменивших расположенные там и западнее степи. Именно так возник необычайно важный город Одесса, развивавшийся с чисто американской скоростью.

Еще поколение назад казалось, что пар и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли, главным образом, роль придатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, чем в закрытых центральных районах Евро-Азии, где на обширных просторах не встретишь ни одного подходящего бревна или камня для их постройки. Железные дороги совершают в степи невиданные чудеса, потому что они непосредственно заменили лошадь и верблюда, так что необходимая стадия развития — дорожная — здесь была пропущена.

Относительно торговли не следует забывать, что при океаническом ее способе, хотя и относительно дешевом, обычно товар прогоняется через четыре этапа: фабрика-изготовитель, порт погрузки, порт выгрузки и товарный склад в пункте продажи, в то время как континентальная железная дорога ведет прямо от фабрики-производителя на склад импортера. Таким образом, посредническая океанская торговля ведет, при прочих равных условиях, к формированию вокруг континентов зоны проникновения, чья внутренняя граница грубо обозначена линией, вдоль которой цена четырех операций, океанской перевозки и железнодорожной перевозки с соседнего побережья равна цене двух операций и перевозке по континентальной железной дороге.

Российские железные дороги протянулись на 6000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Маньчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи подобно тому, как Британия являет в Южной Африке пример мор-

ской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли.

Просматривая столь беглым взглядом основные тенденции истории, не видим ли мы воочию нечто постоянное в плане географическом? Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам, который ныне должен быть покрыт сетью железных дорог? Здесь существовали и продолжают существовать условия, многообещающие и, тем не менее, ограниченные, для мобильности военных и промышленных держав. Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования. Трезво понимая пределы своего могущества, правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими территориями, точно так же как для Британии — править на океанских просторах.

За пределами этого осевого района существует большой внутренний полумесяц, образуемый Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем, и внешний — Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония. При нынешнем соотношении сил осевое государство — Россия — не равносильно периферийным государствам, и здесь в качестве противовеса может выступить Франция. Только что восточной державой стали Соединенные Штаты. На баланс сил в Европе они влияют не непосредственно, а через Россию, и нет никаких сомнений в том, что они построят Панамский канал для того, чтобы сделать ресурсы Миссисипи и Атлантики поддающимися перекачке в Тихий океан. С этой точки зрения линию реального разделения между Востоком и Западом следует искать именно в Атлантике. Нарушение баланса сил в пользу осевого государства, выражающееся в его экспансии на пограничные территории Евразии, позволяет использовать необъятные континентальные ресурсы для постройки флота. Благодаря этому скоро перед нашим взором явится мировая империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника. Вот почему угроза подобного союза должна толкнуть Францию в объятия морских держав, и тогда Франция, Италия, Египет, Индия и Корея составят такое сильное объединение, в котором флот будет поддерживать армию, что в конечном итоге заставит союзников оси разворачивать свои сухопутные силы, удерживая их от концентрации всей мощи на морях. Если привести более скромное сравнение, то это напоминает то, что совершал во время боевых действий Веллингтон с базы Торрес Ведрас. И не сможет ли Индия в конце концов сыграть такую же роль в системе Британской империи? И не эта ли идея лежит в основании концепции мистера Эмери, говорившего, что фронт боевых действий для Британии простирается от мыса Доброй Надежды через Индию вплоть до Японии?

На эту систему может оказать решающее влияние развитие огромных возможностей Южной Америки. С одной стороны, они смогут усилить позиции Соединенных Штатов, а с другой (если, конечно, Германия сможет бросить действенный вызов доктрине Монро), она в силах отъединить Берлин от того, что я охарактеризовал как политику оси. Местные комбинации держав, приведенных в равновесие, здесь значения не имеют. Я утверждаю, что с географической точки зрения они совершают нечто вроде круговращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами.

Я говорил обо всем этом как географ. Настоящий же баланс политического могущества в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических, а также экономических и стратегических условий, а с другой — относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов. Если точно подсчитать все это, то мы сможем выяснить разность, не прибегая к силе оружия. Географические показатели в подсчетах более употребительны и более постоянны, нежели человеческие. Вот почему мы надеемся найти формулу, применимую в равной степени и к прошлой истории, и к сегодняшней политике. Социальные движения во все времена носили примерно одни и те же физические черты, ибо я сомневаюсь в том, что постепенно возрастающая сухость климата, если это еще будет доказано, меняла в историческое время окружающую среду в Азии и Африке. Движение империи на запад кажется мне кратковременным вращением пограничных держав вокруг юго-западного и западного углов осевого района. Проблемы, связанные с Ближним, Средним и Дальним Востоком, зависят от неустойчивого равновесия между внутренними и внешними державами в тех частях пограничного

полумесяца, где местные государства почти не принимаются в расчет.

В заключение необходимо заметить, что смена внутреннего контроля России каким-то новым его видом не приведет к снижению значимости этой осевой позиции. Если бы, например, китайцы с помощью Японии разгромили Российскую империю и завоевали ее территорию, они бы создали желтую опасность для мировой свободы тем, что добавили к ресурсам великого континента океанические просторы, завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого региона.

НИКОЛАЙ ТРУБЕЦКОЙ

МЫ И ДРУГИЕ

ЕВРОПА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Не без внутреннего волнения выпускаю я в свет предлагаемую работу. Мысли, высказанные в ней, сложились в моем сознании уже более 10 лет тому назад. С тех пор я много разговаривал на эти темы с разными людьми, желая либо проверить себя, либо убедить других. Многие из этих разговоров и споров оказались весьма полезными для меня, так как заставили меня более детально продумать и углубить мои мысли и аргументы. Но основные мои положения остались без изменения. Конечно, случайными разговорами ограничиться было невозможно, и для того, чтобы проверить правильность защищаемых мною мыслей, их надо было подвергнуть более широкому обсуждению, т. е. опубликовать их. Этого я до сих пор не сделал. Не делал же я этого потому, что особенно первое время из многочисленных разговоров я вынес впечатление, что большинство людей, с которыми приходилось встречаться, просто не понимают моих мыслей. И не понимают не потому, чтобы я выражался неудобопонятно, а потому, что для большинства европейски образованных людей эти мысли почти органически неприемлемы, как противоречащие каким-то непоколебимым психологическим устоям, на которых покоится европейское мышление. Меня считали любителем

Труд был напечатан в Софии, 1920 г.

парадоксов, мои рассуждения — оригинальничаньем. Нечего и говорить, что при таких условиях спор утрачивал для меня всякий смысл и пользу, ибо спор может быть продуктивен лишь тогда, когда обе стороны взаимно понимают друг друга и говорят на одном языке. А так как я в то время встречал почти исключительно непонимание, то я не считал своевременным обнародование своих мыслей, выжидая более благоприятного момента. Если же теперь я все-таки решаюсь выступить печатно, то это потому, что за последнее время я среди своих собеседников все чаще и чаще встречаю не только понимание, но и согласие с моими основными положениями. Оказывается, что многие уже пришли к тем же выводам, что и я, совершенно самостоятельно. Очевидно, в мышлении многих образованных людей произошел некоторый сдвиг. Великая война, а особенно последовавший за ней «мир», который и до сих пор приходится писать в кавычках, поколебали веру в «цивилизованное человечество» и раскрыли глаза многим. Мы, русские, конечно, находимся в особом положении. Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли «Русской культурой». Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это совершилось, и многие задумались над причинами этого явления. Быть может, предлагаемая брошюра поможет кое-кому из моих соотечественников разобраться в своих собственных размышлениях по этому поводу. Некоторые мои положения можно было бы обильно иллюстрировать примерами из русской истории и русской действительности. От этого изложение стало бы, может быть, занимательнее и живее. Но ясность общего плана от таких отступлений, конечно, пострадала бы. А между тем, предлагая читателю сравнительно новые мысли, я более всего дорожил тем, чтобы представить их в наиболее ясной и последовательной форме. К тому же мои размышления касаются не только русских, но и всех других народов, так или иначе воспринявших европейскую культуру, не будучи сами ни роман-

цами, ни германцами по происхождению. И если я выпускаю свою книгу в свет на русском языке, так это просто потому, что своя рубашка ближе к телу и, что для меня более всего важно, чтобы мои мысли были восприняты и усвоены именно моими соотечественниками.

Предлагая свои мысли вниманию читателей, я тем самым желал бы поставить перед этими читателями проблему, которую каждый должен разрешить для себя лично. Одно из двух. Или защищаемые мною мысли ложны, — но тогда их нужно опровергнуть логически, или эти мысли истинны — но тогда надо сделать из них практические выводы.

Признание правильности тех положений, которые изложены в настоящей брошюре, обязывает всякого к дальнейшей работе. Приняв эти положения, их надо развить и конкретизировать в приложении к действительности, пересмотреть с этой точки зрения целый ряд вопросов, выдвинутых и выдвигаемых жизнью. «Переоценкой ценностей» так или иначе заняты сейчас очень многие. Для тех, кто примет защищаемые мною положения, эти последние явятся одним из указаний на то направление, в котором должна вестись эта переоценка. Не подлежит сомнению, что та работа, как теоретическая, так и практическая, которая вытекает из принятия основных положений, должна быть работой коллективной. Бросить определенную мысль, поднять известное знамя — может один. Но разрабатывать целую систему, основанную на этой мысли, прилагать эту мысль на практике — должны многие. К этой-то коллективной работе я и призываю всех тех, кто разделяет мои убеждения. Что такие люди есть — в этом я убедился благодаря нескольким случайным встречам. Им нужно только сплотиться для дружной совместной работы. И если моя брошюра послужит толчком или средством к этому объединению, я буду считать свою цель достигнутой.

С другой стороны известные моральные обязательства возлагаются и на тех, кто отвергнет мои положения

как ложные. Ведь если защищаемые мною мысли действительно ложны, то они вредны и нужно постараться опровергнуть их; а так как (смею надеяться) доказаны они логически, то не менее логически они должны быть и опровергнуты. Это необходимо сделать ради спасения от заблуждения тех, кто в эти мысли поверил. Сам автор без всякого сожаления навсегда отбросит от себя эти неприятные, беспокойные мысли, которые уже более десяти лет преследуют его, если только кто-нибудь логически докажет ему, что они не верны.

I

Позиции, которые может занять каждый европеец по отношению к национальному вопросу, довольно многочисленны, но все они расположены между двумя крайними пределами: шовинизмом с одной и космополитизмом с другой стороны. Всякий национализм есть как бы синтез элементов шовинизма и космополитизма, опыт примирения этих двух противоположностей.

Не подлежит сомнению, что европейцу шовинизм и космополитизм представляются именно такими противоположностями, принципиально, в корне отличными одна от другой точками зрения.

Между тем с такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Стоит пристальнее всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального, коренного различия между ними нет, что это есть не более как две ступени, два различных аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими наро-

дами, которые должны подчиниться ему, приняв его веру, язык и культуру, и слиться с ним. Все, что стоит на пути к этому конечному торжеству великого народа, должно быть сметено силой. Так думает шовинист и согласно с этим он и поступает.

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями.

В такой формулировке шовинизм и космополитизм, действительно, как будто резко отличаются друг от друга. В первом господство постулируется для культуры одной этнографически-антропологической особи, во втором — для культуры сверхэтнографического человечества.

Однако посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины «цивилизация» и «цивилизованное человечество». Под «цивилизацией» разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами — прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев, а затем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру.

Таким образом мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Принципиальной разницы тут никакой нет. В самом деле, национальное, этнографически-антропологическое и лингвистическое единство каждого из народов Европы является лишь относительным. Каждый из этих народов

представляет собой соединение разных более мелких этнических групп, имеющих свои диалектические, культурные и антропологические особенности, но связанных друг с другом узами родства и общей истории, создавшей некий общий для всех них запас культурных ценностей. Таким образом, шовинист, провозглашая свой народ венцом создания и единственным носителем всех возможных совершенств, на самом деле является поборником целой группы этнических единиц. Мало того, ведь шовинист хочет, чтобы и другие народы слились с его народом, утратив свою национальную физиономию. Ко всем представителям других народов, которые уже так поступили, утратили свой национальный облик и усвоили язык, веру и культуру его народа, шовинист будет относиться как к своим людям, будет восхвалять те вклады в культуру его народа, которые будут сделаны этими людьми, конечно, только если они верно усвоили тот дух, который ему симпатичен, и сумели вполне отрешиться от своей прежней национальной психологии. К таким инородцам, ассимилировавшимся с господствующим народом, шовинисты всегда относятся несколько подозрительно, особенно если их приобщение совершилось не очень давно, но принципиально их ни один шовинист не отвергает: мы знаем даже, что среди европейских шовинистов есть немало людей, которые своими фамилиями и антропологическими признаками ясно показывают, что по происхождению они вовсе не принадлежат к тому народу, господство которого они так пламенно проповедают.

Если мы возьмем теперь европейского космополита, то увидим, что, по существу, он не отличается от шовиниста. Та «цивилизация», та культура, которую он считает наивысшей и перед которой, по его мнению, должны ступаться все прочие культуры, тоже представляет собой известный запас культурных ценностей, общий нескольким народам, связанным друг с другом узами родства и общей историей. Как шовинист отвлекается от частных осо-

бенностей отдельных этнических групп, входящих в состав его народа, так и космополит отбрасывает особенности культур отдельных романо-германских народов и берет только то, что входит в их общий культурный запас. Он тоже признает культурную ценность за деятельностью тех неромано-германцев, которые вполне восприняли цивилизацию романо-германцев, отбросив от себя все, что противоречит духу этой цивилизации, и променяв свою национальную физиономию на общеромано-германскую. Точь в точь как шовинист, считающий «своими» тех инородцев и иностранцев, которые сумели вполне ассимилироваться с господствующим народом! Даже та враждебность, которую испытывают космополиты по отношению к шовинистам и вообще к тем началам, которые обособляют культуру отдельных романо-германских народов, даже эта враждебность имеет параллель в мирозерцании шовинистов. Именно шовинисты всегда враждебно настроены ко всяким попыткам сепаратизма, исходящим из отдельных частей их народа. Они стараются стереть, затушевать все те местные особенности, которые могут нарушить единство их народа.

Таким образом, параллелизм между шовинистами и космополитами оказывается полным. Это по существу одно и то же отношение в культуре той этнографически-антропологической единицы, к которой данный человек принадлежит. Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит; но при этом шовинист все же берет группу не вполне однородную, а космополит, со своей стороны, все же берет определенную этническую группу.

Значит, разница только в степени, а не в принципе.

При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова «человечество», «общечеловеческая цивилизация» и прочие являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия. Европейская культура не

есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы. Германские и кельтские племена, подвергшиеся в различной пропорции воздействию римской культуры и сильно перемешавшиеся между собой, создали известный общий уклад жизни из элементов своей национальной и римской культуры. В силу общих этнографических и географических условий они долго жили одной общей жизнью, в их быте и истории, благодаря постоянному общению друг с другом, общие элементы были настолько значительны, что чувство романо-германского единства бессознательно всегда жило в них. Со временем, как у столь многих других народов, у них проснулась жажда изучать источники их культуры. Столкновение с памятниками римской и греческой культуры вынесло на поверхность идею сверхнациональной, мировой цивилизации, идею, свойственную греко-римскому миру. Мы знаем, что эта идея была основана опять-таки на этнографически-географических причинах. Под «всем миром» в Риме, конечно, разумели лишь *Orbis terrarum*, то есть народы, населявшие бассейн Средиземного моря или тянувшиеся к этому морю, выработавшие в силу постоянного общения друг с другом ряд общих культурных ценностей и, наконец, объединившиеся благодаря нивелирующему воздействию греческой и римской колонизации и римского военного господства. Как бы то ни было, античные космополитические идеи сделались в Европе основой образования. Попав на благоприятную почву бессознательного чувства романо-германского единства, они и породили теоретические основания так называемого европейского «космополитизма», который правильнее было бы называть откровенно общеромано-германским шовинизмом.

Вот реальные исторические основания европейских космополитических теорий. Психологическое же основание космополитизма — то же самое, что и основание шовинизма. Это разновидность того бессознательного пред-

рассудка, той особой психологии, которую лучше всего назвать эгоцентризмом. Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ, то, которое к нему ближе, более на него похоже, — лучше, а то, которое дальше отстоит от него, — хуже. Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его народ, его племя, его раса — лучше всех остальных, подобных им. Точно так же та порода, к которой он принадлежит, именно человеческая порода, — совершеннее всех других видов млекопитающих, сами млекопитающие — совершеннее других позвоночных животных, животные, в свою очередь, — совершеннее растений, а органический мир — совершеннее неорганического. От этой психологии, в том или ином объеме, никто не свободен. Наука сама еще не вполне освободилась от нее, и всякое завоевание науки на пользу к освобождению от эгоцентрических предрассудков дается с величайшими затруднениями.

Эгоцентрическая психология проникает все мирозерцание весьма многих людей. Вполне освободиться от нее редко кому удастся. Но крайние ее проявления легко заметны, нелепость их очевидна, и потому они обыкновенно вызывают осуждение, протест или насмешки. Человек, уверенный в том, что он всех умнее, всех лучше и что все у него хорошо, подвергается насмешкам окружающих, а если он при этом агрессивен, получает и заслуженные щелчки. Семьи, наивно убежденные в том, что все их члены гениальны, умны и красивы, обыкновенно служат посмешищем для своих знакомых, рассказывающих о них забавные анекдоты. Такие крайние проявления эгоцентризма редки и обыкновенно встречают отпор. Иначе обстоит дело, когда эгоцентризм распространяется на более широкую группу лиц. Здесь отпор тоже обыкновенно

имеется, но сломить такой эгоцентризм труднее. Чаще всего дело разрешается борьбой двух эгоцентрически настроенных групп, причем победитель остается при своем убеждении. Это имеет место, например, при классовой или социальной борьбе. Буржуазия, свергающая аристократию, столь же уверена в своем превосходстве над всеми прочими сословиями, как и свергнутая ею аристократия. Пролетариат, борющийся с буржуазией, тоже считает себя «солью земли», лучшим из всех классов народа. Впрочем, тут эгоцентризм все-таки ясен, и люди с более сознательной головой, более «широкие», умеют обыкновенно возвышаться над этими предрассудками. Труднее освободиться от тех же предрассудков, когда речь идет об этнических группах. Здесь люди оказываются чуткими к пониманию истинной сущности эгоцентрических предрассудков далеко не в равной мере. Многие пруссаки-пангерманцы резко осуждают своих единоплеменников пруссаков, превозносящих прусский народ перед всеми другими немцами, и считают их «квасной патриотизм» смешным и узким. Вместе с тем положение, что немецкое племя в целом есть наивысшее достижение, цвет человечества, — не вызывает в их уме никакого сомнения, и до романо-германского шовинизма, так называемого космополитизма, они не могут подняться. Но пруссак-космополит одинаково возмущается своим соотечественником-пангерманцем, клеймит его направление как узкий шовинизм, а сам не замечает, что он сам такой же шовинист, только не немецкий, а общеромано-германский. Таким образом, здесь дело только в степени чуткости; один немного сильнее чувствует эгоцентрическую основу шовинизма, другой немного слабее. Во всяком случае, чуткость европейцев по этому вопросу весьма относительна. Дальше так называемого космополитизма, т. е. романо-германского шовинизма, редко кто поднимается. Европейцев же, которые признавали бы культуры так называемых «дикарей» равноценными с культурой романо-гер-

манской, — таких европейцев мы не знаем вовсе. Кажется, их просто нет.

Из предыдущего совершенно ясно, как должен относиться добросовестный романо-германец к шовинизму и к космополитизму. Он должен сознать, что как тот, так и другой основаны на эгоцентрической психологии. Должен сознать, что эта психология есть начало нелогическое, а потому не может служить базой для какой-либо теории. Мало того, ему нетрудно понять, что эгоцентризм по существу антикультурен и антисоциален, что он препятствует общежитию в широком смысле слова, т. е. свободному общению всяких существ. Ясно должно быть всякому, что тот или иной вид эгоцентризма может быть оправдан только силой, что, как сказано выше, он есть всегда удел лишь победителя. Потому-то и не идут европейцы дальше своего общеромано-германского шовинизма, что силой победить любой народ можно, но все романо-германское племя в своем целом настолько физически сильно, что его никто силой не победит.

Но лишь только все это дойдет до сознания предполагаемого нами чуткого и добросовестного романо-германца, как в его душе сейчас же произойдет коллизия. Вся его духовная культура, все его мирозерцание основаны на вере в то, что бессознательная душевная жизнь и все предрассудки, основанные на этой душевной жизни, должны уступать место перед указаниями разума, логики, что только на логических научных основаниях можно строить какие-либо теории. Все его правосознание основано на отвержении тех начал, которые препятствуют свободному общению между людьми. Вся его этика отвергает решение вопросов грубой силой. И вдруг оказывается, что космополитизм основан на эгоцентризме! Космополитизм, эта вершина романо-германской цивилизации, покоится на таких основаниях, которые коренным образом противоречат всем основным лозунгам

этой цивилизации. В основе космополитизма, этой религии общечеловеческой, оказывается антикультурное начало — эгоцентризм. Положение трагическое, но выход из него только один. Добросовестный романо-германец должен навсегда отказаться как от шовинизма, так и от так называемого космополитизма, а следовательно, и от всех тех взглядов на национальный вопрос, которые занимают среднее положение между этими двумя крайними точками.

Но какое положение по отношению к европейскому шовинизму и космополитизму должны занять неромано-германцы, представители тех народов, которые не участвовали с самого начала в создании так называемой европейской цивилизации?

Эгоцентризм заслуживает осуждения не только с точки зрения одной европейской романо-германской культуры, но и с точки зрения всякой культуры, ибо это есть начало антисоциальное, разрушающее всякое культурное общение между людьми. Поэтому, если среди неромано-германского народа имеются шовинисты, проповедующие, что их народ — народ избранный, что его культуре все прочие народы должны подчиниться, то с такими шовинистами следует бороться всем их единоплеменникам. Но как быть, если в таком народе появятся люди, которые будут проповедовать господство в мире не своего народа, а какого-нибудь другого, иностранного народа, своим же соплеменникам будут предлагать во всем ассимилироваться с этим «мировым народом»? Ведь в такой проповеди никакого эгоцентризма не будет — наоборот, будет высший эксцентризм. Следовательно, осудить ее совершенно так же, как осуждается шовинизм, — невозможно. Но, с другой стороны, разве сущность учения не важнее личности проповедника? Если бы господство народа *A* над *B* проповедовал представитель народа *A*, это было бы шовинизмом, проявлением эгоцентрической психологии, и такая проповедь должна была бы встречать законный

отпор как среди *B*, так и среди *A*. Но неужели все дело совершенно изменится, лишь только к голосу представителя народа *A* присоединится представитель народа *B*? Конечно, нет; шовинизм останется шовинизмом. Главным действующим лицом во всем этом предполагаемом эпизоде является, конечно, представитель народа *A*. Его устами говорит воля к порабощению, истинный смысл шовинистических теорий. Наоборот, голос представителя народа *B*, может быть, и громче, но, по существу, менее значителен. Представитель *B* лишь поверил аргументу представителя *A*, уверовал в силу народа *A*, дал увлечь себя, а может быть, и просто был подкуплен. Представитель *A* ратует за себя, представитель *B* — за другого: устами *B*, в сущности, говорит *A*, и поэтому мы всегда вправе рассматривать такую проповедь как тот же замаскированный шовинизм.

Все эти рассуждения, в общем, довольно бесцельны. Такие вещи не стоит долго и логически доказывать. Всякому ясно, как бы он отнесся к своему соплеменнику, если бы тот стал проповедовать, что его народу следует отречься от родной веры, языка, культуры и постараться ассимилироваться с соседним народом — скажем, с народом *X*. Всякий, конечно, отнесся бы к такому человеку либо как к сумасшедшему, либо как к одураченному народом *X* типу, утратившему всякое национальное самолюбие, либо, наконец, как к эмиссару народа *X*, присланному вести пропаганду за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, за спиной этого господина всякий, конечно, заподозрил бы шовиниста из народа *X*, руководящего сознательно или бессознательно его словами. Наше отношение к такой проповеди определялось бы отнюдь не тем, что она исходит от соотечественника: мы бы смотрели на нее непременно как на исходящую от того народа, господство которого в данном случае проповедуется. Что наше отношение к подобной проповеди не может не быть самым отрицательным, в этом сомневаться не

приходится. Ни один нормальный народ в мире, особенно народ организованный в государство, не может добровольно допустить уничтожения своей национальной физиономии во имя ассимиляции, хотя бы с более совершенным народом. На шовинистические домогательства иностранцев всякий уважающий себя народ ответит вместе с Леонидом Спартанским: «Приди и возьми» и будет отстаивать свое национальное существование с оружием в руках, хотя бы поражение было неминуемо.

Все это кажется очевидным, а между тем в мире есть масса фактов, противоречащих всему этому. Европейский космополитизм, который, как мы видели выше, есть не что иное, как общеромано-германский шовинизм, распространяется среди неромано-германских народов с большой быстротой и с весьма незначительными затруднениями. Среди славян, арабов, турок, индусов, китайцев и японцев таких космополитов уже очень много. Многие из них даже гораздо ортодоксальнее, чем их европейские собратья, в отвержении национальных особенностей, в презрении ко всякой не романо-германской культуре и пр.

Чем объясняется это противоречие? Почему общеромано-германский шовинизм имеет бесспорный успех у славян, тогда как достаточно малейшего намека на германофильскую пропаганду, чтобы заставить славянина насторожиться? Почему русский интеллигент с возмущением отвергает мысль о том, что он может служить орудием немецких юнкеров-националистов, между тем как подчинение общеромано-германским шовинистам того же русского интеллигента не страшит?

Разгадка кроется, конечно, в гипнозе слов.

Как сказано выше, романо-германцы были всегда столь наивно уверены в том, что только они — люди, что называли себя «человечеством», свою культуру — «общечеловеческой цивилизацией» и, наконец, свой шови-

низм — «космополитизмом». Этой терминологией они сумели замаскировать все то реальное этнографическое содержание, которое на самом деле заключается во всех этих понятиях. Тем самым все эти понятия сделались приемлемыми для представителей других этнических групп. Передавая иноплеменным народам те произведения своей материальной культуры, которые больше всего можно назвать универсальными (предметы военного снаряжения и механические приспособления для передвижения), — романо-германцы вместе с ними подсовывают и свои «универсальные» идеи и подносят их именно в такой форме, с тщательным замазыванием этнографической сущности этих идей.

Итак, распространение так называемого европейского космополитизма среди не-романо-германских народов есть чистое недоразумение. Те, кто поддался пропаганде романо-германских шовинистов, были введены в заблуждение словами «человечество», «общечеловеческий», «цивилизация», «мировой прогресс» и проч. Все эти слова были поняты буквально, тогда как за ними на самом деле скрываются очень определенные и весьма узкие этнографические понятия.

Одураченные романо-германцами «интеллигенты» неромано-германских народов должны понять свою ошибку. Они должны понять, что та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов. Это прозрение, разумеется, должно значительно изменить их отношение к культуре собственного народа и заставить их призадуматься над тем, правы ли они, стараясь, во имя каких-то «общечеловеческих» (а на самом деле романо-германских, т. е. иностранных) идеалов, навязывать своему народу чужую культуру и искоренять в нем черты национальной самобытности. Решить этот вопрос

они могут лишь после зрелого и логического обследования притязаний романо-германцев на звание «цивилизованного человечества». Принять или не принять романо-германскую культуру можно только после решения целого ряда вопросов, а именно:

1) Можно ли объективно доказать, что культура романо-германцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на земле?

2) Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом, притом приобщение без антропологического смешения обоих народов между собой?

3) Является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом?

Вопросы эти обязан поставить и так или иначе разрешить всякий, кто сознает сущность европейского космополитизма как общеромано-германского шовинизма. И только при утвердительном ответе на все эти вопросы всеобщая европеизация может быть признана необходимой и желательной. При отрицательном же ответе эта европеизация должна быть отвергнута, и тут уже должны быть поставлены новые вопросы:

4) Является ли всеобщая европеизация неизбежной?

5) Как бороться с ее отрицательными последствиями?

В последующем изложении мы попытаемся разрешить все поставленные нами вопросы. Для того, однако, чтобы решение их было правильно и, главное, плодотворно, мы должны пригласить наших читателей на время отказаться совершенно от эгоцентрических предрассудков, от кумиров «общечеловеческой цивилизации» и вообще от характерного для романо-германской науки способа мышления. Отказ этот — дело нелегкое, ибо предрассудки, о которых идет речь, глубоко укоренились в сознании всякого европейски «образованного» человека. Но отказ этот необходим в целях объективности.

II

Мы уже указали выше на то обстоятельство, что признание романо-германской культуры, самой совершенной из всех культур, когда-либо существовавших на земле, основано на эгоцентрической психологии. Как известно, в Европе под это представление о высшем совершенстве европейской цивилизации подведен якобы научный фундамент, но научность этого фундамента только кажущаяся. Дело в том, что представление об эволюции в том виде, как оно существует в европейской этнологии, антропологии и истории культуры, само проникнуто эгоцентризмом. «Эволюционная лестница», «ступени развития» — все это понятия глубоко эгоцентрические. В основе их лежит представление о том, что развитие человеческого рода шло и идет по пути так называемого мирового прогресса. Этот путь мыслится как известная прямая линия. Человечество шло по этой прямой линии, но отдельные народы останавливались на разных точках ее и продолжают и сейчас стоять на этих точках, как бы топчась на месте, в то время как другие народы успели продвинуться несколько дальше, остановившись и «топчась» на следующей точке, и т. д. В результате, окинув взглядом общую картину ныне существующего человечества, мы можем увидеть всю эволюцию, ибо на каждом этапе пути, пройденного человечеством, и сейчас стоит какой-нибудь застрявший народ, стоит и «топчется» на месте. Современное человечество в своем целом представляет, таким образом, как бы развернутую и разрезанную на куски кинематограмму эволюции, и культуры различных народов отличаются друг от друга, именно как разные фазисы общей эволюции, как разные этапы общего пути мирового прогресса.

Если допустить, что такое представление об отношении действительности к эволюции верно, то придется признать, что восстановить картину эволюции мы все же

не в состоянии. В самом деле, дабы разобраться в том, какой именно фазис эволюции представляет из себя каждая данная существующая культура, мы должны знать определенно, где лежит начало и где конец прямой линии мирового прогресса: только в этом случае мы можем определить расстояние, отделяющее данную культуру от обеих крайних точек упомянутой лестницы и таким образом определить место этой культуры в общей эволюции. Но узнать начало и конец эволюции мы можем не раньше, чем восстановим общую картину эволюции; таким образом, получается заколдованный круг: для восстановления картины эволюции нам надо знать ее начало и конец, а для того чтобы узнать ее начало и конец, надо восстановить картину эволюции. Ясно, что выйти из этого круга можно лишь в том случае, если каким-нибудь сверхнаучным, иррациональным путем мы постигнем, что та или иная культура есть начало или конец эволюции. Научно, объективно постигнуть этого нельзя, ибо в отдельных культурах при таком представлении об эволюции не может быть заложено ничего такого, что указывало бы на их расстояние от начала или конца эволюции. Объективно мы находим в разных культурах лишь черты большего или меньшего сходства между собой. На основании этих черт мы можем группировать все культуры земного шара так, чтобы культуры наиболее сходные друг с другом стояли рядом, и культуры малосходные — в отдалении друг от друга. Это все, что мы можем сделать, оставаясь объективными. Но даже в этом случае если бы нам удалось это сделать и если бы при этом у нас получилась непрерывная цепь, мы все же не были бы в состоянии, оставаясь вполне объективными, определить, где находится начало и где находится конец этой цепи. Поясним нашу мысль примером. Представьте себе семь квадратов, из каждый которых окрашен в один из цветов радуги, эти квадратики расположены на прямой линии, причем порядок цветов, считая слева направо, — зеленый, голубой, синий, лиловый,

красный, оранжевый, желтый. Теперь смешайте эти квадратики и предложите кому-нибудь, не видевшему их первоначального расположения, расставить их на прямой линии так, чтобы каждый переходный цвет находился между двумя основными. Так как лицо, к которому вы обратились, не знает, что квадратики первоначально были расположены в вышеуказанном порядке, то ясно, что расположить их в совершенно одинаковом порядке оно может только случайно, причем степень случайности будет выражаться отношением 1:14. Совершенно в таком же положении находится исследователь, долженствующий расположить существующие ныне в человечестве народы и культуры в эволюционном порядке: даже если он каждую культуру поместит между двумя наиболее на нее похожими, он все же никогда не будет знать, «с какого конца начать», как и в нашем опыте никто не может догадаться, что надо начинать с зеленого квадратика и что голубой должен стоять не налево, а направо от него. Разница состоит лишь в том, что так как культур, подлежащих группировке, не семь, а гораздо больше, то и возможных решений будет не 14, а гораздо больше, а так как из них верным будет только одно, то вероятность правильного разрешения задачи здесь гораздо меньше, чем в опыте с цветными квадратиками.

Итак если господствующее в европейской науке представление об эволюции верно, то картину эволюции человечества восстановить нельзя. Но, однако, европейцы утверждают, что общую линию этой эволюции они восстановили. Как объяснить это? Неужели произошло чудо, неужели европейские ученые получили из какого-то таинственного источника сверхъестественное откровение, позволившее им найти конец и начало эволюции?

Если присмотреться к результату работы европейских ученых, к той схеме эволюции человечества, которую они восстановили, то сразу становится понятным, что роль этого сверхъестественного откровения на самом

деле сыграла просто-напросто все та же эгоцентрическая психология. Она-то и указала романо-германским ученым, этнологам и историкам культуры, где искать начало и конец развития человечества. Вместо того чтобы, оставаясь объективными и видя безвыходность своего положения, искать причину этой безвыходности в неправильности самого представления об эволюции и постараться плодотворно исправить это представление, — европейцы просто приняли за венец эволюции человечества самих себя, свою культуру и, наивно убежденные в том, что они нашли один конец предполагаемой эволюционной цепи, быстро построили всю цепь. Никому и в голову не пришло, что принятие романо-германской культуры за венец эволюции чисто условно, что оно представляет из себя чудовищное *petitio principii*. Эгоцентрическая психология оказалась настолько сильна, что в правильности этого положения никто и не усомнился, и оно было принято всеми без оговорок, как нечто само собой разумеющееся.

В результате получилась «лестница эволюции человечества». На вершине ее стоят романо-германцы и те народы, которые вполне восприняли их культуру. Ступенью ниже стоят «культурные народы древности», т. е. народы, которые по своей культуре наиболее соприкасаются и сходятся с европейцами. Далее культурные народы Азии: письменность, государственность и некоторые другие пункты культуры этих народов позволяют находить в них некоторое сходство с романо-германцами. Точно так же — «старые культуры Америки» (Мексика, Перу): впрочем, эти культуры несколько менее похожи на романо-германскую и, сообразно с этим, на эволюционной лестнице помещаются несколько ниже. Все же все упомянутые до сих пор народы в своей культуре имеют настолько много черт внешнего сходства с романо-германцами, что их удостоивают лестного звания «культурных». Ниже их стоят уже «малокультурные» народы, и, наконец, совсем внизу помещаются «некультурные», «дикири». Это — те

представители человеческого рода, которые имеют наименьшее сходство с современными романо-германцами.

Согласно такому представлению об эволюционной лестнице, романо-германцы и их культура представляют из себя действительно высшее, что до сих пор достигнуто людьми. Конечно, скромно добавляют романо-германские историки культуры, — со временем «человечество», может быть, пойдет еще дальше, возможно, что обитатели Марса уже и сейчас стоят в культурном отношении выше нас, но на земле в настоящее время мы, европейцы, — совершеннее и выше всех. Но объективной доказательной силы эта эволюционная лестница иметь не может. Не потому романо-германцы признают себя «венцом создания», что объективная наука установила вышеупомянутую лестницу, а, наоборот, европейские ученые помещают на вершине этой лестницы романо-германцев исключительно потому, что заранее убеждены в своем совершенстве. Эгоцентрическая психология здесь сыграла самую решающую роль. Объективно говоря, вся эта лестница представляет из себя классификацию народов и культур по признаку их большего или меньшего сходства с современными романо-германцами. Момент оценки, делающий из этой классификации лестницу ступеней совершенства, не объективен и внесен чисто субъективной эгоцентрической психологией. Таким образом, принятая в европейской науке классификация народов и культур не может объективно доказать превосходства романо-германской цивилизации над культурами других народов. Из того же, что «ржаная каша сама себя хвалит» еще не следует, чтобы это была самая лучшая каша в мире.

Если мы посмотрим, какие доказательства приводятся в пользу большего совершенства романо-германской цивилизации, стоящей на вершине «эволюционной лестницы», по сравнению с культурой «дикарей», «стоящих на самой низкой ступени развития», — то с удивлением заметим, что все эти доказательства основаны либо на

petitio principii эгоцентрических предрассудков, либо на оптическом обмане, вызванном той же эгоцентрической психологией. Объективных научных доказательств нет вовсе.

Самое простое и наиболее распространенное доказательство заключается в том, что европейцы-де фактически побеждают дикарей; что каждый раз, когда дикари вступают в борьбу с европейцами, борьба кончается победой «белых» и поражением «дикарей». Грубость и наивность этого доказательства должна быть ясна для всякого объективно мыслящего человека. Этот аргумент ясно показывает, насколько поклонение грубой силе, составлявшее существенную черту национального характера тех племен, которые создали европейскую цивилизацию, живет и по сие время в сознании каждого потомка древних галлов и германцев. Галльское «*Vae victis!*» и германский вандализм, систематизированные и углубленные традициями римской солдатчины, — выступают здесь во всей красе, хотя и прикрытые маской объективной научности. А между тем этот аргумент можно встретить и у самых просвещенных европейских «гуманистов». Разбирать его логическую несостоятельность, конечно, не стоит. Хотя европейцы и пытаются облекать его в научную форму, подводя под него фундамент в виде теории «борьбы за существование» и «приспособления к среде», но последовательно провести такую точку зрения в истории они все-таки не могут. Им постоянно приходится признавать, что победа весьма часто выпадает на долю народов «менее культурных», чем побеждаемые ими туземцы. В истории нередки случаи победы кочевников над оседлыми народами (а между тем кочевники, так сильно отличающиеся по своему быту от современных романо-германцев, на эволюционной лестнице всегда помещаются ниже оседлых народов). Все признаваемые европейской наукой «великие культуры древности» были разрушены именно «варварами», и хотя часто в оправдание выдвигается указание

на то, что эти культуры к моменту своего разрушения уже перешли-де в состояние упадка и вырождения, но в целом ряде случаев этого доказать никак невозможно. А раз европейская наука не может признать положения о том, чтобы народ-победитель в культурном отношении всегда был совершеннее народа побежденного, то из одного факта победы европейцев над дикарями никаких положительных выводов сделать нельзя.

Другой аргумент, не менее распространенный, но еще менее состоятельный, заключается в том, что «дикари» неспособны воспринять некоторых европейских понятий, и потому и должны рассматриваться как «низшая раса». Здесь эгоцентрическая психология особенно ярка. Европейцы совершенно забывают, что если «дикари» не способны воспринять некоторых понятий европейской цивилизации, то ведь и европейцы так же малоспособны проникнуться понятиями культуры дикарей. Часто вспоминают рассказ о каком-то папуасе, которого вывезли в Англию, воспитали в колледже и даже отдали в университет; вскоре, однако, он стосковался по родине, бежал на родину и там, сбросивши европейский костюм, стал опять жить таким же «дикарем», каким был до поездки в Англию, так что от понятий европейской культуры и в нем не осталось и следа. При этом, однако, совершенно забывают многочисленные анекдоты о европейцах, решивших «упроститься», поселившихся для этой цели среди «дикарей», но по прошествии некоторого времени все же не выдержавших этой марки и вернувшихся в Европу к европейским условиям жизни. Указывают на то, что восприятие европейской цивилизации настолько трудно для «дикарей», что многие из них, попытавшись «цивилизиться», сошли с ума или стали алкоголиками. Однако в тех, правда, весьма редких случаях, когда отдельные европейцы добросовестно пытались ассимилироваться с культурой какого-нибудь дикого племени, принять не только внешний материальный быт этого племени, но и

его религию и убеждения, — этих «чудаков» большей частью постигала та же участь. Достаточно упомянуть талантливого французского живописца Гогена, попытавшегося стать настоящим таитянином, поплатившегося за эту попытку помешательством, а позднее и алкоголизмом и окончившего жизнь бесславной смертью в пьяной драке. Очевидно, дело тут не в том, что «дикари» по своему развитию ниже европейцев, а в том, что развитие европейцев и дикарей направлено в разные стороны, что европейцы и «дикари», по всему своему житейскому укладу и по вытекающей из этого уклада психологии, максимально отличаются друг от друга. Именно потому, что психология и культура «дикарей» не имеет почти ничего общего с психологией и культурой европейцев, полная ассимиляция с этим чуждым бытовым и духовным укладом невозможна как для той, так и для другой стороны. Но так как эта невозможность остается взаимной и для европейца стать дикарем так же трудно, как для «дикаря» стать европейцем, то из этого всего нельзя сделать никакого вывода о том, кто «выше» и кто «ниже» по своему «развитию».

Разобранные нами до сих пор «аргументы» в пользу превосходства европейцев над «дикарями» хотя и встречаются иногда в ученых работах, но все же являются скорее обывательскими рассуждениями, наивными и поверхностными. В научной литературе господствуют другие аргументы, имеющие вид гораздо более серьезный и основательный. Однако при более тщательном рассмотрении эти квази-научные аргументы тоже оказываются основанными на эгоцентрических предрассудках. В науке весьма часто можно встретить сближение психологии дикарей с психологией детей. Это сближение напрашивается само собой, ибо при непосредственном наблюдении дикари действительно производят на европейцев впечатление взрослых детей. Из этого делают вывод, что дикари «остановились в своем развитии» и что, следовательно, они стоят ниже истинно взрослых европейцев. В этом

пункте европейские ученые опять проявляют отсутствие объективности. Они совершенно обходят без внимания тот факт, что впечатление «взрослых детей» при соприкосновении европейцев с «дикарями» является взаимным, т. е. что дикари тоже смотрят на европейцев как на взрослых детей. Факт этот, с психологической точки зрения, весьма интересен, и объяснения его следует искать, конечно, в самой сущности того, что европейцы обозначают словом дикарь. Выше мы уже сказали, что под словом «дикари» европейская наука собственно понимает народы, по своей культуре и психологии наиболее отличающиеся от современных романо-германцев. В этом-то обстоятельстве и следует искать объяснения упомянутой психологической загадки. Надо иметь в виду следующие положения:

1. Психика каждого человека состоит из элементов врожденных и благоприобретенных.

2. Среди черт врожденной психики надо различать черты индивидуальные, семейные, племенные, расовые, общечеловеческие, общемлекопитающие и общеживотные.

3. Благоприобретенные черты стоят в зависимости от среды, в которой вращается данный субъект, от традиции его семьи и социальной группы и от культуры его народа.

4. В самом раннем детстве вся психика состоит исключительно из черт врожденных; с течением времени к ним присоединяются все в большей степени черты благоприобретенные, причем некоторые из врожденных черт вследствие этого затушевываются или вовсе исчезают.

5. В психологии каждого человека нам непосредственно понятны и доступны только те черты, которые общи у него с нами.

Из этих положений следует, что когда два человека, принадлежащие к совершенно одинаковой среде и воспитанные в совершенно одинаковых культурных традициях, встречаются друг с другом, они оба понимают друг в друге

почти все черты психики, так как все эти черты, за исключением некоторых врожденных индивидуальных, у них обоих общие. Но когда друг с другом встречаются два человека, принадлежащие к двум совершенно различным культурам, совершенно не похожим одна на другую, то каждый из них в психике другого усмотрит и поймет лишь некоторые врожденные черты, а приобретенных не поймет и, может быть, не заметит вовсе, ибо в этой области между двумя встретившимися нет ничего общего. Чем больше отличается культура наблюдателя от культуры наблюдаемого, тем меньше черт приобретенной психики первый воспринимает во втором и тем больше психология этого наблюдаемого будет представляться наблюдателю состоящей исключительно из врожденных черт. Но психика, в которой врожденные черты преобладают над приобретенными, всегда производит впечатление элементарной. Всякую психику можно представить себе как некоторую дробь, в которой числитель есть общая сумма доступных нашему восприятию врожденных черт, а знаменатель — общая сумма черт приобретенных: эта психика будет казаться тем более элементарной, чем дробь меньше (т. е. чем отношение знаменателя к числителю больше). Из приведенных выше положений 3-го и 5-го явствует, что дробь будет тем меньше, чем больше отличается культура и социальная среда наблюдаемого от культуры и социальной среды наблюдателя.

Так как «дикари» суть, иначе говоря, те народы, которые по своей культуре и по своему быту сильнее всего отличаются от современных европейцев, то ясно, что их психика должна представляться европейцам исключительно элементарной; но из всего предшествующего ясно также и то, что это впечатление должно быть взаимным. Представление о «дикарях» как о «взрослых детях» основано на этом оптическом обмане. Мы воспринимаем в психологии дикаря только черты врожденной психики, ибо только эти черты у нас с ним общие (положение 5),

благоприобретенные же совершенно чужды и непонятны нам, так как они основаны на его культурных традициях (положение 3), совершенно отличных от наших; но психология, в которой врожденные черты преобладают, а благоприобретенные почти отсутствуют, — есть психология детская (положение 4). Потому-то «дикарь» и кажется нам ребенком. В этом представлении играет роль также и другое обстоятельство. Если мы будем сравнивать между собой психологию двух детей, маленького «дикаря» и маленького европейца, то найдем, что в психическом отношении оба ребенка гораздо ближе друг к другу, чем их отцы; у них еще нет благоприобретенных черт, имеющих появиться позднее, зато у них много общих элементов, входящих в общечеловеческую, общемлекопитающую и общеживотную психологию, а отличия, вносимые расовой, племенной, семейной и индивидуальной психиками, не так велики. С течением времени некоторая часть этого общего запаса врожденных черт будет вытеснена или видоизменена благоприобретенными, а другая часть сохранится без изменений. Но самые эти части у обоих сравниваемых субъектов будут различны. У дикаря утратится *A* и сохранится *B*, *C*, у европейца утратится *B*, сохранится *A*, *C*; к этому присоединятся у дикаря благоприобретенные черты *D*, а у европейца — благоприобретенные черты *E*. Когда взрослый европеец встретится со взрослым дикарем и станет наблюдать его, он найдет в психике дикаря части *B*, *C*, *D*. Из этих частей *D* окажется для европейца совершенной чуждой и непонятной, так как эта часть психики дикаря, как благоприобретенная, стоит в связи с культурой дикаря, не имеющей ничего общего с европейской. Часть *C* является общей у взрослого дикаря со взрослым европейцем, а потому вполне понятна для этого последнего. Что касается до части *B*, то ее в психике взрослого европейца нет, но этот европеец помнит, что эта часть была у него в раннем детстве, и может наблюдать ее и сейчас в психике детей своего народа. Таким образом,

психика дикаря должна представляться европейцу непременно как смесь элементарных черт взрослой психологии с чертами детскими. Нечего и говорить, что в таком же виде должны представляться и дикарю психика европейца по тем же причинам.

Оптический обман, о котором мы только что говорили, является причиной и другого явления, именно того сходства, которое находят европейцы между психологией дикаря и психологией животных. Выше мы сказали, что в психологическом отношении маленький дикарь очень мало отличается от маленького европейца. Если мы к этим двум младенцам прибавим еще молодое животное, то принуждены будем признать, что между всеми этими тремя существами есть кое-что общее — черты общеплекопитающей и общеживотной психологий. Этих черт, может быть, и не очень много, но все же они существуют; допустим, это элементы x , y , z . Позднее маленький европеец, развиваясь, утратит x , дикарь — y , а животное сохранит как x , так и y и z . Но те черты животной психики, которые сохранятся во всех названных существах, сохранятся, конечно, не совсем в том виде, в котором они имелись в младенчестве у этих существ, ибо элементы психики взрослого животного всегда отличаются известным образом от тех элементов психики молодых животных, из которых они развились. Сообразно с этим, x , y и z у взрослого животного примут вид x' , y' , z' , элементы y , z у европейца — вид y' , z' , элементы x , z у взрослого дикаря — вид x' , z' . Когда взрослый европеец наблюдает взрослого дикаря, он усматривает в нем, между прочим, черту x' . Как истолкует он эту черту? В его собственной психике ее нет. В психике детей его племени она имеет другой вид, именно x . Зато в психике взрослых животных европеец прямо может видеть x . Естественно поэтому, что он определит эту черту как «животную» и благодаря ее наличности в психологии дикаря будет считать этого последнего человеком близким к животным по своему

развитию. Все это, конечно, применимо и к дикарю, который, усмотрев в европейце черту y' , чуждую его собственной психологии, но наблюдаемую им у животных, истолкует эту черту совершенно так же, как европеец толкует черту x' в психике дикаря.

Все вышесказанное объясняет нам то непосредственное впечатление, которое получают друг от друга люди, принадлежащие к племенам с максимально отличающимися друг от друга культурами. Каждый из этих людей видит и понимает в другом только то, что у него с ним общее, т. е. только черты врожденной психики, и уже поэтому непременно будет считать психологию наблюдаемого исключительно элементарной. Усматривая в наблюдаемом черты, знакомые ему самому из собственного детства, но позднее утраченные, наблюдатель будет считать наблюдаемого субъекта человеком, остановившимся в своем развитии, человеком хотя и взрослым, но наделенным чертами детской психики. Далее, некоторые черты наблюдаемого покажутся наблюдателю близкими к психологии животных. Что касается до неэлементарных черт наблюдаемого, то будучи благоприобретенными и, следовательно, связанными с чуждой для наблюдателя культурой, они останутся совершенно непонятными и будут казаться наблюдателю какими-то странностями, чудачеством. Соединение элементарности, детскости и непонятного чудачества делает человека максимально чуждой культуры каким-то нелепым существом, не то уродливой, не то комической фигурой. Это впечатление совершенно взаимно. При встрече друг с другом двух представителей максимально различных культур оба они кажутся друг другу смешными, уродливыми, словом — «дикими». Мы знаем, что европеец испытывает точно такие чувства при виде «дикаря», но знаем и то, что «дикари» при виде европейца либо пугаются, либо встречают каждое его проявление взрывами гомерического смеха.

Таким образом, представление об элементарности психики дикаря, о ее близости к детской и к животной психологии основано на оптическом обмане. Этот обман сохраняет свою силу не только по отношению к дикарям, т. е. к народам, по своей культуре максимально отличающимся от современных романо-германцев, но и ко всем вообще народам с неромано-германской культурой. Разница будет только в степени. При наблюдении над представителем «не нашей» культуры мы будем понимать из его благоприобретенных психических черт только такие, которые имеются и у нас, т. е. связаны с элементами культуры, общими ему и нам. Черты благоприобретенные, но основанные на таких сторонах его культуры, которые не находят себе эквивалента в нашей культуре, останутся для нас непонятными. Что же касается до элементов врожденной психики, то они почти все окажутся понятными для нас, причем часть их будет казаться детскими чертами. Благодаря тому, что врожденную психику этого наблюдаемого нами народа мы поймем почти всю целиком, а благоприобретенную — только поскольку культура этого народа похожа на нашу, соотношение врожденной и благоприобретенной стороны его психики будет представляться нам всегда неправильно, с перевесом на стороне врожденной, причем этот перевес будет тем сильнее, чем сильнее культура данного народа отличается от нашей. Естественно поэтому, что психика народа с культурой, непохожей на нашу, будет нам всегда казаться элементарнее, чем наша собственная.

Заметим, кстати, что такая оценка чужой психики наблюдается не только между двумя народами, но и между разными социальными группами одного и того же народа, если социальные различия в этом народе очень сильны и если высшие классы приняли иноземную культуру. Многие русские интеллигенты, врачи, офицеры, сестры милосердия, общаясь с «простым народом», говорят, что это — «взрослые дети». С другой стороны, «простой народ», судя

по его сказкам, усматривает в «барине» известное чудачество и черты наивной полудетской психологии.

Несмотря на то, что представление европейца о психике дикаря основано на оптическом обмане, оно тем не менее играет самую выдающуюся роль во всех квазинаучных построениях европейской этнологии, антропологии и истории культуры. Главное последствие, которое имело это представление для методологии названных наук, заключалось в том, что оно позволило романо-германским ученым объединить в одну группу самые разнообразные народы земного шара под общим именем «дикарей», «малокультурных» или «первобытных народов». Мы уже говорили, что под этими названиями надо понимать народы, максимально отличающиеся от современных романо-германцев по своей культуре. Это — единственный общий признак всех этих народов. Признак этот — чисто субъективный и притом отрицательный. Но так как он породил оптический обман и основанную на этом обмане одинаковую оценку психики всех этих народов со стороны европейцев, то эти последние приняли свою оценку за объективный и положительный признак и объединили все народы, одинаково далекие от современных романо-германцев по своей культуре, в одну группу «первобытных». Что таким образом в одну общую группу попали народы, по существу, совершенно друг на друга непохожие (например, эскимосы и кафры), — с этим европейские ученые не считаются, ибо различия между отдельными «первобытными народами», основанные на особенностях их культур, одинаково отдаленных от романо-германской, европейцу все одинаково чужды и непонятны, а потому и пренебрегаются учеными как маловажные и вторичные признаки. И с этой группой, с этим понятием «первобытные народы», основанным, по существу, на субъективном и отрицательном признаке, европейская наука оперирует, не задумываясь, как с вполне реальной и однородной величиной. Такова сила

эгоцентрической психологии в европейской эволюционной науке.

На том же оптическом обмане и на связанной с ним привычке квалифицировать народы по степени их сходства с современными романо-германцами основан еще один аргумент в пользу превосходства романо-германской цивилизации над всеми прочими культурами земного шара. Этот аргумент, который можно назвать «историческим», считается в Европе самым веским, и на него историки культуры особенно охотно ссылаются. Суть его состоит в том, что предки современных европейцев первоначально тоже были дикарями и что, таким образом, современные дикари стоят до сих пор на той ступени развития, через которую европейцы давно уже прошли. Аргумент этот подтверждают археологическими находками и свидетельствами древних историков, показывающих, что быт отдаленных предков современных романо-германских народов отличался всеми типичными чертами быта современных дикарей.

Призрачность этого аргумента становится очевидной, лишь только мы вспомним искусственность самого понятия «дикари» или «первобытные народы», понятия, объединяющего самые различные племена земного шара по одному лишь признаку их максимального отличия от современных романо-германцев.

Как всякая культура, европейская культура изменялась непрерывно и пришла к современному своему состоянию лишь постепенно, в результате долгой эволюции. В каждую историческую эпоху эта культура была несколько иной. Естественно при этом, что в эпохи более близкие к современности и культура европейцев была ближе к современному своему состоянию, чем в эпохи более отдаленные. В самые отдаленные эпохи культура народов Европы отличалась от современной цивилизации сильнее всего; в эти эпохи культура предков европейцев представляла максимальное отличие от современности.

Но все культуры, максимально отличающиеся от современной европейской цивилизации, неизменно относятся европейскими учеными в общую группу «первобытных». Естественно поэтому, что и культура отдаленных предков современных романо-германцев должна попасть в ту же рубрику. Никакого положительного вывода из этого сделать нельзя. Ибо ввиду отрицательности понятия «первобытная культура» тот факт, что эпитет «первобытная» прилагается европейскими учеными как к культуре древнейших предков романо-германцев, так и к культуре современных эскимосов и кафров, еще не свидетельствует о том, чтобы все эти культуры были тождественны между собой, а лишь о том, что все они одинаково непохожи на современную европейскую цивилизацию.

Здесь мы считаем уместным коснуться еще одной подробности в учении европейской науки о дикарях, подробности, стоящей в теснейшей связи с только что разобранным «историческим аргументом». Именно в тех — в общем, сравнительно редких — случаях, когда европейцам удается проникнуть в историю какого-нибудь современного «дикого» племени, неизменно оказывается, что культура этого племени в течение своей истории либо совсем не изменялась, либо «пошла назад», в каком-то случае современные дикари представляют из себя результат регресса, постепенного одичания народа, стоявшего некогда на «более высокой ступени развития». Это обстоятельство зависит опять-таки все от того же оптического обмана и от эгоцентрических предрассудков. Всего лучше происхождение этого взгляда на историю дикарей можно изобразить графически. Представим себе круг, в центре которого (в точке *A*) стоит современная европейская культура. Радиус этого круга изображает максимальное отличие от современных романо-германцев: таким образом, культура всякого современного «дикого» племени может быть изображена точкой *B* на окружности круга. Но в эту точку культура дикаря попала сейчас. Раньше культура эта

имела другой вид и, поэтому, более ранняя историческая форма этой культуры должна быть изображена точкой C , не совпадающей с B . Где может лежать эта точка? Возможны три случая. Во-первых, C может лежать на каком-нибудь другом месте окружности того же круга.

В этом случае, согласно положению, расстояние AC будет равно AB . Другими словами, окажется, что культура данного «дикаря» в предшествующую историческую эпоху отличалась от современной европейской культуры максимально. А так как все максимально отличные от европейской цивилизации культуры европейская наука валит в одну кучу «первобытных», то европейский ученый в данном случае не уловит никакого прогресса, а признает неподвижность, застой, как бы ни велика была дуга CB , изображающая путь, пройденный культурой данного «дикаря» в эту историческую эпоху.

Второй случай: C лежит внутри круга. В этом случае расстояние AC окажется меньше расстояния AB , другими словами, движение культуры у дикаря шло, удаляясь по отношению к точке, изображающей современную культуру европейцев. Ясно, что европейский ученый, считающий свою цивилизацию верхом достигнутого на земле совершенства, может назвать такое движение только «регрессом», «упадком», «одичанием».

Наконец, третий случай: C лежит за пределами круга. Здесь расстояние AC оказывается больше радиуса AB , т. е. больше максимального расстояния от культуры современных романо-германцев. Но величины большие, чем максимальные, человеческому уму и ощущениям не доступны. Кругозор европейца, стоящего в точке A нашего чертежа, ограничен окружностью нашего круга, и все, что стоит вне этого круга, им уже не различается. Поэтому европейцу, естественно, придется проектировать точку C на окружность в виде c' , и третий случай сведется к первому — к представлению о неподвижности или застою.

Таким же образом как историю дикарей, расценивает европеец и истории других народов, культура которых более или менее отличается от современной романо-германской. Строго говоря, настоящий «прогресс» наблюдается только в истории самих романо-германцев, ибо в ней естественно имеет место постоянное постепенное приближение к современному состоянию [романо-германской] культуры, произвольно объявленному верхом совершенства. Что касается до истории неромано-германских народов, то если она не кончается заимствованием европейской культуры, все последние, ближайšie к нашим дням этапы этой истории, согласно всему вышесказанному, неизбежно должны рассматриваться европейскими учеными как эпоха застоя или упадка. Только когда такой неромано-германский народ отказывается от своей национальной культуры и предается слепому подражанию европейцам, романо-германские ученые с удовольствием отмечают, что этот народ «вступил на путь общечеловеческого прогресса».

Итак, «исторический аргумент», самый веский и убедительный в глазах европейцев, на поверку оказался столь же малодоказательным, как и все прочие аргументы в пользу превосходства романо-германцев над дикарями. Многим может показаться, что мы занимаемся софистикой и жонглируем общими понятиями. Многие скажут, что, несмотря на всю логичность наших рассуждений, превосходство европейца над дикарем все же остается несомненной, объективной и самоочевидной истиной, которую именно поэтому нельзя доказывать: аксиомы недоказуемы, как недоказуемы и факты нашего непосредственного восприятия, например, тот факт, что бумага, на которой я пишу, бела. Однако очевидность только тогда не требует доказательств, когда она объективна. Субъективно для меня может быть вполне очевидно, что я во всех отношениях лучше и умнее моего знакомого *N*, но, так как ни для самого *N*, ни для многих других наших

общих с ним знакомых этот факт не очевиден, я не могу считать его объективным. А между тем вопрос о превосходстве европейца над дикарями носит именно такой характер: не забудем, что разрешать его хотят сами же европейцы, романо-германцы, или люди, хотя и не принадлежащие к их расе, но загипнотизированные их престижем, находящиеся под полным их влиянием. Если для этих судей превосходство романо-германцев очевидно, то очевидность эта не объективна, а субъективна и потому требует еще объективных доказательств. А таких доказательств нет: предшествующее изложение достаточно ясно показало это.

Нам говорят: сопоставьте умственный багаж культурного европейца с умственным багажом какого-нибудь бушмена, ботокуда или веддаса — разве превосходство первого над вторым не очевидно? Однако мы утверждаем, что очевидность тут только субъективная. Лишь только мы дадим себе труд добросовестно и без предубеждения вникнуть в дело, очевидность пропадает. Дикарь — хороший дикарь-охотник, обладающий всеми качествами, которые ценит в человеке его племя (а только такой дикарь и может быть сравниваем с настоящим культурным европейцем), — хранит в своем уме огромный запас всевозможных познаний и сведений. Он в совершенстве изучил жизнь окружающей его природы, знает все привычки животных, такие тонкости в их быте, которые ускользают от пытливого взора самого внимательного европейского натуралиста. Все эти познания хранятся в уме дикаря далеко не в хаотическом беспорядке. Они систематизированы — правда, не по тем рубрикам, по которым расположил бы их европейский ученый, но по другим, наиболее удобным для практических целей охотничьего быта. Кроме этих практически научных познаний, ум дикаря вмещает в себе зачастую довольно сложную мифологию его племени, кодекс его морали, правила и предписания этикета, иногда тоже весьма сложного, наконец, более или

менее значительный запас произведений изустной литературы своего народа. Словом, голова дикаря «набита» основательно, несмотря на то что материал, ее «набивающий», совершенно иной, чем тот, который наполняет голову европейца. А вследствие этой разнородности материала умственной жизни дикаря и европейца их умственные багажи следует признать несравнимыми и несоизмеримыми между собой, почему вопрос о превосходстве одного над другим надо считать неразрешимым.

Указывают на то, что европейская культура во многих отношениях сложнее культуры дикаря. Однако такое соотношение обеих культур наблюдается далеко не во всех их сторонах. Культурные европейцы гордятся изысканностью своих манер, тонкостью своей вежливости. Но не подлежит сомнению, что правила этикета и условности общежития у многих дикарей гораздо сложнее и более детально разработаны, чем у европейцев, не говоря уже о том, что этому кодексу хорошего тона подчиняются все члены «дикого» племени без исключения, тогда как у европейцев хороший тон является уделом только высших классов. В заботе о наружности «дикари» часто проявляют гораздо больше сложности, чем многие европейцы: вспомним сложные приемы татуировки австралийцев и полинезийцев или сложнейшие прически африканских красавиц. Если все эти осложнения можно отнести на долю нецелесообразного чудачества, то есть в жизни некоторых дикарей и некоторые несомненно целесообразные институты гораздо более сложные, чем соответствующие им европейские. Возьмем, например, отношение к половой жизни, к семейному и брачному праву. Как элементарно разрешен этот вопрос в романо-германской цивилизации, где моногамная семья существует официально, покровительствуемая законом, а рядом с ней уживается разнузданная половая свобода, которую общество и государство теоретически осуждают, но практически допускают. Сравните с этим детально продуманный институт

групповых браков у австралийцев, где половая жизнь поставлена в строжайшие рамки и, при отсутствии индивидуального брака, приняты меры как для обеспечения детей, так и для недопущения кровосмешений.

Вообще говоря, большая или меньшая сложность ничего не говорит о степени совершенства культуры. Эволюция так же часто идет в сторону упрощения, как и в сторону усложнения. Поэтому степень сложности никак не может служить мерилom прогресса. Европейцы прекрасно понимают это и применяют это мерило только тогда, когда оно удобно для их целей самовосхваления. В тех случаях, когда другая культура, например, та же культура дикарей, в каком-нибудь отношении оказывается сложнее европейской, европейцы не только не считают эту большую сложность мерилom прогресса, но даже, наоборот, объявляют, что в данном случае усложнение есть признак «первобытности». Так толкует европейская наука все вышеупомянутые случаи: сложный этикет дикарей, их забота о сложном украшении тела, даже хитроумная система австралийского группового брака — все это оказывается проявлением низкой степени культуры. Заметим, что при этом европейцы совершенно не считаются уже и со своим излюбленным «историческим аргументом», разобранным выше: в праистории галлов и германцев (да и самих римлян) никогда не было момента, когда все упомянутые, якобы первобытные, стороны жизни «дикарей» нашли бы себе проявление. О тщательном украшении тела, о татуировке или о фантастически сложных прическах отдельные предки романо-германцев не имели никакого понятия, вежливость и «манеры» были у них в гораздо большем пренебрежении, чем у современных немцев и американцев, а семья испокон веков строилась по одному и тому же образцу. Европейцы не считаются с историческим аргументом и в целом ряде других случаев, в которых его логическое применение говорило бы не в пользу европейской цивилизации. Многое из того, что в современной

Европе считается последним криком цивилизации или вершиной еще не достигнутого прогресса, встречается у дикарей, но тогда объявляется признаком крайней первобытности. Футуристические картинки, нарисованные европейцами, считаются признаком высокого утончения эстетического вкуса, но совершенно подобные им произведения «дикарей» — наивными попытками, первыми пробуждениями первобытного искусства. Социализм, коммунизм, анархизм — все это «светлые идеалы грядущего высшего прогресса» — но только лишь тогда, когда их проповедует современный европеец. Когда же эти «идеалы» оказываются осуществленными в быте дикарей, они сейчас же обозначаются как проявление первобытной дикости.

Объективных доказательств превосходства европейца над дикарями нет и не может быть потому, что при сравнении разных культур между собой европейцы знают лишь одно мерило: что похоже на нас — лучше и совершеннее всего, что на нас не похоже.

Но если так, если европейцы не совершеннее дикарей, то та эволюционная лестница, о которой мы говорили в начале этой главы, должна обрушиться. Если вершина ее не выше ее основания, то, очевидно, она не выше и других ступеней, находящихся между ней и ее основанием. Вместо лестницы мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства — новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо. Только вполне преодолев этот глубоко вкоренившийся

эгоцентрический предрассудок и изгнав его последствия из самих методов и выводов, до сих пор строившихся на нем, европейские эволюционные науки, в частности, этнология, антропология и история культуры, станут настоящими научными дисциплинами. До тех пор они являются в лучшем случае средством морочить людей и оправдывать перед глазами романо-германцев и их приспешников империалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство «великих держав» Европы и Америки.

Итак, на первый из поставленных выше вопросов, на вопрос «Можно ли объективно доказать, что культура современных романо-германцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на земле?», приходится ответить отрицательно.

III

Теперь попытаемся ответить на вопрос «Возможно ли полное приобщение какого-нибудь народа к культуре, созданной другим народом?» Под полным приобщением мы разумеем, конечно, такое усвоение культуры чужого народа, после которого эта культура для заимствующего народа становится как бы своей и продолжает развиваться в этом народе совершенно параллельно с ее развитием у того народа, от которого она позаимствована, так что оба — создатель культуры и заимствователь — сливаются в одно культурное целое.

Для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный в такой форме, нужно, конечно, знать законы жизни и развития культуры. Между тем европейская наука в этой области не знает почти ничего, так как, находясь на том ложном пути, на котором стоят все европейские эволюционные науки благодаря эгоцентрическим предрассуд-

кам, о которых мы говорили выше, социология до сих пор не могла выработать ни объективных научных методов, ни тем более сколько-нибудь достоверных выводов и пребывает на ступени развития алхимии. Кое-какие правильные точки зрения на метод, которым должна бы пользоваться социология, и кое-какие верные взгляды на истинную сущность механики или динамики социальных явлений можно найти разбросанными у отдельных европейских социологов, которые, однако, сами никогда своих методологических принципов до конца не выдерживают и неизменно впадают в основанное на эгоцентризме обобщение относительно развития «человечества». Эта страсть к поспешным обобщениям, всегда неверным вследствие ложности основных понятий «человечества», «прогресса», «первобытности» и пр., — эта страсть существует у всех социологов и особенно затрудняет пользование их выводами. Крупнейший европейский социолог прошлого века, к сожалению, сравнительно малоизвестный и неправильно оцененный в Европе, французский ученый Габриэль Тард в своих общих воззрениях на природу социальных процессов и на методы социологии подошел к истине, пожалуй, ближе, чем другие. Но страсть к обобщениям и стремление сейчас же после определения элементов социальной жизни дать картину всей эволюции «человечества» погубили и этого остроумного исследователя. К тому же, пропитанный, как и все европейцы, эгоцентрическими предрассудками, он не может встать на точку зрения равноценности и качественной несоизмеримости народов и культур, не может мыслить «человечество» иначе, как стройное единое целое, отдельные части которого расположены на эволюционной лестнице, наконец, не может порвать с понятием «общечеловеческого» или «мирового прогресса». Таким образом, хотя мы примыкаем в целом ряде важных пунктов к социологическим учениям Тарда, тем не менее в

его теории нам приходится вводить некоторые весьма существенные поправки. С точки зрения этой-то социологической системы мы и подойдем к решению поставленного выше вопроса.

Жизнь и развитие всякой культуры состоит из непрерывного возникновения новых культурных ценностей. Под «культурной ценностью» мы разумеем всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: это может быть и норма права, и художественное произведение, и учреждение, и техническое приспособление, и научное или философское положение, — поскольку все эти вещи отвечают определенным физическим или духовным потребностям или для удовлетворения этих потребностей приняты всеми или частью представителей данного народа. Возникновение каждой новой культурной ценности можно назвать общим именем «открытия» (*invention* — термин Тарда). Каждое открытие представляет из себя комбинацию двух или нескольких уже существующих культурных ценностей или их различных элементов, причем, однако, новое открытие неразложимо вполне на свои составные части и заключает в себе всегда некоторый плюс в виде, во-первых, способа самой комбинации и, во-вторых, отпечатка личности творца. Раз возникнув, открытие распространяется среди других людей путем «подражания» (*imitation* — тоже термин Тарда), причем это слово надо понимать в самом широком смысле, начиная с воспроизведения самой культурной ценности или воспроизведения способа удовлетворять данную потребность при помощи этой ценности и до «симпатического подражания», т. е. подчинения созданной норме, усвоения данного положения, предполагаемого истинным, или преклонения перед достоинством данного произведения. В процессе подражания данное новшество может столкнуться и вступить в противоречие с другим или с уже признанной раньше культурной ценностью, в каковом

случае между ними завязывается борьба за первенство (*duel logique* Тарда), в результате которой одна из этих ценностей вытесняется другой. Только преодолев все эти препятствия и распространившись путем подражания на все социальное целое, данное открытие становится фактом социальной жизни, элементом культуры. Культура в каждый данный момент представляет из себя сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа. Таким образом, сущность развития и жизни культуры сводится к двум элементарным процессам: «открытие» (*invention*) и «распространение» (*propagation*) с необязательным, но почти неизбежным дополнением «борьбы за признание» (*duel logique*). Нетрудно видеть, что оба основных процесса имеют между собой много общего: поскольку открытие является всегда навеянным предшествующими открытиями или, лучше сказать, уже существующими культурными ценностями, его можно рассматривать как комбинированное подражание или, выражаясь словами Тарда, как столкновение в индивидуальном сознании двух или нескольких подражательных волн (*ondes immitatives*). Отличие состроит лишь в том, что при открытии между сталкивающимися ценностями не происходит борьбы (*duel logique*) в узком смысле этого слова; что ни одна из ценностей не вытесняет другую, а, наоборот, все они синтезируются и соединяются в одно целое, тогда как при распространении столкновение ценностей не создает новой, а лишь устраняет одну из борющихся сторон. Поэтому и «открытие», и «распространение» могут рассматриваться как две стороны одного и того же процесса «подражания» (*immitation*). Особенность учения Тарда состоит именно в том, что как элемент социальной жизни он принимает только один элементарный психический процесс подражания, протекающий всегда в индивидуальном мозгу, но вместе с тем устанавливающий связь между отдельным индивидуумом и другими людьми и

поэтому относящийся не к чисто индивидуальной психологии, а к психологии «междуиндивидуальной» (interpsychologie).

Теперь постараемся ясно представить себе те условия, которые необходимы для непрерывного появления открытий, иначе говоря, для развития культуры. Прежде всего, для этого необходимо существование в сознании данной культурной среды всего запаса уже созданных и прошедших через стадию борьбы культурных ценностей. Это необходимо, во-первых, потому, что, как сказано выше, всякое новое открытие всегда слагается из элементов уже существующих культурных ценностей — согласно принципу *ex nihilo nihil fit*. Кроме того, имея целью удовлетворить известную потребность, всякое новое открытие в то же время вызывает новые потребности или видоизменяет старые, делая необходимым искание новых путей к удовлетворению этих новых потребностей; все это делает совершенно необходимой теснейшую связь новых открытий с уже существующим общим запасом культурных ценностей. Этот общий запас культурных ценностей, иначе говоря, инвентарь культуры, для успешного дальнейшего развития должен передаваться путем традиции, т. е. всякое молодое поколение должно усваивать, путем подражания старшим, культуру, в которой выросло предшествующее поколение и которую это поколение, в свою очередь, получило от своих предшественников. Для каждого поколения полученная таким путем традиции культура является исходной точкой дальнейших открытий, и это обстоятельство является одним из непеременимых условий непрерывности и органичности развития культуры. Наконец, кроме традиции, самую важную роль в развитии культуры играет наследственность (фактор, недооцененный Тардом). Наследственность дополняет собой традицию, и при помощи ее из поколения в поколение передаются вкусы, предрасположения и темпераменты тех, кто творил культурные ценности в прошлом, что и

способствует органичности всего развития культуры. Для процесса распространения открытий (*propagation des inventions*), составляющего другую столь же существенную часть развития культуры, в общем, необходимы те же условия, что и для самого возникновения открытий. Наличие общего запаса культурных ценностей необходима ввиду того, что именно этот запас определяет собой те потребности, которые должно удовлетворять открытие, а между тем открытие может привиться только в том случае, если потребность, вызвавшая его к жизни, имеется налицо и притом именно в совершенно одинаковом виде как у изобретателя, так и у общества. Далее, залог успешного распространения открытия заключается большей частью в подготовленности сознания общества к его принятию, а эта подготовленность предполагает, что элементы, из которых сложено открытие, уже живут в сознании общества; между тем мы знаем, что элементы каждого нового открытия почерпаются из того же общего запаса ценностей: следовательно, этот общий запас, одинаковый у изобретателей и подражателей, составляет необходимое условие распространения открытия. Но наличность этого одинакового запаса культурных ценностей сама по себе еще для этого недостаточна. Важно, чтобы все эти ценности и их элементы в сознании общества и в сознании изобретателя были расположены приблизительно одинаково, чтобы их взаимоотношения в том и другом сознании были те же самые. А это достижимо лишь при условии одной традиции. Наконец, для того чтобы данное открытие было принято всеми или большинством, необходимо, чтобы вкусы, предрасположения и темперамент его создателя не противоречили психическому укладу данного общества, — а для этого нужна единая наследственность.

После этих предварительных рассуждений из области общей социологии мы можем приступить и к разрешению интересующего нас вопроса о возможности для целого народа полного приобщения к чужой культуре. Перед нами

два народа, скажем, *A* и *B*, каждый имеет свою культуру (ибо без культуры в вышеопределенном смысле никакой народ немислим), причем эти две культуры различны. Теперь предположим, что народ *A* заимствует культуру народа *B*. Спрашивается: может ли в дальнейшем эта культура на почве *A* развиваться в том же направлении, в том же духе и в том же темпе, как на почве *B*? Мы знаем, что для этого нужно, чтобы после заимствования *A* получил одинаковый с *B* общий запас культурных ценностей, одинаковую традицию и одинаковую наследственность. Однако ни то, ни другое, ни третье невозможно. Даже если народ *A* сразу заимствует у *B* весь инвентарь культуры *B*, общие запасы культурных ценностей у обоих народов все-таки не будут одинаковы, ибо у *A* к запасу *B* будет присоединяться, особенно первое время, инвентарь прежней культуры *A*, который у *B* отсутствует. Этот остаток прежней национальной культуры в первое время после заимствования всегда будет жив, хотя бы в памяти народа *A*, как бы старательно эта культура ни искоренялась. Благодаря этому и традиция у народа *A* окажется совершенно иной, чем у народа *B*. Наконец, наследственность не может быть заимствована без антропологического смешения *A* с *B*, да даже и при таком смешении наследственность у помеси *A* и *B* будет иная, чем у одного *B*. Таким образом, первое время после заимствования условия жизни культуры народа *B* на почве народа *A* будут совершенно отличными от условий жизни ее на родной почве народа *B*.

Эти первые шаги культуры, перенесенной на новую почву, оказываются роковыми для ее дальнейшего развития. Самым решающим образом должно действовать отсутствие органической традиции. Целый ряд элементов культуры *B* в самом народе *B* воспринимаются и усваиваются с детства. В народе *A* все эти элементы будут усваиваться уже в зрелом возрасте. В народе *B* естественным проводником традиции является семья. В народе *A* семья

не может первое время передавать подрастающему поколению традицию новой культуры в чистом виде. Эту традицию приходится прививать через школу или через более или менее искусственные коллективы — армию, заводы, фабрики и проч. Но получая из этих источников традиции новой, заимствованной культуры, молодые поколения в то же время сохраняют и традиции прежней национальной культуры, полученные ими из семьи и подкрепляемые авторитетом семьи даже в более позднее время. Естественно, что эти молодые поколения комбинируют обе традиции и создают в результате некоторую смесь из понятий двух различных культур. Эта смесь создается в каждом индивидуальном сознании, хотя, конечно, не без влияния подражания окружающим. В общем, смесь получается у каждого своя, и все они довольно различны, смотря по условиям личной биографии каждого отдельного субъекта, причем, конечно, у людей со сходной биографией различия в смеси не так значительны. Как бы то ни было, когда молодые поколения, о которых идет речь, из роли воспринимающих традицию перейдут в роль передающих ее, они передадут следующему за ними поколению не чистую традицию культуры *B*, а традицию смеси *A* и *B*. Следующее поколение, получая из школы и подобных источников более или менее чистую культуру *B*, а из семьи и из свободного социального общения со старшими вышеупомянутую смесь *A* и *B*, само производит новую смесь из этих элементов и, впоследствии, передает традиции этой новой смеси поколению, следующему за ним, и т. д. Таким образом, культура народа *A* будет всегда смесью культур *A* и *B*, причем в каждый данный момент у старшего поколения элемент *A* будет несколько сильнее, чем у младшего, и семья будет ближе к *A*, чем другие коллективы. Впрочем, с течением времени отдельные элементы культуры *A* проникнут и в ту традицию, которая передается молодым поколениям школой, так что эта традиция тоже станет смешанной. В результате вся культура наро-

да *A* окажется основанной на смешанной традиции двух культур; значит, полного тождества между народами *A* и *B* в культурном отношении все-таки не получится.

Выше мы сказали, что каждое открытие складывается из элементов уже существующих культурных ценностей. Общая сумма возможных в данный момент открытий, следовательно, зависит от общей суммы культурных ценностей, имеющихся налицо у данного народа. А так как в отношении запаса культурных ценностей между народами *A* и *B*, как сказано, никогда не будет полного тождества, то ясно, что и сумма возможных открытий у обоих народов никогда не будет одинакова: иначе говоря, направление развития культуры у народа *B*, создавшего ее, и у народа *A*, позаимствовавшего ее, будет различно. К этому надо присоединить еще различия во вкусах, предрасположениях и темпераментах, обусловленные различием в наследственности. Наконец, часто все это осложняется различиями географических условий и (например, в вопросе о costume) антропологических типов.

Таким образом, надо признать, что полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, — дело невозможное.

История отнюдь не противоречит этому выводу. Всюду, где имеется подобное полное приобщение к чужой культуре, более пристальное изучение фактов показывает либо что это приобщение является только кажущимся, либо что оно стало возможным только благодаря антропологическому смешению народа-создателя культуры с народом-заимствователем. Как на исторические примеры приобщения к чужой культуре указывают на эллинизм и романизацию. Однако эти примеры малоудачны. В эллинизированных странах, как известно, получалась именно смесь древней греческой культуры с туземными культурами. Элементы греческой культуры, как и греческий язык, служили лишь цементом, объединив-

шим друг с другом все эти смешанные культуры; как известно, элемент иноземной культуры проник тогда и в саму Грецию, так что и сам греческий народ получил смешанную культуру. Таким образом, здесь не было «народа *B*», создавшего культуру, и «народа *A*», эту культуру позаимствовавшего, а были народы *A*, *B*, *C* и т. д., заимствующие друг у друга отдельные элементы культуры, вступившие между собой в оживленное культурное общение, совершенно взаимное. Что касается до романизации, то в ней надо различать два момента. Романизацию Апеннинского полуострова нельзя рассматривать как приобщение к чужой культуре, ибо культура Рима республиканской эпохи мало отличалась от культуры других городских общин Италии. На всем полуострове господствовала одна культура с незначительными особенностями в отдельных местностях, и романизация, собственно, свелась к распространению латинского языка, заменившего собой все остальные наречия Италии, из которых, к тому же, большинство были близкородственны с наречием Рима. Несколько другой характер имела романизация более отдаленных провинций Римского государства, Галлии, Испании, Британии и проч., в которых национальная культура существенно отличалась от римской. Но тут надо принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, романизация в этих областях происходила с большой постепенностью. Первоначально римляне ограничивались лишь проведением дорог и учреждением военных поселений, состоявших сначала из одних итальянцев, а затем подвербовывавших солдат и из местного населения. Позднее начали вводиться в этих местах римские государственные учреждения и римское право. В религиозном отношении обязательным был лишь культ императора, другие же римские культы не вводились, а приносились в провинцию римскими солдатами, мирно уживаясь с национальными

культурами. В области материальной культуры: одежды, жилища, орудий производства провинциальные «варвары» долгое время сохраняли свою самобытность, сглаживающуюся очень постепенно, благодаря оживленным торговым сношениям с другими провинциями и с Римом. Таким образом, культура романизированных провинций была всегда смешанной. Наконец, и сама якобы римская культура, так или иначе насаждавшаяся во всех этих областях во времена Империи, представляла из себя довольно пеструю смесь разнородных элементов самых разнородных культур греко-римского мира. В результате получилось не приобщение разных народов к культуре, созданной одним народом, а эклектизм, синтез нескольких культур. Что местные национальные культуры при этом продолжали существовать и развиваться в народных массах, показывает эпоха конца римского владычества, когда эти народные культуры всплыли на поверхность, освобожденные из-под нивелирующего влияния столицы, и дали начало культурам народов средневековья.

Эти примеры показывают, что с приобщением к чужой культуре не надо отождествлять смешение культур. Как общее правило, надо сказать, что при отсутствии антропологического смешения возможно именно лишь смешение культур. Приобщение, наоборот, возможно лишь при антропологическом смешении. Таковы, например, приобщение маньчжуров к культуре Китая, гиксов — к культуре Египта, варягов и тюрко-болгар — к культуре славян и т. д., далее — приобщение пруссов, полабов и лужичан (в этом последнем случае пока еще не полное) к культуре немцев.

Таким образом, и на второй из поставленных выше вопросов, на вопрос «Возможно ли полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, без антропологического смешения обоих народов?» придется тоже ответить отрицательно.

IV

Третий вопрос гласит: «Является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом?» Вопрос этот требует более точного ограничения в связи с полученными уже ответами на два первых вопроса. Теперь мы уже знаем, что, во-первых, романо-германская культура объективно ничем не выше и не совершеннее всякой другой культуры и что, во-вторых, полное приобщение к культуре, созданной другим народом, возможно лишь при условии антропологического смешения с этим народом. Отсюда как будто следует, что вопрос наш касается только тех народов, которые антропологически смешались с романо-германцами. Однако при более внимательном размышлении оказывается, что по отношению к таким народам вопрос наш совершенно бессмыслен. В самом деле: ведь с момента антропологического смешения народ, о котором идет речь, перестает быть вполне неромано-германским. Романо-германская культура для него становится до некоторой степени родной, столь же родной, как и культура того народа, который смешался с романо-германцами. Ему надо выбирать между этими двумя одинаково для него родными культурами. Мы знаем, что романо-германская культура ничем не лучше всякой другой, но, в сущности, она и ничем не хуже других. Значит, для народа, о котором идет речь, в общем безразлично, принять ее или нет. Правда, приняв ее, он все же будет отличаться от чистых романо-германцев по своей наследственности. Но и приняв другую культуру, он тоже будет иметь наследственность, не вполне этой культуре соответствующую, так как в его жилах течет отчасти и романо-германская кровь. Таким образом, по отношению к народам, антропологически смешавшимся с романо-германцами, вопрос о желательности

или нежелательности европеизации теряет всю свою остроту и весь свой смысл. Что касается до всякого другого народа, антропологически не смешавшегося с романо-германцами, то из предыдущего ясно, что такой народ не может вполне европеизироваться, т. е. вполне приобщиться к романо-германской культуре.

Однако мы знаем и то, что несмотря на эту невозможность, многие из таких народов все-таки всеми силами стремятся к такому приобщению, стараются европеизироваться. Вот к таким-то народам и относится наш вопрос: мы должны выяснить те последствия, которые вытекают из этого стремления к европеизации, и определить, являются ли эти последствия благодетельными или желательными с точки зрения данного народа.

Выше, доказывая невозможность полного приобщения целого народа к культуре, созданной другим народом, мы попытались, между прочим, в общих чертах обрисовать форму развития культуры у предполагаемого народа *A*, позаимствовавшего культуру у народа *B*. Теперь мы должны вместо *B* подставить романо-германцев, а вместо *A* — европеизируемый неромано-германский народ и отметить те специальные особенности, которые явятся следствием такой подстановки. Наиболее существенные особенности вносятся той чертой романо-германцев и их культуры, которую мы охарактеризовали как эгоцентризм. Романо-германец считает высшим самого себя и все, что тождественно с ним, низшим — все, что отличается от него.

В области культуры он признает ценным лишь то, что составляет элемент его собственной современной культуры или может составлять ее элемент; все остальное в глазах романо-германца не имеет ценности или оценивается по степени близости, сходства с соответствующими элементами его собственной культуры. Европеизированный или стремящийся к европеизации народ заражается этой чертой романо-германской психики, но, не сознавая ее ис-

тинной эгоцентрической подкладки, не ставит себя на место европейца, а, наоборот, оценивает все, в том числе и самого себя, свой народ и свою культуру, именно с точки зрения романо-германца. В этом и состоит особенность частного случая европеизации по сравнению с общим случаем заимствования народом *A* культуры у народа *B*.

Мы говорили выше, что культура народа *A* всегда будет представлять из себя некоторую смесь из элементов старой национальной культуры этого народа (обозначим эти элементы через *a*) и элементов культуры, заимствованной у народа *B* (обозначим их через *b*), тогда как сам народ *B* будет иметь культуру, состоящую лишь из вполне однородных элементов (*b*). Отсюда вытекает первое положение: культура *A* (в нашем случае — европеизированного неромано-германского народа) включает в себе больше культурных ценностей, чем культура *B* (в нашем случае — романо-германского народа). Но мы знаем, что общая сумма культурных ценностей определяет собой и общую сумму возможных открытий: значит, количество возможных открытий у европеизированного народа больше, чем у романо-германского. На вид такое положение дел как будто выгодно для европеизированного народа. Но на деле это не так. В самом деле, надо принять во внимание, что число возможных открытий далеко не равно числу открытий, действительно осуществляемых. Большинство открытий обречено на гибель во взаимной борьбе между собой или старыми культурными ценностями, с которыми они вступают в противоречие, причем эта взаимная борьба за общее признание (*duel logique*, по терминологии Тарда) будет тем ожесточеннее и длительнее, чем больше общее число возможных открытий. Таким образом оказывается, что культурная работа европеизированного народа поставлена в гораздо менее выгодные условия, чем работа природного романо-германца. Первому приходится искать в разных направлениях, тратить свои силы над согласованием элементов двух разнородных

культур, над согласованием, сводящимся большей частью к мертворожденным попыткам; ему приходится выискивать подходящие друг к другу элементы из груды ценностей двух культур, тогда как природный романо-германец идет верными путями, проторенной дорожкой, не разбрасываясь и сосредоточивая свои силы лишь на согласовании элементов одной и той же культуры, элементов вполне однородных, окрашенных в один общий тон родного ему национального характера.

Ко всему этому присоединяются логические последствия той особенности частного случая европеизации, по сравнению с общим случаем культурного заимствования, о которой мы говорили выше. Так как культура европеизированного народа состоит из ценностей a (чисто национальных) и b (заимствованных у романо-германцев), а всякое открытие слагается из элементов уже существующих ценностей, то открытия, производимые европеизированным народом, теоретически будут принадлежать к одному из трех типов: $a+a$, $a+b$, $b+b$. С точки зрения романо-германцев, открытия типа $a+a$, как не заключающие в себе никаких элементов романо-германской культуры, совершенно лишены цены. Из открытий типа $a+b$ значительная часть должна представиться романо-германцу как порча европейской культуры, ибо такие открытия, наряду с b , заключают в себе и элемент a , отдаляющий их от соответствующего элемента современной романо-германской культуры. Наконец, из открытий типа $b+b$ вполне приемлемыми для романо-германцев являются лишь те, которые носят на себе отпечаток вкусов, предрасположений и темпераментов, свойственных романо-германской наследственности; а так как европеизированный народ имеет наследственность иную, то ясно, что значительная часть сделанных им открытий типа $b+b$ не будут отвечать этому требованию и окажутся неприемлемыми для романо-германцев. Таким образом, мало того, что культурная работа европеизированного народа, по сравнению с рабо-

той романо-германского народа, в высшей степени тяжела и обставлена затруднениями, она к тому же еще и неблагодарна. Добрая половина ее, с точки зрения настоящего европейца, должна быть признана непроемкой, нецелесообразной. А так как европеизированный народ заимствует у романо-германцев и их оценку культуры, то ему и самому приходится отказываться от тех из своих открытий, которые не могут получить признания в Европе, и работа его в значительной своей части действительно становится Сизифовым трудом.

Нетрудно понять, к каким последствиям все это неминуемо приводит. Вследствие всех вышеописанных причин европеизированный народ в каждый данный промежуток времени успевает создать лишь самое незначительное количество таких культурных ценностей, которые могут быть приняты другими народами европейской культуры. Природные же романо-германцы в тот же промежуток времени создадут таких ценностей очень много, и так как все они, войдя в общий запас романо-германской культуры, тем самым приобретут неоспоримый авторитет, то и тому европеизированному народу, о котором идет речь, придется принять их. Таким образом, этот народ всегда будет больше получать извне, чем отдавать на сторону, его культурный импорт будет всегда превышать культурный экспорт — и уже одно это ставит его в зависимое положение по отношению к природным романо-германцам.

Нельзя не отметить к тому же, что перевес импорта над экспортом и отличие психической наследственности европеизированного народа от романо-германской создают для этого народа чрезвычайно тяжелые условия усвоения и распространения новых открытий. Природные романо-германцы усваивают, в общем, только те открытия, которые носят на себе отпечаток общеромано-германской национальной психологии, передаваемой путем наследственности и традиции: все, что противоречит этой психологии, они могут просто-напросто откинуть, заклеив

это эпитетом «варварства». Европеизированный народ находится в ином положении: он должен руководствоваться не своей собственной, а чужой, романо-германской национальной психологией, и должен, не сморгнув, принимать все то, что создают и считают ценным исконные романо-германцы, хотя бы это противоречило его национальной психологии, плохо укладывалось бы в его сознании. Это, конечно, затрудняет процесс усвоения и распространения импортируемых открытий, а между тем такие открытия, как мы знаем, у Европеизированного народа всегда превышают число своих собственных, доморощенных. Нечего и говорить, что такие постоянные затруднения в области усвоения открытий должны чрезвычайно вредно отражаться на экономии национальных сил Европеизированного народа, которому и без того приходится затрачивать много труда на непроизводительную работу по согласованию двух разнородных культур («открытия типа $a+b$ ») и развитию остатков собственной национальной культуры («открытия типа $a+a$ »).

Всеми этими тормозами в культурной работе еще далеко не исчерпывается невыгодность положения Европеизированного народа. Одним из самых тяжелых последствий Европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела Европеизированного народа. Выше мы видели, что при заимствовании чужой культуры каждое поколение вырабатывает свою смесь, свой канон синтеза элементов национальной и иноземной культуры. Таким образом в народе, заимствовавшем чужую культуру, каждое поколение живет своей особой культурой, и различие между «отцами и детьми» здесь будет всегда сильнее, чем у народа с однородной национальной культурой. Но и помимо этого лишь очень редко случается, чтобы целый народ сразу подвергся Европеизации, чтобы все части народа в одинаковой мере восприняли романо-германскую культуру. Это может случиться лишь в том случае, если

народ, о котором идет речь, очень немногочислен и слабо дифференцирован. Большой частью европеизация идет сверху вниз, т. е. охватывает сначала социальные верхи, аристократию, городское население, известные профессии, и затем уже постепенно распространяется и на остальные части народа. Процесс этого распространения протекает, конечно, довольно медленно, и в течение его успевают сменить друг друга целый ряд поколений. Говоря о традиции, мы указывали на то, что для усвоения чужой культуры необходима работа нескольких поколений, ибо в том синтезе, который проделывает для себя каждое поколение, элемент заимствованной культуры будет тем сильнее преобладать над элементами старой национальной культуры, чем больше предшествующих поколений потрудились над примирением этих двух разнородных культур. Вполне понятно поэтому, что в каждый момент те части европеизированного народа, которые раньше других стали подвергаться европеизации, имеют культурный облик более близкий к романо-германскому. Таким образом, в каждый данный момент разные части европеизированного народа, классы, сословия, профессии, представляют из себя разные стадии усвоения романо-германской культуры, разные типы комбинаций, в различных пропорциях, элементов национальной и иноземной культуры. Все эти классы являются не частями одного национального целого, а обособленными культурными единицами, как бы отдельными народами со своими культурами и традициями, со своими привычками, понятиями и языками. Социальные, имущественные и профессиональные различия в среде европеизированного народа гораздо сильнее, чем в среде природных романо-германцев, именно потому, что ко всем этим различиям присоединяются различия этнографические, различия культур.

Отрицательные последствия этого явления сказываются в жизни европеизированного народа на каждом

шагу. Расчленение нации вызывает обострение классовой борьбы, затрудняет переход из одного класса общества в другой. Эта же разобщенность частей европеизированного народа еще больше тормозит распространение всяких новшеств и открытий и препятствует сотрудничеству всех частей народа в культурной работе. Словом, создаются такие условия, которые неизбежно ослабляют европеизированный народ и ставят его в крайне невыгодное положение по сравнению с природными романо-германцами. Итак, социальная жизнь и развитие культуры европеизированного народа обставлены такими затруднениями, которые совершенно незнакомы природным романо-германцам. Вследствие этого этот народ оказывается мало продуктивным: он творит мало и медленно, с большим трудом. В усвоении открытий, в процессе распространения он проявляет ту же медлительность. Поэтому такой народ, с европейской точки зрения, всегда может рассматриваться как «отсталый». А так как культура его, всегда являясь смесью романо-германской с туземной, всегда отличается от чистой романо-германской культуры данной эпохи, то настоящие европейцы всегда будут считать его стоящим ниже природных романо-германцев. Но и сам он принужден смотреть на себя совершенно так же. Приняв европейскую культуру, он вместе с ней воспринимает и европейские мерилы оценки культуры. Он не может не замечать своей малой культурной продуктивности, того, что его культурный экспорт развит очень слабо, что распространение новшеств у него идет очень медленно и с затруднениями, что значительная часть его национального тела очень мало или вовсе непричастна к той романо-германской культуре, которую он считает «высшей». Сравнивая самого себя с природными романо-германцами, европеизированный народ приходит к сознанию их превосходства над собой, и это сознание вместе с постоянным сетованием о своей косности и отсталости

постепенно приводит к тому, что народ перестает уважать самого себя. Изучая свою историю, этот народ оценивает ее тоже с точки зрения природного европейца: в этой истории все, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости; наивысшим моментом этой истории признается тот, в который совершился решительный поворот к Европе; в дальнейшем же ходе истории все, что бралось из Европы, считается прогрессом, а всякое отклонение от европейских норм — реакцией. Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное, национальное. Если же прибавить ко всему этому вышеупомянутое расчленение национального тела, ослабление социальных связей между отдельными частями этого тела вследствие отсутствия у них единой культуры, общего культурного языка — то станет понятным, что патриотизм у европеизированного народа всегда развит чрезвычайно слабо. Патриотизм и национальная гордость в таком народе — удел лишь отдельных единиц, а национальное самоутверждение большей частью сводится к амбициям правителей и руководящих политических кругов.

Это отсутствие веры в себя, конечно, опять-таки является большим минусом в борьбе за существование. В частной жизни постоянно приходится наблюдать, как натуры не самоуверенные, мало ценящие самих себя и привыкшие к самоунижению, проявляют в своем поведении нерешительность, недостаточную настойчивость и позволяют другим «наступать себе на ноги» и в конце концов подпадают под полную власть более решительных и самоуверенных, хотя зачастую и гораздо менее одаренных личностей. Совершенно таким же образом и в жизни народов нации малопатриотические, с неразвитым чувством национальной гордости всегда пасуют перед народами, обладающими сильным патриотизмом или национальным самонимением. А потому европеизированные народы, согласно

всему вышесказанному, большей частью занимают по отношению к исконным романо-германцам зависимое, подчиненное положение.

Все эти отрицательные последствия зависят от самого факта европеизации: степень европеизации при этом не играет роли. Мы знаем, что с каждым поколением элементы старой «туземной» культуры отступают все более на задний план, так что с течением времени народ, стремящийся к европеизации, должен в конце концов европеизироваться вполне, т. е. получить культуру, состоящую исключительно из элементов романо-германского происхождения. Этот процесс чрезвычайно длителен, тем более что он протекает очень неравномерно в разных частях, разных социальных группах европеизированного народа. Но даже когда этот процесс вполне завершится, у европеизированного народа все же всегда останутся неискорененные предрасположения национальной психики, передаваемые путем наследственности, и эти предрасположения, отличные от элементов врожденной психики романо-германцев, все-таки будут, с одной стороны, мешать плодотворной творческой работе данного народа, а с другой — препятствовать успешному и быстрому усвоению им новых культурных ценностей, созданных природными романо-германцами. Таким образом, даже при достижении максимальной степени европеизации этот народ, и без того уже задержавшийся в своем развитии, благодаря длительному и трудному процессу постепенной культурной нивелировки всех своих частей и искоренению остатков национальной культуры, — окажется все-таки не в равных условиях с романо-германцами и будет продолжать «отставать». Тот факт, что с момента начала своей европеизации этот народ роковым образом вступает в полосу обязательного культурного обмена и общения с романо-германцами, делает его «отсталость» роковым законом.

Но с этим «законом» мириться нельзя. Народы, не противодействующие своей «отсталости», очень быстро становятся жертвой какого-нибудь соседнего или отдаленного романо-германского народа, который лишает этого отставшего члена «семьи цивилизованных народов» сначала экономической, а потом и политической независимости, принимается беззастенчиво эксплуатировать его, вытягивая из него все соки и превратив его в «этнографический материал». Но того, кто пожелает бороться с законом вечного отставания, ждет не менее печальная участь. Для того чтобы оградить себя от иноземной опасности, «отстающему» европеизированному народу приходится держать на одном уровне с романо-германцами, по крайней мере, свою военную и промышленную технику. Но так как творить в этой области с такой же быстротой, как природные романо-германцы, европеизированный народ, в силу указанных выше причин, не в состоянии, то ему приходится ограничиваться, главным образом, заимствованием и подражанием чужим открытиям. Отсталость его, тем не менее, конечно, остается в силе даже в области техники. Но в этой области, несмотря на известное хроническое запаздывание, уровень сохраняется все же более или менее одинаковый и отличие от романо-германцев состоит скорее в меньшей интенсивности промышленной жизни. В других областях жизни потребность сравняться с уровнем романо-германцев чувствуется обыкновенно менее сильно и постоянно. Только время от времени различие уровней, отсталость в этих областях начинает ощущаться очень остро, но именно в этой спорадичности таких ощущений отсталости и заключается их главное зло. Устранять последствия этих спорадических ощущений отсталости можно лишь столь же спорадическими историческими прыжками. Не имея возможности идти нога в ногу с романо-германцами и постепенно отставая от них, европеизированный

народ время от времени пытается нагнать их, делая более или менее далекие прыжки. Эти прыжки нарушают весь ход исторического развития. В короткое время народу нужно пройти тот путь, который романо-германцы прошли постепенно и в течение более долгого промежутка времени. Ему приходится перескакивать через целый ряд исторических ступеней и создавать сразу, *ex abrupto*, то, что у романо-германцев явилось следствием ряда исторически последовательных изменений. Последствия такой скачущей «эволюции» поистине ужасны. За каждым скачком неминуемо следует период кажущегося (с европейской точки зрения) застоя, в течение которого надо привести в порядок культуру, согласовать результаты, достигнутые путем этого скачка в определенной сфере жизни, с остальными элементами культуры. А за время этого «застоя» народ, понятно, опять и еще больше отстает. История европеизированных народов и состоит из этой постоянной смены коротких периодов быстрого «прогресса» и более или менее длительных периодов «застоя». Исторические прыжки, нарушая единство и непрерывную постепенность исторического развития, разрушают и традицию, и без того уже слабо развитую у европеизированного народа. А между тем непрерывная традиция есть одно из неперемennых условий нормальной эволюции. Совершенно ясно, что прыжки и скачки, давая временную иллюзию достижения «общеевропейского уровня цивилизации», в силу всех указанных выше причин не могут вести народ вперед в истинном смысле этого слова. Скачущая эволюция еще больше растрчивает национальные силы, уже и без того перегруженные работой в силу самого факта европеизации. Как человек, пытающийся идти нога в ногу с более быстроходным спутником и прибегающий с этой целью к приему периодических прыжков, в конце концов неизбежно выбьется из сил и упадет в изнеможении, так точно и европеизиро-

ванный народ, вступивший на такой путь эволюции, неизбежно погибнет, бесцельно растратив свои национальные силы. И все это — без веры в себя, даже без подкрепляющего чувства национального единства, давно разрушенного самим фактом европеизации.

Итак, последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать не благом, а злом. Заметим при этом, что мы преднамеренно не касались некоторых отрицательных сторон европеизации, которые часто признаются с сожалением самими европейцами: пороки и привычки, вредные для здоровья, особые болезни, приносимые европейскими «культуртрегерами», милитаризм, лишенная эстетики беспокойная промышленная жизнь. Все эти «спутники цивилизации», на которые сетуют сентиментальные европейские филантропы и эстеты, не являются неотъемлемыми принадлежностями романо-германской культуры. Пороки и вредные привычки имеются у всякой культуры и часто заимствуются одним народом у другого, независимо от приобщения ко всей культуре в целом. В частности, многие из таких привычек были заимствованы самими европейцами у таких племен, которые они считают низшими и малокультурными, например, курение табака перенято европейцами от североамериканских «дикарей». Что же касается до милитаризма и капитализма, то европейцы всегда обещают избавиться от этих недостатков, признавая их лишь историческими эпизодами. Таким образом, все эти отрицательные стороны европейской цивилизации можно считать спорными, почему мы и не сочли возможным говорить о них. Мы говорили лишь о тех последствиях, которые вытекают из самой сущности европеизации и касаются самой сущности социальной жизни и культуры европеизированного народа.

В результате на все три вопроса, поставленных выше, нам пришлось ответить отрицательно.

V

Но если европейская цивилизация ничем не выше всякой другой, если полное приобщение к чужой культуре невозможно и если стремление к полной европеизации сулит всем неромано-германским народам самую жалкую и трагическую участь — то очевидно, что с европеизацией этим народам надо бороться из всех сил. И вот тут-то и возникает ужасный вопрос: что, если эта борьба невозможна и если всеобщая европеизация есть неизбежный мировой закон?

С виду многое говорит за то, что это действительно так. Когда европейцы встречаются с каким-нибудь неромано-германским народом, они подвозят к нему свои товары и пушки. Если народ не окажет им сопротивления, европейцы завоюют его, сделают своей колонией и европеизируют его насильственно. Если же народ задумает сопротивляться, то для того чтобы быть в состоянии бороться с европейцами, он принужден обзавестись пушками и всеми усовершенствованиями европейской техники. Но для этого нужны, с одной стороны, фабрики и заводы, а с другой — изучение европейских прикладных наук. Но фабрики немыслимы без социально-политического уклада жизни Европы, а прикладные науки — без наук «чистых». Таким образом, для борьбы с Европой народу, о котором идет речь, приходится шаг за шагом усвоить всю современную ему романо-германскую цивилизацию и европеизироваться добровольно. Значит, и в том и в другом случае европеизация как будто неизбежна.

Все только что сказанное может породить впечатление, будто бы европеизация является неизбежным последствием наличности у европейцев военной техники и фабричного производства товаров. Но военная техника есть следствие милитаризма, фабричное производство — следствие капитализма. Милитаризм же и капитализм не

вечны. Они возникли исторически и, как предсказывают европейские социалисты, скоро должны погибнуть, уступив место новому социалистическому строю. Выходит, что противники всеобщей европеизации должны мечтать об установлении в европейских странах социалистического строя. Однако это не более как парадокс. Социалисты более всех европейцев настаивают на интернационале, на воинствующем космополитизме, истинная сущность которого уже раскрыта нами в начале этой работы. И это не случайно. Социализм возможен только при всеобщей европеизации, при нивелировке всех национальностей земного шара и подчинении их всех единообразной культуре и одному общему укладу жизни. Если бы социалистический строй утвердился в Европе, европейским социалистическим государствам пришлось бы прежде всего огнем и мечом водворить тот же строй во всем мире, а после этого зорко следить за тем, чтобы ни один народ не изменил этому строю. Иначе, т. е. в том случае, если бы где-либо сохранился уголок земного шара, незатронутый социализмом, этот «уголок» сразу сделался бы новым рассадником капитализма. Но для того чтобы быть на страже социалистического строя, европейцам пришлось бы поддерживать свою военную технику на прежней высоте и оставаться вооруженными до зубов. А так как такое вооруженное состояние части «человечества» всегда грозит независимости других частей того же человечества, которые, несмотря на все заверения, все-таки будут чувствовать себя неуютно по соседству с вооруженными людьми, то в результате состояние вооруженного мира распространится, конечно, на все народы земного шара. Далее, в виду того, что все романо-германские народы давно уже привыкли пользоваться для своей материальной культуры и для удовлетворения своих насущных потребностей предметами и продуктами, производимыми вне территории Европы, то международная, и особенно «колониальная», торговля непременно сохранятся и при социалистическом

строе, причем эта торговля, конечно, будет носить особый характер в связи с особенностями социалистического хозяйства вообще. Главным предметом вывоза из романо-германских стран по-прежнему останутся товары фабричного производства. Таким образом, оба стимула европеизации, существующие в настоящее время, военная техника и фабричное производство, сохранятся и при социалистическом строе. К ним только еще присоединятся новые стимулы в виде требования единого социалистического уклада жизни во всех странах, требования неизбежного, ибо социалистическое государство может торговать лишь с социалистическими же государствами.

Что касается до тех отрицательных последствий европеизации, о которых мы говорили выше, то они сохранятся при социалистическом строе совершенно так же, как при строе капиталистическом. Мало того, все эти последствия при социалистическом строе даже усугубятся, ибо требование единообразия в социально-политической жизни всех народов, без которого немыслим социализм, еще более заставит европеизированные народы «тянуться» за природными романо-германцами. Только одно из перечисленных нами выше отрицательных последствий европеизации, именно культурное расчленение национального тела европеизированного народа при социалистическом строе, как будто должно перестать существовать, за отсутствием в социалистическом обществе деления на классы и сословия. Однако это отсутствие сословий и классов, конечно, останется всегда теоретическим. На самом деле принцип разделения труда неминуемо приведет к социальной группировке по профессиям. И эта группировка у народов европеизированных будет всегда более резкой, чем у природных романо-германцев в силу причин, указанных выше. Заметим, кстати, что необходимость сохранять при социалистическом строе во всех народах один общий уровень «цивилизации» заставит романо-германцев «подстегивать» и «подгонять» «отсталые» народы.

А так как «национальные предрассудки» к тому времени должны будут исчезнуть, подчинившись торжествующему космополитизму, то очевидно, что во всех европеизированных государствах при социалистическом строе на первых ролях, в качестве инструкторов и, отчасти, правителей, будут сидеть представители чистых романо-германских народов или народов, полнее приобщившихся к романо-германской культуре. В конце концов в «семье социалистических народов» романо-германцы будут сохранять привилегированное положение аристократов, а прочие «отсталые народы» постепенно попадут в положение их рабов.

Итак, характер социально-политического строя романо-германских государств не играет никакой роли в вопросе о неизбежности европеизации и ее отрицательных последствий. Неизбежность эта остается, независимо от того, будет ли строй романо-германских государств капиталистическим или социалистическим. Она зависит не от милитаризма и капитализма, а от ненасытной алчности, заложенной в самой природе международных хищников — романо-германцев, и от эгоцентризма, проникающего всю их пресловутую «цивилизацию».

VI

Как же бороться с этим кошмаром неизбежности всеобщей европеизации? На первый взгляд кажется, что борьба возможна лишь при помощи всенародного восстания против романо-германцев. Если бы человечество — не то человечество, о котором любят говорить романо-германцы, а настоящее человечество, состоящее в своем большинстве из славян, китайцев, индусов, арабов, негров и других племен, которые все, без различия цвета кожи, стонут под тяжелым гнетом романо-германцев и растрачивают свои национальные силы на добывание сырья,

потребного для европейских фабрик, — если бы все это человечество объединилось в общей борьбе с угнетателями-романо-германцами, то, надо думать, ему рано или поздно удалось бы свергнуть ненавистное иго и стереть с лица земли этих хищников и всю их культуру. Но как организовать такое восстание, не есть ли это несбыточная мечта? Чем внимательнее мы будем всматриваться в этот план, тем яснее станет для нас, что он невыполним и что если это есть единственный способ борьбы со всеобщей европеизацией, борьба эта просто невозможна.

Дело, однако, не так безнадежно. Мы сказали выше, что одним из главных условий, делающих всеобщую европеизацию неизбежной, является эгоцентризм, проникающий собой всю культуру романо-германцев. Надеяться на то, что романо-германцы сами исправят этот роковой недостаток своей культуры, конечно, невозможно. Но европеизированные неромано-германские народы при восприятии европейской культуры вполне могут очищать ее от эгоцентризма. Если это удастся им, то заимствование отдельных элементов романо-германской культуры не будет уже иметь тех отрицательных последствий, о которых мы говорили выше, и только обогатит национальную культуру названных народов. В самом деле, если народы, о которых идет речь, сталкиваясь с европейской культурой, будут свободны от предрассудков, заставляющих видеть во всех элементах этой культуры нечто абсолютно высшее и совершенное, то им незачем будет заимствовать непременно всю эту культуру, нечего будет стремиться искоренять свою туземную культуру в угоду европейской; наконец, не от чего будет смотреть на самих себя, как на отсталых, остановившихся в своем развитии представителей человеческого рода. Смотря на романо-германскую культуру лишь как на одну из возможных культур, они возьмут из нее только те элементы, которые им понятны и удобны, и в дальнейшем будут свободно изменять эти элементы применительно к своим национальным вкусам и

потребностям, совершенно не считаясь с тем, как оценят эти изменения романо-германцы со своей эгоцентрической точки зрения.

Что такой оборот дела, по существу, вполне мыслим и возможен — не может быть сомнения. Против возможности его нечего сослаться на исторические примеры. Действительно, история учит нас, что на такой трезвой точке зрения по отношению к романо-германской культуре ни один европеизированный народ до сих пор не мог удержаться. Многие народы, заимствуя европейскую культуру, первоначально собирались взять из нее лишь самое необходимое. Но в дальнейшем ходе своего развития все они постепенно поддавались гипнотизму романо-германского эгоцентризма и, забывши свои первоначальные намерения, стали заимствовать все без разбора, поставив себе идеалом полное приобщение к европейской цивилизации. Петр Великий в начале своей деятельности хотел заимствовать у «немцев» лишь их военную и мореплавательную технику, но постепенно сам увлекся процессом заимствования и перенял многое лишнее, не имеющее прямого отношения к основной цели. Все же он не переставал сознавать, что рано или поздно Россия, взяв из Европы все, что ей нужно, должна повернуться к Европе спиной и продолжать развивать свою культуру свободно, без постоянного «равнения на запад». Но он умер, не подготовив себе достойных преемников. Весь восемнадцатый век прошел для России в недостойном поверхностном обезьянничанье с Европой. К концу этого века умы верхов русского общества уже пропитались романо-германскими предрассудками, и весь девятнадцатый и начало двадцатого века прошли в стремлении к полной европеизации всех сторон русской жизни, причем Россия усвоила именно те приемы «скачущей эволюции», о которых мы говорили выше. На наших глазах та же история готова повториться в Японии, которая первоначально хотела заимствовать у романо-германцев лишь военную и флотскую

технику, но постепенно в своем подражательном стремлении пошла гораздо дальше, так что в настоящее время значительная часть «образованного» общества и там усвоила методы романо-германского мышления; правда, европеизация в Японии до сих пор еще умерялась здоровым инстинктом национальной гордости и приверженностью к историческим традициям — но кто знает, долго ли удержатся японцы на этой позиции.

И все же даже если признать, что предлагаемое нами решение вопроса до сих пор не имело исторических прецедентов, из этого еще не следует, чтобы самое решение было невозможно. Все дело заключается в том, что до сих пор истинная природа европейского космополитизма и других европейских теорий, основанных на эгоцентрических предрассудках, осталась нераскрытой. Не сознавая всей неосновательности эгоцентрической психологии романо-германцев, интеллигенция европеизированных народов, т. е. та часть этих народов, которая наиболее полно воспринимает духовную культуру романо-германцев, до сих пор не уме- ла бороться с последствиями этой стороны европейской культуры и доверчиво шла за романо-германскими идеологами, не чувствуя подводных камней на своем пути. Вся картина должна коренным образом измениться, лишь только эта интеллигенция начнет сознательно относиться к делу и подходить к европейской цивилизации с объективной критикой.

Таким образом, весь центр тяжести должен быть перенесен в область психологии интеллигенции европеизированных народов. Эта психология должна быть коренным образом преобразована. Интеллигенция европеизированных народов должна сорвать со своих глаз повязку, наложенную на них романо-германцами, освободиться от наваждения романо-германской психологии. Она должна понять вполне ясно, твердо и бесповоротно:

— что ее до сих пор обманывали;

— что европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов, имевших общую историю;

— что только для этой определенной группы народов, создавших ее, европейская культура обязательна;

— что она ничем не совершеннее, не «выше» всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой, ибо «высших» и «низших» культур и народов вообще нет, а есть лишь культуры и народы более или менее похожие друг на друга;

— что поэтому усвоение романо-германской культуры народом, не участвовавшим в ее создании, не является безусловным благом и не имеет никакой безусловной моральной силы;

— что полное, органическое усвоение романо-германской культуры (как и всякой чужой культуры вообще), усвоение, дающее возможность и дальше творить в духе той же культуры нога в ногу с народами, создавшими ее, — возможно лишь при антропологическом смешении с романо-германцами, даже лишь при антропологическом поглощении данного народа романо-германцами;

— что без такого антропологического смешения возможен лишь суррогат полного усвоения культуры, при котором усваивается лишь «статика» культуры, но не ее «динамика», т. е. народ, усвоив современное состояние европейской культуры, оказывается неспособным к дальнейшему развитию ее и каждое новое изменение элементов этой культуры должен вновь заимствовать у романо-германцев;

— что при таких условиях этому народу приходится совершенно отказаться от самостоятельного культурного творчества, жить отраженным светом Европы, обратиться в обезьяну, непрерывно подражающую романо-германцам;

— что вследствие этого данный народ всегда будет «отставать» от романо-германцев, т. е. усваивать и воспроизводить различные этапы их культурного развития всегда с известным запозданием и окажется, по отношению к природным европейцам, в невыгодном, подчиненном положении, в материальной и духовной зависимости от них;

— что, таким образом, европеизация является безусловным злом для всякого неромано-германского народа;

— что с этим злом можно, а следовательно, и надо бороться всеми силами. Все это надо осознать не внешним образом, а внутренне; не только осознать, но прочувствовать, пережить, выстрадать. Надо, чтобы истина предстала во всей своей наготе, без всяких прикрас, без остатков того великого обмана, от которого ее предстоит очистить. Надо, чтобы ясной и очевидной сделалась невозможность каких бы то ни было компромиссов: борьба так борьба.

Все это предполагает, как мы сказали выше, полный переворот, революцию в психологии интеллигенции неромано-германских народов. Главной сущностью этого переворота является сознание относительности того, что прежде казалось безусловным: благ европейской «цивилизации». Это должно быть проведено с безжалостным радикализмом. Сделать это трудно, в высшей степени трудно, но вместе с тем и безусловно необходимо.

Переворот в сознании интеллигенции неромано-германских народов неизбежно окажется роковым для дела всеобщей европеизации. Ведь до сих пор именно эта интеллигенция и была проводником европеизации, именно она, уверовавши в космополитизм и «блага цивилизации» и сожалея об «отсталости» и «косности» своего народа, старалась приобщить этот народ к европейской культуре, насильственно разрушая все веками сложившиеся устои его собственной, самобытной культуры. Интеллигенты европеизированных народов шли и дальше в этом направлении и занимались привлечением к европейской культу-

ре не только своего народа, но и его соседей. Таким образом, они были главными агентами романо-германцев. Если теперь они поймут и глубоко осознают, что европеизация есть безусловное зло, а космополитизм — наглый обман, то они перестанут помогать романо-германцам и триумфальное шествие «цивилизации» должно будет прекратиться: одни романо-германцы без поддержки уже европеизированных народов будут не в состоянии продолжать дело духовного порабощения всех народов мира. Ведь осознав свою ошибку, интеллигенты уже европеизированных народов не только перестанут помогать романо-германцам, но и постараются помешать им, раскрывая глаза и другим народам на истинную сущность «благ цивилизации».

В этой великой и трудной работе по освобождению народов мира от гипноза «благ цивилизации» и духовного рабства интеллигенция всех неромано-германских народов, уже вступивших или намеревающихся вступить на путь европеизации, должна действовать дружно и заодно. Ни на миг не надо упускать из виду самую суть проблемы. Не надо отвлекаться в сторону частным национализмом или такими частными решениями, как панславизм и всякие другие «панизмы». Эти частности только затемняют суть дела. Надо всегда и твердо помнить, что противопоставление славян германцам или туранцев арийцам не дают истинного решения проблемы и что истинное противопоставление есть только одно: романо-германцы — и все другие народы мира, Европа и человечество.

МЫ И ДРУГИЕ

I

Евразийство как идейное движение впервые явно заявило о своем существовании и стало кристаллизоваться в условиях и в среде русской эмиграции. Русская эмиграция есть явление политическое, непосредственное следствие политических событий. Как бы ни старались русские эмигранты уйти от политики, они не в состоянии сделать это, не перестав быть эмигрантами. Сущность беженства определяется наступившей вследствие известных политических событий паникой: как только причины, вызвавшие панику, перестанут существовать, беженец — поскольку он только беженец — может вернуться на родину. Сущность эмиграции определяется обострившимся до крайних пределов непримиримым разногласием между убеждениями одной части общества и убеждениями правящих кругов: пока это разногласие в убеждениях не кончится, эмигрант не может вернуться на родину, хотя бы там по части причин, вызывающих панику (террор, голод и пр.), все стало благополучно. А так как вернуться на родину составляет заветную мечту каждого, то беженцы всегда испытующе расспрашивают друг друга,

Статья была напечатана в сборнике «Евразийский временник», книга IV. Берлин, 1925.

не прошло ли то, что нагнало на них панику и когда считать, что больше уже не страшно; а эмигранты испытывают друг друга вопросами о том, при каком характере правительства их принципиальные разногласия можно начать считать несущественными. Потому-то политические вопросы не сходят с уст, не выходят из голов русских эмигрантов. Потому-то эмигранты при всем желании вполне от политики отмахнуться не могут. И потому-то, в частности, к каждому идейному направлению в эмиграции подходят с точки зрения его политического содержания. С той же точки зрения подходят, разумеется, и к евразийству.

Евразийцам предъявляют вопросы: кто вы, правые, левые или средние? Монархисты или республиканцы? Демократы или аристократы? Конституционалисты или абсолютисты? Социалисты или сторонники буржуазного строя? А когда на эти вопросы прямых ответов не получают, то либо заподозривают какие-то глубоко скрытые тайные козни, либо с пренебрежением пожимают плечами, объявляя все это «движение» чисто литературным направлением и простым оригинальничаньем.

II

Причина всего этого недоразумения, всего этого ненахождения общего языка заключается в том, что в евразийстве проблема взаимоотношений между политикой и культурой поставлена совершенно иначе, чем к тому привыкла русская интеллигенция.

Со времен Петра Великого в сознании всякого русско-го интеллигента (в самом широком смысле этого слова, понимая под интеллигентом всякого «образованного») живут, между прочим, две идеи или, точнее, два комплекса идей: «Россия как великая европейская держава» и

«Европейская цивилизация». «Направление» человека в значительной мере определялось отношением его к этим двум идеям. Было два резко противоположных типа. Для одних дороже всего была Россия как великая европейская держава; они говорили: какой бы то ни было ценой — хотя бы ценой полного порабощения народа и общества, полного отказа от просветительских и гуманистических традиций европейской цивилизации — подавайте нам Россию как могущественную великую европейскую державу. Это были представители правительственной реакции. Для других дороже всего были «прогрессивные» идеи европейской цивилизации; они говорили: какой угодно ценой — хотя бы ценой отказа от государственной мощи, от русской великодержавности — подайте нам осуществление у нас в России идеалов европейской цивилизации (т. е. по мнению одних, демократии, по мнению других, социализма и т. д.) и сделайте Россию прогрессивным европейским государством. Это были представители радикально прогрессивного общества.

Трагедия заключалась в том, что ни то, ни другое направление по условиям русской жизни не могло быть проведено до конца. Каждая сторона замечала внутреннюю противоречивость и несостоятельность другой, но не видела, что сама заражена теми же недостатками. Реакционеры прекрасно понимали, что выпустив на волю русскую демократию, т. е. полудикую (с европейской точки зрения) мужицкую стихию, прогрессисты тем самым нанесут непоправимый удар самому существованию в России европейской цивилизации. Прогрессисты, со своей стороны, правильно указывали на то, что для сохранения за Россией ее места в «концерте великих европейских держав» ей необходимо и во внутренней политике подтянуться к уровню остальных европейских государств. Но своей собственной утопичности и внутренней несостоятельности, разумеется, ни реакционеры, ни

радикалы-прогрессисты не понимали. Были, конечно, и представители «золотой середины», «разумного консерватизма», «умеренного либерализма», сочетавшие великодержавный патриотизм с требованием либеральной внутренней политики. Но, в конце концов, и эта часть русского образованного общества жила утопией. Обе основные идеи, которые в разных комбинациях друг с другом создавали все разновидности русских политических направлений, — идея русской великодержавности и идея осуществления на русской почве идеалов европейской цивилизации, — были в самом своем корне искусственны. Обе они явились порождением реформ Петра Великого. Петр вводил свои реформы насильственно, не спрашивая, желает ли их русский народ; и потому обе идеи, порожденные его реформами, остались органически чуждыми русскому народу. Ни Россия как великая европейская держава, ни идеалы европейского прогресса русскому народу ничего не говорили. Европейская великодержавность России, с одной стороны, и европейское просвещение верхов русской нации, с другой, могли продержаться довольно долгое время на русской почве при условии искусственной бессловесности и пассивности народных масс. Но и то, и другое неминуемо должно было дать трещину и начать разваливаться, как только зашевелилась самая народная масса, составляющая природный фундамент всего здания России. Спор между русскими «направлениями», являвшимися по существу разными комбинациями идеи европейской великодержавности России и идеалов европейского прогресса, именно поэтому были бесплодны и праздно. На подмостках, не ими выстроенных, инженеры возвели стены здания и заспорили о том, какую лучше сделать крышу, совершенно забыв исследовать, как и для чего были сооружены подмости, на которых велся спор; подмости оказались живыми, зашевелились, стены здания треснули,

повалились, похоронив под собой часть инженеров, и спор о крыше потерял всякий смысл.

Совершенно естественно, что как только вся эта картина открывается сознанию, оказывается необходимым совершенно переменить весь подход к тем политическим вопросам, которые до сих пор волновали русское общество. Ведь эти вопросы обсуждались при предпосылке известных культурно-исторических понятий, вошедших в умы образованного русского общества в послепетровскую эпоху, но оставшихся органически чуждыми русскому народу. Сознвая это и не веруя в универсальность и безотносительную ценность европейской культуры и не признавая общеобязательности «законов мирового прогресса», надо прежде всего искать для политических вопросов новую культурно-историческую базу. На этом-то и основаны все недоразумения, возникающие у представителей старых русских «направлений» при встрече с евразийством. Евразийство отвергает не то или иное политическое убеждение старых направленцев, а тот культурно-исторический контекст, с которым это убеждение сопряжено в сознании старых направленцев. Правые, левые и умеренные, консерваторы, революционеры и либералы — все вращаются исключительно в сфере представлений о послепетровской России и о европейской культуре. Когда они говорят о той или иной форме правления, они мыслят эту форму правления именно в контексте европейской культуры или европеизированной послепетровской России; изменения и реформы, которые они считают необходимым внести в политический строй или политические идеи, касаются только этого строя и этих идей, но не самого культурного контекста. Между тем для евразийства самым важным является именно изменение культуры, изменения же политического строя или политических идей без изменения культуры евразийством отмечается как несущественное и нецелесообразное.

III

Культура всякого народа, живущего государственным бытом, непременно должна заключать в себе как один из своих элементов и политические идеи или учения. Поэтому призыв к созданию новой культуры заключает в себе, между прочим, также и призыв к выработке новых политических идеологий. Таким образом, упреки в том, будто бы евразийство проповедует политический индифферентизм, равнодушие к политическим вопросам, основаны на недоразумении. Но не меньшую ошибку представляет из себя и встречающееся часто отождествление евразийства с каким-либо старым идейно-политическим направлением. Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры. А так как с понятием европейской культуры принято связывать «прогрессивность», то многим кажется, что евразийство есть течение реакционное. Евразийство выставляет требование национальной культуры и определенно заявляет, что русская национальная культура немыслима без православия. Это опять-таки по привычной ассоциации у многих вызывает воспоминание о пресловутой формуле «самодержавие, православие и народность» и еще сильнее укрепляет убеждение, будто евразийство есть новая форма старой идеологии русских реакционеров. Этой иллюзии поддаются не только левые, но и очень многие правые, которые спешат объявить евразийство «своим». Это глубокое недоразумение. В устах русских правых формула «самодержавие, православие и народность» приобрела совершенно определенное значение. Строго говоря, вся эта формула свободно могла быть заменена одним только словом «самодержавие». Еще граф Уваров¹ определял

¹ Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — граф, видный государственный деятель России первой половины XIX века, министр народного просвещения (1833—1849)

«народность» как соединение самодержавия с православием. Что же касается «православия», то под этим термином представители правительственной реакции разумели (а бессознательно разумеют и теперь) синодально-оберпрокурорское православие. Весь «русский дух» русских реакционеров не идет дальше фальшивого поддельно-народного фразерства, высочайше утвержденного «дю-рюсс с петушками», дурного русского лубка 19-го века, из-под которого так и сквозит мундир прусского образца и плац-парадная муштровка; все их «православие» не идет дальше торжественного архиерейского молебна в табельный день с провозглашением многолетия высочайшим особам. И православие, и народность для них не более чем эффектный и традиционный аксессуар самодержавия. И только самодержавие является ценностью безотносительной. Подыскивая идеал в русском прошлом, эти реакционеры находят его в царствовании Александра III или Николая I. Все это, разумеется, не только не имеет ничего общего с евразийством, но прямо противоположно этому последнему. Провозглашая своим лозунгом национальную русскую культуру, евразийство идейно отталкивается от всего послепетровского, Санкт-Петербургского, императорско-оберпрокурорского периода русской истории. Не императорское самодержавие этого периода, а то глубокое всенародное православно-религиозное чувство, которое силой своего горения переплавало татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыя в православное московское государство, является в глазах евразийцев главной ценностью русской истории. Евразийство смотрит на императорское са-

и президент Академии наук; автор знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность», ставший принципом государственной идеологии и просвещения императорской России, никогда, впрочем, не провозглашавшуюся самими царями.

модержавие как на вырождение допетровской (речь идет, конечно, об этом самодержавии как духовной сущности, а не внешнеполитических его достижениях, которые в некоторых отраслях были громадны) подлинно национальной монархии: оторвавшись от того «бытового исповедничества», которое в древней Руси было идейной опорой царской власти и в то же время находило в лице царя самого горячего своего ревнителя, императорское самодержавие естественно и неизбежно должно было опереться на рабство и милитаризм. Евразийство не может мириться с превращением православия в простой аксессуар самодержавия и с обращением «народности» в казенную декламацию. Оно требует подлинного православия, оправославления быта, подлинной национальной культуры на основе «бытового исповедничества» и признает своим идеалом только такую монархию, которая бы явилась органическим следствием национальной культуры.

IV

Недвусмысленно проявляемое евразийством отрицательное отношение к императорской России и подчеркивание ценности подлинно народной самобытности может породить и другое недоразумение, а именно отождествление евразийства с революционным народничеством. Однако от этого народничества евразийство резко отличается. Как бы то ни было, русское революционное народничество всегда являлось и является разновидностью социализма. Социализм же есть порождение романо-германской культуры, духовно совершенно чуждое евразийству. Если в умеренных течениях народничества элемент социализма выступает в ослабленном виде, то в принципе дело от этого не меняется. Отношение народников к так называемой «русской самобытности» в корне отличается от отношения евразийства к той же самобытности.

Из народного быта, из народных чаяний и идеологий народничество искусственно отобрало только некоторые элементы: общинное хозяйство, сельские сходы, «артельное начало», идею о том, что «земля — Божья», рационалистическое сектантство, затаенную ненависть к «барам», разбойничьи песни и т. д. — все эти элементы быта, мировоззрения и умонастроения вырывались из их исторического контекста, идеализировались и объявлялись единственно существенными и подлинно народными, а все прочее отменялось. Отбор производился, конечно, по признаку пригодности к социализму. Все, что в быте и мировоззрении народа было с этой точки зрения непригодно, относилось на долю «отсталости» и «темноты народных масс», объявлялось подлежащим преодолению через школу и пропаганду. Школа и пропаганда должны были также привить народу те черты, которых ему «недостает», но которые присущи «демократии передовых стран Запада». Будущая Россия мыслилась народниками как образцовая демократическая республика с парламентаризмом, с небывало широким, распространяющимся чуть ли не на подростков обоюбого пола, пропорциональным избирательным правом, с отделением церкви от государства, с полной секуляризацией не только государственной, но и семейной жизни, и т. д., и т. д. В этом идеале, целиком заимствованном у романо-германских идеологов, роль русской самобытности сводится только к тому, что земля мыслится распределенной на правах трудового пользования, причем даже это распределение, проведенное в государственном масштабе, лишь отдаленно напоминает русский сельский «мир». Таким образом, самобытность для народников играет лишь роль трамплина для прыжка в объятия нивелирующей европеизации. «Хождение в народ» в конце концов является лишь особой тактикой, особым приемом для достижения европеизации и водворения в России известных идеалов романо-германской цивилизации. Парадоксальное и внутренне

противоречивое сочетание внешнего самобытничания с определенно западничеством внутренним содержанием всегда было ахиллесовой пятой русского революционно-народничества.

Именно благодаря своей социалистической и западнической сущности революционное народничество совершенно неприемлемо для евразийства. Евразийство подходит к национальной русской культуре без желания заменить ее какими-либо романо-германскими формами жизни (уже осуществленными в Европе или только преподносящимися воображению европейских публицистов), а, наоборот, с желанием освободить ее от романо-германского влияния и вывести ее на путь подлинно самостоятельного национального развития. Разумеется, и евразийство не принимает без разбору всего, что есть или было в русском народе самобытного, и тоже производит выбор между ценным и вредным или безразличным. Но при этом выборе евразийство руководствуется не тем, пригодно ли данное явление русской культуры или народного быта к осуществлению того или иного заимствованного у европейцев идеала (социализма, демократической республики и т. п.), а исключительно внутренней ценностью данного явления в общей связи русской национальной культуры. С этой точки зрения приходится делать различие между явлениями случайными, преходящими и явлениями глубинными, с непреходящим значением, далее — между явлениями творческими, созидательными и явлениями разрушительными. Так, общинное хозяйство, на котором особенно настаивают народники, есть преходящая, исторически возникшая и в процессе истории обреченная на исчезновение форма хозяйства: разрушение общины и переход к индивидуальной земельной собственности есть исторически неизбежное явление, которое нельзя задержать никакими искусственными мероприятиями. А поскольку общинное землевладение тормозит развитие производительности крестьянского хозяйства, его

следует признать даже явлением культурно-вредным, разрушительным, и процессу его замены другими формами хозяйства следует помогать. Евразийство, проповедуя русскую самобытность, как раз общинное хозяйство не включает в число существенных признаков этой самобытности. Наблюдая народное мировоззрение и его проявления в народном творчестве, народники обходили молчанием или относили на долю «темноты» народную покорность воле Божьей, идеализацию царской власти, духовные стихи, набожность, обрядовое исповедничество, между тем как именно все эти черты, сообщающие народному фундаменту устойчивость, с точки зрения национальной культуры как раз наиболее ценны. Наоборот, все проявления бунтарства как в умонастроении, так и в народном творчестве, ненависть народа к «барам», песни и предания, идеализирующие разбойников, сказки с насмешками над «попами» особенно ценились народниками, хотя ясно, что эти чисто отрицательные антикультурные и антисоциальные проявления не заключают в себе никаких культурно-творческих потенций. Мало того, и в этих отрицательных элементах народной психологии народники умели ценить только самую их отрицательную сторону: ненависть к «барам» ценилась, поскольку она была «социальной», между тем как именно в этой своей форме она, разрушая национальное единство, безусловно вредна, а положительной она может быть до известной степени, только поскольку «барин» рассматривается как человек иной, ненациональной, культуры.

Но основательнее всего расходится евразийство с народничеством в отношении к религии. Народники, как социалисты, являются в большинстве своем атеистами или, в крайнем случае, отвлеченными деистами. Из религиозной жизни народа они умели «понимать» и ценить только рационалистическое сектанство. Евразийство стоит на почве Православия, исповедуя его как единственно подлинную форму Христианства, и признает, что именно в

качестве единственной веры Православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула. Стоя на почве Православия, нельзя не видеть, что протестантизм и рационалистическое сектантство являются чувственными и упадочными формами религии. Существование и некоторый успех в народе штундизма¹, баптизма и других рационалистических сект есть прискорбное последствие двух веков европеизации, во время которой верхи и низы нации были отделены друг от друга пропастью. Интеллигенция и полуинтеллигенция, закрывая глаза на духовные богатства Православия, смотрела на него как на мужицкую веру и заражалась упадочными формами западного христианства, а правительство, заморозив и оказав Русскую Церковь и лишив ее всякой инициативы и свободы действия, не принимало никаких мер ни для поднятия уровня духовенства, ни к распространению подлинно православного просвещения. Если народ в эти тяжелые века русской истории часто уходил от Церкви, не находя в ней того подлинно православного духа, которого он бессознательно жаждал, и поддавался соблазнам дешевого рационализма, проникавшего к нему через сбитую с пути истинного интеллигенцию и полуинтеллигенцию, то в печальном явлении можно видеть только симптом болезни. Правительство, боровшееся с этим симптомом (и притом полицейскими мерами), было, разумеется, не право, ибо лечить надо было самую болезнь. Но народники, которые в этих симптомах усматривали нечто здоровое, были еще более не правы. Ни с какой точки зрения рационалистическое сектантство нельзя считать явлением положительным: с точки зрения религиозной это есть дегенерация; с точки зрения культурно-национальной это есть микроб, разлагающий национальное

¹ Штунда — сектантское течение среди русских и украинских крестьян во второй половине XIX века, возникшее под влиянием протестантизма и позднее слившееся с баптизмом.

единство и тормозящий дружную работу всей нации на ниве духовной культуры.

Для христианина Христианство не есть элемент какой-нибудь определенной национальной культуры, но есть фермент, могущий войти в разные культуры и стимулировать их развитие в определенном направлении, не упраздняя их самобытности и своеобразия. Вынуть из русского национального сознания Христианство или заменить в нем подлинное Христианство (Православие) упадочно-рационалистической подделкой — значит обесплодить русскую культуру и направить ее по пути разложения. Потому-то расхождение евразийства с народничеством как раз в религиозном вопросе исключают возможность какого бы то ни было сближения обоих направлений.

Следует подчеркнуть, что сущность расхождения лежит именно в области религиозной и в вытекающей отсюда положительной или отрицательной оценке тех элементов народной психики, на которых имеет быть построена национальная культура. Расхождение политическое менее существенно. Революционное народничество настаивает на своем республиканстве. Если представить себе такую православную русскую республику, в которой каждый избираемый на срок президент («посадник») смотрел бы на себя как на ответственного представителя народа перед Богом и как на защитника Православия, и если бы выборы президента и депутатов в этой республике не ставились в зависимость от игры на народных страстях и ненавистях, то евразийство ничего не имело бы против такой республики и, во всяком случае, предпочло бы ее «европейски просвещенной» монархии, насаждающей сверху европеизацию и держащей в кабале Церковь. Но независимо от вопроса о том, возможна ли вообще такая республика, можно усомниться в том, чтобы она удовлетворила революционное народничество.

V

Наконец, следует осветить еще один вопрос, вопрос о взаимоотношении между евразийством и большевизмом. Любители якобы «метких» словечек иногда пытаются охарактеризовать евразийство как «православный большевизм» или «плод незаконной связи славянофильства и большевизма». Хотя для всякого должна быть ясна парадоксальность этих *contradictio in adjecto*¹ («православный большевизм» есть «белая чернота»), тем не менее вопрос о пунктах соприкосновения и расхождения между евразийством и большевизмом заслуживает более внимательного рассмотрения.

Евразийство сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но и всей культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского запада, и в требовании коренной перестройки всей этой культуры. Евразийство сходится с большевизмом и в призыве к освобождению народов Азии и Африки, поработанных колониальными державами.

Но все это сходство только внешнее, формальное. Внутренние движущие мотивы большевизма и евразийства диаметрально противоположны. Ту культуру, которая подлежит отмене, большевики именуют «буржуазной», а евразийцы — «романо-германской»; и ту культуру, которая должна встать на ее место, большевики мыслят как «пролетарскую», а евразийцы — как «национальную» (в отношении России — евразийскую). Большевики исходят из марксистского представления о том, что культура создается определенным классом, евразийцы

¹ *Contradictio in adjecto* (лат.) — противоречие в определении.

же рассматривают культуру как плод деятельности определенных этнических единиц, нации или группы наций. Поэтому для евразийцев понятия «буржуазной» и «пролетарской» культуры в том смысле, как их употребляют большевики, являются совершенно мнимыми. Во всякой социально дифференцированной нации культура верхов несколько отличается от культуры низов. В нормальном, здоровом национальном организме различие это сводится к различию степеней одной и той же культуры. Если при этом верхи называть «буржуазией», а низы — «пролетариатом», то замена буржуазной культуры пролетарской сведется к снижению уровня культуры, опрощению, одичанию, которое вряд ли можно выставлять как идеал. В нациях нездоровых, зараженных недугом европеизации, культура верхов отличается от культуры низов не столько количественно (степенями), сколько качественно: т. е. низы продолжают жить обломками культуры, некогда служившей нижней степенью, фундаментом туземной национальной культуры, а верхи живут верхними степенями другой, иноземной, романо-германской культуры; в промежутке между низами и верхами помещается слой людей без всякой культуры, отставших от низов и не приставших к верхам, именно в силу качественной разнородности обеих культур, сопряженных в данной нации. Вот применительно к таким нациям (к числу которых принадлежала и послепетровская дореволюционная Россия) можно говорить о желательности замены культуры верхов культурой низов, но и то лишь метафорически. На деле при этом должен мыслиться не переход верхов к культуре низов, неизбежно элементарной, а к созданию верхами новой культуры с таким расчетом, чтобы между ней и культурой низов различие было не качественное, а в степенях. Только при этом условии упразднится бескультурность средних слоев нации и национальный организм станет культурно цельным, здоровым и способным к дальнейшему развитию в целом как в своих верхах, так и

в низах. Это именно то, что проповедует евразийство. Но ясно, что при этом речь идет об изменении не классовой, а этнической природы культуры.

Находясь всецело во власти марксистских схем и подходя к проблеме культуры исключительно с точки зрения этих схем, большевики, естественно, оказываются совершенно неспособными выполнить то, что они затеяли, т. е. создать на месте старой культуры какую-то новую. Их «пролетарская культура» выражается либо в одичании, либо в какой-то пародии на старую, якобы буржуазную культуру. И в том, и в другом случае дело сводится к простому разрушению без всякого созидания. Новой культуры никак не получается — это и есть лучшее доказательство ложности самих теоретических предпосылок большевизма и невыполнимости самого задания «пролетаризации культуры». Понятие «пролетарской культуры» неизбежно бессодержательно, ибо самое понятие пролетариата как чисто экономическое лишено всяких других признаков конкретной культуры, кроме признаков экономических. Совершенно иначе обстоит дело с понятием национальной культуры, ибо всякая нация, являясь фактической или потенциальной носительницей и созидательницей определенной, конкретной культуры, включает в самом своем понятии конкретные признаки элементов и направлений культурного строительства. Поэтому новая культура может быть создана только как культура особой нации, до сих пор не имевшей самостоятельной культуры или находившейся под подавляющим влиянием иностранной культуры. И противопоставиться может эта новая культура только культуре иной нации или иных наций. Из всего этого вытекает, что если общими задачами большевизма и евразийства является отвержение старой и создание новой культуры, то большевизм может выполнить только первую из этих двух задач, а второй выполнить не может. Но выполнение одной задачи разрушения без одновременного созидания,

разумеется, не может привести к благим результатам. Прежде всего, разрушитель, имеющий неясное или превратное представление о том, что на месте разрушенного должно быть воздвигнуто, непременно разрушит или постарается разрушить то, что надлежало бы сохранить. А кроме того, когда темп разрушения значительно быстрее созидания или когда за разрушением никакого подлинного созидания не следует, нация оказывается на долгое время в состоянии бескультурности, которое не может не отражаться на ней губительно. Таким образом, даже несмотря на то, что разрушительная работа большевиков часто направлена именно на те стороны привитой к России европейской культуры, которые и евразийцы считают подлежащими искоренению, евразийство все же не может приветствовать этой разрушительной работы. Что же касается до большевистских попыток творчества, то эти попытки вызывают в евразийстве самое отрицательное отношение, так как они либо проникнуты марксистским утопизмом, либо направлены к пересадке на русскую почву еще новых элементов романо-германской цивилизации, притом, большей частью, элементов наименее для евразийства приемлемых и носящих явные признаки вырождения и упадка романо-германской цивилизации.

Из всего только что сказанного явствует, что и в вопросах об отношениях России к народам неромано-германского мира сходство между большевизмом и евразийством является только внешним. Евразийство призывает все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры и вновь вступить на путь выработки своих национальных культур. При этом евразийство признает, что влияние романо-германской культуры особенно усиливается благодаря экономическому господству так называемых «цивилизованных» над «колониальными» народами, и потому призывает к борьбе за освобождение и от этого экономического господства. Но эта экономическая эмансипация не представляется евразийству как само-

цель, а лишь как одно из неперенных условий освобождения от романо-германской культуры, освобождения, которое немисливо без одновременного укрепления основ национальной культуры и дальнейшего самостоятельного развития этой последней. Большевики во всех этих вопросах преследуют прямо противоположные цели. Они только играют на националистических настроениях и самолюбии азиатских народов и рассматривают эти чувства лишь как средства для поднятия в Азии социальной революции, которая должна не столько упразднить экономическое засилье «цивилизованных» держав, сколько способствовать водворению коммунистического строя с той особой «пролетарской» культурой, которая по существу антинациональна и построена на самых отрицательных элементах той же европейской цивилизации, доведенных до карикатурной крайности. Под личиной поощрения азиатского национализма в большевизме скрыто то же нивелирующее «цивилизаторское» культуртрегерство, и притом в гораздо более радикальной форме, чем у романо-германских колониальных империалистов. Не к созиданию подлинно национальных культур, преемственно связанных с историческим прошлым, а к национальному обезличению и разрушению всяких национальных основ хотят большевики привести все народы Азии и Россию.

Резюмируя, можно сказать, что большевизм есть движение разрушительное, а евразийство — созидательное. Оба движения полярно противоположны, и никакое сотрудничество между ними немисливо. Эта противоположность между большевизмом и евразийством не случайна, а коренится в глубинной сущности обоих движений. Большевизм — движение богоборческое, евразийство — движение религиозное, богоутверждающее. Есть глубокая внутренняя связь между воинствующим отрицанием Творца и неспособностью к подлинному, положительному творчеству, между кощунственным отвержением божественного Логоса и рационалистическим

утопизмом, противоречащим естественной природе жизни. Но природа не допускает чистого разрушения. Она властно требует творчества, и все, неспособное к положительному творчеству, рано или поздно обречено на гибель. Большевизму, как всякому порождению духа отрицания, присуща ловкость в разрушении, но не дана мудрость в творчестве. А потому он должен погибнуть и смениться силой противоположной, богоутверждающей и созидательной. Будет ли этой силой евразийство — покажет будущее. Но, во всяком случае, ни реставрационная идеология, подменивающая творчество починкой и восстановлением разрушенного в его старом виде, ни народничество, столь же слепое, как и большевизм, к Богом установленным положительным задачам культурного строительства и столь же зараженное упадочными идеологиями вырождающейся европейской цивилизации, признаками подлинного положительного творчества не обладают. Положительное значение большевизма, может быть, в том, что сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальности сатаны привел к вере в Бога. Но, помимо этого, большевизм своим бессмысленным (вследствие неспособности к творчеству) ковырянием жизни глубоко перепахал русскую целину, вывернув на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз — пласты, прежде лежавшие на поверхности. И, быть может, когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность русской жизни. Во всяком случае, степень пригодности к делу созидания национальной культуры и связь с положительными духовными основами, заложенными в русском прошлом, послужат естественным признаком отбора новых людей. Те созданные большевизмом новые люди, которые этим признаком не обладают, окажутся нежизнеспособными и естественно погибнут вместе с породившим

их большевизмом, погибнут не от какой-нибудь интервенции, а оттого, что природа не терпит не только пустоты, но и чистого разрушения и отрицания и требует созидания, творчества, а истинное положительное творчество возможно только при утверждении начала национального и при ощущении религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной.

1925 г.

РУССКАЯ ПРОБЛЕМА

I

«Восстановление России» в том виде, как рисуют его себе русские политические эмигранты, есть не что иное, как чудо. В одно прекрасное утро мы проснемся и узнаем, что все, что, по нашему представлению, сейчас происходит в России, было только тяжелым сном или что все это вдруг, по мановению волшебного жезла, исчезло. Россия опять оказывается великой державой, которую все боятся и уважают, которой наперерыв предлагают самые заманчивые политические и экономические комбинации, которой остается только свободно избрать себе самую лучшую форму правления и зажечь припеваючи на страх врагам и себе на славу. Что это, как не чудо?

Нельзя отрицать, что чудеса бывали, бывают и будут. Но можно ли исходить из чуда при политических расчетах? Можно ли вводить чудо как элемент, притом необходимый, в реально-политическое построение? Ведь чудо по самому своему определению неожиданно и не поддается предвидению, предварительному вычислению. Когда настоящий реальный политик строит планы на будущее, он должен учитывать только реальные возможности. Если он верит в возможность чуда и хочет быть особенно осторожным, то самое большее, что он может сде-

лать, это обдумать на всякий случай, как поступить, если в тот или иной момент вместо реально возможного вдруг произойдет чудо, — и только. Но политик, совершенно не считающийся с реальными возможностями и обдумывающий свой план исключительно только на случай чуда, вряд ли может быть назван «реальным». Большой вопрос, приложимо ли вообще к нему звание «политика». А между тем наши политические эмигранты все таковы. Реальные возможности их нисколько не интересуют. Они их как будто даже не замечают. Чудесное восстановление России является для них альфой и омегой, неизменной целью или отправной точкой всех их планов, проектов и построений. Эта слепая уверенность в неизбежности чуда была бы понятна, если бы речь шла о каких-нибудь мистиках. Но ведь в данном случае речь идет о практических деятелях, настроенных позитивно. Что же это — слепота, не позволяющая видеть реальную действительность, или страх взглянуть этой действительности прямо в лицо?..

II

Есть истины, признанные более или менее всеми. Война, революция и большевистские экспериментаторы довели Россию до такой полнейшей экономической разрухи, из которой она может выбраться лишь постепенно, в течение очень долгого срока и при непереносимом условии самой деятельной и энергичной помощи иностранцев. Советская власть, думающая прежде всего о самосохранении, сумела создать такой режим, при котором голодное и обезоруженное население способно в лучшем случае лишь к мелким местным бунтам, отчасти подавляемым силой, отчасти пресекаемым «взрывом изнутри» благодаря искусной системе пропаганды и провокаций. Сколь-ко-нибудь крупное антибольшевистское движение невозможно без деятельной и серьезно проведенной до конца

иностранной поддержки. Добровольное ослабление советского режима возможно лишь при том условии, если советская власть получит возможность гарантировать свою неприкосновенность каким-нибудь другим способом, например, каким-нибудь прочным и надежным соглашением с иностранцами, без помощи которых свержение этой власти все равно невозможно. Итак, установление в России сколько-нибудь сносных условий жизни (обеспечение безопасности и материальных нужд населения) возможно лишь при условии помощи иностранцев, иностранного вмешательства.

Под именем «иностранцев» разумеются, конечно, те «великие державы», которые вели мировую войну. Кто они — мы теперь знаем. Война смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик — лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами. Этот зверь — настоящий «реальный политик». Он не таков, как наши «представители общественности». В чудо он не верит, над идеями смеется. Ему подавай добычи, пищи, и побольше и повкусней. А если не подашь, он сам возьмет: на то у него техника, наука и культура, а главное — пушки и броненосцы.

Вот каковы те иностранцы, без содействия которых «восстановление России» невозможно. Они воевали между собой за мировое господство. Мир надо было поделить или целиком отдать одному победителю. Однако ни того ни другого достигнуть не удалось. Огромная Россия, составляющая шестую часть света, осталась «ничьей». Пока ее не поделят или не отдадут одному из романо-германских зверей, мировую войну нельзя считать законченной. В этом и состоит сущность «русской проблемы» для романо-германцев. Эти последние смотрят на Россию как на возможную колонию. Огромные размеры России ни сколько их не смущают. По количеству населения Индия больше России, а между тем вся она захвачена Англией.

Африка превосходит Россию и по величине, а между тем вся она поделена между несколькими романо-германскими державами. Так должно быть и с Россией. Россия есть территория, на которой произрастает то-то и то-то, в которой имеются такие-то ископаемые. Что на этой территории есть население — это не важно: им займутся этнографы; для политики интересна главным образом территория, а туземное население — лишь в качестве рабочей силы. Можно ли представить себе, что эти самые иностранцы, помогши России «восстановиться» и стать на ноги, любезно поклонятся и отойдут в сторону? В порядке чуда такую картину рисовать себе можно, но если стоять на точке зрения реальных возможностей и вероятностей, надо признать, что такой поворот дела определенно исключен. Те романо-германские державы, которые окажут России помощь (точнее — будут оказывать России помощь, ибо помощь требуется продолжительная), сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии. Пока трудно предвидеть, какая именно из романо-германских держав выступит в этой роли, будет ли это Англия, Германия, Америка или консорциум держав, который разделит Россию на «сферы влияния». С уверенностью можно сказать только то, что о полном инкорпорировании России к той или иной державе, о включении ее целиком в официальный список колониальных владений какой-нибудь державы, речи быть не может. России будет предоставлена тень, видимость самостоятельности, в ней будет посажено какое-нибудь безусловно покорное иностранцам правительство, которое будет пользоваться теми же правами, какими прежде пользовалось правительство бухарское, сиамское или камбоджийское. Безразлично, будет ли это правительство эсеровским, кадетским, большевистским, октябристским или правым. Важно то, что оно будет фиктивным.

Вот та реально возможная перспектива, которая рисуется при беспристрастном взгляде на создавшееся положение. Восстановление России возможно только ценою утраты ее самостоятельности.

III

Большевики, как политики вполне реальные, не могут не учитывать неизбежности иностранного ига. Вся политика иностранцев по отношению к Советской России в общем сводится к тому, что иностранцы надеются создать вышеупомянутое покорное русское правительство из большевиков; большевики же то играют в поддавки, то выпускают когти. Благодаря этому процесс затягивается. Иностранцам, безусловно, выгоднее «приручить» советскую власть, чем свергать ее и заменять какой-то новой, и к решительному свержению большевиков они приступят лишь тогда, когда убедятся, что «приручить» большевиков невозможно. Потому-то советская власть своей двусмысленной тактикой выигрывает время. Но как бы ни затягивался процесс, все же у советской власти впереди лишь две перспективы — либо превратиться в покорное иностранцам правительство, подобно правительству Камбоджи или Бухары, либо уйти, предоставив свое место такому же покорному правительству, составленному из представителей других партий. Если большевики тем не менее считают выгодным затягивать процесс, то это потому, что они надеются еще на одну «последнюю ставку» — на пресловутую всемирную революцию. Всемирная революция, коммунистический переворот во всех романо-германских странах есть единственное, что может спасти русскую советскую власть от гибели или от подчинения «буржуазным» правительствам запада. Трудно сказать, насколько основательны надежды наших большевиков на эту всемирную революцию. Сейчас в романо-германских

странах как будто все обстоит благополучно, и рабочее движение как будто входит в какое-то «безопасное» русло. Но совершенно неизвестно, насколько это положение прочно и не может ли оно сразу измениться, особенно если напряженное международное положение опять разразится вооруженным конфликтом. Для решения этого вопроса необходимо иметь в руках множество фактических данных, которых нет ни у кого, кроме тех же русских большевиков, сосредоточивших у себя сведения о подготовке коммунистического переворота во всех странах мира. Разумеется, что когда эти самые большевики с уверенностью предсказывают мировую революцию, к ним с безусловным доверием относиться нельзя, ибо они могут в данном случае и просто утешать самих себя. Однако для опровержения их утверждения оснований тоже нет.

Для нас важно решить вопрос — внесет ли мировая революция существенное изменение в те перспективы, которые, как сказано выше, рисуются перед Россией. Если большевики ждут от этой революции спасения, то это потому, что главную опасность со стороны иностранцев они видят не в политическом и экономическом порабощении России, а в том, что опека «буржуазных» романо-германских правительств помешает русской советской власти в полной мере осуществить в России идеалы коммунистического строя. И действительно, эта «опасность» всемирной революцией устраняется. Но для нас, не-коммунистов, уничтожение коммунистического строя отнюдь не является «опасностью», и потому нас может интересовать только вопрос о том, устраняется ли при условии всемирной революции опасность порабощения России иностранцами. И вот на этот-то вопрос приходится ответить безусловно отрицательно.

Социализм и коммунизм суть порождения романо-германской цивилизации. Они предполагают определенные условия социального, экономического, политического и технического свойства, которые существуют во всех

романо-германских странах, но не существуют в странах «отсталых», то есть не успевших вполне и во всем уподобиться романо-германским странам. Если коммунистический переворот произойдет во всем мире, то несомненно наиболее совершенными, образцовыми коммунистическими государствами окажутся те романо-германские страны, которые и сейчас стоят на «вершинах прогресса». Они будут продолжать «задавать тон» и занимать господствующее положение. «Отсталая» Россия, растратившая последние силы на попытки осуществления социализма при самых неблагоприятных условиях и при отсутствии необходимых для этого социально-экономических и технических предпосылок, окажется в полном подчинении у этих «передовых» коммунистических государств и подвергнется со стороны их самой беззастенчивой эксплуатации. Если и сейчас население России страдает и бедствует в значительной мере потому, что громадная часть русских национальных богатств тратится на коммунистическую пропаганду за границей и на поддержку иностранного рабочего движения, то что же будет тогда, когда потом и кровью русского рабочего и крестьянина будет укрепляться и поддерживаться благополучие образцовых коммунистических государств Европы и когда «спецы», руководящие эксплуатацией «отсталых» и «малосознательных» «туземцев», будут представителями этих самых образцовых коммунистических государств?

Таким образом, всемирная революция по существу ничем не изменит мрачных перспектив, стоящих перед Россией. Без этой революции Россия будет колонией буржуазных романо-германских стран, а после этой революции — колонией коммунистической Европы. Но колонией она будет во всяком случае, при той и при другой комбинации. Страница истории, на которой написано «Россия — великая европейская держава», раз и навсегда перевернулась. Отныне Россия вступила в новую эпоху своей жизни, в эпоху утраты независимости. Будущая Россия — ко-

лониианальная страна, подобная Индии, Египту или Марокко. Это — единственная реальная возможность, существующая в будущем для России, и всякому реальному политику только с этой возможностью и следует считаться, если только не произойдет чуда.

IV

Вступление России в семью колониальных стран происходит при довольно благоприятных auspiciis. Престиж романо-германцев в колониях за последнее время заметно падает. Презренные «туземцы» всюду постепенно начинают поднимать головы и относиться критически к своим господам. Романо-германцы, конечно, сами в этом виноваты. Во время мировой войны они вели пропаганду в чужих колониях, дискредитируя друг друга в глазах «туземцев». Они обучали этих туземцев военному делу и заставляли их сражаться на фронте против других романо-германцев, приучая туземцев к победе над «расой господ». Они расплодили среди туземцев сословие интеллигентов с европейским образованием и вместе с тем показали этим интеллигентам истинный лик европейской культуры, в котором нельзя было не разочароваться. Как бы то ни было, стремление к освобождению от романо-германского ига теперь налицо во многих колониальных странах, и если в некоторых из них стремление это проявляется в бессмысленных, легко подавляемых вооруженных восстаниях, то в других наблюдаются признаки более серьезного и глубокого национального движения. В туманной дали как будто открываются перспективы грядущего освобождения угнетенного человечества от ига романо-германских хищников. Чувствуется, что романо-германский мир стареет и что его старые изъеденные зубы скоро окажутся неспособными терзать и пережевывать лакомые куски поработанных колоний.

При таких условиях вступление в среду колониальных стран новой колониальной страны, огромной России, привыкшей существовать самостоятельно и смотреть на романо-германские государства как на величины, более или менее ей равные, может явиться решительным толчком в деле эмансипации колониального мира от романо-германского гнета. Россия может сразу стать во главе этого всемирного движения. И надо признать, что большевики, которые своими экспериментами несомненно в конце концов привели Россию к неизбежности сделаться иностранной колонией, в то же время подготовили Россию и к ее новой исторической роли вождя за освобождение колониального мира от романо-германского ига. Ведя свою коммунистическую пропаганду среди «азиатов», большевики с самого начала сталкивались с одним общим явлением. Чисто коммунистические идеи, за отсутствием в азиатских странах подходящих социально-бытовых условий, всюду оказывались сравнительно малопопулярными. Зато необычайный успех имела проповедь, направленная против романо-германцев и романо-германской культуры. Коммунистическая пропаганда воспринималась как национальная проповедь против европейцев и их приспешников. Под «буржуем» понимался либо европейский купец, инженер, чиновник, эксплуатирующий туземцев, либо европеизированный туземец-интеллигент, воспринявший европейскую культуру, надевший европейский костюм и утративший связь с родным народом. Большевики были отчасти рады этому недоразумению, так как оно давало им возможность, хотя бы обманным образом, использовать в своих целях недовольство значительных масс населения Азии. Но все же особенно поощрять такое «неправильное» понимание коммунистической пропаганды и дать ему вылиться в теоретически обоснованное и серьезно продуманное национальное движение они, коммунисты и интернационалисты, конечно, не могут. Потому-то в большинстве

азиатских стран дело сейчас не идет дальше именно этого недоразумения, при котором элементы коммунизма и марксизма соединяются с элементами мизонейзма, европофобии и национализма в причудливую и довольно бесформенную смесь.

И все же дело сделано. В сознании значительной части «азиатов» большевики, а с ними вместе и Россия прочно ассоциировались с идеями национального освобождения, с протестом против романо-германцев и европейской цивилизации. Так смотрят на Россию в Турции, в Персии, в Афганистане, в Индии, отчасти в Китае и в некоторых других странах восточной Азии. И этот взгляд подготавливает будущую роль России, России уже не великой европейской державы, а огромной колониальной страны, стоящей во главе своих азиатских сестер в их совместной борьбе против романо-германцев и европейской цивилизации. В победоносном исходе этой борьбы — единственная надежда на спасение России. В прежнее время, когда Россия еще была великой европейской державой, можно было говорить о том, что интересы России сходятся или расходятся с интересами того или иного европейского государства. Теперь такие разговоры бессмысленны. Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может, Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственно возможной для настоящего русского националиста.

V

Но если сознание населения значительной части азиатских стран подготовлено к тому, чтобы принять Россию в ее новой исторической роли, то сознание самой России к этой роли отнюдь не подготовлено. Русская интеллигенция в своей массе продолжает раболепно преклоняться

перед европейской цивилизацией, смотреть на себя как на европейскую нацию, тянуться за природными романо-германцами и мечтать о том, чтобы Россия в культурном отношении во всем была подобна настоящим романо-германским странам. Сознательное желание отмежеваться от Европы есть удел лишь единичных личностей. Если у части наших беженцев и эмигрантов наблюдается разочарование во французах и англичанах, то в большинстве случаев это зависит от чисто личной обиды против «союзников», от которых пришлось навидаться всяких оскорблений и унижений во время эвакуации и при жизни в беженских лагерях. Весьма часто это разочарование в «союзниках» сейчас же переходит в преувеличенную идеализацию немцев; таким образом, русский интеллигент все-таки остается в орбите поклонения романо-германцам (не тем, так другим), и вопрос о критическом отношении к европейской культуре в нем все-таки не поднимается.

При таких условиях иностранное иго может оказаться для России роковым. Значительная часть русской интеллигенции, провозносящая романо-германцев и смотрящая на свою родину как на отсталую страну, которой «многому надо поучиться» у Европы, без зазрения совести пойдет на службу к иностранным порабощателям и будет не за страх, а за совесть помогать делу порабощения и угнетения России. Прибавим ко всему этому и то, что первое время приход иностранцев будет связан с некоторым улучшением материальных условий существования, далее, что с внешней стороны независимость России будет оставаться как будто незатронутой и, наконец, что фиктивно-самостоятельное, безусловно покорное иностранцам русское правительство в то же время будет несомненно чрезвычайно либеральным и передовым. Все это, до известной степени закрывая суть дела от некоторых частей обывательской массы, будет облегчать само-

оправдание и сделки с совестью тех русских интеллигентов, которые отдадут себя на служение поработившим Россию иностранцам. А по этому пути можно уйти далеко: сначала — совместная с иностранцами помощь голодающему населению, потом служба (разумеется, на мелких ролях) в конторах иностранных концессионеров, в управлении иностранной «контрольной комиссии над русским долгом», а там и в иностранной контрразведке и т. д. Эта служба иностранцам сама по себе еще не так опасна и не так заслуживает осуждения, тем более что во многих случаях она будет просто неизбежна. Самое вредное — это, разумеется, моральная поддержка иностранного владычества. А между тем при современном направлении умов русской интеллигенции приходится признать, что такая поддержка со стороны большинства этой интеллигенции, несомненно, будет оказана. Вот это и есть самое страшное. Если иностранное иго будет морально поддержано большинством русской интеллигенции, продолжающей преклоняться перед европейской культурой и видеть в этой культуре безусловный идеал и образец, которому надо следовать, — то России никогда не удастся сбросить с себя иностранное иго и осуществить свою новую историческую миссию — освобождение мира от власти романо-германских хищников.

Осуществление этих задач возможно лишь при том условии, если в сознании всего русского общества произойдет резкий перелом в сторону духовного отмежевания себя от Европы, утверждения своей национальной самобытности, стремления к самобытной национальной культуре и отвержения европейской культуры. Если такой перелом произойдет, победа обеспечена и никакая служба иностранцам, никакое физическое подчинение романо-германцам не страшны. Если же этого не произойдет, Россию ждет бесславная и окончательная гибель.

VI

Мы рассмотрели те перспективы, которые открываются перед Россией. Что же должны делать в настоящее время русские люди, жаждущие деятельности и стремящиеся хоть чем-нибудь помочь если не современной, то хотя бы будущей России? Какие реальные задачи ставятся перед ними?

Всемирно способствовать свержению советской власти и экономическому восстановлению России? Но мы уже знаем, что и то, и другое возможно лишь при условии иностранного порабощения России. Что же ускорит этот неизбежный процесс?

Сознательно привести иностранцев в Россию? Прежде всего, на такое дело у многих даже реальных политиков не поднимется рука. А во-вторых, что значит «привести иностранцев»? Иностранцы пойдут в Россию тогда, когда они найдут это для себя выгодным и удобным, и сделают это именно так, как это им подскажет практический расчет. Мольбы русских эмигрантов дела не ускорят, ибо иностранцы будут действовать не во имя человеколюбия, а во имя своих интересов. Они придут в Россию только в том случае, если сумеют обезопасить себя от возможных неприятных последствий этого шага: от международных осложнений на почве дележа «русского наследства» или от революционных вспышек в собственном тылу. Пока соответствующий безопасный способ вмешательства в русские дела не будет найден, никакие старания русских эмигрантов ни к чему не приведут. Когда же он будет найден настоящими реальными политиками той или иной романо-германской державы, интервенция произойдет без всякого давления со стороны русской эмиграции. Значит, в этом вопросе русская эмиграция совершенно бессильна, и вся ее деятельность в этом направлении сводится к нецелесообразной суете. Готовить себя к участию в буду-

щем правительственном аппарате «восстановленной» и «освобожденной от советской власти» России? Но мы знаем, какой это будет правительственный аппарат: с виду — настоящая русская власть, а фактически — проводник иностранной колониальной политики. Кому может улыбнуться работа в таком «аппарате»? Мелким честолюбцам, стремящимся к атрибутам власти, хотя бы фиктивной? Или беспринципным авантюристам, мечтающим обеспечить личное благополучие, хотя бы ценой собственного позора и гибели родины? Такие люди всегда были, есть и будут. Не для них, конечно, мы пишем все это. Пусть готовятся к своей будущей работе; помешать им в этом невозможно. Но пусть у других откроются на них глаза, пусть знают все, что это — предатели! Впрочем, кроме предателей могут найтись и честные, идейные люди, которые захотят войти в будущее, угодное иностранцам, русское правительство с тем, чтобы путем упорного труда, соединенного с гибким маккиавелизмом, вывести Россию из-под иностранного ига. Образ Ивана Калиты, упорно и методически творившего великое дело собирания России, в то же время покорно кланяясь Орде, может встать перед этими идейными людьми, как путеводная звезда. Но Иван Калита был самостоятельным князем, не зависящим ни от какого коллективного органа и ни от каких коллег по управлению.

Татары не сидели у него на шее в виде посланников или контрольных комиссий, а лишь изредка наезжали за быстро и исправно выплачиваемой данью, предоставляя в остальное время своему даннику полную свободу действия. Положение честного русского человека в правительстве будущей, поработанной романо-германцами, России будет гораздо труднее. Он будет делить власть с «кабинетом», состоящим преимущественно из упомянутых выше честолюбцев и проходимцев, из которых каждый с большим удовольствием свергнет своего сослуживца, дискредитировав его в глазах всемогущих иностранцев.

Сами эти иностранцы будут неусыпно и зорко следить за деятельностью правительства через своих официальных представителей и шпионов. В такой обстановке деятельность нового Ивана Калиты вряд ли окажется очень продуктивной. Но главное, и это особенно следует подчеркнуть, без наличности в обществе морального отпора иностранцам деятельность эта заранее обречена на полную неудачу.

Остается подготовка к чисто технической работе по восстановлению транспорта, товарооборота, упорядочению финансов и проч., причем все это — при неизменной перспективе деятельности в обстановке фактического иностранного господства. Эта перспектива делает всю эту техническую работу глубоко одиозной. Ведь вся эта работа будет проходить в тесном сотрудничестве с иностранцами и непременно будет направляться на закрепление России в положении колониальной страны. Пока перспектива этой новой фазы существования России реально не встает перед сознанием честных русских людей или пока от этой перспективы отмахиваются, мысль о технической работе по восстановлению разных сторон русской жизни является естественной и не вызывает внутреннего отпора, хотя в то же время она, будучи лишена связи с реальной перспективой, именно в силу этого превращается в какую-то бесплодную мечту. Но когда ясно себе представишь, что работать придется не в чудесно восстановленной великодержавной России, а в колониальной стране, фактически поработанной иностранцами, руки опускаются и о технической работе не хочется думать.

VII

Итак, все виды политической деятельности и даже аполитической работы по восстановлению разных сторон государственного быта России для русской эмиграции закры-

ты как явно нецелесообразные. Из этого, однако, отнюдь не следует, чтобы русские эмигранты могли со спокойной совестью предаться бездействию или всецело уйти в свои личные дела, забыв о России. Наоборот, нарисованные выше перспективы будущей судьбы России таковы, что, осознав их, никто из русских спокойным оставаться не может. Но только деятельность русской интеллигенции, и в частности русской эмиграции, должна направиться по совершенно иному руслу, чем то, по которому оно протекало до сих пор. Мы уже указали выше, что будущее порабощенной иностранцами России в значительной мере зависит от того, сумеет ли русская интеллигенция оказать иностранному засилью надлежащий духовный отпор. Мы указали и на то, что для этого отпора необходим радикальный переворот в русском общественном сознании и настроении, так как современная русская интеллигенция по своей психологии ни к какому духовному отпору иностранцам не приспособлена. Этим сразу указывается и направление деятельности для русской эмиграции. Центр тяжести из области техники государственного строительства и политической работы переносится в область выработки мирозерцания, создания и укрепления самобытной национальной культуры. Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг. Мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры тех заимствованных с Запада общественных идеалов и предрассудков, которыми направлялось до сих пор мышление нашей интеллигенции. Освободив свое мышление и мироощущение от давящих его западных шор, мы должны внутри себя, в сокровищнице национально-русской духовной стихии, черпать элементы для создания нового мировоззрения. В этом духе мы должны воспитывать и подрастающее поколение. В то же время, вполне свободные от преклонения перед кумиром западной цивилизации, мы должны всемерно работать на создание самобытной национальной культуры, которая,

сама вытекающая из нового мировоззрения, в то же время обособилась бы собой это мировоззрение. В этой огромной, всеобъемлющей работе есть дело для всех, не только для теоретиков, мыслителей, художников и ученых, но и для техников-специалистов и для рядового обывателя. Общим требованием, предъявляемым ко всем, является радикальный переворот в мировоззрении.

Задача, о которой идет речь, жизненна и реальна для всей русской интеллигенции. Без ее выполнения Россия никогда не освободится от рабства. В настоящее время работа по выполнению этой задачи уже производится в отдельных умах, но этого мало, надо, чтобы она стала всеобщей. Разумеется, по самому своему существу работа эта должна производиться преимущественно в самой Советской России. По-видимому, она там и производится. По крайней мере, частные письма, идущие оттуда, часто содержат в себе свидетельства о глубочайших переворотах и огромных сдвигах в мировоззрении самых различных людей и о жажде к творчеству, проникнутому совершенно новым духом. Но в то же время те же письма свидетельствуют о том, что вся эта работа загнана внутрь и придушена.

Большевики, хотящие во что бы то ни стало всем навязать свое собственное, обветшавшее, грубо-элементарное и не могущее удовлетворить мыслящего человека мирозерцание, боятся всякого проявления свободного движения мысли, препятствуют проповеди идей, не укладывающихся в марксистские схемы, и тем самым тормозят умственное и нравственное перерождение русской интеллигенции. Имея свое весьма определенное понятие о том, чем должна быть культура всякого коммунистического государства, они стараются в корне подавить всякие попытки национального культурного творчества.

Эти-то неблагоприятные условия, существующие в Советской России, и придают особое значение и важность работе русской эмиграции. Над нами, эмигрантами,

не тяготит советская цензура, от нас не требуют, чтобы мы были обязательно марксистами. Мы можем думать, говорить и писать, что хотим, и если в какой-нибудь стране, где мы временно обитаем, та или другая наша мысль вызвала бы против нас репрессии, мы можем переменить местожительства. А потому наш долг состоит в выполнении той громадной культурной работы, которая там, в России, сопряжена с часто непреодолимыми препятствиями. Эта задача неизмеримо значительнее всей той ничемной политической грызни и сутолоки, которой предаются теперь наши общественные деятели. И если русская эмиграция хочет действительно сыграть почетную роль в истории России, ей нужно бросить всю эту недостойную игру в политику и заняться работой по перестройке духовной культуры.

В противном случае будущий историк будет вправе заклеить русскую эмиграцию тяжким приговором.

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ НЕ С ЗАПАДА, А С ВОСТОКА

I

Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой Киевской Руси, вряд ли может быть признан правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством. Киевская Русь была группой княжеств, управляемых князьями варяжской династии и расположенных в бассейне трех рек, которые почти непрерывной линией соединяют Балтийское море с Черным, и начальная летопись совершенно точно определяет географическую сущность этого государства как «путь из варяг в греки». Площадь этой Киевской Руси не составляла и двадцатой доли общей площади той России, в которой родились все мы. Киевская Русь не только не была по территории своей тождественна хотя бы с так называемой Европейской Россией, но даже не являлась на территории этой Европейской России самой значительной единицей в политическом или хозяйственном отношении. Государства Хозарское (в низовьях Волги и на Дону) и Болгарское (в среднем течении Волги и по Каме), существо-

вавшие одновременно с Киевскою Русью, были хозяйственно и политически едва ли не значительнее ее. Государство (политическое или хозяйственное) на территории Европейской России в те времена было невозможно ни для одного из этих оседлых, привязанных к тому или иному речному бассейну государств, ибо на пути к Черному и Каспийскому морям лежала широкая полоса степи, а по ней кочевали воинственные кочевники, которых никто вполне подчинить себе не мог и которые делали невозможным всякое стремление оседлых государств к господству и расширению. Потому-то из Киевской Руси и не могло развиваться никакого мощного государства, и представление о том, будто бы позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно. Киевская Русь не могла ни расширять своей территории, ни увеличивать свою внутреннюю государственную мощь, ибо будучи естественно прикреплена к известной речной системе, она в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца; нижняя, самая важная, часть этой системы, пролегающая по степи, оставалась всегда под ударами степных кочевников, печенегов, половцев и проч. Киевской Руси оставалось только разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишенные всякого более высокого представления о государственности. Это было неизбежно. Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории. Географически заданием Киевской Руси было осуществление товарообмена между Балтийским и Черным морями; задание это в силу указанных выше причин было невыполнимо, и потому Киевская Русь была нежизнеспособна, а всякий нежизнеспособный организм разлагается. Отдельным речным городам и княжествам, входящим в состав Киевской Руси, действительно не оставалось ничего другого, как самостийничать и друг с другом драться. Чувствовать себя

частями единого государственного целого они не могли, ибо это государственное целое все равно физически не могло осуществлять своего хозяйственно-географического назначения и, следовательно, было бессмысленным. Итак, ясно, что не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже и исторически невозможно. Между Киевской Русью и той Россией, которую мы теперь считаем своей родиной, общим является имя «Русь», но географическое и хозяйственно-политическое содержание этого имени совершенно различно.

II

Спросим же словами древнего летописца: «Откуда есть пошла Русская земля, и како Русская земля стала есть?» и постараемся ответить на этот вопрос, вкладывая в понятие «Русская земля» новое, современное географическое, хозяйственное и политическое содержание.

Одного взгляда на историческую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что почти вся территория современного СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в послепетровскую эпоху, — Финляндия, Польша, Балтийские провинции — в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как исторической, естественной государственной связи у них с Россией не было. Другие области, случайно не входившие в состав монгольской монархии, но, естественно, по своей географической или этнографической природе связанные с этой монархией и присоединенные к прежней России, удержались в СССР, и если некоторые из них (например, Бессарабия, польские кресы) теперь отторгнуты, то это есть явление временное, и рано или поздно природа возьмет

свое. Присоединение к СССР Хивы и Бухары, сохранявших призрачную самостоятельность при последних русских императорах и провозглашение Советской Республики в Монголии являются продолжением и укреплением исторической связи России с монархией Чингисхана. На том же пути можно с уверенностью предсказать в будущем и присоединение китайского Туркестана.

Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом.

Однако между Россией и монархией Чингисхана все же нельзя поставить знака равенства. В монархию великого монгольского завоевателя и его ближайших потомков входила почти вся Азия, а между тем, как бы ни распространялось влияние России на Китай, Персию, Афганистан, все эти страны все-таки не входят в Россию, и если бы Россия присоединила их к себе, она изменила бы в корне свое историческое лицо. В исторической преемственности Россия не есть вся монархия Чингисхана, а лишь основное ядро этой монархии. Ядро это определяется особыми географическими признаками, отмежевывающими его от остальных частей бывшей монгольской монархии.

Географически территория России как основного ядра монгольской монархии может быть определена следующей схемой. Существует длинная, более или менее непрерывная полоса безлесных равнин и плоскогорий, тянущаяся почти от Тихого океана до устьев Дуная. Эту полосу можно назвать системой степи. С севера она окаймлена широкой полосой лесов, за которой идет полоса тундр. С юга система степи окаймлена горными хребтами. Таким образом, имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, т. е. с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырех

полос пересекается системами больших рек. Такова сущность внутреннего географического строения рассматриваемой географической области. Внешние очертания ее характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой — для Восточной и Южной Азии. Наконец, в отношении климатическом вся рассматриваемая область отличается как от Европы, так и от собственно Азии целым рядом признаков, которые можно объединить под выражением «континентальность климата»: резкое различие между температурой зимы и лета, особое направление изотерм и ветров и т. д. Все это, вместе взятое, позволяет отделять рассматриваемую область от собственно Европы и собственно Азии и считать ее особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Евразией. Население этой части света неоднородно и принадлежит к различным расам. Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом, с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом и мордвином или зырянном; но от зырянина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чуваши, татарами, мещеряками); татарский тип так же постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят.

Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое. Наличие в этом целом таких разнообразных по своему природному и хозяйствен-

ному характеру частей, как леса, степи и горы, и существование между этими частями естественной географической связи позволяет рассматривать всю Евразию как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область. Благодаря всему этому Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства.

Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения. С точки зрения древнейших времен путями сообщения могли служить только реки и степи: горы и леса с этой точки зрения были неудобны, а тундра вообще не может идти в расчет как область слишком неблагоприятная для развития какой бы то ни было человеческой деятельности. Мы уже видели, что системы больших рек на территории Евразии идут большей частью в меридиональном направлении, тогда как система степей проходит через всю Евразию с востока на запад. При этом речных систем много, а система степи в принципе одна. Отсюда следует, что путь сообщения между востоком и западом — один, а путей сообщения между севером и югом — несколько, причем все эти (речные) дороги между югом и севером пересекают и (степную) дорогу между востоком и западом. С точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии отсюда вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи.

Первоначально на территории Евразии наблюдались, с одной стороны, племена и государства речные, с оседлым бытовым укладом, и, с другой стороны, племена степные, в бытовом отношении кочевнические. Между реками и степью должна была неминуемо завязаться борьба, которая и проходит красной нитью через всю древнейшую историю, притом не только Киевской Руси, но и других речных государств Евразии, например царства Хазарского и Хорезма. Вначале кочевники были не объединены, делились на множество племен, из которых каждое держалось только одного определенного участка степи и только иногда забиралось в соседний участок, в каковом случае начиналась борьба между двумя соседними кочевыми племенами. Благодаря этому речные государства могли еще довольно успешно бороться со степняками. Правда, самое существование постоянной угрозы кочевнических набегов на оседлые речные поселения и вечная опасность прерыва торгового сообщения по реке делали невозможным нормальное развитие речных государств. Но государства эти все же существовали и боролись с кочевниками, хотя и не с полным успехом.

Положение резко изменилось, когда Чингисхан подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто устоять не могло. Все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, — задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, — объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию.

Но Чингисхан, как сказано выше, подчинил себе не только всю Евразию, но и почти всю Азию. Однако, если, завоеывая Евразию и государственно ее объединяя, Чингисхан совершал дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу, завоевание частей собственно Азии являлось исторически вовсе не необходимым. Насколько завоевание и объединение Евразии было делом созидательным и для самой Евразии в конечном счете полезным, настолько же завоевание частей собственно Азии было делом разрушительным и для этих частей Азии скорее пагубным. Ни Китай, ни Персия вовсе не нуждались в каком-то внешнем государственном объединении. Это были страны с древними национально-государственными и культурными традициями, с определенными сферами собственного культурного влияния. Правда, соединив их с Евразией, Чингисхан получил возможность ввести в созданную им евразийскую государственность элементы этих старых азиатских культур и использовать, таким образом, культурные богатства и культурное влияние Китая, Персии и Индии, не только не подчинившись в то же время политической власти какой-либо из этих стран, но даже подчиняя самые эти страны себе. Для Евразии от этого, таким образом, произошла и некоторая польза. Но для Азии получился вред, ибо монгольское завоевание, выведя отдельные части Азии из их обособленного самодовления и ворвавшись извне в их историческое бытие, надолго затормозило их дальнейшее культурное развитие. В конце концов то положение вещей, при котором монгольские завоеватели, занявши старое культурное азиатское государство, пользовались всеми благами культуры этого государства, в то же время ему не подчиняясь, долго продолжаться не могло: монгольские правители этих государств неизбежно ассимилировались с местным населением, принимали полностью все старые местные традиции, и

каждое данное государство вновь становилось тем, чем было раньше, обособившись от прочих частей монгольской монархии.

Таким образом, хотя сам Чингисхан как будто больше придавал значения завоеванию Китая и вообще собственно Азии, чем подчинению Евразии, тем не менее только в Евразии он выступил как осуществитель исторической миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания. И потому-то, желая определить историческую сущность русского государства как государства, распространяющегося на всю или почти на всю территорию Евразии, мы обозначили это государство как основное ядро монархии Чингисхана. Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя не всегда было одинаково ясным. С течением времени единство это стало нарушаться. Русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана.

III

Чингисхан был не только великим завоевателем, он был и великим организатором. Как всякий государственный организатор крупного масштаба, он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему. Как типичный представитель ту-

ранской расы, он неспособен был сам ясно формулировать эту систему в отвлеченных философских выражениях, но тем не менее ясно чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы. По отдельным сохранившимся до нас его изречениям и по общему характеру всех его установлений мы можем восстановить его систему и дать ей ту теоретическую формулировку, которую сам Чингисхан не дал и дать не мог.

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену. Когда такой человек подчиняется своему начальнику или господину, то делает это только потому, что сознает в этом начальнике известную силу и мощь, способную лишить его благополучия или даже жизни, и трепещет перед этой силой. За своим господином он ничего не видит; он подчинен только лично этому господину в порядке страха, т. е., в сущности, подчинен не господину, а своему страху. Изменяя своему господину или предавая его, такой человек думает тем самым освободиться от того единственного человека, который над ним властвует; но делая это всегда из страха или из материального расчета, он тем самым остается рабом своего страха, своей привязанности к жизни и к материальному благополучию и даже утверждает в рабстве. Такие люди — натуры

низменные, подлые, по существу рабские; Чингисхан презирал их и беспощадно уничтожал. На своем завоевательском пути Чингисхану пришлось свергнуть и низложить немало царей, князей и правителей. Почти всегда среди приближенных и вельмож таких правителей находились изменники и предатели, которые своим предательством способствовали победе и успеху Чингисхана. Но никого из этих предателей Чингисхан за их услугу не вознаграждал: наоборот, после каждой победы над каким-нибудь царем или правителем великий завоеватель отдавал распоряжение казнить всех тех вельмож и приближенных, которые предали своего господина. Их предательство было признаком их рабской психологии, а людям с такой психологией в царстве Чингисхана места не было. И наоборот, после завоевания каждого нового царства или княжества Чингисхан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоеванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему. Люди такого ценного Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живет особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение

его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти. Уважая самих себя, они уважают и других, хранящих тот же внутренний устав, особенно тех, кто свою стойкую преданность этому уставу уже показал на деле. Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно и религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуется своему непосредственному начальнику, он повинуется не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы; в лице своего непосредственного начальника он повинует-ся ставленнику более высоко стоящего начальника, являющегося в свою очередь ставленником еще более высоко-го начальника и т. д., вплоть до верховного земного повелителя, который, однако, мыслится тоже как ставленник, но ставленник не человека, а Бога. Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя как часть известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, а Богу. Измена и предательство для него психологически невозможны, ибо изменив своему непосредственному начальнику, он тем самым еще не освобождается от суда начальников, более высоко стоящих, и даже изменивши всем земным начальникам, все-таки не уходит из-под власти суда Божьего, из-под власти божественного закона, живо пребывающего в его сознании. Это сознание невозможности выхода из-под власти сверхчеловеческого, божественного закона, сознание своей естественной и неупразднимой подзаконности сообщает ему стойкость и спокойствие фатализма. Чингисхан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался

неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших на земле государств, он продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчиненность высшей воле и смотреть на себя как на орудие в руках Божиих.

Подразделяя людей на две вышеупомянутые психологические категории, Чингисхан это подразделение ставил во главу угла при своем государственном строительстве. Людей рабской психологии он держал тем, чем только и можно их держать, — материальным благополучием и страхом. Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Евразии и части Азии, обеспечения безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавал для жителей монархии Чингисхана такие благоприятные экономические условия, при которых их стремления к материальному благополучию могли получить самое полное удовлетворение. С другой стороны, физическая мощь его непобедимой, не останавливающейся ни перед какими препятствиями и беспрекословно ему повинующейся армии и неумолимая жестокость его карательных мероприятий заставляли трепетать перед ним всех людей, привязанных к своему личному физическому существованию. Таким образом, люди рабской психологии были у Чингисхана в руках. Но этих людей он к правлению не подпускал. Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингисхан. И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нем прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала.

При конкретизации своей государственной теории, при практическом применении ее в реальных условиях завоеванных им стран Чингисхан руководствовался тем убеждением, что люди ценимого им психологического типа имеются главным образом среди кочевников, тогда как оседлые народы в большинстве своем состоят из людей рабской психологии. И действительно, кочевник по самому существу своему гораздо менее привязан к материальным благам, чем оседлый горожанин или земледelec. Питая органическое отвращение к упорному физическому труду, кочевник в то же время мало дорожит и физическим комфортом и привык ограничивать свои потребности, не ощущая этого ограничения как особенно тяжелого лишения. Он не привык бороться за свое существование с силами природы и потому смотрит на свое благосостояние фаталистически. Богатство кочевника состоит в скоте. Если богатство это будет уничтожено падежом скота, то против этого несчастья все равно ничего сделать нельзя: с эпизоотиями и сейчас трудно бороться, а в то время бороться и вовсе не умели. Скот может быть угнан врагом; но точно так же можно другой раз и самому угнать скот у врага. И то и другое зависит от личной военной доблести, а также и от самого существования неприятельских и приятельских отношений, регулируемых обычным правом и чувством порядочности и чести. Поэтому кочевник особенно ценит в мужчине, с одной стороны, военную доблесть и, с другой стороны, верность данному слову и договору. Все это и создает в кочевнике условия, благоприятствующие развитию той психологии, которую Чингисхан считал особенно ценной. У кочевнической аристократии все эти черты были еще усугублены родовыми традициями, живым чувством не только личной, но и фамильной чести, сознанием ответственности перед предками и потомками. Неудивительно поэтому, что человеческий материал для своего

военно-административного аппарата Чингисхан черпал главным образом из рядов кочевнической аристократии. Но при этом он в принципе вовсе не руководствовался сословными предрассудками: многие назначенные им на высокие посты военачальники происходили из самых заурядных родов, а кое-кто из них и прямо был прежде по своему социальному положению простым пастухом. Важна была для Чингисхана не принадлежность данного человека к тому или иному классу или слою кочевнического общества, а его психологический тип. Но, как сказано, людей нужного ему психологического типа Чингисхан находил преимущественно среди кочевников, и связь этого психологического типа с кочевым бытом он ясно понимал. Поэтому главный завет, который он дал своим потомкам и всем кочевникам, состоял в том, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми. Что касается до презрения Чингисхана к оседлым народам, в которых он видел людей низменной, рабской психологии, то по отношению к тем оседлым народам, с которыми ему приходилось иметь дело, он до известной степени был прав: в оседлых азиатских монархиях того времени действительно снизу доверху господствовал рабский дух; алчная приверженность к материальному богатству, не всегда честно приобретенному, высокомерное и оскорбительное обращение с низшими и униженное пресмыкание перед высшими характеризовали социальную жизнь этих государств точно так же, как беспринципный карьеризм, предательство и измена характеризовали их политическую жизнь; того разграничения между людьми двух разных психологических типов, которое Чингисхан ставил во главу угла своего государственного строительства, в этих азиатских монархиях не было, ибо в них и правительственный аппарат весь держался на физическом страхе и материальной выгоде. Таким образом, подходящий человеческий

материал для военно-административного аппарата своего государства Чингисхан мог почерпнуть только среди кочевников, среди оседлых же он мог найти разве что отдельных «спецов» по финансовым делам и канцелярскому делопроизводству. Отличительным признаком государства Чингисхана являлось то, что это государство управлялось кочевниками.

Другой важной особенностью Чингисханова государства было положение религии в этом государстве. Будучи лично человеком глубоко религиозным, постоянно ощущая свою личную связь с божеством, Чингисхан считал, что эта религиозность является неременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчиненных. Чтобы бесстрашно и беспрекословно исполнять свой долг, человек должен твердо, не теоретически, а интуитивно, всем своим существом верить в то, что его личная судьба, точно так же, как и судьба других людей и всего мира, находится в руках высшего, бесконечно высокого и не подлежащего критике существа; а таким существом может быть только Бог, а не человек. Дисциплинированный воин, умеющий одинаково хорошо как подчиняться начальнику, так и повелевать подчиненному, никогда не теряя уважения к самому себе, и потому одинаково способный уважать других и вызывать у других уважение к себе, по существу, может быть подвластен только нематериальному, неземному началу, в отличие от рабской природы, подвластной земному страху, земному благополучию, земному честолюбию. И проникнутый этим сознанием Чингисхан считал ценными для своего государства только людей искренне, внутренне религиозных. Но подходя к религии, в сущности, именно с такой, психологической точки зрения. Чингисхан не навязывал своим подчиненным какой-либо определенной, догматически и обрядово оформленной религии. Официальной государственной религии в его

царстве не было; среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане). Государственно важно для Чингисхана было только то, чтобы каждый из его верноподданных так или иначе живо ощущал свою полную подчиненность неземному высшему существу, т. е. был религиозен, исповедовал какую-нибудь религию, все равно какую. В этой широкой веротерпимости известную историческую роль играло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т. е. религию довольно примитивную, догматически совершенно неоформленную и не стремящуюся к прозелитизму. Но следует подчеркнуть, что веротерпимость Чингисхана отнюдь не была проявлением индифферентизма или пассивного безразличия. Безразлично было для Чингисхана только то, к какой именно религии принадлежат его подданные, но принадлежность их к какой бы то ни было религии была для него не безразлична, а, наоборот, первостепенно важна. Поэтому он не просто пассивно терпел в своем государстве разные религии, а активно поддерживал все эти религии. И для государственной системы Чингисхана активная поддержка, утверждение и постановка во главу угла религии были столь же важны и существенны, как утверждение кочевого быта и передача власти в руки кочевников.

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по

своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше. А практически, в порядке применения к конкретным условиям тех стран, с которыми Чингисхан имел дело, это приводило к тому, что правящий класс набирался из среды кочевников, что каждый представитель этого класса был ревностным приверженцем какой-нибудь религии и что всем религиям оказывалась поддержка.

IV

Мы нарочно так долго остановились на идеологической основе царства Чингисхана и постарались вскрыть идейную сущность его государственной теории, чтобы уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создано в исторических учебниках и руководствах главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению. И в этом необходимо отдать себе отчет при признании исторической России фактической приемницей государства Чингисхана.

Вернемся, однако, к основному интересующему нас вопросу о происхождении русской государственности. Ведь одного установления того факта, что географически территория России совпадает или стремится совпасть с основным ядром монархии Чингисхана, еще недостаточно для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос. Ибо все-таки остается неясным, каким образом монархия великого монгольского завоевателя оказалась замененной именно русской государственностью. Разгром

удельно-вечевой Руси монгольским нашествием и включение этой Руси в монгольское государство не могли не произвести в душах и умах русских людей самого глубокого потрясения и переворота. С душевной подавленностью, с острым чувством унижения национального самолюбия соединялось сильное новое впечатление величия чужой государственной идеи. Глубокое душевное потрясение охватило всех русских, перед сознанием открылись бездны, и выведенные из равновесия люди заматались, ища точки опоры. Началось интенсивное брожение и кипение, сложные душевные процессы, значение которых обычно недооценивается. Главным и основным явлением этого времени был чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни. Татарщина была для Древней Руси прежде всего религиозной эпохой. Иноземное иго воспринято было религиозным сознанием как кара Божия за грехи, реальность этой кары утверждала сознание реальности греха и реальность карающего Божественного Провидения и ставила перед каждым проблему личного покаяния и очищения через молитву. Уход в иночество и создание новых монастырских обителей приняли массовый характер. Напряженно-религиозная установка сознания и всей душевной жизни не замедлила окрасить собой и духовное творчество, особенно художественное. К этому времени относится кипучая творческая работа во всех областях религиозного искусства, повышенное оживление наблюдается и в иконописи, и в церковно-музыкальной области, и в области художественной религиозной литературы (древнейшие из современных народных духовных стихов возникли именно в эту эпоху). Этот мощный религиозный подъем был естественным спутником той переоценки ценностей, того разочарования в жизни, которое было вызвано стихийным ударом татарского нашествия. Но в то же время в виде реакции против подавляющего чувства национального унижения возникло и

пламенное чувство преданности национальному идеалу. Началась идеализация русского прошлого, не того недавнего удельного прошлого, теневые стороны которого, приведшие к поражению при Калке, были слишком очевидны, а прошлого более далекого. Эта идеализация сказалась и в таких памятниках, как «Слово о погибели Русския земли», и в былинах, которые, как теперь установлено, получили редакционную переработку именно во времена татарщины. Идеализация Руси и легендарного русского героизма, превращавшая в народном сознании реальных удельно-вечевых князьков и их местных, всегда связанных только с одним определенным удельным княжеством дружинников в общерусских богатырей, а их противников, мелких предводителей половецких налетов, в татарских ханов, ведущих за собой несметные полчища, — эта идеализация укрепляла восстающее против иностранного ига национальное самолюбие. Параллельно этой установке сознания на воинственно национальный героизм шла и питаемая религиозным подъемом установка на героизм аскетический, подвижнический, постоянно находивший реальное воплощение как в русских иноках, так и в отдельных мучениках, казненных в Орде, причем в русском сознании этот вполне современный и местнорусский героизм соединялся с традициями древнего христианского подвижничества внерусского. Таким образом, в качестве реакции против угнетенного душевного состояния, вызванного татарским разгромом, в русских душах и умах поднималась, росла и укреплялась волна преимущественно религиозного, но в то же время и национального героизма.

Таковы были положительные формы, в которых русское национальное чувство реагировало на татарское иго. Но, разумеется, были и формы отрицательные, наличие и распространенность которых в эту эпоху не следует замалчивать или преуменьшать. Татарский режим,

унизительный для национального самолюбия, многих русских людей из разных слоев общества привел к полной утрате как национального самолюбия, так и вообще чувства долга и достоинства. Такие случаи нравственного падения, по всей вероятности, были очень нередки, встречались гораздо чаще, чем об этом позволяют судить исторические свидетельства современников. Подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, стремление извлечь из татарского режима побольше личных выгод, хотя бы ценой предательства, унижения и компромиссов с совестью, — все это, несомненно, существовало, и притом в очень значительной мере. Несомненно, существовали случаи и полного ренегатства, вплоть до перемены веры из карьерных соображений. Таким образом, наряду со случаями духовного подвижничества и героизма имелись и случаи глубокого нравственного падения, рядом с просветленным религиозно-национальным подъемом одних уживалось полное душевное опустошение и потеря всякого достоинства других. Такие эпохи одновременного сосуществования высоких взлетов и глубоких падений, эпохи резких психологических противоречий, свидетельствующие о глубинном потрясении духовной жизни нации, создают духовную атмосферу, благоприятную для выковывания нового национального типа, и являются предвестниками начала новой эры в истории нации. Следует заметить, что в то время, как случаи нравственного падения в эпоху татарщины, несмотря на всю свою заразительность, оставались все же делом личной совести каждого, религиозно-национальный подъем этой эпохи становился явлением общенародным, мощным фактором развития национального самосознания и культуры.

Такова была духовная, психологическая атмосфера, порожденная в Древней Руси самим фактом татарского ига. В этой атмосфере протекал основной исторический процесс этой эпохи, восприятие и применение к условиям русской жизни самой татарской государственности. Исто-

рики обычно замалчивают или игнорируют этот процесс. О России эпохи татарского ига пишут так, как будто никакого татарского ига и не было. Ошибочность такого приема исторического изложения очевидна. Нелепо было бы писать историю Рязанской губернии вне общей истории России. Но совершенно так же нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства. А между тем русские историки до сих пор поступали именно так. Благодаря этому влияние монгольской государственности на русскую остается совершенно невыясненным. Достоверно известно, что Россия была втянута в общую финансовую систему монгольского государства, и тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне, являются словами, заимствованными из монгольского или татарского (например, казна, казначей, деньга, алтын, таможня), свидетельствует о том, что монгольская финансовая система в России не только была воспринята и утвердилась, но и пережила татарское иго. Наряду с финансами одной из основных задач всякого большого и правильно организованного государства является устройство почтовых сношений и путей сообщения в государственном масштабе. В этом отношении домонгольская удельно-вечевая Русь находилась на самой низкой ступени развития. Но татары ввели Россию в общегосударственную монгольскую сеть почтовых путей, и монгольская система организации почтовых сношений и путей сообщений, основанная на общегосударственной ямской повинности (от монгольского слова «ям» — почтовая станция), сохранялась в России еще долго после татарского ига. Если в таких важных отраслях государственной жизни, как организация финансового хозяйства, почты и путей сообщений между русской и монгольской государственностью существовала непрерываемая преемственная связь, то естественно предположить такую же связь и в

других отраслях, в подробностях конструкции административного аппарата, в организации военного дела и проч. Русским историкам стоит только отрешиться от своего предвзятого и нелепого игнорирования факта принадлежности России к монгольскому государству, взглянуть на историю России под иным углом зрения, и происхождение целого ряда сторон государственного быта так называемой Московской Руси предстанет их глазам в совершенно ином виде. Приобщение России к монгольской государственности, разумеется, не могло быть только внешним и сводиться к простому распространению на Россию системы управления, господствовавшей и в других областях и провинциях монгольской империи; разумеется, должен был быть воспринят Россией до известной степени и самый дух монгольской государственности. Правда, идейные основы этой государственности со смертью Чингисхана в силу известных причин, о которых речь будет ниже, стали постепенно блекнуть и выветриваться; правда и то, что те татарские правители и чиновники, с которыми русским приходилось иметь дело, в большинстве случаев уже далеко не соответствовали идеалам Чингисхана. Но все же известная идейная традиция в монгольской государственности продолжала жить, и за несовершенством реального воплощения сквозил государственный идеал, идейный замысел великого основателя кочевнического государства. И этот-то сопутствующий монгольской государственности, сквозящий за ней, звучащий в ней, подобно обертону, дух Чингисхана не мог остаться незамеченным и непременно должен был проникнуть в души русских. По сравнению с крайне примитивными представлениями о государственности, господствовавшими в домонгольской удельно-вечевой Руси, монгольская, чингисхановская государственная идея была идеей большой, и величие ее не могло не произвести на русских самого сильного впечатления.

Итак, в результате татарского ига в России возникло довольно сложное положение. Параллельно с усвоением техники монгольской государственности должно было произойти усвоение самого духа этой государственности, того идейного замысла, который лежал в ее основе. Хотя эта государственность со всеми ее идейными основами воспринималась как чужая и притом вражеская, тем не менее величие ее идеи, особенно по сравнению с примитивной мелочностью удельно-вечевых понятий о государственности, не могло не произвести сильного впечатления, на которое необходимо было так или иначе реагировать. Люди малодушные просто гнули спины и старались лично приспособиться. Но натуры стойкие не могли с этим примириться; небывало интенсивный религиозный подъем и пробуждение национального самосознания, повышенного чувства национального достоинства не позволяло им склоняться перед чужой государственной мощью, перед чужой государственной идеей — а в то же время эта государственная идея их неотразимо притягивала и проникала в глубину их сознания. Из этой двойственности мучительно необходимо было найти выход. И найти этот выход удалось благодаря повышенной духовной активности, порожденной религиозным подъемом рассматриваемой эпохи.

Путь к выходу был ясен. Татарская государственная идея была неприемлема, поскольку она была чужой и вражеской. Но это была великая идея, обладающая неотразимой притягательной силой. Следовательно, надо было во что бы то ни стало упразднить ее неприемлемость, состоящую в ее чуждости и враждебности; другими словами, надо было отделить ее от ее монгольства, связать ее с православием и объявить ее своей, русской. Выполняя это задание, русская национальная мысль обратилась к византийским государственным идеям и традициям и в них нашла материал, пригодный для оправославления и обрусения государственности монгольской. Этим задача

была разрешена. Потускневшие и выветрившиеся в процессе своего реального воплощения, но все еще сквозящие за монгольской государственностью, идеи Чингисхана вновь ожили, но уже в совершенно новой, неузнаваемой форме, получив христианско-византийское обоснование. В эти идеи русское сознание вложило всю силу того религиозного горения и национального самоутверждения, которыми отличалась духовная жизнь той эпохи; благодаря этому идея получила небывалую яркость и новизну и в таком виде стала русской. Так совершилось чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную идею православно-русскую. Чудо это настолько необычайно, что многим хочется просто его отрицать. Но тем не менее это чудо есть факт, и предложенное выше психологическое его толкование дает ему удовлетворительное объяснение. Следует, во всяком случае, иметь в виду, что с православной Византией Россия была знакома задолго до татарского ига и что во время этого ига величие Византии уже померкло; а между тем византийские государственные идеологи, раньше не имевшие в России никакой особой популярности, заняли центральное место в русском национальном сознании почему-то именно в эпоху татарщины; это ясно доказывает, что причиной прививки этих идеологий в России был вовсе не престиж Византии и что византийские идеологии понадобились только для того, чтобы связать с православием и таким путем сделать своею, русской, ту монгольскую по своему происхождению государственную идею, с которой Россия столкнулась реально, будучи приобщена к монгольской империи и став одной из ее провинций.

V

Центром средоточия того процесса внутреннего перерождения, сущность которого мы попытались определить

выше, явилась Москва. Здесь с необычайной силой отражались все явления, порожденные татарским игом. Именно в Москве и Московской области наиболее ярко проявлялись как положительные, так и отрицательные духовные процессы рассматриваемой эпохи. Случаи морального падения, беспринципного оппортунизма, унижительного прислужничества татарскому режиму, карьеризма, не останавливающегося перед предательством и преступлением, были здесь нередки. Но в то же время именно здесь, в Московской области, ярким пламенем горело религиозное чувство, и воплощением этого горения был Сергей Радонежский, основатель главного центра религиозного подъема эпохи татарщины — Троицко-Сергиевой лавры. Усвоение техники монгольской государственности и даже бытового влияния татар в Москве шло особенно усиленными темпами, и потому понятно, что именно здесь русские легче и скорее освоились с самим духом монгольской государственности, с идейным наследием Чингисхана. В той же Москве и в Московской области особенно заинтересовались и византийскими государственными идеологиями. Таким образом, все проявления того сложного психологического процесса, который в конце концов привел к превращению монгольской государственности в русскую, центрировались в Москве.

Великие князья московские становились постепенно живыми носителями новой русской государственности. Насколько они с самого начала были сознательными «собирателями земли русской», теперь, конечно, трудно судить. Возможно, что сначала они просто пристроились к татарскому режиму, стремясь извлечь из него как можно больше выгод лично для себя и руководясь простым эгоизмом, а вовсе не патриотическими соображениями. Потом они стали работать вместе с татарами, проникнувшись государственными соображениями более широкого масштаба, но, может быть, все еще не представляли себе Россию иначе как провинцией монгольского государства. Наконец,

они стали работать уже сознательно против хана Золотой Орды, стремясь сами занять его место по отношению к России, а впоследствии — и по отношению к прочим землям, подвластным Золотой Орде. Известные централистические традиции в доме суздальских князей, из которого происходили князья московские, несомненно, существовали. Но их одних не было бы достаточно для превращения московских князей в «царей всея Руси». Превращение это стало возможным, с одной стороны, благодаря тому психологическому процессу, который, как мы видели выше, привел к возникновению русской государственной идеологии, а с другой стороны, благодаря тому, что московские князья, лояльно служа ордынскому хану и втянувшись в административную работу монгольского государства, пользовались полным покровительством Орды, которая могла только приветствовать административную централизацию своей русской провинции. Как бы то ни было, государственное объединение России под властью Москвы было прямым следствием «татарского ига».

Выражение «свержение татарского ига», применявшееся в прежних учебниках русской истории, крайне условно и неточно. Настоящего насильственного свержения ига, собственно, никогда и не было. После Куликовской битвы Россия еще долго продолжала платить дань татарам и, следовательно, оставалась частью татарского государства. «Свержением ига» можно было бы назвать скорее отказ Иоанна III платить дань татарам, но, как известно, событие это прошло сравнительно незаметно и даже не имело никаких военных последствий. Царский титул, который принял Иоанн III, тоже сам по себе не представлял в глазах татар чего-либо необыкновенного, ибо правители отдельных более или менее крупных областей монгольской империи издавна величали себя ханами и царями, сохраняя при этом свою государственную связь с империей. Важным историческим моментом было не «свержение ига», не обособление России от власти Орды,

а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами, замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву. Это случилось при Иоанне Грозном после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Замечательно, что народная традиция именно так расценивает все эти события русской истории. Имя Иоанна III в народной памяти быстро исчезло. Отказ его уплаты дани татарам нашел отражение в одной сравнительно поздней былине, склеенной из частей других, более древних; это так называемая былина о Василии Казимировиче; в ней имя Иоанна III не названо, вместо него фигурирует традиционно былинный «ласковый князь Владимир» и место действия перенесено в Киев, так что все событие отнесено к той полусказочной легендарной и исторически неопределенной стародавней старине, в которой сливаются для народного воображения все события «домосковского» периода. При этом к историческому факту отказа Иоанна III платить дань народное воображение сделало в былине характерное добавление: послы «ласкового князя Владимира» не только не заплатили дани татарам, но еще и нагнали в Орде такого страха, что татары сами стали платить дань Владимиру. Это предвосхищение исторического факта покорения ордынских земель под власть русских государей показывает, что русское национальное сознание считало простое прекращение уплаты дани татарам еще недостаточным и требовало не отделения России от Орды, а, наоборот, соединения России с Ордой, но только под властью русского царя. Поэтому имя Иоанна Грозного, действительно осуществившего это требование национального сознания, не могло быть забыто и воспевается уже не в былинах, а в исторических песнях, причем опять-таки характерно, что народная традиция именно с него и начинает «московский период», т. е. основание уже исторической, а не легендарной или сказочной русской государственности:

«Зачиналась каменна Москва, зачинался грозный царь Иван Васильевич».

Таким образом, внешняя история «возвышения Москвы», или возникновения русского государства, может быть изображена следующим образом. Татары смотрели на завоеванную ими Россию как на единую провинцию. Финансовое и административное объединение этой провинции с точки зрения общетатарской государственности было очень желательно. За это дело взялись московские князья, явившиеся в этом отношении проводниками татарских политических планов, агентами центральной ордынской власти. На этом деле московские князья сильно нажились, а в то же время прочно завоевали доверие татар и сделали себя для татар необходимыми. Они превратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русской провинции татарского царства и в этом отношении сравнивались с другими ханами — правителями отдельных провинций, отличаясь от них только своим неочевническим происхождением и немусульманским вероисповеданием. Постепенно все эти провинциальные правители, именующие себя царями и ханами, а в том числе и московский царь, настолько эмансипировались, что связь их с центральной властью стала только номинальной или вовсе исчезла и сама центральная власть перестала реально существовать. Но сознание государственного единства все-таки продолжало жить, и представлялось необходимым вновь объединить разрозненные и обособившиеся в самостоятельные царства провинции бывшего татарского государства в одно целое. Задачу эту, естественно, должен был выполнить какой-нибудь правитель одной из обособившихся провинций. Татарские правители этого не сделали, а сделал единственный не татарский провинциальный властелин — московский царь. С этого момента он перестал быть простым правителем одной, хотя бы обособившейся, провинции, перестал быть сепаратистом, а стал носи-

телем центральной государственной власти, возродителем единства татарской государственности.

Значение московских царей вовсе не сводится к тому, что они были «собираателями земли русской». Пока они «собирали», т. е. административно и финансово объединяли одни только русские земли, собирая с них подати для татарской казны и насаждая в них государственность татарского образца, — они были только провинциальными губернаторами, местными агентами центральной татарской власти, правда, иногда бунтующими против этой власти, но все же не выходящими из рамок провинциализма. Настоящими государственными правителями они сделались лишь тогда, когда от «собирания русской земли» перешли к «собиранию земли татарской» — к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой Орды). Но вся эта внешняя история образования московской государственности становится понятной только при свете истории внутренней, психологически-идеологической. Без того глубокого духовного перерождения русской нации, которое явилось следствием реагирования русского религиозного и национального сознания на факт татарского ига, Россия непременно вполне отатарилась бы и так и осталась бы одним из многих разрозненных обломков империи Чингисхана. Если из всех отдельных правителей обособившихся провинций монгольской империи только московские цари стали притязать на овладение всей территорией некогда объединенной Чингисханом Евразии, если у одних этих московских царей оказалась не только внешняя, но и внутренняя сила для реального осуществления этого притязания и если, присваивая себе наследие Чингисхана, Россия тем не менее не утратила своей национальной индивидуальности, а, наоборот, утвердила ее — то произошло это потому, что благодаря вышеописанному психологическому процессу только в одной России дух и

идеи Чингисхана религиозно переродились и предстали в обновленной и подлинно специфически русской форме. Именно сила горения русского религиозно-национального чувства переплавил северо-западный улус монгольской монархии в Московское царство, в котором монгольский хан оказался замененным православным русским царем.

VI

Возвышение Москвы и образование русской государственности явились следствием психологических процессов, порожденных самим фактом завоевания России татарами. Но в известной мере факт перехода господствующего положения в Евразии от татар к московскому царю был вызван и некоторыми другими процессами, действовавшими в среде самих завоевателей — монголов и татар.

Вскоре после смерти Чингисхана стали обнаруживаться несовершенство и практическая неосуществимость некоторых замыслов и идей великого завоевателя. Одним из наиболее важных несовершенств «системы» Чингисхана оказалась форма связи государственности с религией. С одной стороны, религия поставлялась как одна из главных основ государственности. С другой стороны, не устанавливалось никакой логической связи между догматами той или иной религии и государственным строем. Власть Чингисхана как избранника и ставленника бога Неба (Тенгри) оказывалась мистически обоснованной только с точки зрения шаманизма, т. е. религии догматически наиболее бесформенной, не претендующей на широкое распространение, лишенной наступательной силы и потому не выдерживающей конкуренции с другими религиями, господствующими в Азии и Евразии. Обратиться от мусульманства, буддизма или христианства в шаманизм было психологически невозможно, и, наоборот, при встрече религиозно настроенного шаманиста с други-

ми религиями этот шаманист легко убеждался в превосходстве других религий над его собственной и склонялся к переходу в другую веру. А переменив веру, он не мог не смотреть на своих прежних единоверцев-шаманистов как на первобытных язычников, пребывающих во тьме. Таким образом, религия верховного хана, единственная религия, мистически обосновывающая его власть, оказывалась в глазах подданных этого хана религией низшей. Постепенно все высшие чины и большинство рядовых представителей кочевнического правящего элемента перешли от шаманизма либо в буддизм, либо в мусульманство, а шаманизм остался религией небольшого числа племен, не играющих никакой роли в государстве. Но с точки зрения буддизма или мусульманства власть верховного хана оказывалась религиозно необоснованной. Мусульманская догматика знает религиозно обоснованную власть всемирного повелителя правоверных — халифа, являющегося преемником и наследником самого великого пророка Магомета. Но между представлениями о халифе, с одной стороны, и о верховном правителе основанной Чингисханом империи — с другой, знака равенства поставить было невозможно: ни Чингисхан, ни кто-либо из его потомков не могли рассматриваться ни как преемники и потомки Магомета, ни вообще как государственные правители, внутренне связанные с исламом. Мало того, ислам имеет свою подробно разработанную систему права, как уголовного и гражданского, так и государственного, и эта система отнюдь не совпадала с тем законодательством, которое Чингисхан завещал своим преемникам. Таким образом, те из правителей разных частей монгольской империи, которые приняли мусульманство, либо частично отказывались от заветов и государственных установлений Чингисхана и в своем управлении придерживались мусульманского права, либо оказывались очень плохими мусульманами. Во всяком случае, в мусульманских частях основанной Чингисханом империи никакой крепкой внутренней спайки

между господствующей религией и монгольской государственностью не получилось. Монгольская государственность в таких странах теряла свой «планетарный» характер, ибо не могла совпасть с освященным религией идеалом мусульманской государственности — идеалом всемирного царства халифа. А между тем стран мусульманских в империи Чингисхана было много, значение их было велико, и ислам распространялся из них все дальше и больше.

Соединить идейно монгольскую государственность с буддизмом было несколько легче: буддизм со своим человекопочитанием и с учением о переселении душ давал возможность объявить верховного правителя монгольской империи земным воплощением Будды. Правда, это было возможно лишь при известном насилии над ортодоксальной буддийской догматикой, но насилие это все равно было неизбежно для согласования буддизма с потребностями кочевого быта, по самому существу своему несоединимого с некоторыми заповедями буддизма (например, хотя бы с заповедью вегетарианства). Такой приспособленный к быту и мирозерцанию кочевников и сильно смешанный с элементами шаманизма буддизм (так называемый ламаизм) действительно и сделался религией значительной части племен основанной Чингисханом империи, и в частности родного племени самого Чингисхана — монголов. И в буддийских частях империи государственная идея действительно оказалась прочнее обоснованной. Но, во-первых, буддизму не удалось распространиться на всю империю и вытеснить мусульманство, а во-вторых, буддизм по самому существу своему неспособен не только повышать, но даже и поддерживать того настроения государственной и военной активности, без которого государственность неизбежно слабеет и приходит в упадок. А потому переход значительной части подданных основанной Чингисханом империи в буддизм не разрешил проблемы прочного идей-

но-религиозного обоснования монгольской государственности.

Некоторое крушение должна была потерпеть и другая основная идея Чингисхана — идея правящей роли кочевников. Не говоря уже о том, что в завоеванных Чингисханом старых азиатских государствах эта идея была совершенно неприменима, так как там кочевники неизбежно переходили к оседлому образу жизни, усваивали местную культуру, местные государственные традиции и, слившись с туземным правящим классом, тонули в нем, так что история этих государств продолжала идти своей прежней дорогой, лишь временно прерванной монгольским нашествием; но даже в странах Евразии, где, казалось бы, господство кочевников было предуказано самой географией и где монгольское нашествие было не просто случайным эпизодом, а действительно внесло нечто принципиально новое и положительное, даже в этих странах кочевники не оказались в состоянии осуществить заветов Чингисхана.

Положение правящих кочевников, обладающих неограниченной властью над оседлым населением, воспитанных в презрении к этому населению, как к рабским натурам, которых можно держать только страхом, это положение непременно должно было развращать кочевников. Удержаться от морального разложения можно было только при условии исключительной силы сознания долга, при постоянном согревании героического настроения и твердой памяти об идейном размахе государственного замысла Чингисхана. Но в будничных условиях реальной действительности удержаться на этой высоте было невозможно, и нравственное разложение неминуемо должно было коснуться правящих кочевников.

Таким образом, религиозно-национальный подъем, нараставший в России времен татарщины и приведший к зарождению религиозно обоснованной национально-государственной идеи, совпал по времени с противоположным

психологическим процессом в среде самих правящих татарских кругов, с процессом ослабления идейных и моральных оснований монгольской государственности. И когда отдельные провинции некогда единой монгольской империи (в том числе и Россия) стали приобретать все большую степень самостоятельности, провинция русская, управляемая Москвой, по сравнению с соседними провинциями оказалась в наиболее выгодном положении уже по одному тому, что в ней идея государственности приобрела новое религиозное, нравственное и национальное основание, тогда как в других, чисто татарских, провинциях, наоборот, такое основание было уже почти совершенно утрачено.

Неудивительно поэтому, что московский князь стал пользоваться известным нравственным престижем среди самих татар, притом еще задолго до так называемого «свержения татарского ига». Татарские вельможи и высокие чиновники, живущие среди русских, постепенно переставали относиться к ним с презрением, а затем заражались сами религиозно-национальным подъемом и переходили в православие. Такие случаи перехода представителей татарских правящих кругов в русскую веру и на русскую службу стали явлением заурядным, и русское правящее сословие стало усиленно пополняться притоком татарского элемента. Явление это обычно недооценивают. Упускают из виду, что каждое такое «обращение» предполагает глубокий душевный переворот. Заставить мусульманина, притом татарина, переменить веру могла только исключительная сила религиозного горения, охватившего все тогдашнее русское общество. Эти новообращенные татары, вливаясь в русский правящий класс, имели для России громадное значение: являясь представителями именно того благородного типа кочевников, на котором Чингисхан в свое время собирался построить всю мощь своего государства, они внесли в среду русского общества элемент весьма ценный с точки зре-

ния государственного строительства: сделались одной из надежнейших опор зарождающейся русской государственности, а в то же время, принося с собой традиции и навыки монгольской государственности, персонально закрепляли преемственную связь между монгольской и русской государственностью. Таким образом, превращение московского государя в преемника хана Золотой Орды и замена монгольской государственности русской осуществились благодаря двум встречным психологическим процессам: одному — протекающему в чисто русской среде; другому — протекающему в среде правящих татарских кругов.

VII

Та русская государственность, которая на территории Евразии явилась преемницей и наследницей государства Чингисхана, покоилась на прочном религиозно-бытовом основании. Всякий русский независимо от своего рода занятий и социального положения принадлежал к одной и той же культуре, исповедовал одни и те же религиозные убеждения, одно и то же мировоззрение, один и тот же кодекс морали, придерживался одного и того же бытового уклада. Различия между отдельными классами были не культурные, а только экономические и сводились не к разнице в качестве тех духовных и материальных ценностей, которыми определялись мировоззрение и быт, а исключительно к количеству этих ценностей, к степени осуществления в жизни каждого лица единого культурного идеала. Боярин одевался богаче, ел вкуснее, жил просторнее, чем простой крестьянин, но и покрой его платья, и состав его пищи, и строение его дома были в принципе те же, что и у крестьянина. Эстетические вкусы и направление умственных интересов у всех были одинаковы, только одни имели возможность удовлетворять эти вкусы и интересы

в большей мере, чем другие. Основанием всего была религия, «православная вера», но в русском сознании «вера» не была совокупностью отвлеченных догматов, а цельной системой конкретной жизни. Русская вера и русский быт были неотделимы друг от друга. В быте и в культуре не было ничего морально или религиозно безразличного. Быть православным значило не только исповедовать определенные догматы и исполнять нравственные предписания церкви, не только повторять установленные молитвы, совершать установленные обрядовые действия и посещать богослужения, но и вкушать в определенные дни установленную постную или скоромную пищу, носить платье определенного покроя и т. д. Вера входила в быт, быт — в веру, оба сливались воедино, в целостную систему «бытового исповедничества». Органическую часть этого бытового исповедничества составляла и государственная идеология, которая, как все в русской жизни, была неотделима от религиозного мирозерцания. Во главе государства эта идеология поставила царя, который представлялся воплощением национальной воли; в качестве такого человека, воплощающего в себе волю национального целого, царь мыслился и как принимающий нравственную ответственность пред Богом за грехи нации, а потому царствование представлялось как известного рода нравственный подвиг. Согласно христианскому учению, подвиг немислим без молитвы и без Божьей помощи, а потому царь, естественно, являлся носителем особого рода Божьей благодати, о пребывании которой на нем следовало всенародно молиться. Как всякому человеку с христианской точки зрения дано задание жить по велениям Бога и осуществлять в своей жизни волю Божью, так точно то же задание дано и всей нации. А поскольку вся жизнь и поступки национального целого определяются и направляются царем как воплощением национальной воли, то царь должен явиться проводником Божьих велений в жиз-

ни нации. Таким образом, идеальный царь представлялся, с одной стороны, как ответчик за народ, как народный представитель пред Богом, с другой — как орудие проведения божественных велений в жизни нации, как помазанник Божий пред народом. Но так как та нация, волю которой воплощает в себе царь, не является существом сверхъестественным, а дары благодати, преподаваемые царю через помазание на царство, не освобождают ни его, ни представляемую им нацию от свойственной человеческой природе греховности, то допускалось, что как царь, так и представляемая им нация могут уклониться от Божьего пути и впасть в тот или иной грех. И как отдельный человек предостерегается от греха голосом совести, так точно и царь в своей личной жизни и в распоряжениях, касающихся всей нации, должен, чтобы уберечься от грехопадения, прислушиваться к голосу совести как своей личной, так и общенародной, воплощенной через церковь в лице патриарха.

Будучи хотя и первым из мирян и высшим воплощением национальной воли, но все же человеком смертным и ограниченным своей человеческой природой, царь, разумеется, не может обладать всеведением. Поэтому даже при наилучшем царе агенты государственной власти могут совершать злоупотребления, о которых царь не осведомлен. Эта «неправда» отдельных агентов власти, неизбежная с точки зрения христианского взгляда на нравственное несовершенство человеческой природы и на то, что «мир во зле лежит», не считалась противоречащей тому принципу, что царь во всем своем управлении стремится осуществить на земле «правду»: злоупотребления агентов власти приписывались естественному факту неведения царя; устранение каждого такого злоупотребления достижимо было поэтому лишь путем осведомления о нем царя, являющегося естественным и единственным земным защитником своих подданных. В то же время твердо было

убеждение в том, что, как бы совершенно ни было поставлено дело осведомления царя о происходящих в его царстве злоупотреблениях, полное и совершенное устранение этих злоупотреблений и возможности их возникновения никогда достигнуто не будет. Ибо «мир во зле лежит», человеческая природа несовершенна, и никакими человеческими изобретениями исправить этого несовершенства нельзя. Совершенное царство правды есть только царство небесное, всякое же земное царство никогда не достигнет этого идеала, а может только стремиться к нему, и путь к идеалу лежит не в усовершенствовании внешних форм государственного общежития, а во внутренней работе каждого человека над своим нравственным самосовершенствованием, в работе ценной и целесообразной, только поскольку она является добровольной, а не внешне принудительной, причем одними человеческими силами даже и эта работа неосуществима, а требуется еще помощь Божья, испрашиваемая молитвой, постом и всем «бытовым исповедничеством». Таким образом, смотря на жизнь государства с точки зрения своего общего религиозного мировоззрения, православный гражданин русского государства, не обольщая себя ложным представлением о достижимости в государственном строительстве какого-то идеального разрешения всех вопросов, вполне сознавал всю ограниченность возможных в этом направлении достижений и, перенося центр тяжести в этику, видел основную причину «неправды» агентов власти в нравственном несовершенстве этих агентов, а искоренение этой неправды считал проблемой нравственности, этики, а не юридическо-политического реформаторства. Человек, твердо желающий быть нравственным, может достигнуть этой цели, если вполне подчинит своей воле всю телесную природу и будет жить по Божьему закону, призвав на помощь Бога, всегда откликающегося на этот призыв. Точно так же и нация может достигнуть максимума преодоления всяких на-

строений (покоящихся, как сказано, на грехе), если будет твердо стоять в жизни по закону Божьему, т. е. в бытовом исповедничестве, и если ее воля, воплощенная в царе и внимательно прислушивающаяся к голосу совести, воплощенному через церковь в патриархе, будет иметь неограниченную власть над всей телесной деятельностью нации и над органами управления. Таким образом, наилучшее достижимое на земле государственное устройство (но все же неполное совершенство царства правды, возможное лишь в царстве небесном, а не на земле) возможно было с точки зрения древнерусской идеологии только при условии неограниченной царской власти, сочетающейся с наибольшей осведомленностью царя о всем происходящем в государстве, с бытовым исповедничеством нации и с внимательным отношением царя к голосу церкви. Попытки же отдельных сословий ограничить власть царя представлялись греховными, ибо в плане жизни частночеловеческой они были сравнимы с попытками разных страстей ограничить и подчинить себе волю человека.

Итак, русская государственность и верховная власть русского царя покоились на идеологии, неразрывно связанной с русским религиозным мирозерцанием и со всем русским бытом. Власть царя подпиралась бытовым исповедничеством нации. Но и наоборот, самое бытовое исповедничество находило опору в царе. Царь в своей личной жизни наиболее полно осуществлял русское бытовое исповедничество и в этом отношении служил примером, «задавал тон» всей нации. Царь был самым благочестивым из всех русских мирян, а в частном домашнем быту — самым типичным русским. Царский быт был сгущенной и идеализированной, проведенной, так сказать, с наибольшим размахом формой русского быта, и все прочие русские миряне равнялись по этому образцу, каждый в меру своих сил и своего положения. Таким образом, царь и бытовое исповедничество взаимно поддерживали

друг друга, составляли друг с другом нераздельное целое, и в этой крепкой спаянности и лежала прочная основа древнерусской государственности.

Не отделяя быта и культуры от веры, а воспринимая и то, и другое, и третье как единое целое, бытовое исповедничество, именуемое православной верой, русские люди того времени ставили между понятиями «русский» и «православный» знак равенства. Языковые и физические признаки русской расы рассматривались ими как несущественные. Существенно для русского было только его православие, т. е. его бытовое исповедничество. Иностранец, иноплеменник воспринимался как чужой только постольку, поскольку он в своих убеждениях и бытии отклонялся от русского бытового исповедничества; но такое же отклонение мог проявить и чисто русский по происхождению человек, впад в ересь или в грех. Поэтому между понятиями иноплеменника и грешника в русском сознании устанавливалась известная связь. «Чужой» было не этнографическим, а этическим представлением. В силу этого обстоятельства настоящего, сознательного национализма или шовинизма быть не могло. Стремления к насильственному обрусению нерусских племен и народов, входивших в состав Московского государства, не наблюдалось, и, наоборот, каждый из таких народов пользовался довольно широкой национальной автономией. Что касается до отношения к неправославным исповеданиям, то в этом вопросе государственная власть придерживалась принципов, логически вытекающих из признания православия единственной истинной верой. Убеждение в том, что православие является единственным прямым продолжением учения Христа, единственным подлинным христианством, а самое христианство — единственным продолжением и завершением откровений Ветхого завета, заставляло смотреть на иудаизм, принимающий Ветхий завет, но отвергающий христианство, и на все неправославные христианские учения, приемлющие Христа, но отклоняющиеся от

православия, как на ереси. Поэтому таким вероучениям государственная власть свободы предоставить не могла: всякая ересь, т. е. сознательное отвержение божественной истины, прекрасно известной отвергающему, есть грех, преступление против божественной истины, а с грехом и преступлением государственная власть обязана бороться. Что же касается вероучений, в своем обосновании не соприкасающихся с православием, не примыкающих ни к какой части того божественного откровения, полное раскрытие которого, по убеждению православных, наличествует только в православии, то к таким вероучениям — к мусульманству, буддизму и разным формам язычества — отношение было, естественно, иное. Еретик видел свет, но не захотел идти к свету, и в этом его грех; язычник же света не видел и ходит во тьме по неведению; если грех тут есть (грех в смысле пленения сатаной), то грех извинительный, оправдываемый неведением. Поэтому преследования таких религий быть не должно. Обязанность православного христианина по отношению к таким религиям сводится к обращению, к просвещению ходящих во тьме. Но этот апостольский подвиг государственная, светская власть взять на себя не может. Это есть дело церкви, которой государственная власть не должна препятствовать, может помогать, но только ненасильственными средствами: ибо, по существу, просвещение ходящих во тьме есть дело любви, а где любовь, там нет места насилию. Поэтому отношение государственной власти к религиям, не стоящим на почве новозаветного и ветхозаветного откровения, было бережное. Религии эти не преследовались, не оскорблялись, но в то же время принимались меры к тому, чтобы голос православных проповедников доходил до слуха «ходящих во тьме по неведению» и чтобы в глазах этих последних православие выступало в более достойном виде, чем их собственная религия, так чтобы они сами убедились в превосходстве православия. Наказ, данный Иоанном Грозным преподобному Гурию

Казанскому, очень ярко отражает эту точку зрения, а факт массового перехода в православие татар, притом как раз руководящих кругов татарской нации, свидетельствует о правильности принятого курса.

VIII

Несмотря на большое отличие идеологического обоснования московской государственности от обоснования государственности монгольской, между обеими идеологиями все же есть черты внутреннего родства, и положительно можно считать, что московская государственность явилась преемницей монгольской не только в отношении территории и некоторых особенностей государственного устройства, но в самом своем идейном содержании. И тут и там основой государства, признаком принадлежности к нему являлась определенная форма быта, неразрывно связанная с определенной психологической установкой: в монархии Чингисхана — кочевнический быт, в Московском государстве — православное бытовое исповедничество. И тут и там верховный глава государства являлся наиболее ярким, идеальным представителем, примерным образцом этого бытового идеала. И тут и там государственная дисциплина строилась на всеобщем подчинении всех граждан и самого монарха неземному, божественному началу, подчинение же одного человека другому и всех людей монарху мыслилось как следствие всеобщего подчинения божественному началу, земным орудием которого являлся монарх. И тут и там добродетелью подданного признавалось отсутствие привязанности к земным благам, свобода от власти материального благополучия при крепкой преданности религиозно осознанному долгу. Основное различие определялось различием в содержании самой религиозной идеи, эклектически-шаманистской у Чингисхана и православ-

но-христианской в Московском государстве. Благодаря тому что вместо расплывчатого и демагогически бесформенного шаманизма Чингисхана руководящей религиозной идеей Московского государства стало догматически определенное православие, должны были измениться и некоторые существенные части всей государственно-идеологической системы, которую теперь оказалось возможным теснее связать с религиозной основой. Так, роль, которую в системе Чингисхана играл кочевой быт, сам по себе не связанный ни с какой определенной религией, но зато прикрепленный к определенным этнографическим и географическим условиям, в Московском государстве заменило православное бытовое исповедничество, органическое слияние быта с определенной религией, по существу независимое от этнографических и географических условий. Вместо полной религиозной терпимости, практически приводящей к подрыву религиозной основы всей государственно-идеологической системы, в Московском государстве установилась веротерпимость ограничения, не противоречащая, а, наоборот, вполне соответствующая догматам основной религиозной идеи и принципу выведения государственной идеологии из религиозной; практически же эта ограниченная веротерпимость не могла вредить чисто светской государственности, ибо ни один из народов евразийского мира не принадлежал к тем вероисповеданиям, которые в качестве ересей выключались из принципа веротерпимости.

Черты, отличавшие русскую государственно-идеологическую систему от системы Чингисхана, составляли преимущество русской государственности над монгольской: ведь слабость монгольской системы состояла именно в отсутствии прочной связи религиозной по своему характеру государственной идеологии с догматами определенной религии, в несоответствии широкого размаха государственности с примитивной бесформенностью шаманизма, в практической несостоятельности ставки на

этнографически и географически ограниченный и исторически неизбежно преходящий кочевнический быт. Московская государственность была свободна и от другого недостатка чингисхановской государственности, именно от притязаний на господство над старыми азиатскими царствами, ведь притязание на то, что можно завоевать, но нельзя удержать в руках, несомненно, ослабляет государство, а в данном случае попытки паназиатского империализма Чингисхана с неизбежностью вели к культурному подчинению основного ядра его империи культурному влиянию завоеванных окраин, создавая несоответствие между центрами власти и центрами культуры. При подчинении Москве евразийский мир впервые достигал культурного самодовления, соравного самодовлению старых азиатских царств, Китая, Персии. А это культурное самодовление сообщало государству прочность, устойчивость, силу сопротивления. Замечательно, что даже в период смутного времени и междуцарствия от московского государства не отпала, не отделилась самовольно ни одна окраина.

IX

Перед московской государственностью стояла одна важная задача, неизвестная монгольской монархии, — это оборона против Запада. Значительная часть Евразии — именно вся Украина и Белоруссия — попала под власть католической Польши, этого форпоста Европы на Востоке, и только с большим трудом удалось части этих исконно евразийских и русских земель воссоединиться с евразийским миром под властью Москвы. Но Польша была не одна. На северо-западе надвигалась опасность шведского завоевания, да и другие, непосредственно не соседящие с Россией европейские страны через морскую торговлю жадно протягивали руки к богатствам России-Евразии.

Обороняться было необходимо, а это в свою очередь ставило Россию перед лицом другой необходимости — усвоения европейской военной техники. Техника же военная влекла за собой необходимость усвоения и техники промышленной. Положение было сложное и трудное. С одной стороны, необходимо было в целях самообороны кое-что позаимствовать, кое-чему поучиться у Европы; с другой стороны, надо было опасаться того, как бы при этом не попасть в культурную, духовную зависимость от Европы. Так как народы Европы принадлежали к неправославным, но именующим себя христианскими вероисповеданиям, т. е. с русской точки зрения были еретиками, то весь дух Европы и европейской цивилизации воспринимается русскими как дух еретический, греховный, антихристианский и сатанинский. Заразиться этим духом было особенно опасно.

Московские цари сознавали всю сложность этого положения и не решались вступить на путь технического ученичества. Они ограничивались в этом направлении частичными, половинчатыми мерами, приглашали к себе на службу европейских техников, мастеров и инструкторов, но держали их изолированно, зорко следя за тем, чтобы они поменьше общались с русскими. Разумеется, это не разрешало задачи. Рано или поздно надо было вступить решительно на путь заимствования европейской техники, приняв при этом столь же решительные меры к тому, чтобы одновременно не заразиться европейским духом.

Выполнение задачи заимствования европейской техники взял на себя Петр I. Но задачей этой он увлекся настолько, что она для него обратилась почти в самоцель, и никаких мер против заразы европейским духом он не принял. Задача была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой. Заимствуя западную технику для укрепления

внешней мощи России, Петр I в то же время наносил русскому национальному чувству самые тяжелые оскорбления и разрушал все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России. Так разрушил он существенно важный, с точки зрения основной государственно-идеологической системы, институт патриаршества, разрушил в правящем классе бытовое исповедничество, упразднил роль царя как образцового представителя идеала бытового исповедничества. Поколеблены были не только государственно-идеологические, но и религиозные и нравственные устои: кощунство (всешутейший всепьянейший собор) стало придворным развлечением, замена целомудренного древнерусского женского костюма бесстыдным, с русской точки зрения, европейским платьем с глубокими декольте была проведена принудительно, точно так же, как принудительно загонялись на пресловутые ассамблеи и принуждались к предосудительному на них поведению русские бояре. Устои русской жизни были не только отвергнуты, но заменены своей противоположностью: царь, открыто живший без венчания с немкой-любовницей, приживший от нее детей и в довершение короновавший ее под именем императрицы Екатерины, подавал пример предосудительного образа жизни, вместо того чтобы, как прежде, быть образцом бытового исповедничества; самое бытовое исповедничество в высших классах было заменено идеалом безнационального и безрелигиозного общеевропейского чисто светского быта; вместо патриарха, воплощающего национальную совесть, возглавителем церкви явился Синод, униженно подчиненный государственной власти и лишенный возможности авторитетно возвышать свой голос. Искупаться все это должно было тем, что-де зато Россия стала теперь мощной державой, расширяющей свои границы и обладающей такой военной силой, перед которой трепещут иностранцы, а для народа явно предосудительный образ царя должен был искупаться тем, что зато это царь-плотник, царь-мастеровой, кото-

рый не гнушается физическим трудом, работает совершенно так же, как простой рабочий, совершенно так же крепко ругается и, сверх того, бьет дубинкой важных и чванливых вельмож.

Совершенно естественно, что всякий русский человек, в котором сильны были национальные, религиозные и нравственные устои, от этой картины должен был отворачиваться. За Петром могли пойти только либо нерусские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся за удовлетворением мелкого тщеславия или за наживой. Знаменитые «птенцы гнезда Петрова» были большею частью отъявленными мошенниками и проходимцами, воровавшими несравненно больше прежних приказных. То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, «у Петра не нашлось достойных преемников», было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру.

Правда, вся работа Петра была вызвана патриотизмом. Но патриотизм этот был своеобразен и в русской жизни дотоле неизвестен. Это была не привязанность к реальной, исторической России, а страстная мечта о создании из русского материала великой европейской державы, во всем подходящей на другие европейские страны, но превосходящей их величиной своей территории и мощностью своих сухопутных и морских военных сил. Отношение к самому русскому материалу, из которого требовалось создать эту великую державу, неизбежно должно было быть при этом не только не любовное, но прямо враждебное, ибо с этим материалом, естественно противящимся искусственному стискиванию в рамки чуждого ему идеала, приходилось вести постоянную и упорную борьбу. Этим объяснялась та глубокая двойственность, которой проникнута была вся деятельность Петра: с одной стороны, казалось бы, пламенная и самоотверженная любовь к родине («А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, была бы

только счастлива Россия»), с другой — явно преднамеренное и злобное оскорбление национального чувства, издевательство над священными для каждого русского традициями.

Таковы были те формы, в которые вылилось при Петре заимствование европейской техники. Как сказано выше, заимствование европейской техники было исторически неизбежно в целях национальной самообороны. Но те формы, в которые оно вылилось при Петре, не только не вытекали из этих целей, но прямо им противоречили: никакое иностранное завоевание не разрушило бы так всей национальной культуры России, как реформы Петра, предпринятые первоначально для обороны России от иностранного завоевания. Это вредоносное направление реформ Петра было вызвано не исторической неизбежностью, а личным характером Петра. Но беда была в том, что и после смерти Петра нельзя было изменить принятый им курс. Благодаря тому что антинациональная преобразовательная деятельность Петра подняла на высшие правительственные и военные посты определенный тип людей, враждебных подлинной национальной стихии, и глубоко развратила высшие слои общества, перемена курса была фактически невозможна: в новом режиме было заинтересовано уже слишком много людей, и в руках этих людей находились и военная сила, и правительственный аппарат.

Х

Таким образом, Петр I задал тон всей последующей русской истории. С него начинается новый период, который можно назвать периодом антинациональной монархии. Все основы русской жизни резко изменились. Так как все идеологические основания прежней русской государственности были свергнуты и растоптаны, то государ-

ственность эту приходилось строить только на силе. Крепостное право и военная организация существовали в России и раньше, но страной по существу крепостнической и милитаристической Россия стала только после начала европеизации. Новая идеология была идеологией чистого империализма и правительственного культуртрегерства, насильственного насаждения иноземной цивилизации внутри страны в соединении с завоевательским задором против иностранных держав вовне страны. В этой идеологии, таким образом, сохранялось то же внутреннее противоречие, которое определило собой весь характер деятельности Петра I. Взгляд на Россию и на русский народ только как на материал для создания могущественной европейской державы, презрение ко всему исконно русскому как к варварству и к русским людям как к полудиким дуракам, которых надо палкой научить быть европейцами, — все это, разумеется, лучше всего могло проводиться в жизнь не русскими, а иностранцами, природными европейцами. И естественно, потому, что иностранцы стали пользоваться особой благосклонностью русских монархов, заполнили собой кадры правительственного аппарата и командного состава армии и что официальная история этого периода из всех монархов после Петра I наиболее превознесла чистокровную немку Екатерину II. Так как иноплеменники-европейцы по самой своей природе были наиболее подходящими проводниками утвердившегося в России курса, то естественно, что именно они и задавали тон, которому поддавались и чисто русские по своему происхождению представители правящего класса. Тон этот состоял в потере ощущения органической связи с русской почвой, с русским материалом. При таких условиях патриотизм заменялся преданностью личной карьере, положению в свете, в лучшем случае — тому лицу, от которого это положение зависело, т. е. личности монарха, правящей династии или отдельным представителям этой династии. Монархи, сами понимая это,

старались только о том, чтобы иметь вокруг себя лично им преданных людей. Это вызывало перенесение центра тяжести в придворные отношения. Отсюда — придворные интриги, борьба придворных партий, фаворитизм и, как следствие, дворцовые перевороты. То же стремление монархов опереться на группу лично преданных и обязанных им людей, которое приводило к фаворитизму, приводило и к все большему увеличению привилегий частноземлевладельческого сословия — дворянства, составлявшего кадры правительственного аппарата и военного командного состава. А эти привилегии, естественно, давались за счет угнетения других классов, особенно крестьянства.

Процесс европеизации неуклонно продолжался. Шел он сверху, т. е. европеизация первоначально распространялась только на верхние слои общества и постепенно спускалась по социальной лестнице вниз, охватывая все более и более широкие слои нации. При европеизации происходило сначала разрушение духовных основ национальной культуры одновременно с прививкой отдельных внешних черт европейской культуры, затем постепенная прививка духовной европейской культуры.

Таким образом, между началом и концом этого процесса непременно существовал долгий промежуток времени, характеризующийся полным отсутствием какой бы то ни было духовной культуры. Через все эти стадии последовательно проходили один за другим все слои русского национального целого, причем весь процесс тянулся долго, на протяжении нескольких поколений. Так, высшие слои дворянства начали внешне европеизироваться уже при Петре I, а духовные основы европейской культуры стали усваиваться только к концу XVIII века; другие слои того же дворянства стали духовно европеизироваться несколько позднее и т. д. Благодаря этому социальные различия внутри русской нации углублялись различиями духовной культуры и внешних культурных привычек. Так как дело шло не о простом восхождении по ступеням интенсивнос-

ти одной и той же культуры, а о смене одной культуры другой, качественно от нее отличной, причем смена эта неизбежно сопровождалась стадией прохождения через полосу бескультурности, между отдельными слоями нации образовывались глубокие социально-культурные разрывы и пропасти. Болезненность этих разрывов увеличивалась законодательным закреплением привилегированности одних и бесправности других сословий и тем обстоятельством, что поскольку перескакивание через упомянутые выше культурные пропасти, отделявшие одни слои общества от других, совершалось не целым сословием сразу, а всегда лишь отдельными людьми, то культурные слои никогда вполне точно не совпадали с юридически зафиксированными сословиями и сословные привилегии не шли рука об руку со степенями усвоения европейской духовной культуры. Наконец, те же обстоятельства порождали и резкие расхождения между отдельными поколениями, вырывали бездны непонимания между старшими и младшими, между отцами и детьми. Словом, процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми. Всего глубже была пропасть между простым народом, живущим еще обломками прежней национальной культуры, и слоями, уже начавшими европеизироваться. В отношениях между этими двумя слоями социальный момент смешивался с национально-культурным: барин был для простого народа не только представителем господствующего класса, но и носителем чужой культуры; мужик же был для так или иначе европеизированного или хотя бы только прикоснувшегося к европеизации человека не только представителем бесправного сословия, но и темным, дикарем. Так или иначе, в России эпохи европеизации никто не чувствовал себя совсем в своем доме: одни жили как бы под иноземным игом, другие — как бы в завоеванной ими стране или в колонии.

Изуродование русского человека привело к изуродованию самой России. Потеря национального обличия вела к утрате национального лица к забвению исторической сущности России. При таких условиях Россия не могла продолжать идти по своему естественному, самой природой предуказанному пути исторического развития. Вся послепетровская история России определяется уже не следованием по этому естественному историческому пути, а исторически неоправданными уклонениями в сторону, в угоду ложным представлениям об исторической России. Это сказывалось одинаково как во внешней, так и во внутренней политике. И тут и там верховная власть, будучи по существу антинациональной, руководствовалась не собственными историческими традициями, а примерами европейских государств. Когда в этих последних господствовала политика династическая, видевшая в государственных территориях только частную собственность отдельных династий и благодаря этому постоянно вызывавшая самые противоестественные дипломатические союзы и войны даже с несоседними странами, — тот же вид политики был усвоен и русскими государями. Россия втянулась в эту бессмысленную чужую игру, стала принимать участие в самых нелепых, ненужных и противоестественных военных походах в странах, с ней не смежных и ни с какой точки зрения для нее неинтересных. Географические природные условия Западной Европы — гористость материка, изрезанность береговой линии, обращенность к океану и к большим морям, невозможность прокормить население одними продуктами собственной страны — делали для европейских стран естественным стремление к открытому морю, дающему возможность развить колониальную торговлю. И Россия из чистого подражания европейским державам тоже усвоила это направление внешней политики, несмотря на то что ее собственная географическая природа была совершенно иной и ставила перед ней абсолютно иные исторические задачи.

Россия готова была воевать и за идеи, за отвлеченные принципы, но всегда за идеи чужие, за те, которые были созданы и усвоены другими, крупными и непременно европейскими державами. Воевала Россия при Александре I и Николае I за укрепление в Европе принципа легитимизма и феодальной монархии, потом за освобождение и самоопределение малых народов и за создание маленьких самостоятельных государств, а в последней войне — за свержение милитаризма и империализма. Все эти идеи и лозунги, в действительности придуманные только для того, чтобы прикрыть корыстные и хищнические замыслы той или иной европейской державы, Россия неизменно принимала за чистую монету и таким образом всегда оказывалась в глупом положении.

Прочно утратив историческое чутье, связь с историческим прошлым России и живое ощущение национальной сущности России, верховная власть периода антинациональной монархии в то же время постоянно пыталась оправдать свою политику ссылками на исторические традиции и на национальную природу России. Это вызывало создание фальшивых официальных идеологий, казенной лжи, в которую сама верховная власть иногда даже искренне верила. Стремление к «Константинополю и проливам», усиленно поддерживавшееся в России иностранными дипломатами, стремившимися использовать Россию как орудие для ослабления Турции, оправдывалось — помимо вышеупомянутой теории о необходимости для всякой европейской державы иметь «выход к морю» — еще и ссылкой на походы Олега, Игоря, Святослава и Владимира. При этом забывалось, что то, что называлось Русью во времена Олега, было совсем не то, что называется Россией теперь: для государства речного, занимающего бассейн речной системы между Балтийским и Черным морями, для государства, вся сущность которого сводилась к обладанию водным путем из варяг в греки, походы на Константинополь имели совершенно иной смысл, чем для государства

континентального, вытянутого не с севера на юг, а с востока на запад. Во имя якобы завещанной Олегом исторической задачи овладения Дарданеллами надолго были испорчены отношения России-Евразии, наследницы Чингисхана, с Турцией. Точно так же раздел Польши — эпизод типичный для династической европейской политики и чрезвычайно выгодно увеличивший территорию двух соседних с Россией европейских держав — оправдывался ссылкой на то, что Польша — исторический враг России. Но врагом исторической России Польша была главным образом как форпост в наступательном движении европейской цивилизации и латинства; раздел же Польши привел, во-первых, к усилению двух соседних с Россией стран, еще более исполненных империализма европейской цивилизации; во-вторых, к переходу под власть одной из этих стран Галичины, населенной восточнославянским племенем и составляющей естественное географическое продолжение евразийской территории; а в-третьих, к закреплению украинского населения Галичины под властью латинян. Такою же чреватой последствиями, ложной, якобы национальной идеологией была и идеология панславизма, исповедовавшаяся, иногда даже и искренно, не только императорским русским правительством, но и частью интеллигенции; по существу идеология эта была так же чужда, так же мало связана с исторической Россией, как и идеологии просвещенного абсолютизма, либерализма, социализма и т. д.

Та же утрата сознания исторической сущности России, то же непонимание национальных традиций при искусственном, фальшивом, якобы национальном пафосе наблюдались и во внутренней политике.

Здесь достаточно указать на две области — область отношения к инородцам и к православной русской церкви. По примеру других европейских государств, ведущих у себя дома и в своих колониях политику ассимиляции, стремящихся культурно обезличивать покоренные ими

народы, императорское русское правительство проводило во всех областях с нерусским населением политику «русификации». Эта политика была полной изменой всем историческим традициям России, ибо Древняя Русь никогда не знала насильственной русификации. Если в древности совершенно обрусели разные финские племена, составлявшие некогда коренное население значительной части Восточной России, то произошло это естественным путем, без всякого насилия и притеснения, без всякой борьбы с национальной самобытностью и искусственного насаждения через школы русского языка; если русели на русской службе принявшие православие татарские мурзы, то происходило это опять-таки естественно, и никто их к этому не принуждал. И, во всяком случае, органически сливаясь с русским племенем, все эти обрусевшие туранцы вносили с собой в русское племя, в русскую национальную психологию свои черты, так что одновременно с русификацией туранцев происходила и некоторая туранизация русских, и от органического слияния этих двух элементов получалось своеобразное новое единое целое, национальный русский тип, по существу не чисто славянский, а славяно-туранский. Русское племя создавалось не путем насильственной русификации инородцев, а путем братания русских с инородцами. И всюду, где русский народ в этом отношении был предоставлен самому себе, он продолжал эту национальную традицию братания даже и в императорский период. Искусственная правительственная русификация была плодом полного непонимания исторической сущности России-Евразии и забвения духа национальных традиций. И русскому историческому делу эта якобы национальная политика принесла громадный вред.

Более всего антинациональность политики императорского правительства сказалась в отношениях между государственной властью и Русской православной церковью. Поскольку в церкви звучал голос национальной совести, являвшийся одним из проявлений национальной

личности, антинациональная императорская власть должна была относиться к церкви враждебно, ибо игнорирование живой индивидуальности русской нации, только как на материал для создания великой европейской державы вели к требованию полного безгласия этой индивидуальности. Сообразно с этим правительственная власть должна была всячески стремиться к тому, чтобы сделать церковь совершенно безгласной, и неминуемо должна была прийти к преследованию церкви при малейшем проявлении ее независимого духа. Заимствованные с Запада государственные идеалы империализма, милитаризма, шовинизма и государствопоклонничества были чужды не только национальной стихии исторической России, но и христианской церкви. А потому церковь была для правительства неудобна. Но в то же время в широких народных массах еще продолжали жить по инерции обломки той идеологии царской власти, на которой держалась допетровская Русь, и так как идеология эта была тесно связана с церковью, то предпринимать открытый поход против церкви правительство боялось. В результате получился лицемерный компромисс. Императорское правительство с виду оказывало церкви всяческую поддержку, всячески подчеркивало свой союз с церковью. Но будучи в существе своем органически чуждо подлинно церковному духу, это правительство неуклонно боролось со всяким проявлением этого духа и принимало все меры к тому, чтобы церковь оставалась в полном подчинении у государственной власти. Все иерархии и священнослужители, не хотевшие подчиняться или проявлявшие слишком самостоятельно подлинно церковный дух, систематически устранились. Ни о восстановлении патриаршества, ни о поместных церковных соборах не позволялось и думать. В синоде, состоящем из назначенных правительством епископов, фактически всем управлял светский чиновник, обер-прокурор, и на местах, в епархиях, власть тоже фактически была в руках консисторских чиновников, а

епископам предоставлен был только внешний почет. Через губернаторов правительственная власть зорко следила за деятельностью епархиальных архиереев, и при малейшем уклонении их от установленного правительством курса они смещались, ссылались в монастыри или в отдаленные «безопасные» епархии. Это полное закабаление церкви убивало в ней всякий живой дух, который только слабо теплился, задушенный лицемерно «православным» русским правительством. Это правительство постаралось привить церкви и тот дух империализма и шовинизма, которым оно само было проникнуто по образцу европейских держав. А когда народные массы, не находя в православной церкви того отклика национальной совести, который они находили в ней прежде, в допетровскую эпоху, уклонялись в сектанство или в старообрядчество, правительство принимало против сектантов и раскольников суровые полицейские гонения и репрессии. Таким образом устанавливалось положение, при котором церковь защищалась полицией. Словом, систематически делалось все, чтобы не только оказенить и обездушить церковь, но и сделать ее непопулярной. Это было самое злостное преследование церкви, тем более злостное, что с виду оно прикрывалось лицемерным высочайше утвержденным ханжеством.

XI

Таковы были последствия уклонения России от ее исторического пути. Последствия эти были логически неизбежны. Власть, поставившая себе целью создать из русского материала мощную европейскую державу, должна была смотреть на Россию не как на живую личность, а как на бездушный материал. Поэтому она должна была, во-первых, противопоставить себя России, а во-вторых, принимать все меры к тому, чтобы душить всякое проявление

живой индивидуальности России. Она неизбежно должна была коверкать, уродовать национальное лицо. А так как при явном проявлении враждебности к исторической сущности, к реальной живой личности России, при противопоставлении себя России никакая власть удержаться не могла, а заразить чуждыми русскому духу идеалами империализма, механического шовинизма и милитаризма можно было только очень небольшое число русских, то власти оставалось только лгать и придумывать фальшивые казенные лозунги и идеологии, якобы устанавливающие преимущественную связь ее с исторической Россией и оправдывающие принятый курс политики. Но и этой казенной ложью нельзя было долго обманывать нацию.

Власть, противопоставлявшая себя России как материалу, естественно, должна была стать всем ненавистна. Это происходило роковым образом, и не могло быть иначе. Желая создать из русского материала мощную европейскую державу, императорская власть должна была для этой цели прививать в России европейскую цивилизацию и европейскую культуру. Но при европеизации образованное русское общество усваивало разные европейские идеи, не только те, которые угодны были правительству. Правительству нравились из европейских идей только идеи империализма, милитаризма, воинствующего шовинизма и эксплуататорского капитализма. Общество же прельщалось другими европейскими идеями — идеями либерализма, парламентаризма, народоправства, разного вида свобод, социализма и т. д. Образовывались разные партии, каждая из которых желала переделать русский материал сообразно какой-нибудь одной из этих европейских идей, а не сообразно с теми европейскими идеями, которые нравились правительству. По существу между всеми этими партиями и правительством имелось глубокое сходство, одна основная общая черта: игнорирование живой индивидуальности России, взгляд на нее только как на бездушный материал, из которого предсто-

ит создать здание, сообразное тем или иным чужим, европейским идеям. Но сами эти идеи были различны: одним нравилась одна европейская идея, другим — другая, правительству — третья. И правительство, и разные партии в среде русского образованного общества желали сделать из русского материала европейское государство. Но под «европейским государством» каждый понимал нечто другое. А потому неизбежна была борьба, вражда всех против всех, но главным образом всех против правительства, именно потому, что из всех проектов создания из русского материала европейской державы практически осуществлялся только проект правительства и свержение правительства было для всех прочих партий исходной точкой, первым шагом на пути к осуществлению партийного идеала. Это было логически неизбежно. Раз введя принцип игнорирования живой индивидуальности исторической России и принцип постройки из русского материала здания не сообразно органически вытекающим из сущности России идеалам, а сообразно идеалу чужому, европейскому, правительство тем самым дало возможность и всякой группе европеизированных русских мечтать о постройке из того же русского материала другого здания сообразно какому-нибудь другому европейскому идеалу. Спорить о том, какой идеал лучше, было для правительства невыгодно, ибо спор этот приходилось вести не с точки зрения вопроса о большей или меньшей применимости данного идеала к русской действительности (такая точка зрения противоречила бы основному взгляду на Россию как на бездушный материал, из которого можно сделать что угодно), а с точки зрения большей или меньшей «европейскости» данного идеала, его большего или меньшего соответствия духу европейской цивилизации. А при переносе спора в эту плоскость правительство должно было бы признать, что его идеал хуже других, ибо хотя практически все мощные европейские державы живут и держатся только милитаризмом, империализмом и

эксплуататорским капитализмом, но тем не менее «хорошим тоном» в этих державах считается лицемерное исповедание совершенно иных идеалов. Не желая вступать в спор с обществом, правительство могло делать только одно: преследовать образованное общество и искоренять в нем все европейские идеи, не согласные с принятым правительственным курсом. А это, во-первых, создавало явное внутреннее противоречие—ибо выходило, что правительство европейской державы борется с европеизмом, в то же время желая оставаться в «европейском концерте», — а во-вторых, еще усугубляло остроту борьбы и углубляло вражду и недовольство всего образованного общества.

Так складывались отношения императорского правительства с образованным обществом, т. е. с европеизированной частью нации. Что касается до «простого народа», т. е. неевропеизированной части нации, то, поскольку этот народ еще жил обломками национальной, допетровской русской культуры, послепетровская государственность для него была просто совершенно чужда и непонятна. Так как единственным звеном, связывавшим допетровскую государственность с послепетровской, была царская власть, то это одно и было понятно наиболее темным, т. е. наименее затронутым европеизацией, представителям народа. Естественно поэтому, что в кругах, наименее затронутых европеизацией, существовал известный культ царя, с которым по инерции продолжали связывать представления, сложившиеся еще в допетровскую эпоху. Но этот культ был основан на иллюзии и на самообмане, ибо монархи послепетровской эпохи были совсем не тем, чем монархи допетровских времен. К тому же в допетровскую эпоху идеология царской власти была лишь частью общей государственно-идеологической системы, неотделимой от всего древнерусского бытового исповедничества, а в послепетровскую эпоху это бытовое исповедничество систематически разрушалось самим

правительством. Таким образом, идеология царской власти, оторванная от своего естественного контекста, могла держаться в народе только по инерции, как пережиток старины. И по мере того как народ благодаря непрерывной работе правительства над созданием из русского материала мощной европейской державы все более и более терял связь с национальным прошлым, а через солдатчину, фабрики, отхожие промыслы, школы и т. д. втягивался в русло элементарной европеизации и близко соприкасался с реальной сущностью новой государственности, старая идеология царской власти в народном сознании постепенно блекла и представление о царе теряло свой ореол. Наконец, между образованным обществом и простым народом, между европеизированной и неевропеизированной частями нации существовал широкий слой полуинтеллигенции, презирающей устои старого национального быта, но в то же время ненавидящей все более высокостоящие слои нации. Эта полуинтеллигенция не прониклась еще вполне европейской культурой, но успела уже усвоить в довольно упрощенном виде кое-какие европейские идеи, особенно легко усвояемые, и пропагандировала их к широким народным массам. С успехами этой пропаганды правительство могло бороться только полицейскими мерами и репрессиями, но этим оно только еще более восстанавливало против себя всех и ставило себя в положение открытого врага всей нации.

Таким образом, революция и свержение императорской власти становились неизбежны. Всей своей деятельностью правительство само подготовило революцию, собственными руками рыло себе могилу. И это не потому, что императорское правительство было особенно глупо или недалновидно. Самое умное правительство не могло бы поступать иначе, самое дальновидное могло бы разве только на некоторое время отдалить, отсрочить, но не предотвратить революцию. Дело было не в уме или глупости, а в самой сути той задачи, которую поставило себе

правительство: сойдя с исторического пути, вступив на путь переделки русского материала в угоду чужому идеалу создания мощной европейской державы, всякая власть, какая бы она ни была, должна была попасть в положение борьбы с русским материалом, а борьба это рано или поздно должна была завершиться восстанием нации против правительства.

Толчком послужила мировая война. В начале ее казалось, что императорскому правительству наконец удалось заразить своими идеалами империализма и воинствующего шовинизма значительную часть общества. Но увлечение это было только временное. Вскоре борьба между обществом и правительством возобновилась, народ присоединился к этой борьбе на стороне общества, и неизбежная, давно подготавливавшаяся революция наконец произошла.

Императорское правительство было свергнуто. Возник вопрос о том, кто станет на место свергнутого правительства, т. е., практически говоря, по которой из других известных европейских идеологий будут теперь ломать и перестраивать Россию. Борьба интеллигентских партий длилась недолго. Победу одержала партия, стоявшая за наиболее трудно осуществимый, но в то же время и наиболее заманчивый из всех европейских идеалов, и Россия вступила в новый период своей истории, в период советского строя и господства коммунизма.

XII

Нам предстоит решить вопрос, является ли этот новый период действительно новым, таким же новым, каким был, например, послепетровский период по отношению к допетровскому, или же советский период не есть новый период, а только новая фаза, новая ступень одного и того же послепетровского периода.

Вглядываясь с этой точки зрения в современное положение СССР, нельзя отделаться от двойственного впечатления. С одной стороны, советская власть, будучи выдвинута народной революцией, знаменовавшей собой отвержение прежнего курса, действительно стремится в корне изменить весь курс политики свергнутой антинациональной монархии. В области внешней политики мы отмечаем отказ от фальшивых славянофильских и панславистских идеологий, отказ от подражания империалистическим замашкам великих европейских держав. По отношению к Востоку впервые взят правильный тон, соответствующий исторической сущности России-Евразии: впервые Россия признала себя естественной союзницей азиатских стран в их борьбе с империализмом стран европейской (романо-германской) цивилизации. При советской власти Россия впервые заговорила с азиатами как с равными, как с товарищами по несчастью, и отбросила ту совершенно ей не идущую роль высокомерного культуртрегера-эксплуататора, роль, которая прежде ставила Россию в глазах азиатов на одну доску с теми романо-германскими хищниками-поработителями, которых Азия всегда боялась, но также всегда и ненавидела. Во внутренней политике следует отметить отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России и усвоенного правительством антинациональной монархии только из подражания другим европейским державам. Признание национальных прав всех народов, входящих в состав России-Евразии, предоставление каждому из них самой широкой автономии при сохранении единства государственного целого вполне соответствуют правильному взгляду на историческую сущность русской государственности, в создании которой участвовали не только русские, но и туранцы. Следует отметить и стремление к разрушению культурной пропасти между верхами и низами нации, привлечение к активной культурной и государственной работе тех слоев

населения, которые прежде оставались в этом отношении неиспользованными.

Но наряду со всем этим нельзя не заметить, что советская власть все же находится всецело во власти недавнего прошлого и продолжает старый курс, хотя и в новой форме. Как-никак высшие руководители советской политики вышли из среды той идеологически обезнационаленной и европеизированной интеллигенции, которую породила в России эпоха антинациональной монархии. Прилив свежих сил из широких демократических слоев не мог изменить существа дела, ибо в революции приняли участие как раз те слои народа, которые успели уже утратить остатки устоев национальной культуры, в то же время не вполне еще усвоив элементы европейской культуры, а только нахватавшись кое-каких европейских идей (такие нахватавшиеся называются сознательными). Попадая в среду интеллигентов, такие выходцы из народа не могли ничему научить, а наоборот, сами поддавались влиянию, так что весь тон задавался именно интеллигентами.

В силу всего этого деятельность советской власти по существу есть продолжение того курса, который был взят еще Петром I. Как и прежде, власть видит в России только материал для сооружения здания, план которого совершенно не связан с русской почвой, а прямо заимствован из Европы. Для Петра I и последующих правителей идеалом было создание из русского материала великой и мощной европейской державы, ни в чем не уступающей другим европейским государствам; современное правительство стремится из того же русского материала создать то социалистическое государство, о котором давно уже мечтают европейские социалисты. И в том и в другом случае идеал — чужой, связь его с русским материалом не естественная, а искусственная. И в том и в другом случае для осуществления идеала надо все переломать, надо бороться с естественным сопротивлением русского материала, не влезającego в чужой шаблон.

Практически последствия и в том и в другом случае оказываются одинаковыми. Во внешней политике выполнение исторических задач России продолжает тормозиться совершенно лишним, дорогостоящим и практически не оправдываемым вмешательством в дела других европейских стран ради поддержки чуждых исторической России принципов. Прежде русские правители входили в разные священные союзы, тратили массу денег, а иногда и человеческих жизней и, во всяком случае, подвергали страну постоянной опасности возможной войны — ради поддержки чужих престолов, укрепления власти чужих монархов и самого европейского легитимно-монархического принципа, не имевшего ничего общего с древнерусской монархической идеологией. Теперь тратятся безумные деньги на коммунистическую пропаганду в Европе и Америке, субсидируются заграничные рабочие союзы и компартии, как прежде субсидировались дворы мелких балканских монархов, субсидируются чужие заграничные забастовки, и всем этим создается постоянная угроза конфликтов с иностранными государствами. Делается все это во имя солидарности пролетариата всех стран, столь же призрачной, как та солидарность монархов всех стран, на которой была основана при Александре I идея священного союза, или во имя идей социализма, коммунизма, марксизма, столь же нерусских, столь же не связанных органически с исторической Россией, как в свое время те легитимно-монархические, феодалистические идеи, за поддержание которых в Европе распинались русские правители послепетровской эпохи. И как прежде Россия, петербургские салоны и императорский двор были прибежищем разных потерявших престол немецких герцогов или политических эмигрантов-аристократов, изгнанных из разных европейских стран в силу местных внутреннеполитических событий, так и теперь СССР становится прибежищем разных иностранных политических авантюристов, разных неудачных революционеров со всех концов европейского

мира. И как прежде, так и теперь эти иностранцы у нас прекрасно устраиваются. Характерно, что те же самые балтийские провинции, завоеванные Петром I для того, чтобы быть поближе к Европе, и отомстившие России тем, что наводнили все русские министерства, флот, гвардейские полки, губернаторские посты и самый императорский двор плохо говорящими по-русски, но глубоко презирающими русский народ немецкими чинушами, солдафонами и сановниками, те же самые балтийские провинции и теперь поставляют нам такой же иностранный административный аппарат: только прежде это были немецкие бароны, а теперь — латыши.

Во внутренней политике видим же продолжение замашек послепетровского периода. Из «русского дурака» сделать европейца трудно; надо сначала сбить с него дурь дубиной, заставить его забыть свое национальное лицо. И потому-то и Петр I, и все его преемники на русском престоле изощрялись в оскорблении русского прошлого и русского национального чувства, в попирании исторически сложившихся устоев русской жизни, вплоть до устоев нравственных и религиозных. Это продолжается и теперь. То, что проделывается в этом отношении над широкими народными массами, иной раз до мелочей напоминает то, что проделывали в свое время Петр I и его преемники над русским дворянством. Разница только в масштабе, ибо Петр I ограничивал свою задачу только европеизацией дворянства, полагая, что оно уже само дальше будет производить ту же работу европеизации над другими слоями населения, теперь же советская власть принялась за сами народные массы. Но если отвлечься от разницы масштабов, аналогия получится в некоторых пунктах поразительная. Комсомольство, антирелигиозные представления, проповедь половой разнузданности и борьба со стыдом — все это Петр I проделывал двести лет тому назад, но только над сравнительно ограниченным кругом знати и дворянства, а теперь это проделывается

над всем народом. Борьба с русской церковью — явление тоже не новое. Учреждением Синода и обер-прокурора Петр I нанес русской церкви гораздо более тяжелый удар, чем советская власть арестом патриарха. Екатерина II, закрывшая 80% монастырей, реквизировавшая столь же значительную часть церковного имущества и сгноившая в ревельской крепости епископа Арсения Мациевича, стойко сопротивлявшегося ее антицерковной политике, предвосхитила поход советской власти против церкви. Стоит только подробнее вникнуть в историю русской церкви синодально-оберпрокурорского периода, чтобы увидеть, как систематически боролась с церковью власть антинациональной монархии, отличавшаяся в этом отношении от советской власти только большей тактичностью, лицемерием и планомерностью.

Таким образом, советская власть явилась не противницей, а сознательной продолжательницей всей антинациональной европеизаторской политики послепетровской монархии. И как ни странно, ни парадоксально, причиной этого является то, что советская власть исповедует коммунизм. Если бы советская власть отказалась от коммунизма, порожденного европейской цивилизацией, то отпала бы и связь советской власти с этой цивилизацией и началась бы работа по укреплению и развитию национально-исторического бытия России. Это было бы действительно началом новой эры русской истории, эры сознательного осуществления национально исторических задач и создания новой культуры не по чужим европейским образцам или рецептам, а изнутри, согласно национально-историческим задачам и особенностям реальной России, рассматриваемой не как безличный и бездушный материал, а как живая личность, ищущая воплощения в своей собственной культуре.

Но пока этого нет, Россия все еще находится на том же гибельном пути, на который завел ее в свое время перестаравшийся Петр I; Россия, как и до революции, остается

провинцией европейской цивилизации, да к тому же еще опытным полем для производства рискованных опытов применения теорий европейских мечтателей-публицистов, опытов, для которых европейцы свой собственный ценный человеческий материал жалеют.

Естественно поэтому, что европейцы очень одобрительно смотрят на стремления советской власти и критикуют советскую действительность только постольку, поскольку эти стремления в ней еще не вполне воплотились или воплотились неудачно. Все иностранцы, посещающие СССР, по возвращении своем слегка подсмеиваются над «русскими дикарями», но все же одобряют похвальное стремление правителей России привить этим «дикарям» европейскую цивилизацию. Несмотря на всю явную с коммерческой точки зрения невыгоду, которую представляет для буржуазной Европы существование в России коммунистического правительства, затрудняющего своими социально-экономическими опытами проникновение в Россию европейских товаров в желательном для Европы количестве, европейцы тем не менее мирятся с этим неудобством и считают существование коммунистического правительства в России для себя выгодным. Ибо это правительство ведет в России европеизаторскую работу. Разрушая духовные устои русской жизни и национальное своеобразие, насаждая в России то материалистическое мировоззрение, которое фактически является в Европе и Америке господствующим, и воспитывая Россию на идеях, созданных европейскими теоретиками и выросших органически из почвы европейской цивилизации, коммунистическое правительство закрепляет Россию в положении провинции европейской цивилизации и утверждает духовное завоевание России Европой, завоевание, которому начало положил Петр I. А это в конечном счете для европейцев выгодно. Затаенной мечтой всякого европейца является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеоб-

разных и обособленных национальных обликов и культур, кроме одной, европейской, которая сама, в сущности, тоже является национальной (ибо создали ее народы одной кельтско-германской расы, имевшие общую историю и представлявшие в течение всей истории такое же замкнутое единство, как отдельные части Китая), но желает прослыть общечеловеческой. Осуществление этой мечты, насаждение во всем мире «общечеловеческой» (т. е. романо-германской) культуры превратит все народы мира в европейцев второго и третьего сорта, а европейцами первого сорта останутся природные европейцы, романские, германские и англосаксонские народы, для которых эта «общечеловеческая культура» есть в то же время культура национальная. А это поставит европейцев в господствующее положение над всем миром. Так как это является конечной целью империализма европейской цивилизации, то для европейцев безразлично, какими средствами это может быть достигнуто. И потому-то они и смотрят на русское коммунистическое правительство как на союзника в этом деле.

Единственное, что европейцам в деятельности советского правительства действительно очень не нравится, — это пропаганда в колониях и в Азии. Но эта пропаганда пугает их не потому, что она коммунистическая, а потому, что она способна разжечь национализм азиатских и колониальных народов и побудить эти народы во имя национализма отвернуться от европейской цивилизации. Таким образом, отталкивает европейцев от советского правительства именно то, в чем это правительство, как мы уже говорили, осуществляет (скорее инстинктивно, чем сознательно) историческое русское дело. Подлинным врагом панъевропейского империализма, империализма европейской цивилизации, является не коммунизм, порожденный самой европейской цивилизацией и органически привязанный к ней, а историческая Россия, Россия-Евразия, по самому существу своему стихийно

противящаяся европеизации, несмотря на все усилия ее правителей, будь то монархи или коммунисты.

Итак, коммунистическая власть оказалась продолжательницей европеизаторских традиций старой антинациональной монархии. Она не порвала с прошлым, а находится всецело во власти этого прошлого, пресловутых «заветов Петра Великого». Даже более того, она производит работу Петра I еще в более широком масштабе и с большим пылом, чем все послепетровские монархи. Резкого перелома, такого перелома, какой был при Петре I, в русской жизни при советской власти не произошло, а произошло лишь резкое ускорение движения все в том же прежнем направлении. И если осуждать самое это прежнее направление и видеть в революции стихийное желание исторической России в корне изменить его, то придется признать, что советская власть до сих пор еще не приступила к осуществлению задач, поставленных перед ней революцией. Она не освободила Россию от ига европейской цивилизации, а, наоборот, до сих пор работала только на укрепление этого ига.

XIII

Теперь окинем еще раз беглым взглядом всю нарисованную в предшествующем изложении картину исторического развития России-Евразии.

Итак, евразийский мир представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом. Государственное объединение Евразии было впервые осуществлено туранцами в лице Чингисхана, и носителями общеэвра-

зийской государственности сначала были туранские кочевники.

Затем, в связи с вырождением государственного пафоса этих туранцев и с ростом национально-религиозного подъема русского племени, общевразийская государственность из рук туранцев перешла к русским, которые сделали ее преемниками и носителями. Россия-Евразия получила полную возможность стать самодовлеющей культурной, политической и экономической областью и развивать своеобразную евразийскую культуру. Но в связи с тем, что в соседней Европе все сильнее стал развиваться завоевательский и колонизаторский дух империализма и европейская цивилизация, односторонне направленная на технику и внешнюю организацию жизни, все сильнее проявляла стремление к экспансии, возникла потребность оградить Россию—Евразию от опасности, грозящей с Запада ее культурной, экономической и политической независимости. Для этих целей обороны необходимо было усвоить известные технические преимущества Европы. Но это усвоение вскоре превратилось для правителей России-Евразии в самоцель. Забыв, что заимствование европейской военной и частью промышленной техники понадобилось исключительно для обороны России от иноземного культурного засилья, правители России увлеклись самим процессом заимствования, прельстились самой европейской цивилизацией, возгорелись тщеславным желанием сделать из России державу, внешне совершенно подобную европейским государствам, и стать самим на равную ногу с правителями наиболее крупных европейских держав. А благодаря этому та иноземная опасность, для предотвращения которой и было затеяно заимствование европейской техники, не только не была предотвращена, но русскими же руками была введена в Россию. Россия постепенно становилась провинцией европейской цивилизации, и империализм этой цивилизации стал делать в России все большие и большие успехи.

Вместо техники русские стали заимствовать европейский образ мысли, рассчитанный на совершенно иной психологический тип людей. Русский человек перестал быть самим собой, но не стал и европейцем, а просто изуродовался. Вследствие этого изуродовались и все внутренние отношения между русскими, появились глубокие пропасти, отделяющие одних русских от других, порвались социальные связи. Двухвековой режим антинациональной монархии, восставившей против себя все слои населения, привел к революции. Но революция не изменила сути дела, ибо элементы, вставшие у власти после революции, сами оказались зараженными теми же ядами европейской цивилизации и, насаждая в России мировоззрение, выросшее на почве европеизма и европейской цивилизации, явились орудием империализма европейской культуры, ошибочно принимаемой ими за культуру «человечества». Таким образом, Россия и после революции не стала сама собой, не освободилась из-под духовного ига европейской культуры и не может свободно творить свою собственную национальную культуру, основанную на психологическом укладе русского, евразийского, а не общеевропейского человека.

Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать наконец свою подлинную природу и вернуться к выполнению своих собственных исторических задач. Россия должна осознать, что как военная и экономическая мощь отдельных европейских держав, для борьбы с которой милитаризовала и европеизировала Россию до-революционная антинациональная монархия, так и буржуазно-капиталистический строй, во имя преодоления которого социализирует Россию послереволюционное коммунистическое правительство, являются только органическими частями и естественными частными проявлениями одной и той же европейской цивилизации, которая в своем целом и есть главный и основной враг исторической России; что поэтому бороться следует не с одними

этими частными проявлениями, а с самой европейской цивилизацией в ее целом, и особенно с основным духом этой цивилизации, и что средства для этой борьбы надо выбирать такие, которые сами не заключали бы в себе духа европейской цивилизации, так как иначе борьба оказывается нецелесообразной. Ошибка послепетровской антинациональной монархии заключалась в том, что видя единственную опасность в военной и экономической мощи отдельных европейских держав и желая противопоставить этой опасности соразную ей военную и экономическую мощь русскую, она позаимствовала и стала прививать в России чуждый России дух европейского милитаризма, государственного империализма и лженационализма (шовинистического тщеславия). Но ошибкой послереволюционной власти явилось то, что усматривая единственную опасность в буржуазно-капиталистическом строе, она для преодоления этой опасности стала прививать в России столь же чуждое России и столь же европейское по своему духу мировоззрение экономического материализма и стремиться осуществлять в России совершенно чуждые России и созданные европейскими теоретиками идеалы общежития. Поняв, что и та и другая ошибка ведут к духовному порабощению России европейской цивилизацией, к уродованию естественной природы исторической России, следует отказаться окончательно от всякого проявления европейского духа и повести решительную борьбу против европейской цивилизации в ее целом. Борьба же эта должна вестись одновременно с созданием самостоятельной и самодовлеющей русско-евразийской культуры на основаниях, совершенно отличных от духовных основ европейской цивилизации.

Нет оснований терять надежду на то, что Россия когда-нибудь, и не в слишком отдаленном будущем, вновь обретет свой собственный правильный исторический путь. Ненависть к европеизму и стремление отмежеваться от него, несомненно, стихийно существуют и сейчас в самых

различных слоях населения России-Евразии. Правда, многие отождествляют предмет своей ненависти только с капиталистически-буржуазным строем современной Европы и не сознают, что то мировоззрение социализма и экономического материализма, которое этому буржуазному строю противопоставляется, есть тоже органическая часть того же европеизма, порождение того же духа европейской цивилизации. Но это умонастроение не окончательное. Рано или поздно оно сменится другим, более сознательным, последовательным и радикальным отвержением не только отдельных проявлений, но и самой сущности, самого духа европейской цивилизации. И через отвержение этого чужого духа Россия-Евразия обретет свое собственное, подлинное лицо.

XIV

Как это ни странно, но именно теперь, когда правительство России прилагает все усилия к тому, чтобы привить России мировоззрение, созданное типичными представителями европейского духа, и перестроить согласно созданным европейскими публицистами теориям, именно теперь, несмотря на это, стихийное национальное своеобразие и неевропейское, полуазиатское лицо России-Евразии более чем когда-либо выступает наружу. Проступает наружу, «прет из всех щелей», несмотря на всю интернационалистическую и противонационалистическую декорацию, несмотря на все претензии последнего крика «общечеловеческой» (сиречь европейской) цивилизации. Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана. Заговорили на своих признанных теперь официальными языках разные туранские народы — татары, киргизы, башкиры, чувашаи, якуты, бу-

ряты, монголы, — стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве; и на самих русских физиономиях, раньше казавшихся чисто славянскими, теперь замечаешь что-то тоже туранское; в самом русском языке зазвучали какие-то новые звукосочетания, тоже «варварские», тоже туранские. Словно по всей России опять, как семьсот лет тому назад, запахло жженым кизяком, конским потом, верблюжьей шерстью — туранским кочевьем. И встает над Россией тень великого Чингисхана, объединителя Евразии...

Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Даже в период антинациональной монархии, когда и правительство, и образованное общество стремились к тому, чтобы Россия была европейской державой, и всячески стыдились признать естественную связь России с Азией, даже тогда Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии — дело Чингисхана: присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири — все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей евразийского улуса Чингисхановой империи, а колонизация и запашка степи, превращение ее из кочевья в ниву было закреплением перехода евразийской государственности из рук туранцев в руки русских. И несмотря на то что правительство, стремясь во всем подражать «великим европейским державам», готово было всюду проводить насильственную ассимиляцию и культурно обезличивать вновь присоединенные области (как это делают подлинные европейцы в своих колониях), народная русская стихия, инстинктивно ощущавшая подлинную задачу России, усваивала по отношению к туземному населению тактику братания, охотно заимствовала от покоренных разные черты их быта; в новоприсоединенных областях сами собой вырабатывались

особые смешанные бытовые типы, которые со временем могли бы послужить основанием для целой радуги евразийских культур, разновидностей одной, общеевразийской: мешало только стремление русских верхов (как образованного общества, так и правительства) иметь культуру непременно европейскую.

Тот же процесс инстинктивного и стихийного сворачивания России на ее естественную историческую дорогу наблюдается и в настоящее время. Несмотря на то что коммунистическая власть лицом обращена на Запад, к пролетариату «цивилизованных» стран, и страстно мечтает только о том, чтобы именно этот европейский и американский пролетариат признал коммунистическую власть своею, России в силу обстоятельств приходится все больше и больше иметь дело с Азией, а в своем внутреннем строительстве осуществлять то братание племен Евразии, которое является неизбежным следствием исторической миссии России — государственной объединительницы Евразии, преемницы и наследницы Чингисхана. Привлечение разных племен Евразии к общему государственному строительству, соединяя их всех в одну общую семью, заставит каждого из них смотреть на русскую государственность как на свою собственную, родную. Глубокая перепашка всего социального организма нации, поднявшая наверх те слои, которые прежде были внизу, приближает возможность создания новой культуры или целой радуги родственных друг другу культур на основе народного быта и народного мировоззрения, прежде существовавших только как предмет этнографического изучения: мешает опять-таки только упорное желание руководителей культурной жизни иметь в России не свою собственную, своеобразную евразийскую культуру, а культуру европейскую, может быть, и не во всем схожую с современной культурой народов Западной Европы, но все же соответствующую мечтам и теориям европейских социологов и

публицистов и, следовательно, проникнутую тем же духом европейской цивилизации.

Словом, несмотря на упорную борьбу, которую правящие круги (все равно какие, прежде — монархические, теперь — коммунистические) ведут уже более двухсот лет против природной сущности России-Евразии, эта Россия-Евразия все время не перестает стихийно стремиться к тому, чтобы быть самой собой и вновь вполне вступить на свой природный исторический путь после слишком затянувшейся диверсии подражания западноевропейским образцам и учениям. Надо, чтобы это стихийное и инстинктивное стремление наконец стало сознательным. Будущая Россия-Евразия должна сознательно отвергнуть дух европейской цивилизации и построить свою государственность и свою культуру на совершенно иных, неевропейских основаниях.

Конечно, невозможно предсказывать, какова будет эта государственность и эта культура. Но наследие Чингисхана, в свое время подхваченное допетровской Москвой, неизбежно находится при России, определяя не только ее прошлое, но и ее будущее, делая до некоторой степени возможным и предсказание. В международных сношениях будущая Россия, сознательная хранительница наследия Чингисхана, не будет стремиться стать европейской державой, а, наоборот, будет всячески отмежевываться от Европы и европейской цивилизации. Памятуя уроки прошлого, она будет следить за развитием европейской материальной техники, усваивать из этой техники то, что ей необходимо, но всячески будет ограждать себя от усвоения европейских идей, европейского мирозерцания и духа европейской культуры. Она не будет вмешиваться в европейские дела, не будет брать сторону той или иной из борющихся в европейских странах партий или идеологий, не будет считать своим искренним союзником ни одну из европейских социальных групп.

В частности, борясь с международным капиталом как с одним из факторов европейской цивилизации, она не будет считать своим полным союзником европейский пролетариат, учитывая, что хотя этот пролетариат тоже борется с капиталом, но борется только наполовину, только для того, чтобы международный капитал уступил ему часть барышей, которые он наживает, эксплуатируя «нецивилизованные» страны, полная же гибель международного капитала и прекращение его эксплуататорского владения над «нецивилизованными» или «получивилизованными» странами, т. е. именно то, что должно быть целью России, для европейского пролетариата невыгодно и неприемлемо, совершенно так же, как и для европейской буржуазии. Наоборот, в отношениях своих к странам и народам неевропейской цивилизации будущая Россия должна руководствоваться чувством солидарности, видя в них естественных союзников, одинаково заинтересованных в преодолении империализма европейской цивилизации. Россия должна остерегаться от всяких попыток присоединить к себе ту или иную страну, не входящую в географические пределы Евразии, помня, что такое присоединение уже раз повредило делу Чингисхана. Но в то же время с этими неевразийскими, чисто азиатскими странами Россия должна поддерживать и культурное общение, и самые оживленные торговые сношения, а сверх того, более их умудренная опытом, должна организовывать их в противодействии против европейской цивилизации, предостерегать их от проникновения к ним духа европеизма в разных его проявлениях и помогать им творить и развивать их собственные национальные культуры.

Во внутренней своей жизни будущая Россия должна твердо помнить о прошлом. Это не значит восстанавливать прошлое. Прошлое восстановить невозможно и не нужно. Но известные принципы, на которых строилась жизнь в прошлом, при Чингисхане и в допетровской мос-

ковской Руси, могут быть поставлены в основу и будущего строительства. Главный из этих принципов: теснейшая связь между частным бытом, государственностью и религией. Безбожная и антирелигиозная государственность есть специально европейское изобретение, находящееся в тесной зависимости от всего духа европейской цивилизации. Правда, европейцы этим изобретением очень гордятся и считают его признаком прогресса. Но так расценивают европейцы вообще все продукты своей культуры; они рассуждают упрощенно: все, что изобретено европейцами и согласно с общим духом их культуры, — хорошо и «прогрессивно», а все, что изобретено неевропейцами, — хорошо только постольку, поскольку оно похоже на то или иное европейское изобретение. Если же рассуждать объективно, не поддаваясь самовосхвалению европейцев, то из того факта, что антирелигиозная государственность придумана одними только европейцами и ни у одного другого неевропейского народа никогда не существовала, можно сделать только один вывод, что такая государственность противоестественна и уродлива, что она противоречит нормальной человеческой природе и что если европейской природе она не противоречит, то только потому, что сама эта европейская природа ненормальная, выродившаяся. Здоровый человек всегда религиозен. И неправда, будто бы «религия — частное дело каждого»: в действительности религия всегда была, есть и будет делом не только частного человека, но и народа. Народы Евразии всегда были религиозны. Если отдельные представители их иногда отпадают от религии, то только под уродующим влиянием европейской цивилизации и европейских идей. Обрести свое подлинное лицо и стать самой собой Россия-Евразия может, только вернувшись к религии и укрепив в себе религиозную стихию. Это вовсе не значит, чтобы нужно было создать опять тот внешний союз между государственной властью и официальной церковью, который существовал в России до революции.

Даже как раз наоборот — этот союз, оказавший православию, лишивший русскую церковь способности развития и стремившийся превратить ее в полицейское орудие государственной власти, более всего противоречит духу подлинно религиозной государственности. Ни этот союз, сводящийся по существу к подчинению церковной организации государству и к наложению государственной цензуры на свободные проявления религиозного духа, ни какие бы то ни было другие известные проявления религиозного духа, ни какие бы то ни было другие известные в практике европейских народов формы отношения государства и религии (отделение церкви от государства, подчинение государства церковной организации, договор государства с международной церковной организацией) не соответствуют тому принципу связи между государственностью и религией, который лежит в основе всякого подлинно евразийского государственного строительства. Ибо все эти формы проникнуты духом европейской цивилизации, духом уродливым как раз в области религиозной. Все эти формы взаимоотношения между церковью и государством предполагают представление о церкви и о государстве как о двух различных организациях с разным личным составом. Между тем на деле и церковь и государство состоят из живых людей, и притом из тех же людей. Народ в церкви и народ в государстве не два разные существа, а одно существо. В одном и том же человеке существует воля и совесть: это — не разные существа, а разные свойства, разные способности одного и того же существа; в нормальном, разумном и хорошем человеке между совестью и волей нет разлада, а есть известная согласованность: то же самое должно быть между государственностью и религией. Казенная религиозность аналогична подчинению совести воле; борьба государства с религией аналогична борьбе воли с совестью; но подчинение государства церковной организации не аналогично подчинению начала воли началу совести, ибо при этом

государство и церковная организация мыслятся как два разные существа, так что получается подчинение воли одного существа совести (а следовательно, и воле) другого. Проблема взаимоотношения государственности и религии для России-Евразии является проблемой основной, ибо, как сказано, Россия-Евразия только тогда может стать сама собой, когда будет религиозна. Решение этой проблемы лежит не в законодательстве, а в быте. При Чингисхане не было казенной религии, не было и подчинения государственной власти какой-либо религиозной организации, а тем не менее государственность Чингисхана была глубоко религиозна. Точно так же и в допетровской Руси вера была не казенной и государственная власть не была в подчинении у власти церковной, а тем не менее старая московская государственность была религиозной. Решение вопроса и при Чингисхане, и в допетровской Руси лежало не в области политики и законодательства, а в области быта и психологии. Каждый воин Чингисхана подчинялся не только своему начальнику (а через него — его начальнику и т. д. вплоть до самого верховного хана), но и прежде всего высшему религиозному началу и знал, что тому же высшему религиозному началу подчиняется и его начальник, и начальник этого начальника, и т. д., вплоть до самого Чингисхана. При этом подчинение религиозному началу и у воина, и у начальника, и у Чингисхана было не только официальное, не только в связи со службой, но и вне службы, в самом быте. И жизнь внешней природы, и судьба человека, и быт человека мыслились как закономерное, неземным верховным существом предустановленное течение вещей; и государственность представлялась как часть этой естественной системы. Такое же отношение к делу наблюдалось и в допетровской Руси, несмотря на то что между ней и кочевническим государством Чингисхана было громадное различие. И если Россия-Евразия хочет опять стать самой собой, а не уродливым отображением

европейской цивилизации, ей предстоит создать вновь такое же положение дела. Пусть это новое положение будет внешне совсем непохоже ни на допетровскую Русь, ни на царство Чингисхана — самый принцип постройки должен быть тот же. Ибо это есть настоящий принцип всякой подлинно евразийской государственности.

Итак, путь к подлинно своему, к обретению своего настоящего лица для России-Евразии предначертан ее прошлым. И тем не менее это не есть путь назад, а путь вперед, к подлинно новому, к небывалому. Предстоит создать совершенно новую культуру, свою собственную, непохожую на европейскую цивилизацию. То, что сейчас делается в России, только кажется новым и своеобразным. На самом же деле это разрушение, а не созидание, и разрушение это проникнуто тем же старым духом, духом Петра I, Екатерины II и всей интеллигенции XIX века, прельщенной заманчивым внешним видом европейской цивилизации и европейских идей. Подлинное творческое созидание еще впереди. И станет оно возможным лишь тогда, когда окончательно будут изжиты увлечения европейской цивилизацией и придуманными в Европе идеологиями, когда Россия перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации, а обретет свое собственное историческое лицо и вновь станет сама собой — Россией-Евразией, сознательной носительницей и преемницей великого наследия Чингисхана.

КАРЛ ХАУСХОФЕР

**ГРАНИЦЫ
В ИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ
ЗНАЧЕНИИ**

© И. Усачев, перевод с немецкого, примечания, 2001.

Обоим моим сыновьям посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическое военно-географическое самообразование, связанное со склонностью и долгом, а также служба за рубежом и ход войн дали мне возможность, исходя из собственной интуиции и опыта, изучить многие важнейшие вопросы границ на Земле в мирное и военное время, отчасти поверхностно — во время поездок и путешествий, отчасти основательно — в тяжелой ответственной борьбе за прочность границ на родине и за ее пределами.

Среди этих границ были не только германороманский рубеж на всем его протяжении от Фландрии вдоль Мааса и Мозеля до Вогез и Бургундских ворот, в Юре¹ и, кроме того, в пересеченных ландшафтах Швейцарии, итальянская альпийская граница; не только проницаемая германская граница с западными и восточными славянами во всех разновидностях — от Балтики до Карпат и нижнего течения Дуная и Дравы, — но и границы частей Света и морских акваторий: европейско-азиатская, азиатско-африканская, индо-тихоокеанская, северо-западная граница Индии и рубеж по религиозному и расовым признакам в Гималаях; индийско-китайские переходы в Индокитае, китайско-японо-русская пограничная проблема в

Маньчжурии² и Монголии³. Наслоение физических, биологических и антропогеографических рубежей и многообразных пограничных зон, океанских и континентальных контрастов с их переходными формами в районах крупных рек и морских побережий оживило мои представления и добытые опытом понятия, весьма далекие от теории. Когда же я наконец — в противовес столь сильному пограничному инстинкту и пограничному сознанию, которые мне довелось почувствовать у чужеземных народов, — поздней осенью 1918 г. в качестве командира резервной дивизии, продвигаясь от лежавших в руинах имперских границ в глубь страны, испытал полную утрату инстинкта в вопросах границы собственной высокоодаренной нацией, ее слепое доверие к враждебной фразеологии, болезненно пережил вместе с ней самообман по поводу фактически неугасающей на границе борьбы за жизненное пространство на Земле, тогда возник стимул к этой работе и ее замысел, продиктованный собственной внутренней потребностью и предвидимой будущей склонностью моего народа.

То, что кажется само собой разумеющимся лидерам младо-китайцев⁴ относительно крупных концернов — грабителей мира, в 1914—1918 гг. вырвавших новые, более выгодные для себя границы, и что побудило их сказать с мрачной иронией: «После того, как они ограбили мир, они предложили ему приостановить грабеж», — это еще не стало ясным сегодня большинству населения Центральной Европы. Напротив, часть обманно лишавшихся своих границ культурных народов европейского Центра многократным, чудовищным грабежом и уродованием земли собственного народа в типично германском самоистязании видела шаг к будущему, более справедливому решению всех пограничных вопросов человечества. Взгляд на наши тщательно составленные фундаментальные энциклопедии, а также довоенные труды о границах показывает нам, каким образом произошло это искажение националь-

ного жизненного инстинкта. Если в каких-нибудь пухлых томах мы находим слово «граница», то это прежде всего математические и философские размышления о ней в широком толковании, далеко от географических и политических предпочтений. Факт, что граница и переход между государствами (*Staatsumzug*) — прежде всего организация, охватывающая политическую, хозяйственную и культурную жизненную возможность, на чем, к примеру, делает сильный акцент «*Encyclopaedia Britannica*», в большинстве работ, опубликованных в Центральной Европе, вряд ли обсуждается, а вернее, не ставится на передний план. Насколько я знаю, ныне в Германии еще нет ни одной книги, на титульном листе которой прямо значится слово «границы» и которая проливает истинный свет на жизнь границы во всех ее контрастах.

Такое намеренно одностороннее рассмотрение на основе путеводного геополитического мышления, насколько мне известно, предпринимается здесь впервые, с полным осознанием того, что в понимании политической географии я опираюсь на плечи Ратцеля⁵, Зупана, Мауля⁶ и предварительную работу многих политических союзов, но, к сожалению, все же больше на фундамент политической науки наших оппонентов, чем нашей собственной.

Но можно ли справедливым, обоснованным с позиций естественных наук, истинно социальным образом разрешить главную проблему физической антропогеографии (как ее по праву назвал Пенк⁷), а именно раздел жизненного пространства при растущем давлении народов и сношений на становящейся обозримо все более тесной и малой Земле сообразно плотности населения, жизненной энергии, культурному и экономическому вкладу ее обитателей, если наука снова и снова не будет разрабатывать и обобщать для политики те ее незыблемые основы, которые могут стать надежными исходными точками для справедливого разграничения отдельных частей пространств и государственных структур нашей планеты?

Если и на противоположной стороне умные и миролюбиво настроенные люди, добропорядочные европейцы, вроде Бернарда Шоу⁸, называют нынешние внутренние границы Европы этнически неосновательными и противопоставляют им не защищенную с обеих сторон и демилитаризованную американо-канадскую границу⁹ как идеал для континента, который благодаря своевременному сплочению хотел бы избежать очередной войны, то нужно лишь радоваться тому, что представители географии и истории, политических и экономических наук предоставляют дополнительные основы для их прочувствованных суждений и предостережений. Именно истинный друг мира должен страстно приветствовать такую работу, направленную на познание границы, подобно тому как пожарный должен быть благодарен, если ему своевременно, до вспышки, показывают будущий или уже тлеющий очаги пожара. Конечно, маловероятно, что эти очаги будут выданы теми, кто обделяет свои делишки. Поэтому, как представляется, обращать внимание на не заживающие от ожога раны на теле народа — предпочтительный долг и право стесненных в пространстве наций, всех, кто страдает от избыточной плотности населения и от урезанной, искаленной ложно проведенными границами духовной жизни.

Такому долгу и такому праву должна удовлетворять эта книга о границах! Впрочем, она вряд ли понравится там, где почитают принцип «надо мной не каплет». Вероятно, даже не понравится. Но этот принцип не только никогда и нигде не помогал миру в его поступательном движении, но и давным-давно вызывал обоснованное недовольство существующим положением, истошный крик о помощи, обращенный к слишком туго закрученным предохранительным клапанам, яростные выпады против таких границ, которые воистину показывают, что они установлены и проведены не Богом, не природой, а есть шаткое создание рук человеческих.

Пусть наградой всем, кто любезно помогал в подготовке [этой книги], как и всем, кто занят пограничной работой на Земле, будет формирование сознания, создание полезных инструментов для установления более удобных и более прочных границ отдельных пространств будущего родного дома человечества. Из таких здоровых, жизнелюбивых структур могло бы затем возникнуть здание подлинного союза народов, где не только счастливые и живущие в благоденствии нации, извлекающие выгоду из происшедшего насилия¹⁰, но и все остальные наслаждались бы свободой дышать, трудиться, ценить свою землю и свое жизненное пространство в общем земном доме и где лишённые права на самоопределение многомиллионные древние культурные народы не стояли бы как неизменные обвинители, нищие, ограбленные, перед закрытыми дверями, перегороженными границами и перекрытыми дорогами в будущее, которое и для ныне властвующих, кажущихся счастливыми, остается под опасной угрозой.

ВВЕДЕНИЕ

Давление границ и теснота пространства тяготеют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой (Inner-europa). Настоящая книга, призванная привлечь внимание к беспристрастному исследованию границ в их географическом и политическом значении, обращена прежде всего к тем, кто живет в этой стесненности, а также ко всем, кто серьезно участвует в прочном, устойчивом восстановлении, в естественных связностях пространства, где обитает человечество, разорванного и разрушенного в результате его произвольного раздела.

Это касается в первую очередь Внутренней Европы, потому что ни в каком другом месте Земли так остро не проявляется в проведении границ противоречие между научно мыслящим веком и антинаучными, алчными и

пристрастными действиями. Разве кто-нибудь мог бы посчитать возможным еще на рубеже столетия, когда на всех языках было написано так много светлого о будущем человечества, что всего два десятилетия спустя государственные мужи, члены ученых академий и обществ, якобы мыслящие категориями крупного пространства народные лидеры окажутся готовыми провести границы государств и народов через большие города и их водонапорные башни и газовые фабрики, соорудить рубежи между рабочими и их каменноугольными шахтами, воздвигнуть там и сям барьеры между одинаково думающими, чувствующими и говорящими людьми.

Именно мрачное предсказание заката изувеченной в таком ослеплении Европы (Abendland)¹ должно вдвойне заставить нас со всей суровостью объяснить, что сделали сами ее жители для его возможного ускорения из-за бессмысленных границ и демаркационных линий.

«Кто не сознает темноты, тот не станет искать света»².

Но если мы поднимем факел знания, то истинно происходящее, с которого снят покров, сотканный из фразеологии, предстает во всей своей гротескной бессмысленности.

Внутренняя Европа с ее географическим и политическим урезанием и увечьем жизненно необходимых структур, с невыносимыми границами жизненной формы в удушающе тесном жизненном пространстве — в каком разительном противоречии находится это [состояние] с представлением века и культурного круга, которому Шпенглер³ придал отпечаток фаустовского⁴ стремления к жизни, безмерного, безграничного как лейтмотив.

Понятно, почему такое обвинение в зреющем закате [Европы] вышло именно из духовной среды стомиллионного народа, который, к счастью или к сожалению, пожалуй, наиболее четко отразил эту фаустовскую черту характера, распространяя ее среди народов Земли в то время, когда он в том пространстве, где дышал, был

невыносимо стеснен до минимальных пределов и поэтому первым в XX столетии глубоко в душе пережил возникающую у человечества нужду в границах на перенаселенной Земле.

Были ли необходимы именно немецкому народу для воспитания у него чувства границы это страшное переживание, эта напряженность, побуждающая к восстановлению границ мирным путем при их добровольной либерализации или же к взрыву, — напряженность между идеалом беспредельности Вселенной, идеалом погруженного в самосозерцание «наднационального», безразличного к пространству человека, и реальной жизнью великого народа Земли, больше всех сдавленного пространством в своем свободном развитии?

Не была ли эта напряженность возможной только потому, что этот проникнутый духом Фауста народ достиг всех осуществимых духовных целей, подарил человечеству понятия и определения понятий, — но так и не смог правильно и надежно сформировать разумные границы, ибо не знал, как их найти?

Но такую судьбу он разделил с двумя самыми гениальными народами планеты: с эллинами — носителями сухопутной и морской культуры бассейна Эгейского моря, и теми, кто населял индийское жизненное пространство между Гималаями и Индийским океаном, которые — как и немцы, были, видимо, духовно слишком мягкотелы, слишком аморфны, чтобы защитить и сохранить свою земную жизненную форму.

Именно в этом они не преуспели: границы действительного, которые они полагали выдвинуть все дальше вовне, пока те не совпадут с границами человечества в метафизическом [т. е. философском] смысле, затем — ибо сами не знали, как найти для этого меру, — проводились другими, причем весьма болезненно, ценой потери миллионов соплеменников и даже облика свободных, определяющих свое место в жизни народов.

Так происходило в Священной Римской империи германской нации⁵, в Элладе домакедонского периода и в подобных сказочным творениям эллинистических государствах⁶, в становлении империи Ашоки⁷ и более поздней при Великих Моголах. Если Акбар⁸, величайший среди них, казался своим современникам «тенью бога на Земле», подобно Периклу⁹ и Александру [Македонскому]¹⁰, Карлу Великому¹¹ и Фридриху Гогенштауфену¹², то уже для их внуков воздвигнутые на века границы их государств были преходящими, как облака. То же повторилось во Внутренней, или Центральной, Европе после краха Второй Германской империи¹³, казавшейся очень прочной в Центре Европы. Однако уже в 1900 г. Теобальд Фишер¹⁴ назвал ее эфемерой, ибо, как и после исчезновения первой¹⁵, не стало больше надежной границы и какой-либо устойчивой формы, и крупный писатель того времени увидел на исходе века точно такую же безутешную картину, как Шиллер¹⁶ — на рубеже XVIII—XIX столетий.

Но эта первая [империя] ни в коей мере не была чисто Германской империей, а римско-германской нацией с ее передвигающимися, подобно облакам при каждом порыве ветра, границами. Никто не знает сегодня, идет ли дело к новой, третьей империи¹⁷, столь горячо и страстно желаемой и ожидаемой многими. Во всяком случае тот хаос руин и мук, в котором мы ныне живем, не заслуживает названия империи: ведь от нее сохраняется лишь тень и апелляция о спасении права на жизнь. Ибо империя должна иметь границы, которые она способна защищать собственными силами!

Однако, чтобы третья империя стала когда-нибудь реальной в пространстве и во времени в Центральной Европе, необходимо постоянно поддерживать представление, идею о ней в убедительной форме и в наглядных установленных границах. Необходимы также, насколько возможно, обоснованное признание тех границ, которые были

привнесены извне ее жизненной форме, будь то заимствованные у природы, будь то установленные в результате человеческой деятельности, расовой воли и силового произвола, и ясное осознание их изменяемости или постоянства. Ведь любая полезная и стабильная граница — это не только политическая граница, но и граница многих жизненных явлений, и она сама по себе становится еще одной жизненной формой, своим собственным ландшафтом со своими собственными условиями существования, более или менее широкой зоной боевых действий, предпольем¹⁸; крайне редко граница является линией, как ее легко мог бы провести юрист, человек, имеющий дело с документами, однако ее отвергают природа и жизнь, в которых нет ничего более постоянного, чем борьба за существование¹⁹ в вечно меняющихся, непрерывно перемещающихся в пространстве формах.

Арена этой борьбы — прежде всего граница, которая лишь цепенеет, будучи на самом деле мертвой и давно испытывающей действие сил, стремящихся устранить отмершее, а то, что еще полезно, использовать в новой жизни.

Таким образом, попытка рассмотреть границы в их географическом и политическом значении и проявлении по необходимости затрагивает последние рубежи, установленные нам человеческим опытом²⁰. Это придает такой попытке — наряду с признанной политической необходимостью теоретической пропедевтики для практической пограничной работы — предельную духовную и художественную привлекательность. Не будь этого стимула, невозможно было бы воздать должное невесомому, не поддающемуся учету и все же решающему, чисто духовному моменту в возникновении, существовании и исчезновении границы. А без такой перспективы возникло бы искушение свести познание границы в мелководье чисто материалистической [физической] географии и исторического рассмотрения, причем понимание границы такого

культурного круга, как германский, пронизанного фаустовским натиском, не должно сглаживать различия.

В этом изначально заключался не только главный соблазн, но и опасность предпринятой попытки рассмотрения именно с центральноевропейской точки зрения. И пусть с этим предостережением она идет своим путем на стыке науки и искусства, культуры и силы, показывая пропасти и наводя мосты, создавая фундаментальную основу всестороннего знания, — навстречу лучшему будущему, как позволяет на это надеяться современность²¹, из потребностей которой и возник этот временной мост в виде данной научно-художественной книги.

ГЛАВА I

ГРАНИЦА С ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Создание ясных картин границы, выразительного представления о ней, о пристекающем из этого пограничном инстинкте и в конечном счете о неизменно настороженном пограничном сознании — важнейшая цель данной работы. Всех этих предупреждений и предостережений, как правило, не хватает немцам в большей степени, чем любой другой крупной нации на Земле, поддерживающей и создающей границы. Из этого следует, что именно нашему народу, занимающему промежуточное положение во Внутренней Европе, необычайно важно иметь живое представление о границе в контексте картины мира, которая и сама нуждается в четком детальном разграничении, ибо в противном случае она очень легко предается космополитической неопределенности и часто свойственной нам, немцам, аморфности. Прекрасным воспитателем наглядного образа границ, пограничного инстинкта и погра-

ничного сознания, столь нам необходимых, могут быть в противовес этому пограничные ландшафты. Ведь это поистине потрясающий факт, если один из первых немецких географов, Браун¹, констатировал в 1916 г.: «...задача заключается во внимательном изучении пограничных рубежей. Это изучение до сих пор при избытке антропогеографической работы внутри страны было удивительно запущенным и касалось только пограничных провинций на Востоке (Восточная Пруссия, Силезия)». (Пожалуй, еще и на Юго-Востоке: Пенк, Фольц, Зигер!)

«Уже при простом знакомстве, при посещении провинций до сих пор ощущается пробел в изучении характера пограничного рубежа с географической точки зрения как типа ландшафта в сопоставлении с другими типами. Лишь школа Ратцеля» — к которой, разумеется, с особой гордостью я отнес себя задолго до войны, когда лично познакомился с ним, — «создавала в этом направлении фундаментальное, но нашла мало последователей».

В той же книге Браун отмечал: «Самая важная политико-географическая проблема географии Центральной Европы заключается в том, как провести ее политическую границу, используя естественные и исторически сложившиеся рубежи, чтобы, с одной стороны, сохранялось внутреннее единство промышленных и сельскохозяйственных ландшафтов, а с другой — чтобы границы создавали действительную зону защиты...»

«Юра, Вогезы, Лотарингия, Люксембург, Арденны и Фландрия являются западными границами».

Все они как пограничные рубежи политической жизненной формы ныне утрачены, как границы земли народа находятся под угрозой и оспариваются в борьбе, лишь с трудом узнаваемы местами именно в типе ландшафта. И все это произошло, прежде чем была выполнена постулируемая официальной наукой работа. Разве это не поистине потрясающий факт, как я выразился ранее? Разве это не доказательство того, что и наука, слишком

многого достигшая в отдельных областях, основательно недооценила свою предостерегающую задачу в отношении жизненной формы, в условиях которой она процветала и преуспевала. Разве не напрашивается сама собой мысль о том, что, вероятно, именно поэтому оплоты этой науки в столь разочарованном народе утрачены по сравнению с тем вниманием, которое проявлялось к ней прежде? Если мы в противовес этому негативному признанию выдающегося представителя нашей науки хотим составить ясное представление о позитивной стороне проблемы, о том, какую воспитательную роль играет геополитически и культурнополитически правильное, а равно и инстинктивно верное рассмотрение пограничных рубежей, необходимо опереться на известное описание, принадлежащее молодому Гёте³.

«Памятуя, что здание это [Страсбургский собор]⁴ было заложено на древней немецкой земле и строилось в подлинно немецкую эпоху, а также и то, что по-немецки звучало имя зодчего, начертанное на скромном надгробии, я осмелился, вдохновленный величием этого произведения искусства, изменить бесславное название «готическая архитектура» и под именем *«немецкого зодчества»* возратить его нашему народу. Далее я не преминул изложить свои патриотические взгляды, сначала устно, а потом и в небольшой статье, посвященной D. M. Ervini a Steinbach»⁵.

Нужно ли что-нибудь еще, как не пример юного Гёте, которого нельзя заподозрить в национальном шовинизме, столь кроткого во всем, что присуще человеку, чтобы показать, как впечатление о границах своего народа в качестве неотъемлемого культурно-географического достояния, сначала увиденных и почувствованных, а затем понятых, воплощается в конкретное описание и творческий успех? Это несравненное слово Гёте — документ перво-степенного культурно-географического значения для нашей рабочей проблемы и, разумеется, для того, что следу-

ет понимать под «углубленным» отношением к жизненно-му пространству и земле в духе и смысле Ратцеля.

При этом в высказывании Гёте отсутствует какая-либо политическая целенаправленность, какая-либо ставка на власть над этим утраченным пограничным пространством своего народа⁶. Как совершенно по-иному действенными могут стать лишь такие изложения, если они будут сопровождаться верным политическим инстинктом, подобным тому, который воплотился, например, в образцовых французских описаниях Эльзас-Лотарингии и рейнского ландшафта или в отношении Британской империи к горным границам и буферным зонам Индии, в труде японца Уэхары, а еще раньше при первой угрозе северной границе со стороны русских в защите северного рубежа в трудах Мамина Ринзо, Могами Токунаи⁷. Но в том же смысле, как сказал Браун о типе ландшафта пограничного рубежа — пожалуй, скорее в морфологическом, чем в смысле Пассарге⁸, — как об изменяемом культурой ландшафте, в том же смысле, как описал молодой Гёте свой импульс относительно географического впечатления на внешней пограничной культуре в противовес эстетике и искусствоведению, могут быть рассмотрены и почти все географические категории, которые как-то подводят к границам, заимствованным у природы или определенным волей культуры. В дальнейших рассуждениях я использую лишь в качестве примеров вершину и перевал, плоскогорье и орографические поперечные пороги на реке⁹, отвесную скалу или просто каменную стену, крупную реку в ее разъединяющей и связующей способности, высокогорные долины, фирновые поля¹⁰ и истоки рек, которые в конечном счете фиксируют на ледяном покрове вершин Альп или Гималаев навязанную природой границу водного хозяйства. Или же я ссылаюсь на то, как отношения воды и растений воздействуют на образование границ, но и стирают их; как пояс болот и тайга, джунгли, реликтовые леса и мангровые заросли создают естественные границы

растительного мира, но также как пояс саванн и степей, например североазиатский, образует естественный коридор от Дуная через Кавказ на Алтай¹¹ и далее на Маньчжурию, в котором наука повсюду открывает идентичные погребения!

Животный мир также создает естественные границы. Он закладывает подлинный организм границы роями мухи цеце, саранчи, малярийного комара, колоннами червей, постройками термитов в районах возможного распространения других органических живых существ. Но он проводит ее и стаями зверей, которые служат пищей для крупных хищников в странствиях с островов Адмиралтейства вдоль мексиканского побережья в Антарктику. Животный мир действует, таким образом, в качестве устанавливающего границу, совершая при этом самые дерзкие переходы границ самого большого морского пространства планеты — индо-тихоокеанского.

А теперь бросим взгляд на океан, море, внутренние и прибрежные воды как границу и на отношение побережья к противоположному побережью. Мы обнаруживаем, что и морская граница — вовсе не линия, а переходная зона сильной, пульсирующей жизни, которая и здесь устремляется вовне, к противоположному побережью. Мы знаем, что первый переход этой заимствованной у природы четкой границы, этого предполя, происходил, вероятно, не на первой полосе плоских берегов, а на таких побережьях, где рифы и рифовые выступы видимой на большом расстоянии цепи островов увлекали все глубже, вызывая искушение переступить границу! Даже такое крупное препятствие, как бушующий прибой у Дуврского утеса, норвежские шхеры или пограничные рубежи мыса Кумари (Индия) и мыса Дондра (Цейлон), не было для этого помехой. И именно в кажущихся особенно наводящими пограничных ландшафтах часто возникали связующие переходы. Таковы ставшие известными места переходов Пешавар, Венская котловина, Шан-

хайгуань, Пекин и Бамо¹². Им выпадает роль естественного антропогеографического срединного положения и фильтра, что порой накладывает прямо-таки неприятный отпечаток на их характер как тип ландшафта, придавая ему вместе с тем более высокую жизнеспособность, что мы отмечаем, например, в Берлине, Токио и Харбине¹³ (Маньчжурия).

Не каждому было дано, как молодому Гёте, так же увлекательно облечь в душевные слова впечатление о границе или, как Гумбольдту¹⁴, найти возвышенные тона для своих впечатлений о переходе из зоны Атлантики в зону Тихого океана. Именно личности, у которых центр тяжести собственной жизненной работы находился в совершенно других областях, дают нам блестящую хронику образного воздействия естественного или искусственно сформированного пограничного мышления. И в таком смысле позволительно заронить слово о ценности описаний границы такого происхождения, как, например, описание границы в предисловиях к военно-историческим трудам, в отчетах разного рода научных экспедиций, а также об изображении всех проявлений малой войны в борьбе за существование, которые, естественно, должны особенно принимать во внимание плоскости антропогеографических трений, даже из них исходить¹⁵.

В связи с этим мы должны, наконец, вспомнить о зоне боевых действий мировой войны как об одном из многих понятий, лучше всего поясняющих организм границы, и о ее наглядном воздействии, обозначившемся, например, цепочкой воздушных шаров от Северного моря до Юры на западе Внутренней Европы, и таким образом обозначить рубежи пограничного организма в той борьбе за существование, которая все-таки проникала на суше примерно на 128 км за пределы дальности стрельбы артиллерии¹⁶, на глубину минных полей в землю и даже за пределы опасности, обозначенной на картах для авиации и подводных лодок¹⁷.

ГЛАВА II

**О БИОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ГРАНИЦЫ.
ПОГРАНИЧНЫЙ ЭМПИРИЗМ**

Образы, навеянные личными воспоминаниями о границах и сопутствующими внутренними переживаниями, объективно возникли перед нами при первом же рассмотрении. Из этого следует вывод, что неизбежный ход развития, который ведет от картины границы и связанных с ней впечатлений к инстинкту границы, а через него к осознанию рубежей целых жизненных пространств и жизненных форм, мог бы быть особенно поучительным для нашего склонного к мягкотелости народа в большой переходной области Внутренней Европы, не имеющей многих заимствованных у природы убедительных границ.

Черты этого хода развития, неотделимые от поверхности Земли и ею определяемые, запечатленные рельефом и строением местности, климатом, водным и растительным покровом, должны по необходимости быть объектом *географического* наблюдения, и именно этим путем нам следовало идти. Однако в момент, когда мы предложили основанную на опыте практику и в гармоничном соответствии с ней границевоспитующую теорию, доступную картографическому пониманию, единство жизни встало на нашем пути грандиозным препятствием! Правда, мы осознавали, что столкнемся с многочисленными проявлениями неорганических и органических границ жизненных явлений на поверхности Земли, а также над ней и под ней. Но когда мы, правильно установив эти факты, хотели обозначить их на картах, то зиял неустрашимый провал. Так, мы нашли *фирновую границу*, но фирновый снег встречался и намного ниже ее, а вершины скал полны органической жизни над ней. Мы смогли установить сне-

говую линию, но убедились, с одной стороны, в том, что в отдельных ландшафтах Земли она непостижимо тянулась вверх, а с другой — в том, что на Неаполь и Нагасаки обрушивалась снежная метель. Мы нашли *границы лесов*, идущие как по равнине, так и по возвышенности, но между ними и горными пастбищами, степями — некое промежуточное явление, которое нельзя поставить в ряд, — *зона борьбы!*

Повсюду, где хотелось тщательно провести границу, мы обнаруживали не линии, а только зоны, пояс самостоятельной жизни, заполненный борьбой! Не раз приходилось отмечать: здесь обратный процесс, здесь на полном ходу проникновение и со временем зону заполнит победитель. А вот уже на противоположных опушках показались и следы переселения — лишайников и мхов, буков и сосен, белой или цветной рас. Знакомимся ли мы ныне с уединенными тихоокеанскими «птичьими островами» — вроде Лейте¹, вызывающего в нашей памяти описание ужасающих бедствий при разделе пространства запоздавшим потомством птичьего «пролетариата»², — или с окраиной какого-нибудь большого города, повсюду нам встречались подтверждения значимости взглядов Ратцеля³ на пространство и границы, побуждающие нас настойчиво изучать эмпирику границы (сколь бы потрясающей она ни была для любящих мир), границу как *арену борьбы*, а не как разделительную правовую норму, какой мы покажем ее в главе III.

В качестве арены борьбы изображает ее — в противоположность понятию границы, скажем, у Аристотеля⁴ — грандиозное биогеографическое пограничное мировоззрение, оставленное нам в наследство классической древностью: концепция Лукреция⁵ о границах пространства (I в. до н. э.). Эту точку зрения мы извлекли из незаслуженного забвения ради изумительного величия и красоты, воплощенных в образе метателя копья.

[И безразлично, в какой ты находишься части вселенной:
 Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,
 Всё бесконечной она остается во всех направлениях.
 Кроме того, коль признать,

что пространство вселенной конечно,

То если б кто-нибудь вдруг,

разбежавшись в стремительном беге,

Крайних пределов достиг и оттуда, напрягши все силы,
 Бросил с размаху копье, то, — как ты считаешь? — оно бы
 Вдаль полетело, стремясь неуклонно к намеченной цели,
 Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?

То иль другое признать придется тебе неизбежно,

Но ни одно не дает тебе выхода, и согласиться

Должен ты, что без конца распростерто

пространство вселенной.

Ибо мешает ли тут что-нибудь и препятствием служит,

Не допуская копье до намеченной цели домчаться,

Или летит оно вон, — оно пущено все же не с края.

Так я и дальше пойду и повсюду, где б ты ни наметил

Крайних пределов, спрошу:

«Что ж с копьем, наконец, этим будет?»

Выйдет лишь то, что нигде никакого конца не поставить,

И для полета всегда беспредельно продлится возможность.

Кроме того, если всё необъятной вселенной пространство

Замкнуто было б кругом и, имея предельные грани,

Было б конечным, давно уж материя вся под давленьем

Плотных начал основных отовсюду осела бы в кучу,

И не могло бы ничто под покровом небес созидаться:

Не было б самых небес, да и солнца лучи не светили б,

Так как материя вся, оседая всё ниже и ниже

От бесконечных времен, лежала бы сбившейся в кучу.

В самом же деле, телам начал основных совершенно

Нету покоя нигде, ибо низа-то нет никакого,

Где бы, стеченья свое прекратив, они оседали.

Все в постоянном движении всегда созидаются вещи...]⁶

Во всей мировой литературе мне не известна столь образная эстетическая интерпретация, дополняющая научное убеждение Ратцеля. Но это не картина вечного мира — и на этой бескрайней границе — отнюдь нет!

Как орган, как живое образование, подверженное исчезновению или росту, вовсе не застывшее, не линию узнаем мы границу в свете опыта — в противоположность понятию, внушаемому нам теорией, как видимостью границы между воздухом, морем, горами и отдаленными поясами растительности.

«*Omne quod est igitur nulla regione viarum finitum est...*»⁷ Таким образом, я смог дать, исходя из опыта, только определение (дефиницию) понятия границы как «*периферического органа*» — подобного коже, — жизненной формы, закрытой на ключ, «обозначенной на всем протяжении» и испытывающей напряжение, но живущей собственной полнокровной жизнью, защитного покрова, состоящего из жизненных форм, наполненных единой жизненной волей. Конечно, границу можно рассматривать и как *замкнутость жизненного пространства* в противовес другим пространствам, но лишь в той степени, когда она именно в результате разрушения очень многих замкнутых у природы границ одновременно отделяет родственные проявления жизни от других и как таковая становится более прочным рубежом.

Осознавая, без дополнительных рассуждений, *двумерность* таких образований, мы должны также признавать *высотные и глубинные границы* в пограничном организме биосферы. Это убедительно, даже если бы у нас не было в качестве практического доказательства великолепного, образцового исследования Ф. Ратцеля «*Nöhengrenzen und Nöhengürtel*» («Высотные границы и высотные пояса»)⁸. В этом труде содержатся данные о том, что граница животного мира, к примеру, простирается от 6000 м ниже уровня моря до 8000 м (высота полета) по сравнению с 400 и 6000 м границы растительного мира,

так что границы животного мира по вертикали вдвое больше, чем таковые у растительного.

Но это фактически необходимая — как при естественной границе, так и при культурно-географическом и политическом, а также хозяйственном понимании ее — высокая степень постижения наблюдений эмпирического происхождения, равно как и философского углубления, если мы хотим понять переменчивую природу границы и воссоздать для каждой жизненной формы «совокупность» ее внешнего покрова (Haut) во всем ее значении. И такой подход необходим, чтобы прежде всего научиться различать между всегда опережаемой жизнью *статикой* границы и ее преобладающей в реальной жизни *динамикой*.

При таком рассмотрении нам раскрывается *относительность* границы! Ведь ее понятие возникает в постоянной борьбе, которая разделяет ищущих категорический императив и неопределенные рубежи скрытой жизни, отягченной борьбой за существование в становящемся все более тесным пространстве.

Это, естественно, заметно и в определении *географического* понятия, которое нам предстоит рассмотреть.

Даже там, где есть надежда найти самые прочные границы, где, как мы полагаем, можно сразу же нанести линии, например, в отношении моря — самого могущественного жизненного пространства, принуждаемого при его воле, приспособлении или разрушении к покорению, — граница (прибойная кайма, выемка, приливы и отливы...) представляет собой естественно расширяющуюся и стягивающуюся полосу, которая часто заполнена хозяйственными предприятиями (например, добыча соли)! Достаточно лишь точно пройти вдоль морского побережья, пляжа или задать вопрос: где кончаются территориальные воды? — или же, принимая во внимание статистику населяющих побережье «амфибионтов» в Южном Китае или Японии, спросить: кто является жителем побережья, реки или моря?

Провести четкую линию между *анэйкуменой* и *эйкуменой*⁹ на суше удастся лишь в отдельных местах и убедительно не всегда здесь, так как и считающиеся незаселенными пространства почти повсюду пронизаемы при огромной воле к жизни. Обозначенная линия для признаваемых незаселенными зон пунктирна, произвольна, и при этом все равно, будет ли такая попытка предпринята по отношению к подземной среде (*chtonisch*), т. е. определяемой почвой, или по отношению к климатической (*klimatisch*), т. е. определяемой осадками, нехваткой воды или ее избытком. Каждая раса, каждый народ, каждый путешественник и ученый проведут эту линию по-разному: русский, китаец, японец, малаец, тибетец; каждый по-своему нанесет ее, к примеру, на карту Северной, Центральной или Юго-Восточной Азии.

Закаленный житель горной страны, для которого снег естественное явление, еще может выстоять, в то время как живущий на побережье японец, обитатель романского Средиземноморья давно уже перестали пассивно сопротивляться суровостям климата! Поселения якутов, жилища жителей Шпицбергена, юрта тибетца, в которой он теснится с семьей, неприемлемы для поселенцев, привыкших к мягкому климату. Житель гор вновь селится над горными осыпями Гольдау и Плюрса; те, кто любят наслаждаться горячими естественными ваннами в расщелине кратера вулкана — чего лишен житель лесов и равнин, — снова покрывают террасами полей Иводзиму, Сакурадзиму, Помпей.

А для питающегося морскими продуктами человека Южных морей — малайца вполне сносные условия существования там, где для немалайца они чудовищны; ведь последний не сможет, ныряя с ножом в зубах, добывать в рукопашной схватке под водой из буруна атолла крупную хищную рыбу.

Следовательно, *относительность* действует и здесь. И все же, сознавая ее, мы должны стремиться к ясным

определениям границы. Необычайно убедительное предостережение политической географии состоит в том, чтобы, принимая во внимание все отличительные особенности, искать компромиссы и прежде всего помогать находить их в практической политике — само собой разумеется, при самом благоприятном руководстве, обеспечивающем долговечность защищаемой этой границей собственной жизненной формы.

При этом большая трудность в том, что как статика и динамика границы, так и ее *психологическая и механическая констатация* находятся в постоянном столкновении. Необходимо только внести ясность в чудовищный разрыв между исследованиями вроде книги Э. Лука «*Grenzen der Seele*» («Границы души») и авторитетными методами венской статистической школы вроде применяемых статистическим семинаром в Венском университете (В. Винклер), посвященным вопросам населения, хозяйства и культуры сопредельных с германским бытом земель, и вытекающими из книги Эмануэля Жубера «*Statistischen Fbrschungsmethoden*» («Статистические методы исследования») (Вена, 1921 г.), помня при этом, что обе крайности важны для тех, кто исследует сущность границы. Или же представим себе скачок от метода восприятия психологии народов, использованного Стефаном Цвейгом в книге «*Drei Meistern*» («Три творения») для различий британского, французского и русского самопредставления, к численному сопоставлению британцев, немцев, французов, русских, их примет. Однако как один, так и другой метод с его ложной концепцией типов, использованный сам по себе, обязательно ведет и к ложному пониманию разграничений. Из этого следует, без нужды в дополнительных разъяснениях, что для правильного воспитательного воздействия музеев в этнологии нельзя отделять искусство народов от других проявлений их жизни. Принцип «*L'art pour l'art*»¹⁰ в данном случае столь

же ложен, как буйство цифр и идея, стремящаяся видеть лишь массы и числа.

Следовательно, не противопоставляя философские, социологические и статистические подходы к понятию границы, можно все же приходиться к мало-мальски сопоставимым результатам. Таким образом, мы ощущаем в одной из важнейших сфер эмпирической деятельности во имя сохранения на Земле нашего, как и любого другого, народного духа, что слишком точная и педантичная ведомственная разобщенность и факультетская обособленность — более чем препятствие, это одна из величайших опасностей! Если Вагнер как географ-практик поучает нас, требуя видеть «четкие внешние границы как формы проявления прогрессирующих состояний», то он все еще находится под впечатлением длительного мирного периода, который вовсе не правило, а скорее исключение, и подводит к полемическому выводу, что неясные внешние границы в Центральной Европе означают шаг назад!

Эмпирика границы раскрывает более безжалостно, чем теория, и «относительную ценность языковой границы как границы культуры», ее необыкновенное различие¹¹ — к примеру, между подобной валу языковой границей на Западе нашей собственной народной земли с «камнями, выпавшими из великой стены», и взаимопроникновением германцев¹², славян и жителей Промежуточной Европы (*Zwischeneurolpe*) с их тремя большими, соприкасающимися языковыми образованиями на Востоке. Мы часто обнаруживаем, что общественные науки, поощряемые естественно лингвистикой, переоценивают языковую границу, и это, к нашему большому сожалению, привело, например, к насильственной эвакуации или вытеснению в чужеземные области дружественные малые народы, близкие по своей культурной воле к нашей культурной почве и нашему государству (вопрос о мазурах, родственно-дружественные немцам словенцы в

Каринтии¹³, навязывание польского литературного языка в Силезии; вопрос о венедах; фризах¹⁴ — как угнетенном меньшинстве и т. д.).

Стало быть, единое стремление к жизненной форме, к реализации своей культурной силы и хозяйственных возможностей, своей личности в растущем жизненном пространстве показывает нам *эмпирику* как решающий фактор для нации, охваченной желанием защищать границу. Такое понимание позволяет прийти к плодотворным результатам и к жизненной *стойкости*, к *стабильности* (*vivege*), и она имеет примат над *философствованием* и должна оставаться таковой.

ГЛАВА III

БУКВА ЗАКОНА И НАТИСК ЖИЗНИ

Эмпиризм границы показал нам ее становление как зоны боевых действий, как трехмерное пространство борьбы. Однако правовой идеал, буква закона весьма, охотно превращают ее в математическую, почти бестелесную черту, по меньшей мере в линию на карте, зафиксированное на бумаге буквами и цифрами понятие, которое можно раз и навсегда определить и описать. Но такой границы, ее отчетливого проявления мы не найдем в реальной жизни нигде и никогда, ни в каком месте и ни в какое время. Тот, кто действительно не оберегал и не защищал свои рубежи, того они отчуждают и заставляют расплачиваться, даже если казалось, что их установление в ладу с буквой закона. Ведь разграничение есть требование природы; но его закостенелость враждебна жизни, признак старения жизненных форм, доказательство быстро проходящей и исчезающей, а не наступающей и бьющей ключом жизни. В своей завершающей фазе неподвижность означает смерть, отмирание, и из этого состояния в конце концов

может снова забить фонтаном новое лишь после полного устранения прежних жизненных форм. Однако государства, как и народы и индивидуумы, должны больше думать о *memento vivere*, чем о *memento mori*¹, если они хотят продолжить свое существование в этой тленности.

Итак, мы не спрашиваем, как происходит, что жизнь все-таки подчинилась букве закона (ведь этого она не делала никогда и нигде), но спрашиваем, как происходит, что эмпиризм границы до известной степени примирился с пограничной традицией, в том числе и с созданными ею обозначениями, нормами?

Вслед за «как» мы снова обращаемся прежде всего к картине пограничной практики. Она находит свое выражение в пограничном (межевом) знаке, в контрольном кольшке или в заимствованной у природы составной части границы — в пограничной скале, пограничном дереве, так расположенных или выбранных, что можно от одного к другому проложить линию, протянуть бечеву, межевую цепь, проволоку, если совсем нет созданной трудом человека разделяющей силы — забора, сетки, стены. Однако и здесь приходится считаться со своеволием жизни, оспаривающим постоянство границы: межевой знак может погрузиться в землю, упасть, разрушиться, дуб — сгнить, металл — стать жертвой коррозии; следовательно, обозначенная ими граница снова будет нуждаться в страже и оборудовании! С тем чтобы самому стражу было надежнее, он ставит на всем ее протяжении особые, только ему хорошо знакомые по форме, не местного происхождения так называемые свидетельства (*Kunden*) под пограничным знаком, вокруг дубового столба в известном только ему, устройству границы, ее хранителю, месте. Таким образом в земле и на земле создаются все без исключения руны² как опора человеческой памяти.

Но зачастую в государстве и народе все еще сказывается древняя человеческая память, запечатленная в пограничных обозначениях и пограничных нормах, память о

происхождении пограничных жизненных форм, которые в других местах давно исчезли. Они ведут нас к пониманию непостоянства границы в истории.

Так обретает свое значение картина успешно расширяющейся межевой границы (*Flurgrenze*), — которую мы обозначили выше, — для отграничения более крупных жизненных форм. В пограничном дереве, пограничной стене, пограничной борозде, пограничном водотоке или в пограничном водоразделе как предпочтительных признаках границы и в словоупотреблении мы еще и сегодня видим отражение географического происхождения народов — землепашцев и скотоводов в противоположность поселенцам лесов и степей. Мы снова узнаем эти признаки, когда швед говорит «*skrapk*» — предел, житель Восточной Азии — «*kwap*» — барьер и при этом думает об упавшем срубленном дереве, когда житель леса принимает за праобраз границы (*Mark, March* или *Mal*) ствол дерева (*Schnede, Sned, Schnedbaume*), житель открытых равнин — лежащие камни (*Laag, Schied, Steine*), а хлебопашец — окраину леса. «*Lira*» — протяженная борозда у романских народов равнозначна окраине леса (*Rain*). Возникают тонкие оттенки [понятий], если романская пограничная традиция выступает наряду с германской, например граница (*frontiere*) наряду с *borderland* (*Bord*) — рубежом страны и *boundary*³, если линия, защищенная стеной, лимесом⁴, и в речи противопоставляется защитным полосам! Здесь мысль о выкорчевывании границы резко противостоит также мысли о бережном отношении к ее нетронутости: Ренштейг⁵, просека и проходы против стены заповедного леса. Предполье и линия, трехмерный полнокровный организм границы и бескровная и бестелесная, в известной степени математическая абстракция снова выступают и здесь как контраргумент не в последнюю очередь в мощной борьбе главного государствообразующего народа западноевропейской и центральноевропейской культуры — римлян против нордических рас и их по-

томков, снова и снова низвергавших его надуманные государственно-правовые пограничные конструкции.

*Limes, finis, terminus*⁶ — понятие общности судьбы внутри однажды проведенных границ, *confinium, confinatio* — понятие сопредельного пространства — все они в сущности враждебны германскому, более свободно восприятию границы — хотя нордические саги о переступавших границы свидетельствуют об остроте германского, не менее правосознательного, но лишь по-иному проявляющегося чувства границы, например, наводящее страх перепахивание греховника лемехом как искупление за нарушение границы и подлог. В таком совпадении понятий о святости проложенной границы сталкиваются два изначально здравых, опирающихся на обширные — благодаря вспашке и корчеванию — пространства, выражающих межеевое право воззрения, чью народную основу можно легче различить благодаря рубежам незаселенности, поверхностному покрову, анэйкумене, чем благодаря границам культуры с их премудростью. Ибо границы должны одновременно и разделять и быть проходимыми. Но как трудно соединить столь противоположные требования, показывает уже старинный устав германской полевой службы, справедливо предостерегавший о дороге, улице как границе, к примеру, между форпостами. Так строго было обосновано внимание к границе в старой Европе, и из этой строгости германского, равно как и римского, межеевого права (*Aggarrecht*) происходит выражение «*verrückte sein*» — «сойти с ума», а также «*delirare*» (тождественное римскому «сойти с лиры» — с прямо проведенной борозды), в то время как производное французское слово «*délirer*» не столь наглядно. Это воззрение, берущее свое начало от границы, встречается и у земледельческих народов далеко не повсюду. Например, государственная философия Восточной Азии приходит к подобному производному понятию посредством сопоставления знаков [символов] зверя и короля, следовательно,

человека, в котором возобладали жестокость. Иными словами, «сойти с ума» (*verrückt sein*, «delirare») — привычная только европейцу картина, заимствованная из строгого представления о границе, свойственного германскому и романскому быту! Весьма сомнительно; смогло бы легче переходившее границы славянство со своей более «широкой душой» прийти к такой же языковой картине, если бы ко времени образования понятий границы в Европе оно творчески отнеслось к ней.

Огромно поэтому и влияние римлян как государство-образующего народа на представления о границе европейского культурного мира и его распространяющегося по Земле культурного круга. Размышляя об уже затронутом непостоянстве границ в истории, мы имеем в виду главным образом этот круг наряду со свидетельствами нашего собственного прошлого. Подобно любой заимствованной у природы форме — укрытие, пограничный вал⁷, ров все еще сохраняются и поныне, — граница, согласно известному выражению «*aut Caesar aut Diabolus*»⁸, приписываемому одному из двух проводивших ее авторитетов, т. е. либо римская, либо чертова стена, умудренными людьми в католических частях Германии в общем и целом не рассматривается как вспомогательная (*subsidiar*) вместо обеих. Там, где эллинистическая культура вклинивается в исламский и индийский культурные ареалы, — также больше всего насыщенные руническими памятниками культурно-пограничных ландшафтов Старого Света — там мы видим Александра Великого [Юллундур, Искендер]⁹ — первопроходца новой всемирной истории, играющего роль, схожую с ролью Цезаря на Западе. На китайской культурной и народной почве в роли творца границы выступает беззастенчивый сжигатель древних текстов Цинь Шихуанди¹⁰, инициатор строительства Великой Китайской стены¹¹. Относительно границ немецкой культуры и оставшихся свидетельств ее широкого в прошлом распространения еще не появился труд, приводя-

щий к общему знаменателю столь гетерогенные границы, как отчужденные замки [Тевтонского] ордена¹² или университеты, сожженные или разграбленные немецкие замки на Востоке, в Праге, Риге, Пеште, звонницы Гента, имперский орел Фридриха Барбароссы¹³ на соборе Сен-Трофим в Арле, постоянные дворы в наших колониях, гербовые камни великого курфюрста¹⁴ на побережье Гвинеи и имена немецкого происхождения в Англии, Франции, Андалузии, Ломбардии, готика и прочие свидетельства немецкой поэзии, искусства и мифов на утраченной пограничной земле. Не хватает крупного обобщающего труда авторитетного ученого, а также еще не сведены в большом синтезе следы чужеземного влияния на немецкую культурную народную основу, давно исследованные во всех деталях: кельтские имена и славянские следы, многочисленные выведенные «Augusta» и «Colonia»¹⁵, большие и малые «castra» и «castella»¹⁶.

Более четко и конкретно уже разработана в целом борьба Рима с присущим ему государственным и имперским мышлением и германского восприятия права (Rechtsgefühl). Удовлетворенность римской формой, публичность (Satzung), чувство дисциплины подчеркивает Э. Целлер¹⁷ именно в отношении границы и пантеона ее многочисленных божеств. В этом пантеоне имеются Термин¹⁸ — бог межевых знаков, еще и сегодня в регионе, говорящем на немецком языке, защитник порядка (его праздник — терминалий был приурочен к 23 февраля, к началу пахоты), Янус — двуликий защитник входов и выходов, Форкул — защитник входных дверей, Лиментин — порога, Кардея (Карда) — богиня дверных запоров. Почти столь же богат набор божеств со специальными защитительными обязанностями, будто на Дальнем Востоке, где даже самые спокойные места в доме доверены своеобразной группе богов-хранителей.

Однако заимствование чужих божеств любой жизненной формой яснее всего указывает на втягивание ею в

себя границ чужеземной культуры. Не считая более поздние переносы божеств Ближнего и Среднего Востока, в Рим в начале VI в. до н. э. государственными путями проникли культ Аполлона, в 496 г. до н. э. — Деметры, Персефоны и Диониса, в 291 г. до н. э. — Асклепия с чумой из Эпидавра и в 205 г. до н. э. как последний призыв в крайне бедственном положении, во время паники, вызванной Ганнибалом¹⁹, — Кибелы, Великой матери богов из Песинунта, почитавшейся на Иде²⁰ (Верхняя Фригия) как защитницы границ, после того как — всего за 12 лет до этого — уже почитали Венеру-Астарту, слияние эрицинской Венеры как симптом поворота к греко-финикийской смешанной культуре Сицилии, где имелся ее храм²¹. Стало быть, с одной стороны, борьба на границе против иноземных культов, а с другой — весьма интересная история, а именно наличие пережитков римских пограничных наименований, более того, проникновение жесткого римского представления о границе в германскую альменду²² и более свободное понятие о праве выпаса. Из этого становится, например, понятным характерное столкновение правового чувства во всей германско-романской пограничной области (долина Мюнстера²³, Вале²⁴, Тирольское нагорье). Даже права выпаса (*Almrechte*) в Пиренеях (Андорра²⁵, Арансаль) возникли из испано-готских прав выпаса. Все эти проявления сливаются в один большой ряд единого восприятия при столкновении различного пограничного права германцев и романских народов и все еще обостряют их обусловленную природой коллизию.

Итак, обобщая конкретные факты, мы все-таки очень хорошо видим в нескончаемой череде случаев возникновения границ и их реорганизации закономерное уклонение от чистого произвола, характерного для картины современной политической власти, обнаруживаем прежде всего склонность к возврату, к восстановлению естественных, покровительствуемых природой пограничных форм²⁶ при воссоздании и возведении новых границ, ко-

торые выглядят в зеркале философской и естественнонаучной литературы совсем иначе, чем в зеркале юридической.

Это в особенности относится ко всем досадным исправлениям, — и прежде всего к понятию «живущих за пределами границ», что нарушает правило, прямую линейную игру. Возникают анклавные, остаточные состояния, в отношении которых важно осознать, идет ли речь о жизнеспособных, более того, весьма жизненных состояниях земной поверхности, определяемых ею процессами, единствами, которые в сущности сильнее, чем кажущиеся гораздо большими, но политически временными образования, или же о рудиментах в биологическом смысле, о преходящих состояниях, обреченных на отмирание, атрофию и в конечном счете на исчезновение. В то же время из ранее упомянутых остаточных форм резерватов могут возникать новые, безгранично жизнеспособные образования, хотя и более мелкие виды рас, племен, типы людей и животных, которые в противном случае исчезли бы.

Из таких образований могут затем создаваться в *пограничной структуре стабильные ячейки*, которые в течение тысячелетий весьма успешно сопротивляются неестественному, линейному проведению границы. Временный способ кондоминиумов²⁷ на любых ступенях такого образования со свойственной ему замкнутой жизнью зачастую благополучно ведет их через арены борьбы прибегающих к насилию крупных государственных образований, на пересечениях крупных культурных ареалов; затем они добивались упорством «*coniunctio*» как товарищества с общей вынужденной судьбой, с часто кажущейся непонятной принадлежностью друг к другу.

Такими геополитическими защитными препятствиями может быть объяснена часто вряд ли понятная из чисто исторического развития живучесть церковных, коллегияльных институций, их сохранение внутри островов,

горных и котловинных ландшафтов (Швейцария, Фергана²⁸) даже с неоднородным населением.

Наиболее тонкими и с точки зрения народной психологии благодатными задачами науки является в данном случае проникновение во взаимодействие почвы и осознанных человеком потребностей — часто в наследие древних, закрепленных почвой и климатом обычаев, — чтобы установить причины сохранения осуществленного разграничения. Всякий раз обращаются к связи между определяемыми землей и возникающими на земле процессами и нравами людей. Не доказывается ли ныне эта связь обычаем пасхальных костров, костров в день св. Мартина, поста и в день св. Иоганна в Рейнских провинциях²⁹, сохранением основных прав выпаса и свободным переходом даже через жестко оспариваемые, укрепленные пограничные окраины³⁰, правами национальных меньшинств, государственным или обычным правом (например, земля Саксония).

Основание для этого часто дают и бесспорно географически дифференцируемые правовые формы переноса границ и охраны всех без исключения: от обхода пограничных рубежей, от правовых форм при обновлении демаркации до известных крупных соглашений о мире³¹, договоров о купле-продаже земли и людей (Флорида, Луизиана, Аляска, Панама, Каролинские и Марианские острова, как считается, были куплены!)³², заявлений об аннексии и подъемах флага. Во многих этих якобы правовых действиях на самом деле проявляется прежде всего представление о готовности к самоопределению (Selbstbestimmungsmündigkeit) как простое навязывание воли более сильного³³, которое география и история иногда подтверждают, а чаще отвергают.

В этом детально выстроенном длинном перечне побудительных оснований (стимулов) первый — правовое понятие о районах, находящихся за пределами самой границы, и интересующее нас отношение к нему политико-гео-

графического и культурно-географического обозначения границы, когда в слишком укрепленных ячейках областей и земель чаще всего возникает затруднительное положение, связанное с тем, что оно нелюбимо централизмом и бюрократией и даже ненавистно им, но обуславливает самоуправлению и свободе желанные исключительные (привилегированные) положения.

Частному землевладению это понятие, конечно, хорошо знакомо; самостоятельность замыкающихся в себе крупных хозяйств по отношению к не понимающим свои жизненные потребности общинам мелких хозяев утрачивает свою сущность; ныне, в демократическую эпоху, — это часто оспариваемое право.

Вопреки Пролеткульту культура — понятие аристократическое и остается таковым!

А чем же являются в политической географии Андорра, Сан-Марино, Фергана, Бутан и Непал, как не «ведущими обособленную жизнь частями областей за пределами границ»? Или в более крупных масштабах исторически своеобразная жизнь Богемии³⁴ по отношению к империи [Австро-Венгрии], государств на альпийских перевалах, высокогорного швейцарского ландшафта между Боденским и Женевским озерами с их главными центрами — Цюрихом и Берном перед валом высокогорных кантонов по отношению к обширной северной и южной пойме (Vorland)? Разве не такие устойчивые состояния были приняты при быстрой инволюции (Rückbildung) Британской империи после кажущейся кульминации охвата Индийского океана (Афганистан, Египет, Ирак, да и сама Индия!) почти в максимальном диапазоне правовых форм?

Самая первейшая возможность возникновения [пограничной аномалии] имеется, конечно, в первоначально нейтральных пограничных зонах, в пограничных предполях центральных пространств, на которых неприметно образовалась своеобразная жизнь. Ставший благодаря

международной торговле известным случай — область Циндао³⁵ как особый случай китайско-корейского предполя вдоль рубежа Ялу — Тумынь и Байтоушань. Схожая пограничная аномалия возникла в Андорре из упорно сохранявшихся церковных прав, в Верхнем Арансале в Пиренеях — из испанских прав выпаса³⁶, которые вторгаются на северный склон, а также в небольшом захоронении на Клаузенпас в Гларнерланде.

Эти примеры показывают, что при заключении мирных договоров крайне важно установить подлежащую разрушению, благоприятную для народа принадлежность утерянных пограничных ландшафтов в церковных, по большей части более прочных присоединениях, в правах хозяйственного обмена. В негативном плане это доказывает в наши дни отторжение Эйпена и Мальмеди³⁷, а в позитивном — стремление епископства Саара к выходу. Ведь именно государство Саар — типичная аналогия с такими погранично-биологическими процессами в других местах, и прежде всего — это попытка найти выход на пути кондоминиума. Но что означает современное правовое понятие политико-географического кондоминиума для наблюдения за жизнью границы? Как раз для нас, жителей Внутренней Европы, оно приобрело исключительную важность. Саар, Рейнская область, Данциг (Гданьск), Мемель (Клайпеда), Верхняя Силезия³⁸ уже стали или были замаскированными кондоминиумами, каковыми ныне являются Маньчжурия, Монголия, Тибет³⁹, [бассейн реки] Или, Новые Гебриды, а Морене⁴⁰, Сахалин, Курильские острова, острова Рюкю еще недавно были. Соскользнуть туда же собралась Юньнань, но ее спасла хозяйственная энергия китайцев, а не сила государства, тогда как Египет долго был фактическим кондоминиумом Турции, Франции и Англии. Следовательно, здесь налицо один очень значительный, выросший из опыта и эмпирики традиции и международного права вопрос, подвешенное состояние, при котором более упорная правовая воля час-

то определяет в конечном счете и более тонкое решение о биологически благоприятном местоположении. Именно проблема, насколько далеко идет фактическое отношение кондоминиума в вопросах имперских, земельных, расовых и экономических границ, наиболее актуальна. В сущности это вопрос о существовании целого большого пограничного пояса Промежуточной Европы между Внутренней Европой и северо-азиатским пространством Советов, где полностью отсутствуют многие неестественные жизненные формы, действительные условия самостоятельной государственной жизни в естественном жизненном пространстве, в которых они могли бы осуществить *confinatio*.

Но и в Европе, где вместо восемнадцати государственных сообществ стало двадцать восемь, в то время как жизненное пространство не расширилось, а сузилось, быть может, однажды скажут: «Go get you home, you fragments»⁴¹, если эти новые образования нужны не более как политические инструменты.

Как возникают ныне границы кондоминиума, можно показать, скажем, на примере украинско-польской границы, внутригерманской таможенной границы (ср. главу XII), линии Керзона⁴² между Советами и Польшей, линии Tiedje⁴³ (германо-датской) и линии Сфорцы⁴⁴ (Верхняя Силезия), вновь возникшего вопроса о Вильно⁴⁵.

Большую роль, однако, играет и хладнокровный перенос отношений субсидиарного частного права в международное право, связанный с ростом Соединенных Штатов, Австралийского островного государства и Японии, не говоря уже о Британской империи. В этих регионах находятся применяемые с большим разнообразием при прецедентах кондоминиумы, приобретения по давности, просто покупки или покупки с принуждением и вымогательством. Так, заслуживают пристального внимания в качестве прецедентов «покупка» Флориды, Луизианы, Аляски, принадлежавших Дании Виргинских островов⁴⁶—

скрытая принудительная покупка с последующей незначительной компенсацией, замаскированное ограбление Панамы и Калифорнии, приобретения по давности Калифорнии и Техаса⁴⁷.

Разумеется, трудно разрешаема [проблема] во всех тех случаях, когда застывшая форма, отжившая буква закона с его внутренним правом утратили свое значение по отношению к эволюционному или революционному натиску жизни и в конечном счете должны быть опрокинуты естественной силой.

Здесь кроется воистину последний вопрос международного права, который больше подлежит рассмотрению лишь как вопрос мнения и суждений, какие слишком скрыты за формами. Как нам представляется, наряду с этим существует противоречие одного из элементов романского права германскому, ибо мы, германцы, очень долго казались биологически более сильными. Но это общее противоречие, присущее всем опытным, государствообразующим народам, наконец, самому понятию «государство» в противовес «народной энергии», всему нынешнему поколению против грядущего поколения, скрытому за буквой «*posterius timeo*»⁴⁸ праву, букве закона против природы.

Из этого противоречия возгорается раздор между Советским Союзом и паназийцами и старыми колониальными державами — Англией и Францией; но из этого же противоречия бьет ключом точка зрения Тацита⁴⁹ на продававших самих себя германцев из пристрастия к азартным играм и противоборству, как и позже отношение швейцарского законодательства к вербовке в иностранные войска⁵⁰. Особенно сильные швейцарские коммуны, инстинктивно прочные геополитически, а также богатые территориально, как Цюрих, отменяют наем в иностранные войска, уваживание земель чужих народов кровью и потом; напротив, бедные древние кантоны используют наемничество как источник денег! «*Chacun aspire á se qui*

lui manque!»⁵¹ — заметил швейцарский капитан, когда в Версале кто-то упрекнул его, что швейцарцы фехтуют за деньги, а французы — за честь! Древняя противоположность приверженного нравственности народного духа и рационалистической государственной идеи — бесцеремонно использовавшей преимущества созданного ею частного права периода упадка, — имеет последствия и ставит исходящую от народа энергию почти всегда согласно букве вне закона. Биологически более сильный ощущает это в таком случае как беззащитность порядочного честного человека перед применяемой по отношению к нему без душевного трепета буквой закона. Однако они «это называют честью!»

Поразмышляем также о тех — а их число растет в результате слишком резкого проведения линии, — *кто не признает границ и кто разрушает их*. Не признающий границ и ее разрушитель — два совершенно различных вида. Один ставит себя выше естественных границ, потому что они для него ничего не значат, а другой сознательно разрушает их, воспринимая такие рубежи как препятствие, а не защиту и органическое благодеяние. Эти два вида можно отчасти рассматривать и с географической точки зрения, учитывая их распространение, происхождение и влияние на политизированный культурный ландшафт.

Часто происходящие из экстремального смешения рас или же в своем становлении как физическая, так и психологическая наследственная масса принадлежащие к двум различным мирам, к двум зонам боевых действий, они, естественно, хотят отменить их границы, но в разном смысле. Если первые как урожденные граждане мира, космополиты, утерявшие гражданство, попутчики любого Интернационала, под каким бы флагом он ни выступал — золотым или зеленым, красным или черным, не видят и не ощущают их, то вторые — враги границы, ее разрушители любой ценой, и они замечают границу,

борются против барьера главным образом потому, что родились «на ее склонной к коварству стороне».

Но по зрелому размышлению о чересчур тонком различии *между границами* те в обоих видах, кто слишком торопится извлечь пользу, делают здесь собственные наблюдения. В каждой зоне борьбы царит только ей свойственная самостоятельная жизнь. С древних времен имелись люди, находившие в этом метании между двумя кругами силы свой собственный расчет, а в сочетании с опасностью и известную суровую свободу. И имелись другие, кто, умно служа двум господам, но лишь в той мере, в какой это было необходимо, время от времени находили возможность вырваться к свету. Так, Вольтер бросил якорь спасения между пуританской Женевой и становившейся все более небезопасной Францией, между имениями Делис и Фэрней⁵², разумеется полностью сознавая преимущества до известной степени утерянного подданства. В своей книге «Аһпен» («Предки») Фрейтаг отобразил прекрасный пример того, что еще на раннем этапе развития германцев проживание за чертой границы было излюбленной побудительной причиной для постоянного существования небольших дружин, остатков племен и народов. Природа показывает нам аналогию на каждой меже, на каждой железнодорожной насыпи, где сохраняются жизненные формы, которые были бы в противном случае истреблены, но которые могут вновь ринуться в наступление.

Этим своеобразием пограничной межи всегда пользовались одиночки и дружины, действующие на этой же основе крупные государственные жизненные формы. На такой биологической почве выросли цепочка государственных образований вдоль Гималаев, а также общности, которые, как «выпавшие из древней стены камни», сопутствуют отходящей назад немецкой языковой границе на Западе. Из такого состояния поднялись до своего всемирно-исторического значения Савойя, Наварра⁵³ — по край-

ней мере в поколении своей династии, — земли Габсбургов⁵⁴ и Гогенцоллернов⁵⁵, области Маньчжурской династии⁵⁶. Итак, мы полагаем, что и здесь действует эффективный геополитический мотив, о котором мы уже писали, рассматривая, к примеру, вопрос о возникновении кондоминиумов — образований между границами с расширяющимися культурными, силовыми и хозяйственными организациями, но здесь рассматриваем лишь в новом свете⁵⁷.

ГЛАВА IV

О ТРУДАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ГРАНИЦЕ

Труды о границе, литература о границе — что они нам до сих пор преподносили, в чем оставались перед нами в долгу, несмотря на многократные честные попытки создать некую теорию границы? Из какой бы основы ни исходить, пытаясь вывести философское или правовое образование научных понятий и идеальное представление о линии без собственного пространства или же об арене борьбы, зоне боевых действий, эмпирику всеобщей действительности, проблема всегда выдвигала на первый план смелость типизации! При этом первый путь кажется больше романским, второй — больше германским; и весьма примечательно, что отдельные представители немецких воззрений о границе тем больше мудрствуют вокруг этой проблемы, чем больше они связаны своим происхождением с романизированными ландшафтами на Рейне и Дунае, и, напротив, тем ближе к практическому идеалу англосаксов, чем более нордическими они себя чувствуют и видят.

На самой высокой ступени, по моему мнению, стоит Ф. Ратцель, рассмотревший и признавший справедливыми оба направления. Сказанное им в «Gesetze des räumlichen Wachstums der Staaten» («Законы пространственного роста государств») несомненно является наибо-

лее сжатым, цельным и глубоким из всего, что сказано на немецком языке о границе. Из этого поистине классического сочинения должна исходить политическая география в определении каждого понятия, как и пытался это сделать О. Мауль¹ в своем последнем большом труде. Самые значительные новые соображения школ — британской, немецкой, французской — вновь возвращают к этим образцам идей Ратцеля не только в политических географиях или работах по всемирной истории на политико-географической основе, написанных его учениками — Гельмольтом, Диксом, Шёне². Идеи Ратцеля продолжают звучать и в неустанных попытках Р. Зигера добиться ясных общих определений понятия сущности границы, и в стремлении Винклера все деяние умирающей монархии Габсбургов на ниве статистики поставить на службу и пограничному мышлению.

Практически совершенно по-иному, чем самые выдающиеся поборники немецкой народной почвы, побуждения Ратцеля подхватило перед войной англосаксонство, которому они были подсказаны таким авторитетом, как Макиндер³. След Ратцеля живо проявляется в деятельности Мэхена⁴ и Брайса в Америке, Керзона в Азии — в индийском гласисе⁵, Джонсона — в Африке, Грегори и Гриффита Тейлоров — в Австралии, занимающихся теорией границ и решением пограничных вопросов Л. В. Лайда, сэра Т. Холдича, Фосетта. На плечах Ратцеля, по их собственному признанию, стоят нынешние лидеры французской политической географии Жан Брюн и Камиль Валло⁶.

Именно в трудах Ратцеля⁷ содержится органическое понимание границы в североамериканской литературе. Это освещенная с критических позиций этнография и историческая наука в Америке с ценнейшим послесловием К. Лампрехта⁸. В этом сотрудничестве двух выдающихся умов с присущей им способностью как к географическому, так и к историческому синтезу бьется настоящая

творческая жизнь. Но, разумеется, к сожалению, чисто академическое название труда вводит в заблуждение, скорее отталкивает, чем привлекает, искателей.

Особую значимость приобретает сочинение Фредерика Тернера «The significance of the frontier in american history» («Значение границы в американской истории»), совпадающее по времени с первыми важными трудами Брукса Адамса⁹, с главным периодом деятельности Мэхена, подготовившими нынешнее становление силового превосходства Соединенных Штатов. Ведь именно эта когорта воспитала многих, кто прославлял такую позицию, отточила политическое лицо Союза с его тихоокеанскими и американскими целями Срединного моря, указала ему на приближение экономических циклонов, на экономическое обуздание мира — естественно, на некоторое время — в качестве первоочередной достижимой цели и границы, которые Соединенные Штаты должны переступить в стремлении к ней.

В то же время Тернер писал о «государственном строительстве в революционную эру»¹⁰ и обсуждал при этом проблему политической организации при избытке свободной земли — ныне нечто столь далекое от нас, живущих в Центральной Европе! Труды Шейлера «Man and nature in America» («Человек и природа в Америке»), Виндзора «Narrative and critical history of America» («Описательная и критическая история Америки»), 1888 г., как и появившаяся позже по инициативе Ратцеля «Всемирная история» Гельмольта, указывают на схожую тенденцию культурно-географической совместной разработки географии и истории, их взаимного обогащения.

Выводы Ратцеля относительно включения американского земного пространства во всемирно-историческое совокупное строение Земли (еще и сегодня в высшей степени несовершенные, в общем и целом принимаемые в расчет в обучении и общественном мнении континентальной Европы) содержатся в работе «Geschichte, Völkerkunde

und historische Perspektive» («История, этнография и историческая перспектива»)¹¹. Эти выводы, как и статья «Inselvölker und Inselstaaten» («Островные народы и островные государства») в отношении Японии, собственно, не что иное, как геополитика, но без этого обобщающего слова.

Изложение и структура «Британской энциклопедии» с точки зрения осознания пограничной ответственности совершенно иные, чем одного из наших фундаментальных справочников. Японское суждение по данному предмету лучше всего представлено в работе Уэхары «The political development of Japan 1867—1909» («Политическое развитие Японии 1867—1909»)¹², во введении, где содержится ценное описание неизменно присутствующего у японцев инстинкта в отношении опасности для конфигурации и внешней формы своей империи. К такому пониманию инстинкта безопасности мы у себя в Германии до сих пор еще не пришли и значительно позже, слишком поздно, под давлением мировой войны в мимолетном благоразумии осознали упущенное.

Характерно, что научные инструменты для этого, частично созданные вечным раздором между национальностями старой Габсбургской монархии, преимущественно в угрожаемых частях пограничных провинций на Юго-Востоке были уже наготове, тогда как на Северо-Востоке и Востоке, на Висле и в Верхней Силезии они возникли на пустом месте. Так, Пенк и его школа выковали эти инструменты для польских провинций, Фольц — для Силезии, а теперь пытается под руководством Лёша создать для всех границ личной энергией и инициативой. «Шутцбунд»¹³, который в действительности есть «Шутцбунд» для Внутренней Европы, — наиболее образцово в юго-восточной провинции, в Граце, где Р. Зигер стал естественным научным провозвестником, в то время как Вена и Инсбрук оставались на первых порах позади, пока там не на-

чал работать И. Зёльх. «Grenzen» («Границы») и «Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung» («Географическое учение о границах и его практическое значение»)¹⁴ — две работы Зигера, в которых его окончательно сложившиеся воззрения приобрели преимущественно программное значение. Вполне достойна и литература, повлиявшая на него: сочинения британцев Керзона, Фосетта, далее, как я знаю из частных бесед, Холдича и Лайда, шведа Челлена¹⁵, немцев Ратцеля, Пенка, Фогеля, Зёльха. Так возникли две лучшие из многих отдельных попыток доступно разъяснить немецкому народу проблему границ. С тех пор мы усвоили, что нашему слабее сформированному индивидуальному народному своеобразию и его менее наивному самосознанию больше соответствует, если мы, не в пример своим предкам, сообщаясь, возьмемся за туго мыслящие и ставшие малодушными массы, как это сделано в работе Фольца «Westdeutschen» («Западные немцы») и «Ostdeutschen Volksboden» («Народная основа восточных немцев»), в двух великолепных томах Лёша: «Volk und Reich» («Народ и империя») и «Staat und Volkstum» («Государство и народность») — и в скромной серии Института зарубежья и Союза немцев за рубежом. Потрясающий успех становится, таким образом, среди немцев все большим.

Но если мы сравниваем — о японском или англосаксонском, о романском (движение Данте, Е. Тэно: frontière) вовсе нет речи — развитый таким способом с достаточно большим трудом пограничный инстинкт исконных меньшинств, живущих в Центральной Европе, например, с инстинктом поистине не переоцененных мною китайцев в их давлении на государство, то мы находим там [в Китае] задолго до наших министров и чрезвычайных комиссаров оккупированных областей¹⁶ гораздо более важные мероприятия по охране границы, по крайней мере в теории.

Речь идет о созданном 12 июля 1919 г., в разгар бушующей с 1911 г. гражданской войны в Китае, так называемом ведомстве обороны границы с многочисленными бюро, комиссарами по защите границы определенных пограничных областей, например, наиболее угрожаемой северо-западной границы (которая, впрочем, и в Индии является таким постоянным местом!), и притом наряду с собственной военной организацией. Все китайские наместники в Урге, Кобдо, Улясутай¹⁷, Маймеча подчиняются в определенных делах непосредственно соответствующему пограничному генералу — их естественному защитнику на внутренней линии. В 1920 г. комиссия по охране границы стала жертвой внутренней смуты и честолюбия ее шефа; тяжелые потери на границе в Монголии¹⁸ явились следствием победы внутренних партийных распрей над разумной теорией границы. «Государственный комиссар для оккупированных областей» — схожий институт. Все на границе, что служит ее внешней защите, должно быть вне партийной борьбы, свободным от нее!

Мы завершаем этот беглый обзор литературы о границе, подводя итог такой констатацией: огромному богатству сфер проявлений противостоит немыслимая бедность, если не сказать убогость, литературы, в которой выделяются лишь немногие работы и научные поборники. Этих стражей границ многочисленных народов следовало бы почаще приводить в трудноукрошаемые залы заседаний, состояние которых, по словам чешского лидера Палацкого¹⁹, предостерегает: «Если этот потолок рухнет, чешская нация погибнет!» Речь шла о зале, где без малого сто лет назад родилось требование нынешней Чехословакии!

Наряду с крупными работами Ратцеля и его учеников, к числу которых принадлежат также предложивший первые формулировки Фёрстер и недавно присоединившийся Мауль, имеется множество сугубо военно-географичес-

ких монографий, рассчитанных на ограниченный круг читателей. Еще более скромны для изданий немецкого, французского, английского, русского, японского Генеральных штабов с отлично написанными предисловиями, для одного из первых, известных, к сожалению, только самому узкому числу географов-специалистов по границам, трудов Мольтке [Старшего].²⁰

Удивительно, но и хорошие работы по политической географии легко подвергаются опасности как бы походя подчеркнуть огромное значение границ, как об этом бегло пишет А. Дикс в своей работе «Politische Erdkunde» («Политическая география»)²¹, предоставляя читателю самому сделать выводы. Схожим образом, к сожалению, написана и его более обстоятельная работа, в которой при всех ее достоинствах слишком слабо разработано понятие «граница» с точки зрения политико-географического, а также антропогеографического, хозяйственного и культурно-географического значения. Намного более последователен в рассмотрении проблемы О. Мауль в своей большой обобщающей работе «Politische Geographie» («Политическая география»)²². Не меньшую заслугу имеет Е. Шёне, убедительный популяризатор Ратцеля, также разбросавший отдельные ценные замечания относительно границы в разных местах в своей книге «Die politischen Grenzen als peripherische staatliche Organe» («Политические границы как периферические органы государства»).

Сопоставляя крупные систематизированные научные точки зрения, мы обнаруживаем прежде всего противоречие между *констатацией* и *преодолением*: ищущий человек в противовес человеку настроения по необходимости испытывает огромную трудность из-за ограничений; несогласие между людьми ищущими и людьми импульсивными минимальное. Поэтому напряженность на германо-французской границе географически и этнопсихологически — одна из наиболее трудноподдающихся

компромиссу на нашей Земле²³, что подробно обосновал Фробениус²⁴ и с культурно-морфологической точки зрения.

Далее, мы приходим к ценным результатам, если ставим в связь существующее на протяжении столетий в литературе отражение влияния переходной пограничной области на одиночек и сопряженную с этим большую трудность переноса чувства границы на массы. Насколько велика дистанция между инстинктом и осознанным отношением к жизненному пространству, к «сопротивлению экспансии»!²⁵ Различным точкам зрения о разделяющей возможности границы вновь и вновь противостоит пронизывающая ее жизненность, разрушающая однородность населения, взрывная жизненная сила покоящейся на *lex lata* — действующем праве проблемы сознания, и мы узнаем в застывшем пограничном праве тот же самый симптом старения, как у людей, страдающих атеросклерозом. Об этом достойном внимания культурных народов Запада Иен Гамильтон²⁶ написал в своей записной книжке²⁷.

Большая часть имеющейся литературы ограничивается целью доказать разделяющую силу границ на хорошие и плохие, естественные, заимствованные у природы и чисто культурные, национальные, региональные и здесь провести априори деления в теории, которые позже мы детально оценим.

При этом, само собой разумеется, наряду с рассмотрением по культурным кругам и другим наднациональным и надгосударственным пространственным делениям возможно и чисто народное. Конечно, существуют совершенно различные подходы к проблеме теории границы — греко-эллинистический, римский и романский, немецкий и германский, индийский, иранский, славянский, китайско-монгольский. Но в конечном счете необходимо заниматься снова и снова крупными группировками и разграничениями между нейтральными, жизненными формами, склоняющимися скорее к букве закона, к линии защиты, к

жестокому сохранению своего, и растущими жизненными формами, устремленными в своем натиске вперед, к расширению границ. У первых действуют в данном случае в застывшей государственной позиции римский *limes*, Великая Китайская стена, французский пояс укреплений в качестве ставшего теорией принципа безопасности за счет разделяющего пространства, как это, наконец, доказал Е. Тэно: но, конечно, со скрытой за этим надеждой на возвращение утраченного защитного «гласиса»²⁸.

ГЛАВА V

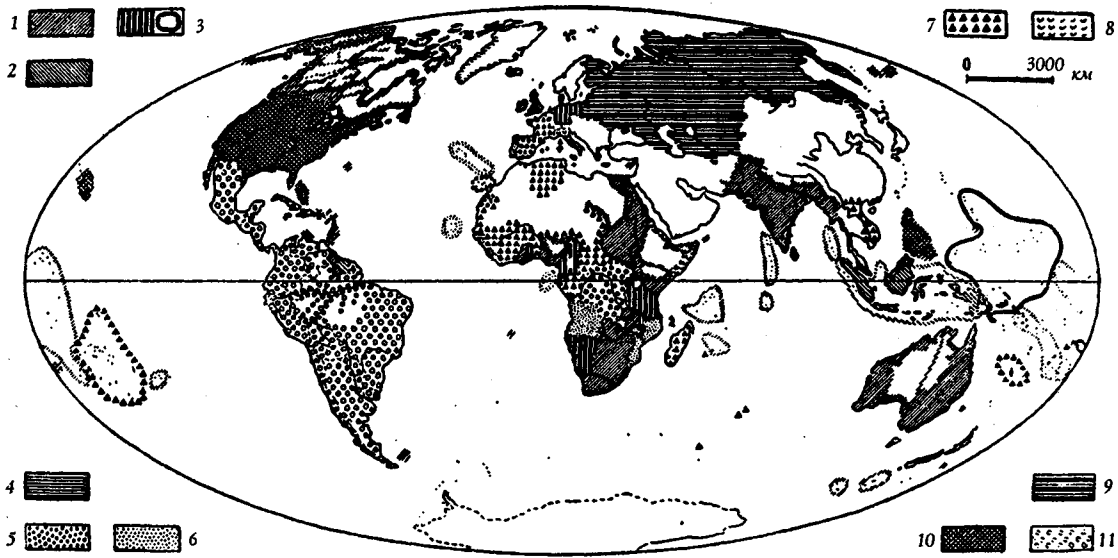
РАЗДЕЛЯЮЩАЯ СИЛА НЕОБИТАЕМЫХ ЗЕМНЫХ ПРОСТРАНСТВ. ВРАЖДЕБНЫЕ ДЛЯ ЖИЗНИ ГРАНИЦЫ

Восприятие границы Ратцелем как становящейся все более узкой вплоть до юридически и математически прочерченной линии, будущей арены борьбы за жизнь вытекает из создающей сильное напряжение противоположности, которая существует на стыке между наполненной жизнью землей и землей незаселенной (анэйкуменой). Это напряжение заставляет изучать, пожалуй, как сильнейшую, понятную с точки зрения как естественных, так и гуманитарных наук разделяющую силу в отношении границы незаселенного или же считающегося незаселенным земного пространства (мнимая анэйкумена?); оно, само собой разумеется, имеет точно такое же значение как для экономики и физической географии и их проявлений в сфере сношений, так и для хорошо продуманных, проникнутых духовностью политических и культурно-географических планетарных мировоззренческих движений. Но и здесь в пересечении полярных пространств, арктической и антарктической анэйкумены, поясов пустынь,

высочайших горных хребтов, поясов болот первобытного тропического леса (Tegai)¹, океанских просторов (которые и сами, естественно, являются ареной борьбы за жизнь) мы видим *проницаемость всех границ*. Абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов. Как раз в наше время взялись за раздел границ Арктики и Антарктики под нажимом англосаксов и Советского Союза². На планете больше нет «по man's land» — «ничейной земли».

В этой констатации сразу обнаруживается *масштаб проблемы* противоречия между границей и анэйкуменой, значение признания того, что с быстро растущим оттеснением анэйкумены эйкуменой, с расширением пригодной для жизни земли и с увеличением плотности населения усиливается значение идеи о границе как плацдарме борьбы, как о непрерывно наступающем или отступающем замкнутом, но не сохраняющемся застывшим образовании! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной, хотя и в более гладких формах. Кто пытается ввести в заблуждение человечество на этот счет, неосознанно или сознательно потворствует лжи, даже если она продиктована состраданием и милосердием. Чем больше будут оттесняться незаселенные, а также считающиеся таковыми пространства, тем все труднее сохранить длительную конструктивную прочность естественных границ, тем все острее, немилосерднее борьба за существование внутри унаследованных границ.

Взгляд на масштаб и значение постановки вопроса о разделяющей силе необитаемости целесообразно исходит, пожалуй, из *определения понятий «эйкумена» и «анэйкумена»*, т. е. из понятий обжитых или сохраняющихся незаселенными пространств, которые встречаются в трудах Ратцеля, впервые опубликованных под заголовком «Über die Anwendung des Begriffs Ökumene auf die

Освоение территории земного шара (1900 г.)

Цифрами обозначены владения следующих государств: 1. Англия. 2. Нидерланды. 3. Германия. 4. Дания. 5. Испания. 6. Португалия. 7. Франция. 8. Италия. 9. Россия. 10. США. 11. Другие государства (государства Центральной и Южной Америки, государство Конго)

geographischen Probleme der Gegenwart» («О применении понятия «эйкумена» в географических проблемах современности»), а также во втором томе «Antropogeographie» («Антропогеография») и «Erde und Leben» («Земля и жизнь»)³.

Исследование представлений жившего до нас поколения о считавшихся непригодными для жилья пространствах, признанных естественными науками безусловно разделяющими зонами планеты, показывает, как далеко мы опередили эти представления на протяжении жизни одного поколения, которые в то время для любого человека, любого народа находились в совершенно другом месте, позволяя выносить лишения сообразно их способности и технической оснащенности в борьбе за существование.

Нам необходимо лишь дополнить представления Ратцеля взглядами его учеников, прислушиваясь к мнению К. Хассерта о северной полярной границе обитаемой земли, какой он увидел ее в 1892 г., к Е. Шёне по поводу тропических зон⁴ или к суждениям Бергера о возникновении понятия «анэйкумена» в его «Geschichte der wissenschaftlichen Geographie der Griechen» («История научной географии греков»)⁵, чтобы узнать, как быстро совершалось развитие от тех первых формулировок понятия об отдельных образованиях анэйкуменных зон и поясов, например, в высотных границах и высотных поясах⁶. Сегодня мы признаем борьбу за освоение анэйкумены и понятие политически обеспеченной защиты в ней как крупную пространственную цель превентивной политики заселения, градацию этого понятия, скажем, от русского к китайскому и японскому, становящегося все более южным и океанским, как одну из мощнейших движущих сил политического действия на длительную перспективу и на более широких пространствах.

Как нам известно из физической географии, среди проявлений жизни на Земле, которые ведут к установле-

нию границ анэйкумены, — прежде всего сковывание жизни вследствие холода (лед в полярных или высокогорных областях), недоедание в результате отчуждения земли (исчезновение растительного покрова, опустошение пассатами, ветровая эрозия), неосвоение территорий из-за недостатка осадков, заражения почвы, засоления, гибели всходов от пожаров (похожая на чернозем земля на Суматре)⁷.

Как широко в этих проявлениях все еще сохраняются остатки оттесненных укладов жизни человека, искателей сокровищ земли, необычно вооруженных для борьбы спорадических поселенцев, — это вопрос для обдумывания.

Мы знаем и совершенно иной тип сохраняющихся незаселенными земель, из коих одна часть считается высокопродуктивной, обладающей способностью к освоению, возникающей путем подавления многообразия жизни из-за переувлажненности. К этому типу относятся тундра и болотистые земли, а также прочие неисчерпаемо плодородные земли, где в результате засилья отдельных видов растительного и животного мира, нашедших для себя оптимальные условия, другие жизненные формы не могут изменять свои границы; они могут переместиться туда, как только внешнее насилие, новые находки, например, улучшения тропической гигиены, сломают это враждебное жизни, одностороннее пышное произрастание, развеют давление первобытного леса, в котором, по достоверному мнению Заппера, на плодороднейшей земле можно голодать из-за ее однообразия, полчищ саранчи, разносчиков тропической малярии, мухи цеце. И даже в наших умеренных зонах мы должны наблюдать за борьбой буков и сосен, бросового леса и кустарников против строевого леса или же желтых лютиков⁸ на пашне, чтобы знать истоки подобных явлений.

Этот взгляд на оттеснение анэйкумены и на раздвижение границ человечества, прежде всего культурного, по мысли Пенка, играет большую роль в расширении

возможности пропитания народов Земли путем действительного превращения тропических земель в плодородные для культурных рас, причем в первую очередь имеется в виду тропическая гилея в Африке и Южной Америке. Правда, работа А. Швейцера в устье Конго⁹ и последние путешествия в Южную Америку показывают, как много еще предстоит сделать с самых азов, как, к сожалению, маловероятно, что белая раса преодолет эту форму анэйкумены не с позиций господства, а иным образом.

В противовес всем видам анэйкумены мы узнаем в возможно *плотном примыкании к ней для защиты* более мелких и становящихся все более крупными поселений и государственных жизненных форм инстинктивный и осознанный лейтмотив существующей столетия дальновидной и крупнoprостранственной культурной политики. Все равно, идет ли речь прежде всего о сохранении защитного пояса лесов, например, в еще сохраняющихся сегодня формах защиты в сельских поселениях к востоку от Мюнхена, о крупнейших центральноафриканских раскорчеванных участках, об обращении с хвойными лесами к востоку от Лимеса, как описывает их Градманн, или же об упорных битвах России (завоевание Сибири), Англии (борьба за Северо-Западный проход)¹⁰, Соединенных Штатов (овладение полярными районами), *обеспеченность защиты* играет решающую роль в истории России, американских государственных образований, Ирана, поздних центральноазиатских крупных империй, Китая, в формировании островных государств — Англии и Японии, в трансформированном морем государственном организме Римской империи, в размере образований Индийской империи, а также в окаймленных границами образованиях Ганзы¹¹, Тевтонского ордена, альпийских государств на перевалах. Кто утрачивает обеспеченную защиту в незаселенных местах, как, к сожалению, северогерманская раса, столь ущемленный германский рейх, лишенный таковой на своих границах¹², тот для

удержания необходимого жизненного пространства принужден к неизмеримо большему, длительному напряжению сил, к более интенсивной борьбе за существование, к большей осторожности при возвращении в состояние передышки.

Мы можем также научными методами политической географии и геополитики, и в добавление к тому подключив историчные учения о кинематике, установить отчетливую *градацию представлений об отделяющей незаселенности* у отдельных рас и народов не только с изменением времен, но и синхронно по чисто локальным мотивам привычки. Эти представления имеют огромное политическое значение для определения границ, их сохранения и проведения у крупных народов, создавших свою государственность.

Для переоценки *представлений, связанной с изменением эпох*, сравним лишь один пример — отношение Рима, его певца Овидия¹³, изгнанного в Томы, к тогдашним черноморским ландшафтам и более ранние эллинские восприятия Понта Евксинского, а также поздних черноморских резиденций, которые создал для себя избалованный западноевропеец, или Ялты, казавшейся властителям Российской империи раем на Земле. Сколько оттенков в точке зрения на пограничное пространство — понтийское, — восточных и западных срединных стран на зерновую биржу Афин, «гостеприимные эллинские города», «место ссылки римлянина», русскую Ривьеру, ухоженный сад рафинированного представителя западноевропейской культуры из дома Кобургов!¹⁴

Для различия точек зрения на одно и то же пространство, приблизительно синхронных по времени, но только в одном случае больше нордической, континентальной, а в другом больше южной, океанской по происхождению и воспитанию, быть может, наиболее типичным и бесспорным является пример отношения России, Китая и Японии к Приамурью.

Что позволяет нам простейшим способом разгадать мнимую загадку, почему русским удалось в баснословно короткое время пройти вдоль северной анэйкумены через Сибирь и достичь Тихого океана, создать громадное имперское образование, которое проникло в американское пространство вплоть до бухты Сан-Франциско¹⁵ и лишь под сильным нажимом англосаксов, а позже китайцев и японцев вынуждено было отступить назад²¹⁶

Решающим был все же тот факт, что продвигавшийся в Северную Азию русский не считал эти пространства незаселенными и поэтому проникал туда, в то время как другие крупные народы мира, в том числе восточноазиатские, с чьим жизненным пространством он скоро соприкоснулся, считали их непригодным для жизни, не имеющим ценности пространственным владением или даже придатком, примыкающим к враждебной для жизни северной полярной области. Таким образом русская экспансия в 1643 г.¹⁷ приблизилась к последнему крупному резервату культурного пространства Земли — восточноазиатскому, который до этого из всех видов анэйкумены сохранялся как *основательная область защиты*: между полярной, пустынной, океанской, альпийской и тропической. Вопрос был близок к решению, окажется ли под защитой расширяющегося русского образования северный пшеничный пояс Земли вокруг всей северной зоны умеренного климата, или же он должен оставаться нарушенным в решающем месте сохранением обеспеченной защиты восточноазиатского мотыжного земледелия в северной необжитости. Перед китайцами лежали земли на Амуре, которые они считали непригодными для жилья, не представляющими ценности для огосударствления. Они стояли на Амуре, как Древний Рим — на Дунае и Рейне, наблюдая за рекой, но ничего не организуя там. Все же степной инстинкт Маньчжурской династии защитил ее право на границу в договоре 1689 г., заключенном в Албазин-Нерчинске¹⁸. Он отбросил русских назад до тех пор,

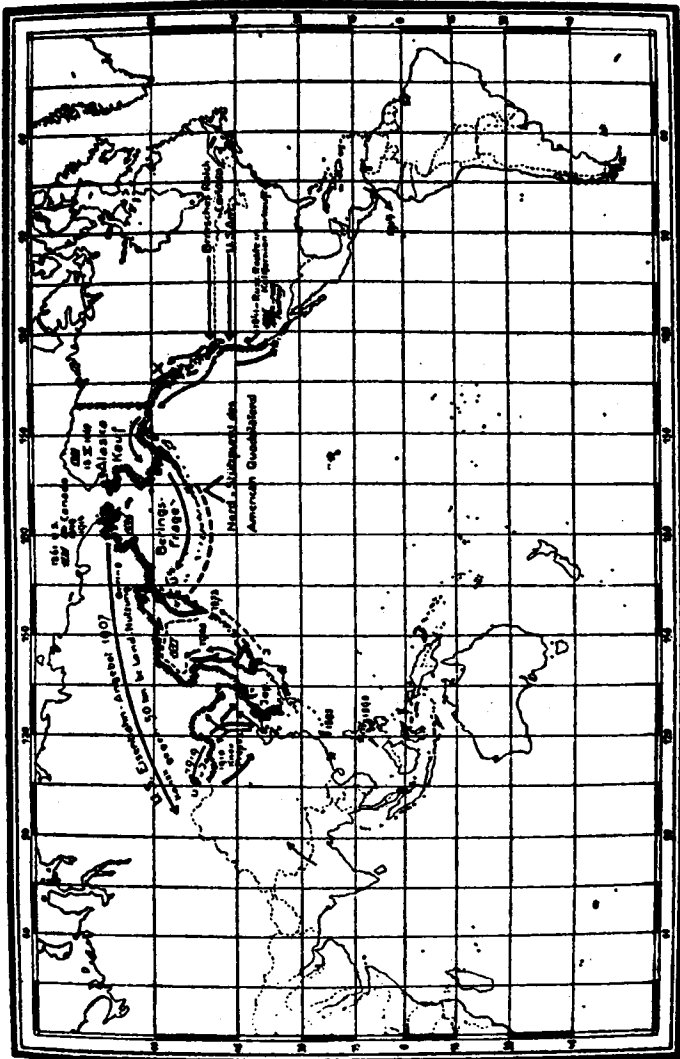
пока нарастающее расчленение рушившейся Маньчжурской империи под ударами морских держав и внутреннего восстания китайского Юга (тайпинов)¹⁹ не помогло им наложить руку на тихоокеанское побережье Маньчжурии и затем на район Амура (середина XIX в.)²⁰.

Значительно позднее, чем китайцы, угрозу русских из зоны Амура почувствовали японцы. Островному государству, расположенному ближе к тропикам, до конца XVIII в. казалось, что северная анэйкумена начинается уже у пролива Цугару между Хондо и Хоккайдо и крепости Матцумай в Дате на южной оконечности Хоккайдо как оборонительной линии для него достаточно. Лишь в конце XVIII в. японцы ощутили приближающийся натиск и встретили его благодаря спешным северным экспедициям на Сахалин и в богатые рыбой участки в устье Амура под руководством Маами Ринзо и Могами Токунаи, которые впервые описали Западу Зибольд²¹. Но затем инстинкт безопасности быстро подтолкнул их собраться с силами для ответного удара: в начале по договорам о совместном управлении с проницаемой северной анэйкуменой через Сахалин и Курилы, затем к разделу, при котором океанские Курильские острова отошли Японии, а близкий к континенту Сахалин — России. Наконец, дело дошло до военного столкновения²², в результате которого прежде всего Южный Сахалин вновь оказался в восточноазиатских руках и русские были выброшены из коренных земель Маньчжурии. Прибрежная полоса у Тихого океана и земли севернее Амура остались в руках русских; тем самым Восточная Азия была вытеснена из северной анэйкумены, которую она с тех пор без устали стремится возвратить посредством переселения и экономической экспансии. Независимо от этого идет упорная борьба за кратчайшую северную воздушную линию, новейшими симптомами чего являются оккупация острова Врангеля Канадой, разъяснения Советов о том, что им принадлежит вся область, простирающаяся к северу от них до Северного полюса.

Таково на сегодняшний день состояние еще находящегося *sub judice*²³ вопроса об обеспечении линии защиты в североазиатской анэйкумене. Оно указывает, с учетом рассмотрения по меньшей мере всей предыстории вопроса, какой широкий процесс происходит в людях и народах в результате борьбы за расширение обжитого пространства Земли вокруг полюса, моря, степи, высокогорья, за раздвижение границ человечества, которая ведется одновременно с продвижением державного мышления в считавшиеся незаселенными области. Этот процесс характерен для расширения России в североазиатском и северо-тихоокеанском направлениях, придавая ему героический облик, хотя и привел к провалам в океанской политике вследствие продажи Аляски, возвращения к политике охвата северной части Тихого океана, к столкновению с Японией²⁴, которым снова противостоят континентальные приобретения (Монголия!)²⁵.

Такие примеры кажутся столь убедительными, что мы фактически пришли к пониманию различной для любого человека и каждой группы людей мнимой анэйкумены — одной казавшейся только им непригодной для заселения, другой — относительной анэйкумены в противоположность абсолютной. Простое упоминание об этом показывает, как мало достигнуто во всех представлениях о границе и пограничных спорах жесткими, чисто правовыми понятиями и научными дефинициями, выработанными общественными науками, как очень нужны повсюду свидетельские показания, заключения экспертов в области географии, чтобы не оставить без внимания противостоительный вздор, закрепляющий позицию, устранение которой означает скорее всего борьбу и войну.

Возьмем лишь различное отношение романских народов, германцев, славян к лесу, а среди славян — обитателя северных подзольных земель в редколесье, затем в тайге и южного, обосновавшегося в степях и саваннах жителя черноземья²⁶ — великоросса и украинца! Истинный

Освоение русскими северного побережья Тихого океана и их вытеснение островными державами.

житель леса охотно укрывается в нем, тянется туда, соответственно размещая свои поселения. Еще и сегодня мы видим это в растянувшихся в длину с зарослями деревьев селениях. Землепашец и животновод, напротив, предпочитают плоскогорья, пояс саванн, корчуют лес, используя его как «пустынный пояс», как анэйкуменную защиту. Итальянец видит защиту прежде всего в примыкающих Альпах, фирновых полях, через которые германец, пася скот и создавая право выпаса по ту сторону перевалов, перегоняет стада через седловину горы, тогда как для индийца снеговой покров Гималаев — граница непригодного для жилья, обитель страшных богов, а для тибетца высокогорные северные долины — место постоянного жительство.

К относительному значению границы анэйкумены мы подходим также в противовес разделяющей силе воды во всех ее проявлениях на земной поверхности — проливах и рек, озер и морей, которые человеческими расами воспринимаются в корне различно. Для норманнов и малайцев мореплавание — нечто естественное; они воспринимают море как связующее, а горы, даже на маленьких островах, уступают «людям, живущим внутри», названным малайцами ториадья²⁷, другим расам, сами же заселяют кайму побережья. Атолл для малайцев и полинезийцев — зона высокоактивной жизни и жизнеобеспечения, и он имеет для их пропитания гораздо большее значение, чем узкий коралловый риф с тонким слоем гумуса.

Определяющим для мировоззрения этих народов является их пантеистическое чувство единства с морем и его голубыми просторами. Море связывает такие расы, увлекает прелестью противоположного побережья; для тех, кто пробивается к морю из внутренних областей, оно становится естественной границей. Из почти 18 000 км доступного побережья, которое китайцы все еще контролировали ко времени первого открытия доступа в страну в середине XIX в., они потеряли свыше 10 000 км береговой

защитной линии и оттеснены на 7100 км современной, не чувствуя в полной мере, какая опасность заключена в этом для их жизненного пространства. Японская прибрежная империя, напротив, расширяет в то же самое время свою защитную опору на море прямо-таки невероятным развитием побережья почти до 42 000 км (не считая мандата прежней германской островной империи Южных морей²⁸). Какое различие в мнении о ценности одного и того же географического, границеобразующего явления!

Решение одной из крупнейших проблем будущего человечества, перспективы исхода борьбы между индо-тихоокеанской и атлантической культурами лежит в оценке, вытекающей из *анэйкуменной разделяющей силы Тихого и Индийского океанов*. Если, конечно, не будет больше недооцениваться дальнобойность артиллерии, которая определяет судьбоносное различие между атлантическими и индо-тихоокеанскими геополитическими основами развития человеческой культуры, силы и экономики, между экспансивным, эксцентричным атлантическим типом побережья и тихоокеанским с его замкнутыми, автаркичными²⁹ и центростремительными процессами — как это различие обосновывает Э. Зюс³⁰ — и их неизбежными антропогеографическими последствиями.

Все эти тихоокеанские культуры, как и во многом родственные им индийские — после их созревания в высокогорных проходах северо-западной границы, — выросли между защищенными океанской, полярной, пустынной и горной анэйкуменой пограничными барьерами, которые теперь разрушены и вследствие этого обуславливают любое столкновение и компромисс или разрушение неприступного. Так происходит в наиболее крупном восточноазиатском, так — в индийском культурном ареале, так случилось с центральноамериканским и южноамериканским, чьи старые носители, однако, с давних пор не целиком были побеждены атлантической культурой.

Напротив, сегодня как раз наблюдаются обратные явления: в мексиканском аграрном законодательстве, в растущих новых кровопролитиях после длительного подавления индейцев (Бенито Хуарес, Порфирио Диас!)³¹, в развитии Перу, а также Боливии от атлантических представлений о существовании к более тихоокеанским, а также в чрезмерно растущих восточноазиатских расах на Гавайях, в регенерации малайско-полинезийских черт на Филиппинах, даже в Новой Зеландии и Японии. Эти возвратные процессы показывают, что их образование внутри анэйкуменной зоны защиты дает таким культурам столь стойкую силу сопротивления, что отдельные стремления к возвратным проявлениям внутри изначально образованных границ могут вновь и вновь выходить наружу.

Вероятно, колебания между атлантическими и тихоокеанскими влечениями и есть будущая проблематика тесных будущих связей Соединенных Штатов, кажущихся столь беспроблемными.

В этом кроется также доказательство огромных, покровительствуемых природой сил анэйкуменных разграничений, и поэтому мы поставили эти разграничения с точки зрения их действенности в отношении жизненных форм на первое место даже перед гораздо менее авторитарно их разделяющим и отграничивающим морем!

ГЛАВА VI

О «СЕРЕБРЯНОМ ПОЯСЕ»: МОРЕ КАК ГРАНИЦА

Прежде чем мы рассмотрим отдельные границеобразующие проявления моря с его то манящим, то угрожающим блеском, пусть оно предстанет перед нами как целостность в своей и соединяющей, и разделяющей силе. Имен-

но как странам, занимающим срединное положение, нам следует пристально наблюдать за планетарными противоречиями, от которых в настоящий момент мы все еще далеки, за противоречиями привычного для нас окружения, не углубляясь в детали хорошо знакомых картин. Однако в отношении моря как совокупности вливающихся друг в друга океанов мы обнаруживаем, что с прогрессирующим развитием судоходства его разделяющая способность все более подавляется посреднической, связующей ролью: следовательно, море становится непригодным как граница, соблазн экспансии в его направлении увеличивается, защитная сила ослабляется. И лишь огромные морские просторы поддерживают ее.

Еще ждет своего решения одна из самых важных, крупных геополитических задач, а именно исследование тыла (Hintergründen) сначала небольших, затем более крупных и, наконец, самых обширных морских пространств в истории¹, их подвластности имперскому мышлению, синхронного оттеснения эллинского представления об океане, превратившегося в конце концов, как мифические южные праздники², в иллюзию в поясе «славных» западных ветров — пожалуй, еще омыв Антарктический континент как сухопутная идея. Это понятие заменяет «мировое море» в ином значении — совокупность океанов в качестве главного носителя международного общения, арены власти.

Большому развитию физической океанографии все больше сопутствует требование о равноценной разработке политической географии морей³, океанографической культуры, чем занимаются Бекманн и Рехе⁴.

Ее составной частью явилось бы закрепление океанских пограничных различий частей моря, для чего полезны границы крупных течений, атоллов, барьерных рифов, оттенки воды, примеси неорганического и органического происхождения. Но на практике прямая попытка и здесь сопряжена со многими трудностями. Где видно,

как вытесняют друг друга теплое темно-синее течение Куроисио⁵ и холодное зеленое течение Оясио⁶, как светло-зеленые полные жизни полосы атолла погружаются из-за опоясывающих их приливов в бездонные пучины?

Чем больше физическая океанография с ее превосходными картами⁷ находит подходящие, полезные для политики, культуры и экономики названия и нормы при пограничном разделении частей моря и частей океанских пространств, Срединных, Крайних и Внутренних морей, тем надежнее становится ее непрерывное воздействие. Мотив морского обрамления как один из ведущих в политической географии, прежде всего по отношению к Внутренним и Срединным морям, а также, например, к Индийскому океану, разработал Дикс⁸.

Его применение предусматривает распространение пограничного инстинкта и на моря, и на части морей, подобно тому как этот инстинкт активно проявлялся в Венеции в отношении Адриатики, как его развила Англия в отношении окружающих ее пяти и семи морей, в отношении канала⁹ (пяти портов) и позднее Океании¹⁰, а также всегда доказывала Япония сначала в отношении Внутреннего моря, позже — Японского моря, наконец, восточноазиатского прибрежного морского коридора. Такой инстинкт отсутствует, к сожалению, у северогерманцев, несмотря на всевозможные толки о «*dominium maris baltici*»¹¹. Так, Балтийское море было временами датскими, шведскими, немецкими прибрежными водами и в какой-то момент ясновидения все прибрежные государства присоединились к конвенции Балтийского моря¹², которая открывала широкую перспективу. Однако она осталась сугубо преходящим инстинктивным действием, не имевшим плодотворного политического влияния¹³.

Вопрос об ответственности народа прибрежного государства за свой береговой шельф играет в данном случае большую роль. Как, например, могли Китай и Индия позволить, чтобы обязанность научного и технического

наблюдения за своим составляющим свыше 7000 км прибрежным шельфом у них отняли; напротив, как осмотрительно поступила Норвегия (Нансен)¹⁴, сохранив ее! Соответствующая этой пограничной работе задача заключается в постоянном внимании к воздействию береговой границы как внутреннего стража. Примерно так ее рассматривал и картографически определил Лангханс в своей работе «Die wirtschaftlichen Beziehungen der deutschen Küsten zum Meere» («Экономические отношения германского побережья к морю»), или П. Леманн в своей работе «Die deutsche Nordseeküste als Grenzwehr» («Германское побережье Северного моря как граница обороны») ¹⁵, или позже Эрих Обет в описании Фландрии в качестве звена береговой границы в своей примечательной работе «England, Europa und die Welt» («Англия, Европа и мир») ¹⁶.

Как при обсуждении целых океанов, Срединных морей, крупных морских пространств, может, естественно, детально выстраиваться и размышление о различиях между морскими проливами и перешейками на суше, о каналах, зонах каналов, закрытых морях и частях моря («*tags clausum*»), прежде всего связанный в научном отношении с точкой зрения океанографии вопрос о частях территорий, территориальных водах. Это обсуждение, возникшее отчасти из практических требований с точки зрения международного права, разумеется, снимая покров, раскрывает большую международноправовую ненадежность отдельных частей водного пространства. Именно геополитический способ рассмотрения мог бы обеспечить в данном случае благоприятную ясность, а для бесправных был бы—проницательно используемый на трибуне человечества [т. е. в Лиге Наций] постепенно формирующимся мировым общественным мнением—очень полезен в противовес старым привилегиям морского разбоя. Не случайно первый призыв к «свободному морю» ¹⁷ и иному Морскому правопорядку, определяемому не превосходством силы и

более мощными пушками, исходил от Нидерландов, т. е. от небольшого прибрежного государства, которое в своей системе каналов, дамб, в своем *Het Y* и *Хелдере*¹⁸ назвало собственными закрытые части моря, а также попыталось создать такие за океаном — Зондские острова (*Sunda-geich*)¹⁹ (рейсы Нидерландов через Японию!).

В Японии португальцы²⁰, голландцы, а также испанцы нашли, разумеется, идеал бесспорно отграниченного Внутреннего моря — Японское внутреннее море, ту несравненную школу мореплавания и рыболовства, которая стала исходной всех дальнейших попыток морской экспансии Японской империи. Морская экспансия и господство над морем, хотя бы над частью пространства, всегда были весьма соблазнительной целью для устремленных вдаль морских и живущих на побережье народов, не потерявшей своей привлекательности вплоть до настоящего времени. Русских и североамериканцев эта цель прельстила морем Беринга, британцев и североамериканцев — североамериканскими полярными водами. Советы утвердили в Белом море то, что царская Россия поначалу пыталась получить в Черном море, где некогда, сменяя друг друга, мечтали о господстве над Понтом эллины, генуэзцы, турки. Со времени распада недолговечного Афино-Делосского морского союза²¹ Эгейское море снова и снова заманивало для новых заходов в порты²².

Историко-географическая концепция создания островных государств и связанных с морем государственных и экономических организмов — политически плодотворный способ рассмотрения, особенно для преобладающей части немцев и жителей Внутренней Европы как региона, удаленного от моря, которые могли бы извлечь из завершенной истории и географии Венеции весьма полезный, связанный с океаном контрпример расцвета и упадка ее своеобразной континентальной империи. На арке портала Дворца дождей в Венеции *sulle asque* — над водой высечена надпись, выражающая квинтэссенцию уроков свобод-

ных границ: «*Venetorum urbs divina disponente providentia in aquis fundata, aquarum ambitu circumsepta, aquis pro muro munitur. — Quisquis igitur quoquomodo detrimentum publicis aquis inferre ausus fuerit et hostis patriae judicetur nee minore plectatur poena quam si sanctos muros patriae violasset...*»²³

Это — геополитическое признание морских границ в классической форме! К столь весьма спорному вопросу о протяженности территориальных вод государства, о границе, отстоящей на три мили, и о дальности стрельбы артиллерии — на редкость примитивному мерилу протяженности прибрежных вод — в действительности постоянно примешиваются случаи, которые, между прочим, показывают, сколь еще далеко на практике человечество от состояния, когда оно умело бы заменять силу правом. Так, Испания и Швеция в вопросе о территориальных водах оспаривают трехмильную зону и хотят распространить свою власть дальше, на четыре мили. Аналогичный случай в Белом море, где, пожелав противодействовать британской браконьерской рыбной ловле и контрабанде оружия и пропаганде, Советское правительство в 1922 г. прибегло к сильным контрмерам и на угрозы британского правительства ответило посылкой крейсера. Здесь, на северном побережье Советского Союза, налицо совершенно иной интерес по сравнению с Персидским заливом, где установлен британский контроль над ввозом оружия в Афганистан и Индию, где морская держава [т. е. Англия] хочет держать континент безоружным. Строгое исполнение понятия о трех милях, возникшего из дальности стрельбы артиллерии, открывает, например, враждебному проникновению Японские окраинные моря, Азовское море. Во многих договорах все еще признаваемая дальность стрельбы артиллерии делает Внутреннее море и Японское море, а впредь и Канал *mare clausum*²⁴, ибо дальность стрельбы артиллерии ныне 128 км, и если два берега сблизятся, то тем самым будет заблокировано пространство

ранее открытого моря в 256 км. Это кажется похожим на дурную шутку; однако если поразмышляем, что Соединенные Штаты из схожей широко задуманной трактовки понятия своего побережья объявили маршрут Манила — Ванкувер — Панама — Нью-Йорк американской каботажной трассой, то дело выглядит серьезнее. Надо признать, что могущественный и сегодня, как всегда, в состоянии играть правовыми понятиями. Для земных пространств с известными нам размерами ясно вырисовываются последствия того, сколь обесцененными могут стать в таком случае границы вообще. Попробуйте проложить 256 км, например, через Баден или Австрию! При таких масштабах Баден и Тироль исчезают как пространства, обладающие собственным правом на существование. Блокируйте для свободного сообщения на карте мира в качестве эксперимента все морские пространства с проходом менее 256 км: восточноазиатский коридор Окраинного моря, Зондское море, разрежьте Средиземное море, закройте Северное и Балтийское моря, не говоря уже о Черном море и американском Срединном море. Представьте себе картину, как могли бы пролегать трассы международного сообщения через фикции государственного права при такой широте фактического понимания границ в таких обширных размерах, ведь как они и практически будут сужены американским, австралийским, чилийским, турецким пониманием каботажного плавания. Это — использование права морской границы до крайних пределов, как его проводили Соединенные Штаты, с неслыханной грубостью новейшее законодательство Турции, а также начинает осуществлять Чили, сознательно перенимая все у англосаксонства, чтобы парализовать иностранное судоходство и таким образом подталкивать не заслуживающий доверия мир навстречу крахам или превентивному применению силы.

Американский билль Джонса²⁵ — не что иное, как фактическое обновление Навигационного акта Кромвеля;

и это только удача для живущих в тени народов, когда в ответных ударах, наносимых корыстной монопольной эксплуатации, такие процветающие торговые колонии, как Гонконг (Сянган)²⁶ и Шанхай, вдруг почувствовали, что бойкот и предупредительные забастовки китайцев²⁷ могут проложить здесь границу, которую безнаказанно не перейдешь. Однако в данном случае за движением самозащиты китайской морской границы стоит воля к сопротивлению 442 миллионов [населения].

Итак, на стыке суши и моря, вдоль границы между ними возникает зона борьбы, а именно побережье. Следует строго различать между заманивающими в свои сети и привлекающими побережьями и побережьями как зонами обороны. Из раннего исторического опыта человечества известно, что обрывистые побережья с выступающими рядами утесов, с обозримыми островами, побережья, изрезанные бухтами и фиордами, шхеры как вид побережья вызывали соблазн перехода в направлении моря. Монотонный плоский берег, в особенности если на него накатывается сильный прибой, повсюду скорее становился препятствием, к которому прилаживается устремляющаяся сюда общность и при сильном давлении населения изнутри, как в целом северокитайская и индийская. Следовательно, мы четко различаем в политико-культурном и научном смыслах границы, образованные плоским и отвесным побережьем, крутым берегом, внутри отвесного побережья между стоящими параллельно или же перпендикулярно побережью горными цепями, причем параллельные затрудняют нарушение границы в направлении моря, а перпендикулярные ему способствуют²⁸.

Изрезанное, богатое гаванями побережье и побережье монотонное, бедное гаванями позволяют морю вести себя в корне различно в качестве границы. При этом, разумеется, мы видим, что некогда знаменитые гавани с ростом тоннажа, допустимой осадки и вместимости судов утрачивают свою ценность, что число мировых торговых

гаваней, вполне достаточных для крупномасштабного перехода границ в направлении моря или в направлении суши, сокращается. Последующие разновидности создаются, естественно, своеобразием прибойя (юго-западное африканское побережье!), а также возможностью его преодоления с помощью технических средств (пирс).

Эффективной инфильтрации способствует своеобразие моря как границы повсюду там, где оно разделяет народные общности или культурные круги и государственные образования. Она обусловлена уже естественным очертанием побережья: рифы, шхеры, лагуны, отмели, гафы, лиманы, пояс прибрежных мангровых зарослей, песчаные отмели — все эти отдельные формы ведут себя совершенно по-разному в отношении инфильтрации, обмена жизненными формами людей на их морской границе. Нужно лишь помнить об их совершенно различной способности сопротивляться враждебной силе, высадке десантов и обстрелам или же о санитарном разграничении, карантине. Нужно лишь зорко следить за тем, как известные виды опорных островных пунктов на обширных побережьях сильно ослабляют оборонительную силу береговой границы. Острова Цинпу и другие опорные пункты торговли²⁹, архипелаг Мяодао и острова Чусянь в Китае, Мальта, Кипр, Додеканезы угрожали, таким образом, морским границам, перед которыми они расположены.

Особые географические локальные условия побережья играют при этом большую роль для оценки их разделяющей силы, а именно крупные реки, постоянные ветры в направлении суши, холодная вода, поднимающаяся из глубин, биологическая среда должны приниматься во внимание. Как следует рассматривать такую задачу, образцово показывают, например, Дофлейн в своей работе «Ostasienfahrt» («Путешествие в Восточную Азию»), или антропогеограф Гравелиус³⁰, или военный географ Фурсе-Септанс³¹.

Этот в высшей степени изменчивый характер моря как границы еще больше оттесняет сила приливов и отливов. Во Внутренних морях эта сила имеет едва заметное влияние, однако в Восточной Азии, в отдельных частях канадского побережья она создает даже при нормальных отношениях широкий пояс амфибийной жизни, в особенности в устьях крупных рек. И граница моря — мнимая, слишком легко проведенная несведущей сухопутной «крысой» линия между твердью и водой — становится из-за этой игры побережья тоже трехмерным, растущим от линии к предполью телесным органом, где обретают пространство многочисленные хозяйственные предприятия, пространством, где, как, например, в Японской империи, имеющей побережья протяженностью свыше 41 000 км, 7—8 млн человек непосредственно, а еще больше опосредованно находят себе пропитание. В Южном Китае миллион людей постоянно живут на реках и в прибрежных водах.

Для переходных форм береговой границы между сухопутными и морскими формами, главным образом в связи с устьями крупных и мелких рек, можно было бы привести в качестве примера южнофранцузскую пустошь в устье реки Кро ко времени ее превращения в твердый плодородный грунт, покрытый илом от паводка горной реки Дюранс: явное переходное образование! К такому переходному образованию относится и индийский штат Кач — барьер, «прибрежная страна» площадью 16 834 кв. км с населением в полмиллиона человек. Еще сто лет назад она была сушей, затем в 1827 г. вновь стала островом, когда в результате землетрясения, разрушившего дамбы на реке Инд, заполнился ранее высохший морской залив, образовав солончак величиной в 60 000 кв. км. Здесь 17 000 кв. км некультивируемой в полной мере земли ведут себя безропотно зависимыми по отношению к 60 000 кв. км переходного между сушей и морем амфибийного пограничного организма.

Показательным является, наконец, пример Фейри Флетс — песчаных отмелей в устье Янцзы ниже устья Хуанпу, на которой стоит Шанхай; причем речь идет о дальнейшем существовании мировой гавани — Большого Шанхая. Кто в состоянии определять и поддерживать регулирование фарватера шириной в 200 м и глубиной по меньшей мере 12 м, проходящего через два мощных отложения ила и песка? Ведь расходы составили бы 10 млн таэлей, или около 60 млн германских марок. Был бы возможен государственный заем с выплатой 3% за счет морской таможенной пошлины и 3% портовой пошлины на стоимость доставленных и выгруженных товаров, которые будут взиматься в Шанхае. На долю Англии приходится 37% объема перевозок, Японии — 25, Китая — лишь 22, Америки — 11, всех остальных — 5%! при морском тоннаже 12 млн т, при стоимости товаров 940 млн таэлей. Стало бы, Китай принимает участие, но бразды правления — в чужих руках. Вернее всего, это своеобразный отрезок водной границы, присмотр за которым лучшим образом обеспечивают сегодня шведские инженеры, а младокитайцы, хотя и ценят Шанхай как источник больших доходов, но ненавидят его как фильтр для проникновения чужеземцев.

На этот пример постоянно меняющегося устья Янцзы (который побуждает вспомнить о близком соседе — Хуанхэ, о прорывах и изменениях ее русла на пути к береговой границе) мы обращаем внимание в связи с изменениями границы по отношению к морю вследствие перемещения побережья, о чем считает нужным упомянуть Вагнер³² и что мы наблюдаем в различных местах Земли — на Аляске, в Норвегии, Японии, Пощуоли³³, устьях Инда и Ганга, с уничтожающими последствиями для важных портовых городов, а также для Формозы (Тайваня). В отдельных случаях это — перемещения на сушу известных и соперничающих портовых городов во всемирной истории (Равенна?)³⁴, в других — временное погружение в

воду из-за землетрясения на море и суше таких значительных городов, как Иокогама и Токио, Сан-Франциско и Икике или Вальпараисо³⁵, и исчезновение многих других в воде и пламени. Следует различать существующие на протяжении столетий постепенные и катастрофические (подобные удару) изменения границы. Скверное место, свидетельствующее об их силе, — округа столь благословенной бухты Токио, там, где начинается расселина Фудзи³⁶ с мощным провалом (Fossa magna)³⁷ в напряженном и испытывающем колебания, дугообразном теле земли Японской империи. Уже однажды здесь, на границе между сушей и морем, в климатически очень благоприятных условиях главный город Камакура³⁸ оказался в опасном пограничном положении между отвесным побережьем и морем, и Иокогама — Токио были близки разделить такую же судьбу.

Весьма скромно то, что предпринимает человек, чтобы посредством береговых сооружений между сушей и морем преодолеть столь насильственные изменения границ природой. Все же это нельзя недооценивать; по мнению Ратцеля³⁹, значительный объем культурного изменения на побережье, ценность пограничных сооружений сделаны трудом человека. Надо больше обращать внимание на то, что однажды преподнесла нам война в качестве урока, а именно намытая коса Ньюпорта⁴⁰ и бои у Изера, славу за которые недавно оспаривали друг у друга король Бельгии и маршал Фош⁴¹, служат предостережением: более внимательно учитывать как стратегические, так и тактические возможности быстрой передвижки границ на побережье между сухопутным и водным полем боя, чем мы делали это перед опытом во Фландрии⁴², хотя этому уже предшествовали в качестве уроков в истории побережья Гезы⁴³, оборона Нидерландов и сражение при Хеммингштедте.

Строительство и разрушение Гельгоlanda⁴⁴, перенесение Альса⁴⁵ как опорного пункта защиты границы и

угрозы ей, Хеллы как немецких и польских входных ворот на границе Балтийского моря, а также столь могущественное средство обороны, как болезнь гаффов⁴⁶, побуждают нас к дальнейшим, более пристальным наблюдениям. Эта область наблюдения тем важнее, чем во все возрастающем масштабе будут действовать такие изменения на побережье в результате использования приливов и отливов, создания соляных полей на прибрежных нуждающихся в соли землях (Южная Франция, Япония, Ляодунский полуостров)⁴⁷, увеличения расходов на строительство гаваней, дорог на побережье, возрастающей перевалки товаров с суши на море. Итак, мы сможем в ближайшем будущем с научной точки зрения исследовать различие между природным и измененным культурой побережьем и на море, аналогично тому, как это происходит, например, в отношении Цюрихского озера с его уже преимущественно измененными культурой берегами.

При этом необходимо также разъяснить, что в сравнении с Внутренней Европой с ее скромно развитым побережьем (в целом Центральные державы в охраняемой прибрежной пограничной области контролируют немногим более 3000 км береговой линии!) ясно выраженные морские жизненные формы совсем по-иному проявляют бдительность на своей морской границе. Это касается не только Англии или Японии, для которых это — абсолютно жизненные вопросы, но и Нидерландов, которые хотя и могли бы прожить без своей заокеанской островной империи, но только в политической безвестности—в тесноте и нужде.

В отношении нидерландских колоний в Юго-Восточной Азии некоторые превосходные отправные точки для понимания того, какую преобладающую роль играют береговая граница, отношение к морю для их связи и сохранения, дают «Mitteilungen für die Aussenbesitzungen des Encyclopaedischen Büros». Таким образом, превосходные,

просто, но целесообразно выполненные обзорные карты правовой лексики внешних владений⁴⁸ или приложения об обстреле побережья являются весьма поучительными для исследований границ прибрежных вод.

В высшей степени ценные уточнения тех мест, где подстерегают антропогеографические напряженности, где следует предотвратить разрывы или где верят в надежное право собственности, дает и дислокация войск. И чрезвычайная, при скромных средствах почти невыносимая ответственность из-за бездорожья и восприятия столь широко развитой береговой границы, лежащая бременем на более мелких жизненных формах, вытекает из таких карт и показывает, как легко могут возникнуть конфликтные случаи, если их желают, из одних явно не достаточных возможностей управления в таких областях морских границ. Итак, морская граница означает и благо, и опасность. Она предполагает для своего поддержания неуспящий пограничный инстинкт, присущий наблюдателям за морем с очень хорошим слухом, каковым почти всегда образцово владели крупные островные государства, определяемые океаном жизненные формы Земли: Афины и Венеция, Британия и Нидерланды, Япония, а также Соединенные Штаты с момента их поворота к тихоокеанской морской мощи.

ГЛАВА VII

О ПСИХОЛОГИИ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ТИПАХ

«Очень много говорят о хороших и плохих, о естественных границах, почти не утруждая себя размышлениями». Таков мрачный вывод одного из самых видных политиков и антропогеографов, сделанный в этой сотрясаемой стонами атмосфере.

После рассмотрения крупных единств: необитаемого (анэйкумены), как признанного разграничителя жизни на Земле, моря в качестве постижимой стихии в ее превращении из разделителя пространств в дружественно связующую человечество, — мы должны разложить на составные части многообразие проявления *проблемы государственных границ* и ее детальных картин, создающих естественные и заимствованные у природы рубежи разделения народов.

При этом о «хороших» границах можно говорить, пожалуй, лишь там, где таковые многих областей жизни худо-бедно расположены под прикрытием благодаря морю или — теоретически — всех, которые благодаря анэйкумене совпадают пространственно с незаселенностью, непригодностью для жилья. Там, стало быть, возникают прочные, защищенные границы, которые сохраняются тысячелетиями или по крайней мере, вновь возрождаясь, всегда доказывают свою разделительную способность. Это касается и страдания нашей нации, чье жизненное пространство в меньшей степени, чем почти у всех других великих народов Земли, было защищено такими границами, что чем больше отсекались географические переходные зоны, чем больше отдельные естественно разделяющие линии включались в силовой, культурный и хозяйственный организм внутриевропейского перехода, тем дальше отдалялось оно от основ своего расового образования. Увы, это имело значение, ибо, с одной стороны, это пространство втиснулось в романский культурный круг, омолодив его, но и разрушив, а с другой — оно ворвалось в мир Востока — принося, правда, культуру и зрелость, но, естественно, и неудобство из-за притязаний на порядок — или же одновременно и желанное, и внушающее страх вступило в чересполосно расположенные заокеанские владения: в общем и целом одно из наиболее проблематичных, не знающих границ фаустовских мироощущений среди других стран Запада! Это было трагедией не-

мецкого народа, который вышел на сцену как более молодой среди зрелых или как более зрелый среди молодых, обеими сторонами принимаемый, обе растревожив и оплодотворив, но нигде не понятый справедливо, подобно индийцам и эллинам. Этим он мешал в достижении твердой и ясной формы народами больше, чем другие. Отсюда проистекает также его внутренняя трудность прийти к соглашению о надежных границах. Множество речей о хороших и плохих, благоприятных и неблагоприятных границах создают у него в конечном счете скорее путаницу, чем ясность, там, где это происходит не по причине весьма надежной формы опыта, а из-за столь широко распространенного отрицательного отношения к проявлениям границ на Земле. Именно у жителя Внутренней Европы переживание, связанное с границей, предшествовало рассуждениям о границе и теории границы.

Исходя из научной точки зрения, следовало бы в сущности говорить лишь о согласованных, компромиссных, несостоятельных границах, затем почти для всех жизненных форм — о сообразующихся с природой рубежах или о спорных, разорванных границах, затем о почти всегда таящих напряженности, вызывающих соблазн, противоречивых состояниях. К совершенно отчетливому осознанию, о какой стороне — темной или светлой — в отдельных случаях идет речь или какая берет верх, ведет затем разработка определяющих неорганических и биогеографических потребностей соответствующего участка границы, соответствующего рубежа и добросовестное изучение исторических и биологических «обозначений». Тот, кто помогает создавать и проводить противоречащие природе границы, тому должно быть ясно, что он тем самым развязывает шедшую на протяжении тысячелетий борьбу, которая неоднократно навязывалась узколобой, корыстной перекройкой семейных владений (вроде Каролингов, Сальверов, Готенштауфенов, Габсбургов¹) за счет границ крупных народов или французским домогательством

отодвинуть подобно некоей фата-моргане «естественную границу» («frontière naturelle») в восточном направлении, противопоставленную понятиям «нейтральная» («neutre») и «расчлененная» («démembrée»).

Когда мы спрашиваем нашего западного соседа, где граница «естественная» («naturelle»), т. е., по его понятию, стабильная, а где она «нейтральная» («neutre»), т. е. ничейная, ради одолжения или жалости, повсюду находится в естественном равновесии, охраняя природные условия и силы по ту и по эту сторону, и где она «расчленена» («démembrée»), т. е. может, по его понятию, изменяться, то, без сомнения, не играла роли так часто представляемая им «теория гребней» («théorie de crêtes»), водоразделов — (в таком случае он не должен был бы переступить гребни Вогезского леса, водораздел между Ронной и Рейном), — но наряду с инерционным и тщеславным моментом истории поддается искушению, которое зачастую мы находим обоснованным в отношении границы и ее земельной подосновы. Каменный уголь, калий, железная руда совершенно особого вида — лотарингская железная руда и возможности ее использования, нефть вызывали соблазн, как в других местах — золото (калифорнийское, восточносибирские залежи с последующими перемещениями границ, маньчжурские месторождения полезных ископаемых и изменение границы между Внутренней Монголией и Маньчжурией!), нефть (Мексика, Месопотамия², Персия³), а также никель (Тихий океан), цинк (Малайский полуостров и выдвинутые по отношению к Сиаму⁴ британские Малайские провинции). Мы обозначаем на картах границы месторождений благородных металлов, каменного угля, калия, железа, меди, цинка и нефтеносные пласты и при этом впадаем в искушение перенести границы на досягаемую поверхность! Мы говорим об экономических районах и областях производства питания районов горных промыслов и, естественно, должны также уметь их отграничивать. Однако зачастую это

нелегко сделать. Так, при попытках посредством особого отграничения выделить особенно богатые полезными ископаемыми промышленные и горные области как гетерогенные организмы из их естественных жизненных форм это удавалось! Как немногие отдавали себе отчет в том, что такое естественные и противоестественные границы Саара, Рурской области, как немногие знали, что Рурская область, — отграниченная по тем же принципам, как и Саарская область, — должна была бы быть в пять раз больше, чем Саар, что в сущности рассмотрение сети коммуникаций и стремительного изменения длины (ширины) квадрата ее координатной сетки, плотности ее линий было надежнейшим средством для сопоставления этих разграничений по Саару, Руру и Рейну, Верхней Висле в Верхней Силезии, где разрушен ныне бессмысленными разрывами разумный, четко действовавший механизм экономики. Подобно географии полезных ископаемых можно говорить также о географии строительных материалов, о некоей «отграниченной территории» кафедрального собора, на основании чего позволительно сделать выводы о тончайших элементах народной и расовой основ, участвующих в проведении границы, о разграничении или взаимодействии больших и малых пространственных образований, о проницательных и близоруких людях⁵. Народные подосновы часто обнаруживают при этом сопоставимые проявления воздействия природных богатств.

Подобное относится и к исследованиям о связях границы и *вида почвы*, об их влиянии на растительный покров среды обитания коренных оседлых жителей и условия существования человека и животных, странствующих по свету. Эти связи не всегда столь ясны, как в уже упоминавшихся случаях отношения темных, тяжелых, доброкачественных индийских черноземов, на которых поселились позже более сильные арийские поселенцы, продвинувшиеся также в Декан, и более бедных красных латеритных земель, зачастую еще покрытых лесом,

которые достались более ранним, более древним племенам, дравидийским⁶ и додравидийским расам, бхилам и гондам. Необычно богато и многоступенчато внешнее проявление этих связей, которое обнаруживает все ступени границы владений — от запечатленного в Священном Писании изречения: «Дуновение ветра течет над очагами, и ты их больше не узнаешь...», от мест, где только зоркий глаз арабского шейха, пасущего стада монгола еще высматривает границы владений в кажущейся вольной степи, вплоть до межи, туго натянутой колючей оградой, пограничной стены, простоявшей тысячелетия, искусно отколотой вертикальной скалы, отмечающей ревниво оберегаемую зону охоты на крупного зверя.

Степные выпасы, границы рыболовной зоны в открытом море с их опознавательными знаками — развевающимися белыми лентами на раскачиваемых ветрами жердях, с буйками и отметками на земле для дальнозорких степных и морских бродяг (номадов)⁷ и межа осмотрительного хлебопашца являются здесь, пожалуй, хорошим прототипом и символом разграничения для дальнозорких и привыкших к большим пространствам, бродящих по суше, бороздящих моря людей и для людей, привязанных к почве, привыкших к скученности, но совершенно по-иному приросших к земле.

Однако с географической точки зрения особенно поддаются анализу связи, которые господствуют между границей и атмосферой и ее проявлениями. Как широко можно было бы проследить их в антропогеографии — что, увы, имело место лишь в отдельных случаях, — это доказывают, например, работы В. Кребса о политическом значении климатологии⁸. В них подтверждаются связи между средней периодичностью около 5,5 года в колебании муссонов, периодичности ливней и засухи в Восточной Азии и голодом, эндемическими и становящимися из-за изменения уровня грунтовых вод пандемическими забо-

леваниями населения и политическими беспорядками. И все эти воздействия следовало бы как-то отграничить и обозначить фактически на карте. Заблуждения в отношении границ, например, проникновения муссонных осадков в более северные области, если речь идет о театре военных действий, могут стать столь роковыми, как ошибочное мнение русских в 1904 г. о невозможности операций в Маньчжурии в сезон дождей, и от этого заблуждения их мучительно исцелил военный успех японцев в это время⁹. Из Альп и Гималаев нам приходят многократные наблюдения за границами распределения света и образования облаков, правильных разграничений определенной окраски облаков и формы облачности, изложенные Геймом в высоконаучном и художественном исследовании «Luftfarber»¹⁰. Однако самые определенные и грандиозные проявления дает нам ветер, регулярно дующий с точностью часового механизма зимой с гор, а летом — в горы, и связанное с распределением осадков появление муссонов и их границ.

Как отчетливо отражается и в атмосфере разграничение гетерогенных жизненных пространств в тонких завесах перистых облаков, пролетающих как отпрыск муссона над плоскогорьями Тибета в противовес своему равным, богатым осадками облакам, которые встают на дыбы над южной стеной могучей высокогорной стремнины в Черрапунджи или над Тераем или концентрированной массой обрушиваются на долину Ганга и Пенджаб¹¹, в конце концов перекатываясь через Гат или высокогорные границы меридиональных русел рек в Индокитай. Это климатическое явление дало имя южнокитайской земле Юньнань: облачный Юг! Никто не поддастся бы искушению назвать так Гуанси или Шэньси. Подобные проявления границы, но меньшего масштаба, показывает перспектива на Север и Юг от Ароза — Вайсхорн, в климатическом рубеже самой высокой вершины Альп.

Там, где одновременно возникает особенно очевидная, отчетливо видимая граница благодаря совпадению многих рубежей естественных зон вблизи нее, — даже в изменениях цвета почвы (чернозем по сравнению с красным латеритом!) в почвенной подоснове, вывернутой наружу (каменноугольные отвалы, отсеvy рудного тела), в очертаниях земли (выезд на равнину, переход возвышенностей моренных насыпей в монотонный хребет третейского периода или в покрытые щебнем равнины), или там, где вдобавок совпадают климатические границы, рубежи распространения растений и животных с такими переходами, — там, вероятно, еще способные к пересечению границы переселенцы часто убеждаются в целесообразности остановок в истории, и притом не какой-то Цезарь, Александр [Македонский], Аларих¹² или Карл [Великий], а на длительный срок господствующая заурядная масса тех, кто шел по их следам.

«In omni autem proelio oculi primi vincuntur...»¹³ — сказал Цезарь. Это же можно сказать о неожиданном исчезновении в культурном ландшафте или об отставании привычных людям спутников — растений и животных, как и об изменениях хорошо знакомой конфигурации страны. Римлянин был бы озадачен, если бы вдруг он не увидел виноградной лозы и благородного каштана, вспаханного поля и всего того, что знал по сельским поэмам (георгикам) как симбиоз сопутствовавших ему растений, а сам оказался бы среди тенистых хвойных лесов, высокогорных пастбищ, дубовых рощ или топей. И почти 2000 лет спустя, в 1805 г., во время марша поздней осенью по швабско-баварскому высокогорному плато полководцы Наполеона¹⁴ писали домой жалостливые письма об его нежитости, и по этим письмам сегодня вряд ли можно узнать излюбленные дачные места северян. Лавр и прочие вечнозеленые вытеснены падубом, пихтой, тисом — жалкими эрзацами для средиземноморского, романского человека.

Малайско-полинезийский склад японца отпугивает его от миграции в северном направлении, где привычные ему растения-спутники — рис, чайный куст, бамбук — уже не растут, хотя все эти три вида переселились именно из южнокитайско-малайского культурного региона позже в японский, скорее северный растительный мир основного острова. Еще сегодня бросаются в глаза такие сопутствующие явления, как общность границ понтийских, чешских поселенцев с известными, не терпящими засухи растениями, венгров — со степными эриками, романских народов — с благородным каштаном, японцев — с рисом, бамбуком, чаем, южных китайцев — с рисом, северных китайцев — с просом, культуры Кишуа¹⁵ — с кукурузой, картофеля, какао, которая поразила уже воинов Писарро¹⁶. Эти факты в свою очередь были связаны с определенными осадками и их границами.

Так сказывается при рассмотрении границы в этой явно аподиктической¹⁷ форме слишком далеко идущее высказывание Ханна: «Любое сельское поле ценно постольку, поскольку оно богато осадками». Фактически отношение к потребности в воде, к раннему воспитанию, связанному с расточительством или бережливостью воды, в большой мере обосновывает установку людей по отношению к границе, в особенности к разграничению через наиболее частые естественные, а потому наиболее понятные границы: по водотоку (Wasserlauf).

Их создает обильно текущая или бережно сохраняемая драгоценная влага. Древняя человеческая память продолжает оказывать действие в частых, упорных и тяжелых схватках за воду и за доступ к ней как «древнейшему достоянию человечества»¹⁸. В ее установке к этому [достоянию] прежде всего различаются привыкший к бережливости поселенец и расточительный. В столь различной установке к границе по водотоку коренится одно из самых тяжелых по своим последствиям романо-германских противоречий, пожалуй, наиболее глубокое в

древнем расовом наследстве, между средиземноморским, североатлантическим человеком, как и альпийцем вообще, и пришедшим с Востока степняком. Выходец с «Ближнего Востока», средиземноморец — грек и римлянин и все произошедшие из их корня рано познают во времена засухи в бедных осадками странах хитроумное установление границы подхода к воде, даже периодические соглашения. Для них крупная река, просто река как граница — близкие понятия.

Германец, как вообще житель областей, богатых осадками, внутренне противится разделению области реки или крупной реки; река, крупная река, ее бассейн — для него единое целое; против водоразделов он охотно создаст широкий защитный пояс, который предназначен лишь для обслуживания пастбища, лесосеки с зонами охоты, общие выпасы, общинную собственность — а не как романец — хитроумную теорию границ по водоразделам. Он охотно образует свои провинции, как, впрочем, и японец, и живущий в горах индеец, из единообразных, замкнутых в себе речных областей с целым, выступающим хинтерландом¹⁹.

В трех главных формах идет нам навстречу (противится) в природе водораздел в своем устанавливающем границу влияния: в высотной форме, в горном гребне, подковообразной окраине плато, в заросшем лесом хребте, в топи и болотах, где часто удивительным образом сталкиваются слухи о непроходимости и факты действительной непроходимости, где фантазия и разум реагируют на них весьма различно, а техника действует без всяких исключений неумолимо в сторону перемен. Горные железные дороги, туннели создают новые проходы, гидротехнические сооружения меняют само направление русла воды, прокладывают даже водоразделы, и один ставший особо известным спор (Чили — Аргентина о границе водораздела, улаженный благодаря британскому решению, т. е. сэру Томасу Холдичу)²⁰ показал, что водоразделы прохо-

дят вовсе не по вершинам гор, где их обозначили при заключении соглашений о границе, а разрывают Кордильеры широкими седловинами. То же самое показывает нам практика прокладки границы по водоразделу как почти невозможной в больших лесных заболоченных областях, даже где такие явления, как разветвление крупной реки на протоки, не противоречат им.

Если речь идет о разновидностях неслыханного многообразия сухопутных границ на основе упорядочения и типизации, что мы заранее хотим попытаться сделать, прежде чем подойдем к некоторым наиболее важным из них, то обнаруживается и в деталях в качестве плодотворной отправной точки грандиозного порядка и проникновения в биологическую сущность сухопутных границ при самых различных условиях существования борющийся дуализм: *враждебность сношениям* — в высшей степени глубоко в своеобразии именно сухопутной границы — и *необходимость сношений*. Удивительной проверкой этого была для тех, кто ее знал, пресека на германо-французской границе в Вогезах.

Здесь первоначально пролегали права выпаса. Работа Кизеля «*Petershüttly, ein Kriegsziel in den Vogesen*» («Петерсхюттли — одна из целей войны в Вогезах») указывает на нее, выдавая нам по ту сторону «расчлененной границы» («*frontière démembrée*») против Франции, Галлии²¹ одно, вовсе не романское название, например Петерсхюттли, и родственные. Мечта о проходимости границы и более широкой перспективе, с одной стороны, обороноспособности — с другой, породила постоянный спор о тенденции ее растягивания, невзирая на местные интересы, и желание использовать локальные преимущества — подобно тому как это определено проявляется на швейцарских кантональных границах или на баварско-тирольской границе из-за побуждений и выгоды охотников. Французская ясность (*clarte*), а также косность форм, желающие ограничить сильное жизненное влечение и фаустовский

натиск, обостряют противоречие, которое часто снова возвращается при прокладке сухопутных границ с помощью различных географических средств. Надежно соответствует и ведет к ним четкая, устоявшаяся граница более сильной пограничной формы; но надежна и непостоянная пограничная форма, которая по сути дела принадлежит более сильному; она сохраняется, даже если более сильный снова отбрасывается в результате собственной мягкотелости и отсутствия инстинкта к такой возможной форме защиты во времена более скромной, ослабшей силы своей жизненной формы. Конечно, сухопутная граница Германии на Западе в конце концов похожа на разрушенную стену, из которой выпали многие весьма ценные камни прежней постройки, которые лежат на чужой, а по меньшей мере уже не на своей земле; восточный же ее рубеж подобен крупному хозяйству, которое растрчивает свое имущество, разбросанное в чужих владениях, и всякая попытка собственного экономического объединения вызывает глумление, но также срывает чуждые объединения.

Многое в этих состояниях из-за отсутствия убедительных, согласованных сухопутных границ, которые на другой стороне протаскивают через внутреннюю часть этого достаточно пестро созерцаемого на карте построения с нежелательной щедростью, было причиной и привело к позиции, которую один умный французский политик назвал «emboite» — «заключенная в ящик». Но и сухопутные границы, которые кажутся на крупномасштабных картах столь же убедительными, как Урал, разрыхляются при пересечении, становясь, как мне известно по собственному опыту, малоубедительными; пограничный камень Европы по ходу «сибирского тракта» со всеми его сентиментальными воспоминаниями—скорее памятник бюрократическому произволу, чем установившей границу природе. И обзор литературы следует также начать со стыдливого признания, что нет убедительного труда о

психологии границы, который был бы справедлив, лишь «рассматривая историю применительно к ее собственным целям» — «inclinationes rerum in proprios fines» (Фома Аквинский)²².

ГЛАВА VIII

СУХОПУТНЫЕ ГРАНИЦЫ И ТРАНСПОРТНЫЕ МАГИСТРАЛИ

В соотношении сухопутных границ и транспортных магистралей, которые пересекают границы, обслуживая более крупные пространственные организмы или устремляясь к ним как к отграниченным государственным жизненным формам, — проблема, стало быть, во внутреннем разногласии именно высокоразвитой границы, в заложенном в ней самой противоречии между ее враждебностью обществу из-за соображений защиты по возможности закрытого на ключ окружения и возрастающим с обеих сторон давлением в пользу контактов, задачей посредничества во взаимопонимании двух сторон, а также «тактичной» передачи собственному Центру дающего стимул эмоционального впечатления об испытываемом другой стороной искушении и о собственной реакции на это вплоть до готовности выполнить его приказ. Итак, выражаясь языком биологии, периферический орган государства готов ко всем возможным состояниям — от дыхания и испарения кожи до образования защитного рогового покрова, до превращения в опорный орган со свойственной ему ассимилирующей, всепоглощающей силой.

Только необычайно богато оснащенные природой и хорошо подготовленные народные переходы (Völkerpforten), оформившиеся в благоприятном месте обычно хорошо закрытых границ, выполняют столь многосторонние требования. Поэтому особенно полезно исследовать

столь известные в истории переходы в Бургундии, Моравии, Индии, ландшафт перевала в провинции Шэньси¹ (Китай)², в какой мере они справлялись с этими требованиями из-за чересчур сильного бремени таких неблагоприятно сложившихся переходных ландшафтов, как Фландрия, Ломбардия, Наварра, Силезия, на века вперед приписанных к военному оркестру (*orchestra belli*) и подавленных как собственный ландшафт, пока наконец их пограничная проблема не была решена на основе естественных компромиссных линий и застыла или окаменела.

В связи с такими исследованиями естественно стремление выяснить виды *образцово защищенных границ и границ, через которые проходят коммуникации*, где дает волю своим страстям та или другая пригодность, а противоречия чахнут. Как интенсивно пульсировало, например, железнодорожное сообщение на некоторых пролетах узкой бельгийско-германской границы старого Германского рейха, пока она не была искалечена к обоюдному ущербу, но какой не представляющей ценности в качестве барьера оказалась там технически совершенная крепость! Напротив, с каким вялым биением пульса происходило движение через русскую границу, несмотря на девять существовавших линий, но какой прочной была ее заградительная способность по ту и другую сторону. Однако как к тому же шутит искусственное пренебрежение, а именно на польско-русских коммуникациях на Висле перед 1914 г. или по Верхнему Рейну сейчас. Чем был Диршау (Тчев)³ перед перекройкой границ в Версале в сношениях между Западной и Восточной Европой, а также с Данцигом и чем стал: некогда важный распределитель кровяного давления на охраняемой продольной связи под защитой границы, ныне структурная помеха в ней. Аналогичные движения вспять наблюдаются в Зундгау, в Меце, а также в бывших опорных пунктах пограничных комму-

никаций Туле и Вердене, весьма разочарованных в своих послевоенных ожиданиях.

Однако это не местно возникшее препятствие особого польского или французского недоверия, а *всеобщее проявление изменившегося геополитического положения*, которое теперь особенно рельефно проявилось в Диршау, где заглох огромный транзитный железнодорожный вокзал, постепенно зарастающий травой и сорняками. Повсюду, где царит недоверие, полицейская и юридическая формальная точка зрения противостоит коммерческой, переступающей формальные границы, продвигающей избыток энергии и благ; в сущности это столь часто проявляющееся противоречие действия и мнения «*lex lata*» в противовес предоставляющему свободу действий в будущем «*lex ferenda*»! При этом несомненно форсированно развивается в качестве коммуникационно-географического закона признанная тенденция растягивания мировых коммуникаций, естественная наука и стремительный, восстающий против препон дух идут рука об руку с торговцем, со способным к расширению народным духом, против пограничных и таможенных окаменелостей, против ограниченных уже в момент сооружения, во многом устаревших, изживших себя форм и преград любого рода.

Непосредственная аналогия с гидравликой — попытайтесь хоть раз перекрыть большим пальцем руки свищ на водопроводной трубе и посмотрите, как долго удастся это выдержать! — учит каждого, способного к естественно-научному наблюдению, что *застывшая оборона* (Defensive) против всякого текущего, даже осязаемого флюида *бесперспективна*! Как безнадежны чисто запретительные попытки блокады против духовного и экономико-географического движения и стремления, которое должно восприниматься лишь культурно-географически! Им успешно противостоит только более сильно устремленная вперед жизнь, удерживающая в любом случае

продолжительное время благоразумную раздробленность, выход наступательных сил по образцу укрепленных отко-сов горного ручья.

Этот общий вывод доказывает, что любая попытка подрыва и расчленения естественных сухопутных и водных путей искусственными, насильственно проведенными и установленными границами на длительный срок в ущерб обоим заключившим договор государствам, так же как и участвующим в общении дальнейшим соучастникам, рано или поздно благодаря неумолимой встряске непризнанных коммуникаций приводит к устранению таких препятствий. Так происходит с известной попыткой обойти «Центральные державы» окольным путем в европейских сношениях Запад — Восток. Но так происходит и в более широких рамках с пренебрежением к проблеме Трёхречья в указанном Р. Челленом месте в Центральной Европе между Рейном, Дунаем и Вислой⁴. Сказанное справедливо для любого другого важного переходного или промежуточного ландшафта между Советами и древними культурными государствами Восточной Азии; в Маньчжурии, между Амуром, Ляохэ и Ялуцзян, где существует совершенно аналогичная проблема Трёхречья и где проявляется в ставших столь актуальными спорных вопросах относительно Китайско-Восточной железной дороги⁵ ее постоянное коммуникационно-географическое воздействие. И здесь русскими была сделана даже попытка обхода с помощью Амурской железной дороги, но и здесь, в Маньчжурии, зона напряжения между океанскими островными державами и замкнутыми степными государствами только тогда может остаться в своих границах, если она сильна как самостоятельная жизненная форма и является хозяином своих основных магистралей — точно так же, как во Внутренней Европе! Многие выводы можно провести оттуда к столь сильно в своей геополитике затуманенному силовому полю между Рейнской областью, расположенными уступами землями Дуная и ландшафтом Вислы!

Во всех трех ситуациях большую роль играет также вопрос о том, насколько широко можно сдерживать блокаду границы в областях с высокой плотностью коммуникаций, с высокоразвитыми основными магистралями против давления населения извне, против по необходимости неизбежного, незаметного переселения наряду с контролируемой иммиграцией, которые можно отразить с помощью силы, оборонительной охраны или войск.

Задача несомненно облегчается, если удастся создать промежуточную зону в виде таможенных границ, отделяющих пограничные области и округа от хинтерланда; если, следовательно, можно создать организации, промежуточные структуры, о которых мы уже упоминали как о понятии особой замкнутости — «*confinitio*», пограничного сообщества внутри более крупных общин, «замкнутого пространства» — «*confinium*».

Итак, следует сразу же прояснить отношение между *finēs* — рубежом и *confinium* — замкнутым пространством. *Confinium*!

Это многозначное слово, переводимое как пограничный рубеж, пограничная полоса, пограничная земля, совокупность отграниченности, передает естественное ощущение труднодостижимого единства жизни.

В старой Австрии, в Южном Тироле, имелись «романские замкнутые пространства»; *confinium* называлась также славонская военная граница⁶; чисто пограничный орган, творение принца Евгения⁷ против турок. Существовало устройство «приграничного округа», порожденное верным пограничным инстинктом старых господствующих слоев имперского государства, который позже им был утрачен в процессе быстрого отмирания. Аналогичное происходило, отразившись в именах, с «имперской землей» Эльзас-Лотарингия; аналогичное — с областью Босния, которая управлялась общим министром финансов: защитный орган Венгрии, в основном оплачиваемый Австрией с ее более высокой квотой. Однако собственная

организация рубежа вводит опасное понятие *буфера*, понятие *зоны гласиса*, которая не принадлежит органически к целому, может быть отторгнута от него извне без существенного ущерба, потому что именно она не была органически включена. Это следует особо принимать в расчет при образовании пограничных транспортных узлов, транзитных железнодорожных вокзалов (Вервье-Гербешталь! Верхняя Силезия, Одерберг)! Как неизменно продолжающие привлекать противоположную сторону удобные осязаемые сооружения, они легко пробуждают на той стороне страстное влечение, особый соблазн к действию близ границы, чей пульс — протекающее все время перед глазами богатство.

Политическая мудрость римлян завещала нам наказание замкнутым пространством: изгнание, заключение, ограничение, которое запрещает объявленным вне закона все выходы из окруженного пространства, т. е. в первую очередь подчеркивает враждебность такой границы сношениям. Оно возродилось снова как интернирование, как пребывание в определенном крае, в определенном месте, как обязательность своевременной прописки в самой мягкой форме, а обернулось его самой грубой формой — концентрационным лагерем бурской войны⁸, национальным изгнанием немцев в результате англосаксонского колониального господства и благодаря Франции⁹. Только следуя обстоятельствам, можно увидеть здесь аналогию. Во всех устроенных по имперскому образцу, растущих в силовом отношении державах есть «пределы» (*fines*) и «фронты» (*frontes*), каковыми уже всегда ощущались государственные границы Римской империи, в качестве переменчивых предполий, по меньшей мере в добрые времена биологической жизненности. «*Limes*», Реннштейг¹⁰, ряды окопов — более поздние виды несостоятельной жизненной силы. Хорошие времена позволяли добиваться своих прав перед заграждениями и пограничными валами путем окрашивания кровеносной системы империи на дорожных

картах в более яркие тона, но без указания самих границ. Как внушительна, например, мраморная карта римских дорог в музее на Капитолии!¹¹ Только постепенно становящаяся все более замысловатой сеть дорог показывает конечные стадии и переходные пространства империи. Это позволяет в отношении «*fines*» узнать огромное значение понятий «дороги» — римские (*via*), китайские (*tao-dô*), о чем напоминает выражение: «All human progress resolves itself into the building of new roads»¹². Но каждая новая дорога, разумеется, пересекает, преодолевает границу по меньшей мере в представлении поколения, при жизни которого она была построена.

«*Natio*» и «*imperium*» — схожие многозначные ключевые слова, унаследованные от Древнего Рима. Гёте перевел нацию как «*Volkheit*» — «народный дух»; а что есть в сущности «*imperium*»? Как естественное слово оно всегда было известно римскому, британскому государствообразующим народам в своей способности к изменению, но как спорно оно для нас, подобно слову «рейх»! Способность римского государствообразующего народа создавать понятия для всего его окружения и потомков была на Востоке, пожалуй, достигнута лишь китайцами, которым мы, например, благодарны за китайский символ границы, в то же время способствующий восприятию, примерно сопоставимому с нашей оградой, с обсаженным растениями укрепленным валом.

Надзор за сношениями на стыке сухопутных и морских, морских и речных коммуникаций намного легче, чем за сухопутными путями сообщения, тем не менее развитие железных дорог, больших двухколейных сквозных линий с огромными транзитными железнодорожными вокзалами, действующими как порты, сближает отношения. Сравните, например, убедительные труды молодого Виссмана об изоляции старого австрийского железнодорожного сообщения¹³ с изображением китайской морской таможни и ее контрольной сети — одного из самых

действенных и дешевых сооружений по надзору за перемещением иностранцев у крупных народов и в обширных экономических областях. Еще больше задача облегчается при въезде в Соединенные Штаты, которые, как Япония, соорудили лишь несколько крупных въездных ворот для обслуживания своих потребностей, сдерживая тем самым нежелательный приток, в особенности чужих рас. Но здесь сухопутная граница с Канадой и в особенности с Мексикой обнаруживает в общении между границей и людьми большое место, где просто возрождаются, как страсть к алкоголю, отношения, свойственные раннему историческому этапу. Однако и эти наиболее защищенные среди крупных жизненных форм Земли, даже лучше всего защищенные современными техническими средствами пограничные области, испытывают текучесть сношений людей и капитала, прежде всего как излюбленного средства соблазна и возбуждения народов. Именно соблазн средств сообщения должен способствовать своей исключительно искусной ловкостью победе общения над границей. Как бессилён барьер против опиума во всей Азии — от Персии до Японии!

Богатые наблюдения за отношением между возможностью отграничения и давлением коммуникаций, учитывая нежелательные побочные проявления, позволяют выявить последствия распространения пандемических болезней вдоль основных магистралей через границу. Ценные исследования в этом направлении опубликовал Пех-Винн, например, в своих картах переносчиков чумы, в картографическом наблюдении за распространением чумы тарбаганом¹⁴; было также установлено распространение холеры, инфлюэнцы¹⁵.

И все же медицинской географии недостает обобщающего материала наблюдений. Именно для отражения такого массового смертельного врага человека, как пандемические эпидемии, уносящие жизни людей болезни в их поразительном проявлении, еще требуются скорее всего

те или иные уходящие в прошлое наблюдения. Но как часто обращали внимание лишь на симптомы, побочные явления и боролись с ними, позволяя беспрепятственно пройти истинным виновникам! Однако как свободно удавалось опасным политическим бациллоносителям преодолеть даже хорошо защищенные границы!

Именно перед лицом почти миллиона прокаженных в Китае, полностью разваленных многих наблюдательных служб против холеры и чумы в охваченной боями современной Азии возникают здесь серьезные опасности на узких предполях культуры, которые в действительности не представляют собой широкого, основательного мира культуры, и его защита ныне значительно хуже, чем, быть может, даже во время тифозных лагерей мировой войны.

Из развития *санитарных границ* происходит, собственно говоря, и понятие «кордон», которое прежде всего предусматривает наблюдение на большую глубину сопредельной территории. В памяти в данном случае воскресает картина лесного пожара, когда действует как защита встречная полоса огня. Просеки, траншеи вдоль железной дороги, кроличья изгородь, проволочный забор — все они домогаются той же максимально вытянутой, просматриваемой линии. Естественно, здесь есть опора, главная помощь от разделяющих частей моря. Они защищали от высокоинфицированных областей благодаря строгой береговой гигиене островного карантина Японскую империю; они облегчили ей, как мы знаем из истории, одну из наиболее совершенных блокад границы в период 1636—1854 гг., когда ни один человек не мог фактически пересечь в том или ином направлении вопреки воле правительства сегуна границу империи с ее развитым побережьем, охватывавшим тогда около 27 тыс. км.

Однако, возможно, в этом скрывается приятное предзнаменование, что желтый флаг «карантина», который своим столь устрашающим цветом знака «желтого Петра» возвещает по праву грозную блокаду, для многих все же и

цвет эйфории. Видимо, все же таковы дружественные возможности развития, чтобы и защитные, и коммуникационные функции границы со временем привели к лучшему взаимопониманию, чем это может признать сегодня объективный, склонный к сопоставлениям географ и геополитически мыслящий исследователь с наилучшими намерениями, чем существуют сейчас. Здесь было бы первое практическое поле деятельности для провозвестников пан-Европы¹⁶, Лиги Наций¹⁷ и «тысячелетнего рейха» — но для этого им следовало бы практически взяться за тернии и крапиву¹⁸, но на такое способны лишь аскеты и пророки дела, а не слова¹⁹.

ГЛАВА IX

ОБ ИСКУССТВЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГРАНИЦ

«On boundary making»¹ — так в разгар охватившего мир военного психоза сэр Томас Холдич, один из испытаннейших практических творцов границ в новейшей истории, отец ставшего знаменитым разграничения между Чили и Аргентиной, озаглавил свое сочинение, открыв тем самым тайну. Это был тот самый человек, который дал меткое определение «безмерной стоимости географического невежества», а уж он-то понимал кое-что в деле.

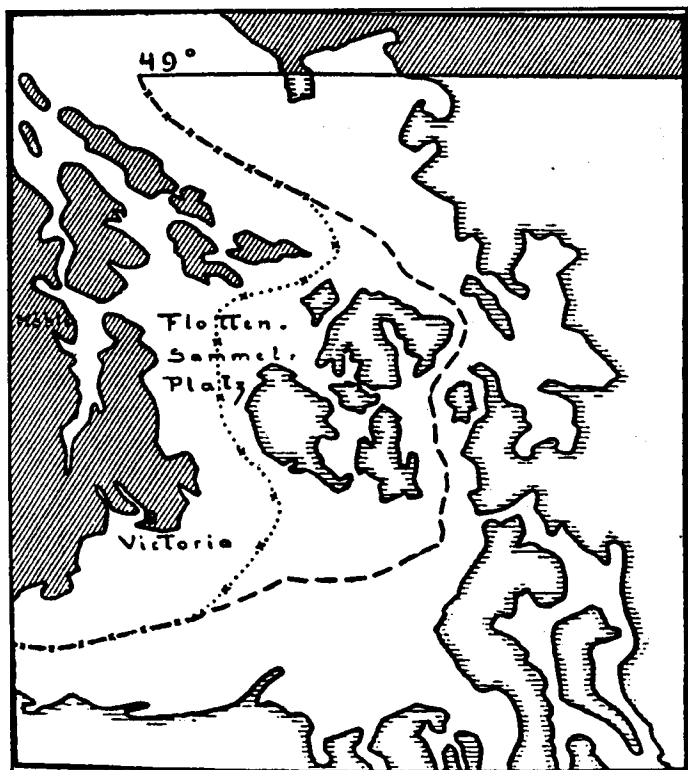
Итак, в простом словосочетании «делание границ» заключена все же доля мрачной политической иронии, со времен Шекспира еще не полностью вымершей в англосаксонстве. Можно ли «делать» и устанавливать границы, или же их следует не часто «создавать», а еще лучше «разрешать им быть», если они считаются благом для отграниченных? В действительности проведение границ — поистине высокое искусство. Недаром в древности это считалось «делом богов» и было облечено разнообразными

народными преданиями и эзотерическими государственными философами в блеск мистерий².

Решающее различие, стало быть, в том, является ли создаваемая граница односторонне авторитарной, устанавливаемой путем насилия другой стороны, как, к сожалению, многие границы человечества, или же она возникает и вырастает из обоюдного самоопределения. О том, какая нелепость зарождалась в результате авторитарной компиляции (искажения) границ за зеленым столом [переговоров] при, как правило, всеобщей географической необразованности народных и государственных представителей, откровенно рассказывает сэръ Томас Холдич. Для него, практика индийско-афганского и чилийско-аргентинского разграничений, на первом плане проблема практической пригодности границы, прежде всего возможность ее проведения при переносе с зеленого стола на местность. Дипломатическая компиляция границы возникает для него чаще всего лишь при попытке ее демаркации.

Опытнейший специалист по разграничению [владений] Британской империи беспощадно разоблачает, предчувствуя еще во время бушевавшей мировой войны то, что раскрыло потом заключение мира 1919 г., продемонстрировав неясность понятий, неосведомленность не только в географической реальности вещей, сущности дела, но и в простейшем искусстве чтения карт дипломатами, ведущими государственными мужами и парламентариями.

В качестве смягчающего обстоятельства следует лишь признать, что наука, на первых порах принимавшая участие, при всем избытке понятий также внесла мало ясности и сама создала для занятых честным поиском в ней и сетующих неразбериху в понимании политических, общественно-политических и государственно-правовых, пригодных в естественно-научном смысле, естественных

Американо-канадская граница в проливе Хуан-де Фука, отделяющем канадский остров Ванкувер от территории штата Вашингтон (США).

Flotten-Sammelplatz — пункт сосредоточения военно-морских сил.

Victoria (Виктория) — главный город Ванкувера, административный центр провинции Британская Колумбия (Канада).

и дарованных природой границ, что вполне пригodiлось для ловли рыбы в мутной воде, для замешательства формальных душ и их сознательного или неосознанного заблуждения.

С реальной, эффективной, имеющей практическое значение границей мы были знакомы до сих пор как компромиссом между резкими отклонениями во взглядах. Имеют ли при этом место все же такие аномалии, как даже при отношении Ратцеля (который все-таки является поборником здравого человеческого разума, порожденно-го жизнью, против формалистов) к *границе по градусам*, которую он обозначает как «природную»? Значит, продуманная линия должна быть естественной границей, хотя она, например, между Канадой и Соединенными Штатами, на расстоянии более 2 тыс. км проведена наобум, напрямик, и на выход к Тихому океану, где она сливается с образовавшимися (генетическими) поистине природными границами, ведя к абсолютно абсурдным геополитическим отношениям на границе, изображенным мною на собственной схеме в книге «Геополитика Тихого океана»³. Такой промах дает затем Г. Вагнеру, и впрямь хранителю формы, возможность как защитнику фактически в данном случае признанного Ратцелем естественного права выступить против него.

Нужно, однако, хоть раз самому — где возможно, с хорошей лупой в одной руке и цейсовским биноклем в другой — осмотреть снеговую линию, границу леса или иной растительности, «подножие» горы, «главный гребень», «водораздел» в тропиках, попытаться установить пограничное предполье болота, даже линию берега моря (уже ботанический сад обнаруживает замысловатость поддержания зоны отмелей!), не говоря уже об истинной прибрежной линии в мангровом болоте, чтобы убедиться, что жизнь не терпит так называемые аккуратные разделы, что природа не расположена к прямым, проведенным на картах линиям, часто насмехается над ними. Даже линия улицы, линия строений, т. е. нечто искусственное, на совершенно прямой улице изобилует правовым коварством и сервитутами — от развесистого дерева, отношения к организму улицы и его многочисленным правам до

свободно бегающей собаки. Насколько резка бездна в общем плане между практикой и теорией!

Сэр Томас Холдич в своем сочинении о «делании границ» говорит с жестокой издевкой о проведении границы «у подножия горы», которая со всеми разновидностями, таящими в себе неожиданные неприятности, переходит в другие виды ландшафта, или же о границе «в трех километрах южнее течения реки», при определении которой надо снова искать крайне опасный для жизни переход через реку в нескольких сотнях метров, то и дело обходить непреодолимые обрывы плоскогорья, а тысячелетние права выпаса и трассы общения постоянно пересекаются подобным же образом, как, например, имело место на венгерской, румынской и южнославянской границах в бывшей Венгрии.

Практика проведения границ сталкивается прежде всего с многочисленными остаточными состояниями (рудиментами), с которыми ей приходится разбираться. «Подвластные», тесно связанные малые пространства, картографически доступные пониманию, и незафиксированные, традиционные состояния пограничного общества нематериального и материального типов, транзитные права, права выпаса, религиозные территориальные притязания, проистекающие из древнеримского деления на провинции, культурные структуры, берущие свои истоки из давно исчезнувших имперских образований, политическая зависть, экономически важные доступы к реке, права водопоя, заявки на разработку полезных ископаемых должны быть подвергнуты девальвации. Сказываются признаки былой утраты инстинкта, следы юридического своенравия; но, разумеется, и упорное удержание претензий и прав, как, скажем, в случае с благоприобретенными сервитутами в частных владениях, — причины, которые часто сильнее вновь возникших границ. Как упорно придерживается, например, и нынешний Китай, «цветущее Срединное народное государство»,

своих суверенных прав в отношении внешних территорий, исходя из опыта, что оно, временно утратив их, вновь обрело, как только волна пошла вверх, поскольку лишь в критический период сохранялась претензия. С подобной же планомерностью и целеустремленностью успешно действует римская церковь⁴.

В целом же мы находим гораздо большую свободу и надгосударственного движения земельных владений на планете, больший обмен пространством, чем полагает оперирующее малым пространством центральноевропейское представление о делении границ на длительный срок. «Безопасность» не есть правило, а исключение.

Важным для понятия «делание границ» является прежде всего представление исполнителя об изображаемом и неизображаемом на границе. Многие сервитуты допустимо изобразить на картах и таким образом зафиксировать; другие полностью не поддаются начертанию в горизонтальной проекции и ее возможностям.

Как раз понятие «углубление» в родную землю и жизненная форма отечества с установленными рубежами исключают чисто плоскостное изменение пространства как окончательное и удовлетворительное. Ибо в таком случае такие типично однозначные сооружения, культурные свидетельства, как имперские крепости Эльзаса, фигура рыжебородого⁵ в Кайзерсберге, который теперь перекрестили в «Свободную гору» (как будто с этим исчез бы Гейлер⁶ из религиозной немецкой истории!), Страсбургский кафедральный собор, должны были бы пойти вспять!

Даже если мы интересуемся границами высокоразвитых культурных ландшафтов, то и тогда обнаруживаем при самой примитивной границе выпаса, при пересечении привычных летних и зимних перегонов на выпасы раннего культурного ландшафта то же самое противоречие между прокладыванием границы на бумаге и на местности. Например, Берлейн в книге «*A difficult frontier*» («Трудная граница») точно указывает, что практически невозможно

провести современную границу между Албанией и государством южных славян⁷ по Белому Дрину, что здесь преграждают путь участки, захваченные простым грабежом лишь к выгоде итальянских заправил. В декабре 1926 г. мы видим вновь возродившимся это опасное место. Схожее таят в Вогезский лес (Мюнстерталы!), и Вале.

Для значимости нашего собственного представления о нетронутых и ставших культурным ландшафтом границах, с одной стороны, и созданных искусственно — с другой, ценно то, что мы различия ищем, например, в глубинах морей и рек, где они достаточно легко обнаруживаются в зажатом в тиски фатерланде (глубины Химзе, окопы на Рейне). Здесь хорошо видно, что вырастает на протяжении столетий из состояния культурного равновесия в противовес неустойчивым пограничным территориям что следует понимать под переходным фильтром, под развитами или еще скрытыми состояниями на границе.

Центральной, или Внутренней, Европе с ее высокой плотностью населения стало почти чуждым явление — *предусмотрительный перенос* границ на новые, привлекательные для культивирования земли: та работа, из которой на основе искусства топографии выросла практика городского строительства в Соединенных Штатах, чему обучался в молодости Джордж Вашингтон⁸. Еще раньше мы в Центральной Европе оказываемся, к сожалению, в положении наблюдателей за *обратным развитием*, ибо и наша немецкая граница почти повсюду показывает стадии отхода, позволяя иногда думать о стянувшихся на теле биологических рубцах, об откатывающемся к морю отливе, о тающем в Альпах глетчере. Разве такие названия, как Англия, Франция, Ломбардия, Андалузия, — не свидетели возвратного образования границ народов?

К плодотворным сравнениям, навеянным воспоминанием, которое все же может быть близко и многим читателям, подводит также рассмотрение «фронтов» мировой войны как временных границ с почти всеми свойственны-

ми им жизненными проявлениями границы. Как мало фактически изменилось благодаря формальным мирным договорам в напрашивающихся здесь аналогиях, показывает изучение изощренных увечий границ, появившихся с тех пор вследствие Версальского договора, например, из толкования части II, ст. 28 мирного договора о доступе к Рейну и Висле. При этом становятся очевидны и дальнейшие нарушения Договора даже в отношении этих искалеченных прав, как и в результате нарушения части IV, раздела VIII, ст. 156 — 158 Вашингтонской конференции⁹: следовательно, и де-факто и де-юре это уже многократно продырявленный документ. Подобное кропание сказывается по всей Земле: в старой империи Габсбургов, в Албании¹⁰, в южной части Тихого океана (Науру)¹¹. Даже граница между Аляской и Канадой в качестве приобретенного силой чужеземного наследия, в данном случае русско-английского договора 16 (28) февраля 1825 г., как обнаруживается, обременяет нового приобретателя.

Это благоприятное стечение обстоятельств, что суровейшие повороты против неспособности создать границы, против непомерной стоимости географического невежества исходили из англосаксонских источников, и мы должны присоединиться к ним, ив учтивость к пока еще господствующей в современном мире расе. Особо ценные конструктивные замечания, прежде всего об изображаемом и неизображаемом на картах языковых границ, содержатся в книге Н. Кребса об альпийских странах¹² и в сопроводительном слове Р. Зигера и доктора М. Сидарича к лингвистическим картам Тироля, Каринтии, Штирии и Бургенланда¹³.

Материалы для сравнений дают нам опыты почти всех экспедиций по обозначению и устройству границ, например, германо-французской в Камеруне, и их эмпирика непосредственно связана с двумя следующими главами [этой книги] о различном отношении мира природы и мира духа к биологически правильной, требованиями

жизни на Земле защищенной и санкционированной границе и с вопросом: необходимо ли воспитание пограничного чувства? Весьма щепетильным ответом на него мы по необходимости завершим первую часть этих исследований. Затем последуют разработки об отношении исследователя границ к понятию «искусственные границы».

Однако предпосылка таких исследований — то, что условия существования жизненной формы, к которой принадлежишь сам, так вобрал в себя, что неестественные увечья и совершенные над ней насилия столь же болезненны, как подобные действия на собственной коже. Лишь благодаря такому восприятию к научной объективности будут присовокупляться и необходимая тонкость восприятия в отношении враждебного жизни противоестественного делания границ, и чувство, что, борясь против него в собственном деле, борешься против такового в интересах человечества. Именно это чувство необходимо немцу, чтобы хоть как-то верить в справедливость своего дела.

ГЛАВА X

ОТНОШЕНИЕ МИРА ПРИРОДЫ И МИРА ДУХА К БИОЛОГИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНОЙ ГРАНИЦЕ

О неспособности чисто гуманитарных наук (теологии, юриспруденции, оторванных от земли или боящихся ее общественно-политических наук) создать биологически правильные, т. е. мало-мальски прочные на века (стабильные) и способные к переменам (эволюционные), убедительные границы, вместо биологически неверных, нестабильных, а поэтому чреватых войнами и переворотами, свидетельствует нынешняя судьба Земли, и в особенно-

сти Европы: ибо те, кто представлял эти науки, до сих пор обладали влиятельным голосом при установлении границ.

Г. Э. Г. Катлин исследует, должно ли влияние общественных наук всегда неизбежно отставать от естественных¹. Он не ставит под сомнение факт. Где же «Град божий» и его покой? Где «Вечный мир», где «Свобода морей», где так прочно подтвержденная экономикой еще в 1914 г. невозможность длительной войны? Куда исчезли из практики разграничения борющихся за существование жизненных форм на поверхности Земли все возвышенные и чванные слова, которыми гордятся гуманитарные науки при паузах в борьбе и которые улетучиваются, как только она вновь начинает бушевать? *Civitas del, pax aeterna, lieberum mare, jus gentium...*²

Естественная наука более трезво и более уверенно стоит на земле в отношении проблемы границы, не витает в облаках, покуда еще не готов строительный грунт. После серьезного анализа и стольких сомнений она нуждается в синтезе и противопоставляет «*Ignorabimus*»³ одного выбора борьбы за существование другому, который с самого начала ориентирован на текучесть целостности и, как нам кажется, более смело смотрит в лицо природной данности.

Но именно ввиду порчи и искалечения Внутренней, Центральной и Промежуточной Европы *важность позитивных решений* представляется нам актуальной. Предварительным условием этого является, видимо, изучение земных пространств, вынужденных чаще всего испытывать напряженность из-за неестественных, антибиологических границ, по образцу исследования, предпринятого К. Лёшом⁴ для изучения панъевропейского мышления⁵.

Ведь вовсе нельзя исключать опасность того, что дерзкие на слова представители экстремистского утопического противоположного полюса именно в среде сбитых с толку гуманитарными науками многомиллионных масс добиваются их опрометчивого согласия и при этом

достигают практически возможности рокового влияния. Эта опасность уже угрожающе близка именно ввиду несомненного кризиса скорее гуманитарных наук, чем естественных, и об этом свидетельствуют только что появившиеся различные, широко распространенные работы⁶.

Главные области потрясений Европы.
Заштрихованы государства — главные области потрясений Европы: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Болгария.

Два противоречия, имеющие огромное географическое значение, подчеркивают связь географии и социологии с противоположных полюсов. С одной стороны, это идеи Монтейна о передвижении жизненных форм в жизненном пространстве сообразно их способности заполнять границы, которые — исходя из литоральной (голландской) ориентации автора — касаются, естественно, лишь континентальных жизненных форм, например, Европы, ибо островные и прибрежные жизненные формы прочно закрыты морем и побережьем! Монтейн представляет

мышление неопределенного перемещения границы по Земле сообразно натиску жизни, следовательно, нового предела земельных владений народов каждые несколько лет согласно рождаемости, «Тайка»⁷ в целом, как ее испытали японцы уже в 645—652 гг. нашей эры⁸.

С другой стороны, мы видим роль неомальтузианства⁹ в качестве хранителя границ, как, например, домыслил ее воображением социолога Уэллс¹⁰, т. е. точку зрения обладателей пространства, обрекающую на принудительный застой народы, не имеющие достаточных резервов жизненного пространства, и исходящую из представления о возможном ограничении рождаемости в перенаселенных, имеющих тесное пространство жизненных форм. Эта точка зрения, если внести ясность, родом из опустошенного войной, окруженного землей манчестерского¹¹ быта. Таковы две особенно резкие противоположности с сопутствующими им экономическим эгоизмом и материализмом в своей грубейшей форме. Вокруг этих [точек зрения] могут сталкиваться при этом поборники классовой борьбы — работодатель и наемный работник, капиталист мирового масштаба и социалист!

«Мы раскрасили это [пространство] на карте в красный цвет и затем оставили пустующим», — заявляет австралийский друг людей, имея в виду, с одной стороны, огромные резервы территорий Северной Австралии для 30 млн жителей и констатируя — с другой, что поблизости, в азиатской части Земли, происходит регулирование перенаселенности, например, в китайской провинции Гуанси, в результате численность населения из-за голода и массовой смертности колеблется между 6—16 млн и что в 1920 г. свыше 21 млн в долине Хуанхэ фактически не имели никаких иных средств пропитания, кроме древесной коры, растительных остатков и внешней благотворительности.

Но именно в сфере пограничных идеологий экономический эгоизм проявляет себя как прескверный советчик

и фальсификатор. Мы знаем это по столь близкой нам рейнской и альпийской границам, об этом напоминает нам возникновение империи Лотарей¹² и истребление народов на протяжении более чем тысячи лет, потому что главная составная часть владения Каролингов на Маасе и Мозеле должна была оставаться неприкосновенной для старейшин, дабы сохранить в одних руках важнейшие культурные и хозяйственные пути — а именно связь Рим—Рона—Рейн — для духовных движений и торговли того времени. Так гуманитарные науки в пору своего засилья устанавливают нежизнеспособные границы, хотя они продолжают действовать, не поддаваясь корректировке с помощью естественно-научных знаний.

Этот особенно захватывающий опыт можно дополнить многими другими острыми случаями, скрытыми проблемами, каковые имеются в Южной Америке, или примерами угасающих, застывших образований, как в Пиренеях. Однако образцом, особенно достойным упоминания, представляется нам папа римский Александр VI¹³. Определенная им граница, а затем одним из его наследников повторно проведенная, ставшая всемирно-известной демаркационная линия между испанским и португальским империализмом, будучи разрушенной в 1493 и 1506 гг., действовала до 1845 г. в своих последних формальных обозначениях. Лишь 1 января 1845 г. Филиппины, входившие на основе этой линии в границу времени испанско-американского государства, подключились к календарю Восточной Азии, к которому они принадлежат согласно природе движения Солнца!

Еще и сегодня вследствие такого произвольного проведения границы большая Бразилия с ее 30 млн португальскоязычного смешанного населения существует как самое крупное государство и одновременно как чужеродное тело в испански-колонизованной Латинской Америке. Это создает на границе скрытое напряжение, которое возникло там из-за того, что огромные пространства, завое-

ванные извне, были расчленены и разграничены согласно локально чуждым, созданным гуманитарными науками представлениям, в то время как внутренние границы прежних колониальных государств только теперь в силу внутренней естественной необходимости постепенно приводятся в равновесие¹⁴.

В 1493 г. и 1506—1845 гг. фикция действовала непосредственно, а опосредованно она действует и сегодня.

Существенные разъяснения о большей или меньшей способности отдельных интеллектуальных сообществ признать биологически правильные границы, установить ранее сохранявшиеся также при временном перемещении дает, например, сравнение иерархического Атласа¹⁵ с другими в качестве особенно устойчивых, проверенных краеведением разграничений, о чем можно узнать из трудов Б. Песслера¹⁶. Британская точка зрения изложена в работе Э. Г. Хилса «The geography of international frontiers»¹⁷ или более широкие взгляды, учитывая военную истерию, в работе Л. В. Лайда «Types of political frontiers in Europe»¹⁸.

Самые резкие противоречия среди новейших имен, как мне представляется, — в сочинении А. М. М. Монтейна «Ein neues Volkerrechtsprinzip» с дальнейшим крайним развитием идей Ратцеля о постоянном смещении и передвижении границ, а также в сообщениях Уэллса и его друзей с Вашингтонской конференции.

Эти сообщения, лейтмотив которых обращен ко всем жизненным формам с большой плотностью населения, с постоянным ростом населения и сильным напором жизни (Внутренняя Европа, Италия, Япония и Китай), — не что иное, как открытое или закамуфлированное напоминание о необходимости приноровиться к неомальтузианству. Но это в сущности нечто иное, чем грубое изречение Клемансо¹⁹ о «vingt millions de trop»²⁰ или Людовика XIV. Точка зрения Фенелона²¹ в отношении рейнской границы, высказанная в его знаменитом письме, настолько

обличительна, что нам, с внутриевропейской точки зрения, нечего к ней добавить.

«Это была с самого начала чисто реваншистская война, поэтому все расширения территории, которым она действовала, были несправедливы с самого начала. Разумеется, Вашему Величеству²² кажется, что заключенные мирные договора должны прикрывать эту несправедливость; но мирные договора, как известно, побежденные подписывают не по доброй воле. Естественно, их подписывают, когда одному к горлу приставят нож. Подписывают, как отдают свой кошелек, когда нет выбора: деньги или жизнь.

Это даже не позволяет выставить в качестве аргумента, что Вы имели право известные места удерживать потому, что они служат укреплению Ваших границ. Никогда у нас не было потребности беречь свою безопасность, не было права отбирать землю у нашего соседа. Вы властно продиктовали мир и его условия, вместо того чтобы урегулировать его справедливо и умеренно. Поэтому такой мир не может быть постоянным. Вы ни разу внутри границ не придерживались этого, столь бесцеремонно Вами продиктованного мира. В разгар мира Вы продолжали вести войну и новые захваты! Такое поведение возбудило против Вас и противопоставило Вам всю Европу. Даже нейтралы с нетерпением ждут дня, когда Вы ослабеете и станете покорным».

Таков Фенелон. Разве это не сохраняет силу и сегодня?

А Уэллс, столь настойчиво цепляясь за самобытность идей, не знает в этом случае ничего иного, кроме избитой мудрости рантье: «На до мной не каплет!» Потому что это подходит британской, французской, бельгийской и нидерландской колониальным империям (а также временно до их перехода точки насыщения в Северной Америке (примерно в 1950 г.) и Соединенным Штатам) в пределах их пространств с плотностью населения соответственно 7, 9,

15 и 26 человек на кв. км, а другие крупные жизненные формы должны довольствоваться своими богоданными малопространственными связностями при плотности населения от 133 (Германия) до 200 (Южная и Центральная Япония), до 140 и более (Италия). Так может продолжаться до тех пор, пока другие, более жизнеспособные расы, вынужденные [обстоятельствами], не обратятся за своей долей — хотя именно сильнейшие, обладающие жизненным рвением расы современных белых культуртрегеров пришли в упадок как раз благодаря этому методу. Япония же отвергает его.

Однако подобными пошлостями такой очень остроумный, духовно богатый человек, как Уэллс, в своих сочинениях о Вашингтонской конференции и в последующие годы попытался убаюкивать одну даму, объехавшую большую часть Востока — древнего культурного пояса Старого Света, по поводу сокращения рождаемости в Восточной Азии такой же покорностью своей судьбе в урезанном пространстве, какая, как полагали, уже достигнута во Внутренней Европе. Как мало на самом деле была достигнута цель, какое крушение потерпели, следовательно, посланцы гуманитарных наук со своей позицией вечных границ растущих народов на Дальнем Востоке, ныне это отражается пламенем в освободительном движении в Южном Китае, в мятеже сельскохозяйственных рабочих на Яве (где плотность населения достигает 300 человек на кв. км) и в выборе самоопределения в Индии. Итак, в этих точках зрения мы не находим ничего нового, кроме запутанных формул для старых аргументов, уже часто выдвигавшихся экономическим эгоизмом.

Однако фактически новыми в известной степени являются попытки Монтейна гуманитарное и естественнонаучное знание склонить к сотрудничеству в осознании границ, которые должны изменяться сообразно жизнеспособности. Вместо сдавливания Внутренней Европы при любой терпимой мере завинчиванием предохранительного

клапана, как это происходит ныне (причем взрыв границ рано или поздно неотвратим), полагает Монтейн, следует сохранять на будущее возможность продвижения на Восток всех европейских жизненных форм. При этом необходимо смягчить суровость далекоидущего права выбора подданства и защиты прав меньшинств. Следовательно, это был бы возврат в обратном смысле к переселению народов, причем только чисто разумный расчет, который как раз и создал «привязку к земле», исключает все невосомые ценности. Вслед за этим каждый должен решать по разумению вопрос: вера или родина? Либо крепко держаться за свою родину, но при допущении чужеземного господства, либо сменить подданство, переселившись под отодвигаемым на Восток флагом! Это предполагает некую степень рационализма, и его подсказывает лишь сложившийся в долголетней практике тип новой американской фермы — с проволочной оградой, грудой консервных банок, освоением новых земель, если хищническое хозяйствование на первом участке истощило почву.

Вспоминают об указанной Ратцелем опасной беде, которую мыслящие крупным пространством государственные мужи из заморских государств могли бы причинить Европе своими представлениями о сопоставимости пространства, обращаюсь к исторически столь малопропространственной, но глубоко укоренившейся в почве коренной области²³. В предложенном пространстве мысли Монтейна нереализуемы. Они еще менее осуществимы физически, чем морально, на такой обремененной истерией почве, как центральноевропейская, несмотря на взаимное общение населения между Элладой и Ангорой²⁴. Однако эти мысли указывают скорее на все еще плодотворную крайность, чем на неспособную к развитию косную точку зрения, проповедуемую Уэллсом в качестве представителя англосаксонства.

Эта небольшая работа Монтейна, рассматривающая с естественнонаучных позиций [проблему границ] и называющая ряд других интересных инициатив в схожем на-

правлении, более плодотворна возможностями, более богата начинаниями, из которых могут подняться свершения будущих дней, чем косное противопоставление однажды ниспровергнутых параграфов: последняя мудрость, к которой до сих пор обращались на практике попытки гуманитарных наук, склоняющихся к изменению нетерпимого состояния в проведении границ на бумаге вопреки существующему жизненному праву свободно дышать. Естественнонаучная сторона географии побудила по крайней мере рассмотреть также проблему перенаселенности Земли как необходимую проблему переноса границ. Когда же возобладает разум?

Но чтобы всю энергию обновленного народа снова направить на изобретение достаточного жизненного пространства после огромных постыдных, пустых затрат, нужен единоклубный, целостный взгляд всех слоев населения, понимание недостаточности нынешнего жизненного пространства и несостоятельности его нынешних границ. Он может быть достигнут лишь благодаря тому, что весь народ будет воспитан не на тупом чувстве давления недостаточного жизненного пространства, нехватки воздуха, мучительной скученности, а на осознанном чувстве границы во всем ее охвате. Такому воспитанию должны служить как гуманитарные, так и естественные науки. Именно к вопросу о возможности и пути воспитания осознанного чувства границы мы и обращаемся как к кульминации нашего исследования!

ГЛАВА XI

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ГРАНИЦЫ

В одном решающем, судьбоносном именно для немцев вопросе рассматриваемая в нашей работе проблема достигает своей кульминации: существует ли воспитание чувства границы на географической основе, которое может

иметь всеобщую значимость для культуры, политики и экономики? Является ли чувство границы объективным, поддающимся научному изучению и изложению, делая в конечном счете политическую волю инстинктивно достаточно безопасной и позволяя почувствовать любое исходящее извне давление на собственные границы с почти теллепатической чуткостью, за что Уэхара прославляет японцев¹. Существует ли некое вечно настороженное чувство границы, которое повсеместно применимо — даже для тончайших, едва уловимых антропогеографических разграничений, как и для простого, очевидного коммуникационного, оборонительного или экономического рубежа, для как раз еще постижимого с географической точки зрения духовного разделения, как и для четких, заимствованных у природы и ею установленных границ, вплоть до изменяемого человеком климатического рубежа² и внешне неизбежного разъединения с помощью незаселенности? Если подобное воспитание существует, то в таком случае оно может, стало быть, опереться лишь на зримые, осязаемые остатки, — запечатленные, подобно рунам, в связанных с Землей и определяемых ею процессах на поверхности планеты.

Именно они должны быть исходными для такого, по необходимости прежде всего геополитического воспитания — без робости перед сложным культурным ландшафтом, — ведущего к продуманным высоко духовным последствиям. Торный путь указывает И. Зольх³ в серии своих сочинений, начинающейся «рассмотрением естественных границ в научной географии» и содержащей, кроме того, превосходно аргументированную дискуссию с современными трудами о границе в ценнейших примечаниях. Из труда Зольха вытекает примечательный факт, а именно: в области исследований границы мы можем прямо различать два исключительных исторических и географических типа образований как наиболее впечатляющих. Поборники первого типа отдают предпочтение

островным и морским народам, а поборники второго — народам, живущим в горах (группа Зингер, Зольх, Мауль, как всегда, исходят из своего первого влечения — северной известняковой альпийской пограничной зоны), в то время как степь — широкопространственная стихия, накладывающая сильный отпечаток, естественно, отступает на задний план в этой интеллектуальной борьбе⁴.

Исследуя впечатления о воспитателях, представляющих в нашей науке не одиночек, а группы, образующие школу, мы различаем с пользой для себя *интенсивный и экстенсивный* методы работы — один скорее углубляющийся регионально, другой — скорее идущий вширь. При этом первым пользуются преимущественно поборники народов гор, побывавшие в горных ландшафтах, долинах, высоких плато и на их окраинах с обрывистыми склонами и ставшие благодаря опыту крупными, зрелыми исследователями; вторым — больше те, кто обучен в основном чувству границы на морском жизненном опыте; в Германии — это Пенк, Фольц, Заппер, Берманн, Тукерманн и др., в Британии — Керзон, Фосетт, Холдич, Лайд, Перси М. Роксби, Земпле и др., в Америке — Фрезер и Мэхен.

Редким является, собственно говоря, использование одним и тем же исследователем обоих методов рассмотрения, как это характерно для универсального метода Ратцеля, который, с одной стороны, признает антагонизм между океанской и континентальной [жизненными формами] самым крупным в судьбе народов, а с другой — воздает должное своеобразию гор и их укромнейших отдельных переходов — метода, представленного в его непревзойденном сочинении «*Alpen inmitten der geschichtlichen Bewegungen*» («Альпы во время исторических движений»). Кроме того, воспитание с учетом ландшафта, народных и даже племенных различий, одним словом ландшафтного происхождения и шлифовки, как правило, в жизненном деле пограничного воспитания добывается прочного признания.

В целом у народов переход от эмпирики, от пограничного инстинкта к осознанному научному наблюдению совершается поздно. Еще реже и позднее — почти всегда для соответствующей жизненной формы слишком поздно — следует второй шаг от осмысленного научного наблюдения к планомерному воспитанию, и это тем более вызывает удивление ввиду раннего, а то и внезапного появления отдельных наблюдений. Даже созерцание удивительных проявлений осознанного восприятия границы, ее сознательной защиты, например, в древних культурных империях, как в Римской, Китайской, Индийской, поверженных молодыми народами, скорее пугает их; они робко взирают на стены и пограничные оборонительные сооружения на чужбине (в которых видят подавление своего чувства силы, своей широкой пространственности), так что это зрелище побуждает их учиться, как надо возводить и защищать границы. Большие различия, связанные с происхождением, выступают при этом и внутри нации, и тем резче и неожиданнее рядом, чем гениальнее народы, вожди.

К наиболее знаменитым, исторически достаточно подтвержденным примерами нашего народа наряду с записками Цезаря о гелльетах и алеманнах⁵ — одним из самых ранних памятников, блестяще передавших чувство границы у германских племен, принадлежит ставшее известным благодаря истории готов Иордана⁶ требование короля гепидов⁷ Фастиды к остготам: они должны уступить ему земли, потому что гепиды «благодаря крутым горам и густым лесам чувствовали себя слишком стесненными», — требование о расширении границы, которое затем ведет к сражению на реке Олт. Это скромный сюжет из целой трагедии взлома границы на Дунае, описанной Иоганном Бюлером в богатой источниками работе «Die Germanen in der Völkerwanderung» («Германцы в переселении народов»)⁸.

Среди этих источников один из поразительных — «*Vita Severini*» («Жизнь святого Северина») — апостола Норика⁹, содержащий одно из немногих достоверных наблюдений за удивительным пограничным инстинктом баваров в отношении области их обитания в районе баварского и южнобогемского леса, вокруг которого они кружились словно вокруг своей оси в ходе колонизации, не упуская из виду эту стену леса, обширную лесную крепость Богемии, — место их изначального расселения. Разумеется, это пример привязанности баваров к родине уже в ранние времена в противоположность столь многим другим германским племенам — андалузцам, ломбардам и прочим, которые, не имея границ и опоры, исчезли вплоть до имен в чужой народности. Борьба романского и германского пограничных образований, развивавшегося при этом чувства границы, естественно, одна из поучительнейших для Внутренней Европы сокровищниц, добытая трудами Юнга и Бидерманна¹⁰ и вновь прокомментированная Р. Борхардтом¹¹ на удачно выбранном, одном-единственном примере отношения германцев и романских народов к «вилле», т. е. на контрасте романского и германского земельных владений.

Обобщая отдельные проявления возможностей группового воспитания чувства границы, а у нас их предостаточно, мы сразу же обнаруживаем огромнейшую опасность ведущего к бесплодности воспитания в одном направлении, одной слишком резкой дефиниции, одностороннего юридически и исторически ретроспективного видения границы, любой казуистики, любого поиска линии во что бы то ни стало, как противящейся законам жизни на Земле и поэтому обреченной на провалы точки зрения биологического вида. Об этом следует предупредить особо, так как она — именно из излишней справедливости, педантичного правдолюбия, а также явной несговорчивости — как раз в Центральной Европе

соответствует определенным предпочтениям в гуманитарных науках и побуждает их приверженцев, склонных к чистому анализу, вовсе не заниматься созиданием.

Однако в *практике* воспитания чувства границы необходимо видеть ее предполя, знать переходы и принимать их в расчет, а также состояние атмосферы, ветра, обтекающего их пределы, их ясные очертания. Это привносит в политико-географическую картину противостояния жизненных форм государств и народов, культурных кругов и хозяйственных культур, отграниченных друг от друга, пограничную фразеологию, некую форму политического «лицемерия».

Характерно, что островные народы с их более почувствованной атмосферой *намного легче*, чем континентальные народы, принимают в расчет данный факт, острее противопоставляют краски, гораздо резче видят побережье против побережья. Достаточно вспомнить картины Тернера, Уистлера¹², а также японских или раннекитайских художников, изображающих прибрежные ландшафты!

«Широкая» русская натура, у которой иные задатки, сохранила подвижный образ восприятия границы, возможно, благодаря атмосфере северного леса; этот образ — продукт скорее подзольной зоны¹³, чем черноземной на Украине и в просторах степи со свойственным им смешанным душевным настроем.

Следовательно, сравнительные наблюдения за границей и здесь необходимы в переносном смысле! Они побуждают к особой тонкости, где речь идет о культурно-географическом чувстве границы. Здесь существуют в особенности религиозно-географические и церковно-организационные разграничения, которые обнаруживают тонкий инстинкт пограничных исследователей, чья многогранность может побудить к обобщениям. Исследования Вюста о трансформации буддизма в ламаизм¹⁴ при переходе боль-

шой естественной границы¹⁵ — Гималаев, различное поведение церкви в отношении образования церковных приходов в горах и на равнине служат указанием на то, как следует проводить такие исследования. Следует учитывать и наслоения культур, на что обращает внимание Понтен в своих художественно-географических изысканиях¹⁶.

Где, к примеру, можно разграничить замедленный ритм образа действий, характерный для особенно устойчивых структур горных стран (как показывают новые швейцарские исследования в области искусства) по отношению к пространствам с нормальным ритмом развития? Где эти нормальные пространства снова находят границы с пространствами, у которых опережающий в разрезе времени темп культуры, как собственно долины Рейна и Роны и части средиземноморского побережья?

Культурно-географические симптомы часто выдают куда более ощутимо, чем политические, грядущие политические переносы границ и переоценки, и я пытался это проследить в «Geopolitik des Pazifischen Ozeans» для тихоокеанского региона.

В свете сказанного *политическое чувство границы* (чувство такта в соприкосновении!) представляется нам, пожалуй, привитым воспитанием своеобразием индивидуумов и народов. Кто хочет этому содействовать, должен по необходимости, испробуя все дополнительные средства, выходить за пределы чистого наблюдения за властью и искать прежде всего в политическом силовом поле Земли образцы в высшей степени утонченного периферического ощущения пространства незаурядной личностью государства, воплощенного во всех отдельных ячейках государственного строительства, а не только, как чаще всего, в отдельных частях народа, сословий и классов. Такой образец с завидной силой обнаруживается в Японской империи, и это я пытался доказать в вышедшей под тем же названием книге¹⁷.

Трудности, которые сохраняются в распространении чувства общности целой нации в отношении ощущения границы (например, из-за такого внутреннего своеобразия структуры, как замкнутость жизненного пространства в Германии), для географического исследования вполне постижимы. К счастью, это и пути воспитания к их преодолению, иными словами, *ощущение границы индивидуумом и массой* в своем взаимодействии доступно не только социологическим и психологическим методам исследования, но и чисто географическим с особым коэффициентом полезного действия¹⁸.

Необходимо при этом вспомнить, например, о восприятии климатических рубежей Гельпахом, изложившим свои наблюдения в основополагающих научных исследованиях, посвященных «геопсихическим явлениям». Эти наблюдения близки каждому знатоку, сопоставляющему собственное земное пространство и отдельные чуждые ему по своей сущности пространства. Разумеется, такие исследования находятся лишь в самом начале; еще недостает важных наблюдений.

Но почин сделан! Что он может быть положен географическим, а не только геофизическим, метеорологическим методом, показывает, например, труд Гейма об особенностях ветра, подобного тому, который возникает только на окраине Альп, высоко над морем, на подходе к холмогорью, следовательно, совершенно отчетливо географически «отграничено» возможное место его возникновения благодаря такому своеобразию. Опираясь на отдельные строительные камни, можно найти путь к рассмотрению индивидуального и массового психического ощущения в связи с давлением на периферические органы жизненной формы по аналогии с геопсихическими явлениями, которые нельзя отвергать и для культурно-географических и политических напряженностей, таких, как примеры блокады (изоляции), и для опасностей внешне-политического приближения границы.

В подобной воспитательной работе, конечно, требуется высшее слияние образного воздействия искусства с научным обучением — и это слияние выступает в достойном похвалы, возникшем без особых усилий, зрелом, насыщенном серьезнейшей наукой произведении А. Гейма, написанном им в последние годы жизни. Оба направления могут идти рука об руку лишь по узкому скальному гребню, и срыв то в фантастику и мистику, а то в поучительную трезвость уже не возникает в сознании как психически действенная опасность. Постоянно настороженная творческая совесть создателя, предварительная научная работа должны предотвращать такой срыв. Наивысшая личная «деликатность», с одной стороны, хорошее знание «психологии толпы» и силы, поднимающей энергию, тонус, возбудимость, настроение индивидуума — с другой, — предпосылка для эффективной способности воспитания чувства границы в нациях.

Совершающаяся на инструменте творческой силы воображения игра (*imagination creatrice*) — чтобы не вызывать крайнего раздражения при ином творческом воображении — предполагает тончайший научный контрольный аппарат создателя. «Настройка и результат»¹⁹, взаимосвязь которых следует рассматривать не иначе как интуитивную при формировании предпосылок искусного воспитания, — таковым является создание атмосферы для геополитического отдаленного чувства! — должны быть приведены в тончайшее равновесие. Следствием этого будет плодотворное, убедительное, основанное на философском знании и все-таки ведущее к практическим делам, к боевому участию как личности, так и масс воспитание чувства границы. Наконец, оно может помочь предвидеть натиск на границу отдельных лиц, групп и масс.

Лишь в таком случае воспитание становится осознанным возвратом к инстинкту самосохранения — на более высоком уровне!

ГЛАВА XII

ИСКУССТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ

Возвысить полное жизни современное понимание сущности границ и привлекательное восприятие естественных и искусственных границ индивидуумами, группами, нацией в целом мы признали наиважнейшей целью в воспитании чувства границы. Достигнув этой цели, такое воспитание должно в конечном счете воплотиться в более высокое осознание принадлежности друг другу, в более сильное чувство единства жизненной формы всего народа, даже в почти телепатическую чуткость отдаленной пограничной опасности, что мы наблюдаем в Японии. Только тогда народ способен и в более высоких рамках организации части Света или человеческой общности в целом вносить свой вклад в мировую культуру как сплоченный, отграниченный природой и искусством характер, а не как шизофреническая личность, чье достижение при всей гениальности будет в конце концов развеяно ветром и сломлено целенаправленным инородным нажимом на границе.

Что такое возвышение возможно без околичностей для естественной, данной природой границы средствами географии, географии культуры или экономической географии, явствует из имеющегося у нас опыта. В отдельных, особенно характерных проявлениях — водораздел, крупная река, горы, растительный пояс и т. д. — такую возможность все еще приходится исследовать, тогда как для моря и анэйкумены она уже налицо. Труднее обстоит с вопросом относительно *понятия «искусственная граница»*. Может ли пройти мимо этого географ, задача которого объяснить все изначально находящиеся в пространственной связи с поверхностью Земли явления и их обратное воздействие на преобразование этой поверхности? Может ли он сказать, что их объяснение — лишь дело по-

литики, экономической науки, наконец, таможенника или пограничного контролера? Или же он не должен все-таки пытаться на более высоком уровне, исходя из, пожалуй, единственного, действительно еще всеобщего образования нашего поколения — географического, дать *объяснение, описание* по крайней мере в таких минимальных пределах, когда вступают специалисты с их профессиональными разъяснениями? Это ключевой вопрос данной главы!

Естественный ландшафт и культурный ландшафт, подверженные *частому распаду*, кажутся вечным беспокоеством, лежащим в основе проблемы *учения об искусственных границах*. Насколько широко, согласно Зупану¹, можно обозначить искусственные границы в качестве «невидимых»? Границы, которые все же сильно разделяют как данное Землей в своем влиянии на властные, культурные, правовые жизненные формы, границы, которые при видовых и расовых различиях определенных преобладающих типов даже в переходных ландшафтах переносятся из жизни на карты, могут ли они быть объяснены по своему месторождению как разделительные зоны, которые как границы культурного круга, как искусственные географические разграничения ставят культурно-морфологические, но разрешимые картографически проблемы?

Предметом весьма обширной научной проблемы, инициированной Пассарге, несомненно было бы сведение воедино и сопоставление *всех префиксов* [к слову] география² и их комментирование. Фактически немногие проявления жизни при описании их географически нельзя дополнить впереди стоящим словом «география» как составной частью, а именно: антропогеография (Antropogeographie), география архитектуры (Architektur-geographie), география народонаселения (Bevölkerungs-geographie), география строительных материалов (Baustoff-geographie), география торговли (Handelsgeographie), военная география (Militargeographie), география растений

(Pflanzengeographie), география искусства (Kunstgeographie), география культуры (Kulturgeographie), религиозная география (Religionsgeographie), география колонизации (Siedlungsgeographie), география городов (Stadtgeographie), география животного мира (Tiergeographie), география средств сообщения (Verkehrsgeographie), география укреплений (Wehrgeographie) и экономическая география (Wirtschaftsgeographie). Это — всего лишь несколько общепринятых вариантов, выбранных из многих!

География океанов (Ozeanogeographie), география морей (Geographie der Meere), география континентов (Geographie der Festländer) и многое другое только из-за неуклюжести словообразования защищены от подобного применения; но в смысловом отношении существуют и они. Аналогичным образом можно было бы поступить при подборе общепринятых выражений для искусственных границ путем присоединения впереди стоящих составных частей к слову «граница». Например, уже прижились внутренняя таможенная граница (*кит.* Likin), «линия», финансовая граница, военная граница, укрепленная граница, правовая граница, морская таможенная граница и внешняя таможенная граница. Граница территориальных вод, рыболовная граница, граница между прибрежным, внутренним морским рыболовством и рыболовством в открытом море в их связи с дальностью стрельбы артиллерии», границы «дрейфа», салюта, граница запретной зоны для подводных лодок, твердые санитарные границы — все они, как мы видим, в новейшее время играют слишком серьезную, важную роль, чтобы пристальнее рассмотреть их возможное, стремительно вспыхнувшее значение, оппорить их объективность, тем не менее называя все это «искусственными границами».

Особенно противоестественные внутренние границы можно описать как «чисто административные границы» и таким образом мягко уклониться от окончательного обес-

ценения с географической точки зрения, которое они в противном случае испытали бы. Зупан хотел представить внутренние границы лишь как «законодательные» (legislative), как будто этим было бы легче оправдать сумасбродство при проведении границы, чем самой географией, если она устанавливает границы, не выдерживающие критического взгляда естественных наук.

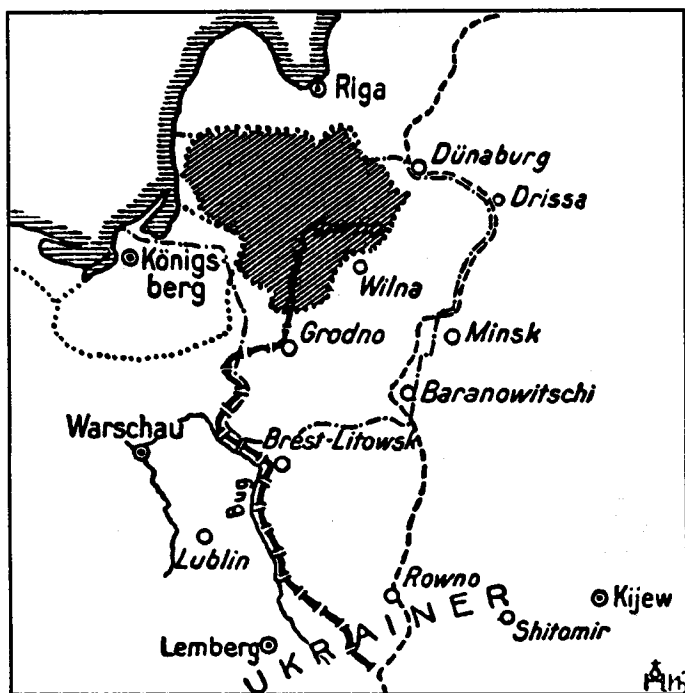
К сожалению, и здесь фактически также обнаруживаются постоянные переоценки, и география с ее арсеналом средств прилагает все усилия, чтобы поспеть за быстрыми переменами облика культурного ландшафта, например, в индустриальных районах. Старый метод съемки местности давно несостоятелен; на помощь должна прийти аэрофотосъемка. Так, в этой постоянной переоценке становится типичным не только *перенос дальности стрельбы артиллерии* от нескольких сотен метров до нынешних 128 км — от побережья до противоположного побережья, — т. е. увеличение до 256 км, в два раза, но и рост промышленной зоны, границы большого города. Постигание этих перемен экономическая география все же не может с уверенностью уступить одной только экономической науке, совершенно не вооруженной картографическими инструментами для их учета.

Предвидя такие практические случаи, навязываемые нам вызовом времени, мы можем во всяком случае подойти исторически и к *развитию искусственных границ*. Тогда уже в собирательстве и ранней культуре можно обнаружить необычайно раннее проявление маркшейдерских прав, и сегодня все еще запечатленных в сборе ягод и грибов, в сборе плавника. Быстрый подъем приводит к весьма усовершенствованным, но все же хорошо узнаваемым по признакам охотничьим и рыболовным границам, границам степных выпасов с их летучими, галопирующими кочевниками; рубежам предполий защитного леса наших предков, еще и сегодня проходящих во круг африканских государств, которые вряд ли заметит

не занимающийся охотой. Жители лесной зоны охотно ищут *охраняемые рубежи*, кочевой народ — границы сношений и при искусственных формах границы; древний обычай накладывается и на искусственное образование! Наилучшим образом запечатленные типы мы находим, следовательно, там, где в чистом виде сохранился контраст лесного, степного и лёссового ландшафтов с более редкими саванного типа древесными насаждениями (Hart). Наряду с этим существуют переходные страны, где необычайно трудно провести научно обоснованные искусственные границы, как мы это установили, исследуя романо-германскую культурную границу, как это произошло с германо-польской культурной границей³, русско-польской и другими на линии Керзона⁴ перед Рижским договором⁵.

Особую географическую привлекательность имеет вопрос, насколько широко реальные культурные границы можно представить как искусственные. Ведь часто они существуют в «культуре» в узком смысле, например, достаточно зримо уже в обработке земли — контраст выпаса и пашни, влаголюбивой и суходольной растительности (рис — просо) — и время от времени находятся в неразделимом взаимодействии с искусственно созданными границами, например, германский хвойный лес — с Лимесом длиной 542 км, монгольские выпасы открытой степи — с Китайской стеной протяженностью 2450 км. В обоих случаях искусственная граница, запечатленная на Земле, была одновременно связана с рубежами культур: римской и китайской системами сельского хозяйства, с одной стороны, и германским кочевым производством на лесных и лёссовых поверхностях и монгольским в открытой степи — с другой.

Религиозно-географические границы или, точнее, границы мировоззрений, доступные пониманию с точки зрения общественных наук (социологические) и все же одновременно запечатленные Землей, ею определяемые (гео-

Линия Керзона и пограничные вождения Литвы.

политические) — как они *проявляют себя* в пространстве, так что они должны быть восприняты и учитываться географией, — сколь тягостным для них может быть взаимообогащение?

Прежде всего здесь есть определяемая землей, выросшая на почве форма культового места, храмового сооружения, могильника, ступы, мечети, могущественной ортодоксальной церкви с куполами и греческим адитоном, ранней римской церкви, развившейся из базилики⁶; здесь существуют в соперничающих религиях столь примечательные контрасты, как между буддийской терой и

синтоистской мией⁷ в Японии или между постройками ислама и дравидийской культуры Индии, что — наряду со множеством мелких святынь — придает конструкции пограничного рубежа вполне доступный пониманию важный географический отпечаток.

Далее, существуют местные градации священных фигур, например, типа Будды, распятия, заменяющей символы иератической плоской декорации ислама. Эти градации указывают, как далеко распространялись культурные покровы, вплоть до культурного слоя, оставленного ими, который все-таки должен быть также обозначен картографически, отмечен границами и осмыслен, подобно определенным видам могильников с их предметами культа.

Имеются настоящие сухопутные границы, проведенные антропогеографическими рунами самых разных культурных кругов: Турфан⁸, Гвалиор⁹, Ангкорват¹⁰, Илион (Троя)¹¹, где, сняв напластования культурных слоев, можно было бы установить отдельные проявления границ.

География не должна упускать из виду даже обозначения границ блуждающими по Земле носителями знаков рубежей, запечатленных, к примеру, в определенных предпочтительных видах животных или в различиях людей, как отличаются в Индии друг от друга те, кто почитает Шиву, а кто — Вишну¹².

В данном случае внутри тех же самых рас проложена четко узнаваемая широкая искусственная граница между группами людей, которую обычно прокладывают расовые различия между расами. Знание этих границ даже в отдельном случае должно было бы заставить географию и политику остановиться на этом. Есть, однако, много случаев, и они встречаются по всей Земле, — не только, скажем, семито-арийский антагонизм, противостояние цветных против белых, кровных японцев против айнов и эта¹³, малайцев и полинезийцев — жителей побережья против ториадья¹⁴ — обитателей внутренних районов в Тихом океане, которые являются одной из наиболее распростра-

ненных политико-географических сил, вызывающих напряженность, противопоставляя типы людей, расы, виды, касты и в конечном счете личности.

Даже такое различие, как его изволила признать, например, «Манчестер гардиан» (июнь 1922 г.), а именно противоположность между людьми алчными, жаждущими владеть (*possessive men, men of property, of a having nature*)¹⁵, и людьми робеющими (*unpossessive men*)¹⁶, причем в довершение всего жаждущий приобретений тип вовсе не совпадает со стремящимся владеть — было бы, вероятно, весьма доступно картографической, отграничивающей деятельности. Согласно этой точке зрения можно было бы наверняка отграничить как отдельные, так и общественные группы, нации. Естественно, с такой точки зрения подлежали бы разграничению и эпохи («Викторианский век»¹⁷, «Сага о Форсайтах»).

Как противостояли друг другу, скажем, в Бисмарке и Лассале повелитель и пособник власти, в качестве совершенно понятных ведущих типовых групп населения и предостережения сохранить социологические границы «дружественно связующими», этому учит отношение Бисмарка к Лассалу в позитивном и негативном смыслах¹⁸.

Проведение искусственных границ между невесомым, имеющим к ним отношение, — высокое искусство, которому мы можем во многом поучиться у оппонентов и у географии культуры с ее новыми и смелыми методами. «Африканский атлас» Л. Фробениуса определенно является примером смелой, культурно-географической решимости в поиске и установлении границ, при которой, разумеется, все встает на самородность основ! Фактически нам необходимо иметь культурно-географические и экономико-географические *основательные карты*, затем атласы в таком объеме, какой в обозримое время недостижим (к этому идеалу ближе всего подошли Соединенные Штаты с их колоссальными денежными ресурсами), чтобы с их помощью получить такие данные для проведения

искусственных границ, которые обеспечили бы верное с точки зрения границ мировидение.

Все же трудность задачи не дает основания на длительное время отказаться от ее решения лишь в пользу столь несовершенной эмпирики, где ныне возникла слишком широко открытая наукой брешь. Именно интенсивная разработка искусственных границ во время войны выдающимися представителями географии показывает все-таки наряду с их готовностью помочь и осознание упущений! Однако она показывает в послевоенной работе и несомненный поворот к лучшему, поворот, которому тщетно противятся отдельные представители старых школ.

ГЛАВА XIII

ГРАДАЦИЯ ПОГРАНИЧНЫХ РУБЕЖЕЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ, ВЕЛИЧИНЕ И ЦЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ РАЗГРАНИЧЕНИЮ

Если мы попытаемся определить достоинство и значение границы по политической важности, величине и ценности подлежащих разграничению пространств, то ближе всего подойдем к общепринятым понятиям границ частей Света и земного пространства, границ империи и государства (с проблемой наднациональных связностей), границ земель, провинций и округов (обремененных территориальной проблемой), наконец, границ поселений, которые снова разделяют аналогичные или противоположные поселения на два больших типа городской и сельской границ, где обнаруживает свой злой умысел в результате жесткого, дисгармоничного импульса урбанизма проблема разрастания городов за счет сельской местности¹.

Однако мы сразу же признаем, как мало говорят нам эти широкораспространенные понятия, как они в сущности относительны, ибо могут быть изменены извне в результате соответствующего международно-правового, государственно-правового процесса и местного законодательства буквально одним росчерком пера, хотя и не без того, чтобы по-иному использовать самые мелочи в их биологической самобытности. Здесь животрепещущий вопрос между абсолютным и относительным действием. Естественно, мы можем просто вычислить грубую механическую величину давления на границу из глубины подлежащего защите пространства² и, показав его составные части, сравнить давление-частное ($D_{\text{ruckquotient}}$)³.

Но уже здесь начинается несоответствие между шириной и глубиной пространства и не связанной с этим плотностью населения, кинетической энергией, а она способна столь серьезно изменить его ценность, что при менее обширном пространстве может быть намного более мощной и обладающей большей силой инерции, чем при более обширном, и действующей иначе, сообразно тому, как укреплен соответствующий «хинтерланд», пространство которого, естественно, снова разделено на прочные структуры округов и ячеек, так сказать, поперечными перегородками или же не разделено и безбрежно переполняется населением.

Если мы попытаемся выяснить правдоподобные границы частей Света, или частей мира, следовательно, границы пространства самого крупного масштаба, то умалывается значение некоторых известных в истории зон борьбы: Геллеспонта, Босфора, Геркулесовых столбов⁴, Урала, Кавказа, зоны Суэцкого канала (Пелузий⁴ и Газа⁵ с их серией битв) и «ворот слез» (Баб-эль-Мандеб)⁶, перешейков между Северной и Южной Америкой, не только уже проглоченной Севером [т. е. США] Панамы, но и Никарагуа — столь оспариваемых в 1927 г., — Теуантепека⁷. Равно как и знаменитой «линии Уоллеса», ожесточенная

борьба за которую ведется до сих пор, естественно лишь в сфере науки, и которая хотела отграничить географически в австрало-азиатском Срединном море современную «Терра Australis», животный и растительный мир Азии, — смелая, теперь почти безнадежная попытка. Плотность населения Юго-Восточной Азии и незаселенность Австралии позволяют, конечно, подозревать здесь не только зону научных сражений будущего.

А разграничены ли части Земли, части Света так, как это мы спокойно делаем по-школьному? Продвигаясь от одного океанографического рубежа к другому, мы свыкаемся с распространением тихоокеанского типа вокруг Зондских островов далеко в Индийский океан, который обычно считается самостоятельным пространством. Мы признаем течения Босфора в сущности лишь затопленной речной долиной, Дарданеллы, Гибралтарский пролив, а не только искусственные Суэцкий и Панамский каналы⁹, которые нужно рассматривать в совокупности не просто благодаря изобате или фарватеру, — отделимыми канальными зонами. Мы обнаруживаем в сущности физически неразделимую, сообщающуюся поверхность воды, сливающиеся культурные границы и другие антропогеографические образования, продолжающиеся по ту и другую сторону, не изолированные водотоком естественные условия существования, как Новые Кордильеры, пояс пустынь Старого Света, африканский метод ирригации в качестве хозяйственно-географической необходимости по обе стороны Гибралтарского пролива и дальше в направлении Испании¹⁰.

Итак, даже у границ, представляющихся нам сквозь тысячелетия традиционными и устойчивыми, мы видим крупные формы, которые охватывают весь земной шар и лишь локально на протяжении всех разграничений играют взаимопроникающую роль важного малого крепостного укрепления (Kleinfestigungswerk). Напрашивается мысль о том, что только охватывающие Землю планетар-

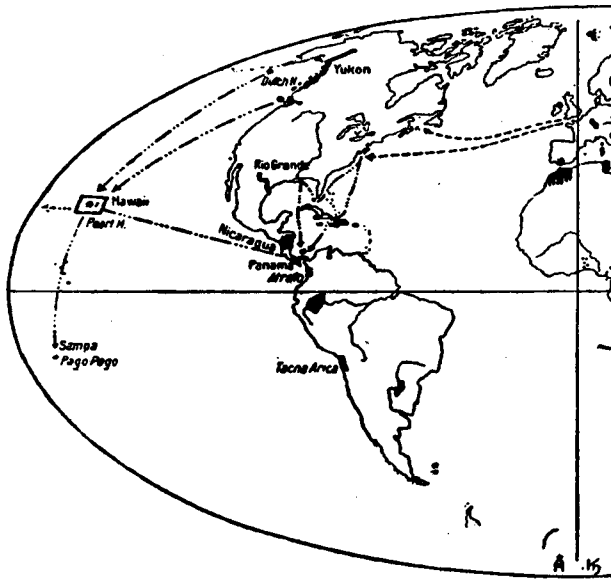
ные крупные формы, подобные растянутым дугам западной части Тихого океана, молодым горным цепям Старого и Нового Света, огромным частям моря, как Атлантическая расселина, имеют право постоянно разделять большие части Земли. Но подобное внутреннее разделительное право и связанная с ним сила отграничения не подошли бы соответственно таким формам, какие обязаны своим существованием скорее местным капризам природы, как и человечества, чем крупным закономерностям. Однако развитие человечества, устанавливающего границы своих крупных пространств, происходило, к сожалению, не согласно столь широким географическим представлениям. Прежде долгое время на нас навели ужас географические представления, какие недавно получены передвижением «крепостей (замков) страны» (Landfesten), изменением казавшихся незыблемыми, терпимыми рубежей на таком пути, чтобы и это считать лишь возможным или дискуссионным. Итак, приводящий нас в замешательство избыток пограничных оборонительных сооружений на малом пространстве все же приятнее, чем внушающее тревогу общее правило, из которого проистекают последние и самые второстепенные практические случаи; а именно избыток, который от упомянутых выше планетарных пограничных проявлений опускается до уровня топографически доступной пониманию малой формы, до технически управляемого, столь привычного сегодня разграничения, например, между сельскохозяйственной, лесохозяйственной, садоводчески используемой землей, до спора о стоимости полезной сельскохозяйственной земли и своеобразии строительной площадки на периферии большого города, вытекающего из абсолютно фиктивных мнений о цене.

И здесь на повестке дня переоценка ценностей. Стоит лишь вспомнить о тех маленьких алеманнских сельских общинах, которые, не обладая прозорливостью, некогда разделились вблизи водопада Шафхаузена¹¹ чисто

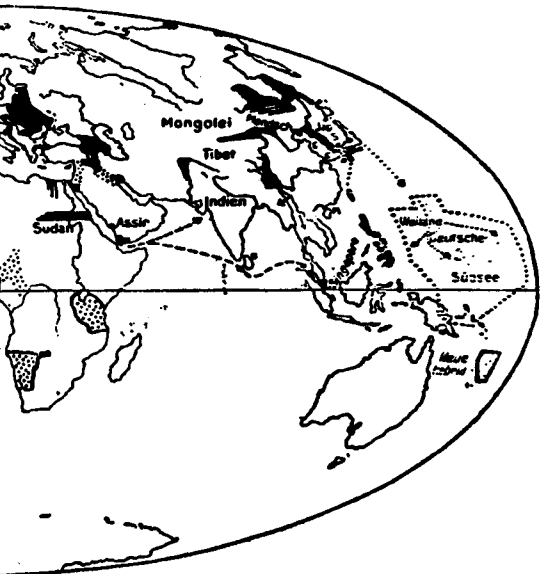
межевой границей и затем внезапно испытали, сколь глубока пропасть между участием в мировой войне и нейтралитетом, между приятным изобилием и голодом, между свободой мировой торговли и блокадой части мира, пропасть, образовавшаяся на границе их полей, которая прежде все же была проложена для другого, а не для такого разделения. Или же уясните себе, что еще и сегодня большая часть жителей баварского происхождения враждебно противостоит переоценке своей границы с Богемией — от внутренней границы к расовому рубежу, своей границы по реке Зальцах — от границы округа к имперской границе. Она все еще не понимает, что здесь не должны больше проходить ставшие неизбежными рубежи между добрыми соседями, а внушающие недоверие, подлежащие охране границы рас, земель и государств. Или же посмотрите, как граница Ялу — Тумыньцзян¹² в Корее в течение одного поколения из бывшего в раннем средневековье пограничного предполя между культурно-родственными областями стала тщательно охраняемой границей островного государства [т. е. Японии] против двух огромных континентальных держав, из едва обозначенной переселением туда-сюда, свободно передвигаемой линии — хорошо охраняемым рубежом между в корне различными политическими и экономическими системами!¹³

А как вести себя со скрытыми, внутренними границами — если даже ценность политических внешних границ, невзирая на глубину пространства, вдруг претерпевает такое изменение?

Какой здесь порядок? «Легислативное» (законодательное), «историческое» или же «биографическое» определение внутренней границы вплоть до самых незначительных политических пространств и расчлененных пространств? Здесь, пожалуй, лучше всего стоит на страже по отношению к противоестественному, абсолютно гибельному для народа коварству осознание того, что нет и

Зоны боевых действий на границах континентов.

не может быть абсолютно заброшенного места в некоей жизненной форме и даже в столь маленькой ячейке, которая не является ответственной ее частью. Нигде не сказано, что именно данное окружное управление, данная община — часто поспешно и бестолково разложенные на зеленом столе согласно частнопрововому удобству — ни за что не станут ответственной частью, уязвимым местом границы великой державы, культурным рубежом между крупными расами, брешью в торговых системах и хозяйственных организациях, контрабандным центром мирового хозяйства, политической пробоиной, ведущей государственный корабль к потоплению.

В свете этого рассмотрения перед нами предстает важность строительства государственных структур в отдельности, превосходства *прочной ячейки* жизненной формы, построенной как водонепроницаемая система, в противовес ячеисто-рыхлой, неустойчивой, федералистски расслабленной системе, а с другой стороны — сверхцентрализованной и окостеневшей.

Обладающий верным инстинктом народ должен так построить каждую мельчайшую ячейку, чтобы ее граница была способна однажды стать границей самой крупной жизненной формы. Это обеспечивает только «водонепроницаемая система», надежно защищая от наводнения.

Какую долговечную силу имели и сохраняют еще сегодня французские провинции в противовес управлению (власти), произведенному Наполеоном разделению на департаменты, хотя оно было, пожалуй, хорошо продуманным централизмом. Это разделение в основном приводилось в порядок и обозначалось по системе рек, подобно весьма оберегаемому естественному качеству отдельных японских ландшафтов, в которых можно использовать карту водоразделов почти как административную карту. Здесь обнаруживается имманентная логика естественного разделения, если человек ее не перечеркивает! Глазус¹⁴, Фергана, Богемия, китайская провинция Цзянси

также являются такими прочными бассейновыми государствами (Beckenstaaten) с границами по водоразделам.

Тем не менее вопрос о Бельфоре¹⁵ показывает — как теперь усвоили во Франции, — что политико-географические проблемы следует серьезно обсуждать и с географической точки зрения. Стремление прежде всего заполнить естественные ландшафты, принудительно выселить население одной долины (Talschaften), высокогорного плато, котловины и объявлять вне закона их границы — это подтверждается по всей Земле. Однако и границы населенных пунктов, городские границы (Верхняя Силезия — предостерегающий пример) должны были бы сооружаться именно так! Но как поздно была осознана эта сторона задачи городского строительства! Чрезвычайно поучительна большая сила сопротивления гармоничной с природным ландшафтом, в свои границы сознательно вросшей и встроенной Каринтии по сравнению с нынешней раздробленной, ослабленной Штирией.

Но в Каринтии нет даже средних городов с подвижным рабочим населением для использования в ее строительстве, подобных Трацу и Бруку. Мы видим, что сельское и городское население в целом по-разному, а вернее инстинктивно, приспосабливается к проблеме границы. Инстинкт трудового населения в значительной степени тогда вернее, когда оно, как в Саарской области, является оседлым и даже имеет собственное небольшое владение. Поэтому закрепление труженика на земле — не только этическое, моральное и социологическое, но и государственно-биологическое требование прочности границ с чисто материалистической точки зрения. Его следует поддерживать тем более там, где сохранение существования общей жизненной формы стоит на первом плане в государственно-правовой мысли и восприятии. Нужно закреплять и создавать истинно коренное население, а не вечных странников, если вообще хотят углубленного, связанного с оседлым образом жизни отношения жизненной

формы к жизненному пространству, на чем как раз делают акцент консервативные партии. Разумеется, оседлый житель в спокойные времена менее удобен, менее раболепен, чем не имеющий опоры; однако даже в самые бурные времена он тверже стоит на земле и умеет более крепко держаться за нее.

Следовательно, именно консервативные партии должны быть противниками сгона крестьян. Крепкое крестьянство и мелкие, но жизнеспособные домовладельцы и владельцы дворов с минимумом средств существования, не подлежащих, как в старом Китае, конфискации и закладу, — это наиболее созвучная основа для умного патрициата в духе жизнеустойчивой японской феодальной структуры, которая в силу прочности своего принципа *уипей тиджitsu*¹⁶ так долго сохраняет свой авторитет.

Какие именно опасности при новом разграничении Ирландского свободного государства и Ольстера¹⁷ выявились в результате неумного обращения с ирландским сельским населением; с какой неоспоримостью Донегол, Литрим, Каван и Монахан оказывали давление на упрямо державшееся за Ольстер [графство] Фермана (с памятной битвой у местечка Эннискиллен)¹⁸ и помогли там создать прямо-таки немислимо «опасный выступ, которого тщетно пытались избежать иным проведением границы, но это не было осуществлено из-за прочного устройства обжитых границ провинции.

Здесь хорошо сохранилась большая прочность старых границ провинции по отношению к более поздней границе большого пространства!

Но для нас, немцев, пожалуй, самый поучительный пример — ячеистая структура западной границы немецкой народной и культурной почвы, истинный кладезь благоразумия. Какими структурно прочными оказались в сравнении со структурно непрочными габсбургскими графствами и фогствами (вотчинами монастырей) Эльзасский союз десяти городов, граница имперского города

вообще по отношению к чужезычным миграционным потокам, как долго сохраняется отграниченное природой графство Зальм. Как совершенно по-иному сохранился прочно запертым — несмотря на страдания — старый рейнский Курпфальц на обоих берегах Рейна по сравнению с более поздними образованиями — баварским Пфальцем¹⁹ и конгломератом Бадена! Как покарало незнание геополитического факта, что все естественные границы пересекали Рейн, что особым выделением Рейнской впадины (Rheingraben) (конкуренция железных дорог, упущения в мостостроении и др.) играли только на руку противнику, для которого было важно разрушить естественную связь в единстве равнины Верхнего Рейна. Как жестоко отомстило то, что по хребту Вогезов вообще проложили биологически неверную имперскую границу, в то время как именно здесь для защиты равнины Верхнего Рейна следовало бы расширить анэйкумену, пойдя на жертвы в другом месте!

Чтобы, кроме того, продемонстрировать некоторые ныне ставшие известными «школьные» случаи и более древние особой международноправовой и биогеографической поучительной силы, обратим внимание, как в корне различно ведут себя океанское и приморское (litorale) японское государство и речное (potamische) и континентальное китайское по отношению к чужеземным опорным пунктам (Wachstumsspitzen) на их морских окраинах. Как заботливо поступала старая и поступает новая Япония, стремясь привязать к побережью и блокировать чужие опорные пункты, поскольку их нельзя отделить лагунами, как Осиму или Хирадо, лежащие на островах, или как Иокогаму. Напротив, как неопределенно отграничивает Китай концессии в Тяньцзине, Шанхае, Шанхайгуане, а также полунейтральную область Циндао!²⁰

Как не подозревавшая возможностей чужеземного десанта Россия заботливо обустроила в Дайрене²¹ (Далыне) именно то место против Порт-Артура, где позднее

высадились японцы. Как мало думал немецкий флот о защите «хинтерланда» Цзяочжоу²², против возможной угрозы оттуда. Как осмотрительно поступила Франция при новом расчленении важной территории Бельфора²³. Как плохо проведено разграничение в Верхней Силезии, в Саарской области!

Как прискорбно дает о себе знать недостаточно развитое пограничное чувство в вопросе Большого Гамбурга, — органическом, гармоничном проведении городской и земельной границ, какую жалкую роль играет оно при прокладке автомобильной дороги от Манчестера на Ливерпуль через 15 общин, из которых 4 традиционно городские, 2 имеют конституцию города, 5 застроены как город и 4 — как село, в вопросах роста Бирмингема, Ливерпуля, Плимута-Девонпорта²⁴, а также Большого Лондона, Берлина, Нью-Йорка, Токио и треугольника городов Осака — Кобе — Киото, в вопросе Большого Шанхая.

Несомненно, мы стоим вообще перед ухудшением пограничных состояний, вызванным цивилизационным заблуждением стареющего жизненного и культурного круга, — все более растущей опасностью механизации, разрушения истинных культурных ценностей все тем же цивилизационным заблуждением.

Вчитайтесь в слова Бенджамена Анри Констан де Ребека²⁵ (1814 г.): «de l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation européenne»²⁶, которые цитирует Монтейн в своем «Новом принципе международного права». Конечно, против этого понимания самым ужасным образом грешит идея Монтейна о переселении народов и их жизненных форм по Земле — даже не осознавая этого, — представляемая одной из многих добропорядочных, страстных идей, которые появились после войны, причем и идеи Ратцеля были глубоко неправильно поняты.

Итак, именно этот вопрос приобретает все большую важность.

ГЛАВА XIV

О СТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ

Если бы мы смогли, скажем, в духе Ратцеля и Мауля увидеть органично ход становления границ в их географическом проявлении, развитии и возвратном образовании от неопределенного пограничного пространства к пограничному предполью, от него к пограничной полосе, к пограничной черте, к пограничной линии, то и для отграниченных пространств фактически можно было бы допустить, скажем, в духе Шпенглера, нормальный рост и ранний расцвет, высокое развитие, поздний расцвет, увядание, гибель и распад всех отграниченных жизненных форм — вплоть до возрождения — как неудержимый, обусловленный законами природы процесс, в котором ничего нельзя было бы изменить. У нас был бы в крайнем случае выбор в признанном неизбежном закате культурного круга¹ сыграть роль внутренне устоявшего Марка Аврелия², или смирившегося Луция Вера³, или сумевшего преодолеть крах Коммода⁴, или способствовавшего разложению, приведшему к развязке, Гелиогабала (Элагабала)⁵. Мы вынуждены были бы, возможно, еще позволить самим себе сказать в знак благодарности за нашу стоическую добродетель в стиле Марка Аврелия, что мы лишь остановили в сущности желательный закат. Но не столь схематически простым выглядит положение вещей при тщательном, детальном исследовании хода развития границ, если мы располагаем одной из увлекательных, проявивших интерес к географии и истории геополитических работ «Картины из германского прошлого» Фрейтага, которая показывает борьбу между германскими и романскими народами к западу от Рейна и к югу от Дуная, — являясь примером того, как можно подойти к данной задаче полнокровно и плодотворно.

Прежде всего мы должны допустить, что вполне возможно как замедленное, так и ускоренное развитие соотносительно различиям в способности отдельных лиц и народов оценить границы в истории именно вследствие более или менее верного понимания расами, как и индивидуумами, пригодности естественных рубежей в качестве границ. И в этом — еще одно обоснование планомерного пограничного воспитания!

Два убедительных примера в пользу этого имеются на Западе и Востоке Евразии в отношении все той же самой избыточной энергии номадов «оси истории» («pivot of history») — римлянин Юлий Цезарь и китаец Цинь Шихуанди.

Вероятно, характерно также, что у одиночек, как и у народов в целом, применение умно выстроенной теории границы может очень хорошо осуществляться другими личностями, отдельными или объединенными в группы общностями, и это доказывает использование греческой теории в практике строительства Римской империи, германской (а именно теории Ратцеля) в деятельности строителей Британской империи не менее значительно, чем сохранявшаяся со сменой поколений китайская пограничная практика Монгольской и Маньчжурской династий, индийская пограничная практика Великих Моголов, прошедших сквозь фильтр персидской культуры. Здесь даже были пространства и времена, когда благодаря посредничеству Гандхары⁶ сомкнулись эллинистическо-римский и китайский опыты укрепления границы.

Вероятно, в данном месте правомерно обратиться именно к опыту Юлия Цезаря и Цинь Шихуанди, оказавших влияние на ход становления границ, который без них протекал бы в совершенно ином темпе.

Как проницательно, опережая свое время, Юлий Цезарь распознал возникновение границы из пограничного предполя, позволяют видеть его знаменитые «Записки о галльской войне» («De bello Gallico»), где он пишет: «Чем

больше опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыри, ее окружающие, тем больше для нее славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них; вместе с тем они полагают, что они будут находиться в большей безопасности, если будут устранять повод для страха перед неожиданными набегами». Эту весьма практическую точку зрения великий римский геополитик подтверждает таким сообщением: «Свебы⁷, по получении точных сведений о римской армии, со всеми своими союзными войсками, которые они успели набрать, отступили к самым отдаленным границам своей страны: там есть огромный лес по имени Бакенекии; он идет далеко в глубь страны и служит естественной стеной для херусков⁸ и свебов против их нападений и разбойничьих набегов друг на друга. При входе в этот лес свебы и решили выждать приближение римлян».

Тогда Цезарь благоразумно не пошел туда, как позже поступил Вар⁹, а совершил ложное нападение в другом месте и был счастлив, что смог благополучно возвратиться, так как, в отличие от римских полководцев позднего времени точно знал пределы своей ударной силы по отношению к незнакомой местности и народному духу или догадывался об этом.

И в других местах своих сочинений Цезарь, умный, практичный политический географ и основатель империи, записал отличные наблюдения в отношении географии границ. Можно только снова и снова сожалеть, что один из самых зрелых трудов по политической географии мира (так как, очевидно, он был продиктован весьма умелому личному секретарю ясным, свободным языком приказа, который еще и сегодня выделяет носителя командной власти по призванию) слишком рано сделался грамматическим тренажером для учеников и тем самым утратил собственную политическую воспитательную

ценность, будучи как раз достаточно зрелым для более взвешенного обучения.

Подобным же образом было бы в высшей степени привлекательным сопоставить по мемуарам Наполеона, Бисмарка, Мольтке или Фр. Листа¹⁰ их отношение к понятиям границы и пространства. Какая сокровищница опыта в них заключена, раскрывает в конечном счете взгляд на жизнь Цезаря или Наполеона¹¹ как путешественников, на их способность к преодолению расстояний и овладению пространствами, — выделяя такую жизнь из усредненности, — а также на установление порядка, преподнесенный ими своему поколению.

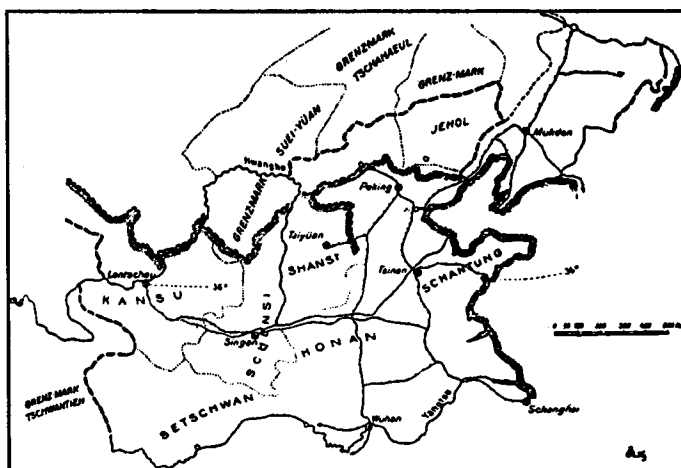
Жизнь Цезаря, географа и путешественника, родившегося в 100 г. до н. э., показывает, что в возрасте 24 лет он впервые совершает поездку на Восток через Аттику, Малую Азию, Родос, два года спустя как действующий проконсул Британии предпринимает поход в Киликию¹² в качестве добровольца и в 28 лет становится членом военного совета. В 34 года он претор, впрочем весьма недовольный по поводу запаздывания, — лишь в 41 год достигает самой высокой должности в Республике, после чего тем не менее дважды побывал в Испании и участвовал в сомнительном, охватившем почти все страны Средиземноморья заговоре. На лучший организаторский возраст — между 41 и 48 годами жизни — выпадает беспокойное время порабощения Галлии и затем та блестящая поездка через страны Средиземноморья, которая описана в «Записках о гражданских войнах» («De bello civile»). Уже в 56 лет богатая жизнь обрывается в результате известного заговора.

«Эгоцентризм и правонарушение» обернулись против него. Ведь после Суллы¹³ римское государственное право для гениального человека больше не столь уж внушительно, и все же Цезарь как создатель границ, вероятно, на четыре столетия сдержал переселение народов, проложил и закрепил на две тысячи лет великую границу Человечества! Как творца и блюстителя границы мы должны при-

числить его к образцовым умам человечества. Безусловно, он был одним из самых блестящих политических географов не только в теории, и мы должны были бы благодарить Бога, если бы смогли воспользоваться его услугами на четыре или более лет¹⁴. В незначительной «войне железных дорог» он сумел бы быстро освоиться.

На восточной окраине пояса кочевников, столь успешно огражденного Цезарем в его устремлении на Запад, — Цинь Шихуанди, первый правитель из династии Цинь (221—207 до н. э.), подобие великого создателя границы Центральной Европы, пограничное творение которой по неведению Цезарь бросил из-за отдаленных последствий и уступая давлению, но, разумеется, не умалив свой след в этом.

Цинь Шихуанди создал 36 крупных областей Китая, ввел унификацию мер и весов и, укрепив таким образом внутреннюю структуру, построил снаружи внутреннюю границу отечества — Великую Китайскую стену.

Великая Китайская стена и северная граница Китая (1927 г.)

О живое пограничное ограждение одновременно сооруженных, годных к военной службе опорных земель сельскохозяйственных колоний разбилось еще больше, чем о Великую стену, вторжение сюнну (гуннов); их набег отклонился на Запад, время от времени гунны вторгались в Индию и области Гандхары, а затем со всей силой обрушились, на формирующийся германский мир и рушившуюся Римскую империю, прежде всего на пограничные бастионы династии Юлиев — Клавдиев¹⁵ на Рейне и Дунае. Так волны народов, ударившись о добротные пограничные бастионы, рикошетируют по всему евразийскому пространству, если его рассматривать достаточно широко в его связностях. Сеть дорог Цинь Шихуанди, часть его дворцов, водопроводов, каналов, мостов сохраняются и поныне; но борьба против «грамотеев» («Literati»), ученых его империи, в которых он в отличие от Цезаря видел самое крайнее зло, ему не удалась, несмотря на умерщвление пятисот из них и сожжение классических книг. И еще сегодня его имя, не сопоставимое с именем Цезаря на Западе, остается империалистическим детским пугалом для китайского культурного мира, о долговечности которого так хорошо заботился его пограничный инстинкт.

Но этим не была решена проблема, у истоков которой он стоял и которую увидел на сотни лет раньше, чем его современники, — проблема отграничения китайского культурного мира от Центральной Азии, сегодня более чем когда-либо актуальная.

На эту самую крупную, связанную с сухопутной границей проблему планеты, если учитывать ее чисто пространственную протяженность (свыше 15 000 км!), обращает внимание профессор И. Яно (Университет Киото), широко обсуждая, но с сугубо японо-британской точки зрения пограничные вопросы Китая. Он пытается доказать, что, согласно пониманию Среднего царства — нынешней Китайской республики, Маньчжурия, Монголия, Тибет, Или якобы являются еще частями Китая, что, по

его мнению, чистая фантазия. Следовательно, ныне имеется фактически одна государственность на Земле, составляющая почти четвертую часть всего ее населения, о которой собственно никто не может точно сказать, основываясь на международном праве, включают ли ее границы свыше 4 или почти 10 млн кв. км!

«Тибет сегодня — практически британский протекторат, — полагает японец Яно. — «Монголия из-за приглашений с Россией и собственной неспособности Китая ее поддерживать независима. Однако в отношении Маньчжурии (здесь становится, очевидным японский подвох!) Лян Цичао разъяснил, что она якобы с пятого тысячелетия была китайской землей, но на основании отдельных случаев доказуемо, что Ли Хунчжан¹⁶ в 1895 г. не раз отваживался объявить «священную область» династии Цзинь¹⁷ китайской». Во всяком случае работа Яно и ей подобные показывают, как спорно и как сомнительно право на Маньчжурию с ее миллионом квадратных километров территории и с примерно 33 млн населения. Достоверно, что обширное пространство с давних пор снова и снова объявлялось независимым его командующим (тухун, военачальник) Чжан Цзолинем¹⁸, что он самостоятельно вел переговоры с Россией и Японией, покупал оружие у Англии и Франции, имел при себе японского советника.

Фактически именно в ходе развития 1911—1927 гг. огромные территории так называемого Внешнего Китая из прочной пограничной структуры превратились в пограничную переходную зону опаснейшего вида; в настоящий момент Юньнань, как и Сычуань, больше не включается в этот неустойчивый по своей принадлежности пояс лишь потому, что непреодолимый натиск китайского народа здесь, на Юге, экономическая сила китайского поселенца снова вырвали их у власти Франции и Англии, а колонизаторская и экономическая энергия китайцев доведет это до конца также с Внутренней Монголией и

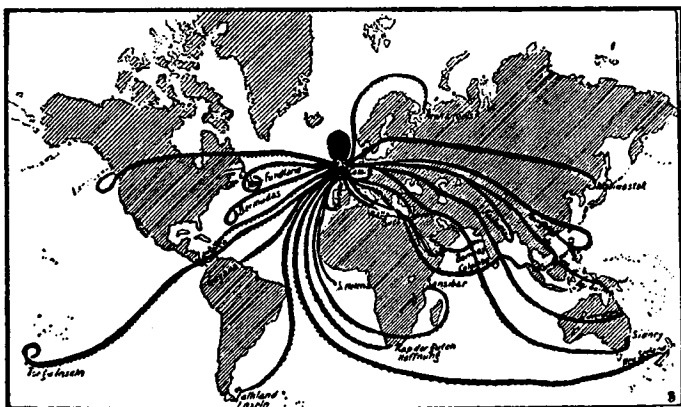
Маньчжурией, затем с другими окраинными землями, — но не без критических поворотов!

В связи с этим поучительно исследовать кажущиеся и сегодня прочными линейно развивающиеся границы, как быстро они переключались от экстенсивного к интенсивному действию и какие при этом происходили изменения. Если, например, Вольтер отзывался о Канаде как о всего лишь нескольких квадратных милях легко переносимого снега, то Франклин¹⁹ в то же самое время принял ее за в высшей степени способную в будущем к развитию землю.

При исследовании таких переходов наблюдение за ходом развития границ в островных государствах и трансформированных морем экономических организмах облегчалось для нас тем, что они в сущности развивались и совершенствовались лишь как один тип границы — морской границы, ее «серебряного пояса».

Прежде всего тип границы — *заокеанской границы* (Überseegrenze) трансформированного морем государственного и экономического организма — от своего возникновения до упадка является, как правило, важной составной частью океанской жизненной формы, совершенно непонятной в странах, удаленных от моря: спрут, направляющий свои высокочувствительные щупальца к опорным пунктам (Wachstumsspitzen) на противоположных побережьях (карикатурная схема Британской империи!).

Для жителя побережья — это обыденная картина, однако для земель, удаленных от моря, — всегда непонятная. Такой способ отграничения может оказаться катастрофическим в результате проигрыша одной-единственной морской битвы, например, как способ отграничения Афинской морской державы, но чаще всего завершается эволюционно в результате свертывания, сокращения жизненных путей, как у Венеции, Генуи, Тернате²⁰, Гавайев, вероятно, в обозримое время у Британской метрополии.

Британская империя как морская жизненная форма в карикатурном изображении.

Такому процессу обыкновенно противостоит — как несовместимое — противоречивое развитие сухопутных (континентальных) жизненных форм, которое с своей стороны вряд ли может быть понятно островному человеку из-за их континентальной привязанности к земле, массовых перемещений, переходов, перенапряженности, склонности к исторической ломке, к революционному развитию, при котором пограничный организм, как правило, умирает в результате борьбы и новообразования, смены мандатов (*coming*) на управление, также сказывающихся локально, обычно в первую очередь на границах.

Так большой инстинкт безопасности в ходе развития границ в океанских и приморских жизненных формах противостоит беспрестанному обновлению опыта в континентальных жизненных формах, что сопряжено с опасностью обоюдных ложных пониманий. Речные жизненные формы находятся посередине и склоняются то к одному типу, если господствуют океанские и морские влияния, то к другому, если становятся решающими проживание на материке, потребность в плоскогорье, в своеобразии степи.

Отсюда же и сила прецедента, традиций, «социума» и их воплощения в Венеции, Англии, Америке, Японии, на островах Юго-Восточной Азии — также в вопросах границы. Эта сила, напротив, находится в противоречии с растущей апатией от окраин к центру Старого Света, где державы на «оси истории» («pivot of history») во многом безучастнее во внешних вопросах их жизненных форм, часто меняются внутри, осуществляют сдвиги в гораздо более резком противоречии между метрополиями, жизненно важными частями и окраинными ландшафтами, чью неприкосновенность принимает весьма подозрительно островная и морская держава.

И все-таки становление границы в целом показывает скорее долговечную силу, более частый возврат культурных и естественных, поэтому снова и снова заимствуемых, уже апробированных границ, даже прямо-таки склонность к возрождению.

Было бы исключительно плодотворным с этой точки зрения отыскать в истории и географии примеры и образцы генетического сооружения границ, прежде всего проследить их тождественные перемещения и преобразования, как это мы смогли сделать особенно при сравнении феодальных границ в Западной и Восточной Евразии, скажем хода развития границ Японии, Пруссии и Германии, сопоставляя их колониальное продвижение в северо-восточном направлении, оттеснение Китая и Внутренней Европы от морской границы, от контакта с побережьем на протяжении XIX столетия (внутриевропейский мир — от более 2700 км до менее 1200 км, китайский — от свыше 17000 км до 7100 км), тесность жизненного пространства самых многонаселенных жизненных; форм Западной и Восточной Евразии с наднациональной имперской традицией и в результате этого неслыханно усиливающееся в нем [пространстве] пограничное давление, которое должно вести к насильственным прорывам! За пределами столь стесненных пространств с давних пор ощущается анало-

гия с океанскими притеснителями, как и с Советами, и даже опасение? делать из этого выводы для совместной обороны²¹.

Здесь манометр пограничного давления показывает неестественно низкий уровень хода развития границы и предвзрывные состояния на Янцзы и Хуанхэ, как на Дунае, Рейне и Висле, — не говоря уже о Маасе и Мемеле (Немане), Эше и Бельте!

ГЛАВА XV

ОЦЕНКА ГРАНИЦ ПО КАЧЕСТВУ И ТИПАМ

В основу любой оценки границ по точности разработки (качеству) и способности, учитывая аналогичные проявления, быть поставленными в родственные ряды (типы) мы должны, естественно, положить количественную и генетическую предварительную работу. Протяженность и структура границы, испытываемое ею давление и свобода ее образования могут быть установлены механически, объективно определены в ходе ее становления, прежде чем мы рискнем высказать ценные суждения, а нам, несомненно, следует сделать это, принимая во внимание совершенствующуюся оценку качества и типов.

Вагнер и Зигер, как мы уже отмечали, установили механические основы, исчисление давления-частного¹, а Мауль и Дике еще более расширили их. Уже при простом рассмотрении карт нам бросились в глаза известные прописные истины, коим, пожалуй, недоставало политического расчета. Так, превосходство японской, отступающей от материка, сильно изрезанной тихоокеанской береговой границы и удаленной, монотонной японской морской границы, которые соотносятся как 4:1, сопоставимо, скажем, с ненормальным пограничным давлением на Германию, усилившимся в результате договоров, заключенных в

предместье Парижа², или на Цислейтанию³ уже перед войной из-за авантюристического устройства границ.

Пограничное давление, испытываемое союзником союза [т. е. Цислейтанией], по обыкновению не бросалось в глаза в Германии только вследствие того, что Габсбургскую монархию всегда рассматривали как целое, не обращая внимания на то, что она состояла из двух частей, притом одна другую при случае хладнокровно брала измором. Во Франции⁴ эти отношения при оценке политической воли к сопротивлению и жизнеспособности учитывались более внимательно.

Следовательно, неприкрытый нажим на границу — если он не будет осознан народом — недостаточен как воспитатель: иначе такое отсутствие подозрительности в отношении растущей пограничной опасности в Германии и Австрии нельзя было бы противопоставить тонкому чувству границы в защищенной природой Японии.

В то время как, например, в коренной баварской земле ныне все еще не представляют себе ясно, что в результате соглашения о восточных границах⁵ ее основные ландшафты восточнее и южнее линии Хоф — Нейштадт — Регенсбург — русло Дуная (вверх по течению) — Донауэшинген — Нейштадт в Шварцвальде лишены всякой пограничной защиты (примерно как некогда Галиция⁶ в роли «гласиса» за Краковом и Перемышлем (Пшемыслем), в Японии имеются образцы раннего возникновения пограничного инстинкта уже начиная со времени перенесения национального святилища, храма Солнца, из Нара⁷ в Исэ, в одном древнем сказании при 12-м императоре, что доказывает появление еще в древности предрасположенности к защитным устройствам.

Следовательно, количественная предварительная работа должна всегда принимать во внимание не поддающиеся учету ценности (*Imponderabilien*), без коих невозможно вынести ценные суждения. В данном случае налицо одна из самых трудных задач географии, и эту сторону,

как мне кажется, недостаточно оценил Вагнер, делающий слишком сильный акцент на математических расчетах. «Остается остаток, который не делится», — справедливо полагает Челлен.

Но мы должны прикоснуться к этим ранам, потому что здесь становится очевидным немецкое национальное заблуждение, словно рок тянущееся через всю нашу историю, включая времена, когда становление нашего могущества как нации, казалось, достигло своей кульминации. Необходимо только наряду с этим наугад выбранным из многих примером пограничного инстинкта из истории Японии как контраст привести высказывание Карла V⁸: «Если бы одновременно турки стояли перед Веной, а французы — перед Страсбургом, я, не раздумывая, поспешил бы на помощь Страсбургу» (в чем был прав думавший мировыми масштабами император, желая отвести угрозу от немецкой земли), но зато надо помнить глупые, задорные напевы «вольности князей»: «Мец⁹ и Магд не приняли приглашение императора к танцу...» Как будто не неудача при Меце стала исходным пунктом крушения германской западной границы! Не лучшим было, например, столетия спустя поведение германского рейхстага с его неполноценным рассмотрением вопроса о Цаберне¹⁰ незадолго до войны и многое другое.

Немецкая история как раз изобилует преимущественно утратами инстинкта такого рода. Ф. Эндрес однажды взял на себя смелость составить доводы в пользу этого из ранней истории¹¹, основываясь на сочинениях римских писателей.

Поражает, когда сравниваешь, каким способом Япония в процессе исторического развития без обиняков перешла от инстинктивных действий к защите жизненной формы в своих границах, ибо таковыми являются уже перенос столицы из Нара в Киото (Хэйян) в 794 г., действия в Корее в 1874—1909 гг., захват островов Бонин, Рюкю (Нанеси), Формоза (Тайвань) и многое другое¹².

Всем этим распоряжается теперь японская мировая держава — несмотря на то что она, пережившая расцвет одновременно с нашей Второй империей, до сих пор подвергалась тем же опасностям, — не нанося ущерба своим национальным святыням в их естественном, хорошо защищенном благодаря внешним укреплениям, земном пространстве. А как прогулялись мы?

Кафедральный собор Страсбурга, имперский орел церкви Сен-Трофим в Арле, костел Девы Марии в Данциге (Гданьске), императорский дворец в Познани, замок в Тироле, Фогельвайдхоф, [готический] собор св. Витта в Праге, Карлштейн, где некогда хранились знаки имперского достоинства, Мархфельд и Прессбург (Братислава), Кронштадт¹³, Ауэрсберг, Рункельштейн, Либенберг, Герхардс-Мер, Хохкёнигсбург, Мюрбах... а также Гейлер¹⁴ исповедальной церкви в Кайзерсберге... Марбург¹⁵ и радующийся народовластию Гент с его древнегерманскими звонницами — все это явно утраченные пограничные знаки и отчасти святыни истории нашего народа!

Следовательно, лишь в том случае если мы, исполненные высоких помыслов, проведем количественную подготовительную работу и сравнительное исследование хода развития, тогда сможем наметить достаточные основы качественной типизации по культурно-географическим, политическим и экономико-географическим периферическим функциям и тем самым, конечно, заложить ценный фундамент для созидания. И. Зёльх¹⁶, особенно своим рассмотрением естественных границ в научной географии, и С. Б. Фосетт¹⁷ в своей книге «Frontiers» при строгом различии *frontier* (границ) и *boundary* (рубежей) и своим анализом функций понятия «*frontier*», и своим взглядом на их эволюцию наиболее осознанно и последовательно, как мне кажется, пошли дальше Ратцеля и Зигера.

Такую типизацию, разделение на группы и ряды можно было бы осуществить согласно следующим политико-географическим точкам зрения, которые, естественно,

могут указать лишь одну рекомендацию о систематизации среди многих возможных.

Первую группу (I) можно было бы образовать из отчетливо продвинутых вперед, ставших опорным органом (Greiforgan) с военно-географической точки зрения наступательных границ. Опорные пункты на границе (Wachstumsspitzen), горловины коммуникаций (Verkehrsköpfe), как их великолепно описывает Ратцель в книге «Gesetzen des räumlichen Wachstums der Staaten» («Законы пространственного роста государств»), характерны для многообъемлющей жизни такой границы: Гонконг (Сянган) с Коулуном (Цзюлун) по отношению к Южному Китаю, Пешавар и Кветта¹⁸ по отношению к Восточному Ирану; так ощущается Мексикой граница по Рио-Гранде, а нынешней Германией — Страсбург.

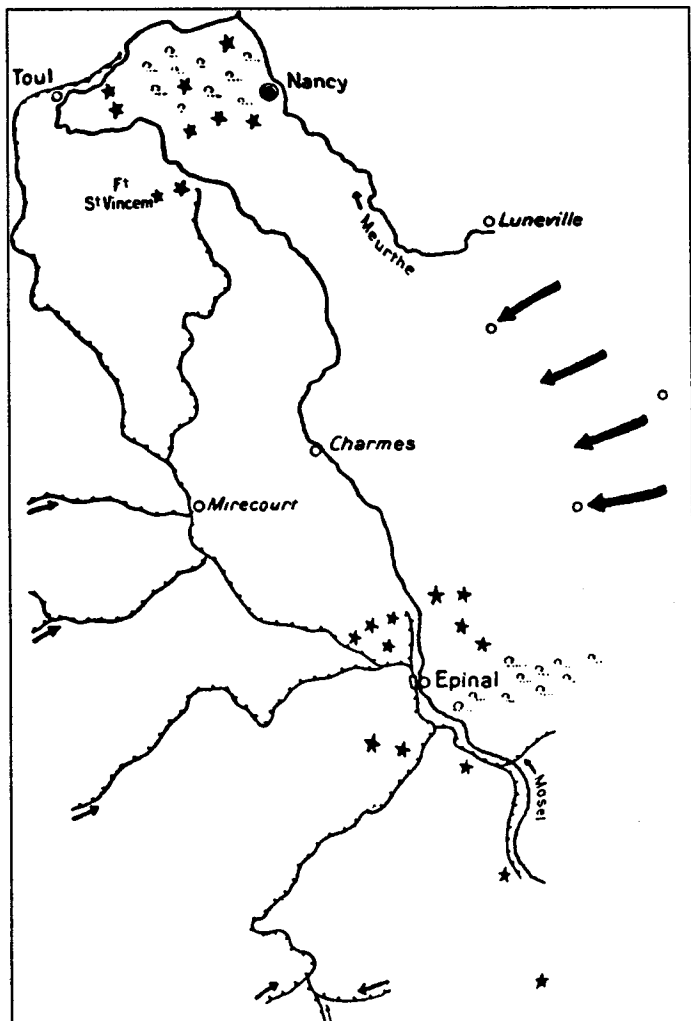
К I группе примыкает высокоорганизованная, насыщенная коммуникациями, всегда успешно продвигающаяся, развивающаяся граница (II). Ее можно было бы назвать с военно-географической точки зрения *границей начеку*. Насколько широко можно было бы рассматривать таковой западную государственную границу [Германии], русскую с ее построенной на французские деньги по чисто стратегическим соображениям железнодорожной сетью в канун 1914 г., именно с присущими им соответственно такими тонкостями, как военно-географическая западня — «шармская дыра» (trouée de Charmes) и польская железнодорожная сеть? Виделись ли они такими, когда германский штаб придерживался еще возможности русского отступления в глубь [страны] и оставления на произвол судьбы всей этой пограничной организации, когда левое крыло [немецкого] войска после битвы в Лотарингии бегом устремилось прямо на Эпиналь и шармскую западню?

Средняя, третья ступень (III) — *граница равновесия*, с обеих сторон одновременно и разграничивающая, и соединяющая инстинктивно верные или осознанные

жизненные формы и одна из прочнейших пограничных жизненных форм, которая может быть создана только при обоюдном понимании. Временами ее двусторонняя безопасность — симптом прочности благодаря состоянию кондоминиума, как казалось длительное время для Люксембурга и Мореснета, особенно пока Люксембург был в руках голландцев¹⁹, как примерно могло бы быть с широко задуманной автономией, предоставленной пограничному ландшафту в Эльзасе, Южном Тироле если бы... по ту сторону осознали ее преимущество.

Четвертый тип — укрепленная граница (Schutzgrenze) в состоянии обороны. Она часто имеет сильные, подкрепленные крупными средствами оборонительные сооружения с обеих сторон, известную предрасположенность к поощрению враждебных переходных коммуникаций и защитных зон. Опытный глаз очень легко отличит высокоразвитую в военно-техническом отношении оборонительную границу от границы начеку. В первом случае основу составляют добротные отстроенные долговременные укрепления: крепости не могут маршировать! Так, именно укрепление Верхнего Рейна было явным симптомом нежелания немецкой стороны нападать в этом месте. Оно, следовательно, могло скорее успокоить, чем возбудить, Базель. Выдвинутые вперед ramпы, подготовка коммуникаций, проложенные железнодорожные пути (как в Пешаваре, Мерве, Кветте) и уже подведенные к чужим крупным рекам средства для наведения мостов — признаки намерения перейти границу! Закладка Англией пирсов в Зебрюгге (Бельгия) и Эсбьерге (Дания), подготовленные возможности для высадки десанта, предмостные укрепления, принудительный демонтаж крепостей у соседей, как на германском Рейне²⁰, — недвусмысленные признаки того, что речь идет не только о защите и безопасности.

Наконец, пятый тип (V) — *распадающаяся граница* (Zersetzungsgrenze), разоруженная, брошенная на

Первая Мировая война. Шармская западня.

произвол судьбы, открытая для проникновения, подрыва, вылазок, вторжения в чужие опорные пункты и центры сношений. Промежуточные области с неустойчивым состоянием населения, расчлененность на малые пространства (дезорганизация) делают ее распознаваемой. Со своей стороны она будет разлагаться именно более сильными, растущими жизненными формами благодаря центрам сношений и опорным пунктам, в результате воздействия на душевное состояние ее жителей.

Агрессивные и оборонительные сооружения средств сообщения легко различимы при равной грузонапряженности сети коммуникаций (плотности (интенсивности движения) железных дорог).

Еще один тип, который следует скорее рассматривать как подвид третьего, как разновидность границы равновесия, — спокойная, близкая к анэйкуменной граница.

Границы тем надежнее и безопаснее, чем больше они одновременно окаймляют области с сырьевыми ресурсами и заселенные; иными словами, *спокойная, инертная граница* (Trägheitsgrenze), удобная для пограничных сношений, может долго оставаться неизменной, как и совсем не вызывающим соблазна, замкнутым видом границы. На противоположной стороне существует, естественно, повышенная опасность, где впадают в искушение узнать, что находится на поверхности земли и под ней; признаки выходящих пластов (соль, калий, каменный уголь, железная руда) оказывают свое воздействие. Именно так могут возникать авантюристические отношения на границе: проходы, соединяющие залежи (Берхстесгаден — Халлейн), штольни, которые с военно-технической точки зрения должны быть отгорожены, как между калийными копиями в Верхнем Эльзасе севернее Мюльхаузена; и здесь, разумеется, любому доступны пределы величин (залежи калийных солей между Мюльхаузенем и Баденом, бассейн Брие, каменный уголь Вер-

хней Силезии, золотой прииск на Амуре). Насколько сильно противостоит таким отношениям соблазна разделяющая способность меридиональных русел крупных рек между Китаем и Индией, скажем, в противоположность уже больше не разделяющим сегодня афганским пограничным горным районам. Там, где геология, морфология ландшафта, климат, биогеография взаимодействуют в установлении границ, мы имеем как раз наилучшие границы; но самые лучшие всегда там, куда не приходит человек, — в анэйкумене!

Противопоставляя чрезмерно полнокровную, тонизирующую, *легко возбуждающую границу* (Reizgrenze) спокойной или застывшей, малокровной, *застойной границе*, можно также, вероятно, прийти к плодотворным антропогеографическим (т. е. геополитическим) выводам.

Тонизирующие, вызывающие искушение границы активно или пассивно обнаруживают по отношению к той или иной жизненной форме аналогичные состояния. Они показывают с антропогеографической точки зрения повышенный подвод связи, внезапное изменение давления населения, его более свободное отношение к земле, более ранний, чем в ее «хинтерланде», переход от натурального хозяйства, от автаркии к чисто денежному хозяйству или к состоянию монокультуры, более раннюю социальную дифференциацию, разделение труда, но и порчу нравов, более быстрое и более глубокое смешение рас, в том числе в животном мире и в мире хозяйственных растений, о дальнейшем распространении которых заботятся затем области свободных портов, открытых портовых зон, транзитных вокзалов, передовые опорные пункты всех видов, горловины коммуникаций, колонии портов (как в Китае)²¹, международные колонии (шанхайский сеттльмент)²². Они часто образуют почти самостоятельные миниатюрные транзитные государства,

настоящие центры и подцентры распределения, к которым имеет обыкновение прицепляться система ячеек (по образцу большевистской)²³.

При этом географические проявления родственны, идет ли речь о размещении опорных пунктов на море (Данциг, Гонконг, Сингапур), на озерах и реках (Линдау, Констанц, города на реке Инн, Зальцбург), на горных перевалах (Партенкирхен, Клеве-Плюре), на кромке горных зон (Пешавар, Верона, Беллуно, Герц), в проломах лесных зон (Москва), на проходах через зыбуны [персидские торговые пункты по окраине солончаковых пустынь²⁴ Биканер, Джайпур].

Повсюду неудержимо усиливающаяся жизненность проявляется также культурно-географически в чрезвычайно богатом смещении стилей, поглощении и дальнейшем распространении местночуждых образцов строений и изделий и лейтмотивов культуры (отражение греческого в культуре Гандхары, турфанские находки, англо-индийский колониальный стиль, новокаталонский стиль в архитектуре). Антропогеографические, покрытые многими рунами пограничные знаки народов и культур особенно поучительны в пространственно связанных, хорошо обозреваемых местах. Таковы Гвалиор, Ангкорват, Пекин и Мукден (Шэньян), Анурадхапура²⁵, Москва, в особенности Кремль, а также Вена и Мюнхен.

Часто имеет место изоляция особо возбуждающих пунктов в противовес политико-географическим жизненным формам, очень сильным по характеру и здоровым. Так поступала Япония по отношению к Осима и Хирадо²⁶, Китай в случае Кантона против Шамьяна²⁷, столь же внушает опасения как фильтр Восточный Лондон в Англии, Вена в отношении австрийских альпийских земель; имперские города создавались как сепаратные районы (Нюрнберг — Фюрт!), но и у государств иногда вырастает на такой почве стремление формироваться как особые органы.

На этой основе выросли альпийские государства на перевалах: Савойя²⁸, древние кантоны, Тироль, распространившие свое господство над Альпами крупные епископства — Зальцбург и Фрейзинг.

Совсем иную картину являет окостеневшая или окостеневающая *инертная граница*. Она обнаруживает большие различия, смотря по тому, возникает ли граница вследствие внутреннего застоя (Япония между 1636 и 1854 гг., старевшая Венеция) или же окостеневаает, испытывая давление в результате принуждения извне или же блокады или же создавая препятствие любым возможностям внешнего воздействия, которое внутри становится причиной, мешающей естественному общению и кровообращению. Подобными проявлениями изобиловали старые и новые австрийские границы, отношения между Сербией и Центральной Европой были таким образом отравлены из-за венгерских препятствий на границе.

Еще одна возможность представляется, если мы согласимся с разделением Е. Тэно²⁹, в коем мы различаем расчлененные, непризнанные, изнасилованные границы (*démembrée*), ослабленные и *ratione temporum*³⁰ слишком терпеливые (*toleranda*)³¹, слишком переливающиеся через край и слишком забытые (*neutre*)³² и естественные, постоянно ощущаемые как обоюдно желательные (*naturelle*)³³. В этом смысле современное немецкое государство, за исключением немногих мест, окружено «*frontière démembrée*». Как нейтральные («*neutre*») можно было бы ощущать швейцарскую и голландскую границы, как естественные («*naturelle*») — лишь побережье (*Wasserkante*), но по меньшей мере с тем же правом на оборону, как у всех других соприкасающихся с морем, суверенных государств.

Исследуя формы инфильтрации (*Überwallung*), следует в широчайшем объеме привлечь процессы развития

биогеографии и биологии. Мы видим, где прорывается веление сердца, возникают новые коронные образования, развиваются все формы концентрации сооружений в качестве защитного панциря. Вместе с тем мы видим и опасность гипертрофированного развития и признаем, что жизненные формы всегда лучше приспосабливаются к нападению, опасности, неопределенности, чем к щедрой и длительно благоприятной погоде. «Хи йори ми то» — «партии прекрасной погоды» — так называли в Японии политические образования, которые при неблагоприятных погодных условиях распускались и переставали действовать. Многие проявления жизни государства слишком мало исследованы с точки зрения того, сколь неприступными они могли бы стать особенно на внешних постах.

Сила и гомогенность внутренней структуры выражается, естественно, и на границах, во внешней структуре, точно так же становятся очевидными изуродование, линии прорыва, зарубцевавшиеся раны в образовании границ и их прочности.

Налицо одна совершенно справедливая аналогия, если мы — исследовав на контрасте внешнего блеска и внутренней прочности — обратимся к пограничным образованиям, к видам границ на основе представлений о контактном метаморфозе и его богатых красками, интересных, но менее сохранившихся окаменелостях и, следовательно, признаем культурно-географический, политический и экономический контактный метаморфоз в пограничных проявлениях людей.

Разграничение по пограничным достижениям культуры, силы и экономики, из которых мы повсюду извлекаем полезное, облегчает нам поставить в один ряд отдельные проявления и необходимое признание непрочных, готовых к распаду опасных мест, в отношении которых мы, в Центральной Европе, были излишне доверчивы.

ГЛАВА XVI

ГРАНИЦА ПО ВОДОТОКУ

Граница по водотоку (Wasserlaufgrenze) или граница по водоразделу (Wasserscheidegrenze) в их противоречии, выбор между ними — ибо возведенные в принцип они несравнимы и непримиримы — с точки зрения народно-психологического и международно-правового преимущества, значения и ценности среди всех предпочитаемых природой и наукой типов границ, пожалуй, стоили человечеству больше всего крови и головной боли. Лишь склонные к наступательности и злоупотреблениям жизненные формы, такие, как Франция и третья Италия¹, использовали последнее средство, чтобы вести игру вокруг то одного, то другого, как единственно оправданного рубежа естественных единых пространств и, смотря по обстоятельствам, с ее помощью оторвать клочки земли у сопредельных государств и народов, хитростью выманить или завладеть ими, воспользовавшись глупостью соседей. Они используют то учение о «крупной реке как естественном барьере», то «теорию гребней» («theorie de crêtes»), а когда их уличают в непоследовательности, то возражают слаbosильному: да, мужик — это нечто иное!

Такое противоречие следует, пожалуй, по праву оценивать как первое среди отдельных географических явлений, устанавливающих рубежи на лике Земли. Если мы обратимся к существу проблемы границ по водотоку, по рекам или крупным рекам, которые повсюду в мире играют такую роль, — по Рейну, Дунаю и Висле, Евфрату и Араксу, Инду и Иравади — Салуину — Меконгу, по Хуанхэ и Амуру, Лоренцо и Рио-Гранде, то оно, вероятно, заключается в том, что ставят народы и их поборники границ на первый план: *разделяющую способность* крупной

реки или же единство жизни. Но данный вопрос намного глубже связан со складом души народа, историческим опытом расы и воздействием жизненного пространства, которое ее воспитало, чем с переменной исторического опыта и политического местожительства. Общее становление (*Grosswerden*) в бедных или богатых водой ландшафтах, закрепление ранее испытанной силы разграничения не только самой крупной реки, но и ее речной долины, ярусных лесов, отмелей, первоначальной речной границы здесь сильно сказывается.

Все же и граница по водотоку претерпевала существенное экономико-географическое изменение. Охотник и пастух воспринимали значение водостока прежде всего как водопой со свободным доступом, земледelec, в особенности на степных окраинах, — как орошение². Лишь позднее на передний план выдвинулось значение коммуникаций, а в новейшее время — вопрос о получении энергии, который в одном поколении, когда связующая роль крупных рек перешла к железным дорогам, до такой степени доминирует, что прежние права плавания, прохода рыбы, лесосплава, короче говоря, вся свобода крупных рек отошли на задний план, с тем чтобы в максимальной степени выжать из них только энергию (гидростанции на Изере, энергия реки Инн, сооружения на Верхнем Рейне).

Можно пойти еще дальше, разделив реки на энергетические и транспортные. Например, Инд, Салуин и Хуанхэ следует отнести скорее к первым, Ганг, Янцзы и Иравади — скорее ко вторым. На таких крупных реках, как Рейн, принимая во внимание их политическое влияние, допустимо различать энергетические ступени от транспортных участков; перевалочные пункты между ними, как Базель, Страсбург, приобретают исключительное значение, поскольку оказывают помощь их торговой и промышленной возможности. Какие сдвиги произошли, например, на участке Базель — Мангейм! Итак, разделитель-

ная сила рек как границы претерпевает постоянную переоценку и явно в том смысле, что с прогрессирующим регулированием течения разделяющее отходит на задний план, а на передний выступает связующее единство жизни речной долины крупной реки.

Но в рамках этого всеобщего закона, который, например, в вопросе о Рейне действует в пользу немцев, а в других местах, как на Висле, создает опасность, мы, естественно, сталкиваемся — соответственно изменчивому географическому проявлению водотоков, рек, крупных рек — с множеством запутанных отдельных явлений. Мы говорим о старых и молодых реках или о крупных реках, однако понимаем, что в соответствии с этим своеобразием при создании границ они проявляют себя по-разному, образуя излучины, петли, рукава, острова с пойменным лесом, старицы, вымощенные булыжником берега, с широкими, но под воздействием культуры быстро приходящими в упадок, враждебными сношениям поясами и зонами, или углубляя рвы, овраги, крутые обрывы, при родственных геологических силах даже целые зоны ущелий³.

Меняющийся уровень воды на отдельных реках, точно прослеживаемый, периодический (Нильские пороги), а на других стремительно меняющийся и не поддающийся учету (верхние пороги Янцзы, меридиональные русла рек)⁴ с различием в уровнях от 20 до 30 м, истоки крупных рек Юго-Западной Африки, реки Оранжевой делают возможность их перехода в одном случае слишком сложной задачей, в другом — слишком строго регулируемой, почти ритуальной церемонией.

Рядом с крупными реками, развивающимися в некое подобие фабричного канала, даже рядом с самыми современными силовыми установками мы находим на одной и той же реке такие изначальные участки, как те, что на реке Инн между Розенгеймом и Крейбургом; рядом с нефтяными промыслами на берегу каёмчатой Волги, которые можно видеть во время длящейся целыми

днями поездки, — ее уединенный степной бег; на Дальнем Востоке — рядом с паровым судном — охота коряков на оленей у запынды.

Если мы теперь поставим в связь ранее упомянутую различную народно-психологическую установку и изменчивое проявление водного потока в естественном и преобразованном культурой ландшафте, то нас вряд ли удивит, что в проблеме водотока в качестве разделительной линии можно найти границу как тончайшей народно-психологической, так и политико-географической «Агсапа ітрегії»⁵.

После первоначального заселения, после вытеснения и переселения расы земля, изначально ее воспитавшая, еще долго выдает себя своим фиксируемым отношением к водной границе. Жители Передней Азии, испытывающие нехватку воды, развили прямо-таки изощренное право доступа к редким водооям и колодцам, к живительной, сохраняющей стада влаге. Почти все племенные распри между Месопотамией и Сирией велись за источники воды.

Греческое восприятие границы во многом совпадает с переднеазиатским. Совокупное средиземноморское пограничное образование является образованием нарастающего иссушения земли. Сколь точно среди прочих различают воду тюркские народы: они говорят о «сладкой воде», отличают каждый отдельный источник по вкусу.

На пути через культуру Средиземноморья восприятие водной границы превращается в романский народный инстинкт и французскую международно-правовую точку зрения. У германцев — наследников изначально богатых водой поселений — принципиально иное отношение к границе по водотоку: они игнорируют ее, склонны к ее нарушению. Ведущие исследователи культуры (Надлер) называли именно франков народом, живущим у рек. Но живущий у рек народ обитает на обоих берегах. Мало границ

по крупным рекам имеют и муссонные страны, но как умно сформировали они накопление воды. Государство на крупной реке, речное государство, систему больших рек они знают гораздо больше, так же как политическое единство (ландшафт Ганга, Пенджаб, Бирма, Сиам, Кашмир). Только в своих пограничных ландшафтах в отношении бедных водой областей (Инд, Пенджаб) они налагают отпечаток своими правовыми представлениями об использовании водных ресурсов.

Уже на основании этого прослеженного нами восприятия хотел бы поддержать теорию некоей нордической германской родины и считать правдоподобным, что и переселение во Внутреннюю Азию индийских ариев⁶, а также китайцев, образующих государство на реке, вероятно, могло возникнуть под давлением растущего иссушения первоначально богатой водой земли.

Пограничные нравы германцев воспитаны вовсе не бедными водой или совершенно изнывающими от жажды ландшафтами, и народы ведут себя в этом отношении абсолютно неизменно.

Границы по Эльбе и Янцзы, играя соответственно родственную роль у немцев и китайцев, — переходящие состояния. Перекрытые крупными реками единства как жизненные формы быстро формируются именно в течение прежнего колониального раздела, а также в Японии в Канто⁷.

Реки как весьма известные постоянные границы вроде Дуная под именем Данувий и Истр⁸ и Рейна под именем Ренус⁹, в представлении римлян, как Рубикон, Рона, Галлис¹⁰, которыми богата история средиземноморских стран, в области германских поселений редки. Граница Ликус — Лех между алеманнами и баварцами — как различные другие южногерманские подразделения уже при колонизации — римского происхождения. Лишь однажды в Крестьянскую войну немцы серьезно вели борьбу за нее.

Определенный естественный ущерб — в силу закона перемещения противительно вращению Земли — непременно происходит для восточного соседа при направлениях течения с Севера на Юг или с Юга на Север.

На созданных таким образом основах осмысливают лишь историческое развитие известной границы по крупной реке; а именно границы по Рейну, — от удобной, легко обозначаемой и определяемой, хотя и на протяжении русла меняющейся «первоначальной» демаркационной линии (романского идеала, исходя из которого Цезарь и его последователи создали Рейнскую и Дунайскую границы Римской империи), к представлению о единстве речной системы как некоего целого, как некой единой, неразделимой жизненной формы, которую мы можем обозначить и обосновать как преимущественно германскую. Мы видим, что внутри германской народной и культурной почвы племенные, культурные, епископальные границы повсюду проходят перпендикулярно течению крупных рек: фризско-рейнфранкские, франко-алеманнские, баваро-швабские (через Дунай!).

Исходя из этого германского восприятия логично развивается дополнительное, — хотя даже если естественное единство крупной речной системы нарушается в какой-то форме насилем, которое германское чувство ландшафта никогда не признает интуитивно, — что такое разделение только тогда «правильно», т. е. равноправленно с главной тяжестью удара водного потока долины, ручья, реки, крупной реки, ее руслом, когда оно может создать тальвегу¹¹ известную устойчивость. Однако из общего границеобразующего проявления крупной реки могут быть использованы и весьма различные частичные проявления: русло реки; дорога через долину, именуемая и в романско-говорящей области «тальвег»; это могут быть односторонне проведенные береговые границы, границы по дамбе (как на Висле), такие, как на Верхнем Рейне, которые по меньшей мере разрешают доступ к реке,

хотя и нет права на не отвечающее нормам возведение своих строений, своих мостов, или такие, которые, как на Висле, превращают установленный доступ к реке в фарс, так что дамбы на противоположной стороне, подъездные пути, возможности использования земли остаются односторонней собственностью извлекающего выгоду. Границу крупной реки можно сделать постоянно кровотокающей раной на теле народа также посредством отвода воды, односторонним использованием энергии, правом на строительство односторонних, питающихся из крупной реки каналов, как Эльзасский.

В таком свете Германия видит, или по меньшей мере так следовало бы видеть, рейнский вопрос и его геополитическое значение¹². Аналогии этому, как мы отметили во вступительном слове, находятся на границе Японской империи—на Ялуцзян и Тумыньцзян в Корее в отношении, разумеется, включенной в сеть японского хозяйства Южной Маньчжурии, на Амуре между Китаем и Советским Союзом, на обремененной «опасностью для всего мира» границе Рио-Гранде¹³ между англосаксонской и испанской Америками. Эти опасности возрастают, потому что во всех этих случаях проблема содержания границы путем симбиоза речных и железнодорожных трасс, более или менее защищенных сопутствующих дорог на соответствующем расстоянии от пограничной крупной реки, важных — в своем пограничном своеобразии им параллельных — энергетических водоводов (снабжение энергией Бадена вдоль Рейна) была тесно увязана с вопросами правильной (абсолютной) границы по крупной реке.

Воскресший антагонизм в отношении границы по крупной реке, как правило, свойствен многим государствам на реках (речные образования Ратцеля), которые были образованы вокруг хорошо ухоженных, а также неукротимых и заброшенных рек в низменностях, как некогда вокруг Нила, Хуанхэ и Инда (государства Пенджаба), и ныне на Висле государству Польша, которому, как

полагали, следует гарантировать участки от истоков до устья, допуская резкую несправедливость против труда тех, кто действительно укротил реку¹⁴.

Дополнительная трудность для постоянства границы на крупной реке проистекает из того, что именно своеобразие крупных рек, таких, как Хуанхэ, Инд, Висла или Тигр, в периоды неустойчивости государств, когда они должны были бы поистине доказать свою разделяющую силу, часто не действует в результате переноса и внезапного смещения русла вследствие недостаточной гидрологической работы. Так, собственно, реагируют Хуанхэ в периоды государственной неурядицы в Китае разрушительными наводнениями и изменениями русла¹⁵, а также Висла, Инд и крупные реки Индокитая.

Совершенно особые, сопоставимые географически проявления с сопоставимыми геополитическими последствиями являют каскадные ландшафты Дуная и Янцзы. Обе эти крупные реки; в первую очередь — транспортные магистрали, имеющие, однако, четкие, важные для государственного образования ступени с уклоном, с некоторыми привлекательными именно для замкнутого политического образования мульдами и посредническими округами¹⁶. Однако точное исследование государствообразующего своеобразия Дуная¹⁷ выдает внутреннюю биогеографическую неправдоподобность известных, часто отстаивавшихся основ Дунайской монархии, признание которых запечатлено в легенде. Но несовместимое противоречие в государственном праве и правовой философии между границей по водотоку а границей по водоразделу, пожалуй, позволяет убедительно доказать всю проблему трех рек Германии, как ее назвал Р. Челлен¹⁸.

Междуречье в «Промежуточной Европе», которое в двух-» тысячелетней истории отражает в миниатюре судьбы классического месопотамского Двуречья¹⁹ вследствие борьбы вокруг его речных границ, — это Бессарабия²⁰. Здесь на долю полосы земли²¹, составляющей около

45 000 кв. км, с абсолютно гетерогенным населением выпала сомнительная честь вслед за проблемой трех крупных рек Внутренней Европы — Рейном, Дунаем и Вислой — и вылупившимся Изонцо²² образовать границу Европы по водотоку между Прутом и Днестром, о которой много говорилось. В самом узком месте две судьбоносные реки сближаются до расстояния 22 км, сухопутная граница с сопредельной, ныне живущей в том же самом союзе Буковиной равняется 55,5 км — расстояние по географической широте основного центра власти Кишинева (Хизи-нау) — 77 км, самое большое растяжение при впадении рек в Дунай и берегом лимана — 198 км.

Из-за своеобразия двух многократно оспаривавшихся речных границ известная страна видится отчетливейшим образом: оказывавший ранее услуги сообщению, проходимый для плоскодонных пароходов, по меньшей мере на небольших участках, извилистый Днестр сегодня по причине навязанного пограничного своеобразия полностью парализован с точки зрения ценности реки как коммуникации и источника энергии. Нынешний Днестр — это всего лишь отличная подпора для контрабанды между разными экономическими системами — Советским Союзом и капиталистической Румынией и арена политических происков, очаг войны не только в Европе, но и в мире; тем более что Япония и, само собой разумеется, Советский Союз еще не признали границу по Днестру и более чем сомнительно, что кто-то действительно вступил-ся бы за нее.

Вся история Бессарабии, — отлично изображенная фон Улигом в нераздельной связи с геополитическими условиями существования этого узкого клочка земли, — важное обвинение превратностям природы, делающим невозможной границу по крупной реке, ведущим к расколу единых жизненных областей, и это тем пагубнее лежит бременем на соседях, чем больше развивался или мог развиваться культурный прибрежный ландшафт, чем чаще

единоплеменные слои населения и расы издревле пересекали реку, оставляя на ее берегах лишь местно чуждые противоречия силы.

Здесь граница по водотоку, — здесь граница по водоразделу!

Если называют *frontières naturelles*, то приходится отклонить либо одну, либо другую форму или же по меньшей мере подчеркивать естественное право одной, вуалируя право другой. Нельзя одну жизненную форму согласно мнимо справедливым принципам разрывать и калечить в том месте, где как раз пригодна, в соответствии с «*théorie de crêtes*», граница по водоразделу, как Тироль по перевалу Бреннер, если совсем рядом, в Пустертале, эту теорию отбрасывают. Теория водоразделов при всем научном остроумии не может наилучшим образом, творчески выработать в Пиренеях и Приморских Альпах постоянные, на длительный срок естественные границы, и их так отменяют на Вогезском гребне, что вмешиваются на Верхнем Рейне не только по реке, нет, но и через нее. Наряду с этим в Пиренеях, на Гаронне водоразделы в ряде случаев снова кладут под сукно; и в Трансильвании, в Карпатах, где естественный каскадный ландшафт области Чик образует редкостное природное единство, где некогда Венгрия (долина Тротуш!) также вмешивалась через водоразделы, время от времени забавлялись взаимной игрой, при которой наука Юго-Восточной Европы в поисках доказательств не поспевала за внезапным политическим переломом.

Из самого беглого рассмотрения границы по водотоку вытекает с точностью одно: она становится все сложнее [для охраны], чем больше русло реки развивается в рамках культурного ландшафта, чем более освоенным оно становится. Все пограничные реки мира — Рейн, Дунай, Висла, Прут и Днестр, Инд, Шатт-эль-Араб²³, Амур, Красная река²⁴, Рио-Гранде — становятся в возрастающей степени исходной точкой политических волнений и угроз не

только для соседей, но и для всех, для мира во всем мире, чем больше возрастает их коммуникационная и энергетическая ценность, чем нераздельнее хозяйственное развитие по обоим берегам связывает соседей, чем больше враждебный жизни и сношениям облик крупной реки отходит на задний план²⁵ перед дающими энергию и дружелюбно связующими процессами.

ГЛАВА XVII

ВЫСОТНАЯ ФОРМА: ОЧЕРТАНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДРАЗДЕЛ КАК ГРАНИЦА (ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ)

Высотные формы, проявления очертаний Земли, особенно если они одновременно являются водоразделами, действуют как устанавливающие границы лучше всего, чем более враждебны они жизни, чем более препятствуют сношениям. Районы ущелий, пояса болот, которые выдают себя выступающими наружу грунтовыми водами, как Тераи — болотный гласис Гималаев, могут разделять более действенно, чем даже высокие хребты гор, подступающие к районам проходимых перевалов, преодолевая которые живущие в горах кочевники или полукочевники осуществляли права выпаса. Освященная греками, извращенно выстроенная романскими народами «*théorie de crêtes*» в некоторых местах более чувствительна к своим пробелам, чем в продолжающейся столетия борьбе за речные границы вокруг Эбро и Рейна самой блестящей романской государственной формы — французской, которая рано постигла необходимость поставить пограничные теории на службу своей практической политике. Оттесненная от Эбро, граница в конце концов вклинилась

в Пиренеи. Вместе с тем она успешно оттеснила немецких соседей от Вогезской стремнины, а также вопреки собственной пограничной теории — от крупной реки [т. е. Рейна], полностью принадлежащей немецкой культурной почве. Итак, на очень важных участках нашей границы мы, немцы, изнемогаем от несовершенного обязательства наших противников из-за их собственных, старательно разработанных теорий о границах; но в отношении этих мест мы можем по меньшей мере сражаться с ними их же собственным научным оружием на форуме мирового общественного мнения¹.

Однако гидрографическо-морфологические элементы, почти исключительно преобладающие в создании жизненных форм и прокладке их границ, имеющие ценность и применимые, встречаются редко. Обладающая исключительно высокой способностью к сопротивлению внутренняя структура японской метрополии почти целиком покоится на строительстве ячеек по водоразделам; способные противостоять кантоны Швейцарии являются единообразными долинами внутри водоразделов: Ури (Рейс), Гларус (Линт), Вале (Верхняя Рона); Берн — преимущественно кантон реки Ааре. Котловинные ландшафты, как Фергана, Богемия, Сычуань, Кашмир, будучи особенно устойчивыми, единообразными, недвусмысленно основанными на системе рек и границ по водоразделам с одним-единственным, чаще всего глубоко прорезанным выходом, являются предвидимыми политическими образованиями.

Но даже при отграничении крупные формы, разделенные водой, образованные ею мелкие формы обнаруживают свое непостоянство. Водоразделы в чистом виде, одновременно как протяженные горные цепи, редки; некоторые из обычных горных границ на самом деле вовсе не водоразделы, а разорванные, как Гималаи, мощными водотоками — крупными реками Непала, Индом и Брахмапутрой, как Хинган — Амуром, Карпаты — Альтом.

Весьма разнообразно действуют в установлении границ горы, горные цепи, нагорья, дугообразные окраины плато, с одной стороны, ущелья, теснины, расщелины, останец — с другой; какие многообразные картины показывали, например, извилистое течение Зайле между Вогезами и Мозелем и сопутствующая ему игра высотных форм по отношению к довоенной границе.

Картина водораздела в природе, являясь более чем очевидной, обнаруживает богатство запутанных форм! Крайне редко совпадают причудливая теория старых картографических методов и действительность в линии хребта с равномерно расходящимися с той и другой стороны горными штрихами, указывающими направление течения воды. Уже старые горные формы с их спокойной сводчатостью (кривизной), наклонными желобами (*Kastenformen*) превращают водораздел в целую широкую зону; в расщеченных горных кряжах он идет зигзагом то туда, то сюда: самая высокая точка или хребет, источники образующегося водостока находятся на противоположных сторонах горного массива. Даже верховое болото, влажный луг, район источников без особенно приметного рубежа или даже подземный горизонт сообщающихся источников карстовые области с поглощающим колодезем по соседству — как трудно оформляют они поиск по водоразделу, который в таких случаях не имеет никакой политической силы, кроме как неудобного и враждебного сношения действия своих сопутствующих проявлений.

Отличное определение водораздела Филиппсоном с его вертикалью от точки пересечения обеих линий падения позволило нам в научном отношении выйти из трудного положения, но оно не может быть во многом полезным практической политике².

Со времен Аристотеля мы встречаемся в политике с трудностью именно в определении понятия «водораздел». Мы обнаруживаем, к своему удивлению, что Александр Гумбольдт недооценивал способность гор выступать в

роли водоразделяющей и устанавливающей границу силы, считая возможным соединение каналом Атлантики и Тихого океана в девяти местах, в то время Как обладающая великолепным слухом североамериканская политика вследствие своих возможностей в будущем окончательно положила руку лишь на два (Панама, Никарагуа), готовясь к дальнейшим планам (вопрос об Аtrato)³.

Кто уже наблюдал на практике проведение границ в горах, а именно в регионах с большим пространством вне Европы, вполне представляет, как мало на самом деле знают о Земле — в том объеме, который для ученых, занятых поиском задач будущего, имеет нечто почти утешительное, но для политической науки — постыдное. В Гималаях, на меридиональных руслах рек между Индией и Китаем, в районе Яблонового хребта (Забайкалье) и Станового хребта (Восточная Сибирь), в южноамериканских пограничных полосах еще скрыты проблемы, в сравнении с которыми покажется вполне безобидной проведенная в никуда разделительная линия папы Александра VI⁴, отторгавшая Филиппины на 300 лет от их естественного жизненного пространства и от их принадлежности к истинному календарю⁵, а Бразилию — от остальной Латинской Америки. Пограничный спор между Чили и Аргентиной с его поистине соломоновым решением благодаря сэру Томасу Холдичу был испытанием этого. Еще многие другие проблемы кроются, например, в установлении границы в проливе Хуан-де-Фука⁶, где непосредственно на расстоянии двух с половиной тысяч километров континентальный рубеж научного хладнокровия наталкивается на резко детализированные вопросы доступа к побережью, или в вопросе об инфильтрации на Дунае⁷, который показывает, как природа посредством постоянных отводов от агрессивной системы крупной реки с глубоко размытым основанием непрерывно принуждает к изменениям более слабую, с высоко расположенным течением сточных жело-

бов даже там, где они не создают условия для человеческих жизненных форм.

Особая тема — психологическая привлекательность для народов окраинных плато в качестве границ, которые на одной стороне часто тянутся как отграничивающие горизонт горы (сопки на Амуре, Декан, Вогезы на равнине Рейна!) и запечатлелись в душе народа как готовый, признанный рубеж, а на другой действуют лишь как соблазн, как бы разыгрывая медленную сцену незаметного подъема в доступные окраины, с которых направляется легкий, заманчивый, снизу трудно запрещаемый спуск в раскинувшиеся перед жадными взорами богатые долины. Так действовала граница в Вогезах на стоявших на ее высоте французов⁸, что не осознали до конца на немецкой стороне. Так действует пронизательный взгляд на Пекин с гор за рекой Нонни, а также с южных склонов Альп на ландшафт долины По — «тучную ломбардскую равнину», которая уже в воззвании Наполеона I к Итальянской армии играет столь возбуждающую роль.

Правильно признав опасность такого искушения, Третья Италия весьма настойчиво ратовала на Севере за теорию водоразделов, прокладывая рискованную границу от Изонцо вверх в необжитое, от предгорий Южного Тироля на Бреннер и Мальзерхайде, и желая проложить ее и дальше на Запад. Уже из воспоминаний Бабура, великого покорителя Делийской империи Моголов⁹, мы знаем, сколь опасный соблазн возбуждает у бедных, но воинственных горцев созерцание сверху, с пограничных вершин долины Инда, и еще третья Афганская война¹⁰, восстание в Вазиристане¹¹ показали, что с такими психологическими склонностями на границе не следует шутить. В равной мере это относится и к истории Месопотамии и вечным набегам горных племен в Двуречье. И дальше к востоку, в Гималаях, история показывает, впрочем, менее массовые, проникновения монгольских народов в индийское предполье с плоскогорий, так что

убедительное завершающее воздействие мощного белого вала, каким он представляется, скажем, из Дарджилинга или Симлы¹², односторонне; не следует забывать, что еще в середине XIX в. даже целый пограничный вал (Непал, Сикким, Бутан, Бхопал) платил дань китайцам, как Бирма, Сиам и весь Индокитай, и еще совсем недавно одной влиятельной личности — сэру Уильяму Бердвуду при посещении им границы китайцы доказывали свое право на Бамо и Иравади как свободные гавани Teng Yueh.

Право и жизнь — тот, кто до сих пор прислушивался к нам, не должен никогда забывать это — именно на границе находятся в беспрестанной борьбе. Это вряд ли обнаруживается в какой-нибудь правовой области лучше, чем в области права высокогорного выпаса, которое, без сомнения, иногда входит как ископаемое (Fossil) в современную структуру общения в Альпах, Пиренеях, Вогезах, еще властно вдается в индийские, африканские, азиатские границы областей (полевые межи).

Эти древние права выпаса, как любые другие на родной народной почве, достойны уважения, и их позаботились закрепить для себя при переселении народов германские общины и так крепко удерживали свое старое право на землю коренного населения на северогерманской равнине, как вандалы Гейзериха¹³, некогда господствовавшие в Северной Африке.

Однако жестко удерживаемые права выпаса при бурном переселении народов освятили переходы границ, которые при всем том распространились на обширное пространство между Теодулпас и долиной Аоста¹⁴ и Монтавон и Пацнаун; права выпаса сохранили местные пограничные трения в Вогезах, которые пережили длительное время — от взлета аббатства Ремиремонт (Remiremont) как светского владения до возврата долины Мюнстера¹⁵ под немецкое господство; а совсем недавно в Альпах, в Верхнем Этцтале, право выпаса для местных жителей раздули в международно-правовой вопрос. Ни мощь ста-

рой царской России, ни охрана китайских границ во времена расцвета Маньчжурской империи¹⁶ не оказались достаточно сильными, чтобы пресечь зимние и летние переселения киргизов. Из-за высоты перевалов и относительной жидкотекучести (Dünnflüssigkeit) сообщения между Индией, англо-индийским Тибетом и Восточным Туркестаном¹⁷ его выравнивающее культуру постоянное воздействие легко недооценивается; и оно (воздействие) во всем своем значении (в том числе распространение буддизма!) может восстанавливать способность нарушать границы права выпаса, караваны. Схожим образом миграционный поток туда и сюда взламывает границы и отменяет их по обе стороны между Маньчжурией, Хили, Монголией и Забайкальем¹⁸.

Исследуя такие процессы, мы выясняем большое историческое значение пояса пастбищ и сопредельных нагорных пажитней (Almboden). Ландшафты высокогорных пастбищ, как на Памире, высокогорные долины Чика, горные окраины вдоль китайского Шелкового пути¹⁹, а также огромная зона культуры кочевников (номадов), которую мы постоянно познаем по захоронениям от Дуная до Маньчжурии как раннее культурное единство, воспитали те вождистские натуры, за которыми последовали многие в крупномасштабных переходах границ в истории, в создании степных империй, в нашествии гуннов, монголов и тюрок.

Несомненно, своими набегами они причиняли порой мучительную боль и порой разбивались об «искусственные линии» из почти нерасчлененных границ (Пенк), которые должны были защищать от них старые культурные пространства, а порой и фактически защищали на протяжении столетий, как римская граница [Лимес] по Рейну и Дунаю, поселения и укрепленное предполье Великой Китайской стены, пограничные сооружения Индии на Северо-Западе, так что поток отводился в совершенно иные русла, на другой конец Евразии. Однако грандиозный

противоположный ритм перехода границы и сохранения границы, который наделяет историю Старого Света эффектным мотивом постоянства, вероятно, ведет свое происхождение из противоречия между нарушителем границ — скотоводом, кочевником или полукочевником — естественным сторонником права свободного выпаса и оседлым пахарем — творцом малой границы, вспаханной межи, прочной ячейки. Мы видим, что отдельные естественные, единообразные ландшафты с прочными структурами выстроены именно по принципу границы водораздела и они вряд ли доступны уничтожению, но все же и затопленные, снова возрождаются в той же форме.

Япония с ее структурой чисто речных маленьких областей, гидрографических единств, части Швейцарии, особенно Граубюнден, части Тюрингии, вообще старых германских областей построены по этому принципу, и ему лишь в качестве противовеса должна присоединяться какая-либо крупная связующая система, как в Японии — море, охватывающее всю жизненную форму: в противном случае такие ландшафты становятся границей прямо перед носом, перекрытыми тенью собственной колокольни, что британец шутя называет «реппуwise but roundfoolish»²⁰, за своими слишком тесно запертыми зазорами, «заключенными в ящик» (*emboitement*), как некогда один умный француз сказал о Германии.

Такой опасности подвергаются в особенности *государства на перевалах*, и поэтому посвятим им здесь краткое рассуждение. Государства на перевалах — древняя, в определенной степени примитивная форма, и современные скоростные коммуникации усложняют их некогда оправданные условия существования. Основанием таких государств часто служит то, что высокие гребни гор с прилегающими к ним по обеим сторонам горными пастбищами, пажитнями и долами сами оказываются для жизни и связи более дружественными, чем район узкого ущелья и расселины, которому сопутствует чаще всего подно-

жие горы внутри горного массива перед стоком горных потоков на равнины. Благодаря этому жизненное пространство становится достаточным для самостоятельных миниатюрных государственных образований, которые, однако, всегда находятся под угрозой навязывания им извне условий существования, могут оказаться в конечном счете в сфере влияния альпийской поймы. Государства на перевалах, следовательно, примитивная, архаическая форма и, будучи однажды разрушенными, могут с трудом снова восстановиться. В Савойе, Тироле, на Кавказе, а также в Трансильвании они были разрушены извне. В Швейцарии они все еще существуют в старых кантонах и в своей связи с Тичино, а также в Граубюндене, который еще и сегодня со своими тремя диалектами — Puschlav, Misox и Bergell²¹ — показывает, каким явно выраженным самостоятельным государственным образованием на перевале он был в то время, когда еще владел Вормсом (Бормио)²², Фельтеном и Клеве (Кьявенной). Но более чем спорно, могли бы истинные государства на перевалах Швейцарии пережить период поглощения Гельветии²³ без поддержки городов-государств альпийской поймы — Берна, Цюриха, Сант-Галлена.

Из государств на перевалах Гималаев в настоящее время все еще существуют Кашмир, Непал, Бутан, Бхопал, в известных формах также Сикким; мотивы перевалов присутствуют в истории Сербии и Болгарии, Боливии и Перу, а в Новом Свете чистыми государственными образованиями на перевалах были Пенсильвания, Панама и Теуантепек.

Но в то время, когда развивавшиеся в коротковолновых ударах сношения отзвучавшего средневековья благоприятствовали миниатюрным государствам на перевалах, так что Альпы изобиловали рудиментами такого вида и все значительные монастыри (Андекс, Химзеклестер), епископства (Зальцбург, Фрейзинг) искали основание для образования государства на перевале, сегодня требуется

более крупная составная часть формы для поддержания жизнеспособности такого государства; и пространства великодержавного прошлого, как Монголия, Афганистан, китайские внутренние ландшафты Сычуань и Юньнань, сохраняют сегодня характер государства на перевале.

Чем больше границы в горах проявляют тенденцию к сопряжению, тем больше государства на перевалах, естественно, ими охватываются; они каменеют, приобретают архаические черты, сохраняют стиль запаздывания в политике наряду с таковым в культуре и экономике.

Если мы попытаемся еще раз установить противоречие, взвесив некоторые из его практических применений, то оказывается, что с прогрессом культуры и цивилизации, индустриализации и ростом плотности населения граница по водотоку становится более проницаемой, изменчивой, более охваченной борьбой, а граница по водоразделу в форме вертикальной проекции, напротив, все более и более закрепляется, склоняется к сцеплению и стыку, следовательно, разделяет с большей перспективой на постоянство. Рассматриваемая чисто научно, немецкая народная почва, следовательно, подвергается наибольшей опасности южнее Бреннера, вероятно, меньше всего на Рейне, больше на Висле и еще больше в области Богемского леса²⁴ и южнее Судет.

Со справедливым чувством Пегас, Зигер и Зёльх признали наибольшую опасность именно на южнотирольской границе и выковали для нее на разумных основах добытое из малых форм и исторических поселений оружие, которое затем британские критики присвоили себе (см., например, «Манчестер Тардиан», 2 февраля 1927 г.).

Психологические аспекты границы по водотоку, как и горной границы, всегда привлекали в рабочее поле политической географии блестящих наблюдателей и самые светлые умы. Н. Кребс, Ратцель, Заппер, Мауль²⁵ пришли к выводам основополагающей ценности. Исполненное душевной глубины отношение между горой и человеком,

между человеком и крупной рекой лежит в основе проблемы, и, пожалуй, это дало нам право поставить беглый и сжатый обзор этой темы в виде примера в центр отдельных исследований²⁶.

ГЛАВА XVIII

РАСТЕНИЯ В РОЛИ РУБЕЖЕЙ. ГРАНИЦЫ ФЛОРЫ

Там, где ряды растений в виде плотных зон и поясов разделяют с известным постоянством хозяйственные предприятия людей, государственные образования и политические жизненные формы, должна идти речь о пограничных предпольях, оказывающих влияние на рассечение разделенных областей обитания посредством внешнего вида земли (chtonisch) или метеорологических условий (klimatisch). Свойство разделять народы имеют прежде всего обширные области лесов и болот, труднопроходимые лесные ярусы с заболоченными полосами, часто испытывающие внезапное изменение рельефа местности из-за подъема уровня грунтовых вод. Особенно памятны человечеству типы границ муссонных стран, богатых осадками, государств сарматов¹ или Амазонии² с едва определимыми из-за заросшего влажного леса водоразделами, границы Судана с притоками Нила, покрытыми болотными растениями. Сопутствующий пояс заболоченных равнин и дремучих лесов Гималаев — Тераи, все еще защищающий сегодня Непал и другие высокогорные государства от полного поглощения Индо-Британской империей, бирманско-китайское предполье дремучего леса в верхнем течении Иравади и Салуина³, болота Припяти и Рокитно проявили себя в древней и новой истории как политически действенная разделительная сила, которой обладает растительный покров. Океанографический эквивалент этого — легенда о непреодолимом Саргассовом море⁴.

Однако и пояс хвойного леса алеманнов⁵, и земляные укрепления лесной крепости Богемии, и ныне исчезающий Коленвальд⁶ как рубеж фламандцев и валлонов, и Вогезский лес, и 68,4 процента лесной и болотной границы Польши против 31,6 процента открытой — всё это растительные границы, играющие большую, а зачастую и решающую роль в истории Западной и Промежуточной Европы.

Лесные и заболоченные области могут вступить в жизненное содружество (симбиоз) с некогда установившимися границами по водотоку (Wasserlaufgrenze) и границами по водоразделу (Wasserscheidgrenze), усиливающее разделяющую способность, или, приняв в отдельных местах противоположное направление, не допускать их влияния, как в лесной зоне Верхней Силезии. Они могут — подобно пойменным ярусным лесам, зонам обмеления — быть сопутствующими проявлениями водотока, как отдельные важные, сопровождаемые ярусным лесом границы крупных рек Южной Америки, или же выступать в роли водораздела, например, как сообщающиеся области источников. На влажных полях проходов Тауэрна⁷, в японских высокогорных пустошах с рыхлым вулканическим грунтом, с плотно устоявшимися окраинами, в грунтовых источниках, высыхающих топях, в Шпреевальде с его амфибийным характером каждый может легко установить, сколь сильно отграничительное действие региона как целого и как трудно проложить границу внутри него, даже если не прибегать в качестве примера к совершенно непросматриваемым и труднопроходимым субтропическим и тропическим ландшафтам (опыты комиссий по демаркации границ в Камеруне, Новой Гвинее, в государстве Конго⁸, в ландшафте Верхнего Нила, Амазонии, пограничный патруль фельдмаршала Бердвудса на бирманско-китайской границе⁹).

В таких случаях следует обращать особое внимание не только на распространение и границеобразующую способность растительного покрова в меридиональном и широтном направлениях, но и на очертание границы, на продольный профиль, как это убедительно показал в своем исключительно богатом и побуждающем к личным наблюдениям исследовании Ф. Ратцель «Nöhenggenzen und Nöhengürtel»¹⁰. Описывая наши альпийские долины, он утверждает, что там, как правило, можно установить по меньшей мере пять отчетливо узнаваемых растительных границ с сильным антропогеографическим обратным действием на расселение и политическое деление, которые разграничивают пять зон, из коих две благоприятны, а три враждебны и трудны для поселения и сношений. Первая зона — *терраса долины*, приемлемая для жилья, с поселениями, укрепленными откосами, пригодная для пахоты, с проложенными дорогами; далее неблагоприятный для дорог и сношений *лес на отвесной скале*; затем вновь благоприятная для сношений узкая заселенная, пригодная для животноводства *зона пастбищ*; и, наконец, *скалы и фирновый снег*. При этом изменение между террасами посредством промежуточной прокладки дополнительной ступени может, естественно, умножаться.

Обращаясь к экзотическим образцам вулканического ландшафта, мы находим и здесь весьма четкие зоны растительности; их описал А. Гофман в книге «Waldungen des Fernen Ostens» («Лесные массивы Дальнего Востока»), дополненной впечатляющими диаграммами и тонкими личными наблюдениями на примере Японии¹¹.

Особенно подходят для наглядности даже отдельные конусы вулканов: часто используемые в этих целях лесная зона и снежная шапка столь отчетливо обозначенной Фудзиямы, конуса яванских вулканов, Килиманджаро. С другой стороны, идя по следам Ратцеля, наводящим на

проблему, а также стимулированный Понтеном¹², М. Земпле¹³ изложил наблюдения относительно растительной границы и географии строительных материалов. При этом обнаруженный, часто безупречный по своему происхождению строительный материал, на основе которого реконструировались формы культуры, помогает доказать связь между преодолимыми и непреодолимыми препятствиями растительно-географического характера и разделениями политических структур.

Труднее привести такие доказательства для подтверждения связи между плотными насаждениями растений и обильным водотоком в особенности для пояса болот, заболоченных лесов и аналогичных проявлений, ибо не все они столь отчетливо навязывают культурные, силовые и экономико-географические различия, испытанные в историческом развитии, как болота Рокитно и Припяти, где уже в новое время разыгрались события военной истории (вывод руководящих командных служб по незнакомым болотным дорогам!), напоминающие о провале наступательных операций римлян в германских заболоченных лесах.

Такие заболоченные леса и простирающиеся к морю приречные болота Ирландии, защита Терая, необычайные трудности британских и французских экспедиционных вылазок против защищенных прибрежными болотами западноафриканских государств¹⁴, трудности умиротворения на длительное время до известной степени прикрытых растительностью пограничных пространств в Малайском архипелаге, Малайских провинциях, Индокитае (Манипур, Сиам) — отнюдь не единичное явление.

Важно при этом, что различие между естественными джунглями и вторичными, на месте выкорчеванных, узанаваемо еще в течение 100 лет; и только спустя 100—120 лет оно начинает сглаживаться. Даже в благоприят-

ных для роста растений областях это различие сохраняется долго, пока природа снова не восстановит защиту растений во всей своей первоизданной силе; значительно дольше, естественно, — в умеренных зонах. Прежний, неоднократно использовавшийся в военное время еще в 1805 г.¹⁵ для защиты лес «Эрлайха» на южном берегу озера Аммер ныне совсем исчез!

Однако история Центральной Европы учит, что такие лесные и заболоченные области как пространства защиты сыграли очень большую роль и в сдерживании враждебных рас (вельши, вальхи, валы — к югу от Дуная, венеды — в Шпреевальде); новейшее развитие авиации показывает, что полное исчезновение таких пространств делает народы во время войны еще более безоружными, чем со своими поясами лесов, чью прикрывающую силу никоим образом не вытравить из памяти населения Галиции или Польши, сновавшего между войсками туда и сюда, пытаясь укрыться с частью своего имущества, и считавшего условия своего существования просто невыносимыми, в то время как на Западе при равных обстоятельствах для него вообще не было бы никаких возможностей выжить.

Какую охранную роль сыграли в локальной политической жизни Италии, как и Испании, маки¹⁶, под покровом которых был рожден Наполеон спасавшейся от опасности матерью; как трудно было преодолеть войну в зарослях и изгородях Вандей¹⁷, Тироля, Швейцарии по сравнению с Гельвецией, Бельгией и Северной Францией, Трансваалем и Оранжевой республикой; как вдвойне опасна война в субтропиках, где они, например, в Юго-Восточной Азии, в определенной мере благоприятствовали сопротивлению, и лишь ослабление центральной власти в Китае сделало возможным колониальный успех французов, которым он противостоял в предполье аннам-китайской границы?¹⁸ Сколь бессильной оказывалась

неоднократно тактика регулярной армии в Соединенных Штатах в противостоянии войне кустарников и изгородей¹⁹, в благоприятствуемой растительным покровом предполий лесов малой войне, так что в конечном счете в Индии, Северной Америке, Испании всемирно-исторические решения свелись к непреодолимости границ растений всеми средствами ведения войны и транспортной техники.

В Центральной Европе общей картине как естественного, так и измененного культурой ландшафта чуждо одно явление, которое поэтому заслуживает особого упоминания здесь, — это высокорасположенный, обсаженный водоток. В других культурных ландшафтах Земли, в Ломбардии (решение Мадженты²⁰, пожалуй, зависело от этого, как и некоторые наполеоновские битвы!), Китае, Индии и Японии водоток имел абсолютно решающее значение для ценности внутренней границы разделенных ландшафтов, естественно, и при отмене внутренних границ действительным или условным состоянием войны. На дважды предпринимавшийся японцами поход в Корею²¹ и Юго-Восточную Маньчжурию влияло, например, вплоть до повторения форм отдельных операций, даже тактики (Ялу!), своеобразии высокорасположенных водотоков между обсаженными растениями дамбами; для японцев это своеобразие было чем-то естественным, тогда как для русских — почти чуждым: отсюда различная сноровка при их преодолении.

Одно абсолютно примечательное явление мы обнаруживаем при защите границы Сингальского государства на Цейлоне²² против вторжения дравидов и тамиллов из Индии. Там шла речь о высокоразвитой области культуры с высокоразвитыми ирригационными сооружениями, с одной стороны, и неслыханным буйным растительным миром как следствием обильных осадков — с другой. Мы видим планомерное перемещение джунглей вперед-назад

как подвижную границу обороны уже не способной к сопротивлению высокой культуры, совершенно аналогично тому, как мы обнаруживаем применение Римской империей лесозащитных границ и пояса болот²³.

В связи с этим явлением следовало бы подумать о дальнейшем обогащении растительной защиты малых и межевых границ, на основе которых часто (также по Пенку) складываются более крупные и значимые границы. Обсаженные растениями плотина, шоссе, заросли кустарника, искусственная живая изгородь в любой форме выделяются в очертании культурного ландшафта как разделительные линии: например, укрывающие от мистрала, столь примечательные ряды кипарисов в Провансе, тополя Ломбардии и Венеции, обозначившие, между прочим, путь наполеоновской армии и выделявшиеся на фоне ландшафта, плантации масличных и плодовых деревьев. В военной истории известны также ряды туй Колomba у Меца; мешавшие атакам насаждения плодовых деревьев Вёрта и Мадженты; кактусы Мексики, которые болезненно почувствовали северные непрошенные гости при первом походе североамериканцев против Латинской Америки²⁴, колючие изгороди и кустарник, с помощью которых австралиец, марокканец и южноафриканец весьма эффективно защищают границы полей, угодий и дорог. Живая изгородь британско-французского ландшафта каналов по обе стороны — во французском департаменте Норд и в британском Кенте — тоже пограничная форма, весьма затрудняющая обзор и движение, даже столь ухоженному культурному ландшафту дает первоначальный импульс, но наверняка и более надежную защиту, испытанную способность — и это подтвердит любой, познавший на военном опыте различие между маневренными битвами в департаменте Норд с живыми изгородями или в обширных распаханых пространствах Пикардии²⁵.

Наблюдения на сей счет поэтому ценны, ибо отдельные народы уже в мирное время благоразумно, в меру возможностей предусмотрели эту защиту, создавая, как французы, многолетним трудом свои дороги и ведомства по управлению речными коммуникациями, включая возвращенное уже Наполеоном I действенное управление. А иные народы — как мы — признали значение такой «коррекции счастья» лишь в войне, когда они под впечатлением жестоких потерь в пограничной борьбе позднее и мучительнее осознали, как важны помощь естественной и искусственной маскировки, искусство камуфляжа²⁶.

Благодаря упреждающим посадкам растений с раскидистой кроной вдоль важных просматриваемых улиц и дорог, лиственных и хвойных деревьев определенной высоты и направления именно обороняющаяся сторона, размещенная *bona fide*²⁷ на пограничной земле, могла бы сохранить чрезвычайно много жизней бойцов ландвера и ландштурма²⁸, преимущественно отцов семейств, мирных жителей. Это запоздалый, слишком запоздалый вывод о том, что даже у обороняющегося, располагающего превосходящими техническими средствами, у подвергшегося ударам военно-воздушных сил народа определенное профилактическое прикрытие коммуникаций было бы запоздью самосохранения.

Итак, и большие, исторически признанные границы народов, и малые формы, из которых складываются многие из них, запечатлевают тот факт, что растительный мир накладывает важный отпечаток на разделение жизненных форм человечества, напоминая о том, что им нельзя безнаказанно пренебрегать, что каждый народ должен знать картину своего культурного ландшафта сверху донизу, со всем его растительным покровом и во все времена года. Растительная граница и граница между людьми могут находиться в отношениях складывающегося сотрудничества (симбиоза) или разрушительного противоречия (антитезы); она может допускать преобладание внутри естествен-

ных или искусственных различий; она может быть подчеркнута посредством вида грунта (chtonisch) либо длительного погодного воздействия (klimatisch) — но всегда нуждается в заботливом внимании.

ГЛАВА XIX

ГРАНИЦЫ ГЛАВНЫХ РАСТЕНИЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

СТОЛКНОВЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФОРМ.
СОПУТСТВУЮЩИЕ КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ
КАК СВИДЕТЕЛИ ГРАНИЦЫ

Рассмотрение границ главных растений мирового хозяйства (например, пшеница и рис в Индии, просо и рис в Китае) обусловленного ими столкновения различных хозяйственных форм друг с другом (например, превалирующее пастбищное и луговое хозяйство против зернового, орошаемое или суходольное на террасах и мотыжное, или засеянное льном и на живом тягле), наконец, исследование основных сопутствующих человечеству культурных растений как свидетелей границ — съедобного каштана и винограда для романской культуры, бамбука для малайцев, риса, чая и бамбука для японцев, маиса, какао и картофеля для перуанцев и тому подобное — лишь частная область большой проблемной зоны растительной границы в ее обратном воздействии на разграничения человеческих общностей.

Однако для эмпирики границы и ее научного рассмотрения это одна из тончайших областей наблюдения и еще далеко не исчерпанная. Даже о понятиях экстенсивного и интенсивного использования земли, о границах постоянных или подвижных, меняющих свое местоположение культур в экономической географии нет единодушия.

Определенный ключ [в подходе к проблеме] дает нам более простая и более очевидная возможность наблюдения за культурами окраинных хозяйственных областей, в особенности пояса пустынь Старого Света. Окраины пустынь, степные переходы, кромки лугов направляют быстрее и беспрепятственнее как антропогеографические образования (пояс кочевников севернее понтийского, кавказского, алтайско-монгольского ландшафтов), так и перемещения культурных растений¹. И даже сами границы мы часто изучаем по определенным формам их прорыва или перехода, которые закономерно совершаются, легче различаются.

Границы ледникового периода и вечной мерзлоты, как и границы распространения пустынь, надолго запечатлеваются в уплотнениях на извилистых тропах кочевий, даже если они устарели, даже исчезли.

Распространение границ отдельных культурных растений далеко за первоначальные оптимальные области их произрастания часто, как у рас человека, навязывается при особом раскрытии постоянной ценности и испытанных качеств именно на отвоеванных границах: пример тому — распространение *oryza sativa*² и чая из исконных областей в Ассаме³, охватившее весь муссонный ландшафт, винограда, фруктов (из верхней долины Инда, из Пянджа). Пшеница — всеобщее достояние потянувшихся на запад и юг из Внутренней Азии арийских племен, переселившихся на восток китайцев; лишь позже они переходят на рис.

Широкое развертывание пшеничного пояса показывает, как актуальна проблема перестройки обширных земельных пространств и соперничества с культурой риса и проса в его попытках найти опору в северной анэйкумене. Так следует понимать стремление русских распространить пшеничный пояс на всю умеренную зону на Севере в более крупной связности. В русско-японской войне и ее

предыстории становится ясным внутреннее переплетение границ главных растений мировой экономики с границами господства человека; становится очевидным и противоположное устремление извилистого потока русских переселенцев в сторону Тихого океана, просачивающегося на Запад китайского через Внутреннюю и Северную Азию к хозяйственным растениям.

Именно другу мира непреложный факт вездесущности этого соперничества между главными растениями мирового хозяйства и его воздействия на столкновение различных хозяйственных форм дает весьма обильную пищу для размышлений. История свидетельствует о постоянных перемещениях границ культурных растений, о регулярном в ранние периоды расширении пахотных полей на высотах, где ныне больше занимаются животноводством, виноградниками на горных террасах (Кельгейм — Винцер! берег Дуная! Заале!), а маис или овощи растут лишь в ухоженных огородах. Тщательное наблюдение за нынешними границами в районе Вогез и Гарда, где давно исчезли следы римской культуры земледелия, обнаруживает все еще рассаженные строго в квадрате на полосах и участках виноград, каштаны и пинии, кроны пиний над тремя другими сопутствующими растениями римских «Георгик» — виноградной лозой, оливковым деревом, каштанами. Это — земля позднеимперского времени, где занимаются виноградарством, с примыкающими к ней участками под вспомогательными средствами (откорм скота), с обустроенными виноградниками (каштанам — поскольку съедобный каштан, согласно Шарфеттеру, является типичным сопутствующим романским народам на германороманской границе деревом) и пиниями как прочной опорой для этого растения.

Симптомом ослабления или обновления силы народов и рас на границах служит также продвижение и отступление вызывающих соблазн культурных растений.

Существует взаимосвязь между выращиванием мака и порочным потреблением опиума, выращиванием конопли и потреблением гашиша.

Соперничество между пшеницей, просом, рисом до краев заполнен мир, и это неразрывно связано с переносом границ силовых и экономических организмов. Соперничают друг с другом и волокнистые растения, хлопок пробивается вперед!⁴ Внутри кажущихся исключительными по значимости областей имеют успех, например, маис в тех районах Соединенных Штатов, где не бывает заморозков⁵, или овес (Северная Европа), гречиха, рожь с более или менее ограниченным, переменным экономическим влиянием. Волокнистые культуры также борются не только между собой, но и с другими сырьевыми продуктами животного происхождения (шелк, шерсть). (Хлопковый пояс, отделение Судана от Египта в имперско-британском духе главным образом из-за дохода от хлопка⁶.) Как безжалостно вытесняет бразильская каучуконосная гевея смешанный, богатый древесиной девственный лес на Индокитайском полуострове, особенно в объединенных Малайских провинциях, и переносит нажим вывозящих древесину и каучук ландшафтов на другие места при посредстве экспортирующих рис ландшафтов. Какой глубокий отпечаток налагает, например, на наполеоновское и более позднее время соперничество между сахарным тростником и сахарной свеклой, приводя к континентальным блокадам, передвижкам границ, таможенной системе с новыми крупномасштабными ограничениями⁷. К перемещению границ вели кофейные, чайные и опиумные войны.

Именно в наше время мы испытали огромные передвижки в Калифорнии, решительные изменения плотности населения и перенесение расовой и государственной⁸ границ в Маньчжурии, Судане в ходе изменений в географии растительного мира.

Но здесь речь идет о том, чтобы не только видеть убедительные многочисленные примеры силы, политики, но и обнаруживать господствующий над всей природой феномен и в нашей крайне ограниченной отечественной сфере наблюдения, видеть его в борьбе за существование между буком и елью, в чудодейственной борьбе наших лугов, во мхах на пне дерева, дабы убедиться в *закономерности* происходящего.

Лишь из осознания вездесущей силы борьбы за существование в пространстве и во времени, ее всеобщей необходимости и неизбежности поднимается ввысь в полной убежденности и осознание необходимости продуманной пригодности и факта симбиоза животных и человеческих рас с растениями в рамках известных границ; в связи с этим убежденность в поучительности сравнительного наблюдения за природой среди обоих и понимание, что многие жизненные формы и народы — которые в силу своей индивидуальности научились яснее видеть самих себя — пошли в этом намного дальше, чем большинство жителей Внутренней Европы, так что и им, следовательно, предстоит добиться значительных успехов в этом направлении. Прежде чем забавляться мыслью о закате некоего культурного круга, непременно приходит требование сначала наполнить его так же хорошо на весьма существенных направлениях, как это сделали многие другие [народы] со своим культурным пространством. Поэтому для нас основой ценности является столь красиво доказанный Шарфеттером⁹ целенаправленный симбиоз римлянина со съедобным каштаном и виноградом, араба — с финиковой пальмой, жителя островов Южных морей — с кокосовой пальмой, малайца — со столь свойственным морской и прибрежной культуре бамбуком, континентального германца — с непрерывной суходольной растительностью, чеха — с *andropogon-ischaemum* степных лугов, мадьяра — со *stipa*

capillata, ковылем понтийских степей, палеоазиата — с ивой (магическим реквизитом), западнотихоокеанской культуры — с триадой: рис, чай, бамбук, восточнотихоокеанской — с маисом, какао, картофелем, чьи регулярные прямоугольные посадки удивили уже первых конкистадоров. Для германцев, особенно на их разбросанной границе (Streugrenze) на Востоке, следует поставить в такие отношения бук, как для славян — липу, для англосаксов — дуб, для кельтов — тис.

Со старой индо-яванской культурой переместились определенные виды трав, подтверждая свое прошлое присутствие еще и сегодня в местах, из которых их спутник-человек давно удалился. Лишь остатки строений еще свидетельствуют об этой связи. Мировые религии или локальные культы, возникшие в определенных земных пространствах, также перенесли с собой сопутствующие растения как свидетелей границы. Так, с исконными культурами Средиземноморья были перенесены плющ, лавр и масличное дерево, христианство почитает пришедшую из средиземноморских стран пальму, а кельтские жрецы — тис; буддизм заботливо опекал *figus religiosa* — священный баньян, который он повсюду забирал с собой и насаждал (распространяя его благодаря цепкости многоствольного дерева), и цветок лотоса, а японская религия — синто оберегала вечнозеленую ветку сакаки как тотем и украшение могилы, которую в чужих ландшафтах заменял лавр.

Свидетели границ из царства растений зачастую раскрывают самим народам в затяжных исторических испытаниях неосознанные границы их оптимального расселения как рабочую область, в которой еще многое можно было бы создать из начал. Из растительного мира нашей наиболее стесненной баварской родины Трольль называет несколько таких пограничных свидетелей, и его высказывания побуждают нас к серьезным размышлениям¹⁰. Ибо биогеографическая граница растений-сухолюбов (хеко-

thermen), распространяющихся по континенту вопреки океанскому влиянию побережья, — проблема, которая для Германии вообще могла бы дать и антропогеографический повод к размышлениям о преобладании ее континентального или океанского предопределения и склонности. Скромный *adonis vernalis*¹¹ является таким свидетелем границы для преимущественно сухопутного основного направления немецкого жизненного пространства.

«Немец не понял моря», — негодуя сетовал однажды Тирпиц¹². Да, сугубо континентальному человеку вообще труднее понять море, чем океанскому, и, если хотели, чтобы немец вел себя более понимающе, подобно другим континентальным народам, следовало бы понимание этого лучше привить и внушить большинству преимущественно континентальных немцев!

Аналогичное положение, но в еще более узких рамках, *betula pana* (карликовой березы ледникового периода, не путать с *betula humilis*!) — типичного свидетеля границы того, что мы понимаем под «нагорьем». Мы еще находим ее во всей пограничной зоне нагорья: в Шенрамской топи около Рейхенхалля, в окаменелых останках в Кольбер, в Галлерфильц и Оппенридер к юго-западу от Бернрида, у Эшенлохе, Штепперга, Эминга у Гармиша, Роттенбуха, Виггенсбаха у Кемптена, Рейххольцрида. Мы делаем акцент на остатке таких свидетелей, ибо он доказывает, что добросовестно составленное краеведение вполне может содействовать этой значительной области жизни.

Важным связям между растениями и людьми, о многих из которых догадывались и которые неоднократно затрагивали, все еще недостает тщательного обсуждения. Лишь частично выяснено отношение между границами культуры и ядами для народа, например, табаком, вином, гашишем, опиумом, грибным отваром, в их окутанной тайной, обоюдном размежевании между странами-производителями и кругами потребителей. Все еще отсутствует

естественнонаучное объяснение факта, почему дар природы в одном месте Земли — всегда только умеренно используемое лекарство, в другом — истребитель людей; все еще нуждается в объяснении экономическая подоплека таких нарушений границ, как опиумные войны.

Нам хорошо освещают путь отдельные удачные работы: об огромном числе потребителей, интересующихся распространением культуры садового риса¹³ и размерами его урожая, о столь решающем в качестве основы мощи белой расы северном и южном поясах пшеницы вокруг Земли¹⁴.

Возможность постепенного иссушения важных культурных областей Старого Света напугала человечество¹⁵, и оно обратилось к поиску исчезающих границ ранее имевшейся жизни и ее растительно-географических свидетелей. Или внутренняя борьба между текстильными и продовольственными растениями (хлопок против других плантационных культур), между чувствительными к холоду и морозоустойчивыми видами злаков (маис против пшеницы) позволила создать работы, подобные американским атласам.

Но, несмотря на испытания мировой войны, в области исследований связей между главными растениями мирового хозяйства и обусловленного их распространением соперничества различных хозяйственных форм, таких, как орошаемое и суходольное выращивание риса, длительное время не проводилась работа, которой они заслуживали; лишь в отношении немногих ландшафтов Земли¹⁶ в условиях нужды, вызванной экономической блокадой, было ясное представление, чем, собственно, жила поселившаяся там масса людей. Это не достойное человечества состояние, и оно сулит мало надежд на решение в течение ближайших столетий его неслыханных, но подлежащих решению задач будущего, пожелай человечество ограничить и справедливо распределить перенаселен-

ность, навстречу которой оно идет, если будет и дальше расти так, как сейчас.

Именно вопросы границы наиболее продуктивных областей, важнейших и, стало быть, по доходности существенных для расширяющихся хозяйственных растений, распределение и разграничение особенно плодородных субтропических и тропических земель, которые могут дать значительный рост доходов, будут затем играть решающую роль¹⁷. Незначительная серьезность, с которой массы ведущих культурных стран стараются только лишь увидеть проблему перенаселенности Земли, но к которой с необычайной строгостью присматриваются знатоки, дает мало надежд, что эта обширная проблема границы будет своевременно осознана во всей ее масштабности.

Верно лишь одно: обладатели резервных пространств Земли обманулись бы, поверив, что зажатые в тиски на своей народной почве миллионы китайцев, немцев, итальянцев и японцев без попытки справедливого проведения границ добровольно согласятся голодать перед лицом пустующей колонизованной земли, занятой приблизительно 6 млн австралийцев, владеющих пространством, где могут жить 60 млн человек. Но даже если Внутренняя Европа решится на это, сотрудничающие со 143-миллионным Советским Союзом 448 млн китайцев, яванцы, плотность которых составляет 300 человек на 1 кв. км, уже показали, что у них нет такой доброй воли.

ГЛАВА XX

ГРАНИЦЫ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ И РАС ЧЕЛОВЕКА

Установить границы видов животных и рас человека, переходные пространства между главными центрами их происхождения и обитания (в становлении которых они,

как правило, совпадают с наиболее благоприятными ландшафтами, с оптимальным пространством), затем изучить пространства все еще возможного распространения и регионы угасания или изменения, а где исполнимо, связи между областями, производящими привычное им питание, определить их помощников и врагов в мире животных — такова цель учения о расах (Rassenkunde)¹ применительно к границам.

Проблема заключается в том, чтобы привить наблюдателю острый взгляд на соприкосновение рас друг с другом (Rasseneinanderlegung), как и на их смешение (Rassemiberschiebung), каким, например, обладают Ленц и Шейдт².

Однако смешение, контактный метаморфоз встречаются гораздо чаще, чем строгое разграничение. Труд Хена — достойное уважения свидетельство этого³.

Спокойное совершенствование рас и прозрачность их обоюдного разделения на доступной для контактов Земле редки, хотя мы и считаем вполне возможным — в противовес склонным к сильным преувеличениям расово-историческим идеологиям — преобразование общепризнанных, новообразование смешанных рас человека как видов из нынешних отличий, весьма малоустойчивых перед практикой. Именно наблюдения в Восточной и Северной Азии, к примеру в Маньчжурии, за созданием хуторов (Manschen) среди русских, корейцев, маньчжуров, китайцев и палеоазиатов убеждают нас в этом.

И кажущиеся ныне еще необычайно чистыми, находящиеся в особо благоприятных условиях расы, как японцы, все же результат смешения весьма разнородных потоков переселения в «резерваты»: острова или островные дуги (Япония), горные ландшафты и котловины (бассейн Ангары (Angaraland), Фергана, долины басков, переходные плато в Гималаях, западный склон Памира, Гиндукуша).

Замещение рас часто обнаруживается во внешне благоприятных единых ландшафтах (Восточная Анатолия)⁴.

Явления возврата действуют в направлении передвижения границ. Вновь образованные границы должны быть найдены, подобно тому как изучают породы коневод, любитель голубей, как в ботаническом и акклиматизационном садах сначала искусственно создаются условия для развития пришлых видов — причем для созданного на побережье альпинария или извлеченного, будто по волшебству, в засушливой области болота, сооруженного на равнине из щебня региона пестрого песчаника, для довольно дорогих лошадей и видов крупного рогатого скота, овец, свиней, кур и голубей без обиняков признают, учитывая практический опыт, то, что все еще нередко оспаривается в отношении людей.

Наше внимание больше всего привлекает расположение полосами в направлении Восток — Запад в наиболее потрясенных переселениями [народов] пространствах Старого Света, соответственно географической структуре цепи гор в Северной и Центральной Азии, линии полос переселения между ними или севернее вдоль них. Так располагается неоднократно испытывавшая давление, частично также прорывавшаяся полоса Урал — Алтай со своими легко устанавливаемыми по агглютинирующему языку⁵ остатками народов, так располагается полоса русской колонизации в Северной Азии — «заглохший, извилистый поток в неупорядоченном русле»; так тянется навстречу ему, растекаясь в западном направлении, позднекитайский поток, частично вновь восстанавливавший прежнюю колонизацию там, где некогда проходил раннекитайский поток вдоль Шелкового пути, затем протискивался в долины Вэйхэ и Хуанхэ, подобно более позднему вторжению несших ислам рас. Повороты на Юг мы узнаем повсюду в тех местах, где структура идущих в направлении Тихого океана горных хребтов и каскадов принимает вид преимущественно меридиональных.

Горы, лес и заболоченные регионы (Южная Африка!) предстают перед нами как защитники остатков рас

и народов. Так проявляют себя Кавказ, склоны Алтая и Тянь-Шаня, обширные долины романских народов и латинов⁶ в Альпах. Так все еще сохраняются баски в Пиренеях, армяне в высокогорных долинах ландшафта Арарата, который они справедливо изобразили на своем гербе.

Окрестность ландшафта Хайберского прохода⁷ в особенно подходящих для обороны долинах скрывает многие расовые границы, в то же время часто совпадающие с границами провинций. Вдоль Гата держатся гонды, вудары и бхилы (Bhils), в Гималаях — гуркхи⁸ и многие другие чуждые собственно индийскому расовому смешению горные племена, в продольно расположенных переходах Малайского полуострова — обнаруженные Мартином и недавно Шебестой племена сенои и семанг, эквивалентом которых на Цейлоне являются ведды⁹.

По-особому часто действуют кольцевые горы и плоскогорья, оберегая виды животных и расы человека и помогая удерживать постоянные границы. Так закрепляются сингалы (сингалы) по отношению к дравидийской расе и напору тамилы из Передней Азии, в конечном счете скопившиеся на крошечном пространстве плоскогорья (вокруг Полоннарува-Канди)¹⁰, негритосские жители внутренних районов, моро и ториадья на Филиппинах, на Зондских островах по отношению к малайцам и тагалам.

Еще труднее, естественно, проследить географические границы животного мира и человеческих рас в субтропиках и тропиках, чем границы растительного мира, всегда больше привязанные к почве. Отличными вспомогательными конструкциями могут при этом оказаться смелые оригинальные рабочие гипотезы, например, широко задуманное Лео Фробениусом разделение Африки на хтоническую, теллурическую и лесную культуры. Однако такие конструкции, конечно, требуют детальных доказательств¹¹.

Здесь благодатная почва для индивидуальной работы в полевых условиях. Трудность наблюдения за расовыми

и племенными границами, а также за границами видов, подтверждаемыми и засвидетельствованными в языковых и культурных отличительных признаках, достаточно велика даже на знакомой, родной почве. Попробуйте, скажем, в пространстве между Аммерзе, Хуозигау, Верденфельсом и обширной языковой котловиной романской культуры на выходе к долине реки Лех между древними монастырями Вельфов¹² проследить швабско-баварскую племенную границу! Как вмешивается там алеманнский и баварский обычай, даже диалект, к тому же с добавлением «влахских» и альпийских остатков!

Обработка дерева, использование металла, керамика, способ строительства, землепользование и содержание скота — все это должно помочь; и все-таки создаются, как доказывают работы Б. Швейцера, многочисленные карты с различными вводящими в курс дела легендами почти для каждого характерного (бытового) слова, для каждого обычая, хотя они и в целом, в главных линиях своих границ, часто совпадают или сближаются¹³.

Понятно, что подобные работы, которые ведутся на стыке особенно прочно сохраняющихся рас и племен, в отчетливо отграниченных переходных областях (по понятным причинам раннего осознания значимости проблемы), возникают по предпочтению. И поэтому такие образцовые начинания в Швейцарии, как, например, швейцарско-верхнеитальянский языковой атлас Ябергаи Юда¹⁴.

Но в него включены также замкнутые расовые образования и расовые смешения, как французы¹⁵ и нижние саксонцы; и более высокая ступень пограничного чувства при этом становится очевидной, смотря по тому, рано или поздно начата работа (разработки германо-польских языковых и расовых границ Пенком и Фольцем, разграничение Восточной Европы венской школой после войны)¹⁶.

Естественно, столь разнородные, сложные государственные образования, как старое государство Габсбургов, хотя и вызывали жгучий познавательный интерес, но

меньший для обсуждения общественным мнением, что само собой понятно. Когда же закрывают глаза на дешевую насмешку в опубликованной в Париже галерее монархов, представившей седовласого императора Франца-Иосифа¹⁷ «вавилонским царем» без всякой иронической подписи, то напрашивалась как бы сама собой характерная аналогия с Хеттским царством¹⁸, с его точно таким же на девяти языках государственным архивом¹⁹, что явилось для археологов благоприятной случайностью наряду возможностью лингвистических разгадок и сопоставлений. Однако уже тогда признали, что столь шаткие, охватывающие внешние связи, самые различные племена и расы границы имеют мало права считаться прочными. Географическое основание для исторических выводов, которые в отношении таких жизненных форм призывают к осмотрительности, должно было исходить только из этого!

Если появляется опасность одной или нескольких пересекающих территорию государства расовых границ, непосредственно угрожая даже таким государственным образованиям, как Хеттское царство и Габсбургская империя, то косвенно она стоит и перед всем человечеством с его политической структурой и его надеждами на более широкое сплочение. Конечно, такие работы, как Лотропа Стоддарда, Мэдисона Гранта и Дж. В. Грегори²⁰ — что выдают уже их подстрекающие названия (*Rising Tide of Colour; Menace of Colour; Menace of the Underman*)²¹ — грубые, вульгарные, режущие ухо фанфары; однако они все же показывают благодаря воздействию их переводов, как восприятие немецких трудов Гюнтера²² пробуждает сознание жителей Внутренней Европы к рабочему полю, которое, как они слишком долго верили, можно уступить несуществующей предусмотрительности некоей несуществующей расовой теории.

Несомненно, многое вызывает возражение в отношении беззастенчивых американских обобщений европей-

ских расовых границ, например, в книге Стоддарда «Race realities of Europe»; и все же лучше, что американцы знают эти грубые расовые границы внутри Европы, чем они почти ничего не знают о том, как иногда их знаменитый 14 пунктами президент Вильсон²³, что, пожалуй, никто в них не верил, кроме Германии.

Конечно, позволительны некоторые незначительные возражения против «Geopsychische Erscheinungen» Гельпаха²⁴, вероятно, скорее против его «франконского лица» или различия между *Metrotypus* и *Mimotypus*. И все же лучше, что немцы вообще проявили интерес к наблюдениям в духе Гельпаха над тем, какое сильное воздействие оказывают условия ландшафта, состояние погоды и отношение людей друг к другу, чем если они впадают в полузабытие, не имея личной установки относительно этих поистине важных для их будущего вопросов; и лучше, что они изучают расовые границы, прежде всего глазами Понтера видят исчезающие, хорошие, неотъемлемые части расы, чем ничего не видят.

Бессмысленно отрицать, что антропология в области теории познания расовых границ, расовых видов и расовых смешений из-за сверхпедантичной точности и намеренного восторга науки о культуре, учений о государстве и экономических учений точно так же осталась виноватой в отношении необходимой популяризации неуязвимых знаний, как антропогеография продолжительный период со времени Ратцеля, — и лишь под давлением войны нужно было срочно наверстывать то, без чего невозможно было добиться все еще абсолютно необходимого, своевременного массового действия.

Таково неприукрашенное состояние вопроса; и когда ныне время от времени на арене научной борьбы возникает нечто такое, что выглядит нежеланным гостем, то следует признать, что оно проникло туда через слишком обширные промежуточные пространства, слишком широко

открытые не соприкасающимися друг с другом специальными научными дисциплинами, в отдельных рабочих полях которых утрачена добросовестная основательность, позволяющая видеть необходимые связи (стыки).

Именно поэтому стало возможным при недавнем крупномасштабном переносе границ, что наука, привлеченная по случаю, играла столь малую роль генерального управляющего (какую предназначал для нее Челлен), не раз ограничиваясь ролью архивариуса, что, напротив, грубые обманы со стороны руководящих государственных мужей с помощью беззастенчивых фальсификаций, например, со стороны Промежуточной Европы (*Zwischeneuopore*) — польской, чешской, французской, а также итальянской — остались безнаказанными, более того, были оплачены территориальными расширениями, что политико-географическая неосведомленность таких мужей, как Ллойд Джордж²⁵ и Вильсон, вошла в разговорку.

Итак, передвижка границ, особенно в Европе, в их географических формах состоялась затем почти без участия науки, хотя и при протестах научных представителей главных стран, извлекивших выгоду, как доказало демонстративное отмежевание Кейнса²⁶ и Перси М. Роксби («*Far Eastern question in geographical settling*»), — и это еще требует существенных корректив.

«Остаток», который по меньшей мере должна была бы объяснить наука союзнических и ассоциированных (объединившихся) держав, лучше всего отражает работа Дж. Боумена «*The New World. A study in political geography*»²⁷, в которой за счет больших средств Нью-Йоркского географического общества самые худшие грехи в отношении правды о расовых границах при политическом послевоенном преобразовании мира прикрываются фиговым листком, не способным скрыть изъяны. Почитайте хотя бы то, что сказано там о Внутренней Европе, Индии и Восточной Азии.

ГЛАВА XXI

**ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ПЕРЕНОСА ГРАНИЦ**

Как обнаруживает себя, как неумолимо совершается незаметно происходящий на первых порах, а затем становящийся неудержимым, внутренне оправданным перенос границ, чьи естественные условия мы до сих пор исследовали? В каких формах мир признает их политико-географическое изменение? В этих вопросительных пассажах очерчен некий важнейший геополитический круг вопросов.

Чрезмерно раздражающее или фактически бескомпромиссное, безбрежное давление народа, теснота перенаселенного культурного ландшафта в противовес изголодавшимся по людям обширным, но недозаселенным естественным областям, проблема переселения отдельных лиц, групп или племен¹, целых народов и рас, ее причины и следствия лежат в основе переноса границ.

Но подготовленные таким образом формы переноса границы, естественно, всегда столь же различны по своей сути, как это являет природа во всех других областях: скажем, в физике и химии — при смешивании жидкостей, как инфильтрация инородной субстанции и затем неожиданное появление новой смеси или почти неуловимое изменение цвета и новое смешивание; в геологии — происходящая глубоко под поверхностью земли интрузия², которая лишь постепенно становится явной, или же сильное вулканическое извержение; или в биологии — поначалу спокойное, бесшумное — в противовес зримо затемняющим воздух стаям саранчи — перемещение насекомых и мышиных стай, при котором незваных гостей замечают лишь тогда, когда поле усыпано зрелыми зернами, а в доме исчезают припасы.

Но при насильственных действиях волей-неволей приходят в столкновение целые слои населения, подобно выпираемым ударами льдинам на наших горных озерах, то хаотически громоздящимся друг на друга узкими поясами, то пробивающимся в широкие плоские поля.

Так по аналогии с процессами в природе фактически может последовать и взлом границы, ее перенос в самых различных и часто доказуемых формах: посредством уменьшения подточенной снизу, подмытой окраинной области, вытеснения инородных частей, насильственного перемещения извне добывающихся власти слоев, и находящийся под угрозой пограничный ландшафт — если он не хочет стать жертвой — противостоит этому впитыванием, как это успешно делала уверенная в победе китайская раса в отношении всех иноплеменных вторжений, или путем противодействия, или путем контрудара. Подобная деятельность по подрыву границ сравнима то с подтачиванием каплями текущей воды, то с молниеносным, сокрушающим ударом парового молота, то с действием труднее всего выдерживаемого гидравлического давления, но при этом испытанию всегда подвергается прочность границы некоей жизненной формы.

Прочность границы! Ее исследование показывает нам в конечном счете через целый ряд исторических испытаний в ее географических проявлениях, а также в ее формальных фиксациях огромное превосходство гибкого, биологического, всем нарушителям живо противодействующего пограничного понимания и сохранения границы. «Во все времена, когда искусство приходило в упадок, оно приходило в упадок из-за художников», как и искусство управления государством, особенно в его первейшей задаче — формальном поддержании границ, с одной стороны, сохранении пульсирующей за этой формой и наполняющей ее повсюду жизнью — с другой. Самый худший враг действительного сохранения границы — неизменный формализм при ее установлении. Велик соблазн, исходя

из этой точки зрения, последовать за контригрой позитивных и негативных границ, как, скажем, русско-англо-индийской в Центральной Азии, русско-монгольской на Памире и Или, вплоть до Маньчжурии, романско-англосаксонской в Америке.

Если детально проследить процессы переноса границ, не учиняя насилия над развитием, то придем к тому, что следует различать преимущественно океанский, определяемый морем и преимущественно континентальный, определяемый сушей типы перенесения и изменения границы со множеством промежуточных форм, например, речными, прибрежными и многими другими. Получают подтверждение слова Ратцеля, что именно в результате океанского (талассийского) или континентального антагонизма вытесняется одна из важнейших жизненных форм, какую вообще можно найти среди политико-географически определимых³.

Далее, во многих случаях замечается неоспоримое пристрастие к одному из двух крупных, и в стратегии и в тактике ставших — как противоположные полюсы — традиционными понятий: «окружения» и «прорыва»; очевидно, что сложно устроенные государства, такие, как океанские, окруженные морем образования, часто предпочитают все без исключения «окружение»; централизованные державы, разумеется, чаще континентальные, чем прибрежные, образования, склоняются к форме «прорыва», сосредоточения сил в одном месте, зачастую с упорными противоречиями в том же самом пункте вторжения.

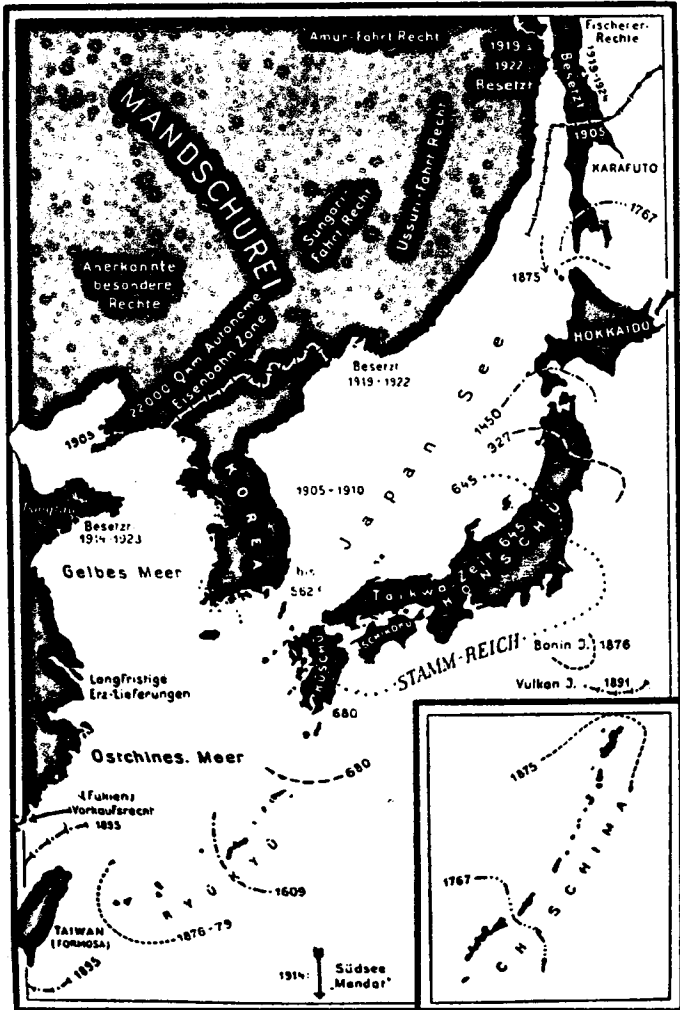
Частые формы расширения и перенесения границы — распространяющиеся одинаково направленно с границей под углом или перпендикулярно, пронзая или охватывая, полосы поселений или группы поселений. Реже надвигающееся подобно валу пришлое переселение растекается по стране, как, скажем, польское в Рурской области. В Лотарингии переселение иностранцев распространялось полосами. Типичными для таких полос вторжения в чуждые

пограничные пространства являются формы, подобные уже упоминавшимся русско-сибирским полосам поселений в Северной Азии. Но и более ранняя римская, и более поздняя китайская колонизация — как и втиснувшаяся между Уралом — Алтаем русская — предпочитали форму дорог и полос.

В дугообразных формах тихоокеанского побережья Америки в прибрежных продольных долинах Северной и Южной Америки перенос границ проявляется в полосах колонизации. Таким же образом рука об руку с переносами границ идут полосы переселений в Африке (земли реки Барка, Северная Африка и Суданский пояс; тектонический разлом восточноафриканских озер).

Появление *ряда государств* с соответствующим перенесением границ в наиболее убедительной постоянной форме известно нам из истории раннекитайских государственных образований в долинах рек Хуанхэ и Вэйхэ. Мы видим, как долго поддерживалась там связь с вероятно изначальными территориями (Länder) китайского государственного образования вдоль позднее возникшего Шелкового пути, как во времена слабости она была утеряна, но найдена вновь и при каждом сильном правительстве снова открывается, а затем, в более мелких пограничных ландшафтах, снова истощается и цепенеет.

В одном из своих исследований⁴ на примере достаточно известной мне жизненной формы муссонных стран — Японской империи я попытался детально доказать, по каким основным географическим направлениям происходило перенесение границ растущей империи. Формирование японских сухопутных границ в их многообразной, полной перемен форме особенно поучительно потому что искусно игравшее на океанских пограничных формах (островная дуга) государство искало соответствующие формы и на суше, а потому экспериментировало с ними. Там мы находим — далеко выдвинутую за признанную вскоре неблагоприятной речную границу

Расширение границ Японии.

Ялуцзян — Тумыньцзян — исключительно искусно построенную, самую большую с экономической точки зрения укрепленную сеть автономных железнодорожных зон — в целом более 22000 кв. км — и права на речное судоходство на протяжении 7000 км, которые развиваются на основе явно китайского, японского и русского монопольного образования, т. е. совершенно противоположной избранному методу — интернационализации немецких водных путей (Рейн, Эльба, Дунай, похищение Вислы). Итак, здесь в первую очередь насыщение коммуникаций посредством управляемой гибкой сети, которое готовит при возможности перенесение границы в сторону Маньчжурии, пытается благодаря народам, живущим на материке, сдержать угрозу границе на корейском направлении. При этом права на речное судоходство были обеспечены на естественных водных путях на протяжении более чем 6000 км (только система Амура — 6000 км) (и все-таки стоит усилий сравнить с Внутренней Европой!), расширены благодаря прибрежному рыболовству и правам берегового предпринимательства на одном из самых богатых рыбой побережий (Охотское море, побережье Японского моря у русского берега, Сахалин), в то время как обычно в важнейших рыболовных зонах Мирового океана существует почти полная англосаксонская монополия, от которой значительная доля⁵ достается прежде всего Канаде.

В подготовке переноса границ, которая обсуждается в литературе, можно до известной степени различать разнообразные как национальные, так и народные методы. Мы считаем наиболее разработанным французский, некогда римский метод подготовки к нападению посредством необоснованных утверждений об угрозе безопасности — возникший на основе почти тысячелетнего, планомерного разграбления на Западе немецкой народной земли, — затем следуют русский и англосаксонский методы и построенный главным образом на их основе япон-

ский, аргументирующие все свои действия соответствующими ключевыми словами, например, «открытые двери и равные возможности для всех» и пр.

Странное ощущение, что жизненные формы, ориентирующиеся на оборону, несравненно хуже знают в результате научной работы на приграничной земле, как защищать свои границы от неблагоприятного переноса, когда другие, агрессивные державы в состоянии подготовиться к взлому границ и расширению земельных пространств!

Чтобы успешно отразить перенос границ, следует в сущности отказаться от юридической косности или пассивной инертности и просто установить моральное и физическое устройство границы согласно немецкому слову «организация», понимая под этим подкрепление (*Belebung*), подразделение «на части» (*Durchgliederung*). Именно такое «подкрепление», такое «подразделение» народного сопротивления или лучше противодействия не позволит смотреть сквозь пальцы ни на какую область хозяйственного, культурного или государственно-политического пробуждения жизни, по крайней мере на чрезвычайно важное распределение земли в пограничных областях, на заинтересованность уже укоренившихся или еще не имеющих в народной почве корней народных слоев. Там, где не удалось привить большинству позитивное отношение к жизненному пространству — и пусть чрезмерно завышено то, что написал Кайзерлинг⁶, и не только он один, о знаменитом метафизическом, любовном отношении к нации в Японии — как влияние высокоорганизованной народной почвы, — там может быть на длительный срок утрачена всякая другая материальная и духовная работа на пограничной земле. Присмотримся все же к тому, как в местах, где вследствие крайне ограниченной пространственной опоры и слабеющей энергии масс, нам, немцам, противостоит окрепшее чуждое население, добывающееся переноса границы, и как при датской колонизации в Северном Шлезвиге⁷ нас поразила неподозреваемая

жизненность! И эта жизненность в основном заслуга одного человека: Грундтвига!⁸

Справедливо предупреждали тогда из Апенраде: «В движении датских кругов за большее использование земли в Северном Шлезвиге есть стремления посредством широкого переселения поднять численность населения и создать места для новых жилищ». Это — жизненная сила исходившего от Грундтвига движения, первоначально вызванного к жизни болью лишь одного человека по поводу проявления косного застоя своей расы! Исходят из соображения, что Северный Шлезвиг необычайно слабо заселен (опасность, которая нависает и над нынешними немецкими восточными провинциями!): на квадратный километр там приходится всего 43 человека против 75 в остальной Дании. Поэтому самые крупные комплексы владений, в первую очередь давние прусские государственные земли (домены), должны быть разделены, и почти к каждому пасторату в Северном Шлезвиге присоединены разделенные угодья и основные из них розданы многим мелким крестьянским дворам.

Болезненный вопрос лишь в том, почему в Пруссии между 1864 и 1918 гг. никто не увидел северную пограничную проблему с этой стороны? Не слишком ли сильно полагались на формальное право 1864 г., не выполненное в одном существенном пункте?

«Здесь принимается во внимание не только социальный, но и национальный момент» (будто в какой-либо пограничной области это можно было бы разделить!). «В Северном Шлезвиге насчитывается 36 доменов; из них 4 расположены в округе Хадерслебен, 4 — в округе Апенраде, 4 — в округе Зондербург и 3 — в округе Тондерн. Эти домены располагают в целом 12000 га земли. Все они должны быть постепенно раздроблены и переданы крестьянским дворам. Такая же судьба ожидает и имения герцо-

га Эрнста Понтера в Графенштейне. О всеобщем раздроблении земель пока еще речь не идет, потому что Дания получила государственные земли от германского правительства на договорной основе, а срок действия многих договоров еще не истек».

Это лишь случайно ставший достоянием гласности район неверной пограничной земельной политики, весьма распространенной и в других местах. Грабеж западными славянами земель в Польше, Богемии (Чехии), Югославии, экспроприация имений немецких крупных собственников в Балтийских странах могут использоваться для той же игры. Так идет аграрная революция в Юго-Восточной Европе преимущественно за счет немецкого права на пространство и землю.

Всю проблематику прав национальных меньшинств — а их предпосылкой все же было бы географическое и статистическое рассмотрение проблемы переселения и всех переносов границ в народной и культурной почве — показывают, например, «Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie» Штруппа⁹ или работа Курта Вольцендорфа «Grundgedanken des Rechts der nationalen Minderheiten»¹⁰.

Однако прежде чем заняться определением права, следовало бы прийти к мало-мальски согласованному пониманию права и правового воззрения, к их соответствующей географической основе; но именно поистине жизненная работа по переносу границ показывает, что сегодня еще невозможна серьезная попытка создать такие основы всеобщей надгосударственно признанной законности и справедливости. Следовало бы как можно раньше усвоить мрачный взгляд Дж. Бейкlessа, изложенный в книге «The origin of the next war» («Происхождение следующей войны»)¹¹.

Нынешняя ситуация с границами в Европе стала плавно разрабатываться загодя во многих французских

книгах, в названиях которых говорится в первую очередь не о Франции, а о Европе: «L'Europe et la question d'Autriche», «De l'Empire Ottoman», но в сущности речь идет о перенесении границ в пользу французской жизненной формы. И при этом имеется сходство с русской и англосаксонской литературой о границах. Поэтому высокие союзные и объединившиеся державы¹² имели достаточно военных целей — даже совершенно открыто признанную цель грабежа земли, — а мы, в центральных державах, не имели никакой: за это на нас возложили в наказание в глазах мирового общественного мнения вину за войну — в конце концов потому, что мы не понимали, как превентивно защищают границы!

ГЛАВА XXII

ОБОРОНА ГРАНИЦЫ И ГРАНИЦА ОБОРОНЫ

(ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАНИЦЫ)

За короткий период внешний вид и сущность военно-географической границы претерпели большие и вполне очевидные изменения. Тем не менее несомненным представляется непрерывный процесс: оборонительные сооружения, ставшие крепостями отдельные формы укрепленной границы, как и ее приобретающее все более важное значение слияние в одну организованную, согласно широким воззрениям, линию обороны, всегда отстают от ее прочей, географически объяснимой жизни в области культуры, власти и экономики. Ведь то, что относится к технической сфере в защите границы, устаревает с каждым днем, но то, что принадлежит к сфере духовной, остается вечным и потому символичным.

Каждое укрепление, продуманное оборонительное сооружение как воплощение строительных достижений,

обустройство границы, броневое покрытие ее защитников, а именно укрепленные замки, крепости, пограничные и заградительные заставы, земляные укрепления — перед гласисом и собственно военной границей (Славония)¹ или при равных условиях перед полными жизни пограничными ландшафтами с хинтерландом (Восточная Пруссия), перед, как правило, своеобразно разработанной организацией коммуникаций в пограничной области (старые имперские земли) — все это по необходимости проявление взглядов на оборону военно-географических границ, характерных для определенного времени; и, как все техническое, в момент завершения изменений они должны принадлежать прошлому.

Очень редко представляется возможным при широком видении первых направлений следовать какое-то время при обустройстве границы за изменением этих взглядов; на более длительные периоды это никогда не удастся.

Невозможно установить и какого-либо развития, скажем, в смысле Шпенглера, а речь скорее идет об усиливающемся и ослабевающем ритме между накоплением разобщенных средств защиты границы, их слиянием в единые или согласованно действующие укрепленные границы во всем охвате жизненной формы, а также о предпочтении жизненно важным частям при пренебрежении другими—или о сознающем силу, высокомерном пренебрежении обороной прочно связанных с землей и местностью пограничных поселений в пользу сношений, развития железных дорог, в пользу уподобления границы трамплину.

Этот диапазон изменений непосредственно связан с политическим осознанием силы и географическим самопознанием жизненных форм, образующих их народов, созданных ими государств и может, естественно, наблюдаться и исследоваться также как симптом, запечатлевший ступени их культурно-исторического развития и жизненной энергии. Сообразно возобладанию чувства

растущей силы или стремления к безопасности из-за ощущения убывающей энергии становятся предпочтительными локальная защита границы, поселения крепостей и благодаря строительству сильная, привязанная к местности, защищенная охрана ее или же организация сношений. Это превращение можно очень ясно установить на примере известных в мировой истории оборонительных пограничных сооружений, а именно Лимеса, Великой Китайской стены, ряда приграничных крепостей Гогенштауфенов в Вогезах, восточнофранцузского пояса укреплений и фортов; это превращение говорит о том же, о чем могли бы поведать многочисленные годовые кольца дуба, — о добрых и плохих временах его роста.

Поэтому крайне важно проследить перемены в суждениях, которые представлены в трудах, посвященных фортификационному делу, примерно со времени возникновения взглядов Наполеона I на оборону границ и границы обороны, и при этом установить, как меняются там и здесь точки зрения на укрепление границ и границ владений между крупными европейскими жизненными формами — разумные, оправданные успехом, справедливые, с одной стороны, и неразумные, обреченные на неудачу — с другой. Каждое новое поколение должно именно в вопросах обороны границ приобретать все заново, дабы владеть тем, что оно унаследовало от своих отцов, — а оно получает это зачастую от противника!

Целесообразный, но преходящего значения отправной пункт при этом — сугубо личные столкновения идейных лидеров французской и голландской школы фортификации (последовательницы старогерманской) — Вобана² и Кухорна³ при осаде Намюра⁴, описанные Маколеем⁵.

Потом предмет опыта плавно переходит от французских последователей Вобана, воспитателей Наполеона⁶, с одной стороны, и Фридриха Великого⁷ — с другой, к Наполеону I, крупному автору, изложившему свой опыт,

правда, в виде разбросанных уроков, в многотомной переписке. Заслуживающую внимания выборку из этой переписки составил австриец Влашютц⁸, целесообразно дополнив ее противоположным опытом эрцгерцога Карла⁹ и Клаузевица¹⁰ и создав непреходящей ценности труд в качестве исходного пункта в реформировании европейского мышления об обороне границ и пограничных укреплений на пороге XIX в.

Тем не менее сводные воззрения Наполеона хорошо выражены, например, в оценке линии Адидже¹¹, обороны речного рубежа (замечания о Peschiera, его суждения о проходах в горах, о крепости Бард)¹², польских условий обороны границ с помощью пятой стихии — распутицы, в которой все застревает, значения Данцига и Торна (Торуня)¹³, управления войсками на марше вдоль крупных рек (Дунай 1805 и 1809 гг., укрепление Пассау¹⁴, переход у Вены, вдоль важных горных границ, через многочисленные речные участки).

Опыт Наполеона был прежде всего и наиболее близко принят в Германии, а не в самой Франции; он ведет к идеям новопруссских фортификаций через обобщенный ход мыслей Клаузевица¹⁵, которые затем, к сожалению, снова разделились на преимущественно географические (Роон, Риттер) и преимущественно военно-технические (Генеральный штаб), лишь Мольтке [Старший] объединил в одну систему рассеянные во многих местах мысли, которая, как и система Наполеона, сложилась в обширный труд его жизни¹⁶.

Эта интеллектуальная работа по проблеме обороны границ частично систематизирована также Шрётером¹⁷, частично — Большим Генеральным штабом¹⁸, однако с известной робостью перед дальнейшим ходом дел и обсуждением широко афишируемых грандиозных идей. К сожалению, как раз некоторые особенно умные военно-географические наблюдения Мольтке (Австрия 1859 г., Турция, оборонительное сражение по эту сторону границы

у Марнгейма, подготовка к односменному походу на Восток и Запад¹⁹) не были полностью оценены.

Затем на передний план выходит вновь крепнущая французская идея обороны страны с помощью сопряженной оборонительного пояса: Клар²⁰, Е. Тэно²¹ и Ф. М. фон Донат²² освещают ее с австрийской, немецкой и французской стороны; Бриалмонт²³ практически способствует появлению обороны Румынии против России и создает ядро укреплений Бельгии, которое, однако, не было обеспечено родственными по духу людскими боевыми резервами. Следствием переоценки стационарных оборонительных средств, изготовленных на основе новой технологии получения черных металлов, чему способствовал Бриалмонт, является затем идейная борьба между ним и баварцем Зауэром, который при этом предупреждал о практическом обесценении недостаточно защищенных в духовном отношении Люттиха (Льежа) в 1914 г., Бухареста в 1916 г. То, что несколько лет спустя стало само собой разумеющимся действием, а именно: применение новой технологии получения черных металлов в строительстве укреплений, оставшемся до сих пор, как всегда, далеко позади технических средств времени, например, в труде Мейера «Мец обороняется бронетанковыми силами фронтов» могло показаться отсталостью, как и революцией, и все же было лишь подтверждением всеобщей как географической, так и военно-технической и давно укоренившейся в экономике эволюции! Отступление Австрии, а также вопреки барьерам гор Италии подтверждает работа Тойлова о возведении полевых укреплений²⁴.

Особые элементы представлений о обороне границ, исходя прежде всего из индийского опыта, продемонстрировали британцы сэр Томас Холдич в географическом применении, лорд Робертс²⁵ в колониальном военно-техническом осуществлении от Дели до Кандагара и Кабула, Китченер²⁶ в практике своего Нильского похода²⁷ и еще больше при окончании Бурской войны²⁸. Начиная с этого

времени появляется новая серия отдельных военно-исторических сочинений²⁹, не говоря уже о массовых изданиях, посвященных русско-японской войне, за которой снова следует отнюдь не быстрое, но остающееся на высоте военно-географического знания изменение опыта фортификации. Перед [Первой Мировой] войной этот процесс хорошо изобразил Н. Ф. Мауде, обладающий способностью к точному наблюдению³⁰, после войны откровенно изложил Ф. Зеессельберг в своей обобщающей работе «Stellungskrieg 1914—1918» («Позиционная война 1914—1918»)³¹ в широкой трактовке, выходящей за рамки названия книги.

В нынешней ужасающей реальности у Германии вообще нет никаких пограничных укреплений и абсолютно никакой формы обороны границ, пожалуй, за единственным исключением — крепости Летцен в Восточной Пруссии, уцелевшей там по меньшей мере как реликт, напоминающий о том, как должно располагаться и как выглядеть такое пограничное укрепление. На всем остальном ареале немецкой народной почвы дозволены лишь скромные устаревшие оборонительные мероприятия в узком центральном пространстве: его тесность наиболее ясно и наглядно показывает, какие территориальные потери понесли немцы во Внутренней Европе в результате проигранной войны. Согласно [Версальскому] договору, лишились всякой возможности обороны не только области, лежащие к западу от Рейна и к югу от Дуная, но даже на Рейне, как и на побережье, признан отвод любой обороны в нашу сторону на глубину около 50 км.

Центральные ячейки, транспортные узлы, такие, как Кёльн на Рейне, Карлсруэ, Мангейм-Людвигсхафен, Фрейбург, Аугсбург, Мюнхен, Регенсбург, полностью находятся вне пределов какой-либо возможности обороны; Берлин в трех переходах, лишь в 90 км от границы обороны; Силезия — восточнее Одера, юго-восток немецкой народной земли, вся область расселения баваров лишены

всякой возможности создания защиты. Сопоставьте то положение, в каком оказался весь ареал немецкой остаточной жизненной формы, в сравнении с надежно защищенными соседями лишь в насмешку заслуживавший названия империи, с ужасным, глубоким и истинным чувством боли, пронизывающим описание Е. Тэно в «La frontiere»³² новой французской границы после 1870 г. — разорванной, расчлененной, неузнаваемой, забывающейся, которая все же лишь в узком месте и лишь в отношении соседа понесла ущерб во время более раннего ограбления. Ведь *in argumentum ad hominem*³³, в практическом случае очевиден довод, почему укрепление границы и оборона границы как идея не должны исчезать из общественного мнения на немецкой народной почве, из школы и воспитания, особенно из высшей школы, до тех пор, пока все другие народы Европы также по меньшей мере не дадут согласие на разоружение своих границ, на разоружение примерно на глубину самой большой дальности стрельбы артиллерии своего времени по ту сторону немецкой народной почвы как само собой разумеющийся компромисс. Вместо этого общественное мнение Внутренней Европы поворачивает в ложную сторону, к целеустремленно конструируемому французской политической наукой понятию «безопасность» (*surete*). Исходя из этого, мы должны здесь более широко изложить развитие трудов, посвященных разработке пограничной обороны и рубежей обороны, ибо лишь на этой основе можно проводить опыты в современной истории.

Исследуя ныне ценность укрепления искусственных границ — а этому, как нам кажется, учит история и ход мировой войны в Европе, — мы обнаруживаем в соответствии с более ясным пониманием того, чего хотели с политической точки зрения добиться от войны, что французо-русской стороной проблема была более четко продумана.

Укрепленный район (*région fortifiée*) как целое длительное время в сущности выполнял свою цель, задерживая силы наступающих во Франции и Польше, но почти нигде не являясь отдельным полем боя, малым заграждением, а также крупной защищенной горловиной коммуникаций (*Verkehrskopf*).

Ряд заградительных фортов от высот Зундгау до Мааса с Эпиналем, Тулем и Верденом позади по причине подготовленного ландшафта и населения все же приостановил — вопреки наполовину выполнявшемуся, но тем не менее признанному руководящим плану Шлиффена³⁴ — слишком мощный удар левого фланга германской армии. Даже «*trouée de Charmes*»³⁵ — известная и часто описываемая как стратегическая ловушка — смогла хитростью добиться, что VI [германская] армия была на волосок от бегства, для чего она и сооружалась, но, когда дело приняло серьезный оборот, в разгар кажущегося успеха, ее опасность была все-таки упущена из вида и недооценена. Однако и линия по реке Сан, — столь высмеянная Тойловом, — линия болот около реки Нарев с ее устаревшими заградительными позициями, итальянская полоса горных укреплений полностью, и притом не один раз, выполнили свою цель в качестве сооружений, способных сдержать наступление. Естественно, географический локальный колорит отдельных обороняемых пограничных пространств проявлялся по-разному, но известные общие характерные черты все же сохранились: например, трудность, возникающая повсюду при ведении военных операций из-за большого скопления населения, роста городов, «урбанизма». Особенно отчетливо это показали Лилль, Лодзь, Лемберг (Львов), Варшава, Брюссель, Киев, Бухарест. Отныне Вена, расположенная в открытой котловине, Берлин со своей подвижной массой населения, с отстоящей от него на 90 км внешней пограничной обороной предрасположены к схожим переживаниям.

Фактом является и то, что степень разоружения Везера, единственного, еще сравнительно крупного немецкого водотока, который можно обозначить как «немецкую многоводную реку» («Deutscher Strom»)³⁶, также недостаточно осознана немецким народом. Наши рельсопрокатные станы фактически принадлежат иностранцам, и использование их мощной структуры на военные цели скоро станет секретом полишинеля; для чужеземцев мы сооружаем и новые водные пути, о которых возвестили с таким шумом.

Ни один иностранец в Индии и Китае не осмелится сегодня потребовать больше самой малости того, что житель Пфальца молча переносит на немецкой земле; в праве на самоопределение мы фактически опустились ниже уровня многих развивающихся муссонных стран; и Ханькоу, и Гонконг, и Кантон (Гуанчжоу), и Мукден (Шэньян) имеют совсем иную оборону морских или сухопутных границ, чем Гамбург, Мюнхен или Кёльн.

После такого беглого рассмотрения трансформации понятия «оборона границы» во Внутренней Европе в результате войны и популярного после нее, вначале не предусмотренного в этом объеме у противников коммуникационно-географического разоружения своего населения благодаря своеобразной заслуге своего внутривнутриполитического большинства, кажется почти излишним бросить еще один взгляд, вдаваясь в подробности, на техническое осуществление и на уроки хода войны. И все-таки этот взгляд необходим и поучителен, например, принимая во внимание события в западной части Тихого океана, означающие, что в мире наступают возможные перемещения силы (*Machtverlagerungen*), которые смогли бы быстро освободить нас от известных оков в обороне границ, если мы решимся в этом участвовать. А для этого, разумеется, следовало бы предварительно знать самое необходимое.

Поддержание границы в боеспособном состоянии требует прежде всего тщательной, кропотливой работы *всех*

в государстве во имя достижимой пограничной обороны, но без ревности ведомств, без столь вредного в прежней Германии принуждения для всех понимающих толк в военном деле, в общественном мнении внутри страны с воплями о тройном количестве того, что надо было требовать как минимальное от ограниченных еще и сегодня в буквальном смысле слова многовековым партикуляризмом народных представителей. Ведь это незнание меры, естественно, вызывает страх за границу. Излечение от этого недуга обуславливает воспитательно-техническую подготовку и возрождение чувства границы у всех, как, скажем, этому содействовали сочинение Тэно и школа Жильбера — Бонналя — Фоша — Ланглуа во Франции. Это важнее, чем игра в разного рода солдаттики, замена недостающих боевых машин деревянными макетами, недостающих авиаэскадрилий рассказами о поражении вражеских самолетов сказочными, направляемыми сверху лучами. А для этого желательно воспитание с использованием особого природного блага — рек и горных преград, морских и болотных ландшафтов, как это доказали на деле в истории пограничных боев Летцен, а ранее Мантуя³⁷, а также знание того, какое сдерживающее влияние оказывают на сношения индустриальные ландшафты, подобно тому как это выжал из невзрачного опыта пограничных сражений 1870 г. Верди (Verdy) в своей работе «Ereignisse in den Grenzbezirken» («События в пограничных округах»)³⁸.

Труд Зеессельберга, обобщающий скорее реальный опыт, чем процесс мышления, является первым шагом к этому. Здесь многим нашим союзам и объединениям отечественных обществ следовало бы искать уроки, которые действительно могли бы послужить будущему; но это требует самоотверженной и спокойной и потому менее заметной работы, а не нелепых фантазий на местности, меняющих направление подобно флюгеру, что с военно-технической точки зрения имеет для обороны границы не

больше практического значения, чем для географии драматические переживания в стиле описывающих путешествия книг Карла Мейя.

Психологическая ориентация всего народного духа на всесторонний характер проблемы обороны и защиты его жизненной формы — которая далеко выходит за рамки решений о линейных и оборонительных зонах, — чем мы пренебрегали перед войной больше, чем другие народы, из-за исключительно ведомственной способности и стремления к разладу, чтобы не сказать к казуистике (в чем добросовестно участвуют высшие школы с их недоброжелательной факультетской разобщенностью) и что открылось нам на войне как первое и важнейшее требование. Там, где эта ориентация была налицо, она действовала, исходя из растущего понимания важного значения коммуникаций, их связующей способности, ценности организованной подготовки в противовес накоплению застывшей и омертвевшей или ведомственной, слишком скованной, слишком недалеконвидной обороны.

Это противоречие стояло за кулисами обстоятельств, приведших к решению на Марне³⁹, за которой лежала молниеносная цель — Париж, а в психологическом плане — к роковому промедлению у Меца⁴⁰, похоронившему многие инициативы, и к столь длительному сдерживанию Верденского маневра⁴¹, неожиданно обернувшегося катастрофой. Уроки обороны границы в войне 1914—1918 гг. укрепили мое убеждение, сложившееся уже перед войной и подкрепленное опытом Японии, которое иногда, конечно, считалось в Германии военно-политической ересью, что не может быть ничего более ложного для политической жизненной формы, чем отдать оборону ее периферических органов армии и Генеральному штабу, морскому флоту и Адмиралтейству, иным ведомствам, будь они весьма умелыми в своей сфере деятельности, или даже

только ведомству иностранных дел, которое, войдя в раж, в документах, докладах, нотах легко теряет контакт с душой народа, как потеряли его Гольштейн и его школа⁴². Недаром Япония, учтя один из ценнейших результатов опыта войны 1905 г., создала равноправную — наряду с двумя министерствами вооруженных сил и Большим Генеральным штабом — комиссию по обороне страны (одну из очень хороших организаций, если она выживет и не станет ископаемым) — Кюоикю-Хомбу (Kyoiku-Hombu), главный штаб по воспитанию. Главная цель этой организации — поддерживать контакт между настроением народа, общественным мнением и ведомствами сухопутной армии, флота, коммуникаций, внутренней структуры, а конечная цель — сохранить внешнее окружение жизненной формы. Несомненно, и при этом могут быть ошибки. Но от худшей неудачи защищает уже многогранность ведомства и его контакты с прессой, и это во всяком случае лучше, что предусмотрено такое учреждение, стимулирующее лучшие умы, чем им провизация *post festum*⁴³ из случайных находок во время войны. Для нового пробуждения благоразумия в пользу возрождения пограничных укреплений, живой, действенной пограничной обороны необходимо, следовательно, прежде всего распространение геополитического убеждения в его охватывающей весь мир, повсюду ощущаемой необходимости, а это убеждение ныне отсутствует у большинства нашего народа. «Убеждающая карта» («*suggestive Karte*»)^{44,45} как требование должна здесь стать прежде всего его долгом: вначале в смысле укрепления границы по крайней мере в том, чтобы пробуждать у населения волю к поддержанию границы, затем волю к расширению в ареале народной земли, связанной с оружием духа, применение которого должно предшествовать любому другому в защите границы. «Я был вынужден объединять Европу оружием; то, что идет вслед за мной, должно быть убедительнее, ибо дух

всегда побеждает шпагу...» — так писал Наполеон с острова Святой Елены⁴⁶ королю в Рим, и в его распоряжении поистине был опыт, касающийся сущности пограничных укреплений и рубежей обороны. Франция неплохо справилась с его применением.

ГЛАВА XXIII

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАНИЦЫ

Культурно-географическая и политическая организация границы, призванная наряду с чисто военно-техническими формами защиты оберегать рубежи своего народа, ищет области, которые притом еще и географически понятны, но не привязаны только к оборонительным сооружениям, укреплениям и коммуникациям, дабы разумным оживлением (*Belebung*) и разделением (*Gliederung*) пограничной деятельности народа укреплять границу, сделать защитников способными к ее переносу в будущем. В основе ее установки по пограничной проблеме лежит мнимое противоречие, которое существует между попечением и заботливым сохранением самого пограничного ландшафта и ролью этой организации в качестве защитного гласиса на службе власти, инструмента силы, используемого для обороны ее определенно признанного весьма ценным хинтерланда, чем пограничная область при обстоятельствах обязана пожертвовать.

Между этим противоречием нужно найти связующее звено. Попытка часто заканчивается, разумеется, при соответствующей силе народного духа, тем, что понятие «пограничная область» меняется в смысле закладывания новых пограничных провинций.

Понятие «гласис» и идея меновой стоимости земли несовместимы. В одном случае легко возникает желание

участок пограничной полосы перед собственно линией сопротивления, с самого начала определенный как территория боевых действий (*Kampfgebiet*), превратить по возможности в открытый и не представляющий ценности, но исключающий военное использование живой силы (выжигание мешающей обзору растительности, очищение гласиса!). В другом случае растущее кровяное давление, высокое развитие коммуникаций хинтерланда невольно ведут к притоку именно в пограничную полосу более сильной жизни, способной к сохранению и защите, к возникновению полноценных опорных поселений, которые нужно снова защищать, в связи с чем повышается кровяное давление границы. Происходят процессы как при самозащите богатыми соками хвойного леса от губящих его насекомых. Вредители, короеды легче проникают именно туда, где жизнь парализована, застыла, а не туда, где она особенно интенсивна и где вытекающие сок, смола поглощают их.

Постоянное ловкое проникновение через две столь трудно сопоставимые антропогеографические противоположности — мучение для всех земель с гласисом, среди коих мы выделяем в качестве географических типов вызывающую на протяжении четырех тысячелетий возбуждение индийскую северо-западную границу, длящееся все-таки тысячу лет или многие столетия испытание левобережных рейнских ландшафтов, особенно Фландрии, позже Бельгии, Эйпен-Мальмеди, Эльзас-Лотарингии; подверженные разрыву ландшафты (*Zerlandschaften*) между Внутренней и Промежуточной Европой — Галиция¹ и между Восточной и Промежуточной Европой, например, Литва, Балтийские страны и Бессарабия.

Исторические типы из прошлого с более или менее завершенными процессами показывают нам перешеек, связывающий Пелопоннес с материком, «*agri Decumates*»², граница Римской империи по Дунаю и далее вниз по течению реки с ее валами Траяна³, образец

крупнейшего масштаба, о котором мы уже упоминали, а именно организация китайского пояса пашен с девятью полевыми хозяйствами за [Великой] Китайской стеной. В условиях гораздо меньшего пространства развивается организация границы в средние века с характерными для них конфликтами между ее группами замков — скажем, между Эльзасскими и Жерардмерскими или Ремирмон-Ромбахскими, с поясами сарацинских⁴ башен стран Средиземноморья или посадами церквей Трансильвании с приданной им коллективной оборонительной организацией, с картинами округов Центральной Европы времен турецкого господства, как это было ярко выражено в долине, расположенной в верховьях реки Тротуш! И все же средневековые в пору своего расцвета знают обширное строительство границ⁵.

Послевоенная картина Европы показывает нам некоторую возможность движения вспять, как и изоляции пограничных организаций, если соответствующий участок территории был вообще отделен в соответствии лишь с его географическим значением. Это влечет за собой большую опасность — по крайней мере в теории — превращения повсюду отдельной части полноценной для нации народной почвы в особые условия гласиса. Такое движение вспять демонстрируют нам современная картина Эльзаса и предместных укреплений на Рейне (что было бы невозможно в данной форме, если бы с правого берега Рейна были больше выдвинуты на передний план через реку связующие коммуникации и пограничная полоса щедрее подпитывалась бы из хинтерланда), превращение Эдж в Альто-Адидже⁶, страдания Восточной Галиции⁷ и Бессарабии⁸.

Гораздо поучительнее действуют ландшафт гласиса в Маньчжурии и, пожалуй, самый чистый тип современного организованного пограничного ландшафта — индийский гласис со своим прототипом — индийской Северо-Западной пограничной провинцией, которая являет собой

величественную пространственную картину индийского гласиса, разработанного лордом Керзоном, — примерно сходную с пространственной картиной времен Цезаря в Рейнско-Дунайском пограничном образовании рода Юлиев — Клавдиев и их наследников.

При образовании, движении вспять и изоляции (блокаде) пограничных организаций хинтерланда или противостоящих жизненных форм следует четко различать между деятельностью государства, народа, групп, частного лица и индивидуума (личности), ибо любая деятельность имеет географически и политически совершенно иную форму, проявляющуюся в организации защиты пространства.

И здесь, вероятно, уместно обсудить с этой точки зрения некоторые практические случаи, особенно реальную историю хорошо исследованного и знакомого мне по собственному опыту участка высокоорганизованной границы — индийской северозападной границы. Затем, разумеется, с пользой противопоставить ему подобный же, завершенный в теории и на практике процесс из прошлого и, наконец, противоречие локально ограниченной, организованной по типу «полиса» городской границы в виде «центров роста» (*Wachstumsspitze*). Ратцель показывает нам их как всеобщее явление, Грюнфельд — на кромке китайского побережья, Мерц⁹ — как заокеанскую форму; «центры роста» могут рассматриваться и в качестве единственно доступного обсуждению вида высокоорганизованных пограничных щупалец и протяженной чувствительной связи с направляющим организмом.

Однако мы должны констатировать, вероятно, отрадный для нас, живущих во Внутренней Европе, вывод, добытый собственным опытом и наблюдением за длительным многовековым развитием границ, — превосходящую силу культурной воли в сравнении с абсолютной властью и насилием, а также экономической силой. В развитии и восстановлении столь огромных организованных

пограничных пространств, как пространства индийского и китайского культурного круга, — которые мы хотим рассмотреть теперь при детальном исследовании индийской северо-западной пограничной полосы — мы узнаем, как в микрокосмосе одного-единственного «центра роста», все-таки снова и снова природу, «позволяющую твердыне истекать духом, прочно оберегая его творение!..». И в этом утешение: ведь и при нашей организации границы у нас осталось духовное оружие, и лишь оно представляется нам на долгие времена торжествующим, если сохраняется воля к его применению. Речь идет лишь о том, чтобы позволить *чужой* твердыне, силе и их опорам исчерпать себя, а *собственное* духовное оружие надежно сохранить. Младокитайцы в своей борьбе против империализма показывают нам, как следует вдохновляться задачей крупного масштаба.

На деле пограничный оборонительный пояс, который до сих пор сохранял восточноазиатскую культуру, индийскую по меньшей мере до вторжения чужеземной власти из-за моря (с растущим тоннажем массовых коммуникаций), — так что задача ее ассимиляции (уравнения) с западной цивилизацией является крупнейшей из стоящих ныне перед человечеством, — демонстрирует, пожалуй, грандиозное развитие культурно-географической и политической организации границы в свете четырехтысячелетнего исторического движения и опыта.

Напротив, все европейские пограничные проблемы, даже унаследованные от эллинистической и римской мировых империй, относительно молоды, и об этом у нас легко забывают из-за односторонней трактовки истории средиземноморских стран как всемирной истории; и в противовес этой пограничной проблеме они затрагивают преимущественно малое пространство.

Так как в другой книге¹⁰ я рассмотрел вопросы пограничного оборонительного пояса восточноазиатских культур, и он все еще сохраняется в своем изначальном смыс-

ле, в то время как индийский северо-западный оборонительный пояс, претерпевший огромные переоценки, движение вспять и перемещение, т. е. несравненно богаче поучительными уроками, мы ставим здесь на передний план более близкую и более далекую историю и географическое и политическое появление индийской Северо-Западной пограничной провинции.

Прежде всего какой представляется она сегодня? Как чисто пограничный орган, у которого своеобразие организации пограничной линии превалирует над всеми другими — собственной жизнью, экономическим использованием, благополучием населения.

Выкроенная 9 ноября 1901 г. из многострадальной, более крупной пограничной полосы — Пенджаба¹¹, она была возведена в ранг провинции наподобие Декуматских полей, Хорватской военной границы¹², русского Запорожья.

В предначертанной форме, в форме сугубо пограничного назначения, выдвинутая перед западным берегом Инда против Центральной Азии, новая провинция была образована таким образом, что два округа — Пешавар и Кохат отделили как целое, а затем от трех обширных округов — Банну и Дера-Исмаил-Хан на юге и Хазара на севере — отторгли важные части главной территории Пенджаба, который в то время был и пограничной землей, и центром ландшафта, и дополнили постоянные границы от Белуджистана до Читрала, номинально принадлежащего Кашмиру.

В 1901 г. это географическое пограничное образование охватывало пространство в 42 645 кв. км (13 197 кв. миль) с населением 2 125 480 человек (плотность 50 человек на 1 кв. км) при весьма неравноценном использовании земли; около 1 000 000 га (2 559 000 акров) были хорошо обустроенными землями, из коих около четверти миллиона га (717 000 акров) искусственно орошаемых. Расходы пограничной провинции в три раза превышали доходы.

Афганистан как сфера интересов России и Англии.

englischer Besitz — владения Англии

russischer Besitz — владения России

englische Kraftlinien — английские силовые направления

russische Kraftlinien — русские силовые направления.

Стало быть, перед нами картина чисто пограничного органа. Новое реформирование китайских провинций, сопредельных с Монголией и Тибетом, — другой образец, который, правда, недавно полностью провалился в Сычуани¹³. Преобразование Эльзаса, особенно когда стали реально-

стью новые транзитные дороги через Вогезы, Эльзасский канал, исключительное владение французами Верхним Рейном — еще один подобный пример из первой четверти XX в. До 1918 г. Галиция была такой пограничной структурой, от которой ныне сохраняются как остаточное состояние только страдания рутенов (русинов)¹⁴ в Восточной Галиции. Русская прибрежная провинция к югу от Амура, Северная Маньчжурия с русским проникновением является, вероятно, уже находящимся в процессе обратного образования пограничным организмом Российской империи, нынешнего Советского Союза; Южная Маньчжурия, возвращенная из-под русского влияния Японией, затем в сравнении с торжествующей экономической способностью китайцев, пожалуй, придаток, не дающий результатов в попытках роста.

И в отношении индийской Северо-Западной провинции никоим образом не является установленным, могла ли она, будучи небольшой частью Пенджаба, устоявшего четыре тысячи лет в качестве пограничного организма Индии, продержаться в роли собственной пограничной структуры. Уже ее бесхозяйственность, которая, естественно, давала о себе знать в жалобах заинтересованных лиц при каждом визите высокой персоны (вице-короля), ставила под сомнение ее жизнедеятельность. Ведь существуют удивительно неожиданные переходы между гипертрофированной пограничной территорией, центрами развития, горловинами коммуникаций, как только им будет перекрыт приток их хинтерланда и его структура изменяется.

Именно северо-западную индийскую границу следует рассматривать лишь в крупной связи ландшафта порогов Инда от северо-западного изгиба, давшего имя индийской крупной реке, до побережья Синда¹⁵. К этой границе устремлялись волны арийцев: первая, вероятно, между 1700—1500 гг. до н. э., прошла севернее Кабула через Хайберский проход, вторая между 1000—550 гг. до

н. э. — предположительно дальше к северу через Читрал и ущелье Инда. Вслед за этим возникли государственные образования в Пенджабе, в стране порогов с ее характерной формой лежащей восьмерки, сквозь которую пробивались почти все военные походы и которая в настоящее время также еще опоясывается и прерывается железными дорогами. Южнее ландшафта проходов и порогов Пенджаба с Дели — важным пунктом сосредоточения мощи Индии в ее юго-восточном уголке (Zipfel), за который постоянно велась борьба, преимущественно ландшафте сражений на земле основанной древней Индрапастхы¹⁶ теснится, кроме того, водосборная область пустыни Тар¹⁷ с точно так же замедляющей движение горной местностью Раджпутана¹⁸ позади, которая направила движения народов на эту лежащую восьмерку и от которой они тянутся дальше в долину реки Нарбада. В 512 г. до н. э. ландшафт порогов Инда становится персидской провинцией, повернутой, как и сегодня, в сторону Индии, обращенной фронтом на юго-восток, управляемой персидским сатрапом, имя которого продолжает жить и поныне в индийском слове «кшатрапа» [сатрапия, т. е. провинция]. Как в своеобразную персидскую пограничную провинцию Александр Великий врывается туда словно в свою вотчину. В 326 г. до н. э. мы обнаруживаем его в пределах собственно Индии на подступах к густонаселенной долине Ганга, но либо его войско, либо осознание пределов своей силы заставляет его отступить, и он возвращается к Инду¹⁹. Несмотря на свое короткое пребывание в Индии, Александр оставил там вечную тень своего имени и греческий обиходный язык — который представляется нам неким подобием английского языка того времени, употреблявшегося в быту, — и этот язык долго, до VIII в., сохраняется, несмотря на то что правителем провинции Инда Чандрагуптой²⁰ было создано государство Маурья. В 185—130 гг. до н. э. ны-

нешняя Северо-Западная провинция — свидетельница расцвета Греко-Бактрийского царства смешанной культуры.²¹ Но уже в 160 г. до н. э. Юэчжи²² изгоняют саксов²³ через горы Каракорум в Сейстан²⁴ и Пенджаб, где мы находим их в 110 г. до н. э., в 60—57 гг. до н. э. парфяне²⁵ преодолевают пограничный порог, а в 60 г. н. э. — юэчжи-ку-шан²⁶, и как предупредительный жест мощное пограничное государственное образование, намного позже охватившее Афганистан, Пенджаб и Кашмир. Итак, афганская мечта о власти путем реставрации этой пограничной империи (Grenzreich) имеет много примеров (прецедентов) в истории индийской северо-западной границы. Здесь уместно вспомнить слова хорошего знатока Индии Иена Гамильтона: «В Северной Индии и Непале достаточно человеческих ресурсов, чтобы подорвать основы неестественного общественного устройства Европы, если она однажды отважится покончить с милитаризмом, что преисполнит ее, однако же, более возвышенным идеалом, чем погоня за богатством и роскошью, которая способна создать это богатство»²⁷.

«Маха-Кшатрапа»²⁸, снова становящийся самостоятельным наместником мощного естественного пограничного ландшафта, появляется затем в Пенджабе провозвестником схожих явлений, как, например, позже гайквар в Бароде²⁹, низам в Хайдарабаде, а также тухун Чжан Цзолинь в Маньчжурии в качестве исторически хорошо знакомой фигуры на обширном пограничном ландшафте с географически замкнутой жизнью, а именно продвигающегося по службе правителя пограничного округа (который превращается из наместника в его владыку), или, иначе, хранителя границы. С течением времени величие самостоятельного пограничного ландшафта на Инде было ослаблено с моря! В 712 г. в Синде, а в 935—1010 гг. в Пенджабе появляются арабы, и языки общения ислама заменяют собой утрачивающую свой колорит устную речь Эллады.

В 1191—1193 гг. эта пограничная полоса переживает победу над изнеженными Газневидами³⁰, которых вытеснили в Пенджаб гуриды — таджики, принявшие ислам.

В 1526 г. пограничный ландшафт вновь подвергается испытанию: на призыв о помощи наместника Пенджаба Даулат-Хан-Лоди сюда вторгается Бабур. Но основатель империи Великих Моголов, один из интереснейших летописцев всего магометанского мира, Бабур, умирает уже в 1530 г., и его сын Хумаюн был вынужден уступить источники силы государства — Кабул и Западный Пенджаб, ядром которого является нынешняя Северо-Западная провинция, своему брату Камрану; новая империя («рейх») остается в подвешенном состоянии до тех пор, пока вновь не стала пограничным ландшафтом. Пенджаб все более формируется как судьбоносный ландшафт Индии. После сикхского периода³¹, вероятно, отсюда последует спасение от краха господства [Ост-Индской] компании³² благодаря так называемому мятежу Лоуренса³³.

Если бы рухнул Пенджаб, обрушилось бы и британское господство — «британский радж», — хотя и до «сва-раджа»³⁴ — самоуправления было еще далеко, да и сегодня оно все еще не готово.

В 1888—1894 гг. мы видим здесь Лансдауна в роли создателя «Корпуса имперской службы», Элджина³⁵, наводящего порядок в Читрале, напряженность в Пенджикенте, продвижение в Памир, набрасывающее русскую тень на границу³⁶.

В 1899—1905 гг. в равной мере осведомленный и в географии и в политике лорд Керзон создает наконец два собственных пограничных организма, которые, как он полагал, необходимы Индии на дальних подступах для защиты изнутри: Северо-Западную пограничную провинцию, которой первоначально сопутствовал успех, и временно Восточную Бенгалию с Ассамом³⁷, где на восточную часть гималайской границы накатывались волны более поздних и более слабых потоков народов (тайшанские и тибето-

бирманские племена в VI в. и в 1228 и 1540 гг., но где за этим стояло давление китайского населения и государственно-правовое притязание, например, на Бхамо³⁸, Аракан). На Востоке ввиду внутренних осложнений в Бенгалии лорд Керзон не добился успеха, подобного тому, какой сопутствовал ему на северо-западе; все же по дороге, пройденной Янгхасбендом, Тибет проскользнул в сферу англо-индийского влияния.

[Первая] Мировая война и третья Афганская война, последовавшая за ней, вероятно, даже вытекающая из ее побуждений на Среднем Востоке, но в характерном для Азии замедленном ритме, показали, в какой мере выросло творение лорда Керзона, выдержав испытания в бурях практики. Уже во время войны произошли беспорядки в Хазаре (120 км восточнее Пешавара на Верхнем Инде, январь 1915 г.), в Малаканде (60 км севернее Пешавара) у Оракзай, у Африды и на границе Курам, а также в Читрале и Вазиристане, позже вылившиеся в настоящее восстание. Все это смогла отразить пограничная провинция в рамках своей оборонительной организации. Это, естественно, оказалось невозможным в третьей Афганской войне, когда при беспорядках в индийском хинтерланде стало необходимым такое объявление позиционной обороны, что на границе с Афганистаном вряд ли можно было держать надлежащие, действующие в полевых условиях войска, и 8 августа 1919 г. в Равалпинди был заключен малочетный мир, возвестивший об окончании длившейся со 2 мая военной кампании. Он полностью освободил Афганистан, несмотря на обременительные уступки, от существовавшей до сих пор опеки над его внешней политикой и вывел его из пояса индийского гласиса между Тибетом — Кашмиром — Читралом на севере и Келатом на западе.

Разлады внутри пограничной организации, а также между ней и правительством в Симле, которые в большой степени несут вину за неблагоприятный исход ведшейся с

давних времен наиважнейшей пограничной войны на северо-западной индийской границе, раскрыл Артур Мур («Lessons of Afghan war» — «Уроки афганской войны», Пешавар 7 апреля 1922 г.). Об этом же писала «Тайме» 4 мая 1922 г.: лорд Рэдинг³⁹ мудро и предусмотрительно провел государственный корабль через бурные воды во время смуты. Его умелые действия и личная осведомленность, умение ориентироваться в ландшафтах, которые со времен арийцев, Александра [Македонского], Махмуда Газневида, Тимура, Бабура, Надир-шаха⁴⁰ считаются воротами Индии, будут прославлены. Для знатоков очевидна геополитическая связь этой пограничной конструкции со стабильностью или неустойчивостью Индийской империи, и это делает происходящие там события весьма интересными с политико-географической точки зрения. «Многое изменилось, а горы остаются вечными; теми же остались и тропы, на которые ступали первые завоеватели. Но природные бастионы нужно защищать, и побуждаемые Россией афганцы попытались использовать на них свою силу...» «Наша защита — не одни только горы, но и характер наших отношений с различными племенами горцев — вазирами, афридами, махсудами...» Это и есть признание первостепенного значения осознанной организации границы, как и использование всякой, еще весьма сильной естественной защиты.

Под впечатлением столь естественного пограничного опыта испытанных защитников границы стоит ли, например, географу колебаться между присоединением остатка восточных провинций Пруссии к другим провинциям или же их сохранением любой ценой в некоем собственном пограничном организме, как пограничная провинция Позен [Познань]⁴¹ — Западная Пруссия? При этом всегда будут приноситься экономические жертвы, и их должно нести государство в целом, если оно не хочет закрепить свое увечье.

Весьма характерно, что здесь должно было автоматически произойти разделение занятых урегулированием международной и национальной сторон. Хотя новая провинция имела лишь 312000 жителей на площади 7789 кв. км, разведенных в самых широких местах только на 30 км, а в самых узких — на 5—10 км, это была собственная, границу осознающая, границей живущая организация, которая все определяла и которую не могут заменить зависимый круг, расчленение.

Кого привлекает исторический прецедент индийской Северо-Западной провинции, остатков восточных провинций Германии, побуждая к сравнительному рассмотрению, тот находит аналог этому в истории римских пограничных образований на Севере, а также в сохранившихся названиях тех провинций, которые остались в основном пространстве, примером чего является [деятельность] Траяна⁴².

Из истории нашей малой южногерманской родины один такой прецедент описывает Нарцисс в своей книге «*Bayern zur Römerzeit*» («Бавария в римское время»), в разделах которой: Реция⁴³ и римская область на Майне; военная организация и гражданское управление; гражданская жизнь; римские дороги; лагеря когорт и полевые укрепления; столбы Лимеса (чертова стена!); важнейшие римские населенные пункты и крепости; римская культура; христианизация — изложены примечательные аналогии к этой столь актуальной проблеме.

Наряду с литературой, посвященной конкретно Лимесу, и другими специальными работами достигнутый [научный] результат является подтверждением слов Гёте: «Кому дано судить о том, что глупо, а что умно, об этом предки безусловно не думали...», если мы сравниваем римскую провинциальную организацию Южной Баварии с новейшими творениями лорда Керзона и Рэдинга и с печальной необходимостью остатков восточных провинций

[Германии] или, быть может, Баварской северной области в грядущем. Но великий стимул приходит в краеведение скорее благодаря такому истинному проникновению в культурную историю земли, на которой мы живем; мы видим также, что не исчерпаны ее вопросы и толкования минувшего в свете политико-географических связей, насчитывающих четыре тысячи лет.

Рассмотрим особо, пожалуй, последний, самый высокоорганизованный участок границы, горловины коммуникаций которого были выдвинуты вперед эллинами и римлянами и еще задолго до них культурой, на примере которой они учились сами (Тартесс)⁴⁴. Это воскрешенная и превосходно описанная Ратцелем форма «центров роста» (Wachstumsspitze), рожденных инстинктом или намерением продвинуть в чужеземную жизнь иные жизненные формы. Заимствованное из географии растительного мира и биологии, это выражение исключительно примечательное. Его чаще всего применяют там, где недостаточно организованные, охваченные распадом жизненные формы пронизывались новой жизнью, причем, само собой разумеется, при плоскостном распространении жизни на некогда разделенной поверхности Земли всегда «древнее право где-то должно быть ликвидировано, а новое создано». Можно также допустить, что естественно, серьезные заблуждения относительно степени отмирания местной жизни и возможности внедрения чужой именно при чужеземной жизненной форме. Весьма яркий пример тому — развязывание (начало) блокады и отторжения чужих «центров роста» в Китае. В особенности абсолютно искусственно построенный Шанхай — чужой нарост на теле китайского государства (вопрос Большого Шанхая)⁴⁵, который очень трудно вновь привести в порядок.

Итак, без нарушения права и его ломки обходится лишь там, где речь идет о дальнейшем распространении жизни на незаселенные или считавшиеся доселе незаселенными области (определение анэйкумены по Ратцелю,

ср. гл. V). Самые большие и отрадные успехи человечества связаны, естественно, с расширением эйкумены, хотя далеко не всегда по нравственным мотивам! Лишь в наше время, когда даже ледовый мир полярных областей большей частью политически поделен (между Австралией, Новой Зеландией, Британией, Канадой, Соединенными Штатами, Советским Союзом, Норвегией), свобода действий для подобных великих дел по расширению жизненного пространства человечества ограничена.

Ранее мы признали и границу эйкумены относительным понятием. Почти всегда при организации пограничной области в добавление к этому задето и нарушено еще какое-нибудь жизненное право. Мы видим отличные исследования границ также благодаря любому расширению понятия «эйкумена», благодаря ограничению понятия мнимо непригодной для освоения земли в результате поступательной истории культуры. Мы видели, как для греков Понт Ахейнос⁴⁶ превратился в Понт Эвксинский и как побережье того же самого Черного моря стало снова малопочитаемым Овидием, который был сослан в Томы, или Пушкиным, который, находясь в Бессарабии, воспел римлян как единомышленников и не подозревал, что Еухопоград с его роскошными садами некогда обозначил синтез великолепных культур, соприкасавшихся друг с другом.

Каким все же родственным было возникшее в Средиземноморье отрицательное отношение римлян — для которых с виноградной лозой, благородным каштаном, плющом, итальянской сосной и кипарисом ассоциировалось понятие «обитаемая» земля — к германской провинции с ее туманами и снегом зимой, с комарами летом, где ныне находятся всемирно известные курорты, или неприятие французскими маршалами Наполеона швабо-баварских предальпийских ландшафтов, где затем их внуки принимали водолечение по методу доктора Кнейппа. Мы также изучили различное отношение японцев, китайцев

и русских к северной эйкумене в качестве важнейшего политического мотива при их подходе к организации пограничной области, увидев, как при образовании новых хуторов (Mansen) китайцами, русскими и палеоазиатами китайцы сталкиваются с теми же вопросами, с какими столкнулась наша колонизация на землях Вислы. И устремление американцев на Запад в поисках лучших земель, равно как и внедрение зимостойких сортов пшеницы, преодоление мухи цеце, сонной болезни, а затем малярии, ледовых барьеров Карского моря, орошение засушливых земель, — все это деятельность по расширению рубежей прикладной географии посредством живой организации границ! Таким образом, мы видим здесь один из сильнейших политико-географических мотивов к работе, от которой наш народ был отрезан из-за последствий более чем трехсотлетнего развития⁴⁷. Причина достаточная, чтобы отныне привлечь к этой работе усиленное внимание.

ГЛАВА XXIV

ГРАНИЦЫ НЕМЕЦКОГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА

Лишь только найдя в себе достаточно мужества прислушаться к тому, о чем говорят факты в пространстве, мы, руководствуясь данными изучения границ и признав очевидную несогласованность между областью расселения немецкого народа и границами немецкого государства, сумеем воспринять удручающее впечатление от этого результата увечий и насилия не как повод для отчаяния, а как стимул к работе.

Лишь только заранее приняв как данность то, что в 1918 г. мы — во временном отношении — лишились более

трех столетий пространственного развития, а в пространстве, утратив 72697 кв. км родной земли и 2 650 000 человек населения обороняемой области¹, остались без нескольких важнейших для нас культурных ландшафтов; что теперь мы не можем считать мало-мальски защищенными с военно-географической точки зрения ни весь левый берег Рейна на площади 31313 кв. км, ни 50-километровую зону по правому берегу; что мы лишились и на побережье всякого действительного права на оборону также на глубину 50 км внутрь страны, а на Востоке и на Юге еще в 1927 г. отказались от обеспечения защиты техническими средствами всей территории, которая расположена за пределами крохотного треугольника Сенсбург — Кенигсберг — Мариенбург в Восточной Пруссии, и восточнее или южнее линии Кониц (Хойнице) — Кюстрин (Костшин) — Бреслау (Вроцлав) — Бриг (Бжег) — Нейсе (Ныса) — Вальденбург — Гёрлиц — Баутцен — Кёнигштайн — Хоф — Нойштадт — Регенсбург — Донауэшинген — Нойштадт в Шварцвальде; что лишь между Кюстрином и Эльбой, между Франкфуртом и Эгером (Огрже) остается стратегически легко отсекаемое неполноценное образование, эта прекрасная для Европы мишень при ударах с воздуха, — лишь тогда мы встанем на почву фактов! Это означает помимо прочего и то, что мы увидим высокоорганизованные и опасные для нас системы пограничных укрепленных линий, находящуюся под чужой властью сеть железных дорог, интернационализированных водных путей, пространственно чуждых каналов, то, каким тяжким бременем это легло на наш народный и экономический организм, — и все это мы увидим уже не сквозь завесу самообольщения, под покровом которой многих ослепляет и вводит в заблуждение деятельность немецких исполнительных органов на иностранной службе.

Некоторые из этих ограничений движения далеко превосходят все, что даже после краха 1918—1919 гг.

можно было бы потребовать от запутавшегося в самом себе народа, например, лишение самостоятельности железных дорог в 1924 г. и отказ от обороны границ всей земли северо-восточнее среднего течения Одера и южнее линии Бриг — Нейсе — Глац (Клодзко) в 1927 г., а также оголение в военно-техническом отношении целой области расселения баваров, в результате чего вражеские танковые корпуса могут, не встречая сопротивления, двинуться не только на Вену, Линц, Грац, Инсбрук, но и на Регенбург, Штраубинг, Пассау, Мюнхен, Аугсбург, так что иностранным державам ничто не помешает наложить руку как на линию Дуная, так и на линию Рейна. Многие ли теперь отдадут себе отчет в том, сколь удобно стрелять из находящихся на французской земле орудий по Фрайбургу, Карлсруэ, Мангейму и Людвигсхафену, с итальянской — по Инсбруку, Гармиш-Партенкирхену, Мюнхену? — как, впрочем, и по Цюриху, Берну и Куру.

Если только мы вспомним, что всего лишь несколько лет назад связанных косами поборников китайского самоопределения вели в заточение и на казнь, что пограничное и основное пространство древней Срединной империи было покрыто в качестве «сфер интересов» чуждыми красками и флагами, а ее реки бороздили вражеские военные корабли, ее железные дороги принадлежали иностранцам, что золотonosная сеть морской таможни с ее иноземным управлением опутывала огромную страну и что все это рухнуло в течение одного года под действием воли, — пусть лишь воли к экономическому обособлению, но воли, исходившей от неорганизованной в военном отношении 448-миллионной массы, — тогда мы, ввиду перемещения водоворота силы в сторону Тихого океана, экономического циклона в Америку, сможем надеяться, что уже ныне живущие поколения увидят и у нас спасительные перемены.

Предпосылкой к этому должно явиться, однако, ясное ощущение и осознание невыносимости существующего

состояния и трезвое понимание истинного положения дел самим пострадавшим народом. Имея в виду общую картину немецких границ, нельзя не заметить одного²: противоположности между отчетливой, сопряженной и органичной западной границей немецкой народной и культурной почвы и языковой области, между относительным постоянством западной языковой границы³ и многократно изломанной, протянувшейся тремя выступами, подвижной восточной границей контактного метаморфоза с ее доходящими до Волги рассеянными поселениями.

Конечно, то, что сейчас происходит, выглядит довольно мрачно, оставляя впечатление всеобщего и едва ли преодолимого состояния упадка, повседневной утраты культурного, языкового и народного достояния, лишь кое-где восполняемой свежими созидательными усилиями, цель которых — вернуть то, что было в большей мере потеряно из-за мягкотелости расы и пошло на пользу чуждой жизни. В ходе изложения мы уже указали на то, сколь поучительна задача, — каким бы мучительно горьким ни был ее результат, — собрать вместе и представить народу сведения о понесенных нами потерях, о которых все еще говорят названия на картах, архитектурные сооружения, гербы, изображения. При этом здесь следовало бы обсудить вопрос о потерях, понесенных островками нашего языка в иноязычной среде⁴.

Если мы рассмотрим с использованием выработанных масштабов линию нынешних границ территории нашего народа, как их представили читателю Фольц, Пенк и Лёш в своих отличных сочинениях, синтезирующих искусство описания с картографическим искусством, то увидим, что она обнаруживает такое же своевольное многообразие, какое служит нашему народу, даже в его разделенном на обособленные части внутреннем пространстве, стимулом культурного развития и всемогущим роком (*Machtverhängnis*). Вспомним хотя бы о разделяющей силе Рёнских гор!⁵

Уже общее рассмотрение контуров нашей народной и культурной почвы при резком контрасте западного и восточного типов ее границы показывает нам опасность нашего напряженного положения в переходной области Внутренней Европы, неоправданность чувства самоудовлетворенности — такова уж наша геополитическая судьба — и при этом, разумеется, невыносимость длительного существования нынешнего положения. Такое впечатление производит уже один только взгляд на карту, один лишь факт политических перемен, если бы он живо открылся духовному взору нашего народа, как это утверждал Уэхара⁶ о японцах, как индийцу значительно облегчают понимание его положения три крупные определяющие категории, указывающие на границы: море, Гималаи и область перед Индом; как в отношении англосаксонских государств можно сказать, что представление о своем серебряном поясе стало их второй натурой.

Ни в одном из четырех подверженных потрясениям регионов Старого Света, расположенных между «разбойниками моря» и «разбойниками степи» (ведь именно так, безжалостно, но справедливо, учит нас воспринимать их британец Макиндер со своих островов, находящихся в сравнительной безопасности), ограниченный в своем провинциальном кругозоре филистер, мнящий себя и свое государство всегда счастливыми, не представляет такой смертельной опасности для собственного государства, как во Внутренней Европе. Однако нигде подобный тип не встречается так часто, нигде не бывает столь трудно разбудить в нем инстинкт границы; а между тем у других народов, как мне довелось наблюдать, он воспламеняется сам собой при первых же признаках внешнеполитической нестабильности, проявляясь как подлинная чуткость даже при отдаленной угрозе.

Если бы удалось побудить большинство нашего народа хотя бы только мысленно пройти вдоль нынешних границ его государства, оно было бы, как мы уже сказали,

поражено, увидев, что весьма немалая часть отчизны, так же как, возможно, и собственные родные места (например, это касается жителей всех городов Бадена, старой Баварии с Мюнхеном и Регенсбургом), даже в соответствии с договором [Версальским], живет абсолютно вне всякой возможности государственной вооруженной защиты: как птица на жердочке, не могущая улететь.

В таком случае оно — пусть даже находясь в более трудных условиях, чем те, что мы описали выше, говоря о примечательных типах [границ], — постепенно нашло бы в своем окружении примеры почти всех видов опасных границ или пограничной напряженности. Мы не можем, следовательно, как многие другие крупные народы на Земле, приспособиться главным образом к какому-либо одному или к нескольким предпочтительным видам границ, таким, как серебряный пояс моря у Великобритании и Японии; мощные горные цепи Гималаев на севере индийского жизненного пространства; зоны анэйкумены, пояс пустынь и сходящиеся горные хребты, как это свойственно китайской культурной почве или обширным частям Советского Союза; опоясанная поросшими лесом горами Богемия, на две трети защищенный заболоченными лесами ареал Польши. Мы должны примириться чуть ли не со всеми видами границ, которые встречаются в зоне, установленной нам после войны. Перед войной мы также имели все виды границ в тропиках, хотя этот факт так никогда и не был осознан органами, политически представляющими государство (несмотря на всю возложенную на них ответственность), характер территории которого предрасполагает к напряженности. Среди этих границ были водоразделы, образованные высокогорьями и джунглями тропических островов (Новая Гвинея), устья крупных рек и речные бассейны с ярусными лесами и джунглями (Рувума и Кунене), пояс заболоченных лесов (Камерун), вулканический массив (Килиманджаро), тектонические впадины озер Восточной Африки, необычайно

деформированные подступы к рекам и морю (мыс Каприви, Замбези, Конго), аномалии, такие, как исключительно неблагоприятная в политико-географическом отношении граница по реке Оранжевой, эксклав залива Уолфиш-Бей; к их числу принадлежали также освоенные позже рубежи морских и океанских пространств, вулканическая дуга океанских островов (Марианские острова), атолловые образования (Jaluit) и коралловые рифы как барьеры. Неутомимый труд старательных комиссий по демаркации границ филигранно отчеканил их контуры из первоначально лишь едва намеченных рубежей, из простых и открытых линий раздела между зонами интересов, и проявленная при этом географическая искусность достойна, пожалуй, более доброго и признательного воспоминания, чем то, какое находит у большинства немецкого народа засвидетельствованный таким образом колонизаторский успех.

В пограничном предполье, окружающем ныне ту часть немецкой народной почвы (467 303 кв. км Германии, 78 000 кв. км Австрии), которая еще осталась после войны хотя бы под частичным контролем немецкой общности от 3 150 000 кв. км Германской империи и 675 000 кв. км государства Габсбургов 1914 г., есть как пограничный ландшафт на редкость цельная территория — Каринтия. В этом сильном едином природном ландшафте различается пограничье ярко выраженного восточного типа — с рассеянными поселениями, с прямо-таки искусственно расчлененными ландшафтами — и сильно замкнутое западного типа, те «древние стены, перед которыми лежат выпавшие их части», или, иначе говоря, такие государственные образования, ни одно из которых теперь больше не находится в политической близости с остатками империи германской нации. Это Нидерланды и Швейцария, ставшие таковыми по вине Габсбургов, при ликвидации Первой империи выше всего поставивших лишь достояние своего дома и фамиль-

ные интересы; это Люксембург и Эльзас-Лотарингия — по вине Второй империи Гогенцоллернов, которая не знала ни как вовлечь их в сферу своего влияния, ни тем более как удержать их там.

Так разделяются на рубежах Каринтии два общеизвестных типа границ немецкой народной почвы — тип восточный и тип западный. (Подобное было бы невозможно на рубежах Штирии, увы, разрушенной изнутри.)

Вот почему свой краткий обзор [границ] с достигнутой здесь точки зрения мы предпочитаем начать не с побережья, идя от него далее по суше, а именно с данного места на пограничном предполье. Ибо в противном случае мы должны были бы двигаться от оголенной в ходе исторического процесса границы Северной провинции, которой к тому же дозволено распоряжаться лишь на 50 км в глубь народной земли, тогда как Каринтия — не считая долины Канала — удержала за собой единственную прочную предвоенную границу немецкой народной почвы, которая в настоящее время еще является государственной: хребет Караванке. Это оказалось возможным лишь благодаря естественной прочности этого цельного ландшафта в пограничном организме, прочности, побудившей голосовать за немецкую Каринтию⁷ даже ее иноплеменных, но родственных в культурном отношении жителей⁸.

Пожалуй, каждому немцу следовало бы хоть раз в своей жизни подняться с благоговейным чувством к вершинам Караванке, прийти в Зал сословий Клагенfurта и постоять там в раздумье.

К западу от мощного естественного и цельного ландшафта Каринтии, от рубежа, где еще возвышается на своем изначальном месте постигнутая в ее истинном смысле Ратцелем древняя стена первой Священной Римской империи германской нации (ибо венецианское государство южнее Карнийских Альп никогда не было частью немецкой народной почвы), и далее вплоть до Ла-Манша и Северного моря длинным рядом тянутся теперь «выпавшие

камни» самой разной величины; подвергшаяся насилию коренная земля возведенного в графство Тироля; небольшой, тяготеющий к Швейцарии феодальный реликт Лихтенштейн; древние хранители имперского перевала — Граубюнден, Вормс, Вельтлин, Клеве, старинные кантоны, города Берн и Фрайбург (Фрибур) и столь долго сохранявший верность империи Базель (в настоящее время все — члены Швейцарской Конфедерации или уже оторваны от нее повернувшей вспять романской волной); Савойя точно так же государство на перевале; Мемпельгард, стражник Бургундских ворот; Эльзас — отторгнутая часть естественного единства Верхнерейнской равнины; Лотарингия; уменьшившийся в объеме Люксембург; старинные имперские епископства Мец, Туль и Верден; хранитель Мааса Люттих (Льеж); так пламенно оспариваемая Фландрия, Нидерланды. Но эта повсюду — кроме Каринтии — отброшенная назад к ущербу для Германии стена на руинах Тироля — земли на перевале — пала жертвой требования границы по водоразделу, которое было хитро внушено Италией мировому общественному мнению, — границы, не совпадающей с линией раздела между народами и расами, фактически проходящей не по гребню горного хребта, а вдоль естественной исторической оборонительной линии горных теснин. При этом были принесены в жертву связи между народами и права выпаса по обе стороны горного хребта. Между тем вблизи этих мест, в Пустертале, где проведение границы по водоразделу противоречило бы итальянским претензиям, этот принцип не был соблюден!

В то время как изначально существовавшие небольшие государства на перевалах и в долинах северных известняковых Альп, такие, как Верденфельс, Берхтесгаден или скрепляющее австрийскую и баварскую части баварского плато архиепископство Зальцбург, лежавшие между Тиролем, этой расширяющейся областью на перевале, и возвышающимся к франконским уступам баварским пред-

альпийским государством, были поглощены, — в то самое время в качестве алеманно-альпийской границы, имевшей даже политическое значение, все же остался укрепленный рубеж Арльберга и перевала Монтавон-Пацнаун между Тиролем и Форарльбергом; при этом он оставался таковым, даже когда родственный переходный ландшафт Альгой (Альгойские Альпы) выпал из связи западных и восточных военных дорог, соединявших коренную часть Австрии с Передней Австрией, Брайсгау и Зундгау. От северной окраины Лихтенштейна через Боденское озеро — пересекая старинное герцогство алеманнов по его естественной оси от Констанца через Райхенау — и до Базеля сохранился тогда среди родственных соседей рубеж, который изначально формировался от района к району из мелких отрезков и первоначальной альпийской и верхнерейнской границы, тот рубеж, который последний раз был испытан в Швабской войне⁹ и сохранялся до наших дней в своем старинном стиле, возможном лишь у добрых соседей, т. е. при жизненных формах, тяготеющих к совместной мирной жизни.

Однако на изгибе Рейна у Базеля, на повороте от верховьев Рейна к Верхнему Рейну, от течения, используемого исключительно для производства энергии, к течению, используемому в транспортных целях, уже усвоивший, начиная от Кура, алеманнский темп и как раз в этой части своего бассейна стесненный водоток, прорвавшись отсюда на более широкий путь, устремляется к своей великой героической судьбе. Здесь идет борьба между осуществляемой путем нападения романской идеей барьера крупной реки и идеей насильственно разрушенного естественного рубежа между народами (Вогезского леса), — та борьба, которая со времен Юлия Цезаря придает границе Рейна и Вогезов кровавый и трагический характер. А ведь то, что Вогезы являются окраиной плато, климатической границей, лесной зоной с возможностями выпаса, с чередованием разноплеменных групп и языковыми различиями,

могло бы сделать их одной из самоочевидных естественных границ между крупными жизненными формами этой части Света. Впрочем, этот естественный рубеж нарушен двумя широкими проходами, через которые происходит передвижение народов: Бургундскими воротами и низинной Цаберна. Но незначительная — около десяти километров — ширина их благоприятных для транспорта путей намного уступает разделительной силе горной цепи протяженностью свыше 260 км. Битш с его отчетливой границей, образованной пестрыми песчаниками, — наряду с разделением лес — высокогорье — типичный рубеж между областями, будучи хорошей природной защитой для внутренней границы, которая, пролегая между Эльзасом и Лотарингией, убедительно показала свою способность длительное время служить разделительной силой, но это не граница великой державы. К северо-западу от этого рубежа ныне идут через разделительные зоны, в изложении Фогеля, три большие полосы переселений против верхнего течения Мозеля, Мааса (Мёза) и Соммы, на которые в основном обрушилась атака франков. Ее след показывает откат этой народной волны, по большей части поглощенной ландшафтами-резерватами западной и альпийской расы, и здесь оставившей после себя «выпавшие камни». Их самым важным венцом крепостей, предательски отданных Франции протестантскими немецкими князьями, были епископства Мец, Туль и Верден¹⁰, прежде оплоты империи на линии Мозель— Маас — Ригель. Заслуживает еще особого упоминания сильная природная граница — Коленвальд (Арденны), который в течение длительного времени образовывал разделительную зону между фламандцами и валлонами; затем через сеть каналов таких ранее совершенно нижненемецких, связанных с морем городов, как Гент и Брюгге, она достигает Северного моря.

И вот мы стоим на побережье, которое отделяет всей протяженностью своей береговой линии непригодную для

сообщения часть Северного моря в Немецкой (Гельголандской) бухте от подходящего для плавания, но мало удобного для обороны протяженного побережья Балтийского моря на Кимврийском полуострове (полуостров Ютландия). На Кимврийском полуострове мы видим две противоборствующие речные границы — река Айдер и река Кёнигсау, — так же как и использование в качестве границы двух довольно разных береговых образований: глубоко врезающихся в сушу фиордов с городами во входящем угле на востоке и разбросанных у берегов островков на мелководье западной стороны. Обратимся к грубым подсчетам без сопутствующих пояснений, и пусть цифры говорят так, как в другом месте камни:

	Кратчайшая прямая линия, км
Выход к морю империи Гогенштауфенов	Около 5100
Находившийся под немецким контролем выход в Северное море в период расцвета Ганзы	Около 3700
Контролируемый Германским союзом до его ликвидации выход к морю	Около 2400
Длина береговой линии Германии в период [Первой] Мировой войны: без колоний: 330+1025. (Северное и Балтийское моря)	Около 1355
Длина береговой линии Австрии в период [Первой] Мировой войны на Адриатике.	Около 750
Выход к морю политически удерживаемой немецкой народной почвы после [Первой] Мировой войны: 300+820	Около 1120
Часть побережья города-государства Данциг (Гданьск) (с польским внешне-политическим представительством)	Около 55

Гельголанд после ликвидации его военных сооружений оставлен на медленное, но верное и неудержимое

разрушение морем; канал Норд-Остзе (Кильский канал) демилитаризован и беззащитен, так же как береговой ландшафт на расстоянии 50 км в глубь страны.

Таков безмолвный язык побережья, этой части немецкого народного организма, чья угасающая жизнь еще в 1901 г. была наглядно представлена на карте, опубликованной в «*Petermanns Mitteilungen*». К приведенным данным добавим разнемечивание и искусственное отстранение от управления реками Рейн, Эльба, Одер и Дунай тех, кому принадлежат прилегающие к этим районам земли, а также полную потерю Вислы и Мемеля (Немана)¹¹.

И устье Вислы, и Мемель, вероятно, могли бы рассматриваться, подобно явлениям западной границы и остаткам немецких позиций в Латвии, Курляндии (Курземe), Эстонии, как «выпавшие камни», те, что на Западе упали по обе стороны развалившихся строений, если бы в действительности они не были превращены в форпосты чуждого роста. Данциг (Гданьск) должен был так или иначе ускользнуть в руки Польши, Мемель (Клайпеда) уже сейчас из-за откровенного предательства Лиги Наций, о котором, к сожалению, слишком быстро забыли, отдан литовцам как скудная компенсация за Вильно (Вильнюс)¹². Гораздо более похожа на такой обломок прежнего державного здания старейшая и почтенная колония, возникшая в ходе переселения нашего народа на Восток, — Восточная Пруссия, подобно тому как долгое время стояло герцогство Лотарингия, атакуемое со всех сторон волнами французского прибоя. Восточная Пруссия — это единственная, все еще не обвалившаяся руина огромного германского поселенческого выступа в балтийском моренном ландшафте, результат отступления самого северного из трех поселенческих клиньев, продвинувшихся далеко в глубь Восточной Европы, из которых второй, с севера обходивший Судеты и терявший свое острие на востоке Верхней Силезии, был представлен силезским германством, в то время как третий клин проник через Верхнюю и Ниж-

нюю Австрию вдоль Дуная, через Зальцбург, Альпенкльстер и Штирию в направлении Альп и к их восточному подножию.

Навстречу им выдвинулся из-за множества рассеянных поселений трудноотделимый стык польского, чешского и словенского встречного клина. Однако беда для рас, которые отчужденно относятся друг к другу и тем не менее вынуждены жить бок о бок в этой широко растянутой полосе Промежуточной Европы, состоит в том, что важные и сами по себе осуществимые географические связи и связности по эту и по ту сторону границы не складываются политически. Что же касается собственно немецкой стороны, то она не сумела при повторной колонизации создать действительно взаимосвязанные широкие заселенные полосы в нынешних долинах крупных рек и долинах, оставшихся от талых вод ледниковой эпохи, а труднопроходимость естественной области Богемии и неприступность ее лесов помешали сквозной колонизации древнего германского пути между Одером и заболоченным Дунаем, пути, который на заре германской истории, точно так же как и в Богемии, из-за недостаточно развитого политического инстинкта частично отклонился в сторону. Это — подлинный срединный путь переселений, следовательно, внутренний восточный путь в противоположность любому окраинному речному пути, который некогда вел варягов от Западной Двины через Киев по Днепру к Византии, и он был (в своей Моравской лощине и впадине Одера) как торговый путь к германским племенам известен уже грекам. Большую роль при образовании германской восточной границы на Висле играет контраст между моренными образованиями и безлесными лёссовыми ландшафтами — которые при первом переселении германских племен на Запад получили предпочтение как полосы переселения — и предпочитавшимися при повторной колонизации землями лесных ландшафтов, лучшими, хотя и более трудными для освоения и обработки, лежавшими в

долинах, созданных в ледниковую эпоху талыми водами, с их водными системами и каналами. При повторной колонизации в долинах крупных рек и низинах наряду с ограниченной крестьянской колонизацией проходит и городская, которая приобретает решающее значение. Ее градообразующий, но и сам уже урбанизированный поток теперь не осваивает всю территорию вокруг, но способствует тому, что немецкое расселение на восточных землях, в Польше и Юго-Восточной Европе, приобретает «диффузный» характер. Так возникают многочисленные островки языковых образований.

Иной раз немецкого поселенца — не только урбанизированного — вводило в заблуждение чувство, будто благодаря немецким династиям он еще связан с родной землей, замкнутой народной основой, через пространства, на которых фактически из-за их скученности все же прерывалась культурная и хозяйственная связь. Так было в королевской земле старой Саксонской Трансильвании, в Банате и в Бургенланде, который так же, как Эгерланд, был продан якобы немецкой династией и который единственный из утерянных кусков народной земли воссоединился после мировой войны, — разумеется, страшно изуродованный и грабительски лишенный своего естественного транспортного узла Эденбурга и всех без исключения «бурггов»¹³, по которым он назван¹⁴.

Если мы спросим себя, согласно последним геополитическим обоснованиям, почему — при взгляде с точки зрения исследователя границы — на немецкой народной почве именно в вопросе об отношении к обороне границ столь вопиющим образом разнятся между собой, с одной стороны, благоразумие государствообразующего народа, взращенное восприятие народностью жизненно необходимых и необязательных частей народной почвы, которая при такой скученности населения повсюду одинаково священна, и, с другой стороны, значительно более сознательно охраняемая основная структура? Далее, если мы спро-

сим себя, почему, например, в свое время, когда император Карл V признал невозполнимую потерю ключевых крепостей западной границы, его народ мог насмешливо распевать в его адрес задорную песню о том, что ему отказали в танце важнейший пограничный оплот «Мец» и главный оплот «Магд»?¹⁵ Мы обнаружим затем при детальном исследовании как причину тот факт, что именно в нашем жизненном пространстве внутренние границы и постоянная воля к его сохранению почти повсюду сильнее, чем естественная внешняя защита, физический орган внешнего покрова и периферическое чувство обороны государства — в этнопсихологическом и моральном отношении. Нас, немцев, во многих местах — там, где не понимают эту самоубийственную ориентацию, — прямо-таки обвиняли в национальной извращенности¹⁶.

Совершенно очевидно, что эта объективность, доходящая до самоистязания, до неприязни народа к собственной жизненной форме, идущая на пользу чуждым, насилующим нас народам и государствам, эта удивительная смесь политической ограниченности с местными интересами, тупости в практике с космополитической, возвышающейся над народом несбыточной мечтой в теории — эта смесь качеств, которые совершенно несовместимы на практике, но временами уживаются между собой даже в таких натурах, как Гёте, — едва ли может быть понятна сыновьям замкнутых естественных жизненных форм. Во всяком случае именно психологическими предпосылками я попытался объяснить руководящим японским персонам наше поражение в 1918—1919 гг.

К тому же в нас, в немцах, нужно еще долго преодолевать нелепое представление, будто стоит лишь нам испытать собственную потребность передышки в защите границы, как тотчас же такая потребность возникает и у враждебного соседа, и что тем самым, т. е. путем самосыпления, преодолевается худшая фаза кризиса в борьбе за пространство. Даже заслуживающие самого серьезного

отношения свидетельства сохраняющейся у противника воли к борьбе, такие, как проект будущей Европы согласно сербским архивам (заметка в «*Petermanns Mitteilungen*», 1920), не вызвали никакой настороженности у тех, кто так охотно верит в международные примирительные слова; и граф Куденхове-Калерги¹⁷ под гром аплодисментов построил свою «пан-Европу» на прочном отчленении Внутренней Европы. Один только Лёш указал на несостоятельность самой конструкции этого здания¹⁸.

То, что идея пан-Европы, представляемая как некое пацифистское творение, втянула бы и нас, грабительно лишенных пространства, в ожесточенные битвы французского, бельгийского и нидерландского империализма за колонии, на это именно в кругах «друзей мира» предпочитают закрывать глаза. Впрочем, все эти наши бедствия имеют причиной два момента: первый — особенность нашего жизненного пространства, основательно разбитого внутренними границами на ячейки, и второй — рано проявившийся внутренний настрой нашей высокоодаренной, но склонной к шизофреническим катастрофам народной общности. Поэтому на постоянное воздействие нашей природной среды, которое в сочетании с определенным пороком национального характера способно порождать опасные бури, следует, с одной стороны, ответить постоянным воспитательным действием и бдительностью в отношении назревающей опасности вредных вспышек и проявлений. Но с другой стороны, именно из самой истории наиболее одаренных народов, таких, как индийцы и эллины, которые обладают сходными чертами характера, тоже обусловленными и усиленными влиянием ландшафта, черпаем мы надежду! Она проистекает от переданного нам уже Ратцелем геополитического познания большей долговечности деяний, совершаемых в истории многотипными группами людей, и особенно многотипными народами и расами. Однотипный легче себя исчерпывает, его однотипно конгениальный родовой ландшафт (такой, как

средиземноморский или месопотамский) быстрее обнаруживает признаки истощенности, хозяйственного истощения, и творческая сила живущих на его почве парализуется вместе с ним. Но у многотипных людей и рас после истощения отдельных пространственных зон отдельные части расы или народа восстают вновь из беспрестанно регенерирующей обширной народной почвы: целые ландшафты находятся в полузабытьи и грезят там еще с гордой уверенностью о том, что их расцвет впереди, в охраняемых прежних состояниях. Может случиться и так, что камни, на протяжении столетий отвергавшиеся строителями как бесполезные и мешающие, вновь станут угловыми камнями¹⁹, которые будут поддерживать границы и на которых будет надежно покоиться в грядущих столетиях столь необходимое новое здание Европы, и прежде всего ее Центра! Но сначала предстоит, разумеется, передвинуть разного рода камни, дабы те не давили своей тяжестью на замурованную жизнь, как сегодня сдавливают ее со всех сторон границы немецкого народа и государства.

ГЛАВА XXV

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СПОСОБА РАССМОТРЕНИЯ ДЛЯ ПРОБЛЕМ ГЕРМАНСКИХ ГРАНИЦ

Геополитический способ рассмотрения, цель которого — представить функционирующие в определенном жизненном пространстве жизненные формы политики как обусловленные одновременно и стабильной географической средой, и динамикой исторического процесса имеет для всех проблем, связанных с границами, большое преимущество, ибо он больше, чем всякий другой подход, позволяет видеть эти проблемы независимо от какой-либо партийно-политической установки и мировоззренческой

односторонности, пользуясь естественно-научными и биологически корректными методами. В то же время он весьма полезен для философии истории, ибо не подвержен искажениям со стороны социологических и общественно-политических доктрин и избавляет от той значительной доли предвзятости, которую они обыкновенно порождают.

С учетом же двойственности периферической функции границы геополитический подход выступает как необходимость, и в гораздо большей степени для того партнера, который при проведении границы был ущемлен в отпращивании его жизненных, функций, чем для того, который получил от этого преимущества. Ибо для обделенного естественно напомнить миру о биологически ненормальном, а значит, вредном для развития всего человечества проведении границ, подобном тому, какое имело место в Верхней Силезии. Например, пользующийся преимуществом будет в лучшем случае молчать и владеть, а в худшем — попытается лицемерием в собственных интересах заранее замутить «источник истины осторожностью на свой аршин»; деятельность, которая в высшей степени запутала все немецкие пограничные проблемы, даже в восприятии самого пострадавшего народного организма.

Больше того, отдельные структуры пограничных ландшафтов — край, область, отдельное поселение — обладают собственной жизнью, той жизнью, которая вполне различима с геополитической точки зрения, но о которой находящаяся под угрозой и отстающая в своем развитии жизненная форма осведомлена, как правило и к своему великому ущербу, хуже, нежели форма растущая. Последняя, естественно, интересуется территориями, возлагая надежду, что вскоре они достанутся ей, и она геополитически планомерно подрывает их и «мирно проникает» туда или по меньшей мере пытается на них влиять, осо-

бенно через близкие ей части, отщепенцев или «социальные страты».

Таким образом, при геополитически акцентированном исследовании границ речь идет о поэтапном исследовании. Сначала должны быть изучены пограничные жизненные пространства и жизненные формы как таковые — для Германии это, к примеру, Северный Шлезвиг, Эйпен-Мальмеди, Саарская область, Пфальц, Лотарингия, Эльзас, Форарльберг и Тироль, Каринтия, Штирия, Бургенланд, Моравия австро-венгерской диаспоры, старинные герцогства Аушвиц и Затор, Восточная Верхняя Силезия, Восточные провинции (*Ostmarken*), Данциг, Мемельская область, в которых прежде всего, смотря по обстоятельствам, следует поддерживать прочное сознание единства ландшафта, особенно в тех из них, которые наши противники с полным знанием дела пытаются расчленить административно, такие, как Эйпен-Мальмеди, Эльзас, Тироль и земли по Висле.

Мощный инстинкт, связанный с землей, устойчивость областей и своеобразие общин помогают именно при попытках расчленения провинций добиваться крупного национального успеха. Примечательный пример этого мы видим не только в Каринтии, но и в провинции Бенгалия, попытка расчленения которой не удалась, и это также следует учитывать, ибо немецкая школа геополитики в развитии своих взглядов не может ограничиваться одними лишь германскими границами. Точно так же нам следует проявлять острую бдительность, чтобы попытки разорвать на куски «подмандатные территории» и отдать их в руки держав-грабительниц, ловко выдерживая из-под международного контроля (все же предпочтительного), своевременно были доведены до сознания мирового общественного мнения, особенно общественного мнения Соединенных Штатов, которые демонстрируют большую приверженность принципу «открытых дверей».

И здесь, следовательно, настоятельно необходим бдительный геополитический контроль.

Следующий этап касается сохранения отношений отторгнутых и находящихся под угрозой частей с общей структурой более крупной жизненной формы в культуре, экономике и политике. И здесь геополитический способ рассмотрения может уберечь от роковых ошибок, какие мы допустили в Германии. Ведь уже со времен германского поселения на Рейне в этом регионе вполне закономерно и оправданно складывались отношения, соединявшие оба берега реки всюду, где развивалась мощная политическая жизнь. Ибо в противоположность романской германская идея исходила из желания формировать крупную реку не как границу, а как жизненную артерию. Любое соперничество железнодорожных систем, проходящих вдоль крупной реки, любое несовершенство связи через нее, любая прерванная постройка моста, любое использование реки в качестве внутренней границы было, следовательно, геополитической ошибкой; и, например, увековечение состояния имперской земли, использованное Бисмарком как средство решения переходящих задач, стало крупнейшим геополитическим прегрешением, какое только тогда могла совершить Германская империя. Напротив, симбиоз Мангейм — Людвигсхафен — это одна из сильнейших скреп (связей), которыми мы владеем на переходе от Верхнего Рейна к Среднему; и он до известной степени способен возместить прежнее влияние Пфальца на Рейне.

Прямо-таки авантюристическим, смехотворным с политической точки зрения предприятием была попытка обременить цислейтанскую часть Дунайской монархии всем административным весом Галиции при ее весьма хилой связи с хинтерландом, в то время как Венгрия пользовалась полной защитой, подобающей земле, которая рассматривается как гласис, а не как периферийная часть империи. Французские геополитические труды, среди них

известная работа Шерадама «Европа и австрийский вопрос» («L'Europe et la question d'Autriche»), уже в 1902 г. разоблачили нездоровую геополитическую структуру Цислейтании, прежде всего с точки зрения геополитического исследования границы, в то время как в говорящей на немецком языке культурной области закрывали на это глаза.

С другой стороны, у нас существует почти забытая и во время ее появления замеченная лишь в военных кругах работа француза Е. Тэно «Граница» («La frontiere») — образец того, как после глубоко прочувствованного ущерба, нанесенного границе, в народе может вновь пробудиться сознание собственных границ.

Но самое большое преимущество, которое имеют геополитические занятия национальными пограничными областями, состоит в том, что, из какой бы партийной позиции эти занятия ни исходили, они могут принести пользу каждому члену народной общности и представляют собой верную гарантию того, что поборники самых различных мировоззрений могут объединиться на основе ясных и бесспорно полезных принципов, таких, как преобладание определенных языков, рас, строительных форм в единых пограничных областях, единство ландшафтных типов, ориентированных на общую систему коммуникаций и являющихся неразделимыми, а значит, прямо-таки принуждающими к сотрудничеству, равно как подтверждаемый мировой практикой факт, что нельзя длительное время игнорировать никакое положение дел, если оно связано с историческим и демографическим развитием, с правом на самоопределение.

Поскольку же теперь факты, особенно касающиеся права на самоопределение, навязывания чуждых языков, отказа в религиозном образовании на родном языке, снижения продуктивности почвы на единицу поверхности (на подмандатных территориях!), говорят чаще в пользу угнетенных, лишившихся земли в результате грабежа, а

не в пользу грабителей, мы в высшей степени живо заинтересованы в том, чтобы повсеместно ярко освещать эти факты на основе геополитического метода. Напротив, мы должны признать потенциальную общность всех народов, испытывающих такое же, как и мы, давление, в какой бы части Света они ни жили, как предопределенное судьбой сообщество и потому изучать его с помощью геополитики — при этом чем более развиты, чем более неестественно защищены, но бесспорно достойны права на самоопределение народы, тем лучше.

Там, где численно более сильное, скрепленное общими интересами сообщество сталкивается с тем же насилующим культуру, власть и экономику противником, там часто выявляются неожиданные возможности сотрудничества, которые, однако, снова требуют геополитической подготовки общественного мнения.

Что касается способа сделать такую геополитическую подготовку позитивной, то здесь могут служить образцовыми геополитическое исследование Э. Тиссена «Версаль и после него» («Versailles und fortsetzung»), изданное К. Фовинкелем (Берлин, 1924) и освещающее свой предмет в основном с северогерманской точки зрения, труды Н. Кребса о Южной Германии, К. Заппера о Вогезской области (Страсбург, 1914, 1915), Р. Зигера о Штирии и Австрии в целом, а также работа И. Зёльха о проведении границы Тироля, более действенные для читателей Южной и Центральной Германии и Австрии.

Существует, наконец, и *метод косвенного геополитического воспитания*, который нацелен на то, чтобы на примерах, совершенно далеких от злопамятства, скажем Индии и Восточной Азии, тренировать инстинкт и интеллект в направлении сохранения пограничной и жизненной формы родины. Уже удачный выбор иностранных трудов в хороших переводах может быть весьма полезным для этого. Ведь какие уроки для всех политических партий Германии, для проблемы сохранения государства

и его отдельных пограничных областей содержит, к примеру, книга Картхилла «Lost Dominion» («Утерянное господство»), или в плохом немецком переводе просто «Verlorene Herrschaftsfähigkeit», и поэтому мы настоятельно рекомендовали ее одному предприимчивому немецкому издательству для выпуска на немецком языке (К. Фовинкель. Берлин, 1924).

Мы должны также извлечь для себя пользу из филиппинской деятельности Рассела, дружественной Китаю геополитической работы Рида и Рассела, Саркара как борника паниндийского культурного движения, равно как и из научной пропаганды Советов.

Здесь содержится предостаточно уроков, прямо или косвенно пригодных для использования в процессе отвечающей немецким интересам работы в пограничных областях, но извлечение этих уроков требует, разумеется, большой осторожности, знания местных персоналий и реальных условий; и как раз тут должна быть приведена в действие геополитическая выучка.

Ибо для Германии уже давно недостаточно среднего результата, который, как мы полагали прежде, можно позволить себе в обучении нашей внешней службы, так же как и политических лидеров в этой области, — если Германия хочет надеяться вновь занять место, подобающее ей соответственно численности, ее населения, а также культурным, военным и хозяйственным (но, увы, не политическим) достижениям среди народов, к которым она теперь уже не относится из-за недостатка силы, пространства и самоопределения.

Посмотрите лишь на то, как ведущие умы угнетенных народов, переживающих сейчас мощный подъем, сформировались именно благодаря изучению народной психологии, геополитики, естественно-научным наблюдениям, исходя, казалось бы, из гуманитарных и определяемых волей начал — от лидеров Филиппин (Рисаль¹), младоиндийцев (Саркар, Дас², Ладжпат Рай³) и младокитайцев

(Сунь, Ку, У, Чан)⁴ до геополитических воспитателей советской дипломатии в Азии; ибо Советы располагают здесь бесспорно весьма выдающейся службой наблюдения и подготовки специалистов в области проблем границ, которую совсем недавно вновь отметили Свен Гедин (при обсуждении экспедиции полковника Козлова в Центральную Азию), а затем Эрих Обет и о которой свидетельствуют такие книги, как «Красная Гота» («Rote Gotha») (Ежегодник Коммунистического Интернационала по проблемам экономики, политики и рабочего движения) или вышедшая в Москве в 1924 г. книга Б. И. Доливо-Добровольского «Тихоокеанская проблема».

В осознании того, что время геополитического устрания чересполосицы, нового перераспределения силы на Земле с окончанием мировой войны не закончилось, а лишь началось, повсюду разворачивается лихорадочная геополитическая деятельность, затрагивающая как раз проблемы границ, как бы следуя крылатой фразе Шекспира: «Готовность — это все!» Мы должны в современном состоянии проблемы немецких границ в случае перемен почти ничего не потерять, зато вернуть очень многое. Ведь мы не решились бы приободрить себя однажды словами Франциска I, сказанными им после сражения при Павии: «Потеряно все, кроме чести!»⁵

Именно честь была потеряна прежде всего, и не в самой войне, а из-за способа, каким мы ее как народ в целом недостойно закончили, поверив вместе с введенным в заблуждение большинством, что свобода-де может возродиться в обновленном виде из покорности и дезертирства.

Уважение, честь и сила должны быть вновь обретены — именно положение дел в этой области отражают, подобно показаниям самого чуткого манометра, проблемы германских границ. Таковы блага, которые связаны не столько с материальным благополучием, сколько с ростом и возрождением в обширной народной среде подорванных, отравленных и требующих обновления, но не подда-

ющихся измерению ценностей народного духа; этому помогает и учит обозревающий мир геополитический способ рассмотрения с его отчасти устыжающими, а отчасти воодушевляющими возможностями сопоставления; он каждый раз ведет от сумеречного состояния [сознания] и незнания к знанию и по этому единственному пути — к политическому умению и воле, прежде всего к утраченной безопасности через преодоление самих себя, через свои границы и их проблемы.

ГЛАВА XXVI

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Завершая размышления о будущем и заключительным словом исследование, которое наряду с научно апробированными и многократно подтвержденными, объективными констатациями непременно содержит и некоторые оценочные суждения субъективного свойства (если, конечно, целью данного исследования были сколько-нибудь полезные умозаключения, а не мнения типа «*non liquet*»¹ или «*ignogabimus*»)², автор чувствует прилив свежих сил и бодрости, обзрев с достигнутой им вершины собственный путь, видит, как другие, начиная свое восхождение с иных исходных позиций, все же достигают весьма близких результатов.

Речь идет прежде всего о толковании Фрайера, которое я, завершая настоящий труд, обнаружил в подтверждение своих идей в его содержательной и глубокой по смыслу книге «*Der Staat*» («Государство») ³:

«Увиденное извне (а государство должно быть рассмотрено здесь извне вовнутрь, ведь извне вовнутрь оно и строится!), государство есть не что иное, как замкнутая цепь, неотъемлемыми звеньями которой являются

безопасные или обороноспособные границы, благоприятные гласисы, маршруты движения войск и военно-морские базы, укрепленные позиции и стратегические дороги, источники сырья, гавани, рынки и промышленные площадки, примирение интересов населения и взаимодействующие на основе разделения труда провинции...»

Найдя в движении мира подтверждение своим естественнонаучным и философско-историческим взглядам у защитника правовой идеи, и ученый, занимающийся проблемами границ, обретает утешение, поднимая завесу будущего не спеша и терпеливо бережной, ищущей мудрости рукой. Поскольку честный научный поиск имеет на это право, пыливый взор глубже проникает от подобных представлений к связям между подвижными, все еще чреватými конфликтами состояниями границ человечества и чаяниями Внутренней Европы; и здесь обнадеживающая связь очевидна. Подобно тому как из гигантского пожара так называемой мировой войны, пылавшего с 1914 г. до... (?), в других старых культурных областях Земли возникло и расцвело движение за самоопределение угнетенных, — этот побочный продукт войны, крайне нежелательный для истинных возбудителей борьбы, — так и этот внеевропейский импульс мог бы, с другой стороны, содействовать избавлению от ига потерпевшей крах Внутренней Европы, сковывая действия тех, кто насилует ее границы.

Как мы теперь видим, именно в результате чрезмерной жестокости договоров и принуждения с помощью лукавой казуистики многие люди фактически связывают свои надежды на светлое будущее в огромной мере с разрушением границ, установленных несправедливым насилием. И отсюда в условиях общей угнетенности рано или поздно между Советским Союзом, Китаем и паназиятами, а также между другими угнетенными, униженными, эксплуатирруемыми и каждодневно оскорбляемыми народами

возникает чувство единения и как следствие возможность совместных действий.

Даже такая одержимая пацифизмом личность, спокойно мирящаяся с сохранением современного правового состояния неслыханного унижения древних крупных культурных народов, недостойно стесненных в пространстве, как поборник пан-Европы граф Куденхове-Калерги категорически признает, что он и представить себе не может, каким образом должен сам собой, без войны, решиться спор о разграничении цветных и белой рас в индо-тихоокеанском пространстве — между столь густо заселенными, испытывающими давление резерватами людей и столь мало заселенными, крайне нуждающимися в людях резервными пространствами Земли, как соответственно муссонные страны и Австралия, или между тихоокеанским англосаксонством, империалистически наступающим на Тихий океан. Он только верит, что его пан-Европа — несмотря на обременительную принадлежность к ней бельгийской, нидерландской и французской колониальных империй — сможет остаться в стороне от этого спора. Но какое у нас, в подвергающейся непомерной эксплуатации Внутренней Европе, есть основание помогать своим молчаливым согласием сохранению во владении враждебных и безжалостных к нам эксплуататоров, запертых для нас заморских эксплуатируемых земель, участвуя, скажем, в союзах, которые хотят увековечить такую несправедливость? Мы когда-нибудь предъявим миллионам людей, заинтересованных в крушении нынешней системы фиктивных границ, самые общие данные статистики и тогда увидим, сколь ужасающе велико численное превосходство таких людей, а следовательно, чем может обернуться подлинно демократическое волеизъявление по вопросам существующего распределения власти и пространства на Земле и их разграничений!

К по меньшей мере 75 млн недовольных немцев присоединятся тогда 448 млн из китайского народного государства, 320 млн индийцев и 143 млн жителей Советского Союза, 25 млн населения французской колониальной империи в Индокитае и 55 млн — нидерландской в Индонезии, 12 млн филиппинцев, 4,5 млн человек на Цейлоне, которые через большую часть органов своего общественного мнения, на представительных международных конгрессах уже высказались о том, что они хотят изменить нынешнее состояние границ в мире. Но кроме названных миллионов, которые уже сами по себе составляют большинство, даже великие державы современности пока что не решились к кому им следует примкнуть в случае решающего столкновения. Это 85 млн населения великой Японской империи, включая и 20 млн корейцев, мнение которых следовало бы также спросить. На конгрессе в Брюсселе голоса Египта и стран Северной Африки были услышаны слишком отчетливо, чтобы они могли составить компанию блюстителю теперешнего состояния, так же как голоса Турции Кемаля-паши, Ирака с его неоднократно распускавшимся народным представительством из-за выражаемых им протестов, или же Персии и Афганистана, получивших гарантии безопасности со стороны Советов⁴. Таким образом, хранители нынешних границ не могут апеллировать к мнению большинства малых и больших народов Земли, якобы допущенных к самоопределению, и им остается лишь ссылаться на правовой титул, силы, власти, на произнесенные кротким Спинозой грозные слова: «*Quisquis tantum juris habet, quantum potentia valet*»⁵. Но производит жалкое впечатление, когда тот, кто, сам пользуясь насилием, взывает о помощи к международному жандарму. А ведь, как нам известно, именно так поступали эксплуататоры и угнетатели против тех угнетенных, которые в целях своей защиты от насилия прибегли к экономической силе оборонительной забастовки, как это происходило в 1925—1927 гг. в Китае,

или одному только «отказу от сотрудничества со злом» чуждой власти, как в индийском движении Ганди.

Впрочем, тот, кто всматривайся в эти отношения, не прибегая к помощи очков, искажающие преломление света и краски, и узрел открывшуюся перед ним страшную несправедливость, должен будет признать, что просвет на горизонте, часто возникающий перед сильными грозами в качестве «false dawn»⁶, на самом деле краснее, чем хотелось бы сегодняшним, носителям власти и хранителям границ на Земле. Во всем этом больше настроения заката мира (*Weltuntergangsstimmung*), когда хотя и говорят о гарантиях взаимной безопасности (*Rückversicherungen*), взаимной защиты заурядное, к которым все больше склоняются разного рода политические партии центра в странах, где парламентаризм не является самобытным, выросшим на местной почве явлением.

Именно геополитически образованный должен констатировать, что те, кто особенно явно стремятся отвести закат Европы (*Untergang des Abendlandes*), своей половинчатой позицией в вопросах границ многое делают для того, чтобы он произошел; и что часто те, кто вызывает подозрение в неслыханном радикализме, мнимые сокрушители скрижалей, такие, как духовные лидеры китайского Юга и решительные поборники границ, смелые межевальщики между национальным, народным, берегущим границу и интернациональным, упраздняющим расовые различия, стирающим границы между мировоззрениями, вероятно, иногда вопреки их воле способствовали тому, чтобы благодаря справедливому обновлению границ создать более устойчивую структуру будущего.

Ибо бывают времена апатии и усталости: они приходят и к сильным странам, и к храбрым народам, укрепляя и обессиливая их подобно яду, заставляя их растратить и проспаться унаследованное пространство и будущее собственных детей. В подобные времена всякий говорящий им то, что они желают слышать, заставляя их погружаться

в гипноз, не обретает никакой заслуги перед ними, но лишь грешит в отношении их лучшей жизненной силы. Напротив, следует считать своим долгом без усталости окликать их, как сомнамбул, до тех пор, пока они не услышат и не пробудятся, дабы укрепить и расширить свои границы.

Еще более веское право на такой оклик и призыв, чем то, что дает сугубо научная работа в области проблем границ, человек обретает в случае, если в течение всей своей жизни он честно сражался за эти некогда протяженные и гордые границы своей народной общности не только в мирное, но и в военное время, не только пером и карандашом, но и оружием, на Востоке и Западе и самого себя уложил как скромный камень в массив рубежей собственного народа. И если бы этот народ каждого, кто дает ему добрый или недобрый совет в вопросе о его границах, подверг испытанию, где же тот был, когда границы народа оказались в опасности, этот народ, вероятно, получил бы лучшие советы относительно географического и политического сохранения своих границ.

ПРИБАВЛЕНИЕ К ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМУ СЛОВУ

Достичь полноты из-за обилия материалов невозможно, отсюда неизбежные в любой работе некоторые целесообразные ограничения уже при их отборе, а именно: какие из них должны быть использованы, а какие только названы или какие, при всем к ним внимании, оставлены в стороне.

И все же каждый должен попытаться создать завершённый собственный образ границ своей государственной, народной и культурной почвы, даже если такой образ пригодится лишь строителям храма (Münster) грядущих времен!

ПРИМЕЧАНИЯ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

¹ Юра — система горных хребтов на границе между Францией и Швейцарией, давшая название юрскому периоду, в течение которого образовалось большинство гор этой системы.

² Маньчжурия — историческое наименование современного Северо-Восточного Китая. Происходит от названия раннефеодального государства Маньчжоу, существовавшего в первой половине XVII в. на этой территории. В 1932 г. была оккупирована Японией и провозглашена якобы независимым государством Маньчжоу-Го. Освобождена Советской Армией в 1945 г. в ходе войны на Дальнем Востоке.

³ Монголия — в средние века центр Монгольской империи, затем провинция Китая, получившая независимость де-факто в 1911 г.; с 1924 г. Монгольская Народная Республика.

⁴ Вероятно, имеются в виду лидеры Гоминьдана — политической партии в Китае, созданной в 1912 г. До 1927 г. играла прогрессивную роль в борьбе за развитие суверенного Китая, свободного от засилья иностранного империализма. Основателем Гоминьдана был китайский революционер-демократ Сунь Ятсен.

⁵ Ратцель Фридрих (1844—1904) — немецкий географ и зоолог, в 1886—1904 гг. профессор географии Лейпцигского университета. Основоположник немецкой социологической школы, названной его учеником Челленом геополитической. Согласно воззрениям Ратцеля, особенности народа и занимаемого им пространства обуславливают особенности

государства, его внутреннюю и внешнюю политику; само же государство он считал биологическим организмом, подчиненным законам биологического развития.

Представление Ратцеля о государстве, требующем определенного пространства, послужило одним из источников геополитики. Ратцелю принадлежат общеземледведческий труд «Земля и жизнь» (русский перевод 1903—1906 г.), имеющий подзаголовок «Сравнительное земледевие», другие фундаментальные работы.

⁶ Мауль Отто — видный немецкий географ, сотрудничавший с журналом «Zeitschrift für Geopolitik». После прихода к власти фашизма прекратил свое сотрудничество в нем. Наряду с Пассарге конструировал ландшафтные границы путем механического наложения на карту отдельных элементов.

⁷ Пенк Альберт — известный немецкий географ (XIX—XX вв.), занимавшийся изучением водного баланса суши, картографированием земной поверхности, формы которой ставил в центр географических исследований. Будучи участником Международного географического конгресса в Берне (1891), выступил с предложением создать Международную карту мира (в м. 1:1000000). Уделял большое внимание страноведческим описаниям. Под его редакцией в Германии в XX в. издавалась серия «Bibliothek Landerkundliche Handbueher».

⁸ Шоу Бернард (1856—1950) — выдающийся английский писатель, драматург и публицист.

⁹ В 1817 г. США достигли соглашения с Великобританией о ликвидации военно-морских сил на Великих озерах и на озере Шамплейн с оставлением сил, необходимых лишь для сбора таможенных пошлин и налогов. Это соглашение известно как соглашение Раш — Багот. Однако США сохраняли свои верфи на озерах до 1825 г., а Великобритания — до 1834 г. После заключения Вашингтонского договора 1861 г. обе стороны по молчаливому согласию перестали поддержи-

вать укрепления на американско-канадской границе, и она стала «неохраняемой границей».

¹⁰ Автор имеет в виду итоги Первой Мировой войны прежде всего для Германии, зафиксированные системой договоров, образующих Версальскую систему послевоенного устройства мира. Читатель не преминет заметить резко отрицательное отношение К. Хаусхофера к Версальскому договору, которое красной нитью проходит через все его работы, представленные в данном томе.

В Версальском договоре содержался статут (устав) Лиги Наций; описание границ Германии с Бельгией, Люксембургом, Францией, Швейцарией, Австрией, Чехословакией, Польшей и Данией; определялись вопросы политического устройства Европы. Так, Германия обязывалась признавать и соблюдать все соглашения, которые могут заключить главные союзные и объединившиеся державы с правительствами Бельгии или Нидерландов в целях замены договоров 1839 г., устанавливавших бельгийский нейтралитет. Германия признавала переход к Бельгии округов Эйпен и Мальмеди, а также так называемой нейтральной и прусской частей территории Морене (см. также примеч. 40. С. 523).

Люксембург выходил из состава Германского таможенного союза, Германия признала его полную независимость.

Германия обязалась уважать независимость Австрии в границах, которые были установлены Сен-Жерменским мирным договором 1919 г., признала независимость Чехословакии, граница которой была проведена по линии старой, существовавшей к началу Первой Мировой войны, границы между Австро-Венгрией и Германской империей.

Германия обязывалась признать полную независимость Польши, отказаться в ее пользу от части Верхней Силезии, от прав на город Данциг (Гданьск) с округом, которые объявлялись вольным городом под защитой Лиги Наций. Данциг входил в пределы таможенной границы Польши, которой

предоставлялось право ведения его внешних сношений и защиты интересов его граждан в других странах.

Устанавливалась новая граница между Германией и Данией. Эльзас-Лотарингия, отошедшая к Германии согласно условиям Франкфуртского мира 1871 г., возвращалась под суверенитет Франции. В качестве компенсации за разрушение угольных копей на севере Франции угольные копи Саарского бассейна переходили на 15 лет под управление комиссии Лиги Наций. Имелось в виду, что вопрос о дальнейшей судьбе этого района решит плебисцит.

Германия была обязана провести демилитаризацию Рейнской зоны. Ей запрещалось содержать или строить как на левом, так и на правом берегу Рейна, к западу от линии, проходившей в 50 км восточнее реки, военные сооружения и содержать в указанной зоне какие бы то ни было воинские части. Германия обязывалась снести все укрепления на островах Гельголанд и Дюне.

Эти территориальные изменения К. Хаусхофер представляет как ставящие Германию в невыносимое положение, лишаящее ее необходимого «жизненного пространства». Столь же отрицательно К. Хаусхофер оценивает положения Версальского договора, касающиеся колоний. В результате этого договора бывшие германские колонии, а также некоторые арабские территории бывшей Османской империи были распределены между победителями на основе системы мандатов от имени Лиги Наций, согласно которой государства-мандатарии устанавливали свою опеку над территориями, якобы неспособными к самостоятельному управлению. Так, Великобритания получила мандат на управление Западным Того, а также частью Камеруна и большей частью Германской Восточной Африки (Танганьика), германские владения в Юго-Западной Африке отошли к Южно-Африканскому Союзу. Франция, помимо мандата на Сирию и Ливан, получила также мандат на Восточное Того и часть Камеруна; Бельгия — на Руанду-Урунди; Япония —

на Тихоокеанские острова к северу от экватора — Маршалловы, Каролинские и Марианские; Австралия — на остров Науру (совместно с Великобританией и Новой Зеландией), на бывшую германскую Новую Гвинею и острова Тихого океана к югу от экватора; Новая Зеландия — на острова Западное Самоа. Серьезный урон понесли позиции Германии в Китае, где она пользовалась рядом привилегий и преимуществ, вытекавших из прежних германо-китайских договоров. Так, Германии пришлось уступить в пользу Великобритании принадлежавшее ей имущество на территории британской концессии в Кантоне (Гуанчжоу), а в пользу Японии — все права и привилегии на территории Цзяочжоу.

Версальская система оказалась крайне неустойчивой и очень быстро проявила признаки распада. Не устранив коренных империалистических противоречий, приведших к Первой Мировой войне, эта система породила ряд новых между победителями и побежденными, равно как и между странами-победительницами, что ускорило образование новых военно-политических блоков, чреватое серьезными конфликтами. В результате большинство положений Версальского мирного договора не выдержали испытания временем и были нарушены к началу Второй Мировой войны. Первым нарушением территориальных постановлений Версальского договора явилось вступление германских войск в марте 1936 г. в Рейнскую демилитаризованную зону. Следующим — захват Австрии в марте 1938 г. В конце сентября 1938 г. Гитлер с согласия Чемберлена и Даладье («мюнхенский стговор») захватил Судетскую область Чехословакии, а в марте 1939 г. была оккупирована вся Чехословакия. Через неделю после этой акции Германия аннексировала принадлежавший Литве Мемель (Клайпеду). Погоня за «жизненным пространством», «справедливыми границами» привела к логически неизбежному финалу — Второй Мировой войне.

Следует также заметить, что К. Хаусхофер, представляя Германию пострадавшей в итоге Первой Мировой войны стороной, исподволь, с той или иной степенью открытости, снимает с нее ответственность за ее развязывание. Он не упоминает о том, что Версальский мирный договор устанавливал виновность Германии и ее союзников в развязывании Первой Мировой войны. В договоре содержалось постановление о специальном суде над Вильгельмом II, а также о судебном преследовании лиц, «обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны». Однако это осталось благим пожеланием на бумаге. Примечательно, что в трактовке этой проблемы Хаусхофер апеллирует не к историческим фактам, — хотя по многим темам проявляет высокую эрудированность в области всемирной истории, — а к психологии, или народной психологии, к ложно понимаемому «патриотизму».

Вопрос об ответственности за войну приобрел особую остроту еще в 1918 г. Например, британский премьер Ллойд Джордж отмечал: «Все более укреплялось мнение, что война сама по себе — преступление против человечества и что войны никогда не будут ликвидированы полностью, пока они не будут квалифицироваться как уголовные преступления, а инициаторы и подстрекатели войны не понесут заслуженного наказания» (*Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. Т. I. М., 1957. С. 90*). В связи с этим ставился вопрос о привлечении к суду кайзера Вильгельма II. Врученный на Парижской мирной конференции германской делегации 7 мая 1919 г. текст мирного договора содержал статью, устанавливавшую ответственность Германии за развязывание мировой войны. Тогдашний германский министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау отказался подписать договор. В записке, представленной Брокдорф-Ранцау на предложенный ему проект договора, он выдвинул следующие возражения и контрпредложения.

Германия выступала против передачи Польше частей Восточной Пруссии и немецкой Померании, Данцига, пере-

дачи Польше и Чехословакии Верхней Силезии, отторжения от Германии Саарской области и оккупации Рейнской области. Германия отказывалась нести ответственность за все военные расходы.

Германия соглашалась уменьшить свою армию до 100 тыс. человек, в вопросах территориальных уступок предлагала взять за основу программу Вильсона (уступка Эльзаса и Лотарингии, признание Данцига, Мемеля и Кенигсберга открытыми портами, проведение в Шлезвиге плебисцита, передача колоний под мандат Лиги Наций), выражала готовность уплатить 100 млн золотых марок, восстановить разрушенные области Бельгии и Франции, принимала обязательство поставлять Франции в первые пять лет по 20 млн, а в последующие пять лет — 8 млн т угля, соглашалась на передачу в счет понесенных убытков части германского торгового флота. Германская делегация демагогически предлагала создать комиссию для выяснения виновников войны и их наказания.

После отказа конференции рассмотреть эти предложения Брокдорф-Ранцау покинул мирную конференцию и подал в отставку. Национальное собрание в Веймаре приняло резолюцию о необходимости подписать мирный договор, исключив из него статью об ответственности Германии за войну. Однако нажим союзников вынудил немцев капитулировать и подписать договор с упомянутой статьей.

Хаусхофер объективно как бы продолжает линию германской делегации в Версале. Поскольку договор был подписан, то с юридической точки зрения он лишен возможности прямо отрицать ответственность Германии за войну, отсюда его уклончивый язык и обходные маневры.

Нюрнбергский процесс продемонстрировал не только уместность, но и международную необходимость привлечения к ответственности виновников развязывания войны и проведения политики геноцида. Этот нравственный императив и международно-правовая норма поддерживаются всеми честными людьми на планете.

ПРИМЕЧАНИЯ (ВВЕДЕНИЕ)

¹ Абендланд (Abendland) — с конца XVIII в. собирательное название для средневековой католической и христианской Европы. В XIX—XX вв. это понятие легло в основу теории, согласно которой «Абендланд» (или Европа), восточная граница которой определялась, как правило, произвольно, является неким сообществом народов, которые культивируют западный образ жизни. «Закат Европы» («Untergang des Abendlandes») — выражение, повторяющее название книги О. Шпенглера «Закат Европы» (т. 1. М., 1993; т. 2. М., 1998).

² В своих сочинениях Хаусхофер часто использует понятия и образы, заимствованные из мифологии. Так, свет и тьма в мифологической модели мира — одно из основных противопоставлений. С мифа об отделении света от тьмы в библейской традиции («Бытие») начинается творение.

³ Шпенглер Освальд (1880—1936) — немецкий философ и историк, приобрел известность после успеха своего труда «Закат Европы» (1918—1922). Развивал учение о культуре как множестве замкнутых организмов (египетская, китайская, индийская и т. д.), как бы выражающих душу народа и проходящих определенный жизненный цикл. В 20-е годы выступал как публицист консервативно-национального направления. В 1933 г. отклонил предложение нацистов о сотрудничестве, за что гитлеровский режим подверг его бойкоту.

⁴ Фауст — один из неувядаемых образов мировой литературы, вечный вопрошатель о смысле человеческой жизни, воплощение загадок и противоречий; олицетворение дерзаний человеческого разума и в то же время сомнений в необходимости этого дерзания, неукротимого движения к неизведанному и постоянного вопроса о границах этого стремле-

ния, о пределах «дозволенного» при вторжении человека в жизнь Природы и Космоса.

Иное толкование приобрел этот образ в культуре и идеологии фашистской Германии: это «сверхчеловек», «истинно немецкий герой», носитель идеи группового эгоизма, одержимый безжалостно-наступательной агрессией.

⁵ Основана Отгоном I (912—973), германским королем с 936 г., первым императором Священной Римской империи (Sacrum Romanorum Imperium — Heiliges Romisches Reich). Священной она стала в 1254 г. В конце XV в. к этому названию были добавлены слова «германской нации».

Священная Римская империя германской нации была этнически пестрым образованием. Помимо немецких территорий, в ее составе было много славянских земель, находившихся под властью австрийских и немецких князей, а также областей с итальянским, французским, валлонским и венгерским населением. Сама империя (после Вестфальского мира 1648 г. существовавшая чисто номинально как совокупность в основном мелких государств) официально прекратила существование в 1806 г.

⁶ Эллинизм — период в истории стран Восточного Средиземноморья между 323 и 30 гг. до н. э., когда на месте державы Александра Македонского образовалось несколько государств: Селевкидов, Птолемеев, Пергам, Понтийское царство и др., политический строй которых сочетал элементы древневосточных монархий и греческих полисов. Термин «эллинизм» был введен в науку немецким историком Дройзеном.

⁷ Ашока (268—231 до н. э.) — властитель империи Маурьев, занимавшей почти всю Индию и часть современного Афганистана. Сыграл важную роль в становлении буддизма как мировой религии.

⁸ Акбар (1542—1605) — падишах Индии из династии Великих Моголов.

⁹ Перикл (490—429 до н. э.) — вождь афинской рабовладельческой демократии.

¹⁰ Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г., основатель крупнейшей мировой империи древности.

¹¹ Карл Великий — король франков (768—814), основатель Римской империи средневековья. Коронован в Риме в 800 г. папой Львом III императорской короной, что служило знаком его власти над всем Западом.

В 843 г. в Вердене три внука Карла Великого делят его империю на три королевства, которые дадут начало, правда, не сразу и после многочисленных войн, немецкой, французской и итальянской нациям.

¹² Гогенштауфены — династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1138—1254 гг., в 1197—1268 гг. — также короли Сицилийского королевства.

Фридрих Гогенштауфен Барбаросса (1123—1190) — император Священной Римской империи (1152—1190).

¹³ Под Второй Германской империей («Deutsches Reich») понимается созданная Бисмарком в 1871 г. Германия в результате ее объединения «железом и кровью». Вторая Германская империя фактически рухнула в 1918 г., но в официальных документах это название сохранялось в Германии до 1945 г.

¹⁴ См. весьма примечательную статью: *Fischer Th. Das Deutsche Reich in seinen heutigen Grenzen: eine Eintagsfliege! // Geographischer Anzeiger. Justus Peter. Gotha, 1900. № 1*, ход мыслей которой стал одним из сильнейших побудительных мотивов к написанию данной работы. — *Прим. авт.*

¹⁵ Т. е. Священной Римской империи германской нации.

¹⁶ Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения, один из основоположников немецкой классической литературы.

¹⁷ Термин «Das dritte Reich» («Третья империя»), переводимый в нашей обществоведческой литературе как «Третий рейх», употреблен в книге немецкого искусствоведа, историка культуры Артура Мёллера ван дер Брука «Das dritte

Reich» (1923). Термин был заимствован нацистами и использовался в пропагандистских целях.

¹⁸ Предполье — полоса местности перед главной полосой обороны или укрепленным районом, включающим несколько оборонительных позиций и инженерные сооружения. Элемент построения обороны в армиях многих государств.

¹⁹ Борьба за существование (*нем.* Kampf um Daseins) — крылатое выражение, связанное с широким признанием теории Чарлза Дарвина, которое содержится в заглавии его знаменитого труда «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствующих пород в борьбе за существование».

²⁰ Речь идет о границах Германии, установленных Версальским договором 1919 г.

²¹ Оптимизм автора вполне оправдан. К моменту публикации этой книги (1927) Германия существенно улучшила свое положение внутри страны и на международной арене. Она преодолела последствия небывалой послевоенной инфляции (в 1923 г. одна золотая марка стоила 38,1 млн бумажных марок), в 1924 г. приняла разработанный международной комиссией экспертов «план Дауэса», который предусматривал предоставление Германии займа в 200 млн долларов для восстановления ее промышленного потенциала и регулирования уплаты репарационных платежей (132 млрд марок). В 1925 г. были подписаны Локарнские договоры о гарантии ее западных границ (см. примеч. 1. С. 170—171), а в сентябре 1926 г. Германия стала членом Лиги Наций.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА I)

¹ Braun G. Deutschland. I. Aufl. Berlin, 1916. S. 311.

² Sieger R. Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung. Verhandlungen des XXI. Deutschen Geographentags. Berlin, 1926.

³ Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — выдающийся немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель, иностранный член Петербургской Академии наук (1826).

⁴ Впечатления Гёте относятся к тому периоду его жизни, когда он был студентом Страсбургского университета (1770—1771). Готическому собору в Страсбурге, который явился для него истинным откровением, Гёте посвятил статью «О немецком зодчестве», где выступил в защиту готической архитектуры, в которой ревнители Просвещения видели лишь проявление невежества и дурного вкуса. Но суждения Гёте не совсем точны: готическая архитектура (XII—XIV вв.) была не немецкого, а французского происхождения. Что же касается Эльзаса, то здесь издавна переплетались немецкие и французские традиции. И это переплетение традиций отражает Страсбургский собор, строительство которого было начато в 1276 г.

⁵ Блаженной памяти Эрвина из Штейнбаха (*лат.*). Эрвин из Штейнбаха, вероятно, главный зодчий Страсбургского собора.

⁶ Для гражданского самосознания Гёте характерно, что он не признавал границ между государствами, устанавливаемых честолюбием и войнами, протестовал против всех форм угнетения.

⁷ В начале XVIII в. в результате нескольких экспедиций (1711, 1713, 1719—1721 гг.), возглавляемых русскими исследователями, Россия начала активную деятельность по освоению Тихоокеанского побережья. Когда до японцев дошли эти сведения, они в 80-е годы XVIII в. предприняли попытки исследования островов Южно-Курильской гряды. Наиболее известный японский географ и исследователь Могами Токунаи был первым из своих соотечественников, достигших островов Итуруп и Уруп в 1786 г. Высаживаясь на островах в конце XVIII — начале XIX в., японцы ломали пограничные знаки, вытесняли русских с островов, применяли угрозы и силу.

⁸ Пассарге Зигфрид (1867—1958) — немецкий географ. Занимался разработкой теоретических основ региональной

физической географии и ландшафтной типологией, построенной исключительно на физико-географической основе. Автор фундаментального труда, посвященного основам ландшафтной географии (*Passarge S.*. Die Grundlagen der Landschaften. Bd 1—3. Hamburg, 1919—1920).

⁹ Орография — раздел геоморфологии, изучающий расположение и размеры горных хребтов, возвышенностей и других форм рельефа.

¹⁰ Поля крупнозернистого льда в верховьях ледников.

¹¹ Алтай — горная система в Центральной Азии, простирающаяся на восток от Казахстана в Западную Монголию и Северный Китай.

¹² Бамо (Бхамо) — город в Северо-Восточной Бирме, в верховье судоходного участка реки Иравади.

¹³ Харбин — город в Северо-Восточном Китае, главный город провинции Хэйлунцзян на реке Сунгари.

¹⁴ Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель-энциклопедист, географ и путешественник. Исследовал Центральную и Южную Америку, был на Урале и Алтае. Один из основоположников современной географии растений, геофизики, гидрографии.

¹⁵ Особенно показательными в этом направлении являются личные записки Наполеона I и его командиров подразделений о переходах пограничных зон («Correspondance de Napoleon») или многочисленные добротные работы французского Генерального штаба, а также *Alombert et Colin*. Campagne de 1805 en Allemagne (с обширным приложением писем); *Moltke*. Briefe aus der Türkei // Gesammelte Schriften. Bd VIII; из более нового времени *Hamilton J.* A staff officer's scrap book. London, 1906 или «Bilder-Atlas» d. phot. Abtlg. d. jap. Gen.-Stabs 1905 о культурно-политической границе Кореи и Маньчжурии или Сахалина. — *Прим. авт.*

¹⁶ Речь идет о дальности стрельбы немецкого чудо-оружия, терроризировавшего в годы Первой Мировой войны жителей Парижа. Как известно, дальность стрельбы артиллерии на протяжении целых пяти столетий не превышала

4—5 км, затем за несколько десятилетий перед войной 1914—1918 гг. достигла 30 км, а на заключительном ее этапе, в 1918 г., неожиданно увеличилась до 128 км. Этот скачок был следствием создания на заводах Круппа в Эссене дальнобойной пушки, получившей название «Колоссаль». Орудие имело 110 футов (32,5 м) в длину и 40 дюймов (1,016 м) в диаметре. Первый выстрел по Парижу был сделан 23 марта 1918 г., последний — 9 августа 1918 г. Всего немцы выпустили по Парижу 303 снаряда, из них 183 разорвались в центре столицы и на окраинах.

¹⁷ *Ratzel F.* Die Erde und das Leben. Leipzig — Wien, 1901; *Braun G.* Op. cit.; *Sapper K.* Geologischer Bau und Landschaftsbild. Vieweg. Braunschweig, 1917; *Linnebach K.* Die gerechte Grenze im deutschen Westen. Berlin, 1926; *Cürlis H.* Versailles-Vertrag. Berlin, 1919; «Deutschlands Wasserwirtschaft». R. Hobbng. Berlin, 1921; *König F.* Von der Not des Elsassertums in Geschichte und Gegenwart. Hochland, 1920; из англо-саксонского наследия: *Hill E. H.* The geography of international frontiers. London, Geogr. Journal Roy. Soc., 1906, II. P. 145, Bd 28; *Mack J. L.* The border line. Edinburgh, 1925. — *Прим. авт.*

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА II)

¹ Остров в Филиппинском архипелаге.

² *Ratzel F.* Erde und Leben. Bd II. S. 595, где этот факт приведен как пример воздействия нехватки пространства.

³ *Ratzel F.* Erde und Leben. Bd II. S. 550.

⁴ Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ и ученый-энциклопедист. В античной философии известен как создатель логики, стремился соединить формы мышления с бытием, объяснить логические категории в соответствии с объективной реальностью.

⁵ Лукреций (99—55 до н. э.) — римский поэт и философ. Стоял на позиции познаваемости объективности мира. По-

эма Лукреция «*De rerum natura*» («О природе вещей»), написанная в традиции дидактического эпоса, уделяет большое внимание описанию явлений природы. Из всех сочинений античных материалистов полностью сохранилась только эта поэма.

⁶ *Lucretius Carus I. Vers 659, 965 ff., 995* до примерно 1045. — *Прим. авт.*

⁷ «все, что вокруг, отграничено в некоем пространстве...» (*лат.*).

⁸ *Ratzel F. Höhengrenzen und Höhengürtel // Kleine Schriften. Bd II. München. 1906. S. 173.*

⁹ Анэйкумена — незаселенные, непригодные для жизни человека области; эйкумена — совокупность заселенных человеком областей земного шара.

¹⁰ Искусство для искусства (*фр.*).

¹¹ *Ratzel F. Erde und Leben. Bd II. S. 676.*

¹² Германцы (*лат.* — *germani*) — народ, принадлежащий по языку к индоевропейской семье. В первых веках н. э. у германцев были три крупные группировки: 1) северные германцы — оставшиеся в Скандинавии племена, от которых позже произошли датчане, шведы, норвежцы и исландцы; 2) восточные германцы — выделившиеся в результате переселения северных германцев в Среднюю Европу; к ним принадлежали готы, вандалы, бургунды, герулы, ругии и гепиды; 3) западные германцы — распавшиеся на северо-морские племена (кимвры, тевтоны, англы, варны, саксы, фризы и др.), рейнско-везеро-германские племена (батавы, убии, хатты, херуски и др.) и приэльбско-германские племена (лангобарды, свевы, семионы, маркомассы и др.). Внутриплеменная борьба приводила к частым распадам и новообразованиям племен и союзов. В III и IV вв. многочисленные отдельные племена объединились в крупные племенные союзы алеманнов, франков, саксов, тюрингов и баваров. История большинства германских племен известна благодаря их взаимоотношениям с Римом. Многие германцы служили в римской армии в качестве наемников. В процессе

великого переселения народов IV и V вв. западные и восточные германцы были той решающей силой, которая сокрушила Западную Римскую империю. На ее территории в V в. возникли государства англосаксов (Британия), франков (Рейнская область и Северная Галлия), алеманнов (Юго-Западная Германия и Швейцария), бургундов (Юго-Восточная Галлия), севов (Северо-Западная Германия), вандалов (Африка) и остготов (Паннония и Италия).

Англосаксы внесли существенный вклад в образование английского народа, франки и бургунды — французского. Основу немецкого этноса составили древнегерманские племена, объединявшие франков, саксов, тюрингов, алеманнов, баваров и др., смешавшиеся в первые века н. э. с романизированным кельтским населением на юго-западе и юге Германии и с ретами в Альпах. Раздел Франкской империи в 832 г. выделил Восточнофранкское королевство с германоязычным населением, в начале X в. оно стало называться Тевтонским (по имени древнегерманского племени тевтонов). В развитии этнических процессов в Германии сыграли также роль захват земель славян и пруссов к востоку от Эльбы и заселение их немецкими колонистами. В средние века сложились народности баварская, саксонская, швабская, франконская.

¹³ Каринтия — историческая область в Центральной Европе, в бассейне реки Драва, ныне территория Австрии (земля Каринтия), бывшей Югославии (долина реки Межица) и Италии (Канальская долина).

¹⁴ Мазуры — славянские племена, населявшие северо-восток нынешней Польши, район Мазурских болот; веныды — древнее название славян, впервые встречающееся у римского историка Плиния (I в.); фризы — древнегерманское племя, жившее в начале н. э. по побережью Северного моря, между реками Рейн и Эмс; словенцы — южные славяне, составляющие основное население Словении (адм. Центр — Любляна); в XIII—XIV вв. были завоеваны австрийскими Габсбургами.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА III)

¹ *memento vivere* — помни о жизни (*лат.*); *memento mori* — помни о смерти (*лат.*).

² Руны (от *др.-сканд.* *Rūn* — тайна) — древнейшие германские письмена, преимущественно у скандинавов, сохранившиеся на камнях, оружии, утвари и т. п. Наиболее древние относятся ко II в. н. э.

³ *Boundary* — ограничение (*англ.*)

⁴ Лимес (*лат.*) — сооружаемые с конца I в. н. э. на границах Римской империи укрепленные линии (граница империи), система пограничных укреплений: валы, рвы, сторожевые башни, палисады и кастелы). Наиболее известными считаются Лимес, сооруженный в Британии при императорах Адриане и Антонине Пие, а также верхнегерманский и рецийский Лимесы, существовавшие примерно до 260 г. Безопасность Паннонии, Дакии и Мезии обеспечивалась многочисленными пограничными укреплениями. Из-за частых изменений границ восточных провинций там не существовало единого типа Лимеса. На границах Египта как особой части Римской империи Лимеса не было вообще. Не установлено, где точно проходила линия пограничных укреплений римских провинций в Африке. Во всяком случае на южной границе Римской империи в районе пустыни Сахары были оборудованы довольно мощные укрепления типа кастел. Изучением различных видов оборонительных сооружений эпохи Римской империи занимается специальная научная дисциплина — лимесология, получившая в последнее время распространение во многих странах.

⁵ Реннштейг — древняя пограничная дорога между Тюрингией и Франконией.

⁶ *Limes* — межа, межевой знак, пограничная линия, граница, рубеж, пограничный вал (*лат.*); *finis* — предел, граница, рубеж, край, территория (*лат.*); *terminus* — пограничный камень, межевой знак, граница, пределы (*лат.*).

⁷ Например, валы римские — система пограничных укреплений Римской империи, создававшихся в I—II вв. Состояли из земляного вала или каменной стены, рва и дозорных башен.

⁸ Или Цезарь, или Дьявол (*лат.*).

⁹ Трансформировавшееся в странах Азии имя Александра Македонского.

¹⁰ Император Китая с 221 г. до н. э. В 213 г. до н. э. по указу Цинь Шихуанди, не считавшегося с древними традициями, были сожжены древние тексты. 460 наиболее видных оппозиционеров, в основном конфуцианцев, были казнены (закопаны живьем).

¹¹ Великая Китайская стена, или, как ее называли в древности, «Стена длиной в десять тысяч ли» (ли = 576 м) тянется через весь север Китая с востока на запад. Построена в III в. до н. э.

¹² Тевтонский орден (орден немецких крестоносцев) — католическая духовно-рыцарская организация, возникшая в Палестине в конце XII в. во время крестовых походов. С XIII в. в Прибалтике на землях, захваченных орденом у пруссов, литовцев, поляков, существовало государство Тевтонского ордена. Орден разгромлен в Грюнвальдской битве 1410 г. С 1466 г. вассал Польши. В 1525 г. его владения в Прибалтике превращены в светское герцогство Пруссия.

¹³ См. примеч. 12. С. 510.

¹⁴ Курфюрстами в Германии назывались князья, имевшие право избирать императора Священной Римской империи (1256—1806). Было четыре светских курфюрста (Богемии, Саксонии, Пфальца, Бранденбурга) и три духовных — Майнц, Кёльн, Трир. Здесь имеется в виду Фридрих Вильгельм (1620—1688), курфюрст Бранденбургский с 1640 г., так называемый великий курфюрст. Заложил основы прусского абсолютизма. При нем с Бранденбургом окончательно соединились герцогство Пруссия (до этого — лен Польши) и ряд других земель.

¹⁵ Имеются в виду поселения граждан одного государства на территории другого или в малозаселенных областях собственных стран. «Augusta» (Аугуста) — название многих значительных городов Римской империи, данное в честь императора Августа (63 до н. э. — 14 н. э.). Аугустой был назван также порт на Сицилии, основанный в 1232 г. Фридрихом II.

¹⁶ *Castra* (лат.) — названия ряда городов, возникших из лагерей римских войск. *Castellum* (лат.) — небольшое древнеримское укрепление. Различаются *castella tumultuaria* — спешно возведенное в целях выполнения непосредственных стратегических задач по охране границ и *castella murata* — долговременное фортификационное сооружение в пограничных укрепленных пунктах, окруженное стеной. Существовали многочисленные кастелы вдоль границ, предназначавшиеся для когорт и ал, напоминавшие своим видом уменьшенный лагерь легионов.

¹⁷ *Zeller E. Religion und Philosophie bei den Römern.* Berlin, 1866.

¹⁸ Термин — в римской мифологии божество границ, межевых знаков, разделявших земельные участки. Кроме большого числа Терминов существовал культ одного Термина; изображавший его камень был помещен в Капитолийском храме, что символизировало нерушимость границ Рима и их постоянное расширение.

¹⁹ Речь идет о Второй пунической войне (208—201 до н. э.). Ганнибал (247 или 246—183 до н. э.) — карфагенский полководец. Пунические войны между Древним Римом и Карфагеном продолжались с перерывами с 264 по 146 г. до н. э. Завершились победой римлян и превращением Рима из италийского государства в средиземноморскую державу.

²⁰ Ида — горная цепь на северо-западном побережье Малой Азии (южнее Трои), современный Каз-Даг. Его вершина Гаргар — центр культа Кибелы. Главное святилище Кибелы находилось в Пессинунте (Верхняя Фракия), оттуда оно

было перенесено в Рим в 204 г. до н. э. вместе с культовым символом богини — черным камнем в форме фалла. Таким путем римляне хотели отвратить поражение во Второй пунической войне.

²¹ В 205 г. до н. э. в Риме был учрежден государственный культ Венеры. В 215 г. до н. э. римляне освятили храм Венеры Эрицинской (т. е. Венеры с горы Эрике в Сицилии).

²² Альменда — право коллективного выпаса скота. Это право особенно распространено на высокогорных пастбищах Южной Германии, Австрии, Швейцарии.

²³ Мюнстер — город и порт в земле Северный Рейн-Вестфалия в северо-западной Германии. В прошлом столица Вестфалии. Здесь был подписан Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне.

²⁴ Вале — кантон в Швейцарии.

²⁵ Андорра — ныне независимое государство, расположенное на юго-западе Европы между Францией и Испанией. Вступившая здесь в силу 4 мая 1993 г. конституция положила конец действию средневековых феодальных законов, регулировавших политическую и общественную жизнь княжества. До этого времени Андорра находилась под двойным протекторатом Франции и епископства Сео-де-Урхеля (Испания) на основе договора 1278 г.

²⁶ Школа германских геополитиков питала особое пристрастие к естественным, или «природным», границам. Понятно, естественные рубежи — горные хребты, крупные реки, пустынные и заболоченные полосы — играли большую, а порой даже решающую роль в жизни народов, особенно на ранних этапах развития цивилизации. Однако с течением времени по мере повышения уровня научных знаний, технических возможностей и промышленных мощностей значение этих «природных констант» изменялось, изменялась потребность в сырье, в средствах сообщения, в условиях расселения людей. Казавшиеся в прошлом абсолютными, эти константы становились относительными, и такой процесс особенно быстро происходил в XX в. Хаусхофер отдает

себе отчет в происходящем, но политические потребности Германии оказывают свое влияние и побуждают его совершать частые экскурсии в историю с целью подтвердить ее претензии на передвижку своих границ, от которых немцы якобы были оттеснены.

²⁷ Кондоминиум (лат. *com* — приставка, означающая «вместе» и *dominium* — владение, совладение) — в международном праве одновременное совместное осуществление верховной власти двух или нескольких государств над одной и той же территорией (например, бывший Англо-Египетский Судан; договорами 1887, 1909, 1914 гг. был установлен англо-французский кондоминиум над Новыми Гебридами).

²⁸ Регион в горах Узбекистана к юго-востоку от Ташкента. Находившийся на Шелковом пути — это один из старейших в мире освоенных сельскохозяйственных районов, а в прошлом также дорога, по которой двигались армии завоевателей.

²⁹ *Aubin H., Frings Th., Müller J. Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Bonn, 1926.*

³⁰ *Kiesel K. Petershüttly, ein Friedensziel in den Vpgesen. Berlin, 1918.*

³¹ См.: *Wertheimer E. v. Friedenskongresse und Friedensschlüsse in 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, 1917.* «Handbuch der Politik». Bd VI, Urkunden. Berlin, 1926; «Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie», hrsg. von K. Strupp. Berlin und Leipzig, 1924.

³² Например, территориальная экспансия США осуществлялась как путем захватов с применением вооруженной силы, так и посредством «покупок»: в 1803 г. США купили у Франции Луизиану, а в 1819 г. у Испании — Флориду, до этого фактически захваченную американцами. В 1867 г. царское правительство продало США Аляску. Во время Первой Мировой войны США купили у Дании острова Сент-Томас, Сент-Джон и Санта-Крус (Вест-Индские острова). После окончания испано-американской войны — первой войны за передел мира — 10 декабря 1898 г. в Париже был подписан

испано-американский мир. Испания отказывалась от Кубы, и вскоре остров был объявлен независимым. Но фактически он попал под протекторат США. Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины переходили к Соединенным Штатам. На Филиппины претендовала и Германия, но Берлину удалось добиться лишь того, что Испания продала ей расположенные на Тихом океане острова, еще остававшиеся в ее владении, — Каролинские, Марианские и Палау.

³³ Так, между прочим, в отношениях между США и Филиппинами (см. *Russell B., Kimpfen E. Die Ausbreitungspolitik der Vereinigten Staaten von Amerika. Berlin, 1923; Nearing Sc. and Freeman J. Dollar-Diplomatic. Berlin, 1927*). — *Прим. авт.*

³⁴ Богемия (Чехия) — страна бойев. Первоначальное название территории, на которой образовалось государство Чехия. В 1526—1918 гг. официальное название Чехии (без Моравии) в составе Габсбургской империи. По Версальскому мирному договору 1919 г. эта территория вошла в состав Чехословакии.

³⁵ Циндао — город в Восточном Китае на южном побережье Шаньдунского полуострова. В 1897 г. был захвачен Германией и превращен в военно-морскую базу. В сентябре 1914 г., во время Первой Мировой войны, японо-английские войска начали осаду города и 7 ноября того же года захватили его. О дальнейшей судьбе Шаньдунского полуострова см. примеч. 9. С. 322.

³⁶ См.: Tenot E. *La Frontière. Paris 1893. P. 367.*

³⁷ Эйпен и Мальмеди (валлонские кантоны) и часть Морене (общая площадь 989 кв. км, население 61 тыс. человек) — округа, отошедшие по Версальскому договору от Германии к Бельгии. Их окончательная участь должна была быть решена путем плебисцита. Он состоялся 24 июля 1920 г. Большинство голосов было подано за присоединение к Бельгии.

³⁸ С 1684 по 1697 г. и с 1792 по 1815 г. Саар принадлежал Франции. Договором 1815 г. Саарская область после настоячивых требований Пруссии была отделена от Франции. По

условиям Версальского договора 1919 г. эта область передавалась под управление Лиги Наций сроком на 15 лет. Через 15 лет в Сааре должен был состояться референдум по вопросу о его дальнейшей судьбе. Угольные шахты Саара переходили в полную собственность Франции. С 1959 г. Саар стал 10-й землей ФРГ.

Левый берег Рейна оккупировался войсками Антанты на срок от 5 до 15 лет. Эта территория объявлялась демилитаризованной зоной. Вдоль правого берега Рейна создавалась еще одна демилитаризованная зона шириной в 50 км.

Входившие ранее в состав Германской империи древние славянские земли частично передавались Польше. Верхняя Силезия была оккупирована союзными войсками, 20 марта 1921 г. здесь состоялся плебисцит. При поддержке Франции Польша добилась передачи вопроса о принадлежности Верхней Силезии на рассмотрение Лиги Наций. Лига Наций разделила Верхнюю Силезию между Польшей и Германией. К Польше отошло 30% территории с 400 тыс. населения, 95% запасов силезского угля, 23 из общего количества 37 доменных печей и т. д.

Для обеспечения выхода Польши к морю создавался «польский коридор», отделявший Восточную Пруссию от остальной Германии. Находившийся в «польском коридоре» крупный порт Данциг (Гданьск) объявлялся «вольным городом» — самостоятельной территориальной единицей под управлением Лиги Наций.

³⁹ Тибет — район в Центральной Азии в пределах Тибетского нагорья. В XIII—XIV вв. Тибет находился в зависимости от монголов. В XVII в. глава буддийской (ламаистской) секты гэлугба далай-лама стал духовным и светским владельцем страны. С конца XVIII в. в составе Китая (включен маньчжурской династией Цин). В 1965 г. создан Тибетский автономный округ.

⁴⁰ Морене — на прусско-бельгийской границе, возникла вследствие того, что Пруссия и Нидерландское королевство не могли договориться между собой о прохождении границы

в этом районе на основе акта Венского конгресса 1814—1815 гг. и договора от 26 июня 1816 г. Кондоминиум просуществовал до Версальского договора 1919 г.

⁴¹ «Отправляйтесь домой, огрызки» (англ.). *Spakespeare. Corgiolapus. Act I. 226.*

⁴² «Линия Керзона» — условное наименование линии, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. 12 июля 1920 г. лорд Керзон направил правительству РСФСР ноту с предложением немедленно приостановить военные действия и заключить между Польшей и Советской Россией перемирие с условием, что линия, намеченная в качестве восточной границы Польши, «приблизительно проходит так: Гродно—Яловка—Немиров—Брест-Литовск—Дорогуск—Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов, далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат». Указанная в ноте линия разделения войск получила в дальнейшем название «линии Керзона».

Керзон Джордж Натаниел (1859—1925) — лорд, британский государственный деятель и дипломат. В 1919—1924 гг. министр иностранных дел Англии. Вице-король Индии (1899—1905). Будучи вице-королем Индии, провел в 1905 г. раздел Бенгалии.

⁴³ Быть может, имеется в виду Андре Тардьё (1876—1943) — французский политический деятель, игравший роль ближайшего помощника и постоянного заместителя премьер-министра Клемансо на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. Именно ему было поручено отстаивать интересы Франции в 13 основных из 26 комиссий конференции. Его перу принадлежит записка об установлении по Рейну западной границы Германии и о межсоюзнической оккупации мостов через Рейн. Ему же принадлежит крылатая фраза «Немцы за все заплатят».

⁴⁴ Сфорца Карло (1872—1952) — граф, итальянский государственный и политический деятель.

⁴⁵ Вильно — официальное название Вильнюса до 1939 г. Известен с 1128 г. Столица Великого княжества Литовского. С 1795 г. в составе Российской империи. В 1920—1939 гг. город Вильно и Виленская область входили в состав Польши. С 1940 г. — столица Литвы.

⁴⁶ Виргинские острова (датская Вест-Индия) — здесь в 1754 г. была создана датская колония. В 1917 г. были проданы США за 25 млн дол.

⁴⁷ Техас — штат на юге США. Эта территория, открытая испанскими путешественниками в XVI—XVII вв. и первоначально являвшаяся частью Мексики, в 1836 г. была провозглашена независимой республикой, а в 1845 г. стала 28-м штатом США.

Калифорния — штат на Тихоокеанском побережье США. Была передана Соединенным штатам Мексикой в 1847 г., а год спустя на ее территории было обнаружено золото, что вызвало большой приток золотоискателей. В 1850 г. Калифорния стала 31-м штатом США.

⁴⁸ «опасаясь грядущих поколений» (*лат.*).

⁴⁹ Тацит Корнелий (55—120) — последний великий римский историк. Свои основные труды «История» и «Анналы» он посвятил истории Римской империи I в. н. э. Тацит написал также этнографический трактат «О происхождении германцев и местоположении Германии» (сокращенно «Германия»), в первой части которого рассказывается об общественном устройстве и быте древних германцев, их происхождении, во второй части характеризуются отдельные германские племена.

⁵⁰ За три века (до 1859 г., когда наемничество было запрещено швейцарскими законами) Швейцария поставила иностранным армиям около 2 млн солдат, более 25 тыс. офицеров всех рангов, включая генералов и адмиралов. Наемные швейцарские части сражались не только в Европе, но и в Северной Америке, Африке, Индии. Уроженец Женевы Лефорт был одним из сподвижников Петра I. После

1859 г. швейцарская гвардия сохранилась только в Ватикане.

⁵¹ «Каждый мечтает о том, чего ему недостает» (*фр.*).

⁵² «Делис» («Отрадное») — усадьба Вольтера около Женевы; Фэрней — имение по ту сторону швейцарско-французской границы, где он жил почти до своей смерти в 1778 г. Одной из своих корреспонденток Вольтер так разъяснял выгоду нового места жительства: «Левой рукой я опираюсь на Юрские горы, правой на Альпы; Женевское озеро расположено прямо против моих полей; я обладаю прекрасным замком на французской границе, убежищем Делис на территории Женевы и хорошим домом в Лозанне. Перекочевывая из одной норы в другую, я могу спастись от королей и армий...»

⁵³ Наварра — королевство в начале X в. — 1589 г. в районе Пиренеев. В 1512 г. ее большая часть была завоевана Испанией, остальная (северо-восточная) в 1589 г. присоединена к Франции.

⁵⁴ Габсбурги — династия, правившая в Австрии (1282—1918), в Чехии и Венгрии (1526—1918), в Испании и ее владениях (1516—1700); императоры Священной Римской империи (1438—1806). В период наполеоновских войн Франц II (1792—1835) вынужден был отказаться от титула императора Священной Римской империи, сохранив за собой титул австрийского, а затем австро-венгерского императора. В результате поражения Австро-Венгрии в Первой Мировой войне и подъема национально-освободительного движения, приведших к распаду монархии Габсбургов, император Карл I (1916—1918) отрекся от престола. По принятому Учредительным собранием Австрийской республики закону 1919 г. Габсбурги были лишены всех прав, изгнаны из страны, а их имущество конфисковано. Этот закон вошел в Государственный договор о восстановлении демократической и независимой Австрии (1955).

⁵⁵ Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов в 1415—1701 гг. (прусских королей в 1701—1918 гг.).

Основные представители — Фридрих Вильгельм, Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II.

⁵⁶ Имеется в виду императорская маньчжурская династия Цин в Китае (1644—1911).

⁵⁷ Здесь особенно впечатляют прежде всего исследования Градманна о связи Лимеса и германского леса. Ряд суждений созвучен с работой Клаузевица «*Stärkere Kampfesform und Kampfesform des Stärkeren*», когда мы размышляем о линейной прокладе империалистического установления границы римским государственно-правовым народом по краю его средиземноморского пространственного оптимума и встречных ударах нордических, германских людских потоков вплоть до катастрофы. О духовном расшатывании романо-германской границы см.: *Bluntschli J. C. Romische Weltheltherrschaft und deutsche Freiheit*. Berlin, 1872; об англосаксонском синтезе см.: *Bernard. Imperium et libertas!* London, 1901. О регрессе и закате, возвратном образовании культурных границ см.: *Schurtz H. Urgeschichte der Kultur*. Berlin — Leipzig — Wien, 1912; о гуманитарной стороне проблемы см.: *Hildebrandt K. Norm und Verfall des Staates*. Dresden, 1921; *Freytag-Loringhoven. Die staatlichen Grenzen in Europa*. Berlin, 1921. О проблемах внутривременных границ в германской общине нашего времени см.: *Pessler W. Niedersächsische Volkskunde*. Hannover, 1922; *Aubin H., Frings Th., Mutter J. Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden*. Bonn, 1926, u. a. — *Прим. авт.*

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА IV)

¹ *Maull O. Geographische Staatsstruktur und Staatsgrenzen // «Kartographische Zeitschrift»*. 1919; *Idem. Politische Geographic*. Berlin. 1925. S. 133 ff. u. 602 ff. — *Прим. авт.*

² *Dix A. Politische Geographic*. Munchen — Berlin, 1921; *Idem. Politische Erdkunde*. Breslau, 1922; *Helmolt H.*

Weltgeschichte. Bd I—VIII. Leipzig — Wien, 1913; *Schöne E.* Politische Geographic. Leipzig, 1911. — *Прим. авт.*

³ Макиндер Хэлфорд Дж. (1861—1947) — британский ученый, геополитик, политический деятель. См. также примеч. 1. С. 322.

⁴ Мэхен Альфред Тейер (1840—1914) — американский морской офицер и историк военно-морского флота. Придерживался геополитических взглядов, выступая в качестве пропагандиста укрепления военно-морского флота США в расчете на наступательные действия в целях экспансии. Он сыграл немаловажную роль в том, что американские экспансионисты получили материальную базу и военные средства для оттеснения соперников США и колониальных захватов. Первой жертвой этой политики явились Гавайские острова, давно привлекавшие американцев.

⁵ Гласис — земляная пологая насыпь (в сторону противника) впереди наружного рва, укрепления, крепости (см. об этом подробнее в гл. XXIII).

⁶ *Brunhes J., Vallaux C.* Geographic de l'Histoire. Paris, 1921. — *Прим. авт.*

⁷ *Ratzel F.* // *Kleine Schriften*. Bd II. S. 350; *Idem.* Ethnographic und Geschichtswissenschaft in Amerika. — *Прим. авт.*

⁸ Лампрехт Карл (1856—1915) — немецкий либеральный историк, автор многотомной «Истории Германии».

⁹ Адамс Брукс — американский политический деятель, сторонник верховенства США на мировых рынках и установления американского контроля над Панамским каналом. Автор книги «Закон цивилизации и упадка» (1895 г.). Упомянутые авторы во многом содействовали формированию концепции «предопределения судьбы», порождавшей иллюзию о коренном отличии политических учреждений США от европейских, об американцах как «избранном народе» и т. д.

¹⁰ Annual Report. American Historical Association. Washington, 1893. — *Прим. авт.*

¹¹ *Ratzel F.* // *Kleine Schriften*. Bd II. S. 524—525.

¹² *Uyehara G. E.* The political development of Japan 1867—1909. London, 1910; весьма достойный обзор общего отношения японского народа к пограничным проявлениям жизненных форм его государства. — *Прим. авт.*

¹³ Шутцбунд (нем. *Schutzbund*) — военизированная организация социал-демократической партии Австрии. Создана в 1923 г. для обороны от наступления реакции, в защиту республики.

¹⁴ *Sieger R.* Grenzen // «*Deutsche Arbeit*», 21. Jahrgang, Heft 3, Dezember 1921. Reichenberg — Berlin; *Idem.* Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktischen Bedeutung.

¹⁵ Челлен Юхан Рудольф (1864—1922) — шведский ученый, юрист и государствовед, в 1901—1916 гг. профессор истории и политических наук Гётеборгского университета, в 1916—1922 гг. — Упсальского университета. Являлся членом парламента. Своим учителем считал Ратцеля. Впервые ввел термин «геополитика» в работе «Государство как форма жизни» (1916). Идеи Челлена получили сразу же широкое распространение. Часть своих работ он опубликовал в соавторстве с Хаусхофером.

¹⁶ Имеются в виду постановления Версальского договора 1919 г.

¹⁷ Урга — русское название Улан-Батора до 1924 г. Кобдо и Улясутай — города в Монголии.

¹⁸ Речь идет о северной части Монголии, которая в конце XVII в. была завоевана маньчжурами и названа ими Внешней Монголией, в отличие от южной части Монголии, завоеванной ранее (Внутренняя Монголия).

В декабре 1911 г. монгольский народ добился провозглашения государственной независимости. В результате русско-монгольского соглашения 1912 г. и русско-китайской декларации 1913 г. был выработан автономный статус Внешней Монголии, окончательно утвержденный Кяхтинским так называемым тройственным соглашением России, Китая и

Монголии. Оно регулировало политические и территориальные вопросы, связанные с признанием автономии Внешней Монголии, остававшейся под формальным сюзеренитетом Китая. Китай обязывался не вводить в Монголию войска, не претендовать на колонизацию ее земель и не вмешиваться во внутреннее управление. За Внешней Монголией признавалось право заключать договоры по торгово-экономическим вопросам. В 1921 г. на территории Внешней Монголии возникло независимое Монгольское государство, а в 1924 г. образовалась Монгольская Народная Республика.

¹⁹ Палацкий Франтишек (1798—1876) — чешский политический деятель, историк и философ, иностранный член Петербургской Академии наук (1863).

²⁰ Мольтке Гельмут Карл-Бернгард фон (Старший) (1800—1891) — прусский фельдмаршал, начальник прусского (с 1871 г. имперского) Генерального штаба в 1857—1888 гг., фактический главнокомандующий во время войн Пруссии с Австрией (1866) и Францией (1870—1871), военный писатель и теоретик.

²¹ *Dix A. Politische Erdkunde. Breslau, 1922, S. 49—51, 76.*

²² *Maull O. Politische Geographic. Leipzig, 1911.*

²³ *Ratzel F. Anthropogeographie. Bd I. S. 171.*

²⁴ Фробениус Лео (1873—1938) — немецкий этнограф, исследователь культуры народов Африки. Рассматривал культуру как обособленный социальный организм.

²⁵ *Schlüter O. Ferdinand von Richthofens Vorlesungen über allgemeine Siedlungs- und Verkehrsgeographie. Berlin, 1908. S. 75 u. 90.*

²⁶ Гамильтон, сэр Иен Стандиш Монгейт (1853—1947) — английский военный деятель, участник колониальных войн в Азии и Африке.

²⁷ *Hamilton J. A staff officer's scrap book. S. o. Bd I.*

²⁸ Особенно поучительные места прежде всего в трудах Ратцеля: «*Anthropogeographie*». Bd I. S. 169; Bd II. S. 83; «*Erde und Leben*». Bd II. S. 550, 606—617. «*Gesetzen des räumlichen Wachstums der Staaten*». S. 102 и 103; «*Politische Geographic*». S. 444—528 u. a. — *Прим. авт.*

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА V)

¹ Тераи — полоса заболоченных равнин у южного подножия Гималаев, на высоте до 900 м, в Индии и Непале.

² Права СССР на районы Арктики, прилегающие к его побережью, были закреплены Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15.IV.1926 г., в котором территорией СССР провозглашались все «как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова», расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса в пределах между меридианами 32°04'35" в. д. и 168°49'30" з. д. Исключение было установлено для восточных островов архипелага Шпицберген, лежащих между 32° и 35° в. д.

³ *Ratzel F. Anthropogeographie. Bd II; Idem. Erde und Leben. Bd II.*

⁴ *Hassert C. Nordpolargrenze der bewohnten Erde. Diss. Leipzig, 1892: северные и южнополярные владения США, Британской империи, Советского Союза, Австралии, Новой Зеландии, Канады, норвежские на Шпицбергене; Schöne E. Politische Geographic. S. 110. — Прим. авт.*

⁵ *Berger. Geschichte der wissenschaftlichen Geographic der Griechen. Bd II. S. 135 ff.*

⁶ *Ratzel F. Höhengrenzen und Höhengürtel // Kleine Schriften. Bd II. S. 175.*

⁷ *Rowland W. R. (Railing R.). Erlebnisse auf Sumatra // Zeitschrift für Geopolitik. 1924. S. 785. — Прим. авт.*

⁸ Желтые лютики — признак закисленной, теряющей плодородие почвы.

⁹ *Schweitzer A. Zwischen Wasser und Urwald и другие публикации о его самоотверженной деятельности в тропических джунглях. — Прим. авт.*

¹⁰ Северо-Западный проход — морской путь на Запад из Атлантического океана в Тихий океан вдоль северного побережья Северной Америки через Канадский арктический архипелаг, море Бофорта и Берингов пролив. В течение многих

веков исследователи (в том числе Себастьян Кабот, Генри Гудзон и др.) пытались обнаружить Северо-Западный проход, чтобы использовать его в качестве торгового маршрута. В 1853—1854 гг. был впервые пройден пешком шотландцем Робертом Мак-Клуром (1807—1873), в 1903—1906 гг. — Руалем Амундсенем.

¹¹ Немецкая Ганза возникла в 1356 г., в пору своего расцвета подчинила себе торговлю Северо-Восточной и Центральной Европы.

¹² Здесь автор имеет в виду Германию в границах, установленных Версальским договором 1919 г.

¹³ Овидий Публий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — древнеримский поэт. Был сослан императором Августом на берега Черного моря в Томы (совр. Констанца в Румынии). Томы — древний город, основанный в начале VI в. до н. э. греками из Милета.

¹⁴ Речь идет о Фердинанде Кобурге (1861—1942) — князе, затем царе Болгарии (1887—1918), основателе Кобургской династии, занимавшей болгарский престол до ликвидации монархии в 1946 г.

¹⁵ Сан-Франциско — город и морской порт на Тихоокеанском побережье Калифорнии, великолепная гавань, окруженная почти со всех сторон сушей, соединена с океаном проливом Золотые Ворота. До 1846 г. был владением Мексики под названием Йерба-Буэна, после захвата Соединенными Штатами переименован в Сан-Франциско. В 1906 г. город был разрушен в результате сильного землетрясения. Подобное повторилось в 1989 г. В Сан-Франциско и по сей день сохранились следы пребывания русских в бухте Сан-Франциско в виде названия одной из рек — Русская, сохранилась и русская церковь.

¹⁶ Борьба России за расширение северной анэйкумены см.: *Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans*. Berlin, 1925. — *Прим. авт.*

¹⁷ Имеется в виду деятельность землепроходца В. Д. Пояркова, положившая начало освоению русскими людьми

Приамурья. В 1643—1649 гг. он руководил экспедицией, которая впервые проникла в бассейн реки Амур и достигла его устья.

¹⁸ Нерчинский договор 1689 г. — первый договор между Россией и Китаем; разграничил сферы влияния обоих государств в Приамурье.

¹⁹ Тайпинское восстание — крестьянская война в Китае в 1851—1864 гг. Повстанцы освободили значительную территорию в долине реки Янцзы и создали свое государство «Тайпин тяньго» с центром в Нанкине. В 1864 г. восстание было подавлено.

²⁰ Одним из крупнейших достижений XX века в международноправовой области является утверждение принципа нерушимости границ как одного из отвечающих требованиям мирного сосуществования. Этот принцип зафиксирован в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), ранее он нашел отражение в решениях Организации Африканского Единства. Если в первом случае мы имеем дело с признанием европейскими странами, а также США и Канадой того, что территориальные претензии служили запалом к войнам, не раз прокатывавшимся по Европейскому континенту, то во втором случае явно просматривается реакция на политику колонизации, не считавшуюся с коренными интересами народов, ставших ее жертвами. Именно в этом кардинальном вопросе взгляды Хаусхофера вступают в противоречие с международными реалиями.

Следуя идеям своего учителя Ф. Ратцеля, Хаусхофер считает нормальным, а точнее, вполне допустимым пространственное расширение государств, не исключая при этом и возможность такого расширения за счет освоения благодаря научно-техническому прогрессу ранее считавшихся непригодными для обитания земель. При этом Хаусхофер если не прямо, то косвенно утверждает, что главным в таком процессе является сила, насильственный захват. По его мнению, ее цена — в обретенном новом пространстве (см.: К. Хаусхофер. «Континентальный блок»).

В его работах часто встречается формула «разбойники моря» и «разбойники степи». Эта формула — не просто впечатляющая фразеология: с ее помощью К. Хаусхофер пытается представить себя противником империалистической, захватнической политики, противником порабощения других народов, что, впрочем, не мешает ему доказывать «неизменность» прав Германии на утраченные ею в результате поражения в Первой Мировой войне колонии. Одновременно он вносит путаницу в сам вопрос об историческом формировании государств, ставя знак равенства между естественным передвижением народов и «колониальными» захватами.

Нельзя не согласиться с обоснованностью его суждений по поводу колониальных захватов, осуществленных, по его терминологии, «разбойниками моря» — прежде всего Великобританией, Францией и в меньших масштабах — Голландией, Бельгией, Испанией, Португалией. Опираясь на мощь своих флотов, эти государства вторгались на другие континенты, присваивали огромные территории, превращали в данников жившие там народы.

Если обратиться к теме «разбойников степи», то здесь картина иная. Как известно, степи расположены в восточной части Европы и в Азии, прерии — в Северной Америке, пампасы — в Южной. История распорядилась так, что расселение на этих землях, формирование на них государств происходило по-разному. В Северной Америке коренное население сгонялось в резервации, а освободившиеся земли посредством системы гомстедов передавались поселенцам, что, впрочем, не мешало путем спекуляций переходу огромных земельных площадей в распоряжение монополий. В Южной Америке процесс развивался иначе, но его результат был столь же плачевным для коренного индейского населения.

Что касается евразийских степей, то трактовать их заселение и образование на их просторах Российской империи, используя те же термины, значит, исказить историческую правду, подменять ее вымыслом. С научной точки зрения со-

вершенно несостоятельно ставить знак равенства между, скажем, британской колонизацией и тем, что происходило на российском пространстве. В действительности на просторах России шел процесс собирания земель, заселенных русскими племенами; достаточно вспомнить Ивана Калиту — одного из первых объединителей русской земли. Что же касается дальнейшего хода развития, то процесс как бы раздвоился: с одной стороны, действовала центральная власть, но с другой — развивалось чисто народное движение на Восток, а также движение других народностей к объединению с Россией.

²¹ *Siebold Ph. Fr. von. Nippon. Würzburg u. Leipzig. 1897. Bd II. S. 207 ff.* Книга содержит описание поездки Мамия Ринзо, которая была предпринята по приказу сегуна в 1808 г. — *Прим. авт.*

²² Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг., завершившаяся бесславым поражением России, приведшая к тому, что Южная Маньчжурия и Корея превратились в протекторат Японии.

Маньчжурия, ближайшая к Японии часть Китая, в то время слабо заселенная и почти не защищенная, представляла для Японии огромный интерес как плацдарм, который мог бы быть использован ею для дальнейшей экспансии на Азиатском материке.

²³ под судом (*лат.*).

²⁴ Т. е. к русско-японской войне 1904—1905 гг.

²⁵ О монгольской зоне защиты см.: *Reinsch P. S. // «The Nation», 3.V.1922 (New York).* — *Прим. авт.*

²⁶ «Подзол» — преобладающий вид почвы в Северной России, светлая, с большим содержанием песка, лесная, малоплодородная в зоне умеренного климата, оставшаяся от ледникового периода, в противоположность «чернозему» — плодородной, черно-коричневой степной почве (часто на лёссовой основе) приблизительно южнее линии Лемберг (Львов)—Киев—Тула—Нижний Новгород—Казань—Пермь — Урал. — *Прим. авт.*

²⁷ Малайцы ториадья — негритосы, проживающие, в отличие от береговых жителей, внутри островов.

²⁸ Мандатная система была введена в 1919 г. главными державами Антанты для управления захваченными ими бывшими германскими колониями и отошедшими от Османской империи территориями. Дележ германских колоний был согласован на совещании Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа 6 мая 1919 г. и на заседании Верховного совета Антанты 7 мая 1919 г. Япония получила мандат на Маршалловы, Каролинские и Марианские острова; это был мандат класса С, дававший право не допускать проникновения иностранного капитала в подмандатные владения.

²⁹ Автаркия (греч. — самоудовлетворение) — имеется в виду хозяйственный уклад страны, производящей и потребляющей без остатка все продукты, т. е. обходящейся без импорта и экспорта.

³⁰ Сравнение атлантических и тихоокеанских очертаний см.: *Süess Ed. Das Antlitz der Erde. Bd II. S. 256.*

³¹ Порфирио Диас (1830—1915) — президент Мексики (1877—1880; 1884—1911).

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА VI)

¹ Такая попытка предпринята Джеймсом Фэйргривом (см.: *Fairgrieve J. Geographie und Weltmacht. Berlin, 1925*), а также Джеймсом Джонстоном (см.: *Johnstone J. A study of the Oceans. London, 1926*); адмирал сэр Реджинальд Кастанс (*Custance R. A study of war. London — Bombay — Sidney, 1924*), исходя из морской стратегии, развивал в стиле Клаузевица военно-географические методы; Мэхен попытался решать эти же вопросы для американского Срединного моря, Лаутензах — для трех Срединных морей, а я в своей «*Geopolitik des Pazifischen Ozeans*» — для самого крупного моря на Земле. — *Прим. авт.*

² Вероятно, автор имеет в виду роскошные празднества «Обручение с морем», которые ежегодно устраивались в Венеции в день Вознесения Господня. В этот день дож Республики отправлялся в открытое море на роскошном корабле и бросал в волны кольцо в знак соединения с морем.

³ См.: *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans; *Philippson A.* Mittelmeerlandern; *Richthofen.* Meer und Kunde vom Meer; *Ratzel F.* Meer als Quelle der Völkergrosse u. a.

⁴ *Boeckmann K. von.* Vom Kulturreich des Meeres. Berlin, 1924; *Reche W.* Tangaloo. München, 1926.

⁵ Куроисио (Японское течение) — теплое течение Тихого океана у южных и восточных берегов Японии. Оясио (Курильское течение) — холодное течение на северо-западе Тихого океана, идущее на севере и юге вдоль восточных берегов Курильских островов и острова Хоккайдо.

⁶ См.: *Doflein F.* Ostasienfahrt. Leipzig — Berlin, 1906.

⁷ См.: «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde». Berlin, 1913. S. 388, 395. — *Прим. авт.*

⁸ *Dix A.* Politische Geographic; Weltpolitisches Handbuch. 2. Aufl. Berlin — München, 1923.

⁹ Имеется в виду Ла-Манш (Английский канал).

¹⁰ Океания (Oceania) — центральные и южные части Тихого океана и прилегающие к нему моря с особенно большим скоплением островов (более 10 тыс.). Она включает острова Австралии, Новой Зеландии, Полинезии, Микронезии, Меланезии, Папуа.

¹¹ «Владении Балтийским морем» (лат.).

¹² Конвенцию о Восточном (Балтийском) море между сопредельными державами см.: *Merz A.* Die Ostsee als Kriegsschauplatz. Leipzig — Wien, 1917; *Wegemann G.* Die Ostsee als germanisches Meer // «Petersmanns Mitteilungen». 1915. — *Прим. авт.*

¹³ Балтийское море принадлежит к числу замкнутых или полузамкнутых морей (подобно Черному и Японскому морям, Персидскому заливу), т. е. это морское пространство,

окруженное территорией нескольких государств. В данном случае здесь действуют нормы международного права, в соответствии с которыми прибрежные страны вправе устанавливать границу территориальных вод и экономических зон. На водное пространство, расположенное за пределами территориальных вод прибрежных государств, распространяется соответствующий режим открытого моря. Балтийские проливы (Большой и Малый Бельт, Зунд) являются единственным водным путем из замкнутого Балтийского моря в Северное.

Режим балтийских проливов складывался постепенно. Был закреплен в конвенциях, заключенных по инициативе России в 1780 г. в связи с объявлением вооруженного нейтралитета и предусматривавших, в частности, право участников этих конвенций устанавливать режим Зунда и обоих Бельтов, включая закрытие доступа в Балтийское море для военных кораблей небалтийских государств. Соглашение 1800 г. между Россией, Данией и Швецией вновь подтвердило особый характер режима балтийских проливов.

Копенгагенский трактат 1857 г. об отмене пошлин, взимаемых доселе с купеческих судов и грузов при проходе через проливы (Зунда и обоих Бельтов), провозгласил свободу торгового судоходства на Балтике. Этот трактат является действующим международным соглашением в отношении Балтийских проливов. Проход военных кораблей, а также пролет самолетов через Балтийские проливы являются свободными и, будучи составной частью режима Балтийских проливов, осуществлялись на основе международного обычая. С 1992 г. существует Совет государств Балтийского региона (Дания, Германия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия, Финляндия, Швеция, Эстония).

¹⁴ Нансен Фритьоф (1861—1930) — норвежский полярный исследователь и общественный деятель. С апреля 1920 г. — верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, с августа 1921 г. — руководитель акции Красного Креста по оказанию помощи голодающим в Советской

России. В 1922 г. Нансену была присуждена Нобелевская премия.

¹⁵ *Langhans P.* Die wirtschaftlichen Beziehungen der deutschen Küsten zum Meere // «Petermanns Mitteilungen». 1900; *Lehman P.* Die deutsche Nordseeküste als Grenzwehr // «Petermanns Mitteilungen». 1915.

¹⁶ *Obst E.* England, Europa und die Welt. Berlin, 1927 (русск. перевод: *Эрих Обст.* Англия, Европа и мир. М.; Л., 1931).

¹⁷ Имеется в виду Гуго Гроций (1583—1645) — один из основателей теории естественного права и науки международного права. Его взгляды изложены в трудах «Свободное море» (1609) и «О праве войны и мира» (1625).

¹⁸ Хелдер — главная военно-морская база Нидерландов в Северном море.

¹⁹ Зондские о-ва (название происходит от зунда или сунда — названия племен на Яве) — группа островов, основная часть Малайского архипелага (Индонезия), естественный барьер между Индийским и Тихим океанами.

²⁰ Португальцы появились в Японии в 1542 г., а испанцы — в 1584 г. В 1639 г. страна была закрыта для внешних сношений, испанцы и португальцы изгнаны и только голландцам разрешалось иметь свои фактории в Нагасаки.

²¹ Афино-Делосский союз (симмахия) — образовался во время греко-персидских войн (V в. до н. э.) для борьбы с персами. Входившие в него союзники платили особый взнос (форос) в общественную казну на Делосе. Гегемоном союза были Афины, и с течением времени союз превратился в афинскую державу (архэ).

²² *Mauil O.* Griechisches Mittelmeergebiet. Breslau, 1922.

²³ «Город Венеция, подчиняясь божественному провидению, возник на воде, водой был обмыт и опоясан, пользуясь водой как своим укреплением. Кто осмелится когда-либо нанести ущерб общинной воде, тот будет подвержен опале как враг Отчизны и должен понести суровое наказание, как если бы он оскорбил священные стены Родины» (лат.).

²⁴ «Закрытое море» (лат.).

²⁵ Билль Джонса — закон о переходе к США контроля над Филиппинами, принятый в 1916 г.

«Навигационный акт» Кромвеля, принятый в августе 1651 г., по сути дела против Голландии, предусматривал, что в Англию можно ввозить иностранные товары только на английских кораблях и только из мест происхождения этих товаров.

²⁶ Гонконг (Сянган) — бывшая британская зависимая территория на юго-восточном побережье Китая, примыкающая к китайской провинции Гуандун. 1 июля 1997 г. вступило в силу Соглашение между британским и китайским правительствами, по которому Китай вновь обрел суверенитет над Гонконгом.

²⁷ Имеется в виду Сянганская антиимпериалистическая стачка моряков (12 января — 8 марта 1922 г.), а также сянган-гуанчжоуская забастовка (19 июня 1925 — 10 октября 1926) в знак протеста против расстрела демонстрации, учиненного иностранной полицией 30 мая 1925 г. в Шанхае.

²⁸ *Philipsson A.* Die Typen der Küstenformen. Berlin, 1893.

²⁹ «Zum Freiheitskampf in Südostasien». München — Leipzig, 1923.

³⁰ *Gravelius.* Zur Anthropogeographie des Wassers. Dresden, 1905.

³¹ *Furse-Septans.* Expéditions militaires d'outre-mer. Paris, 1897.

³² *Wagner H.* Lehrbuch der Geographie. 9, Auflage. Bd I. S. 319.

³³ Поццуоли — порт в Тирренском море на западе Италии, близ Неаполя.

³⁴ Равенна — город вблизи Адриатического побережья на северо-востоке Центральной Италии. Был важным центром во времена Римской империи, в V в. н. э. стал столицей Остготского королевства в Италии, а позднее служил столицей Византийской империи в Италии. В XIII в. город стал не-

зависимой республикой, в 1509—1859 г. — владение папы Римского. Когда-то город располагался на берегу и был окружен лагуной, ныне находится в глубине суши из-за аккумуляции наносов реки По.

³⁵ Икике — порт в Чили, Вальпараисо — главный порт Чили, один из важнейших портов на Тихоокеанском побережье Южной Америки. Основан испанцами в 1536 г. Подвержен землетрясениям, последнее в 1906 г.

³⁶ Фудзи — самая высокая гора Японии (3776 м), действующий вулкан на острове Хонсю в 88 км к западу от Токио. Имеет красивую конусовидную форму, а ее вершина до 10 месяцев в году покрыта снегами. Последнее по времени извержение Фудзи произошло в 1707 г.

³⁷ «Великая впадина» (лат.).

³⁸ Камакура — город-курорт на побережье острова Хонсю, к югу от Токио. Современная Камакура стоит на месте древнего города, столицы Японии в 1192—1333 гг.

³⁹ *Ratzel F.* Erde und Leben. Bd II. S. 292.

⁴⁰ *Keller H.* Die Überschwemmungen in Flandern // Petermanns Mitteilungen, 1915. S. 171.

⁴¹ Фош Фердинанд (1851—1929) — французский военный деятель, маршал Франции, Великобритании и Польши. Во время Первой Мировой войны командовал армией, затем группой армий, а с апреля 1918 г. до конца войны — вооруженными силами Антанты. Автор ряда работ по стратегии и тактике войны. Один из инициаторов планов военной интервенции в Советскую Россию в 1919 г.

⁴² Фландрия — историческая область в Западной Европе. На протяжении веков являлась ареной многих сражений. Вероятно, здесь имеются в виду сражения во Фландрии во время Первой Мировой войны (1914 и 1918 гг.), не увенчавшиеся успехом для Германии. Здесь, на реке Ипр, немцами впервые было применено химическое оружие.

⁴³ Гезы («нищие») — во время Нидерландской революции XVI в. вначале прозвище нидерландских дворян, вставших в 1565 г. в оппозицию испанскому господству, затем —

боевое имя народных повстанцев — партизан, ведших на суше и на море борьбу с испанцами.

⁴⁴ Гельголанд — о-в в Северном море, у берегов Германии. С 1717 г. он принадлежал Дании, в 1807 г. был захвачен британским флотом и позже официально передан Великобритании. В 1890 г. отошел к Германии в обмен на о-в Занзибар и Пембу (Африка). Важнейшая военно-морская база Германии в обеих мировых войнах. В 1947 г. его военно-морские сооружения и объекты были уничтожены мощнейшим неатомным взрывом, в 1952 г. возвращен ФРГ.

⁴⁵ Альс — остров на Балтике, у восточного побережья Ютландии (Дания), от которой его отделяет пролив Альс (Альсенсунд). В 1864—1920 гг. принадлежал Германии.

⁴⁶ Гаффы — береговые лагуны главным образом в устьях рек южного побережья Балтийского моря, отделенные от моря узкими песчаными косами.

⁴⁷ На Ляодунском полуострове с его сильно изрезанным побережьем, включающим примерно 40 более мелких островов, жило около $\frac{3}{4}$ миллиона в большинстве своем китайцев за счет амфибийных предприятий по добыче соли, прибрежного рыболовства и случайной портовой работы.

⁴⁸ Издатель: «Encyclopaedisches Büro», 1904—1914.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА VII)

¹ Каролинги — королевская (с 751) и императорская (с 800) династия во Франкском государстве. Название династии происходит от Карла Великого. После распада его империи в 843 г. Каролинги правили: в Италии до 905 г., в Германии до 911 г., во Франции до 987 г.

Салическая (Франконская) династия — династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1024—1125 гг. Основатель Конрад II. Главный представитель Генрих IV.

О династии Гогенштауфенов см. примеч. 12. С. 19 и примеч. 11. С. 310.

² Месопотамия (Двуречье) — область в среднем и нижнем течении рек Тигр и Евфрат в Западной Азии (в основном территория Ирака).

³ Персия — официальное название Ирана до 1935 г.

⁴ Сиам — официальное название Таиланда до 1939 г. и в 1945—1948 гг.

⁵ *Ratzel F.* Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten // *Petermanns Mitteilungen.* 1896. S. 105—106.

⁶ Дравиды — группа народов Южной Индии, объединенных по признаку общности языков. Наиболее многочисленными народами, входящими в эту группу, являются тамилы, телугу, малаяли и каннара.

⁷ Номады (от *греч.* слова «пото» — пастись) — группы людей, постоянно меняющие места стоянок. Часто это кочующие по обширным пространствам скотоводческие племена. Помадные племена, в основном выходцы из азиатских степей (скифы, сарматы, гунны, мадьяры, татары), вызвали крупные перемещения народов, способствуя культурному обмену между областями, удаленными друг от друга на большие расстояния. Они освоили необозримые просторы степей, недоступные для земледельцев пустыни и полупустыни, создали свою культуру, приспособленную к местным, часто экстремальным условиям. Взаимодействие земледельцев и кочевников являлось важнейшим элементом хозяйственной системы древнего мира.

⁸ *Krebs W.* Die politischen Kompetenzen der Klimatologie; *Idem.* Dürren, Hungersnöte und Unruhen in China // *Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik.* Wien, 1892, 1895.

⁹ *Frh. von Tettau.* Vorgeschichte und Geschichte des russisch-japanischen Krieges. Berlin, 1911.

¹⁰ *Heim A.* Luftfarben. Zurich, 1912.

¹¹ См. примеч. 11, с. 590.

¹² Аларих I (395—410) — вестготский король. В 410 г. взял Рим и разграбил его.

¹³ «В каждом сражении первым побеждает глаз...» (*лат.*).

¹⁴ Наполеон Бонапарт (15.VIII.1769—5.V.1821) — французский полководец и политический деятель, в 1799—1804 гг. — первый консул, в 1804—1815 гг. — император Франции.

¹⁵ Речь идет о культуре инков, империя которых охватывала территорию нынешних Эквадора, Боливии, Перу и северной части Чили.

¹⁶ Писарро Франсиско (1470/75—1541) — испанский конкистадор, участвовал в завоевании Панамы и Перу, разграбил и уничтожил государство инков — Тауантинсуйю.

¹⁷ Аподиктический (*греч.* apodeutikos) — достоверный, основанный на логической необходимости, неопровержимый.

¹⁸ *Lucka Em. Urgut der Menschheit.* Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1924.

¹⁹ Хинтерланд (*нем.*) — местность, прилегающая к промышленному или торговому центру; независимая территория, граничащая с колониями; 2) удаленные от побережья внутренние районы, глубокий тыл; в геополитике территория, являющаяся опорой для основного владения.

²⁰ Разногласия между Аргентиной и Чили по вопросу делимитации морской границы на южной оконечности Южной Африки возникли еще в начале XIX в. В историю они вошли как конфликт пролива Бигла. Спор был разрешен лишь в конце 1970-х годов.

²¹ Галлия — историческая область в Европе, занимавшая территорию между рекой По и Альпами (Цизальпинская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия), по существу теперешняя Франция, Западная Швейцария и Бельгия.

²² Фома Аквинский (1225—1274) — теолог и философ, монах-доминиканец. Перевел с древнегреческого труды Аристотеля.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА VIII)

¹ Шэньси — гористая провинция на севере Центрального Китая, к югу от Внутренней Монголии. Область наиболее ранних поселений древнекитайской цивилизации.

² *Langenbeck R.* Die burgundische Pforte // *Pet. Mittlg.* 1915. S. 49; *Hassinger H.* Die mährische Pforte und ihre benachbarten Länder // *Abhandlg. d. Geogr. Ges. Wien*, 1914. XI. Nr. 2; *Mackinder.* Lectures on the relations of history to geography in Europa and Asia // *Geo. Journ. Roy. Soc. London.* Bd II. S. 157, 261; *Krause F. E. A.* Geschichte Ostasiens. Göttingen, 1925.

³ Тчев — город и порт в Польше на Висле.

⁴ *Kjellén R.* Das Problem der drei Flüsse // *Studien zur Weltkrise.* München. 1917. S. 75—90.

⁵ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена Россией в 1897—1903 гг. После русско-японской войны 1904—1905 гг. южное направление КВЖД отошло к Японии и названо Южно-Маньчжурской железной дорогой. С 1924 г. КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1935 г. СССР пришлось продать КВЖД властям Маньчжоу-Го. Дальнейшая судьба КВЖД связана с итогами Второй Мировой войны и образованием КНР. В 1952 г. Советское правительство безвозмездно передало права на КВЖД правительству КНР.

⁶ Военная граница в Хорватии и Крайне была создана еще в XVI в. Это была полоса поселений «крестьянской милиции», т. е. жителей или переселенцев, наделенных землей, освобожденных от налогов и барщины и иногда получавших денежные пособия. За это они обязаны были иметь оружие и лошадей, а в случае войны защищать пограничную область. В течение XVIII в. была создана внешняя граница на востоке и юго-востоке империи Габсбургов. При Карле VI, а затем при Марии-Терезии и Иосифе II были созданы славонская,

банатская и трансильванская военные границы, опоясавшие владения Габсбургов.

⁷ Принц Евгений Савойский (1663—1736) — представитель младшей ветви герцогов Кариньяно, один из выдающихся полководцев Европы. Воспитанный во Франции (его мать была племянницей кардинала Мазарини), он прославился на службе у австрийских Габсбургов. Современники называли его «некоронованным королем страны».

⁸ Речь идет о созданном в ходе англо-бурской войны концентрационном лагере для невоюющих (женщин, детей и стариков). Во время войны буры переходили к партизанским способам борьбы. Командование британской армией ад главе с лордом Китченером ответило на это стратегией «выжженной земли». Жестокое обхождение и невыносимые санитарные условия привели к смерти около 20 тыс. человек.

Вспомним также о концлагерях нацистского режима в Германии, известных жестоким обращением с узниками и нечеловеческими условиями их содержания. На судебных процессах, состоявшихся после краха «Третьего рейха», открылись многие ужасающие подробности содержания узников концлагерей, злодеяния эсэсовской охраны, пытки, избиения, медицинские эксперименты на людях, умерщвление с помощью газа.

⁹ Автор имеет в виду передел германских колоний после Первой Мировой войны.

¹⁰ Реннштейг — древняя пограничная дорога между Тюрингией и Франконией. Франкония — историческая область Германии, ныне в составе земли Бавария.

¹¹ Римляне были признанными мастерами дорожного дела. Это проявлялось как в искусстве выбора трассы будущих дорог, так и в их соответствии условиям почвы и строительному материалу. Римские дороги постоянно расширялись и благоустраивались. Вдоль них создавались почтовые станции, постоялые дворы, сторожевые заставы, мильные

столбы, мосты, виадуки, в случае необходимости пробивались туннели.

По существу картами дорог, дошедшими до нас из античности, являются остатки высеченного на мраморе плана застройки Капитолия (Капитолийский план города, или «*Forma urbis Romae*», около 200 г.).

¹² «Прогресс человечества осуществляется благодаря строительству новых дорог!» (англ.).

¹³ *Wissmann H. v. Die westöstlichen Verkehrslijen Europas 1914 und 1924 // 25. Zeitschrift für Geopolitik. 1925. Bd I. S. 311.*

¹⁴ Тарбаган — забайкальский сурок.

¹⁵ *Wütschke J. Die geographische Verbreitung von Krankheiten // Petermanns Mitteilungen. 1921. S. 53; Oberhammer E. Medizinische Geographie. Lübeck, 1909.*

¹⁶ Имеются в виду обсуждавшиеся в 20-е — начале 30-х гг. XX в. в кругах европейских интеллектуалов планы объединения Европы. Подробнее см. примеч. 9. С. 239 и примеч. 13. С. 275.

¹⁷ Лига Наций — созданная в 1919 г. международная организация, имевшая целью, согласно ее Уставу, развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности. Формально была распущена в 1946 г.

¹⁸ Здесь автор использует библейские образы. Тернии — сорняки, заглушающие посеянное поле, враждебное человеку растение, символ неправедных дел, реальной и духовной бесплодности, а также гибели и разрушения. Крапива, как и тернии, — сорняк, символизирующий запустение.

¹⁹ О соотношении сухопутных границ и транспортных магистралей см. также: *Demolins E. Comment la route crée le type social. Paris, 1903; Vidal de la Blache. Principes de Géographie humaine. — Прим. авт.*

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА IX)

¹ «О делании границ» (англ.).

² Мистерии (греч. *Mysterion* — тайна, таинство) — у древних греков и римлян, у народов Востока тайные религиозные обряды, к участию в которых допускались только посвященные.

³ *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans. S. 147. Abb. 5.

⁴ Вероятно, имеются в виду взаимоотношения между итальянским государством и Ватиканом, завершившиеся 11 февраля 1929 г. подписанием Латеранских соглашений.

Латеранские соглашения положили конец «римскому вопросу». Договор признал образование на территории города Рима суверенного государства Ватикан; финансовая конвенция урегулировала финансовые отношения сторон; конкордат определил права и привилегии католической церкви в Италии.

⁵ Т. е. Фридриха Барбароссы; см. примеч. 12., введение.

⁶ Гейлер фон Кайзерсберг (1445—1510) — немецкий проповедник, мастерски владевший языком простого народа.

⁷ Серия мирных договоров, подписанных странами Антанты с Германией (Версаль, 28 июня 1919 г.), с Австрией (Сен-Жермен-ан-Ле, 10 сентября 1919 г.), с Болгарией (Нейи сюр-Сен, 27 ноября 1919 г.), с Венгрией (Версаль, Большой Трианонский дворец, 4 июня 1920 г.), с Турцией (Севр, 10 августа 1920 г.), зафиксировала создание новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, определила их территории и внесла ряд изменений в старые границы. В числе этих новых государств было Королевство сербов, хорватов и словенцев, образованное 1 декабря 1918 г. (с 3 октября 1929 г. — Югославия). Оно вобрало в себя как некоторые ранее существовавшие южнославянские государства, так и отделившиеся от Австро-Венгрии славянские

земли. Но отдельные участки его границы с Италией, Австрией и Албанией долгое время оставались неурегулированными. Спорными считались также некоторые территории на границах Югославии с Венгрией, Болгарией и Румынией. Отдельные спорные территориальные проблемы были урегулированы в ходе двусторонних или многосторонних контактов. (См., например, подписанный в Рапалло 12 ноября 1920 г. договор между Югославией и Италией.)

⁸ Вашингтон Джордж (1732—1799) — крупный государственный деятель США. В годы Войны за независимость был главнокомандующим североамериканской армией. Первый президент США.

⁹ Вашингтонская конференция (12 ноября 1921 — 6 февраля 1922) — конференция США, Великобритании, Китая, Японии, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии и Португалии, которая зафиксировала новое, создавшееся после Первой Мировой войны соотношение сил в Китае и бассейне Тихого океана. Важнейшие решения конференции: Договор четырех держав; Договор пяти держав; Договор девяти держав.

¹⁰ Албанский вопрос рассматривался как на Парижской конференции, так и в ее кулуарах. Обсуждались проекты превращения Албании в подмандатную территорию Италии, раздела между соседями. Провозглашение независимости Албании на Ассамблее в Люшне в 1920 г., а затем ликвидация в результате всенародной борьбы итальянских, французских, греческих и сербских оккупационных зон привели к восстановлению албанского государства в границах 1913 г. 17 декабря 1920 г. Албания была принята в члены Лиги Наций, хотя не признана официальным большинством участников этой организации.

¹¹ С 1888 г. остров Науру стал частью германского протектората Новой Гвинеи. С 1920 г. под совместным управлением Великобритании, Австралийского союза и Новой Зеландии. В 1942—1945 гг. находился под оккупацией Японии, с 1968 г. существует как независимое государство.

¹² *Krebs N. Länderkunde der österreichischen Alpen.* Stuttgart, 1913. Одно из прекраснейших географических сочинений о Земле, содержит почти неисчерпаемый материал о борьбе за справедливую границу немецкого народа в Альпах и за приемлемые транспортные границы в этом важнейшем пограничье Европы.

¹³ По условиям версальского урегулирования Бургенланд, входивший в венгерскую часть империи Габсбургов, был передан Австрии.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА X)

¹ *Catlin G. E. G. The science and method of politics.* London, 1926 (в этой работе автор рассматривает связь политики с историей, этикой и социологией и исследует, должны ли общественные науки по необходимости отставать от естественных). — *Прим. авт.*

² Град божий; Вечный мир; Открытое море; Гражданское право (*лат.*).

³ не узнаем (не знаем и не узнаем) (*лат.*) — указание на предел в познании того или иного явления.

⁴ *Loesch Karl C. von. Paneuropa-Völker und-Staaten. Eine Untersuchung der geopolitischen Grundlagen // «Staat und Volkstum, Bücher des Deutschtums», 2 Bd. Berlin, 1926.* Превосходно аргументированное, подкрепленное отличными картами сочинение, перекликающееся с лейтмотивом К.Ф. Мейера: «Есть политические тезисы, которые имеют свое значение для холодных умов и осторожных рук, кои, однако, становятся пагубными и непригодными, как только они произнесены наглым ртом или написаны наказуемым пером...» — *Прим. авт.*

⁵ Взгляды К. Хаусхофера на различные пандвижения, т. е. на движения, стремящиеся объединить на той или иной основе — географической, этнической, религиозной и

т. п. — народности, нации, страны, континенты, изложены в отдельной его работе «Панидеи в геополитике».

⁶ Среди скептиков впереди О. Шпенглер, автор работы «Der Untergang des Abendlandes», и Динтлер, автор сочинения «Der Zusammenbruch der Wissenschaft». München, 1926. — *Прим. авт.*

⁷ Тайка (*букв.* — великая перемена) — девиз реформ, осуществленных при японском императоре Котоку (645—654), которые привели к созданию в Японии раннефеодального централизованного государства.

⁸ *Montijn A. M. M. Ein neues Völkerrechts-Prinzip.* Haag, 1919, Belinfante.

⁹ Неомальтузианство — обновленный вариант мальтузианства; в обыденном представлении — отказ от детей в браке.

¹⁰ Уэллс Герберт Джордж (1866—1946) — английский писатель, один из родоначальников научной фантастики и футурологии. Пытался создать собственную концепцию всемирной истории («Краткий очерк истории», 1922; русск. изд. «Краткая история человечества». М. — Л., 1924). Сколь бы сложны и противоречивы ни были идейные и художественные искания Г. Уэллса, он решительно выступал против политической реакции.

¹¹ Имеется в виду манчестерство — обобщенная критическая характеристика действий капиталистических дельцов, рожденная по ассоциации с одним из центров раннего капитализма в Англии — Манчестером.

Манчестер — промышленный город в северо-западной Англии. Основанный в римские времена, он в новое и новейшее время превратился в центр английской хлопчатобумажной промышленности, стал вторым после Лондона банковским центром. В XIX в. город дал название манчестерской школе экономики и был штабом фритредерства во главе с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Кобден утверждал, что введение «свободной торговли приведет к изменению облика мира, ликвидации милитаризма, постоянных армий и

империй, и люди станут одной семьей и будут свободно пользоваться плодами своих трудов».

¹² Имеются в виду Лотарь I (795—855) и его сын Лотарь II (826—869).

¹³ Александр VI Борджа (1476—1503) в 1493 г. разделил мир между Испанией и Португалией специальной буллой, согласно которой Испании предоставлялись права на все земли к западу от линии, предложенной папой, а Португалии — на земли к востоку от нее. В результате переговоров между Португалией и Испанией в июне 1494 г. был заключен Тордесильясский договор, содержавший условия раздела между обеими державами сфер колониальных захватов в Западном полушарии.

¹⁴ О демаркационной линии римских пап см.: *Baum A. Die Demarkationslinie Papst Alexanders VI. Diss. Bonn, 1890; Wagner H. Lehrbuch der Geographie, 9. Aufl. Bd I. S. 838.*

¹⁵ *Streit P. Atlas hierarchicus. Paderborn, 1913.*

¹⁶ Разграничения Нижней Саксонии, как они были предложены Б. Песслером на 22-м заседании немецких географов в Карлсруэ. — *Прим. авт.*

¹⁷ *Hills E. H. The geography of international frontiers // Geogr. Journal Roy. Soc., London, 1906. Bd XXVIII. II. S. 145.*

¹⁸ *Lyde L. W. Types of political frontiers in Europe // Geogr. Journal Roy. Soc. London, 1925. S. 127ff.*

¹⁹ Клемансо Жорж Бенжамен (1841—1929) — французский государственный и политический деятель, дипломат, премьер-министр Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг., председатель на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., сыграл значительную роль в выработке Версальского мирного договора 1919 г.

²⁰ «лишние двадцать миллионов» (*фр.*).

²¹ Фенелон Франсуа (1651—1715) — французский писатель, педагог, ученый, религиозный деятель, сторонник просвещенной монархии. Его идеи оказали огромное влияние на развитие общественно-политической мысли конца XVII—XVIII вв. Теорию Фенелона высоко ценили в век Просвеще-

ния за смелую критику абсолютизма и за высокие гуманистические принципы.

²² Имеется в виду Людовик XIV (1638—1715) — французский король с 1643 г. Вел многочисленные войны, в том числе Деволуционную войну (1667—1668), Голландскую войну (1672—1678), войну с Аугсбургской Лигой (1688—1697), войну за испанское наследство (1701—1714) и т. д.

²³ В настоящее время каждому европейскому государственному деятелю следовало бы попытаться немного поучиться в Азии или Америке пространственному смыслу, учитывающему скромные европейские масштабы и опасность, которая кроется в незнании крупных внеевропейских представлений » пространстве. Важно, чтобы в Европе знали, как политические масштабы нашей части Света обыгрываются в азиатских или американских представлениях о пространстве. Поведение европейских государств, по меркам азиатского взгляда, может соблазнять к плану опасной дерзости...» (см.: *Ratzel F. Politische Geographic. Kap. XIV*).

Ниже тут же:

«...История обращена назад и поэтому легче теряет пространственный масштаб для настоящего и ближайшего будущего...» — *Прим. авт.*

²⁴ Древнее название столицы Турции Анкары (до 1930 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XI)

¹*Uyehara G. E. The political development of Japan 1867—1909. London, 1910.* В своем весьма характерном введении о психологии японского народа и его позиции по вопросу о границе Уэхара пишет о «напоминающей дракона конфигурации [Японских] островов», которую запоминает как абсолютно убеждающее очертание каждый школьник; об «инстинкте самосохранения» и о том, что «японский народ инстинктивно ощущает любую опасность, угрожающую его национальному

существованию, потому что в сознании его страна всегда представляется господствующей. Это не означает какое-то постоянное предостережение или раздражение против какой-либо другой нации». — *Прим. авт.*

² *Hellpach W.* Geopsychische Erscheinungen. 2. Aufl. Leipzig, 1917.

³ *Sölch J.* Die Auffassung der natürlichen Grenzen in der wissenschaftlichen Geographie. Innsbruck, 1924.

⁴ *Ratzel F.* Die Gesetze des räumlichen Wachstums der Staaten // *Petermanns Mitteilungen.* 1896; *Idem.* Politische Geographie. 3. Aufl.; *Antropogeographie*, Bd II.

⁵ Алеманны — известное с конца III в. римское название германцев, живших в верховьях Дуная и Рейна. Гельветы — кельтский народ, первоначально занимавший территорию между Майном, Неккаром и Альпами. С течением времени были романизированы, со II в. н. э. это имя не упоминается.

⁶ Иордан — историк VI в., автор ценного сочинения «*De origine actibusque Getarum*», посвященного истории готов. Готы в III—IV вв. представляли собой весьма активную историческую силу на северо-восточных рубежах Римской империи, основное звено в сложной цепи процессов, именуемых Великим переселением народов.

⁷ Гепиды — восточногерманское племя (первоначально часть готов), развившееся в самостоятельный народ. Около 270 г. при короле Фастиде переместились к границам римской провинции Дакия. Около 400 г. были покорены гуннами.

⁸ *Buhler J.* Die Germanen in der Völkerwanderung. Leipzig, 1922.

⁹ Северин (ум. 482), причислен к лику святых. В 454 г., уже в зрелом возрасте, пришел из Паннонии в Норик. Возглавил его оборону против германцев. Норик — область кельто-иллирийских племен, занимавшая приблизительно территорию современной Австрии, с II в. подверглась опустошительным набегам соседних племен. В VI в. был занят славянами, часть его отошла к Италии.

¹⁰ *Jung H.* Römer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck, 1877; *Bidermann H. J.* Romanen und ihre Verbreitung in Österreich. Graz, 1877.

¹¹ *Borchardt R.* Prosaschriften. Berlin, 1920.

¹² Тернер Уильям (1775—1851) — британский художник, один из крупнейших английских пейзажистов, великолепный акварелист, своими колористическими исканиями во многом предвосхитивший импрессионистов. Уистлер Дж. (1834—1903) — американский художник.

¹³ *Ratzel F.* Politische Geographie. 3. Aufl. S. 179.

¹⁴ Буддизм — одна из трех (наряду с христианством и исламом) мировых религий. Возникла в Древней Индии в VI—V вв. до н. э. Ламаизм — тибето-монгольская форма буддизма.

¹⁵ *Wüst W.* Der Lamaismus als Religionsform der hochasiatischen Landschaft // «Zeitschrift für Geopolitik». 1924. Bd I. S. 295.

¹⁶ *Ponten J.* Anregungen zu kunstgeographischen Studien // «Petermanns Mitteilungen». 1920, S. 89—90.

¹⁷ *Haushofer K.* Das Japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. Wien, 1921.

¹⁸ См., например, *Campeano* Militär-Psychologie. Bukarest, 1904; *Ribot.* L'imagination créatrice. Deutsch. Bonn, 1902.

¹⁹ Намеки Рибо в книге «L'imagination créatrice» касательно отношения прирожденных крупных лидеров, как Наполеон, к использованию этой силы, чтобы вывести людей за пределы своих границ, возвысить ощущение привлекательности естественных и искусственных границ, могли бы быть, как доказывает переписка Наполеона или его становление (см.: *Colin.* Education militaire de Napoléon), очень ценными для воспитания чувства границы. Аналогичные примеры дают жизнь и деятельность лорда Керзона, его размышления об индийском «гласисе», воспитательная работа Мэхена в Соединенных Штатах относительно морских пространств американского Срединного моря и Тихого океана, а также упомянутый ранее труд Е. Тэно «La frontière». — *Прим. авт.*

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XII)

¹ *Supan A.* Leitlinien der allgemeinen politischen Geographic. Leipzig, 1918.

² Здесь несовпадение немецкого и русского языков: в немецком языке все перечисленные виды «географии» пишутся слитно.

³ *Hanslick.* Kulturgrenze und Kulturzyklus in den polnischen West-Beskiden. Gotha, 1907. «Petermanns Mitteilungen». Erg.-Heft 158; *Grund.* Der Kulturzyklus an der deutsch-polnischen Kulturgrenze. Wien, 1918; *Preasant H.* Russisch—Polen // «Petermanns Mitteilungen». 1914. II. S. 259; *Kaindl R. F.* Grenze zwischen west- und osteuropäischen Kultur. Karte I // «Petermanns Mitteilungen». 1917, S. 6.

⁴ См. примеч. 42. С. 524.

⁵ Рижский мирный договор 1921 г. подписан после окончания польско-советской войны 1919—1920 гг. По Рижскому мирному договору была установлена граница, передававшая Польше Западную Украину и Западную Белоруссию. Договор действовал до 17 сентября 1939 г., когда в связи с распадом Польского государства были аннулированы все договоры и соглашения, заключенные с Польшей.

⁶ Ступа — монументальное сооружение буддийского культа в виде полусферы, иногда снабженной шпилем; известны в ряде стран Востока — Индии, Индонезии, Бирме, Монголии и др.

Греческий адитон — священная часть храма, алтарь, у древних — жертвенник.

Базилика — прямоугольное вытянутое здание, разделенное внутри продольными рядами колонн или столбов на несколько частей — нефов. Средний неф обычно выше боковых. У древних римлян базилика служила для целей с массовым участием — торговли, суда и т. п. Впоследствии в форме базилики строились христианские храмы.

⁷ Мия (дзинту) — синтоистское святилище, связанное с императорским домом.

⁸ Турфан — город в Синцзян-Уйгурском автономном округе (Северо-Западный Китай, в горах Тянь-Шаня), к юго-востоку от г. Урумчи. Главные достопримечательности — мечеть Сугон и остатки древнего города Гаошан, который в период 200—400 н. э. был центром процветающей цивилизации.

⁹ Гвалиор — город в Северной Индии, знаменит своей крепостью (525 г.), включающей дворцы, храмы и святилища.

¹⁰ Ангкорват — самый выдающийся памятник кхмерской культуры эпохи расцвета Кхмерского государства. Комплекс монументальных архитектурных сооружений, храмов, дворцов, созданных неизвестными зодчими.

¹¹ Троя (Илион) — древний город на северо-западе Малой Азии. Известен по древнегреческому эпосу. Обнаружена в 1870-х годах немецким ученым Генрихом Шлиманом при раскопках холма Гиссарлык.

¹² Вишну — один из главных богов индусского пантеона, бог Солнца и хранитель всего живого. Шива — один из трех верховных богов (наряду с Брахмой и Вишну) в брахмизме и индуизме.

¹³ Айны и эта — представители коренных племен, населявших преимущественно северную часть Японских островов и Курильской гряды.

¹⁴ См. примеч. 27. С. 536.

¹⁵ Собственнический, владеющий собственностью, обладающий таким характером (*англ.*).

¹⁶ не собственник (*англ.*).

¹⁷ Речь идет о времени правления английской королевы Виктории (1819—1901), которое составило целую эпоху британской истории, получившую название викторианской (1837—1901) и ставшую своеобразным символом, олицетворявшим мощь Великобритании. После смерти Виктории Англия вступила в новую эпоху, когда ее казавшиеся

незыблемыми принципы были поставлены под сомнение ее соперниками.

¹⁸ Бисмарк Отто фон (1815—1898) — князь, государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии. Провел объединение Германии под главенством Пруссии с помощью династических войн («железом и кровью»).

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — немецкий писатель, политик, основатель Всеобщего германского рабочего союза. Лассаль полагал, что мирной легальной агитацией за введение всеобщего избирательного права, за устройство производительных ассоциаций можно постепенно превратить Прусское государство в так называемое свободное народное государство. Находился в тайных сношениях с Бисмарком.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XIII)

¹ Урбанизм, разрастание городов является опасностью для разумной политики населения, которая кроется в одностороннем росте больших городов и поглощении ими сопредельных земель и была осознана довольно поздно (см.: *Ratzel F. Die geographische Lage der grossen Städte // Kleine Aufsätze. Bd II. S. 437ff.*). — *Прим. авт.*

² Давление-частное (*Druckquotienten*) исчисляется так: число жителей всех соседних государств, с которыми имеется общая сухопутная граница, делится на число жителей собственного государства.

³ См.: *Wagner H. Lehrbuch der Geographie. 9. Aufl. Bd I. S. 830—831; Sieger R. u. a. Die geographische Lehre von den Grenzen und ihre praktische Bedeutung. Berlin, 1925. S. 209—210.* — *Прим. авт.*

⁴ Древнее название Гибралтарского пролива.

⁵ Пелузий — стратегически важный пограничный город к востоку от дельты Нила, который господствовал над военными и торговыми путями из Египта в Азию. Особое значе-

ние он приобрел в момент столкновения между персами и Египтом (VI в. до н. э.), а также во время борьбы Селевкидов и Птолемеев за господство в Палестине (III и II вв. до н. э.).

⁶ Газа — древний город в Южной Палестине. Издавна служил перевалочным пунктом в торговле между Аравией, Египтом и Восточным Средиземноморьем. В 332 г. до н. э. Газа была осаждена и захвачена Александром Македонским.

⁷ Баб-эль-Мандеб — пролив между Красным морем и Аденским заливом в Индийском океане шириной 27 км. Разделяет Аравийский полуостров и восточное побережье Африки.

⁸ Теуантепек — перешеек в Мексике между Атлантическим и Тихим океанами. Ширина около 200 км.

⁹ Суэцкий канал — судоходный канал длиной 171 км, без шлюзов, связывающий Средиземное море (г. Порт-Саид) с Красным морем, сооружен в 1859—1869 гг. Фердинандом Лессепсом, обеспечивает кратчайший путь для международного судоходства между Европой и Азией. В 1875 г. канал попал под контроль Великобритании. После 1888 г. Британия выступила гарантом нейтралитета статуса канала. В 1956 г. национализирован Египтом.

Панамский канал, соединивший Атлантический и Тихий океаны (длина 80 км, ширина 150 м), был открыт 15 августа 1914 г. Экономическое значение канала состояло в сокращении протяженности морских путей в Мировом океане. Но более важным было его политическое и военное значение. Стремясь обеспечить контроль над зоной канала, США требовали от Панама ее отделения от Колумбии. 3 ноября 1903 г. Панама провозгласила свою независимость. 18 ноября 1903 г. был заключен американо-панамский договор, согласно которому зона канала отдавалась в аренду США; под их контролем канальная зона находилась до 1979 г., когда она была возвращена Панаме.

¹⁰ *Brunhes J. L'Irrigation. Paris, 1902; Vidal de la Blache. Principes de Geographie humaine. Paris, 192.*

¹¹ Имеется в виду знаменитый Рейнский водопад, самый большой по ширине — 150 м — в Альпийской Республике. Шафхаузен — город в кантоне одноименного названия в северной Швейцарии, присоединенный к Швейцарской конфедерации в 1501 г. (находится в анклаве, вдающемся в соседнюю страну на 20 км).

¹² Ялуцзян (*кит.* Ялу), Амноккан (*кор.*) — пограничная река между КНР и КНДР. Тумыньцзян (*кит.*), Туманган (*кор.*) — пограничная река между Китаем и КНДР, в низовьях между КНДР и Россией. Течет в узкой долине между Северо-Корейскими и Восточно-Маньчжурскими горами.

¹³ Имеются в виду Китай и Россия (СССР).

¹⁴ Гларус — кантон в Швейцарии с административным центром того же названия. Население немецкоговорящее.

¹⁵ Бельфор — департамент Франции с центром того же названия в верховьях Рейна, на границе со Швейцарией. Административный центр Бельфор занимает стратегическое положение в горном проходе (так называемые Бургундские ворота) между Юрой и Вогезами. Символ города, напоминающий об осадах 1814, 1815 и 1870 гг., — громадный лев, высеченный из песчаника скульптором Фредериком Бартольди (1834—1904), автором статуи Свободы в Нью-Йорке; Бельфор имеет систему фортификаций, построенную военным инженером Людовика XIV Вобаном (1633—1707).

¹⁶ «Видимость силы не есть сила, и действительная сила избегает видимости» (*яп.*).

¹⁷ С 1801 по 1921 г. Ирландия входила в состав Соединенного королевства. Англо-ирландская война 1919—1921 гг. привела к признанию временного отделения 26 графств Ирландии и образованию Ирландского свободного государства. В 1921 г. на основе компромиссного англо-ирландского договора Ирландии был предоставлен статус доминиона Великобритании, за исключением Северной Ирландии, которая осталась под английским господством. В печати Северную Ирландию называют Ольстером (это 6 бывших графств бывшей ирландской провинции Ольстер: Антрим,

Арма, Даун, Лондондерри, Тирон, Фермана). В 1937 г. Ирландское свободное государство стало суверенным (Эйре).

¹⁸ Эннискиллен — главный город графства Фермана (Северная Ирландия). В начале XVII в. город перешел во владение сэра Уильяма Кола. В 1613 г. город получил привилегии от английского короля Якова I и был заселен англичанами.

¹⁹ Пфальц — историческая область на юго-западе Германии. Верхним Пфальцем называется территория в Баварии (в бассейне реки Дунай), в отличие от Рейнского, или Нижнего, Пфальца (ныне округ земли Рейнланд-Пфальц).

²⁰ См. примеч. 35. С. 522.

²¹ Далянь (Дальний) — порт в Китае на Желтом море. Дайрен — японское название. Был основан Россией под названием Дальний на территории, полученной ею от Китая во временную аренду на основе конвенции 1898 г. В 1904—1945 гг. оккупирован Японией. Освобожден Советской Армией в августе 1945 г.

²² Цзяочжоу (иногда неверно называемая Киаочао) — бухта на южном побережье Шаньдунского полуострова. 14 ноября 1897 г. Германия высадила здесь свой десант, используя в качестве предлога убийство двух немецких миссионеров. 6 марта 1898 г. было заключено германо-китайское соглашение, по которому Китай передавал Германии порт Циндао с окрестной территорией на побережье; бухты Цзяочжоу на началах аренды сроком на 99 лет. В окружающей 50-километровой зоне германские войска пользовались правом свободного передвижения, китайские же войска могли быть введены туда не иначе как по соглашению с Берлином. Одновременно цинское правительство предоставило Германии концессию на постройку двух железных дорог в Шаньдуне. Таким образом Шаньдун превращался в сферу германского влияния.

²³ По условиям Франкфуртского мирного договора 1871 г. между Францией и Германией последняя аннексировала железорудный бассейн к западу от Тионвиля, взамен чего возвратила Франции крепость Бельфор.

²⁴ Девонпорт — пригород Плимута в графстве Девон (Англия).

²⁵ Констан де Ребек Бенджамен Анри (1767—1830) — французский писатель и публицист.

²⁶ «дух завоевания и узурпация в их соотношении с европейской цивилизацией» (фр.).

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XIV)

¹ Т. е. закате Европы.

² Марк Аврелий Антонин (121—180) — римский император с 7 марта 161 г.

³ Вер Луций Аврелий (130—169) — римский император с 7 марта 161 г., соправитель Марка Аврелия.

⁴ Коммод М. Аврелий К. Антонин (161—192) — римский император с 17.III.180, сын Марка Аврелия, последний император из династии Антонинов.

⁵ Гелиогабал (Элагабал) — римский император сирийского происхождения; родился в 204 г., правил с 218 по 222 г. Прославился своими бесчинствами, жестокостью и дебошами. Был убит преторианцами.

⁶ Гандхара — часть современного Афганистана, где до похода Александра Македонского и создания империи Маурьев существовала племенная республика.

⁷ Свебы, или свевы, — согласно Цезарю, германское племя, обитавшее в районе Майна и Неккара.

⁸ Херуски — германское племя, обитавшее по Среднему Везеру.

⁹ Вар Публий Квинктилий (род. ок. 46 г. до н. э.) — римский полководец. В 9 г. н. э. в битве в Тевтобургском лесу потерпел поражение от германских племен под руководством Арминия.

¹⁰ Лист Фридрих (1789—1846) — немецкий экономист, сторонник активного вмешательства государства в экономическую жизнь. По его инициативе в 1819 г. была создана Об-

шегерманская ассоциация промышленников и коммерсантов, добившаяся создания в 1834 г. Германского таможенного союза (Zollverein) в составе Пруссии, Гессен-Дармштадта, Баварии, Вюртемберга, Гессенского курфюрства, Саксонии и Тюрингских государств (к 1854 г. распространил свое влияние на всю Германию, за исключением Мекленбурга и Любека). Таможенный союз сыграл значительную роль в экономическом подъеме Германии и стал первым шагом на пути к ее политическому объединению. За свои либеральные взгляды Лист был выслан из Германии. Жил в США, где в 1827 г. опубликовал работу «Очерк американской политической экономии». Получив американское гражданство, вернулся в Германию, с 1834 г. был консулом США в Лейпциге. В 1841 г. вышел его самый значительный труд «Национальная система политической экономии». Жизнь Листа оборвалась трагически: доведенный до отчаяния прежде всего финансовыми трудностями, он покончил с собой.

Заслуживает внимания его теория, известная как «автаркия больших пространств». Согласно этой теории полноценное стратегическое и экономическое развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями.

¹¹ См.: *Giehl H. Der Feldherr Napoleon als Organisator. Betrachtungen über seine Verkehrs- und Nachrichtenmittel, seine Arbeits- und Befehlsweise. Berlin, 1911.*

¹² Киликия — древнее название восточной части южного побережья Малой Азии.

¹³ Сулла Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. В 83 г. н. э. он провозгласил себя диктатором (на неопределенный срок). Его диктатура была направлена против демократических установлений Римского государства. Сулла передал суды в руки сенаторов, ограничил полномочия народных трибунов и тем самым лишил опоры тех, кто требовал «республики предков».

¹⁴ Намек на Первую Мировую войну.

¹⁵ Клавдии — древний патрицианский род, старейшие представители которого, в частности Аппий Клавдий, слыли образцами добродетели. Юлии — древнеримский патрицианский род. Из этого рода произошел Цезарь, усыновивший будущего императора Августа, основателя династии Юлиев — Клавдиев.

¹⁶ Ли Хунчжан (1823—1901) — сановник феодального Китая. С 1870 г. наместник столичной провинции, руководил внешней политикой правительства.

¹⁷ Цзинь — государство и династия в Китае (1115—1234). К середине XII в. в его состав входила территория современного северо-восточного и северного районов Китая и часть территории современного автономного района Внутренняя Монголия (КНР).

¹⁸ Чжан Цзолинь (1876—1928) — китайский генерал, в период русско-японской войны 1904—1905 гг. был главарем банды хунхузов, действовавшей на стороне Японии в Маньчжурии, в 1911—1913 гг. фактический правитель, а с 1916 г. — диктатор Маньчжурии. В 1928 г. пытался переориентироваться на США. Погиб во время взрыва, организованного японской разведкой.

¹⁹ Франклин Бенджамин (1706—1790) — американский государственный деятель, ученый, просветитель.

²⁰ Молуккские острова.

²¹ *Brooks Adams. The New Empire (Deutsch als «Das Herz der Welt»)*. Wien, 1909. S. 249—253 u. a.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XV)

¹ См. примеч. 2. С. 558.

² Имеется в виду Версальский мирный договор 1919 г.

³ Т. е. Австрию, в отличие от Транслейтании — расположенных за рекой Лейтой (приток Дуная) владений тогдашней Австро-Венгрии: Венгрии, Трансильвании (Семиградье), Хорватии, Славонии.

⁴ *Chéradame A. L'Europe et la question d'Autriche. Paris, 1901.*

⁵ Речь идет о границах Германии, установленных после Первой Мировой войны на основе версальского урегулирования.

⁶ Галиция — историческое название части западноукраинских и польских земель, захваченных Австрийской империей по первому разделу Речи Посполитой (1772 г.) — Восточная Галиция и третьему (1795 г.) — Западная Галиция.

В 1772—1918 гг. провинция Габсбургской империи (официальное название королевство Галиции и Лодомерии с великим герцогством Краковским); с 1918 г. — в составе Польши. В 1939 г. Восточная Галиция в составе Западной Украины воссоединилась с СССР.

⁷ Нара — древний центр культуры и религии на о. Хонсю. Первая императорская столица (710—784) и важный центр буддизма. Город-музей.

⁸ Карл V (1500—1558) — римско-германский император в 1519—1556 гг. и испанский король с 1517 г.; под его управлением оказалась огромная империя (Испания с колониями, Нидерланды, итальянские, австрийские и германские земли). Пытался осуществить планы создания «мировой христианской державы». Вел войны с Францией, Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с Реформацией в Германии. После заключения с немецкими протестантами Аугсбургского мира (1555 г.) отрекся от престола и ушел в испанский монастырь.

⁹ К 1559 г. Франции в результате Итальянских войн, продолжавшихся 40 лет, удалось отбиться от враждебных поползновений империи Карла V. В Като-Камбрези был заключен мир, в результате которого была укреплена восточная граница Франции (приобретение трех важнейших крепостей в Восточной Лотарингии — Меца, Туля и Вердена).

¹⁰ Цаберн — город в Эльзасе, отторгнутом Германией в результате франко-прусской войны 1870—1871 гг. Политика насильственной германизации, насильственного внедрения

германской культуры вызвала бурные протесты в Цаберне, а затем и почти во всем Эльзасе. В связи со сложившейся ситуацией германский рейхстаг огромным большинством голосов принял резолюцию против имперского германского правительствa.

¹¹ *Süddeutsche Monatshefte*. 1919.

¹² Япония с первых лет после незавершенной буржуазной революции вела захватнические войны. В 1879 г. она аннексировала о-ва Рюкю, в 1895 г. в результате войны с Китаем установила господство над Тайванем и Пескадорскими о-вами. Поражение России в русско-японской войне 1904—1905 гг. позволило Японии присоединить к своей территории южную часть Сахалина и захватить у Китая Ляодунский полуостров. В 1910 г. была аннексирована Корея, которая представляла собой мост, ведущий с японских островов на континент, к тому же она занимала ключевую позицию у входа в Японское море. Военная экспансия сопровождалась экспансией идеологической: повсюду на захваченных территориях сооружались синтоистские святилища.

Формоза (*порт.* — прекрасный) — название о-ва Тайвань, данное португальскими моряками в XVI в. и употребляемое в современной западноевропейской и американской литературе.

¹³ Кронштадт — немецкое название г. Брашов (Румыния). Исторической достопримечательностью города является готическая церковь «Черная» (XIV—XVII вв.). Многие жители Брашова — потомки переселенцев из Германии, появившихся здесь еще в XIII в.

¹⁴ См. примеч. 6. С. 548.

¹⁵ Марбург (Марибор) — город в Словении на реке Драва, у границы с Австрией.

¹⁶ *Sölch J.* Die Auffassung der natürlichen Grenzen in der wissenschaftlichen Geographie. Innsbruck, 1924.

¹⁷ *Fawcett C. B.* Frontiers. A study in political geography. Oxford, 1918.

¹⁸ Пешавар — город в Пакистане вблизи Хайберского прохода на шоссе, ведущем в Афганистан.

Кветта — административный центр Белуджистана, нынешней провинции Пакистана в юго-восточной части Иранского нагорья.

¹⁹ После Венского конгресса 1815 г. Люксембург был передан голландскому королю Вильгельму I, с 11 мая 1867 г. провозглашен навечно нейтральным государством, пользующимся гарантиями внешних держав.

²⁰ Автор имеет в виду условия Версальского договора 1919 г.

²¹ *Grünfeld E. Hafenkolonien und koloniëähnliche Verhältnisse in China, Japan und Korea. Jena, 1913.*

²² Сеттльмент — район города в колониальной или полуколониальной стране, в данном случае в Шанхае, заселенный и управляемый иностранцами и изъятый из подчинения местной власти.

²³ Ср.: *Tan Malakka. Indonesija. Moskau, 1924.*

²⁴ *Niedermayer O. V. Unter der Glutsonne Irans. Dachau-München, 1925.*

²⁵ Анурадхапура — город на севере Шри-Ланки. В древнее время (V в. до н. э. — начало XI в. н. э.) столица первого Сингальского государства. Архитектурный заповедник.

²⁶ Острова в Японском море.

²⁷ Шамьян — остров напротив западной части Гуанчжоу (Кантона), где I находились иностранные концессии.

²⁸ Савойя — бывшее герцогство в юго-восточной Франции, граничившее с северо-западной Италией. С XI в. управлялась Савойской династией, часто подвергалась нападению соседних стран. В 1790 г. была объединена с Сардинией и Пьемонтом в Сардинское королевство. В 1861 г. была уступлена Франции.

²⁹ *Ténot E. La frontière. Paris, 1893.*

³⁰ временного толка (лат.).

³¹ толерантная (лат.).

³² нейтральная (фр.).

³³ естественная (фр.).

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XVI)

¹ Под формулой «третья Италия» режим Муссолини понимал борьбу за гегемонию Италии в Европе. Эта формула имела нечто общее с идеей германского «Третьего рейха».

²*Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd I. S. 210; *Brunhes J.* L'Irrigation, des conditions géographiques. Paris, 1902.

³ Так, Пенк разработал эффективную естественную границу для Южного Тироля — район расселины в альпийской пойме (Alpenvorland). — *Прим. авт.*

⁴*Bouterweck K.* Das Land der meridionalen Stromfurchen in indo-chinesischen Grenzgebiet // «Mitteilungen der Geogr. Gesellschaft». München. Bd XIII. 2. H., 1918/19.

⁵ государственная тайна (*лат.*).

⁶ Арии (арийцы) — так называли себя ираноязычные племена (мидяне, персы и др. в Иране, скифы и сарматы, древние народности Средней Азии и др.). Ариями назывались также племена, распространившиеся во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. в Индии и именуемые в науке индоарийскими. Древнеиранские и индоарийские языки очень близки друг другу, а говорившие на них племена, как показывают древнейшие памятники словесности индийцев (Ригведа) и иранцев (Авеста), имели много общего в хозяйстве, быте, социальном строе, культуре, религии.

Слово «арии», помимо индоиранских, в других индоевропейских языках определенно не засвидетельствовано, и употребление данного термина в отношении других индоевропейцев, в частности германцев, не имеет под собой научных оснований.

⁷ Токийская равнина.

⁸ Греки именовали Дунай фракийским названием «Истр», в римское время он получил второе название «Данувий» (или «Данубий»). Со времени Августа Дунай стал границей Римского государства с северными варварами.

⁹ Рейн (*лат.* Rhenus) от кельт. Rinos — река. После победы Цезаря над вождем севов Ариовистом в 58 г. до н. э., двукратного форсирования Рейна (в 55 и 53 гг. до н. э.) и окончательного завоевания Галлии в 50 г. до н. э. он становится одной из важнейших границ Римского государства, отделявшей его от Германии.

¹⁰ Галлис — река в центральной части Малой Азии, впадает в Черное море. С 550 г. до н. э. (время Кира) была естественной границей между Мидийским царством и Персией.

Рубикон — стекавшая со склонов Апеннин и впадавшая в Адриатическое море река. Точная идентификация с какой-либо из современных рек затруднена. Получила известность благодаря знаменитым словам Цезаря «Жребий брошен!».

Рона — река, берущая начало на территории швейцарского кантона Вале. Протекает через Женевское озеро и впадает в Средиземное море.

¹¹ Границы по судоходным пограничным рекам, если иное не предусмотрено международным договором, устанавливаются, как правило, посередине главного фарватера реки или по тальвегу (*нем.* Talweg — дно долины, дорога через долину) — линии, соединяющей глубокие точки дна реки.

¹²Stegemann H. Kampf um den Rhein. Berlin, 1924; Wentzke P. Rheinkampf. 2 Bde. Berlin, 1925; Levy F. Entwicklung des Rhein- und Maas-Systems. Freiburg, 1921.

¹³«Все это превращает границу Рио-Гранде между англосаксонскими и латиноамериканскими владениями в Новом Свете в зону достойной наблюдения опасности для международного мира» («The Economist». 22.1.1927. S. 141). — *Прим. авт.*

¹⁴Keyser E. Der Kampf um die Weichsel. Leipzig, 1926; Haushofer K. Die Weichsel, eine gefährdete Wirtschaftsstrasse // «Deutsche Rundschau», 1923, 2. H.; Haushofer A. Der Staat Danzig // «Zeitschr. d. Ges. f. Erdkunde». Berlin, 1926.

¹⁵ Хуанхэ протяженностью около 4000 км и с бассейном 980000 кв. км начиная с 602 г. до н. э. меняла свое устье не менее десяти раз (*Herrmann A. Das Problem des Hwangho // «Zeitschr. d. Ges. f. Erdkunde». 1916, II. Heft.*

¹⁶ Для Венского бассейна труды Гейдериха и Зигера.

¹⁷ Относительно способности Дуная к образованию государств ср.: *Vogel W. Rhein und Donau als Staatenbildner // «Zeitschrift für Geopolitik». 1924, II; Haushofer K. Zur Geopolitik der Donau // «Volk und Reich». 1925. — Прим. авт.*

¹⁸ *Kjellén R. Studien zur Weltkrise. München, 1917.*

¹⁹ Для Месопотамии: *Hesse F. Mossul-Frage. Berlin, 1925. — Прим. авт.*

²⁰ *Uhlig C. Die bessarabische Frage. Eine geopolitische Betrachtung. Breslau, 1926.*

²¹ Бессарабия в X—XI вв. была заселена фракийскими и восточнославянскими племенами. Входила в состав Киевской Руси. В XIV в. на территории Бессарабии возникло Молдавское княжество, вскоре подпавшее под власть турок. Попытки Петра I освободить Молдавию успеха не имели (Прутский поход 1711 г.). В 1812 г. по Бухарестскому мирному договору Бессарабия вошла в состав России. По Парижскому миру 1856 г. Измаильский уезд Бессарабии отошел к Румынии, в 1878 г. (Берлинский конгресс) Бессарабия была возвращена России в обмен на Добруджу. В январе 1918 г. была оккупирована Румынией, став, таким образом, предметом советско-румынского конфликта, который был разрешен летом 1940 г. возвращением в состав СССР Бессарабии. В настоящее время независимое государство Молдова.

²² Изонцо — река в Италии и Югославии. Во время Первой Мировой войны итальянские войска провели на этой реке 11 сражений против австрийских войск, но успеха не имели.

²³ Шатт-эль-Араб является водной границей между Ираном и Ираком.

²⁴ Красная река — река в северной части Вьетнама, вблизи границы с Китаем.

²⁵ *Hassert C.* Die anthropogeographische und politisch-geographische Bedeutung der Flüsse // *Zeitschrift für Gewässerkunde*. 1899; *Arltdt Th.* Natürliche Grenzen und staatliche Brückenköpfe // «*Zeitschrift für Politik*». IX. 1916; *McKinney H. G.* Intercolonial water rights as affected by federation. Sidney, 1900.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XVI)

¹ Согласно постановлению Версальского договора, Германия не была привлечена в Лигу Наций при ее создании. Как уже упоминалось, она вступила в эту организацию в 1926 г. после принятия ею плана Дауэса (см. примеч. 21. С. 511) и подписания Локарнских договоров.

Локарнские договоры (парафированы в Локарно 16 октября 1925 г.) подписаны в Лондоне 1 декабря того же года. Основной документ — заключенный Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией гарантийный пакт (Рейнский пакт) о неприкосновенности германо-французской и германо-бельгийской границ и сохранении демилитаризации Рейнской зоны. Относительно своих восточных границ Германия обязательств не давала. Судьба Локарнских договоров, как известно, печальна: в 1936 г. Германия расторгла их и ремилитаризировала Рейнскую зону.

² *Philipson A.* Studien über Wasserscheiden. Leipzig, 1886.

³ Аtrato — река в Колумбии, русло которой могло бы быть использовано для прокладки канала, соединяющего Атлантический и Тихий океаны.

⁴ См. примеч. 13. С. 552.

⁵ *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans. Berlin, 1925.

⁶ Хуан-де-Фука — пролив, по которому проходит самый восточный участок границы между США и Канадой.

⁷ *Göhringer*. Die Donauversickerung // «Karlsruher Tagblatt». 118. Jahrg. N 334. 3.XII.1921.

⁸ *Kiesel K.* Petershüttly. Ein Friedensziel in den Vogesen. Berlin, 1918; *Steinitzer H.* Zur Psychologic des Alpinisten. München, 1907; *Freshfield D.* On mountains and mankind // «Roy. Soc. Geogr. Journ.». Bd XXIV.

⁹ Бабур (1483—1530) — основатель государства Великих Моголов, потомок Тимура (Тамерлана).

¹⁰ В течение XIX и в начале XX столетия Англия стремилась захватить территорию Афганистана. С этой целью были развязаны три войны (так называемые англо-афганские войны); первая (1838—1842) окончилась поражением Англии; вторая (1878—1880) — установлением английского контроля над афганской внешней политикой; после третьей (1919) Англия признала независимость Афганистана.

¹¹ Вазиристан — горная область в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана на границе с Афганистаном. В 1893 г., когда в качестве границы между Афганистаном и Британской Индией была установлена линия Дюранда, Вазиристан стал независимой территорией. В 1947 г. вошел в состав Пакистана.

¹² Симла — курортный город в Северной Индии в предгорьях Гималаев; в колониальный период летняя резиденция (временная столица) вице-короля. В период засушливой погоды на равнине в Симлу переезжали правительственные учреждения Индии.

¹³ Вандалы — восточногерманское племя, заселявшее первоначально п-ов Ютландия, а с I в. до н. э. — территорию между Одером, Вислой, Судетами, Карпатами. В 429—439 гг. под руководством Гейзериха захватили римскую Северную Африку и обосновались на территории современного Туниса. Королевство вандалов стало первым германским королевством на земле Римской империи. Вандалы известны в истории своими захватами и грабежами. Гейзерих (428—477) — вождь вандалов и аланов, основатель суверенного государства после занятия Карфагена. Государство вандалов

было признано Римской империей в 442 г. и в 474 г. Византией. В 445 г. Гейзерих разграбил Рим.

¹⁴ Аоста — город в Италии, в Альпах.

¹⁵ Мюнстер — город и порт в земле Северный Рейн-Вестфалия (Северо-Западная Германия). В прошлом столица Вестфалии. Здесь был подписан Вестфальский мир (1648), положивший конец Тридцатилетней войне.

¹⁶ Под Маньчжурской империей понимается период правления в Китае в 1644—1911 гг. маньчжурской династии Цин, которая пришла к власти в результате завоевания Китая маньчжурами. Свергнута Синьхайской революцией 1911—1913 гг.

¹⁷ Туркестан — название в XIX — начале XX в. территории в Средней и Центральной Азии, населенной тюркскими народностями. Восточный Туркестан — провинции Западного Китая, Западный Туркестан — среднеазиатские территории Царской России, северная часть Афганистана.

¹⁸ *Ratzel F. Gesetze des räumlichen Wachstums der Staaten // «Petermanns Mitteilungen». 1896; Idem. Antropogeographie, II.*

¹⁹ Великий шелковый путь — огромное историко-культурное пространство со множеством маршрутов, по которым шло международное общение от Китая до западных предгорий Азии в древности и в средние века.

²⁰ «Бережет пенс, а теряет фунт» (*англ.*); русский эквивалент: «скупой платит дважды».

²¹ Так называемые ретороманские языки, подгруппа романских языков, на которых говорит часть населения Юго-Восточной Швейцарии и Западной Австрии.

²² Бормио — ныне бальнеологический курорт в Италии в Ретийских Альпах, близ границы со Швейцарией.

²³ Гельвеция — древнее название Швейцарии. В результате Тридцатилетней войны (1618—1648) получила статус суверенного государства. В 1798 г. войска французской Директории вошли в западную часть Швейцарии. При поддержке Франции Швейцарский союз был преобразован в

Гельветическую республику. Гельветическая республика подписала военный союз с Францией и тем самым оказалась вовлеченной в войну с антинаполеоновской коалицией. Но Гельветическая республика просуществовала недолго. В 1803 г. Наполеон восстановил прежнее устройство. По решению Венского конгресса 1815 г. Швейцария составила Конфедерацию из 19 самоуправляющихся кантонов. Была восстановлена ее независимость, очерчены новые границы. В ее состав вошли еще три кантона: Вале, Невшатель, Женева.

²⁴ Чешский, или Богемский, лес — залесенный горный хребет на чешско-германской границе. Служит естественным рубежом между Богемией и Баварией. Его протяженность 190 км, абсолютная высота — до 1042 м.

²⁵ См.: *Krebs N. Länderkunde der Österreichischen Alpen; Ratzel F. Alpea inmitten der geschichtlichen Bewegung; Idem. Höhengrenzen und Höhengürtel; Sapper, Gebirgsgrenzen; Maull O. K. Bayerischen Alpengrenzen.*

²⁶ *Gomperz H. Philosophie des Krieges. Gotha, 1915.*

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XVIII)

¹ Сарматы — объединение кочевых скотоводческих племен (аланы, роксоланы, савроматы, языги и др.); упоминаются уже Геродотом. В VI—IV вв. до н. э. жили на территории от реки Тобол до Волги. Постепенно распространились дальше на Запад до низовьев Дуная, вытеснив родственные им племена скифов из Северного Причерноморья. В IV в. н. э. разгромлены гуннами.

² Амазония — природная область Южной Америки в бассейне реки Амазонка, в основном на территории Бразилии, а также Перу, Колумбии, Венесуэлы и Боливии. Здесь сосредоточено около $\frac{1}{3}$ площади всех влажных тропических лесов мира.

³ См. доклады Кингдона Варда («China Express and Telegraph», London 5 и 12.V.1927), где содержатся особенно ценные сведения о состоянии пограничных зон между Китаем, Индией, Бирмой. — *Прим. авт.*

⁴ Саргассово море — в центральной части Атлантического океана. Названо так из-за скопления плавающих по его поверхности саргассовых водорослей.

⁵ *Gradmann R.* Das mitteleuropäische Landschaftsbild nach seiner geschichtlichen Entwicklung. G. Z. 1901; *Idem.* Beziehungen zwischen Pflanzengeographie und Siedlungsgeschichte. G. Z. 1906; «Der obergermanisch-römische Limes und das fränkische Nadelholzgebiet» // «Pet. Mittlg.», 1899.

⁶ *Levy-Leyden F.* Arbeiten über die Siedelungen in Flandern. v. O.

⁷ Высокий Тауэрн — горный хребет в Восточных Альпах, в Австрии.

⁸ Конго — колонии в Африке: Бельгийское Конго, Португальское Конго и Французское Конго, или Французская Экваториальная Африка. В данном случае имеется в виду Бельгийское Конго.

⁹ См.: «Zeitschrift für Geopolitik». 1927. Bd. I. Märzheft.

¹⁰ *Ratzel F.* Kleine Schriften. Bd II. München — Berlin 1906; *Idem.* Höhengrenzen und Höhengürtel.

¹¹ *Hofmann A.* Waldungen des Fernen Ostens. Wien, 1913.

¹² *Ponten J.* Anregungen zu kunstgeographischen Studien // «Pet. Mittlg.», 1920.

¹³ *Churchill E. S.* Unfluence of geographical conditions on Japanese agriculture // Geo. Journ. Roy. Soc., Bd XL.

¹⁴ *Septans.* Les Expéditions anglaises en Afrique. Paris, 1895; *Furse-Septans.* Expéditions militaires d'Outre-Mer. Paris, 1897.

¹⁵ Т. е. во время наполеоновских войн.

¹⁶ Маки (фр. maquis) — лесные заросли, чаща.

¹⁷ Департамент на Западе Франции, являвшийся центром роялистских мятежей во время Великой французской революции XVIII в.

¹⁸ Аннамом китайские императоры называли территорию Северного и частично Центрального Вьетнама, находившуюся под их господством в VII—X вв. Позже употреблялось как название всей страны, а в период французского колониального господства (1884—1945) — как административное название Центрального Вьетнама.

¹⁹ В ходе Войны за независимость американцы, бывшие хорошими охотниками в силу жизненных условий, применили рассыпной строй с использованием природных укрытий против английской регулярной армии, действовавшей в колоннах, и в итоге добились успеха.

²⁰ Маджента — город в Ломбардии, на севере Италии, к западу от Милана, возле которого 4 июня 1859 г. в ходе австро-итало-французской войны 1859 г. объединенная франко-сардинская армия (54 тыс.) Наполеона III нанесла поражение австрийским войскам (58 тыс.) Ф. Дьюлаи. Победа при Мадженте способствовала подъему национально-освободительного движения в Италии.

²¹ Впервые Корея подверглась нападению Японии в XVI в. Войска и флот Кореи нанесли тогда чужеземцам тяжелое поражение. В 1910 г. Япония объявила Корею своей колонией.

²² Речь идет о крушении древнесингальской культуры на Цейлоне под натиском воинственных пришельцев из Южного Индостана. В средние века она возрождалась и снова пала.

²³ О борьбе между человечеством и джунглями *Doflein F. Ostasienfahrt. — Прим. авт.*

²⁴ Имеется в виду американо-мексиканская война 1846—1848 гг., развязанная США. В результате войны Соединенные Штаты захватили $1/2$ мексиканской территории (американские штаты Техас, Нью-Мексико, Аризона, Верхняя Калифорния, Невада, Юта, часть Колорадо и часть Вай-

оминга, составляющие почти треть нынешней территории США).

²⁵ Пикардия — историческая провинция на Севере Франции, между Нормандией и Фландрией. Во время Первой Мировой войны здесь произошло крупное сражение.

²⁶ Маскировка трассы, ведущей в Донон, к западу от Страсбурга, посадки вдоль дорог и железнодорожных насыпей в Эльзас-Лотарингии в качестве защиты против наблюдения, маскирующее прикрытие, потребовавшие малых расходов на полосу укреплений в мирное время, сохранили бы в 1914 г. много жизней ландверу и ландштурму. Дополнительная деталь: в богатом зеленю и парками Владивостоке в 1904 г. безрассудный командующий позволил уничтожить наилучшее прикрытие, потому что он однажды что-то слышал об очистке гласиса. — *Прим. авт.*

²⁷ по доброй воле (*лат.*).

²⁸ Ландвер (*нем.* Landwehr) — категория военнообязанных запаса второй очереди и создаваемые при мобилизации второочередные войсковые формирования; ландштурм (*нем.* Landsturm) — категория военнообязанных запаса третьей очереди и формировавшиеся из них в военное время вспомогательные части в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и других государствах в XIX — начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XIX)

¹ *Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa.* Berlin, 1874.

² рис (*лат.*).

³ Ассам — северо-восточная провинция Индии.

⁴ Ср.: *Goulding. Cotton and other vegetable fibres.* London, 1917; *Todd J. The World's Cotton corps.* London, 1915; *Finch. Geography of the World's Agriculture;* *Clerget P. La Géographie des textiles;* *Dunstan W. R. The present position*

of Cotton cultivation; «Manchester Guardian Commercial» 29.VII.1926.

⁵ *Finch and Baker*. Atlas of American agriculture. Washington, 1917; «Geography of the World Agriculture», 1917; *Reed*. Atlas über Frost und Saat. 1920; *Simkhowitsch W. G.* Hay and history // «Political science quaterly». New York. 1913, XXVIII, Nr. 3. Sept. 1913.

⁶ Судан — государство на северо-востоке Африки, к югу от Египта, с выходом на побережье Красного моря. Северо-восток страны был частью Древней Нубии. В XIII в. Судан находился под властью арабов, в 1820—1822 гг. был захвачен Египтом. В результате восстания махдистов в 1881—1898 гг. стал независимым от своего северного соседа, но с 1898 г. являлся кондоминиумом Великобритании и Египта. В 1956 г. стал независимой республикой.

⁷ *Adams Brooks*. Amerikas ökonomische Vormacht. Wien — Leipzig, 1908.

⁸ *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans. Berlin, 1925.

⁹ *Scharfetter R.* Pflanzen- und Völkergrenzen // «Petermanns Mitteilungen» 1910. Bd I.

¹⁰ *Troll K.* Xerotherme Einwanderer in der Münchener Flora // «Mittlg. Bay. Botan. Gesellschaft». 1920.

¹¹ весенний адонис (*лат.*).

¹² Тирпиц Альфред-Фридрих (1849—1930) — германский адмирал и политический деятель. В 1897—1916 гг. военный министр, руководил созданием морского флота Германии.

¹³ *Bachmann C.* Karten der Reisverbreitung // «Petermanns Mitteilungen». 1912; *Schumacher H.* Der Reis. München, 1917; *Copeland E. B.* Rice. London, 1924 u. a.

¹⁴ *Unstead J. Fr.* Climatic limits of wheat cultivation // «Roy. Soc. Geogr. Journ.». XXXIX u XLII; *Schindler.* Der Weizen in seinen Beziehungen zum Klima. Berlin, 1893; *Maurizio A.* Getreidenahrung im Wandel der Zeiten. Zürich, 1916.

¹⁵ *Gregory J. W.* The dead heart of Australia. London, 1906.

¹⁶ *Niklas H.* Bayerns Bodenbewirtschaftung unter Berücksichtigung der geologischen und klimatischen Verhältnisse. München, 1917.

¹⁷ *Gregory J. W.* The menace of Colour. London, 1925.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XX)

¹ Говоря о расовых учениях, автор имеет в виду широко распространившиеся в середине XIX в. в западной социологии идеи, основные положения которых сводились к следующим утверждениям: социальная жизнь и культура — продукт расово-антропологических факторов, расы не равны между собой, расовые смешения вредны для общественного и культурного развития и т. д.

Особенно крайнее развитие эти идеи получили в Германии, где приверженцы расовой доктрины создали миф о превосходстве «арийской расы», к которой в первую очередь относились немцы. Расовая доктрина стала составной частью нацистского мировоззрения в «Третьем рейхе». От всех жителей Германии требовали доказательств своего «арийского происхождения», без чего человек объявлялся неполноценным и подвергался преследованиям. См. также рассуждения Хаусхофера на тему о расах в работе «Панидеи в геополитике».

² *Scheidt W.* Allgemeine Rassenkunde. München, 1925;
Stoddard L. Race realities of Europe. New York, 1924.

³ *Hehn V.* Kulturpflanzen und Haustiere. Berlin, 1874.

⁴ Анатолия — установившееся в древности греческое название Малой Азии. Обычно применяется к полуострову на Западе Азии и относится в основном к территории Турции.

⁵ Агглютинирующие языки — языки, в которых слова и форма слов образуются преимущественно путем агглютинации, например, тюркские и финноугорские.

⁶ Ладины — группа ретороманцев в Южном Тироле.

⁷ Хайберский проход — перевал в горах Гиндукуш на границе между Пакистаном и Афганистаном. Длина 53 км, ширина 15—130 м, высота до 1030 м. В течение долгого времени перевал имел большое торговое и стратегическое значение, через него проходил путь, по которому завоеватели проникали в Индию. В 1839—1947 гг. (с перерывами) на Хайберском перевале располагался британский военный гарнизон.

⁸ Гуркхи (собственно непальцы) — группа консолидирующихся народов Центрального и Юго-Восточного Непала, в соседних районах Индии. Язык непальский, индусты.

⁹ Сенон — группа племен в Малайзии и Таиланде; семанги — группа негритосских племен бродячих охотников в Малайзии и Таиланде; ведды — древнейшие обитатели Шри-Ланки.

¹⁰ Полоннарува — город в Северо-Восточной Шри-Ланке. Стала столицей Цейлона после того, как сингалцы покинули Анурадхапуру. В XII в. являлась важным буддийским центром. Впоследствии была покинута людьми; в XX в. на ее месте построен новый современный город.

¹¹ *Frobenius L.* Das unbekannte Afrika. München, 1923.

¹² Вельфы — немецкий княжеский род, герцоги Баварии (с 1070 г.) и Саксонии (с 1137 г.).

¹³ *Pessler W.* Niedersächsische Volkskunde. Hannover, 1922 о культурно-географическом и лингвистическом разграничениях земель нижнесаксонских племен. — *Прим. авт.*

¹⁴ *Jaberg K.* (Bern) и *Jud J.* (Zürich) о швейцарско-итальянских языковых разграничениях // «Neue Züricher Zeitung». 23.I.1922. — *Прим. авт.*

¹⁵ *Gulllléron J.* Atlas linguiste de la France. Paris, 1902—1910.

¹⁶ *Volz W.* Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926.

¹⁷ Франц-Иосиф (1830—1916) — австро-венгерский император, вступил на престол в 1848 г. Называл себя монар-

хом старой школы. В течение всего своего правления выступал против каких-либо либеральных реформ, подавляя всякие попытки народов добиться независимости в рамках многонационального Австрийского государства. С большим трудом примирился с австро-венгерским дуализмом, провозглашенным 12 марта 1867 г.

¹⁸ Хеттское царство — существовавшее в XVIII — начале XII в. до н. э. военно-рабовладельческое государство в Малой Азии, создавшее высокую культуру. В период расцвета (XIV—III вв.) охватывало обширную территорию. Соперничало с Египтом в борьбе за господство в Передней Азии.

¹⁹ В Богазкёе (Хаттусе) архив сохранил нам богатую хеттскую литературу, содержащую тексты официального характера (указы царей, анналы), а также мифы, легенды. Благодаря этому архиву стала известной одна из самых ранних автобиографий — «Автобиография Хаттусили III».

²⁰ *Stoddard L. Race realities in Europe. New York, 1924; Grant Madison. The Passing of the Great Race. New York, 1923; Gregory J. W. The menace of Colour. London, 1925.*

²¹ вздымающаяся волна цветных; угроза цветных; угроза недочеловека (*англ.*).

²² *Günter H. F. R. Rassenkunde des deutschen Volkes. München, 1924; Idem. Kleine Rassenkunde Europas. München, 1925.*

²³ Вильсон Вудро (1856—1924) — президент США в 1913—1921 гг., профессор истории и теории государства. Автор «14 пунктов», предложенных им в основу мирных переговоров по окончании Первой Мировой войны в послании конгрессу 8 января 1918 г. Они, в частности, предусматривали: открытые мирные договоры; свободу морей; свободу торговли; освобождение и восстановление Бельгии; возвращение Эльзас-Лотарингии Франции; исправление границ Италии согласно национальным признакам; создание независимого Польского государства; образование союза государств — Лиги Наций и др.

²⁴ *Hellpach W.* Geopsychische Erscheinungen. Leipzig, 1917.

²⁵ Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945), граф Дуайфор — британский государственный и политический деятель, дипломат, в 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании. Сыграл значительную роль на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. и при выработке Версальского мирного договора 1919 г.

²⁶ Кейнс Джон-Мейнард (1883—1946) — профессор-экономист, член английской делегации на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. Выступил с резкой критикой Версальского договора. В знак протеста подал в отставку еще во время самой конференции. Автор известной работы «Экономические последствия Версальского договора».

²⁷ *Bowman J.* The New World. A study in political geography. London — Sidney, 1922.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XXI)

¹ *Wundt W.* Elemente der Völkerpsychologie. Leipzig, 1912.

² Интрузия (от *позднелат.* Intrusio — вталкивание) — процесс внедрения в толщу земной коры расплавленной магмы.

³ *Ratzel F.* Politische Geographic. München, 1923. S. 517—520; *Idem.* Anthropogeographie. Bd II. S. 433.

⁴ *Haushofer K.* Das Japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. Wien, 1921.

⁵ *Obst E.* England, Europa und die Welt. Berlin-Grunewald, 1927.

⁶ *Keyserling H.* Das Reisetagebuch eines Philosophen. München — Leipzig, 1919.

⁷ Шлезвиг-Гольштейн — с 1949 г. земля в составе ФРГ. Первоначально две самостоятельные части — герцогство Шлезвиг (с XI в.) и графство (с XII в.), с 1476 г. герцогство

Гольштейн. С 1368 г. объединены под властью графов Гольштейна, с 1460 г. — в персональной унии с Данией. В середине XIX в. в Шлезвиг-Гольштейне развернулось национально-сепаратистское движение немецкого населения. В результате датской войны 1864 г. Гольштейн перешел под управление Австрии, Шлезвиг — под управление Пруссии. После австро-прусской войны 1866 г. Шлезвиг-Гольштейн стал прусской провинцией. По плебисциту 1920 г. (в соответствии с условиями Версальского договора 1919 г.) Северный Шлезвиг перешел к Дании. Именно результаты этого плебисцита имеет в виду автор, рассуждая о положении в Шлезвиге.

⁸ Грундтвиг (Николай Фредерик Северин) (1783—1872) — датский писатель, реформатор церкви и школы, представитель консервативного крыла крестьянской демократии.

⁹ *Strupp K.* Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie. Berlin — Leipzig, 1924.

¹⁰ *Wolzendorff K.* Grundgedanken des Rechts der nationalen Minderheiten. Berlin, 1921.

¹¹ *Bakeless J.* The origin of the next war. London, 1926.

¹² Автор имеет в виду страны-победительницы в Первой Мировой войне и их союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XXII)

¹ Славония — историческая область на Балканах в Хорватии, расположена между реками Драва и Сава. Первоначально часть древнеримской провинций Паннония, в VII в. стала славянским государством, с XVI в. находилась под турецким господством. В XVII—XVIII вв. Славонией называлась восточная часть междуречья Дравы, Дуная и Савы. Официальное название этих земель в XVI—1918 г., входивших в Габсбургскую империю, — Триединое королевство.

² Вобан Себастьян Ле Претр де (1633—1707) — маркиз, французский военный инженер, маршал Франции (1703). Изложил научные основы фортификаций, построил и перестроил свыше 300 крепостей, один из основоположников минно-подрывного дела.

³ Кухерн Менно (1641—1704) — голландский военный инженер, крупнейший авторитет в вопросах фортификации.

⁴ Намюр (*фр.*). Нэмен (*фл.*) — крепость, ныне город в Бельгии. Первоначально древнее укрепление кельтов, в средние века арена борьбы между Голландией, Германией и Францией. В период Первой и Второй Мировых войн укрепления Намюра, предназначавшиеся для прикрытия бельгийской территории от германского вторжения, были обойдены противником и не сыграли своей роли. Место последнего отчаянного наступления фашистских войск в Арденнах в 1945 г.

⁵ В своей книге «The history of England from the ascension of James the second» («История Англии от воцарения Якова II) Маколей пишет: «Научной частью по осаде Намюра руководил Кухорн, которого соперничество подтолкнуло проявит все присущее ему искусство. Три года он испытывал унижение от того, что укрепленный им город был взят его учителем Вобаном. Теперь снова овладеть им, после того как укрепления были усовершенствованы Вобаном, было бы благородным отмщением...» Это был удачный поворот в способе борьбы, основанном на использовании ландшафта с укреплениями и крепостями в противовес универсальному техническому способу, сторонником которого был Вобан.

⁶ Colin J. L'Education militaire de Napoléon. Paris, 1901.

⁷ Фридрих II (Великий) (1712—1786) — с 1740 г. прусский король из династии Гогенцоллернов. Вел завоевательные войны (Силезские войны 1740—1742 и 1744—1745 гг., Семилетняя война 1756—1763 гг., участие в первом разделе Польши 1772 г.), в результате чего территория Пруссии почти удвоилась.

⁸ *Wlachütz W.* Bedeutung der Befestigung in den Kriegen Napoleons. Wien, 1905.

⁹ *Angeli.* Erzherzog Karl als Feldherr und Heereorganisator. Wien, 1896; *Carl von Österreich.* Ausgewählte Schriften. Bde I—VI. Wien, 1893 ff.

¹⁰ *General Carl von Clausewitz.* Vom Kriege. Berlin, 1905.

¹¹ Адидже — река в Северо-Восточной Италии, берущая начало в Ретийских Альпах и текущая в южном направлении на протяжении 408 км до впадения в Адриатическое море между Венецией и устьем реки По. Вторая по длине река Италии.

¹² Неожиданное сопротивление известной с XI в. крепостной, но для экипажа непреодолимой горной крепости Бард на отвесной скале над выходом из долины Аоста (391 м над уровнем моря) как пограничного пункта на перевале, где в мае 1800 г. 400 австрийцев сдерживали 8 дней войска Наполеона, чуть было не привело к краху похода на Маренго.

¹³ Торунь (*нем.* Торн) — город на севере Польши, на реке Висла, к северо-западу от Варшавы.

¹⁴ Пассау — город в Баварии (Южная Германия), расположен при впадении в Дунай рек Инн и Ильц, у австрийской границы.

¹⁵ *Clausewitz C. von.* Vom Kriege. S. 247; см. также: *Frh. von Freytag-Loringhoven.* Studien über Clausewitz. Berlin, 1904.

¹⁶ *Moltkes militärische Werke.* Berlin, seit 1892; *Idem.* Gesammelte Schriften.

¹⁷ *Schrötter J.* Die Bedeutung der Festungen in der grossen Kriegführung auf Grundlage der Moltkeschen Operationentwürfe. Berlin, 1904.

¹⁸ «Die Festung in der Kriegen Napoleons und der Neuzeit» (hrsg. von Grossen Generalstabe. Berlin, 1905).

¹⁹ Т. е. война на два фронта — против России (на Востоке) и Франции (на Западе).

²⁰ *Klar.* Französisch-deutsche Grenze. Wien, 1892.

²¹ *Tenot E.* La frontière. Bordeaux — Paris, 1893.

²² *Donat F. M. von.* Befestigung und Verteidigung der deutsch-französischen Grenze. Berlin, 1894.

²³ *Brialmont H. A.* Les régions fortifiées. Brüssel, 1890.

²⁴ *Toilow.* Länderbefestigung. Hannover.

²⁵ *Lord Roberts.* Forty one years in India. London, 1900.

²⁶ Китченер Хартумский Горацио Герберт (1850—1916) — граф, английский генерал, к концу жизни получил звание фельдмаршала. Прославился своей жестокостью при покорении Судана в конце XIX в., в англо-бурской войне 1899—1902 гг. и в Индии. С 1914 г. военный министр. 5 июня 1916 г. погиб по пути в Россию с военной миссией, когда корабль, на котором он находился, подорвался на немецкой мине.

²⁷ *Groser.* Lord Kitchener, story of his life. London, 1901.

²⁸ Англо-бурская война 1899—1902 гг. — одна из первых войн империалистического типа. Она была тесно связана с борьбой за монопольную эксплуатацию огромных природных богатств Южной Африки и многочисленных племен и народностей, составлявших коренное население страны. Германия в англо-бурском конфликте поддерживала буров. Она стремилась под видом оказания помощи бурским республикам и сохранения там мира и порядка в кратчайшие сроки и в наибольшей степени обеспечить в них усиление германского влияния.

²⁹ Отдельные военно-исторические сочинения, изданные Большим Генеральным штабом (Берлин с 1906 г.); «Erfahrungen aussereuropäischer Kriege neuester Zeit. H. 37—38.

³⁰ *Maude N. F.* Moderne Strategie. Leipzig, 1905.

³¹ *Seesselberg F.* Der Stellungskrieg 1914—1918. Berlin, 1926.

³² *Tenot E.* La frontière. Bordeaux — Paris, 1893.

³³ Аргумент, с помощью которого приводят в замешательство противника, противопоставляя ему его собственные слова или действия (*лат.*).

³⁴ План Шлиффена (1905 г.) — план ведения Германией войны против Франции и России. Разработан начальником Генерального штаба А. фон Шлиффеном. Согласно этому плану, намечалось ударом через Бельгию на Париж блокировать главные силы французских войск, разгромить их, а затем перебросить силы на Восток и уничтожить армию России. Опыт Первой Мировой войны доказал авантюристичность этого плана. Однако его идея, несмотря на печальный итог, была заимствована фашистами и положена в основу теории «блицкрига» — молниеносной войны.

³⁵ Шармская западня (*фр.*) — место в Вогезах на Мозеле, где шли бои во время Первой Мировой войны.

³⁶ Везер — река в Северной Германии, образуется слиянием рек Верра и Фульда в земле Нижняя Саксония, протекает в северном направлении на протяжении 292 км до впадения в Северное море.

³⁷ Вероятно, имеется в виду война за Мантуанское наследство (1628—1631). Это часть Тридцатилетней войны 1618—1648 гг., которая велась между испанскими и австрийскими Габсбургами, с одной стороны, и Францией — с другой.

³⁸ *Verdy du Vernois I. von. Studien uber den Krieg; Idem. Ereignisse in den Grenzbezirken. Berlin, 1891.*

³⁹ Битва на Марне (5—12.IX.1914 г.) — встречное сражение между англофранцузскими и германскими войсками во время Первой Мировой войны, в ходе которого было остановлено продвижение германской армии к Парижу. Марнское сражение знаменовало собой перелом в кампании 1914 г. на Западном фронте. Германский план быстрого разгрома Франции потерпел крах. Имело значение и то, что для отражения наступления русских войск в Восточной Пруссии Германии пришлось перебросить туда два корпуса и одну кавалерийскую дивизию.

⁴⁰ Мец — военная крепость, ныне промышленный город на северо-востоке Франции на реке Мозель, недалеко от границы с Германией. Расцвет города начался в XIII в., когда он

был вольным городом в составе Священной Римской империи. В 1552 г. был захвачен французским королем Генрихом II. Официально отошел к Франции в 1648 г. После франко-пруссской войны был аннексирован Германией (1871 г.). Возвращен Франции в 1918 г., после окончания Первой Мировой войны.

⁴¹ Верден — с XVII в. крепость, прикрывавшая пути к Парижу с северо-востока, в Первую Мировую войну центр укрепленного района, состоявшего из 4 оборонительных позиций глубиной 15—18 км и сыгравшего важную роль в срыве планов германского командования (Верденская операция 1916 г., получившая название «верденская мясорубка»). В ходе этой операции людские потери Франции составили 358 тыс., Германии — до 600 тыс. человек.

⁴² Гольштейн Фридрих фон (1837—1909) — немецкий дипломат, в 1861—1868 гг. атташе в Петербурге, Рио-де-Жанейро, Лондоне и Вашингтоне, в 1871—1876 гг. второй секретарь посольства в Париже, затем работал в МИДе Германии, был одним из доверенных лиц канцлера. В 1878 г. секретарь Берлинского конгресса, завершившего русско-турецкую войну 1877—1878 гг. С середины 80-х гг. в оппозиции к Бисмарку, пытался подорвать отношения с Россией в пользу союза с Англией. После отставки Бисмарка и до 1906 г., когда был отправлен канцлером Бюловом в отставку, оказывал большое влияние на внешнюю политику Германии. Не имел ясной, реалистической концепции внешней политики. Исходя из ложного понимания ситуации, проводил на рубеже веков политику лавирования между Англией и Россией.

⁴³ после праздника (*лат.*).

⁴⁴ *Haushofer K.* Die suggestive Karte. Berlin, 1922.

⁴⁵ Т. е. карта, которой ответ как бы подсказывается.

⁴⁶ Одинокий остров вулканического происхождения в южной части Атлантического океана, известен как место ссылки (1815—1821) и смерти Наполеона. Был открыт португальским мореплавателем Жуаном да Новой. Он назвал

его в честь матери императора Константина Великого, чей день памяти совпал с открытием острова.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XXIII)

¹ См. примеч. 6. С. 565.

² Декуматские поля (лат. *Decumates agri*) упоминаются у Тацита в «Германии». Относятся к области, расположенной к востоку от верховьев Рейна.

³ Траян Марк Ульпий (53—117) — римский император. Известен своей заботой об укреплении границ Римской империи вдоль Рейна и на Дунае (Лимес и вал в Добрудже); см. также примеч. 4. С. 43.

⁴ Сарацины (*греч.*) — в древности арабское бедуинское племя, обитавшее в пустыне северо-западной Аравии и Синайского п-ова. Византийские и христианские авторы средневековья называют сарацинами всех арабов или же всех мусульман, а иногда даже всех христиан.

⁵ Так, с конца IX и на протяжении всего X в. в империи Каролингов повсюду сооружаются крепостные стены вокруг небольших городов и воздвигаются многочисленные крепости с использованием естественного рельефа местности, имеющие стратегическое значение, или создаются искусственные возвышенности. Со сказочной быстротой росли замки. Целью всего этого было создание эффективной защиты от вторжений норманнов, сарацин и венгров.

⁶ Альта-Адидже — германоязычная область на северо-востоке Италии. С 1992 г. автономная область, расположенная в северной части бывшей области Трентино — Альта-Адидже.

⁷ *Lozynsky M. Ostgaliziens Ruf nach Gerechtigkeit // «Frankfurter Zeitung» 66. Jg. 27.I.1922, Nr. 71; Kjellén R. Die politischen Probleme des Weltkriegs. Berlin — Leipzig, 1916.*

⁸ *Uhteg C. Die bessarabische Frage. Eine geopolitische Betrachtung. Breslau, 1926.*

⁹ *Ratzel F. Gesetze des räumlichen Wachstums der Staaten; März J. Das Schicksal überseeischer Wachstumsspitzen // «Zum Freiheitskampf in Sudostasien». Kurt Vowinkel Verlag, 1923.*

¹⁰ *Haushofer K. Dai Nihon. Betrachtungen über Gross-Japans Wehrkraft, Weltstellung und Zukunft. Berlin, 1913.*

¹¹ Пенджаб — область в северо-западной Индии и Пакистане, обширная плодородная равнина, пересекаемая Индом и его пятью притоками, отсюда ее название Пенджаб, что в переводе с хинди означает Пятиречье. С XI в. находился под властью мусульман, в XV в. стал центром сикхского движения, а в конце XVIII в. здесь было создано сикхское государство. В 1849 г. было завоевано англичанами и стало частью Британской империи. В 1947 г. Пенджаб был поделён между Пакистаном и Индией.

¹² См. примеч. 6. С. 545.

¹³ Сычуань — самая большая и самая населенная провинция в юго-западном Китае в бассейне реки Янцзы. Известна своим антиимпериалистическим и антиправительственным восстанием 1911 г., ставшим последним толчком к Синьхайской революции 1911—1913 гг.

¹⁴ Рутены (русины) — прежнее название в Австро-Венгрии русского населения, проживающего в Карпатах, Галиции, Буковине, Венгрии.

¹⁵ Синд — ныне провинция в Южном Пакистане. Бывшая часть Британской Индии (с 1843 г.).

¹⁶ Индрапастха — древний индийский город, существовавший с начала первого тысячелетия до н. э. на месте средневекового и современного Дели.

¹⁷ Тар (Тхар) — наиболее засушливая юго-западная часть Индо-Гангской равнины по левобережью Инда (в Индии и Пакистане).

¹⁸ Раджпутана (Раджастхан) — историческая область в Индии (букв. — страна раджей). В средние века здесь сложилось около 20 раджпутанских княжеств (отсюда название

территории Раджпутана). Раджпуты — военно-феодалная каста, сословие в средние века.

¹⁹ Весной 334 г. до н. э. Александр Македонский устремился на Восток, широко пропагандируя идею панэллинского единства в деле освобождения малоазийских греков от персидского владычества. В 325 г. до н. э. он достиг берегов Инда, но неожиданно прервал свой поход в «страну чудес». Александр достиг только самой восточной реки Пенджаба Гифасиса и, следовательно, побывал лишь в незначительной части Индии. Немецкий историк И. Дройзен характеризует отказ войска Александра Македонского продолжать поход как историческую необходимость, ибо, завоевав Индию, он мог потерять Запад, т. е. все ранее захваченное.

²⁰ Чандрагупта (Маурья) — древнеиндийский правитель и основатель династии и государства Маурьев в IV—III вв. до н. э.

²¹ Бактрия (Бактриана) — историческая область в Средней Азии, к северу от Гиндукушского хребта, по обе стороны от Амударьи, с главным городом Бактра (Балх). Ныне на этом месте Вазирабад (Пакистан). В IV в. до н. э. входила в империю Александра Македонского, в III—II вв. до н. э. самостоятельное государство — Греко-Бактрийское царство. Во II в. до н. э. завоевана кочевниками.

²² Юэчжи — древний народ Бактрии и Индии (122 до н. э. — 450 н. э.).

²³ Саки, или скифы.

²⁴ Сакистан.

²⁵ Парфяне — древние племена, жившие на северо-востоке Иранского нагорья. В III—II вв. до н. э. подчинили большую часть Персии и основали Парфянское царство, просуществовавшее до III в. н. э.

²⁶ Клан юэчжи, распространивший свою власть на Северную Индию.

²⁷ *Hamilton J. A staff officer's scrap-book. P. 8.*

²⁸ «Маха-Кшатрапа» (*санскр.*) — Великая Сатрапия, т. е. край, управляемый деспотом.

²⁹ Барода — княжество в Западной Индии с главным городом того же названия. Хайдарабад — бывший княжеский штат на юге Центральной Индии, занимал большую часть Деканского плоскогорья. До воссоединения с Индией в 1948 г. штатом управляли мусульманские низамы.

³⁰ Газневиды — династия, правившая в Газневидском государстве (X—XII вв.). При Махмуде Газневи (998—1030), когда это государство достигло наивысшего могущества, в него входили территории современного Афганистана, ряд областей Ирана, Средней Азии, Индии.

³¹ В 1765—1849 гг. в Пенджабе сикхами — последователями сикхизма (секты в индуизме в XVI—XVII вв.) было создано свое государство после долгой борьбы с Великими Моголами.

³² Ост-Индская компания была создана в 1600 г. группой английских купцов. Явилась важным орудием колониальной политики Англии в Индии, сыграла значительную роль в первоначальном накоплении капитала.

В 1858 г. английский парламент принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия стала составной частью Британской империи, а королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Управлять страной должен был генерал-губернатор, вскоре получивший официальный титул вице-короля. Деятельность его и всей администрации Британской империи контролировалась и направлялась ответственным перед парламентом министерством по делам Индии.

³³ Лоуренс Джон Лэйрд Мейер (1811—1879) — британский администратор в Индии, преимущественно в Пенджабе. В награду за подавление восстания сипаев 1857 г. был назначен вице-королем Индии (1864—1869).

³⁴ Сварадж (*санскр.*, букв. — свое правление) — основной лозунг национально-освободительного движения в колониальной Индии с начала XX в.

³⁵ Элджин Виктор Александр (1849—1917) — лорд, английский политический деятель, в 1894—1899 гг. вице-король Индии.

³⁶ *Obst E. England, Europa und die Welt. Berlin-Grunewald, 1927; Ratzel F. Politische Geographie. München, 1923.*

³⁷ Раздел Бенгалии был проведен лордом Керзоном в 1905 г. По разделу западная часть Бенгалии, Бихар и Орисса были выделены в отдельную провинцию Бенгал (с центром в Калькутте), а восточная часть составила новую провинцию — Восточный Бенгал и Ассам. Целью данной акции было нанесение удара по национально-освободительному движению в Бенгалии, углубление индусско-мусульманских противоречий. Этот раздел вызвал взрыв недовольства. В 1911 г. раздел Бенгалии был отменен, и ее территория (за исключением Бихара и Ориссы) была восстановлена в прежних границах.

³⁸ См. примеч. 12. С. 513.

³⁹ Рэдинг Рудус Даниел Айзеке (1860—1935) — английский юрист и государственный деятель, в 1921—1926 гг. — вице-король Индии.

⁴⁰ Надир-шах (1688—1747) — военачальник Персидского государства, изгнавший в 1730 г. из страны завоевателей-афганцев. В 1736—1747 гг. шах Персии. Совершил ряд грабительских походов в Индию, Среднюю Азию и на Кавказ.

⁴¹ Автор имеет в виду территории, которые получила Пруссия в результате разделов Польши в конце XVIII в. Познань (нем. Позен) — промышленный город в Западной Польше на реке Варта. В XIII в. эта территория была заселена немецкими колонистами, в 1793 г. отошла к Пруссии в результате второго раздела Польши. С 1815 г. центр Познанского великого княжества, образованного на отошедшей к Пруссии по решению Венского конгресса 1814—1815 гг. части территории Варшавского княжества. Бисмарк называл Познань «сухожилием в теле Пруссии». После Познанского восстания 1918—1919 гг. в составе воссозданного Польского государства.

⁴² *Narziss F.* Bayern zur Römerzeit. Regensburg, 1905.

⁴³ Рения — альпийская область, населенная в древности ретами. Романизированные потомки древних ретов сохранились в швейцарском кантоне Граубюнден под названием ретороманцев. Реция была завоевана римлянами в 15—13 гг. до н. э., а при императоре Клавдии стала римской провинцией.

⁴⁴ Тартесс — согласно античному преданию, древний город в Южной Испании, имевший высокую городскую культуру. Основан до 1100 г. до н. э., разрушен в 500 г. до н. э., возможно, карфагенянами. Его преемником стал Гадир (современный Кадикс), основанный финикийцами в 9 г. до н. э. Территория Тартесса была захвачена и романизована римлянами.

⁴⁵ «Far Eastern Review». 1926. Bd XXII. N 7. Juli.

⁴⁶ Понт Ахеинос (*греч.*) — негостеприимное море; Понт Эвксинский — гостеприимное море.

⁴⁷ Имеется в виду период истории Германии начиная с времен Тридцатилетней войны (1618—1648).

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XXIV)

¹ *Winkler W.* Statistisches Handbuch des gesamten Deutschtums. Leipzig, 1927.

² В сжатой, лаконичной форме это сделано в речи Э. фон Дригальски о немецких послевоенных границах в свете контраста между их конфигурацией на Западе и на Востоке. — *Прим. авт.*

³ Представлено хорошими картами в статье: *Borries E. von.* Geschichtliche Entwicklung der deutschen Westgrenze // «Petermanns Mitteilungen». 1915. S. 373, 417. Taf. 49, 58. — *Прим. авт.*

⁴ См., напр.: Das Sprachgebiet der Siebenbürger Sachsen einst und jetzt // *Petermanns Mitteilungen.* 1920. S. 131;

Langhans P. Die deutsch-tschechische Sprachgrenze in Nordböhmen // *Petermanns Mitteilungen.* 1899. S. 73 ff.

⁵ На границе Баварии и Гессена.

⁶ *Uyehara G. E.* The political development of Japan. P. 15—17.

⁷ По Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. большая часть Каринтии вошла в состав Австрии (земля Каринтия). До 1920 г. сохранялась неясность в отношении границы в районе Клагенfurта. В результате плебисцита 10 октября 1920 г. район Клагенfurта остался за Австрией.

⁸ Карты, демонстрирующие итоги голосования в Каринтии, приводит, в частности, М. Вутте (*Wutte M.* Kärntens Freiheitskampf. Klagenfurt, 1922). — *Прим. авт.*

⁹ Швабская (Швейцарская) война 1499 г. — война между Швейцарским союзом, с одной стороны, и императором Священной Римской империи Максимилианом I из династии Габсбургов и Швабским союзом (союз рыцарей, имперских городов, а затем и князей Юго-Западной Германии) — с другой. Окончилась утверждением фактической независимости Швейцарии. Граница между Германией и Швейцарией складывалась исторически начиная с XIV в. (когда к образованному 1 августа 1291 г. «вечному союзу» кантонов Швиц, Ури и Унтервальден стали присоединяться кантоны, находящиеся на севере будущего государства: в 1351 г. — Ааргау, в 1499 г. — Тургау, в 1501 г. — Шафхаузен и Базель) и в дальнейшем определялась договорами; за последние столетия она не претерпела существенных изменений и все это время являлась стабильной (происходили лишь обмены небольшими территориями в целях спрямления дороги, для удобства проведения железной дороги и т. д.).

¹⁰ См. примеч. 9. С. 565; примеч. 40. С. 587 и примеч. 41. С. 587.

¹¹ См. примеч. 38. С. 522.

¹² См. примеч. 45. С. 525.

¹³ Крепостей (*нем.* Burg — крепость, замок).

¹⁴ О Бургенланде прежде всего в работах Р. Зигера.

¹⁵ См. примеч. 8. С. 565.

¹⁶ Ср. статью Ф. Эндерса в «Süddeutsche Monatshefte» (1919). — *Прим. авт.*

¹⁷ В начале 20-х годов XX в. в Европе в условиях обозначившегося политического, экономического и культурного кризиса оживились панъевропейские идеи и настроения. Фламандский писатель и политический деятель Куденхове-Калерги выдвинул идею объединения европейских стран. В 1923 г. вышла в свет его книга «Пан-Европа», а в следующем году он обратился с письмом к членам французского парламента, где подробно изложил свои взгляды на панъевропейское движение. В основе предложений Куденхове-Калерги лежала идея объединения Европы перед лицом трех сил — СССР, США и Великобритании. В «Новой Европе» существенная роль отводилась Германии как форпосту «против агрессии с Востока».

В 1926 г. в Вене состоялся первый Панъевропейский конгресс, на котором было объявлено о создании Панъевропейского союза. Почетным президентом Союза стал министр иностранных дел Франции Аристид Бриан, удостоенный в 1926 г. Нобелевской премии мира. Членами Союза были такие видные политические деятели Франции, как Э. Эррио, Л. Блюм и П. Бонкур, немецкий банкир Я. Шахт и бывший канцлер Германии И. Вирт, писатели Томас и Генрих Манны, ученые А. Эйнштейн, З. Фрейд и др. Проекты Куденхове-Калерги, носившие расплывчатый характер, не получили широкой общественной поддержки, и панъевропейское движение вскоре пошло на убыль. См. также примеч. 13. С. 275.

¹⁸ *Loesch K. C. von. Paneuropa — Völker und Staaten // Staat und Volkstum: Bücher des Deutschtums. Bd 2. Berlin, 1926. S. 7—50.*

¹⁹ Автор использует библейский образ углового камня, отвергнутого строителями (Пс. 117:22).

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XXV)

¹ Рисаль Хосе (1861—1896) — просветитель, писатель, ученый, лидер национально-освободительного движения Филиппин. В 1892 г. основал Филиппинскую лигу — первую национальную политическую организацию. Деятельность Рисаля оказала большое влияние на формирование национального самосознания филиппинцев.

² Дас Читта Ранджан (1870—1925) — видный деятель национально-освободительного движения Индии, один из руководителей Индийского Национального Конгресса.

³ Ладжпат Рай (1825—1928) — видный общественный деятель Индии, занимал ряд руководящих постов в Индийском Национальном Конгрессе.

⁴ Т. е. Сунь Ятсен, Веллингтон Ку, У Пэйфу и Чан Кайши.

Сунь Ятсен (1868—1925) — китайский революционер-демократ, возглавлял борьбу в Китае против маньчжурской династии Цин. Под его руководством были созданы первые китайские революционные организации. В декабре 1911 г. был избран первым временным президентом Китайской республики. В 1912 г. основал партию Гоминьдан. В 1917—1925 гг. возглавлял революционное правительство Южного Китая.

Веллингтон Ку (Гу Вэйцзюнь) — китайский дипломат, участник конференции в Сан-Франциско (1945 г.) по разработке Устава ООН.

У Пэйфу (1878—1939) — видный представитель китайских милитаристов, обладавших реальной властью в том или ином регионе страны. В частности, У Пэйфу представлял чжилийскую клику.

Чан Кайши (Цзан Цзеши) (1884—1975) — китайский военный и политический деятель, генералиссимус, с 1927 г. глава гоминьдановского режима в Китае. После окончания войны с Японией в 1945 г. развязал в стране с помощью

США гражданскую войну. В 1949 г., после поражения, бежал на Тайвань, где был президентом Китайской республики.

⁵ Павия — город в Северной Италии, у которого 24 февраля 1525 г., во время Итальянских войн 1494—1559 гг., войско императора Священной Римской империи Карла V разгромило армию французского короля Франциска I, который был взят в плен.

ПРИМЕЧАНИЯ (ГЛАВА XXVI)

¹ неясно (*лат.*).

² См. примеч. 3. С. 550.

³ *Freyer H. Der Staat. Leipzig, 1925.*

⁴ Имеются в виду советско-афганские договоры от 28 февраля 1921 г. о дружбе и от 31 августа 1926 г. о нейтралитете и взаимном ненападении, а также советско-иранские договоры от 26 февраля 1921 г. и от 1 октября 1927 г. (последний — о гарантии и нейтралитете).

⁵ «Право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь» (*Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 203. Пер. с лат.*

⁶ Ложная заря (*англ.*).

НИКОЛАЙ УСТРЯЛОВ

**ЭЛЕМЕНТЫ
ГОСУДАРСТВА**

ИЗ ЛЕКЦИЙ ПО ОБЩЕМУ УЧЕНИЮ
О ГОСУДАРСТВЕ, ЧИТАЕМЫХ АВТОРОМ
НА ХАРБИНСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ
ФАКУЛЬТЕТЕ.

Как явствует из общепринятого формального определения государства, необходимыми элементами его должны быть признаки: 1) территория, 2) населения и 3) власть. Каждый из этих трех признаков неизбежно присутствует во всяком государстве. Не может быть государства без людей, его населяющих, без территории, его определяющей, и без власти, в нем господствующей. Власть его воплощается в правительстве, но вопрос о самом принципе власти следует четко различать от вопроса о формах правительства.

Государство, таким образом, есть явление сложное, как сама жизнь. Оно есть форма жизни, живое синтетическое единство. Бывает, что оно обращено к нам какой-либо одной стороной, одним из своих элементов. Слово «народ» обозначает государство, рассматриваемое преимущественно с точки зрения составляющих его людей; слово «страна» или «земля» — государство, главным образом, в аспекте территории; «держава» — государство под углом зрения власти и властных отношений; и, наконец, правительство есть государство, изучаемое специально с точки зрения его правящих органов. Знаменитый шведский государствовед Кьеллен применительно к трем элементам государства подразделяет жизненную активность государственного явления на три сферы, из которых

каждая служит предметом самостоятельной дисциплины: геополитика, этнополитика и кратополитика. По Кьеллену, можно, кроме того, еще говорить о хозяйственной политике (экополитике), принимая во внимание экономическую сторону государственного бытия, и о социальной политике (социополитике), имея в виду социальную его сторону — «пять элементов одной и той же силы, пять пальцев руки, работающих в мире и борющихся в войне»¹.

1. ТЕРРИТОРИЯ

Принято считать, что государство есть явление оседлой культуры. Бродячие и кочевые племена живут в догосударственном состоянии, характеризуемом особыми экономическими и политическими признаками. Когда поссорились пастухи Авраама с пастухами Лота, сказал Авраам: «Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня: если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево». Таков быт кочевников. Если же поссорятся два государства, то при всем желании они не смогут последовать мудрому совету старого Авраама. Они скованы своим местопребыванием.

Правда, исторически государственная организация зарождалась еще в период кочевой жизни: разве, например, великая монгольская монархия Чингисхана не может быть в некотором смысле названа государством? Отсюда в литературе встречаются утверждения (например, Виль-

¹ «Der Staat als Lebensform», Berlin, Grunewald, 1924, стр. 42; см. также Дюги, «Конституционное право», русский перевод, § 20. В подстрочных примечаниях цитируются лишь источники, доступные использованию в библиотеках Харбина.

сон, «Государство», § 10), что первобытные племенные государства не знали территории. С точки зрения господствующей доктрины их нельзя назвать государствами (Борнхак предлагает считать их «становящимися государствами»). Терминология всегда условна, а историческое развитие постепенно и непрерывно; нельзя указать момента, когда та или другая социальная организация превращается вдруг в государство. Понятие территории вырабатывается исторически, в долгом процессе. Территория, бесспорно, налицо и у кочевников — только она изменчива, непостоянна, менее определена. «Империю можно завоевать верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно» — это сознавали в свое время сами монгольские вожди (Елюй-Чуцай).

Католическая церковь (папский престол) не считалась государством, покуда была лишена какого бы то ни было территориального верховенства (1870—1929). Теперь, после соглашения Ватикана с римским правительством 11 февраля 1929 года, ее положение меняется. Теперь формально зафиксировано существование «ватиканского государства», наделенного территорией, суверенитетом, подданными. Все же, конечно, приходится отмечать, что это государство *suī geperis*. Святейший Престол объявил, что остается в стороне от всяких светских споров и воздерживается от участия в международных конгрессах, разве что спорящие стороны совокупно обратятся к нему за помощью в деле мира. Его территория рассматривается как неприкосновенная и нейтральная. По самой сущности своей задачи Ватикана — иной природы, нежели задачи светских государств, и тем более государств национального корня. Для наместника Св. Петра средой воздействия является потенциально весь мир и актуально все католики. «Князь церкви, — писал еще Маккиавелли, — единственные в своем роде: они обладают государствами, не защищая их, и подданными, не управляя ими» («Князь», глава XI). Если бы

Третьему Интернационалу был предоставлен где-нибудь под Москвой кусочек земли в суверенное господство, можно было бы провести ряд любопытных государственно-правовых и политико-морфологических сопоставлений между государством Ватикана и государством Коминтерна...

Понятие территории прежде всего конструируется как понятие государственно-правовое, юридическое¹. Территория есть арена государственного властвования. Ее границы представляют собою не что иное, как пространственные пределы распространения власти данного государства, пространственные рамки данной системы правопорядка. С точки зрения юридического нормативизма государственной территорией обозначается «пространство, которым ограничена значимость государственного правопорядка»; нормативное единство государственной территории знаменует единство системы правопорядка (Кельзен). Территория есть область, занимаемая государственным союзом, т. е. то пространство суши, воды и воздуха, на котором государство осуществляет свое господство. Считается, что на одной и той же территории может осуществлять свое господство лишь одно государство, и без его прямого разрешения в пределах его границ никакая другая власть, от него не зависящая, не имеет права распоряжаться и требовать подчинения. Государственная территория, согласно традиционной доктрине государственного права, юридически исключительна и непроницаема, непроникновенна. Все находящиеся на ней лица обязаны подчиняться приказам власти данного государства; исключения могут до-

¹ См. Еллинек, «Общее учение о государстве», 1903, стр. 256—264. Можно сказать, что автор излагает «классическую» для своей эпохи западноевропейскую доктрину государства.

пускаться лишь положительными предписаниями самой этой власти. Так, например, если иностранцы, связанные с данным государством только территориально, находятся в несколько ином правовом положении, чем собственные подданные, то это объясняется наличием признанных норм международного права, согласно которым само государство «добровольно» ограничивает (обычно на началах взаимности) свое господство над иностранными гражданами.

Впрочем, следует отметить, что вся эта теория непроницаемости государственной территории не столько обусловлена свойствами или функциями последней, сколько представляется выводом из определенной концепции государственного суверенитета. Мы будем иметь случай констатировать, что концепция эта в наше время начинает подвергаться коренному пересмотру и серьезной критике. Вплотную сталкиваются две великие исторические тенденции: торжество национального «суверенного» государства и рост организованного сверхнационального, междугосударственного воздействия (империализм, международный порядок). В теории государственного права и в практике дипломатических формул все еще преобладает первая тенденция. Но в перспективах всемирной истории все настойчивее притязания второй. Если говорить о государстве как субъекте права, то территория должна рассматриваться в качестве конститутивного, первичного элемента его юридической личности: вне пространственной определенности немислимо и юридическое бытие современного государства. Неправильно, с этой точки зрения, видеть в территории объект государственного господства: она представляет собой момент государства как субъекта.

Отсюда выводится теория неделимости и неотчуждаемости государственной территории — теория, стоившая государствоведам стольких умственных усилий и

наталкивающаяся все же на непреодолимые трудности: аннексия — заурядное событие в истории народов. Правда, в свое время догмат территориального единства, провозглашенный впервые в революционной французской конституции 1791 года, имел плодотворный политический смысл: его острие было направлено против дележей государственной территории по наследству, связанных с вотчинным представлением о государстве, а также против феодального дробления государства. Но теперь, сослужив свою службу, он доставляет больше хлопот науке, нежели услуг жизни. Он явно бессилён осмыслить территориальные уступки: если территория, как единство и цельность, есть «элемент» юридической личности государства, то ее ущербление, хотя бы и освящаемое плебисцитами, есть неизбежно юридическое уничтожение государства.

Отвергая взгляд на территорию как на объект государственного господства, современная доктрина подчеркивает, что государство как таковое властвует не над территорией, а лишь в ее пределах. Предмет его непосредственного господства — люди, живущие в его границах; оно не может господствовать над территорией, помимо своих подданных. Поэтому ненаселенные «пассивные» пространства могут быть включены в государственную территорию только в качестве возможной сферы действия государственного правопорядка. По нынешним временам, счастливо государство, имеющее наряду с активными также и запасные, резервные земли. Что же касается пространств абсолютно необитаемых, неспособных быть населенными, то они не считаются частью территории. Вот почему до последнего времени воздух не признавался составным элементом территории, и только теперь, когда благодаря успехам авиации, он становится «обитаемым», его включают в это понятие. Государственная территория ныне трехмерна, имеет три измерения.

Прежде, в эпоху феодализма, а также и во времена абсолютной монархии, государственную территорию считали частной собственностью государства, или, вернее, государя: домен, вотчина. Из вещного права на территорию выводилось право государя-вотчинника властвовать и над населением вотчины. Но этот патримониальный взгляд, типичный для средневековья, ныне, разумеется, давно оставлен. Давно уже перестали смотреть на людей как на простую принадлежность территории. И теория, в соответствии с назревшими жизненными потребностями, стала различать господство над людьми от владения земельными пространствами. Казне, как и частным лицам, могут принадлежать участки земли по праву собственности. Но право собственности есть частное право, а господство государства над территорией имеет публично-правовой характер: не *dominium*, а *imperium*, т. е. власть повелевать. Право на территорию в государственно-правовом смысле считается, следовательно, не чем иным, как выводом из власти повелевать, «рефлексом личного господства».

Однако в самое последнее время усиление социалистических тенденций своеобразно возрождает теорию верховной собственности (*dominium eminens*) государства на территорию. Все более заметную роль в народохозяйственной жизни начинают играть так называемые публичные домены государства: вещи, предназначенные для общего пользования или общего служения. Но мало этого: сквозь современное «культурное государство» все явственнее просвечивают элементы социалистического строя. При социализме государство сосредоточивает в своем непосредственном осуществлении и *imperium*, и *dominium*, проводит национализацию земли, средств производства и путей распределения. Публичное право справляет триумф над частным, небывало расширяет за его счет сферу своего действия. Естественно, что эволюция хозяйственных отношений и социально-политических

форм влечет за собой также и смену юридических конструкций.

Ряд хорошо знакомых государственных проблем, связанных с осознанием юридической природы государственной территории, постепенно теряет свою актуальность. Любопытно, что Кельзен считает «призрачными» и проблему непроницаемости, и проблему неделимости территории, равно как и старый спор об *imperium*'е и *dominium*'е, личном, или вещноправовом характере отношения государства к территории. Своим определением последней как нормативного ограничения значимости правопорядка в нормативном же пространстве (*Geltung—Raum*) современный корифей нормативно-юридической школы бесстрашно ставит крест над многими из проклятых вопросов, столь мучивших его предшественников. Исходя из других предпосылок, в вопросе о территории к нему по-своему приближается и основоположник «реалистической» школы современной науки о государстве Л. Дюги, объявляющий ничтожными большинство прежних контрверз и выдвигающий свою теорию «территории-границы»: территория есть материальная граница эффективных действий носителей власти¹.

«Теоретические» схемы и концепции в области учения о государстве издавна были по существу наукообразными выражениями живых практических потребностей, формулами интересов, стремлений, идеалов. В порядке

¹ Kelsen. «Allgemeine Staatslehre», Berlin, 1925, стр. 137—148. Duguit. «Traité de droit constitutionnel», т. II, Paris, стр. 46—53. Следует отметить категорическое утверждение Дюги, что «территория не есть необходимый элемент государственной формации». В русской литературе на этой же точке зрения стояли Коркунов, Лазаревский, Магазинер и некоторые другие, не считавшие территорию обязательным элементом государства.

вещей, что каждая новая историческая эпоха имеет тенденцию выдвигать новые идеи и в теоретическом государствоведении.

В курсе государственного права проблема территории ставится нередко в рамках чисто юридического исследования: территория-субъект, территория-граница и т. д. Некоторые авторы считают возможным и даже единственно правильным ограничиться этого рода подходом: по их мнению, отношение государства к территории исчерпывается правовыми категориями. Однако в общем учении о государстве как реальном явлении роль пространственного фактора заслуживает серьезного внимания и требует освещения не с одной только правовой точки зрения. Государствоведение тут соприкасается с целым циклом других наук. Право не есть мера всех вещей, и тем менее может оно быть их исчерпывающей мерой. «Государство есть кусок человечества и кусок организованной земли», — образно выражался Фридрих Ратцель, отец политической географии.

Огромная роль территории в исторических судьбах государства и культурном развитии народа издавна привлекала внимание исследователей. Еще у Платона и Аристотеля мы находим ряд ценных замечаний на этот счет, причем Аристотель обстоятельно останавливается на выяснении связи между климатом и государственной культурой. Маккиавелли, Монтескье тщательно разрабатывали эти вопросы. Руссо в своем «Общественном Договоре» связывал, как известно, форму государственного строя с размерами государства: чем обширнее государство, тем меньше свободы у граждан.

В прошлом столетии некоторые ученые положили основание целой науке о влиянии земной поверхности на развитие народов, государств и всего человечества. Карл Риттер предлагал назвать эту науку сравнительным земледелием, Ратцель — политической географией. В наше время ее заслоняет геополитика, наука, изучающая государство

в свете географических особенностей его территории. «История есть движущаяся география, а география — остывшая история», — предвосхищал Гердер общие выводы соответствующих исследователей. Бокль и его ученики немало потрудились над популяризацией аналогичных идей. Если географы в политической географии приходят к истории и государствоведению, то историки и государственведы в геополитике через тему территории восходят к географии как способу лучше постичь историю и государство. «Геополитика, — определяет это понятие Кьеллен, — есть учение о государстве как историческом организме или пространственном явлении». Тем самым геополитика существенно проникнута динамизмом: она изучает государства в их движении, в непрерывно меняющихся взаимоотношениях, в их связях и состязаниях — все это, разумеется, под знаком географии. Вскрывая географическую среду истории, геополитика стремится уловить тенденции и перспективы дальнейшего развития. Географ Роберт Зигер на вопросы о различии между политической географией и геополитикой ответил: «Прогнозы». Первая им чужда; вторая неизменно к ним тяготеет. На то она и геополитика.

Люди зависят от земли, от земной поверхности; исторические формы расходования их энергии в значительной степени связаны с географическими условиями их существования. «Философия истории, — писал Тэн, — повторяет в точном отображении философию естественной истории». То же самое утверждал Наполеон: «Ключ политики государств — в их географии». «Можно категорически признать, — подчеркивают современные ученые-географы, — что вся история цивилизации должна быть перестроена на географической базе»¹. Если мировая ис-

¹ J. Brunhes et C. Vallaux, «Le géographie de l'histoire». Paris, 1921. Книга J. Fairgrieve «Geographie und Weltmacht»? Berlin, Grunewald, 1925 (немецкий перевод), является именно

тория есть драматическое действие, то его жизненной декларацией, его реальной обстановкой является мировая география.

Нетрудно привести ряд наглядных примеров значимости месторазвития в истории народов. Так, не может быть сомнения, что одной из главных причин могущества Англии явился характер ее территории: островное положение и взаимная близость залежей железа и каменного угля. Общеизвестна роль Нила и его особенностей в развитии древней египетской культуры, Хуанхэ и Янцзы в истории Китая, Средиземного моря в жизни древнеевропейских стран. «Будь в Центральной Азии Средиземное море, — фантазировал еще Гердер, — вся история человеческой культуры была бы иной». Точно так же «эвклидовское существо античной культуры таинственным образом привязано к многочисленным островам и мысам Эгейского моря, а вечно рвущийся в бесконечность страстный порыв Запада — к широким франкским, бургундским, саксонским равнинам» (Шпенглер). Некоторые авторы, увлекаясь полетом геополитической поэзии, отваживаются на поспешные синтезы, на рискованные обобщения: одни объявляют монотеистическую религию плодом пустыни, другие объясняют мистику влиянием леса, третьи готовы трактовать о «мужских» и «женских» континентах и т. д. Но никакие увлечения не способны скомпрометировать плодотворных

таким опытом изложения всеобщей истории на географической основе. Попытку аналогичного изложения истории русского государства представляет собою книга проф. Г.В. Вернадского «Начертание русской истории», Евразийское книгоиздательство, 1927. См. также П. Н. Савицкий, «Россия — особый географический мир», 1927; Н.Н. Алексеев, «Теория государства», 1931, стр. 20—38; A. Grabowsky, «Staat und Raum», Berlin, 1928; O. Mauer, «Politische Geographie», Berlin, 1925.

завоеваний геополитического метода в его надлежащем научном применении¹.

Анализируя русскую историю, профессор Г. В. Вернадский определяет ее географический фон как соотношение лесной и степной полосы, борьбу леса и степи. Этот процесс распадается на периоды условно и схематично обозначенные как 1) попытки объединения леса и степи (до 972 г.), 2) борьба леса и степи (972—1238), 3) победа степи над лесом (1238—1452), 4) победа леса над степью (1452—1696) и 5) объединение леса и степи (1696—1917). На протяжении всей своей книги автор стремится обосновать и документировать защищаемую им схему.

Как бы ни относиться к тем или другим конкретным утверждениям или обобщениям того или другого геополитического изыскания, нельзя отрицать глубокой жизненности и научной увлекательности самой постановки подобных тем и самой разработки подобного метода.

¹Проф. Е. М. Чепурковский полагает, что научная точность соответствующих геополитических исследований может быть достигнута лишь при соблюдении двух условий: во-первых, следует сосредоточивать внимание на малых районах, на «микрорландшафтах», и, во-вторых, необходимо проводить по отношению к ним продолжительные наблюдения. См. его статью «Задачи современной географии» в «Известиях Харбинского юридического факультета», т. IV, стр. 191. Марксистская школа, уточняя постановку вопроса о географическом факторе, подчеркивает, что нельзя говорить о непосредственном влиянии географической среды на человеческую природу и на ход истории; может и должна идти речь лишь о посредственном, косвенном его влиянии — через развитие производительных сил и общественных отношений. Степень развития производительных сил определяет характер влияния естественной среды (см. хотя бы Плеханов, «Очерки по истории материализма», 1922, стр. 112—119).

Обрисовывая влиятельную роль Сицилии в древнем мире, Ганото объясняет ее источник следующими, по-французски эффектными словами: «Палермо глядит в Европу, Агригент на Африку, Сиракузы на Грецию; эти три окна Сицилии дают завершенную формулу ее тройственной ориентации и тройственного предназначения». Доказано географическое влияние центральных азиатских пустынь на древнюю культуру Китая: снабдив его муссонами и почвой (лесс), они обусловили его земледельческую потамическую культуру, построенную на тяжелом совместном, солидарном труде. В специальной литературе подробно прослежено значение Гольфстрима для большинства стран северного полушария. Известно, сколько хлопот доставляют международной политике вопросы «естественных границ» или «выхода к морю» того или другого государства. Не менее любопытна проблема соседства в истории; количество и качество соседей оказывают неистребимое влияние на характер народа и стиль государства. Географическая изолированность Англии долго позволяла ей придерживаться и в политике системы «блестящей изоляции». Напротив, неблагоприятное в смысле соседства положение Польши сыграло роковую роль в ее истории и доставляет ей немало тревожных забот и сейчас; двусмысленен и зыбок жребий «буферных» государств. Каким громадным фактором китайской истории являлось многовековое давление на страну северных кочевников! Географическое положение России не менее заметно отразилось на ее жизни и культуре: соседство с монголами, перекрещивающиеся влияния востока и запада — разве можно понять русскую государственность без учета этих факторов?

География тесно связана с экономикой, определяя ее основные возможности (отсюда особая наука — экономическая география). Экономика оказывает решительное воздействие на право и политику, причем теперь, в современном обществе, это воздействие гораздо ощутительнее,

чем оно было прежде; сказано же, что анатомию современного общества нужно искать в политической экономике. В частности, подчеркивают командное влияние топлива в хозяйственной жизни государств нашей эпохи. Можно отметить, что мы живем в эпоху диктатуры недр. Говорят о политике нефти, политике угля, политике железа. Рассуждают далее о «географическом разделении труда между нациями». С другой стороны, остро ставится проблема относительной хозяйственной «самодостаточности» государственных организмов; известно, что в наши дни ссылкой на геополитическую автаркию СССР обосновывается господствующая ныне в советской политике идея социализма в одной стране, т. е. замкнутого трудового, некапиталистического государства. На той же предпосылке экономического самодовления в значительной мере покоятся проекты Пан-Европы, Пан-Америки, равно как и тенденции Великобританского общества народов. По мере роста населения и развития производительных сил потребная для хозяйственной самодостаточности социально-политического организма земельная площадь должна неизбежно расширяться. От наивной автаркии натурального хозяйства и государства-города через свободную денежную торговлю национальных государств к современной плановой гармонической автаркии мировых федеративных империй, постулирующих в конечном итоге всемирное экономическое единение, — словно такова своеобразная диалектика всемирной истории. Как же не интересоваться географией современному государствоведу? Какая же государственная политика вне геополитики?

Однако не следует, с другой стороны, и впадать в излишние преувеличения, в крайности географического фатализма. Не только география влияет на историю, но и обратно: история на географию. Люди зависят от земли, но и земля зависит от людей. Тут взаимное влияние,

взаимная связь, взаимозависимость. Человек трансформирует земную поверхность своими усилиями, своим гением. Он борется с природой, интерпретирует ее, вмешивается в ее царство, пользуется ее законами. Он осушает болота, прорывает каналы, организует недра, приручает пустыни, океаны и самый воздух, воздвигает города, побеждает расстояния. Он культивирует природу, создает ей «второе лицо», ландшафт природы превращает в культурный ландшафт и пассивные пространства в активные.

История — жестокая тяжба человека с пространством. Творческим порывом человека и его методическим трудом коренным образом изменяются облики целых стран. «Что такое камни и развалины археологов, как не географическая пыль истории?» — спрашивает один из современных исследователей. Великая Китайская стена, римские акведуки, наполеоновские дороги, трансконтинентальные поезда САСШ, мировые подводные кабели, порты, плотины — все это реальности не только исторические, но и географические. География подтверждает и иллюстрирует историю. Общеизвестна национальная и даже мировая культурно-историческая роль городов. Но что такое города, как не природа, преображенная человеческой волей, как не география, сделанная историей? Нельзя за территорией не видеть населения. Гегель, касаясь вопроса о роли Балканского полуострова в деле создания эллинской культуры, справедливо изобличал односторонность географического детерминизма ссылкой на последующую судьбу той же территории: появились турки, и многое стало другим. Нельзя также за территорией не видеть государства как властно организованного порядка: значительная часть государственной энергии направляется на преобразование государственной территории. Месторазвитие дано государству, но в то же время государство творит себе свое

месторазвитие. В этом разрезе всякая государственная экспансия может рассматриваться как процесс преобразования государством своего пространственного тела, своей территории.

«Ландшафт — судьба». Пусть так. Но вспоминается Маккиавелли, уподоблявший судьбу стремительной реке, вышедшей из берегов. «Однако, — учил он, — следует строить плотины и дамбы, памятуя, что «фортуна изощряет свое могущество лишь до тех пор, пока ей не противопоставлено никакого барьера; кроме того, фортуна — женщина, и в обращении с ней нужна отвага» («Князь», глава XXV). Судьба — не только ландшафт, но и творческая людская энергия, его дополняющая, связанная с ним... В русской литературе эта тема вызвала в свое время критическое выступление Кавелина по адресу С.М. Соловьева, в связи с появлением первого тома его «Истории России». Не отрицая значения природных условий в жизни народов, Кавелин упрекал Соловьева в переоценке их роли; при дальнейшем ходе истории эти условия в свою очередь подчинялись деятельности и влиянию людей. «Теряя из виду исторические элементы, — писал Кавелин, — подчиняя так безусловно деятельность лиц и племен условиям географическим, автор обличает неправильную точку зрения на историческое развитие, лишает историю по преимуществу ей принадлежащего значения деятельности человека».

Преобразование земной поверхности развивается параллельно разворачиванию исторического процесса и в связи с ним. У каждой группы людей есть свой географический горизонт сознания (*räumliche Anschauung*). Он тем шире, чем просвещеннее группа. Для современного цивилизованного человечества он совпадает с земным шаром, т. е. месторазвитием всего человеческого рода. Русский исследователь Л. И. Мечников насчитывал три великих фазы истории человечества, характеризующихся неуклонным расширением географического горизонта:

1) период речной культуры — цивилизации египетская, вавилоно-ассирийская, индийская и китайская, 2) период средиземноморской [культуры] — Финикия, Карфаген, Греция, Рим, 3) период океанический — Атлантический океан (цивилизации испанская, голландская, английская, французская), а за ним и другие океаны, открывающие всемирно-культурную эпоху¹.

Ясно, что каждый из этих больших культурно-исторических периодов имеет свой тип государства. В частности, в нашу эпоху мировой политики государствоведы приучаются «мыслить континентами», говорить о «государствах-мирах». Если пространственным выражением догосударственных форм социального общения была область, если национальное государство освоило территорию как арену целостного и плодотворного национального развития, то в условиях современного империализма формально-юридические границы «суверенных» государств далеко не исчерпывают собою реальной картины международных отношений и внутригосударственного бытия: под псевдонимом «суверенных государств» ныне нередко живут национальные организмы, по существу представляющие собой обыкновенные «сферы влияния» той или другой великой империалистической державы, ориентирующейся либо на океан-море, либо на континент-океан.

¹ См. Л. И. Мечников, «Цивилизации и великие исторические реки», Киев—Харьков, 1899, стр. 142—148. О замечаниях Кавелина на историю Соловьева, см. В.А. Мякотин, «Из истории русского общества», 1906, стр. 356. В марксистской литературе процесс воздействия человека на природу осознается с точки зрения роста производительных сил. В зависимости от состояния производительных сил человек может в большей или меньшей степени влиять на природу. Одна и та же географическая среда является проклятием на одном этапе развития общества и благословением на другом.

2. НАСЕЛЕНИЕ

Вторым элементом государства признается население. Есть государствоведы, считающие население решающим и даже единственным (Магазинер) элементом государства. Едва ли можно с этим согласиться: нет государства без территории (пусть даже и не определенной точно), нет его и без той или другой организации власти. Но вместе с тем, разумеется, бесспорна немыслимость государства без людей. Чаще всего государство отождествляется именно с населением. Самые названия большинства государств отмечены этнической окрашенностью. С точки зрения государственного права население (или народ) есть совокупность людей, живущих в пределах государственной территории и объединенных подчинением государственной власти. Таково господствующее определение. Единый властный авторитет превращает бесформенную массу индивидов в единый организованный народ, устанавливая в ней отношения господства и повиновения, основу социального порядка.

Каждый участник государственного союза, независимо от своего чина, звания и положения, обязан безусловно повиноваться правовым велениям государства. В этом сущность государственного подданства. Оно приобретает на основании государственных законов и является необходимым условием существования всякого государства, ибо повиновение есть основа государственной жизни. Без подданства нет государства, без подданства нет и народа. Социальный порядок государства можно рассматривать как систему правовых отношений. Последовательный юридический нормативизм запрещает усматривать в населении «единство множества людей»; для него население — лишь «единство множества человеческих действий и воздержаний от действий». Ибо человек

подчинен государственному господству не целиком, не полностью своего душевного и телесного существования, а лишь в строго определенных границах, в тех случаях, когда его поведение образует содержание правопорядка. Государство в качестве «населения» означает правовую связь людей.

Оставаясь на почве нормативно-юридического анализа, можно было бы, однако, отметить, что правовая сфера государственной власти принципиально всеобъемлюща; она включает в себя совокупность всех возможных прав, какие государство сможет взять на себя, а эта возможность юридически беспредельна: логически вполне мыслима норма, подчиняющая государственному контролю всю полноту душевного и телесного существования населяющих государство людей. По отношению к этим последним государство есть неограниченно всемогущий правопорядок. Сам Кельзен не считает правильным проводить в этом отношении принципиальное различие между нынешней западноевропейской демократией и древней восточной деспотией: для него и та и другая — одинаково явления правовые¹. Совершенно очевидно, что уловить реальные, жизненные границы доступных государственной власти возможностей нельзя, не покинув почвы отвлеченного правового нормативизма. В большинстве современных курсов государственной науки глава, посвященная населению (или народу), наполняется изложением проблемы политических прав и обязанностей участников государственного союза. Называясь подданными, поскольку их связывает долг повиновения правопорядку, они объявляются гражданами, поскольку наделяются правами. Особенно подробно принято при этом останавливаться на так называемых «субъективных публичных правах» граждан.

¹ Kelsen, «Allgemeine Staatslehre», стр. 149—150; статья «Staatsform als Rechtsform», стр. 83 и сл.

Нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело с описанием не «государственного правопорядка вообще», а системы определенного исторического типа, точнее, буржуазно-демократической государственной системы, на европейском континенте ведущей свое начало от великой Французской революции с ее доктриной народного суверенитета и неотчуждаемых личных прав. Естественно и резонно, что внимание современных исследователей привлекает больше всего именно эта форма государства: она является преобладающей за последние полвека. Но едва ли следует ее отличительные свойства и особенности приписывать государству как таковому. Поэтому нам представляется целесообразным перенести соответствующие характеристики в другой отдел курса — в главы, посвященные конституционному праву современных буржуазно-демократических государств.

Формы государственного устройства многообразны. Государство единоличной деспотии столь же мало похоже на государство развитой национально-буржуазной демократии, сколь это последнее в свою очередь отличается от государства пролетарской диктатуры. Трактую государство как правопорядок, необходимо различать конкретные типы, отдельные правовые образы исторических государств. В зависимости от их сущности находится и содержание понятия народа как правовой связи людей.

Если государственное устройство есть лишь одна из многих сторон государства, то и проблема населения далеко не исчерпывается ее постановкой в строгих рамках государственного права. Юридические категории в ней пересекаются с этнографическими и социологическими: говорят о народе, о народности, о нации. Часто тут происходит терминологическая путаница, ведущая к путанице понятий. Необходимо остановиться на цикле относящихся сюда вопросов. Государствоведение не может не считаться с выводами физической антропологии и особенно этнологии. В середине прошлого века граф Го-

бино выдвинул даже специальную теорию «неравенства рас», сводящуюся к апологии длинноголовой, белокурой, высокорослой расы (германцы). Теперь эта теория считается в науке прочно отвергнутой: если можно еще говорить о расовых особенностях, то безнадежны попытки установить какую-то принципиальную иерархию рас. В смысле интеллектуальных и моральных качеств люди различных расовых признаков часто менее удалены друг от друга, чем отдельные индивиды одной и той же расовой характеристики. Тем не менее в мировой политике так называемые «преграды цвета» играют поныне весьма беспокойную и актуальную роль¹. Вместе с тем нужно сказать, что до сего времени не установлено бесспорной научной основы классификации рас: классифицируют по цвету кожи, по форме черепа, по свойствам волос, есть попытки классифицировать по составу крови. Можно с достоверностью утверждать, что «чистых рас» уже не найти в природе: в пределах доступного нам познания существуют лишь смешанные расы. Некоторые географы видят в них «географические вариации человеческого рода». Некоторые антропологи называют их «гримом единого человечества».

¹ Ср. слова Сун Ят-сена: «Из полутора миллиардов населения земного шара четыреста миллионов людей белой расы — наиболее могущественные. Их намерение — разрушить, уничтожить цветные расы... Но в истории сделан большой поворот. Сто пятьдесят миллионов белых, русских, не убоились агрессивной политики белой расы. Они соединились с более слабыми азиатскими народами против натиска белой расы...» («Основные идеи Сан-Мин», Харбин, 1929, стр. 44 и сл.). По поводу этих слов можно сделать одну фактическую поправку: если распределять человечество по цветности, то, согласно современным статистическим данным, к белой расе принадлежат около 350 миллионов человек, к желтой — от 650 до 750 млн и к черной — 150—200 млн.

Но за всем тем было бы неправильно игнорировать влияние врожденных особенностей народа на развитие государства. Характер государственной власти и способность ее к развитию, колонизаторская политика, взаимоотношение личности и коллектива — все это в известной степени обусловливается естественными качествами соответствующего народа, «нижним этажом» его культуры. Не следует чересчур преувеличивать значение нижнего этажа и считать его единственным, необходимо помнить, что сам он существенно пластичен и в свою очередь «многоэтажен», — но нельзя и забывать о нем. От степени приспособляемости того или другого народа к условиям климата зависит иногда его историческая судьба. О глубоких различиях между южным и северным человечеством, а также между характерами западноевропейских, евразийских и азиатских народов немало писалось и подчас фантазировалось в общей и специальной литературе. Могли ли эти антропо-географические различия быть безразличны для строения соответствующих государств? До недавнего времени эти вопросы недостаточно подвергались научной разработке; но теперь на них обращается оживленное внимание. Нужно сказать, что в наши дни социология с особо напряженным вниманием вслушивается в невнятные еще откровения биологических и этнических факторов.

В частности, этнопсихологический облик русской народной стихии подлежит серьезному и плодотворному изучению. Ныне уже достаточно выяснено, что наш национальный характер есть результат сложных влияний и синтезов. Решительно оспаривается взгляд на русскую народность как на простую ветвь славянского племени. Вскрываются элементы туранской психики, привитые русским русской историей. Наша культура рассматривается как сопряжение туранских и восточнославянских мотивов¹.

¹ Ср. хотя бы статью кн. Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», как и вообще статьи этого

Что касается социологической и юридической стороны вопроса, то здесь мы встречаемся с чрезвычайно важным сопоставлением народа, народности и нации. Конечно, всякая терминология гибка и до известной степени условна. Но без нее нельзя обойтись, поскольку слова — значки понятий. Понятия же служат пониманию жизненных явлений. Категории разума соотносительны реальной действительности. Необходимо, чтобы расчленению понятий отвечало точное разграничение терминов. Многозначность — источник путаницы.

Под народом большей частью подразумевают население государства, т. е. совокупность составляющих государство и подчиняющихся его власти людей — «объединенное в государство и организованное общение всех граждан» (Блюнчли). Народ в этом техническом смысле слова есть понятие государственно-правовое. Нет народа вне государства; отношения государства к народу есть отношения основания к следствию. Необходимо отметить, что народ (население) не является обыкновенно однородной массой; достаточно вспомнить, например, что «народ» Российской империи состоял более чем из сотни различных народностей; вместе с тем народ не есть арифметическая сумма индивидов, а включает в себя обычно целую систему различных социальных групп. Конститутивным признаком понятия «народ» является, таким образом, подчиненность общей государственной власти. Народ органически связан с государством и представляет собою общность поколений. Государство не исчерпывается данным, живущим в каждый отдельный момент человеческим материалом, — оно есть живое, подвижное единство живого людского потока. Народность или национальность — понятие по преимуществу

крайне интересного автора («К проблем е русского самознания», Евразийское книгоиздательство, 1927 г.). О ра-се см. книгу Friedrich Hertz «Rasse und Kultur», 1925.

этнографическое. Характернейшим признаком народности может считаться общий язык; народность есть множество людей, объединенных общим языком. Бывает, однако, что в это понятие вкладывается и другое содержание: национальность (в нашем определении) смешивают с населением, а также и с нацией. В частности, для английской литературы вопроса особенно характерно отождествление понятий населения и нации.

Но что такое нация?

Нация образует внутреннее единство. Ее сущностью не могут считаться те или другие внешние признаки, которыми отдельные теории пытались ее исчерпать. Ни единство расы, ни общность политической власти, языка, религии, территории — ни один из этих признаков не является решающим при определении понятия нации. В самом деле — раса? Но мы уже отметили, что чистые расы — чистая абстракция; современная наука знает лишь смешанные антропологические элементы, так называемые расовые мозаики. «Чистой крови» — не найти теперь ни у одного народа. «Физический тип» играет вообще второстепенную роль в процессе создания нации. Утверждали, что в жилах Эдуарда VII текла всего одна семитысячная доля английской крови, что, однако, вовсе не мешало ему быть добрым англичанином. Впрочем, само понятие «английской крови» должно быть признано лишенным разумного смысла: обозначение «английский» относится не к антропологии, а к этнографии. Что же касается этнического облика англичан, то и он по истокам своим достаточно расплывчат: тут и кельты, и римляне, скотты, и бритты, англосаксы, и норманны. Нелегко разобраться в «естественной» основе и таких монолитных как будто наций, как французская и германская. Население САСШ представляет собою чрезвычайно сложный этнический сплав, и американские политики подчас опасаются превращения своей страны в «стан-

цию для этнологических экспериментов» (Шурман). Было время, когда англичане острили: «Американцы — не нация, а комбинация». Но ныне уже нельзя отрицать, что разноприродное население Штатов крепко объединяется сознанием определенного культурно-исторического единства, приспособляется к окружающей его жизненной обстановке и с каждым новым десятилетием своей молодой еще государственной жизни все глубже проникается гордым патриотизмом многозвездного флага. Значит, счастливая обстановка способна сделать из государства «мельницу национальностей», превращающую в единую нацию пестрый этнографический материал. С другой стороны, общеизвестно, что нации, казалось бы, родственных корней оказывались исторически чрезвычайно обособленными одна от другой и взаимно враждебными. Нетождественность понятий расы и нации доказывается еще, наконец, и тем, что расы меняются несравненно медленнее и пребывают несравненно дольше, нежели нации. Жизнь рас — десятки и даже сотни тысяч лет, жизни наций — века, иногда немногие тысячелетия¹.

Политическая власть? Но поляки до 1918 года? Но Италия до объединения? Конечно, государство есть мощный фактор «политической акклиматизации» и наиболее зрелая форма национального единства. Конечно, нация не может возникнуть вне политического объединения человеческой массы. Поляки вряд ли были бы нацией к 1918 году, не будь они прежде независимым государством. Объединение германской нации в XIX веке

¹ Правда, эти соображения не помешали Иммигрантской Комиссии САСШ обозначить французов, немцев и русских «расами». (См. Prof. Fr. Boos, «Antropology», New-York, 1928, стр. 79. С другой стороны, Блюнчли говорил в свое время об «арийской расе» [«Allgemeine Staatslehre», Stuttgart, 1886, стр. 91 и сл.].)

совершалось под знаком славных воспоминаний о тысячелетней германской империи и черно-красно-золотом знамени¹. Но при всем том и государство не есть конститутивный признак нации. Бывают многонациональные государства (прежняя Австро-Венгрия), бывают и нации, долгое время лишенные самостоятельной государственности, нации, представляющие собою «государства в возможности».

Общность языка? Но Бельгия? Швейцария? С другой стороны, разве англичане и американцы не говорят на одном языке, отнюдь не сливаясь при этом в единую нацию? Было бы, кроме того, неправильно считать язык первичным, непроемким качеством известной социальной группы. Случалось, что язык следовал за государством: велика ассимиляционная способность политического владычества. Конечно, и язык, будучи мощным орудием социального общения, есть великий, пожалуй, даже главный фактор национального объединения, но, опять-таки, и он не может считаться сущностью нации.

¹ «Можно определенно утверждать, что государство обычно хронологически предшествует возникновению нации и что не может возникнуть настоящей нации, если предварительно, хотя бы и в довольно отдаленном прошлом, государство не составило ядра определенной формы, прочной организации». (В. Фогель, «Новая Европа», Петроград, 1924, стр. 25). «Без государственного оформления нации, строго говоря, не существует» (Бицилли, «Нация и государство», «Совр. Записки», кн. 38). «Раз народ перестал управлять самим собою, — писал Фихте в знаменитых *Речах к немецкой нации*, — он обязан также отказаться от своего языка и слиться со своими победителями». Напротив, резкое противопоставление нации и государства см. у Сун Ят-сена. «Если нация, — утверждал он, — развивается благодаря естественным силам, то государство образуется силой оружия» (цит. соч., стр. 3); ср. В. В. Энгельфельд. «Политическая доктрина Сун Ят-сена». Харбин, 1929.

Религия? Но разве современные религии не претендуют на общечеловеческую, сверхнациональную миссию? Разве латинские народы не объединены общностью религии, оставаясь, однако, обособленными нациями? Разве, с другой стороны, в пределах одной нации не наблюдается вероисповедных различий (протестантизм и католицизм в Германии)? И разве, наконец, нации не меняют своих религий, оставаясь самими собой? Огромна роль религии и мифологии в таинственном процессе зарождения национального сознания, и не случайно теократия явилась колыбелью национального бытия. Но было бы ошибочно вводить элемент религии в конкретное определение понятия нации¹.

Естественные границы, единство ландшафта? И этот фактор, будучи порою существенным, не представляется, однако, обязательным: бывает, что на однородной территории размещаются различные нации, а разнородные территории занимает одна и та же. Правда, говорят, что исторический индивидуум обыкновенно стремится подыскать себе подходящую географическую плоть, но от этих стремлений еще очень далеко до воплощения искомой

¹ Противоположная точка зрения представлена Достоевским в знаменитом монологе Шатова («Бесы»): «...Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобы у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда у каждого был особый. Признак уничтожения народностей когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его Бог». В этих словах показана одержимость нации неким индивидуальным и целостным богочувствием. Но едва ли такое богочувствие исчерпаемо и даже выразимо в рациональных формулах того или иного религиозного исповедания. Скорее оно есть та «идея» нации, которая является темой всей ее исторической жизни и всей ее культуры.

гармонии, до совпадения «географических» границ с этническими и социально-историческими. Правда, качества территории не могут не сказываться на облике связанного с нею населения. Но эта истина, как мы знаем, отнюдь не оправдывает крайностей геополитического фатализма.

Итак, все частные определения при ближайшем рассмотрении оказываются второстепенными, не только недостаточными, но даже и не всегда необходимыми. Они говорят о путях образования нации, но не о ее сущности. Их анализ приводит к заключению, что основными факторами национальной формации являются язык и государство. Нацию создает либо общность языка, либо общность государства, либо та и другая вместе. Так что же такое нация?

Господствующая теория подчеркивает существенно иной источник нации. «Нации, — пишет Еллинек, — суть не естественные, а историко-социальные образования... Нация не есть что-либо объективное в смысле внешнего существующего... Группа людей, сознающих себя объединенными множеством общих своеобразных культурных элементов и общим историческим прошлым и потому отличными от других людей, образует нацию». Возникновение нации есть психический процесс, могущий иногда представлять собою даже прямую борьбу с этносом. Из этого, разумеется, не следует, что «естественные» факторы вообще подлежат исключению из процесса создания нации. Нельзя их упускать из вида, когда идет речь о национальном единстве. Но нельзя ими и ограничиваться. Ибо нация, как и государство, есть сложное сочетание природных и культурно-исторических элементов при несомненном преобладании последних. Если концепция Еллинека до известной степени заслуживает выдвигавшихся против нее упреков в односторонности (Кьеллен), то только потому, что она недооценивает объективные факторы национального бытия и абсолютизирует субъективный, волюнтарный момент.

Нация обладает объективной реальностью. Но это — реальность не «физического», а усложненного «телесно-душевно-духовного» порядка:

Родиться русским слишком мало —
Им надо быть! Им надо стать!

Общность традиций, потребностей, стремлений — вот что такое нация. Общность исторических судеб, общность воспоминаний, прочувствованное, а затем и осознаваемое единство воли к совместной жизни. Факт общего прошлого, воля к общему будущему. Наследственная привычка, связывающая и расстояния, и сроки. Нация включает в себя соотечественников, как по пространству, так и по времени (*Raumgenossen und Zeitgenossen*. — А. Мюллер). Выпукло формулируют ценностное суждение о нации следующие слова русского мыслителя К. Леонтьева: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации — очень смешанной крови... Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами»

Наличность в патриотическом чувстве поэтического, даже зачастую религиозного элемента, приводила неоднократно к своеобразной «персонификации», образному олицетворению наций: «Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса; нация имеет онтологическое ядро» (Бердяев, «Философия неравенства», глава «О нации»). Этот «социологический реализм» вряд ли может быть обоснован в плоскости позитивно научного рассмотрения вопроса. Последнее, как это часто указывали

государствоведы, уполномочивает на признание нации великой организацией, но не организмом и не субстанцией. Нация — система социальных связей, пронизанная определенной целесоустремленностью, направленная к известному результату. Национальная апперцепция выступает как явление коллективной психики. Что же касается сознания высшего смысла национального бытия, то это удел философии истории и философии культуры, а не социологии и государственоведения. Изложенная концепция нации, господствующая в современной науке государственного права¹, приводит к утверждению неизбежной динамичности нации. Нации зреют и становятся. Народ может быть нацией в большей или меньшей степени. «Чем длительнее и тяжелее борьба, — пишет Дюги, — чем драгоценнее жертвы, острее страдания, тем крепче и неразрывнее национальное единство». В самом деле, нетрудно признать, что русский народ в эпоху, скажем, Иоанна III был менее наци-

¹ Hertz, впрочем, насчитывает три преобладающие в современной литературе определения понятия нации: 1) нация есть образующий государство народ, т. е. совокупность граждан, составляющих данное государство, 2) нация есть общение, определяемое объективными признаками, как-то: языком, расой, культурой, характером, и 3) нация покоится исключительно на субъективном признаке — воле к взаимному общению. Эти три подхода к определению нации создают три различных ее понятия, обозначаемые автором как а) *Staatsnation*, б) *Sprach oder Kulturnation* и в) *Willens- oder Gefühlsnation* (см. «*Nation und Nationalität*», Karlsruhe, 1927, стр. 23 и сл.). Несколько иную классификацию [нация]: 1) культурная, 2) государственная, в смысле создавшего государство и господствующего в нем народа, и 3) политическая], см. у Sieger, I *Zlschr. d. Ges. F. Erdkunde*, Berlin, 1917. Популярный очерк роли нации и национальной идеи в новейшей истории см. у J. Holland Rose. «*Nationality in modern history*». New-York, 1926.

ей, чем в году Минина и Пожарского или Отечественной войны. Равным образом культурно-гетерогенные народы (американцы, швейцарцы) заслуживают название нации в большей или меньшей степени — в зависимости от меры единства и общности, их внутренне и внешне связующих.

Весьма распространено мнение, что нации — явления современной эпохи. Исторически принцип «самоопределения народов» связывается с победами демократической идеи. «Теория национальных самоопределений, — пишет проф. Лавернье, — есть не что иное, как теория всеобщего избирательного права, примененная к международным отношениям»¹. Нельзя скрыть, что это революционно-просветительное понимание проблемы нации наталкивается на серьезные трудности. «Коллективная воля к совместной жизни» исторически вовсе необязательно проявлялась через формально демократические только учреждения. Мы ее встречаем в самые различные времена и в рамках разнообразных форм государственного устройства. В эпоху Людовика XIV французский народ проявлял ее менее интенсивно, чем после Революции. Английское национальное сознание кристаллизовалось в жесткую эпоху Тюдоров. Было бы бессмысленно утверждать, что воля национального самоопределения у

¹ Prof. Lavergne. «Le principe des nationalitets des les guerres», Paris, 1921, стр. 12. Ср. также П. Н. Милюков, «Национальный вопрос», 1925, стр. 79 и сл.; также Дюги, цит. соч., стр. 17 и сл. Характерной фразой обмолвился Милюков: «Национальность по существу демократична: она есть процесс, совершающийся в массах» (стр. 24). Но разве всякий процесс, совершающийся в массах, демократичен? Очевидно, что тут термину «демократия» придается чрезвычайно распространительное толкование. Демократией именуется то, что в настоящее время некоторые предлагают называть «демотия».

итальянцев пресеклась после фашистского переворота, уничтожившего формальную демократию. Япония до самого недавнего времени не знала всеобщего избирательного права и, пожалуй, поныне еще достаточно чужда «великим принципам 1789 года» — и вместе с тем легко ли указать нацию, более сплоченную, более проникнутую самосознанием? Народ может чувствовать и любить свою государственность многообразно — пути его чувств и сознания не заказаны. Не заказаны также и «органы» его чувства, его сознания.

Нельзя, правда, отрицать, что демократия послужила могущественным фактором национальных движений в XIX и XX веках. Возбуждая непосредственную самостоятельность масс и в то же время сам будучи ее продуктом, расцвет демократической идеи совпадает по времени с моментом напряженных манифестаций «принципа самоопределения народов». Но отсюда еще не следует, что вне демократии не может быть и не было нации.

В настоящее время нельзя трактовать вопросы о народе и нации, игнорируя социальный состав государственной и национальной среды. Нация состоит не из отдельных, изолированных индивидов, а из групп, из объединений людей: из семей, общин, сословий, классов, партий. Еще Гумплович осмеивал попытки механического истолкования понятия народа как совокупности лиц: это все равно как если бы на вопрос: «Из какого материала выстроено данное здание?» вы получили бы ответ: «Из атомов».

Марксистские социологи подвергают тщательному исследованию экономические предпосылки национального явления. Согласно учению исторического материализма, хозяйственные отношения господствуют над людьми и это именно они, хозяйственные отношения, создают, трансформируют и разрушают те или другие формы человеческих объединений. Территориальные, языковые и по-

литические факторы играют подчиненную, служебную роль; они действуют лишь постольку, поскольку служат орудиями развития производительных сил. Некоторые авторы при этом доказывают, что исторической эпохой, положившей начало современным нациям, следует считать эпоху промышленной революции и возникновения промышленного капитализма¹.

Так или иначе, общность исторической судьбы обуславливает формирование в соответствующей людской среде некоей своеобразной общей природы, переходящей из поколения в поколение, некоего обособленного национального характера. Теории нации хорошо знакомо это понятие. Национальный характер есть плод национальной истории, которая в свою очередь есть результат многообразных и разнохарактерных факторов.

¹ Ср. Сафаров, «Национальный вопрос и пролетариат», Петроград, 1922, стр. 24 и сл. Автор дает следующее стилистически неуклюжее определение понятия нации: «Нация есть такое объединение людей, живущих на одной территории и [обычно] говорящих на одном языке, которое создается развитием капиталистического способа производства и обмена и выражается в общности их экономического, политического и культурного развития» (стр. 32). По существу этого определения можно отметить, что едва ли правильно видеть в капиталистическом способе производства и обмена единственное в истории основание общности экономического, политического и культурного развития людей. Определение Сталина значительно ближе к общепринятому в государственной науке: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры» (статья «Марксизм и национальный вопрос», 1913). Недостаток этого определения в том, что приведенный в нем список признаков нации не является исчерпывающим; вместе с тем не всегда каждый из указанных признаков представляется необходимым.

Очень сложный вопрос о конкретном содержании того или другого национального характера. Еще сложнее — философско-историческая проблема «миссии» той или другой нации. Покуда нация живет, рано судить о ее «идее». Национальная история — непрерывное творчество, усилие, делание. Национальная культура — Пантеон, где уживаются вместе разные ценности, и не навязать односторонней рефлексией национальной идее застывшего содержания. Живущая нация — не только данность, но также задание и становление, резервуар существенно новых возможностей, новых культурных содержаний и состязаний, новой борьбы. Она — богатство, а не ревнивая скудость. Она — единое во многом: не бесформенная расплывчатость, но и не монотонный унисон. И внутренний смысл ее единства в его конкретной ценности познается лишь тогда, когда она исторически исчерпана. Германия дала миру Шиллера и Бисмарка, Фауста и Карла Маркса. На улицах и площадях Парижа уживаются вместе Нотр-Дам с Коммуной, жертвы Революции с могилой императора, Неизвестный солдат с Людовиком Святым и Дантоном, Жанна д'Арк с Вольтером. Национальные характеры эластичны не менее, нежели национальные тела. Нации преобразуются логикой развития собственных творческих сил и силой внешних воздействий. В нашу эпоху, как известно, чрезвычайно популярен принцип самоопределения народов: «Каждая нация — государство, вся нация — одно государство». Под знаком этого принципа заключались мирные договоры после Мировой войны. Однако на деле до его осуществления, по-видимому, еще очень далеко: в одной Европе около 40 миллионов человек ныне живут под «чужой» властью. Нельзя не констатировать, что в ходе истории национальному принципу суждено было столкнуться с явлением империализма, внутренне с ним связанным и в то же время для него нередко убийственным. Империализм в текущей полити-

ческой практике есть живое и беспощадное отрицание национального принципа. И в то же время идеологически и исторически он покоится на фундаменте национализма; империалистскую политику вдохновляет национальная идеология.

XIX век был веком оживленных национальных движений в мире белого человечества. Создавались великие нации, крепились великие государства. Подчиняясь разуму своего бытия и диалектике национальной идеи, побуждаемые силою экономической необходимости, эти государства стремились к расширению, но, расширяясь и захватывая колониальные территории, они попутно подчиняли себе чужие национальности, пробуждая и одновременно оскорбляя их «национализм», их волю к свободной, самостоятельной жизни: источник величайших противоречий нынешней мировой политики.

Национализм есть стремление к осуществлению целей своей нации. Империализм есть распространение и организация политического или хозяйственного господства великих держав на чужие страны и народы¹. Для нынешней исторической эпохи прав Шпенглер: «Цель политики — развитие собственного жизненного комплекса за счет другого». Послевоенные трактаты, заключенные под лозунгом свободного самоопределения народов, на деле были триумфом империализма: такова логика современного хозяйства, современной техники, современной культуры. Мировая публицистика наших дней уделяет пристальное внимание судьбам нации и империализма.

¹ Ср. Dr. Schee, «Nationalismus und Imperialismus», Berlin, 1927. Ср. Паркер Томас Мун, «Империализм и мировая политика», Гиз, 1928. Об империализме и его формах (империализм сырья, индустриального экспорта, избыточного финансового капитала, избыточного населения, империализм культуры) имеется уже огромная международная литература.

Каутский пишет об «ультра-империализме», о соединении империалистических держав в единый всемирный трест. Другие оспаривают эту точку зрения: слишком сильна конкуренция между современными державными гигантами. Скорее возможен «интер-империализм», т. е. раздел мира между этими гигантами. Но такой раздел не может быть вполне прочен, не может исключать опасности грандиозных переделов и, следовательно, новых мировых конфликтов. Для мирного сосуществования нескольких мировых империй требуется их прочный, органический сговор. Но такой сговор обозначал бы по существу не что иное, как некое реальное всемирное единение. Вот почему позволительно говорить, что система мировых империй внутренне постулирует организацию соединенных штатов всего мира.

Экономически мир пронизывается всесторонними и глубоко охватывающими связями. Естественно, что и в политике наблюдаются соответствующие рефлексy. Интернационализм — в порядке большой эпохи. Параллельно национальным движениям вершится процесс интернационального объединения. В классовом разрезе этот процесс идет по обоим главным историческим магистралям: 1) национальный капитализм перерастает в мировой и 2) рабочее движение в свою очередь интернационализируется. Ближайшей эпохе мировой истории, очевидно, суждено развиваться через наметившиеся великие противоречия. В социалистической литературе проблема подвергается дальнейшему теоретическому углублению. Как примирить всемирное объединение с развитием национальных движений? Сохранятся ли нации в бесклассовом обществе, в объединенном человечестве? Снимает ли национальные идеи и национальные характеры осуществленный интернационал?

Многие идеологи современного европейского социализма отнюдь не склонны отрицать принцип национальной индивидуальности. Социалистический интернацио-

нал совсем не мыслится ими как отмена или уничтожение нации. Напротив, категорически отмежевываясь от «наивного космополитизма», они предпочитают утверждать, что именно социализм несет собою окончательное торжество и полноценный расцвет национального принципа. Уравнение материального содержания национальных культур совпадает в социалистическом строе с небывалой дифференциацией духовной культуры нации. Отсюда известный лозунг западных социалистов: «Ни измены социализму, ни измены отечеству» (Жорес).

Однако другие теоретики западной социал-демократии отстаивают иное понимание вопроса. Не оспаривая для настоящей эпохи лозунга самоопределения наций, они в то же время считают, что осуществление социалистического строя, ликвидирующего суверенитет отдельных государств, явится фактором не расцвета, а неизбежного стирания, угасания обособленных национальных единиц¹. В этом отношении нельзя не признать достаточно

¹ Особенно резко и прямолинейно первую точку зрения защищает Отто Бауэр. «Вся история народов показывает, — пишет он, — что, вопреки всему процессу объединения человечества, не может быть и речи об исчезновении национального своеобразия... Конституция, дающая каждой нации возможность развивать свою культуру; конституция, не заставляющая нации завоевывать власть и постоянно поддерживать ее в борьбе за влияние на государство; конституция, при которой власть нации не покоится на господстве меньшинства над большинством, — таковы национально-политические требования пролетариата... В борьбе против насильственной политики империализма, увеличивающей его эксплуатацию, умаляющей его политическую мощь, оскорбляющей его классовую мораль, пролетариат возвещает программу свободы и самоопределения всех наций. В эпоху зрелого капитализма, в век картелей, трестов, могучих банков принцип национальности, преданный буржуазией, становится прочным достоянием рабочего класса» («Национальный вопрос и социал-демократия»). На другой

показательной национальную политику правительства СССР. «Самое оригинальное то, что советская власть, самая интернациональная власть, создает и организует новые нации» (Микоян). Сталин на вопрос, сольются ли нации все вместе, отвечает, не колеблясь, что «не только будут сохраняться, но с постепенным развитием, когда все больше и больше угнетенные массы выплывут на арену свободной общественной жизни, возникнут новые нации, которых не было».

В ленинской трактовке национальной проблемы необходимо различать философию осуществленного социализма от анализа исторических путей его осуществления. Говоря о коммунистическом обществе будущего, Ленин уверенно предрекает неизбежное слияние наций. «Целью социализма, — утверждает он, — является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их». Но к этой цели человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций и постепенного создания интернациональной культуры на национальных языках. Вот почему борьба про-

позиции стоит Каутский. Он решительно оспаривает утверждение О. Бауэра о прогрессирующей дифференциации наций. Он не отвергает для нашего времени принцип национальных самоопределений: интернационалист мыслит каждую нацию одинаково ценной... и как возможно было бы существование международной демократии без требования самоопределения национальностей? Но другое дело — историческая перспектива социализма: «Цель социалистического развития — не дифференциация, а ассимиляция национальностей, приобщение масс не к национальной культуре, а к европейской, которая все более становится мировой культурой». (См. сборник «Марксизм и национальный вопрос». Харьков, 1923, статьи Отто Бауэра и К. Каутского.

тив национального порабощения должна составлять один из существенных элементов подлинно пролетарской политики. Никогда Ленин не был сторонником «маленьких наций» самих по себе и постоянно твердил, что при прочих равных условиях необходимо предпочитать централизованные крупные государства «мещанскому идеалу федеративных отношений». Ассимиляцию наций он считал историческим прогрессом, хотя бы эта ассимиляция осуществлялась и капитализмом. «Марксизм, — писал он, — выдвигает на место всякого национализма интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым рабочим союзом». Но вместе с тем он был всегда мастером исторической конкретной постановки вопроса, и когда история сделала его вождем русской революции, он без колебаний облек советское государство в форму федерации и провозгласил принцип полной национальной свободы населяющих Россию народностей. Однако тогда же, в тезисах по национальному вопросу Второго Конгресса Коминтерна, он счел обязательным объявить федерацию «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»¹.

¹ Ленин, собр. соч., том XIX, стр. 45 и сл.; 144, 158; ср. Ваганян, «О национальной культуре», Москва, 1927. Последовательный интернационализм не мешал Ленину любить Россию и русский народ. В этом отношении особенно интересна его статья «О национальной гордости великороссов» (1914). «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, — спрашивает он в этой статье, — чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. девять десятых ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» (стр. 144).

Национальная политика советского правительства отражает на себе всю усложненность его национальной философии. Создавая новые нации (из коих некоторые подчас даже кажутся призрачными, искусственно оживляемыми) и провозглашая их право на государственное отделение, Москва в то же время непрестанно заботится об их идеологической подчиненности общесоветской культуре и неуклонно разоблачает «карликовые шовинизмы», националистическое мещанство, сепаратистские уклоны. Но вместе с тем она не менее настойчиво стремится преодолеть всякое проявление «русского великодержавного шовинизма», отрицающего право народов СССР на культурно-национальную самостоятельность. Требования экономики и политики, русские исторические традиции, логика планового хозяйства, наконец, интересы внешней защиты государства — повелительно диктуют Союзу крепкий и суровый государственный централизм. Но его считают возможным и нужным сочетать с теоретическим признанием и практическим утверждением широкого политического и культурно-национального равноправия входящих в состав СССР народов — таким образом, чтобы Союз советских республик являлся действительно «новой формой сожительства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве» (Резолюция XII съезда РКП).

Что же касается далекого будущего, то, всматриваясь в него, отдельные теоретики коммунизма уже и сейчас прозревают предопределенное уничтожение даже и языкового различия между людьми — «после многих десятилетий, а то и столетий коммунистического режима» (Сафаров). Если политическая мысль упорно бьется над осознанием грядущего исторического периода, когда национальная проблема должна так или иначе найти счастливое разрешение, то окружающая нас мировая политическая действительность густо насыщена конкретными антиномиями национального бытия. Мир все еще остает-

ся ареной тяжкой, но и творческой взаимной борьбы государственных организаций и национальных культур, словно оправдывая старый афоризм Гегеля: «Всемирная история — всемирный суд».

3. ВЛАСТЬ

Необходимым и наиболее характерным элементом государства является власть. Она присуща не только государству, но и другим видам человеческого общения. Это она превращает человеческую толпу в организованный народ, внося порядок в отношения людей. Это она предохраняет род людской от сумбурной анархии, от войны всех против всех. Это в значительной степени благодаря ей поверхность земного шара становится предметом планомерного воздействия человека.

Власть должна быть признана органическим признаком всякой социальной среды. «Как невозможна власть без общества, так общество невозможно без власти», — писал Огюст Конт в своей «Системе позитивной политики». В первой главе нашего курса (см. статью «Понятие государства» в номере «Вестника китайского права») уже дана была характеристика властных отношений в их связи с явлением государства. Не повторяя сказанного, ограничимся некоторыми дополнительными замечаниями.

Много сил было затрачено государствоведами на разработку юридико-догматического понятия государственной власти. По части методологии науки о государстве достигнута относительная ясность. Но построить точное юридическое понятие государственной власти так и не удалось. Не есть ли это результат исконной недостаточности отвлеченного юридического метода? Юридический анализ бессилён охватить существо власти. Он призван дать лишь описания и классификации условного значения,

исходящие из чисто догматического восприятия государственного явления определенного типа и отдельной эпохи. Но государство есть не статика, а динамика. Сводить государственную власть к власти права, как это делает Кельзен, значит не объяснять и не осмысливать природу власти, а просто лишь констатировать, что нормы государственного порядка связывают поведение людей. Сколь тощий плод столь почтенных логических усилий!

Догматическое изучение было направлено на европейское государство нового времени. Нетрудно заметить, что под застывшими формулами юридических определений бился и бьется живой пульс политической борьбы, разносторонней и противоречивой исторической драмы. Но юрист-догматик отведет это замечание формально-методологическим соображением: жизненные предпосылки правовых велений, их каузальное объяснение — не дело нормативных исследований. В чем отличительный признак государственной власти? Теория немало занималась этим вопросом. В целях его разрешения была в свое время выдвинута до сих пор еще держащаяся знаменитая доктрина суверенитета. Необходимо ее воспроизвести в основных чертах.

Всякое общество человеческое, всякая организация, всякий союз имеет свою власть. Семья знает власть родителей над детьми, акционерная компания, научное общество, шахматный кружок — все имеют свои распорядительные органы, свои «комитеты» и «правления». Ими «правят», властвуют: власть везде, где есть правила и порядок. Но ряд особенностей качественно отличает государственную власть от всякой другой. Власть государства — принудительная, господствующая, державная. Она не только повелевает, но и заставляет исполнять свои веления либо карает ослушников. Иеринг называл государство «монополистом принуждения». Свободные общества не имеют собственного принудительного аппарата; да и власть их по существу условна: от нее можно

всегда уйти, покинув общество, — насильно держать в нем не будут. Но от власти государства не уйдешь, не уклонишься, она теперь вездесуща. Даже отречься от отечества не значит порвать с государством.

Эмигранты неизбежно попадают под власть чужого государства, если не хотят бежать куда-нибудь на край земли, в необитаемые дебри. Таким образом, «господство является тем критерием, который отличает государственную власть от всех других властей» (Еллинек).

Но разве родители не имеют права принуждать своих детей? Разве не принудительна также власть, скажем, самоуправляющихся общин, религиозных организаций, автономных академических коллегий? Ведь они облагают людей налогами, требуют исполнения разных повинностей и проч. В чем же их отличие от власти государства?

Отличие очевидно. Все эти организации, поскольку они обладают правом принуждать, черпают свое право свыше — от государства. Они господствуют с разрешения государства и в пределах, государством указанных. Власть родителей устанавливается, регулируется и ограничивается государством; злоупотребление ею государством карается. Выполнение договоров хозяев с рабочими обеспечивается государством, и лишь постольку эти договоры обладают реальным значением. Частные товарищества и союзы, чтобы получить действительную дисциплинарную власть над своими членами, прибегают к гарантиям государства, утверждающего их уставы. Городские самоуправления, коммунальные органы, религиозные общины, применяя принуждение, пользуются не своей властью, а государственной; их власть производна, обусловлена, они властны до тех пор, поскольку их допускает и поддерживает государство. Государство же держится на себе самом, не подчинено никому. Неизменно в него упирается длинная иерархическая лестница подчиненных друг другу властей. Именно оно является формальным условием возможности всей властной иерархии.

С этой точки зрения «государство есть правовая организация народа, обладающая во всей полноте своей собственной, самостоятельной и первичной, т. е. ни от кого не заимствованной властью» (Кистяковский). Кельзен формулирует этот комплекс мыслей наиболее соответствующим юридическому нормативизму образом, утверждая, что «своеобразие правопорядка заключается в том, что он регулирует свое собственное рождение, т. е. содержит в себе нормы, относящиеся к установлению норм»¹.

Лишь новая история выработала это понятие государственного суверенитета. Оно зарождалось в средние века, в упорной, длительной борьбе королевской власти с враждебными ей историческими силами: церковью, Священной Римской империей и феодализмом.

«Суверенитет, — пишет Еллинек, — по своему историческому происхождению есть представление полемическое, лишь впоследствии превратившееся в правовое. Не мыслители, чуждые жизни, открыли его в своих ученых кабинетах — его создали те великие силы, борьба которых составила содержание целых столетий... Суверенитет есть понятие, если можно так выразиться, полемическое, имеющее первоначально оборонительный и лишь впоследствии наступательный характер... Суверенитет есть не абсолютная, а историческая категория».

Первым выдающимся выразителем идеи суверенитета в новой истории считается французский юрист второй половины XVI века Боден. Он говорит о «суверенной», т. е. вонне и внутри независимой власти короля. Король связан лишь велениями естественного и божественного закона. Он свободен даже от собственных своих постановлений.

¹ Цит. соч., стр. 89; ср. Б. А. Кистяковский, цит. соч., статья «Сущность государственной власти», Еллинек, цит. соч., стр. 279—284.

Для Бодена и его современников характерна идея не столько государственного, сколько королевского суверенитета. Однако уже тогда намечалось разграничение прав короля от прав государства (например, в вопросе о государственных землях). Впоследствии Руссо и его последователи провозгласили принцип суверенитета народа. Эссен, для которого государство есть «юридическое олицетворение нации», видит в суверенитете не что иное, как «волю государства — нации». Господствующая немецкая доктрина по этому поводу отмечает, что ошибочно смешивать проблемы верховной власти государства и высшей власти в государстве.

Суверенитет, согласно определениям его теоретиков, есть власть принудительная, господствующая; власть первоначальная, производная; власть верховная, независимая, самостоятельная, сама ставящая себе предел, сама определяющая свою юридическую компетенцию; высшая власть, юридико-догматическое понятие которой не допускает никаких степеней. С этой точки зрения для суверенитета государства безразлично, кто его носители, какими органами он осуществляется: монархом ли, аристократией, парламентом или советом депутатов. Власть государства — одно, а государственный строй — другое. Если первая всегда равна себе, принудительна, верховна, производна и абсолютна, то второй, конкретно воплощая первую, складывается в зависимости от политических условий жизни страны. Органов государства много, суверенитет его «един, неотчуждаем, неделим». Насчет единства суверенитета говорил еще в XV веке Эней Сильвиус: *«Amat enim unitatem suprema potestas»*. Из принципа неделимости суверенитета якобинцы выводили недопустимость разделения власти, а также отрицание федерализма, обвинение в коем стоило жизни жирондистам. С началом неотчуждаемости суверенитета связан известный афоризм Руссо: «Может передаваться власть, но не воля».

Неоднократно подчеркивалось, что из признания государственной власти суверенною отнюдь не вытекает признание ее фактического всемогущества. Она пребывает не в безвоздушном пространстве. Она реально ограничена средой, материальными возможностями, исторической обстановкой, социальными условиями. Ее неограниченность — юридическая: это значит, что ей принадлежит первое и последнее решение вопросов о положительном праве; нет правомерного авторитета, стоящего над ней. Юридически она всемогуща; но фактически она ограничена изнутри и извне. По этому поводу нередко цитируют замечание Лэсли Стефена: «Если бы законодательная власть решила, что следует убивать всех детей с голубыми глазами, — не убивать таких детей было бы противозаконно, но законодатели должны сойти с ума, прежде чем издать такой закон, а подданные быть идиотами, чтобы ему подчиниться».

По Кельзену, суверенитет есть свойство не государства, а безличного правового порядка, как идеальной системы норм, «выражение единства порядка». Социологический вопрос силы и этическая проблема свободы совершенно исключаются этим автором из учения о суверенитете. Для Кельзена суверенитет — логический принцип; таким образом, в корне устраняется, игнорируется вопрос о взаимоотношении правовой и фактической силы — в сущности, центральная тема всей теории суверенитета и... ахиллесова пята всего юридического нормативизма.

Теория издавна расчленяет два элемента в понятии государственного суверенитета: 1) независимость по отношению к другим государствам и 2) верховенство в делах внутригосударственных. «Суверенитет знаменует полную независимость внутри и вовне страны» — гласит формула Оппенгейма. Отсюда говорят о суверенитете внутреннем и внешнем.

Одни авторы считают оба эти элемента неразрывно связанными. Другие их расчленяют. «Когда государство в полной мере является само себе хозяином, оно суверенно по отношению к себе и независимо по отношению к другим» (Лоуренс). Пусть так — отвечают ему; но расчленение все-таки необходимо: государство может потерять внешний суверенитет, сохраняя внутренний (например, при протекторате). Большинство немецких ученых считает понятие суверенности единым и цельным; утрата внешнего суверенитета неизбежно отражается и на внутреннем. Необходимо отметить, что в наше время концепция внешнего суверенитета подвергается особенно настойчивой критике. А тем самым и общее понятие суверенитета вступает в полосу довольно острого кризиса. Усиление международной взаимозависимости государств не может не найти отклика в науке международного, а также и государственного права. «Боденовская» теория государства явилась результатом определенных исторических состояний. Она создавалась в эпоху обособления отдельных государств, у истоков новой истории. Она продержалась, совершенствуясь и видоизменяясь, вплоть до нашего времени. Но в нашу эпоху она вырождается, ее становится все труднее защищать. Если прежде политическая действительность всячески укрепляла понятие государственного суверенитета, если это понятие прагматически «служило» существенным жизненным целям, то теперь уже многим оно начинает казаться излишним, а то и просто вредным. Некоторые даже предают его публичной патетической анафеме. Если «внутренний суверенитет» еще отстаивается в качестве палладиума порядка, то «внешний» все чаще объявляется источником анархии в международных отношениях. Кроме того, его подвергают нападкам теоретического свойства. Суверенитет — безусловное господство; но какая же может быть речь о безусловном господстве в отношениях самостоятельных государств?

Уступая давлению критики, доктрина стремится ныне под внешним суверенитетом разуместь лишь независимость. Но и это не удовлетворяет новаторов. Независимость, заявляют они, вовсе не безусловный принцип международного права, не говоря уже о том, что к ней неприложим термин «суверенитет». Само международное право есть сплошное отрицание «анархии суверенитетов», решительное ограничение независимости государств. «Суверенитет — понятие не только фальшивое и бесполезное, но также опасное и злополучное: оно тормозит деятельность Лиги Наций, обостряет международные отношения, вредит делу мира» (Морелла). «Даже и великие державы, в силу современной системы постоянных союзов, думается нам, уже не пользуются больше всеми свойствами внешнего суверенитета» (Лаверн).

К голосам противников этого понятия присоединил свой авторитетный голос и Дюги. Международные отношения в его глазах являются непреложной границей суверенитета. Или нормы международного права реальны, и тогда эфемерен государственный суверенитет. Или реален последний, но тогда с начала до конца фиктивны нормы международных соглашений.

Контроверза несомненна. Ее чувствовал еще Блюнчли. Но тогда она не выдвигалась с такой обостренностью, как в текущую эпоху. Тогда казалось, что ее можно разрешить без ущерба для той и другой стороны. «Суверенитет, — писал Блюнчли, — не обозначает ни абсолютной независимости, ни абсолютной свободы, так как государства — не абсолютные существа, а лица, права которых ограничены... Международное право одновременно и поддерживает, и ограничивает суверенитет государства, ибо оно стремится поддержать мир и цивилизует войну, регламентируя ее. Ни одно государство не может ссылаться против международного права на свой суверенитет, так как международное право покоится не на произволе государства, а на общих правах и интересах всего челове-

ства». Нельзя не признать, что в этих фразах знаменитого ученого противоречие разрешается более словесно, чем логически. И естественно, что теперь, в силу чрезвычайного усиления интернациональных связей, оно напоминает о себе с небывалой навязчивостью. Некоторые прямо предлагают изъять суверенитет у государства и передать его человечеству. Или, быть может, исторический процесс сохранит его лишь у «государств-миров», у великих империй?

Однако, несмотря на критические атаки, господствующая доктрина и политико-правовая практика все же не отказываются еще от понятия государственного суверенитета и лишь вводят в него известные ограничительные оговорки. Суверенитет — не произвол. Он означает не что иное, как юридическую возможность суверенного государства не признавать никакой высшей над собою власти. Он свидетельствует лишь о том, что мотивы для своего действия суверенное государство не получает от высшей и внешней ему силы, а черпает их юридически независимо из себя самого. Пусть международный порядок фактически тяготеет над каждым государством гораздо активнее, чем раньше. Но Лига Наций, вопреки мнению отдельных ученых (проф. Ларнод), еще далеко не «сверхгосударство», ибо она основана на добровольном согласии суверенных государств совместно разрешать спорные вопросы, предотвращать конфликты, помогать материальному и духовному развитию человечества. Вхождение в Лигу — юридически свободный акт суверенного государства, и, таким образом, все обязательства, связанные с пребыванием в ней, не могут формально уничтожить государственного суверенитета.

Нельзя отказать этим соображениям в известной формально-юридической обоснованности. Реальная связанность государства юридически не мешает его «принципиальной» свободе. «Суверенное государство является единственным хозяином своих действий, но оно не

свободно предпринимать любые возможные действия» (Фошиль).

Юридическое понятие суверенитета еще можно защищать, пока соединенные штаты мира не стали правовой реальностью, покуда у государства формально сохраняется право уклониться от воздействия международного организованного порядка. Но поскольку для подавляющего большинства «суверенных» государств это право становится все более и более абстрактным, поскольку реально каждое государство все в большей степени зависит от условий международной жизни и все меньше остается государств, которые могут быть в какой-то мере названы «единственными хозяевами своих действий», — категория внешнего суверенитета постепенно начинает утрачивать реальный исторический смысл. А вслед за внешним суверенитетом под угрозой оказывается и внутренний: все труднее становится установить, какие «внутренние» дела государства представляют его исключительную компетенцию. Мало-помалу суверенитет как бы начинает терять своего субъекта. Если сто лет тому назад на салонный вопрос высокопоставленной дамы, в чем, собственно, заключается принцип невмешательства, один видный дипломат ответил: «Это лишь другое название для вмешательства, мадам» — то в настоящее время международных капиталистических трестов, рабочих интернационалов и лиги государств, процесс фактического слияния сферы внутреннего суверенитета совершается ускоренными темпами, что, впрочем, не мешает его юридической конструкции, обосновывающей государственный порядок, еще сохранять свою значимость. Теория не может не учитывать нарастающих жизненных явлений. И уже появляются попытки выработать новые юридические формулы, соответствующие вновь слагающемуся порядку вещей. Так, например, Дюги пытается заменить старую концепцию суверенитета понятием *service public*. Сербский профессор Питамик определяющий признак го-

сударственной власти усматривает уже не в независимости, а в зависимости лишь от международного права. «Государство, — гласит его формула, — есть юридическая организация, действующая в границах определенного пространства, непосредственно подчиненная международному праву и подчиняющая себе все юридические организации на своей территории». Английский автор Ласки, представитель прагматической теории государства, идет еще дальше и полагает, что в данной обстановке идея суверенитета теряет прежнее значение и вообще перестает себя оправдывать. «Суверенитет государства, — по его несколько парадоксальному мнению, — не отличается на деле от власти церкви или тред-юниона; разница в степени, а не в качестве». Аналогичные ссылки разнохарактерного содержания могут быть умножены до крайнего изобилия. В общем, теория вольно или невольно отображает всю сложную, многосмысленную неустойчивость переживаемого ныне человечеством переходного исторического периода¹.

Нельзя, впрочем, не добавить, что трудности, порожденные концепцией суверенитета, далеко не исчерпываются изложенной современной контроверзой. Немало мучил государствоведов вопрос, является ли суверенитет неотъемлемым признаком государства или нет. По мнению одних, является; по мнению других, нет. Первые

¹ Литература о государственном суверенитете громадна. Кроме общих курсов государственного и международного права, укажу: Kelsen, «Das Problem der Souveraenitaet», Leipzig; Hermann Heller, «Die Souveraenitaet», Berlin, 1927; L. Laski, «Studies in the problem of sovereignty», London, 1917; Н.И. Палиенко, «Суверенитет», Ярославль, 1903; Morellet, статья в «Revue du droit public», № 3, 1926; Lavergne, цит. соч., стр. 25; Duguit. «Souveraineté et liberté», лекция 7-я; L. Pitamic, статья в «Revue internationale de la théorie; du droit», тетрадь 9-я, 1926—27, стр. 58.

утверждают, что несuverенных или полусuverенных государств быть не может. Вторые, ссылаясь на явление протектората, а также федеративного государства, убежденно доказывают обратное. В главе о так называемых «сложных государствах» нам еще придется коснуться этой темы. Но уже и сейчас надлежит отметить, что преодоление всех этих путаниц и противоречий не дано на путях юридико-догматического метода. И если нельзя удовлетвориться теорией суверенитета как основоположного признака государственной власти, если явно недостаточны нормативно-юридические схемы государственного порядка, то, очевидно, исследование о природе государственной власти необходимо перенести в иную плоскость. Необходимо ориентировать его на социологию, на историю, наконец, на этику. Только разобравшись в вопросах о происхождении, о социальных корнях государства, с одной стороны, и [о] его цели, его «оправдании» — с другой, можно более или менее полно уяснить проблему государственной власти.

ПЕТР САВИЦКИЙ

ЕВРАЗИЙСТВО

ЕВРАЗИЙСТВО

Евразийцы — это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским, или «евразийским».

Имя их — «географического» происхождения. Дело в том, что в основном массиве земель Старого света, где прежняя география различала два материка — Европу и Азию, — они стали различать третий — срединный материк Евразию, — и от последнего обозначения получили свое имя...

По мнению евразийцев, в чисто географическом смысле понятие «Европы» как совокупности Европы западной и восточной бессодержательно и нелепо. На западе — в смысле географических очертаний — богатейшее развитие побережий, истончение континента в полуострова, острова; на востоке — сплошной материковый массив, имеющий только разьединенные касанья к морским побережьям; орграфически на западе сложнейшее сочетание

гор, холмов, низин; на востоке — огромная равнина, только на окраинах окаймленная горами; климатически — на западе приморский климат с относительно небольшим различием между зимой и летом; на востоке это различие выражено резко: жаркое лето, суровая зима; и т. д., и т. п. Можно сказать по праву: восточноевропейская, «беломорско-кавказская», как называют ее евразийцы, равнина по географической природе гораздо ближе к равнинам западносибирской и туркестанской, лежащим к востоку от нее, нежели к западной Европе. Названные три равнины вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы и так называемый Арало—Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. И если к первым приурочить имя Европы, а ко вторым — имя Азии, то названному только что миру, как срединному и посредствующему, будет приличествовать имя Евразии.

Необходимость различать в основном массиве земель Старого Света не два, как делалось доселе, но три материка не есть какое-либо «открытие» евразийцев; оно вытекает из взглядов, ранее высказывавшихся географами, в особенности русскими (например, проф. В. И. Ламанским в работе 1892 г.). Евразийцы обострили формулировку; и вновь «увиденному» материка нарекли имя, ранее прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель Старого Света, к старым Европе и Азии, в их совокупности.

Россия занимает основное пространство земель Евразии. Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям Европы и Азии также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто конкретное круг

европейских и азиатско-азиатских культур, обозначение Евразии приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики¹. Обозначение это указывает, что в культурное бытие России в соизмеримых между собой долях вошли элементы различнейших культур. Влияния Юга, Востока и Запада, перемежаясь, последовательно главенствовали в мире русской культуры. Юг в этих процессах явлен по преимуществу в образе византийской культуры; ее влияние на Россию было длительным и

¹ От имени «Азия» как в русском, так и в некоторых романо-германских языках произведено два прилагательных: «азиатский» и «азиатский». Первое, в историческом его значении, относится по преимуществу к той обнимавшей западную часть нынешней Малой Азии римской провинции, а затем диоцезу, от которых получил впоследствии свое имя основной материк Старого света. В первоначальном, более узком смысле термины «Асия», «асийский», «асийцы» употреблены, например, в Деяниях Апостолов (главы 19—20). Прилагательное «азиатский» имеет касательство ко всему матерiku. Корневой основой слов «Евразия», «евразийский», «евразийцы» служит первое, более древнее обозначение: однако не потому, что «азиатство» в этом случае возводится исключительно к римским провинции и диоцезу; наоборот, евразийцы обращаются в данном случае к гораздо более широкому историческому и географическому миру. Но слово «азиатский» в силу ряда недоразумений приобрело в устах европейцев огульно-одиозный оттенок. Снять эту свидетельствующую только о невежестве печать одиозности можно путем обращения к более древнему имени, что и осуществлено в обозначении «евразийства». «Азиатским» в этом обозначении именуется культурный круг не только Малой, но и «большой» Азии. В частности же, ту культуру, которая обитала в «Асии» времен апостольских и последующих веков (культуру эллинистическую и византийскую), евразийцы оценивают высоко и в некоторых отраслях именно в ней ищут прообразы для современного духовного и культурного творчества. Об этом см. ниже.

основоположным; как на эпоху особой напряженности этого влияния можно указать на период примерно с X по XIII век. Восток в данном случае выступает главным образом в качестве одной из характерно «азиатских» («азиатских», в указанном выше смысле) черт. Пример монголо-татарской государственности (Чингисхана и его преемников), сумевшей овладеть и управиться на определенный исторический срок огромной частью Старого света, несомненно сыграл большую и положительную роль в создании великой государственности русской. Широко влиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было в особенности сильно с XIII по XV век. С конца этого последнего столетия пошло на убыль влияние европейской культуры; и достигло максимума начиная с XVIII века... В категориях не всегда достаточно тонкого, однако же указывающего на реальную сущность подразделения культур Старого света на «европейские» и «азиатско-азиатские» культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству. И потому, с точки зрения указанного подразделения культур, квалификация русской культуры как «евразийской» более выражает сущность явления, чем какая-либо иная... Из культур прошлого подлинно евразийскими были две из числа величайших и многостороннейших известных нам культур, а именно культура эллинистическая, сочетавшая в себе элементы эллинского Запада и древнего Востока, и продолжавшая ее культура византийская, в смысле широкого восточносредиземноморского культурного мира поздней античности и средневековья (области процветания обеих лежат точно к югу от основного исторического ядра русских областей). В высокой мере примечательна историческая связь, сопрягающая культуру русскую с культурой византийской. Третья великая «евразийская» культура вышла в определенной мере из исторического преемства двух предшествующих.

Евразийская, в географически пространственных данных своего существования, русская культурная среда получила основы и как бы крепящий скелет исторической культуры от другой «евразийской» культуры. Происшедшим же вслед за тем последовательным напластованием на русской почве культурных слоев азиатско-азиатского (влияния Востока) и европейского (влияние Запада) евразийское качество русской культуры было усилено и утверждено.

Определяя русскую культуру как евразийскую, евразийцы выступают как осознатели русского культурного своеобразия. В этом отношении они имеют еще больше предшественников, чем в своих чисто географических определениях. Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, включая Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов). Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и исторического мышления. Ближайшим образом эта традиция восходит к 30—40-м годам XIX века, когда начали свою деятельность славянофилы¹. В более широком смысле к

¹ С точки зрения причастности к основным историософским концепциям евразийство, конечно, лежит в общей со славянофилами сфере. Однако проблема взаимоотношения обоих течений не может быть сведена к простому преемству. Перспективы, раскрывающиеся перед евразийством, обусловлены, с одной стороны, размерами совершившейся катастрофы, а с другой — появлением и проявлением совершенно новых культурно-исторических и социальных факторов, которые естественно не участвовали в построениях славянофильского мирозерцания. Кроме того, многое, что считалось славянофилами основоположным и непререкаемым, за истекшие десятилетия частью изжило себя или же показало свою существенную несостоятельность. Славянофильство в каком-то смысле было течением провинциальным и «домашним». Ныне, в связи с раскрывающимися перед Россией реальными возможностями стать

этой же традиции должен быть причислен ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV и началу XVI века. Когда падение Царьграда (1453 г.) обострило в русских сознание их роли как защитников православия и продолжателей византийского культурного преемства, в России родились идеи, которые в некотором смысле могут почитаться предшественницами славянофильских и евразийских. Такие «пролагатели путей» евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним, как Хомяков, Леонтьев и др., подавляют нынешних евразийцев масштабами исторических своих фигур. Но это не устраняет обстоятельства, что у них и евразийцев в ряде вопросов мысли те же и что формулировка этих мыслей у евразийцев в некоторых отношениях точнее, чем была у их великих предшественников». Поскольку славянофилы упирали на славянство как на то начало, которым определяется культурно-историческое своеобразие России, они явно брались защищать труднозащитимые позиции.

Между отдельными славянскими народами безусловное есть культурно-историческая и более всего языковая связь. Но как начало культурного своеобразия понятие славянства во всяком случае, в том его эмпирическом содержании, которое успело сложиться к настоящему времени, — дает немного. Творческое выявление культурного лица болгар и сербо-хорватословенцев принадлежит будущему. Поляки и чехи в культурном смысле относятся к западному «европейскому» миру, составляя одну из культурных областей последнего. Историческое своеобразие

средоточием новой европейско-азиатской (евразийской) культуры величайшего исторического значения, — замысел и осуществление целостного творчески-охранительного мирозерцания (каковым и считает себя евразийство) должны найти для себя соответственные и небывалые образы, и масштабы.

России явно не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к «славянскому миру». Чувствуя это, славянофилы мысленно обращались к Византии. Но, подчеркивая значение связей России с Византией, славянофильство не давало и не могло дать формулы, которая сколь-либо полно и соразмерно выразила бы характер русской культурно-исторической традиции и запечатлела «одноприродность» последней с культурным преемством византийским. Евразийство же в определенной степени то и другое выражает. Формула евразийства учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию славянства; она указывает — как на источник такого своеобра- зия — на сочетание в русской культуре европейских и азиатско-азиатских элементов. Поскольку формула эта констатирует присутствие в русской культуре этих последних, она устанавливает связь русской культуры с широким и творческим в своей исторической роли миром культур азиатско-азиатских; и эту связь выставляет как одну из сильных сторон русской культуры; и сопоставляет Россию с Византией, которая в том же смысле и так же обладала евразийской культурой¹.

¹ Последнее определение может претендовать на значительную историческую точность. Сущность византийской культуры определяется сочетанием многообразнейших элементов. Токи религиозных, художественных и других импульсов, шедших с Востока, из Палестины, Сирии, Армении, Персии, Малой Азии, а также из некоторых частей Африки, сопрягались здесь с восприятием западной государственной и правовой традиции (бытие и развитие в Византии римского права). Также соприкосновение со степными культурами, столь определительное для образа русской культуры, не прошло в свое время бесследно для Византии. И многое в византийских модах и нравах восходит к заимствованию у степных «варваров», последовательными волнами набегавших на границы империи.

Таково в самом кратком определении место «евразийцев» как осознателей культурно-исторического своеобразия России. Но таким осознанием не ограничивается содержание их учения. Это осознание они обосновывают некоторой общей концепцией культуры и делают из этой концепции конкретные выводы для истолкования происходящего. Сначала мы изложим указанную концепцию, затем перейдем к выводам, касающимся современности. И в одной, и в другой области евразийцы чувствуют себя продолжателями идеологического дела названных выше русских мыслителей (славянофилов и примыкающих к ним). Независимо от воззрений, высказанных в Германии (Шпенглер), и приблизительно одновременно с появлением этих последних, евразийцами был выставлен тезис отрицания «абсолютности» новейшей «европейской» (то есть, по обычной терминологии, западноевропейской) культуры, ее качества быть «завершением» всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира (до самого последнего времени утверждение именно такой «абсолютности» и такого качества европейской культуры крепко держалось, отчасти же держится и сейчас; в мозгу евразийцев это же утверждение слепо принималось на веру высшими кругами общества «европеизованных» народов, и в частности большинством русской интеллигенции).

Этому утверждению евразийцы противопоставили признание относительности многих, и в особенности идеологических и нравственных, достижений и установок европейского сознания. Евразийцы отметили, что европеец сплошь и рядом называет «диким» и «отсталым» не то, что по каким-либо объективным признакам может быть признано стоящим ниже его собственных достижений, но то, что просто не похоже на собственную его, европейца, манеру видеть и действовать. Если можно объективно показать превосходство новейшей науки и техники, в некоторых ее отраслях, над всеми этого рода достижениями,

существовавшими на протяжении обозримой мировой истории, — то в вопросах идеологии и нравственности такое доказательство существенно невозможно. В свете внутреннего нравственного чувства и свободы философского убеждения, являющихся, согласно евразийской концепции, единственными критериями оценки в области идеологической и нравственной, многое новейшее западноевропейское может показаться и оказывается не только не выше, но наоборот — нижестоящим в сравнении с соответствующими достижениями определенных «древних» или «диких» и «отсталых» народов¹ Евразийская концепция знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отказ, протекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных научных и философских предпосылок. Одна из последних есть отрицание универсалистского восприятия культуры, которое господствует в новейших европейских понятиях. Именно это универсалистское восприятие побуждает европейцев огульно квалифицировать одни народы как «культурные», а другие как «некультурные». Следует признать, что в культурной эволюции мира мы встречаемся с «культурными средами», или «культурами», одни из которых достигали большего, другие меньшего. Но точно определить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при помощи расчлененного по отраслям рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться и сплошь и рядом оказывается высоко стоящей в отраслях других. Нет никакого

¹ Это же положение приложимо к области искусства, в особенности к некоторым отраслям изобразительного искусства (художественное зодчество, вааяние, живопись), где недостаточность новейших европейских осуществлений по сравнению с достигнутым более древними эпохами и другими народами особенно явственна.

сомнения, что древние жители острова Пасхи в Великом океане «отставали» от современных англичан по весьма многим отраслям эмпирического знания и техники; это не помешало им в своей скульптуре проявить такую меру оригинальности и творчества, которая недоступна ваянию современной Англии.

Московская Русь XVI—XVII вв. «отставала» от Западной Европы во множестве отраслей; это не воспрепятствовало созданию ею «самоначальной» эпохи художественного строительства, выработке своеобразных и примечательных типов «башенных» и «узорчатых» церквей, заставляющих признать, что в отношении художественного строительства Московская Русь того времени стояла «выше» большинства западноевропейских стран. И то же относительно отдельных эпох в существовании одной и той же культурной среды. Московская Русь XVI—XVII веков породила, как сказано, «самоначальную» эпоху храмового строительства; но ее достижения в иконописи знаменовали явный упадок по сравнению с новгородскими и суздальскими достижениями XIV—XV веков. Мы приводили примеры из области изобразительного искусства как наиболее наглядные. Но если бы так же в области познания внешней природы мы стали различать отрасли, скажем, «теоретического знания» и «живого видения», то оказалось бы, что «культурная среда» современной Европы, обнаружившая успехи по части «теоретического знания», означает в сравнении с многими другими культурами упадок по части «живого видения»; «дикарь», или темный мужик, тоньше и точнее воспринимает целый ряд явлений природы, чем ученейший современный естествовед. Примеры можно было бы умножать до бесконечности; скажем более: вся совокупность фактов культуры является одним сплошным примером того, что только рассматривая культуру расчлененно по отраслям, мы можем приблизиться к сколь-либо полному познанию ее эволюции и характера. Такое рассмотрение

имеет дело с тремя основными понятиями: культурной среды, эпохи ее существования и отрасли культуры. Всякое рассмотрение приурочивается к определенной культурной среде и определенной эпохе. Как мы проводим границы одной и другой, зависит от точки зрения и цели исследования. От них же зависит характер и степень подробности деления «культуры» на «отрасли». Важно подчеркнуть принципиальную необходимость деления, устраняющего некритическое рассмотрение культуры как недифференцированной совокупности... Дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных». И что разнообразнейшие народы, которых европейцы именуют дикарями, в своих навыках, обычаях и знаниях обладают культурой, по некоторым отраслям и с некоторых точек зрения стоящей высоко...

II

Евразийцы примыкают к тем мыслителям, которые отрицают существование универсального прогресса. Это определяется, между прочим, вышеизложенной концепцией культуры. Если линия эволюции разно пролегает в разных отраслях, то не может быть и нет общего восходящего движения, нет постепенного неуклонного общего совершенствования; та или иная культурная среда и ряд их, совершенствуясь в одном (с одной точки зрения), нередко упадет в другом и с другой точки зрения. Это положение приложимо, в частности, к европейской культурной среде: свое научное и техническое «совершенство» она купила, с точки зрения евразийцев, идеологическим и более всего религиозным оскудением. Двусторонность ее достижений явственно выражена в ее отношении к хозяйству. В течение долгих веков истории Старого света существовало некоторое единое соотношение между началом

идеологически-нравственно-религиозным, с одной стороны, и началом экономическим — с другой; точнее: существовало некоторое идеологическое подчинение второго начала первому; именно проникнутость религиозно-нравственным моментом всего подхода к экономическим вопросам позволяет некоторым историкам экономических учений (например, старому, середины XIX в., немецко-венгерскому историку Каутцу, работы которого доньше не утратили некоторого значения) объединять в одну группу — в их отношении к экономическим проблемам — столь разные памятники, как некоторые литературные фрагменты Китая, иранское законодательство «Вендидада», Моисеево законодательство, произведения Платона, Ксенофонта, Аристотеля, средневековых западных богословов. Экономическая философия всех этих памятников есть в известном смысле философия «подчиненной экономики»; в них всех подчеркивается, как нечто необходимое и должное, связь удовлетворения наших экономических потребностей с общими началами нравственности и религии. Экономическая философия европейских «новых веков» противоположна этим воззрениям. Не всегда прямыми словами, но чаще основами мировоззрения новая европейская экономическая философия утверждает круг экономических явлений как нечто самодовлеющее и самоценное, заключающее и исчерпывающее в себе цели человеческого существования. Было бы знаком духовной слепоты отрицать огромность тех чисто познавательных достижений, успехов в понимании и видении экономических явлений, которые осуществила и накопила новая политическая экономия. Но, выступая в качестве эмпирической науки и действительно в определенной и большей степени являясь таковой, новая политическая экономия в целом ряде своих положений влияла на умы и эпохи как метафизика... Подобно тому как экономические идеи древних законодателей, философов и богословов связаны с определенными метафизическими представлениями, свя-

заны с ними и экономические идеи новейших экономистов. Но если метафизика первых была философией «подчиненной экономики», метафизика вторых является философией «воинствующего экономизма». Этот последний есть в некотором смысле идеологическая цена, которую заплатила новая Европа за количественно огромный экономический подъем, который она пережила в новые века, и в особенности за последнее столетие. Есть нечто поучительное в картине — как на исходе средних и в течение новых веков древняя мудрость нравственного завета, иконная, сдерживавшая себялюбивые инстинкты человека словом увещаний и обличения, философия «подчиненной экономики» рушится под напором новых идей нового времени самонадеянно утверждающей себя теории и практики «воинствующего экономизма».

Исторический материализм есть наиболее законченное и резкое выражение последнего. Отнюдь не случайно наблюдающаяся в эмпирически-идеологической действительности связь философии «подчиненной экономики», с одной стороны, и «воинствующего экономизма» — с другой, с определенным отношением к вопросам религии. Если философия «подчиненной экономики» всегда являлась и является придатком к тому или иному теистическому мировоззрению, то исторический материализм идеологически связан с атеизмом.

Ныне атеистическая сущность, скрывавшаяся в историческом материализме, сбросила с себя, как волк в сказке, прикрывавшую ее до поры до времени, для отвода глаз овечью шкуру эмпирической науки: атеистическое мировоззрение свершает в России свое историческое торжество; государственная власть в руках атеистов и стала орудием атеистической проповеди. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса об исторической ответственности за происшедшее в России и ни с кого не желая снимать этой ответственности, евразийцы в то же время понимают, что сущность, которая Россией в силу восприимчивости и

возбужденности ее духовного бытия была воспринята и последовательно проведена в жизнь, в своем истоке, духовном происхождении не есть сущность русская. Коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода европеизации. Признать, что духовная сущность государственно-господствующего в России коммунизма есть особым образом отраженная идеологическая сущность европейских «новых веков», — это значит сделать констатацию, эмпирически обоснованную в высокой мере (здесь нужно учесть: происхождение российского атеизма от идей европейского просвещения; занос социалистических идей в Россию с Запада; связь русской коммунистической «методологии» с идеями французских синдикалистов; значение и «культ» Маркса в коммунистической России). Но, увидев идеологическую сущность европейских «новых веков» в подобном доведенном до логического завершения виде, русские, не принявшие коммунизма и в то же время не утратившие способности мыслить последовательно, не могут вернуться к основам новейшей европейской идеологии.

Из опыта коммунистической революции вытекает для сознания евразийцев некоторая истина, одновременно старая и новая: здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозное общежитие, безрелигиозная государственность должны быть отвергнуты; это отвержение ничего не предрешает относительно конкретных конституционно-правовых форм; в качестве такой формы в представлении евразийцев может существовать безвредно в известных условиях, например, и «отделение церкви от государства». Но в существе опять-таки высоко знаменательно, что первое, быть может, в мировой истории правление последовательно атеистической и превратившей атеизм в официальное исповедание коммунистической власти оказалось «организованной мукой», по пророческому слову глубочайшего русского философа

второй половины XIX века Леонтьева, системой потрясения и разрушения «общего блага» (во имя которого якобы водворялась коммунистическая власть) и такого надругательства над человеческой личностью, что бледнеют все образы и бессильны все слова — в изображении страшной, небывалой, кощунственно-зверской реальности. И повторяем: то обстоятельство, что владычество первой последовательно атеистической власти оказалось владычеством звероподобных, — отнюдь не случайно. Исторический материализм и дополняющий его атеизм снимают узду и лишают сдержки первоначально животные (и в том числе первоначально экономические, сводящиеся к грабительским) человеческие инстинкты. Основной определяющей силой социального бытия в условиях идейного господства материализма и атеизма оказывается ненависть и приносит плоды, ее достойные: мучение всем; а рано или поздно не может не принести и последнего плода — мучения мучителям.

Россия осуществила торжество исторического материализма и атеизма; но те закономерности, которые проявились в ходе ее революции, касаются далеко не ее одной. Культ первоначально экономического интереса и всяческой животной первоначальности обильным всходам пророс в сознании народов так же и вне пределов России; так же и вне пределов ее он не может являться основой длительного и благополучного общежития. Разрушительные силы, накапливающиеся в этих условиях, рано или поздно одолеют и здесь силу социального созидания. Проблему нужно ставить во всей ее глубине и ширине. Напору материалистических и атеистических воззрений нужно противопоставить идейную сущность, преисполненную драгоценного полновесного содержания. Здесь не может быть колебаний. С еще неслыханной прямоотой и непреклонной решимостью — на широчайшем фронте и везде необходимо начать и вести борьбу со всем, что хотя бы в малейшей степени связано с материализмом и атеизмом.

Зло нужно проследить до корней; нужно в буквальном смысле искоренять его. Было бы поверхностной и бессильной попыткой бороться только с наиболее резкими проявлениями исторического материализма и атеизма и с одним коммунизмом. Проблема ставится существеннее и глубже. Нужно объявить войну «воинствующему экономизму», в чем бы и где бы он ни проявлялся. Во имя религиозного мировоззрения нужно собирать силы; с горячим чувством, ясной мыслью и полнотой понимания бороться против специфического духа новой Европы.

Поскольку эта последняя дошла до того исторического и идеологического предела, на котором находится ныне, с большим вероятно можно утверждать, что в какой-то срок будущего произойдет одно из двух: или культурная среда новой Европы погибнет и рассеется как дым в мучительно трагических потрясениях, или та «критическая», по терминологии сен-симонистов, эпоха, которая началась в Западной Европе с исходом средних веков, должна прийти к концу и смениться эпохой «органической», «эпохой веры». Нельзя сверх известной меры попирает безнаказанно древнюю мудрость, ибо в ней правда; не на основе возведения в высший принцип первоначально себялюбивых человеческих инстинктов, преподанного в философии «воинствующего экономизма», — но на основе просветленного религиозным чувством обуздания и сдерживания этих инстинктов достижима высшая осуществимая на земле мера «общего блага». Общество, которое поддастся исключительной заботе о земных благах, рано или поздно лишится и их — таков страшный урок, просвечивающий из опыта русской революции.

Евразийцы пытаются до конца и всецело уяснить и осознать этот опыт; вывести из него все уроки, которые из него вытекают; и быть в этом деле бесстрашными, в отличие от тех, кто в смятении и робости отшатнулся от звериного образа коммунизма, но не может отказаться от того, что составляет основу или корень коммунизма; кто, взяв-

шись за плуг, глядит вспяť; кто новое вино пытается влить в меха старые; кто, увидев новую истину отвратности коммунизма, не в силах отречься от старой мерзости «воинствующего экономизма»¹, в какие бы формы ни облекался последний.

Личной веры недостаточно. Верующая личность должна быть соборна. Евразийцы — православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит; к Ней, к Ее Дарам и Ее Благодати зовут они своих соотечественников; и не смущает их страшная смута, по наущению атеистов и богоборцев поднявшаяся в недрах Православной Церкви Российской. Верят они, что хватит духовных сил и что борение ведет к просветлению.

Православная Церковь есть осуществление высшей свободы; ее начало — согласие; в противоположность началу власти, господствующему в отделившейся от нее Римской Церкви. И кажется евразийцам: в суровых делах мирских не обойтись без суровой власти; но в делах духовно-церковных — только благодатная свобода и согласие суть благие руководители. Европа же в некоторых своих частях в делах мирских разрушает действенность власти и в делах церковных вводит тираническую власть. Церковь Православная долгие века светила только тем народам, которые остались ей верны; светила истинами своего вероучения и подвигами своих подвижников. Ныне, быть может, наступают иные сроки: современная Церковь Православная, продолжая преемство древней Церкви Восточной, получила от нее, как основное начало своего бытия, полную непредвзятость в подходе к формам экономического быта (столь противоположную приемам Западной Церкви, долгие века борющейся, например,

¹ «Воинствующий экономизм» как инстинктивно-стихийное начало человеческого бытия существовал и существует, конечно, везде и повсюду. Существенно, что в новой Европе этот принцип возведен в идеологическое начало.

против взимания заемного процента¹) и к достижениям человеческой мысли. И потому, быть может, именно Церковь Православная в наибольшей мере призвана, в рамках новой религиозной эпохи, осенить своим покровом достижения новейшей хозяйственной техники и науки, очистив их от идеологических «надстроек» «воинствующего экономизма», материализма и атеизма; как в свое время, в эпоху Константина, Феодосиев, Юстиниана, древняя Церковь Восточная умела осенять, в рамках подлинной и вдохновенной «эпохи веры», весьма сложный и развитый экономический быт и значительную свободу богословски-философствующего мышления. В современной хозяйственной технике и эмпирической науке, каково бы ни было их развитие, нет ничего, что исключало бы возможность их существования и процветания в недрах новой «эпохи веры». Сочетание современной техники и науки с идеологией «воинствующего экономизма» и атеизма вовсе не обязательно и не неизбежно.

С религиозной точки зрения хозяйственная техника, каковы бы ни были пределы ее возможностей, есть средство к осуществлению Завета, вложенного Творцом в создание человеческого рода: «И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею...» Эмпирическая же наука, с религиозной точки зрения, есть раскрытие картины Божьего мира, по мере успехов знания все более совершенное и полное и все ясней обнаруживающее Премудрость Творца...

¹ Церковь Восточная, отклоняя на Никейском соборе 325 года предположение об издании запрета заемного процента, тем самым признала властное вмешательство в экономическую жизнь не приличествующим Церкви. На этом положении Церковь Восточная стояла во все последующие века, стоит и ныне. Практика Западной Церкви была иной. В ней запрет взимания заемного процента держался тысячелетие, и еще, например, Тюрго в XVIII в. был принужден считаться с ним как с жизненной реальностью.

III

Евразийство есть не только система историософских или иных теоретических учений. Оно стремится сочетать мысль с действием и в своем пределе приводит к утверждению наряду с системой теоретических воззрений определенной методологии действия. Основная проблема, которая в этом отношении стоит перед евразийством, есть проблема сочетания религиозного отношения к жизни и миру с величайшей, эмпирически обоснованной практичностью. Постановка этой проблемы обоснована всем характером евразийства. Евразийцы суть одновременно отстаиватели религиозного начала и последовательные эмпирики. Из фактов рождается их идеология; своей характеристикой российского мира как евразийского они как бы прилегают всем телом к каждой пяди родной земли, к каждому отрезку истории этого мира. Но недостаточно понимать факты — ими необходимо управлять в пластическом процессе истории. Поскольку люди, ощущающие мир религиозно, подходят к этой задаче, перед ними во всей своей обнаженно-наглядной и в то же время мистически потрясающей реальности встает проблема зла. Евразийцы в предельной степени ощущают реальность зла в мире — в себе, в других, в частной и социальной жизни. Они менее всего утописты. И в сознании греховной поврежденности и проистекающего отсюда эмпирического несовершенства человеческой природы они ни в коем случае не согласны строить свои расчеты на посылке «доброты» человеческой природы. И раз это так, задача действия «в миру» встает как задача трагическая — ибо «мир во зле лежит». Трагизм этой задачи неизбытен; и единственно, к чему стремятся евразийцы, — это в ладе своих мыслей и действий быть на высоте этого трагизма. И твердое философское убеждение, и, мы сказали бы, сама природа русского исторического и национального характера, в

котором соучаствуют евразийцы, исключают возможность сентиментального отношения к этой задаче. Сознание греховности мира не только не исключает, но требует смелости в эмпирических решениях. Никакая цель не оправдывает средства. И грех всегда остается грехом.

Но действуя «в миру», нельзя его утрашить. И бывают случаи, когда нужно брать на себя его бремя, ибо бездейственная «святость» была бы еще большим грехом.

В практической области для евразийцев снята сама проблема «правых» и «левых» политических и социальных решений. Это подразделение неотразимо значимо для тех, кто даже в своих конечных целях держится единственно за ограниченные реальности человеческого существования, кто весь с головой ушел в понятия и факты политического и хозяйственного прикладничества. Кто так относится к этим вопросам, для того и нет иных ценностей, кроме конкретных политических и социальных решений, «левых» или «правых» по принадлежности; и за каждое такое решение каждый такой человек должен стоять неуклонно и «с остервенением» — ибо вне таких решений для него нет никаких ценностей и от него самого, как величины духовной, ничего не остается. И если раз принятое политическое и экономическое направление окажется не отвечающим требованиям жизни и непрактичным, то последовательный человек все-таки будет за него держаться, ибо это направление — уже он сам. Не таково отношение к практическим решениям евразийца. Для него существенен религиозный упор, который обретается вне сферы политической и экономической эмпирики. Поскольку решения этой последней сферы допускают религиозную оценку, хорошим может быть в отдельных случаях и «правое», и «левое» решение, так же, как и плохим может быть и то, и другое. Большое же число прикладнических решений безразлично с точки зрения религиозной. Понимая всю важность политического и хозяйственного прикладничества и в то же время не в нем

полагая верховные ценности, евразийцы могут отнести ко всей религиозно-безразличной сфере прикладничества с непредубежденностью и свободой, недоступной для людей иного мировоззрения. В практических решениях требования жизни — вне всякой предубежденности — являются для евразийца руководящим началом. И потому в одних решениях евразиец может быть радикальнее самых радикальных, будучи в других консервативнее самых консервативных. Евразийцу органически присуще историческое восприятие; и неотъемлемой частью его мировоззрения является чувство продолжения исторической традиции. Но это чувство не перерождается в шаблон. Никакой шаблон не связывает евразийца; и одно лишь существо дела, при полном понимании исторической природы явлений, просвечивает ему из глубины каждой проблемы.

Нынешняя русская действительность, более чем какая-либо другая, требует такого отношения «по существу». Отношение евразийцев к духовному началу революции выражено в предыдущем. Но в своем материально-эмпирическом облике, в созданном ею соотношении политической силы отдельных групп, в новом имущественном распределении она должна в значительной своей части рассматриваться как неустранимый «геологический» факт. Признать это вынуждает чувство реальности и элементарное государственное чутье. Из всех действенных групп «нереволюционного» духа евразийцы, быть может, дальше всех могут пойти по пути радикального и объемлющего признания факта. Факты политического влияния и имущественного распределения, которых в данном случае касается дело, не имеют для евразийцев первостепенного самоначального значения, являясь для них ценностями вторичными. Это облегчает для евразийцев задачу признания факта. Но факт во многих случаях исходит из мерзости и преступления. В этом тяжесть проблемы. Но раз мерзости и преступлению дано было, по

воле Божьей, превратиться в объективный исторический факт — нужно считать, что признание этого факта не противоречит воле Божьей.

Какая-то мера прямого фактопоклонства лежит в эмпирических необходимостях эпох, которым предстоит найти выход из революции. В плане религиозном эту необходимость фактопоклонства можно приравнять к искушению, через которое надлежит пройти, не соблазнившись: воздать кесарево кесарю (то есть учесть все эмпирические политико-хозяйственные требования эпохи), не отдав и не повредив Божьего. С точки зрения евразийцев задача заключается в том, чтобы мерзость и преступление искупить и преобразить созданием новой религиозной эпохи, которая греховное, темное и страшное переплывала бы в источающее свет. А это возможно не в порядке диалектического раскрытия истории, которая механически, «по-марксистски» превращала бы все «злое» в «доброе», а в процессе внутреннего накопления нравственной силы, для которой даже и необходимость фактопоклонства не была бы одолевающим соблазном.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСТВА

Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «Срединным государством» («Чжун-го», по-китайски). И чем дальше будет идти время — тем более будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия на этом материке занимает основное его пространство, его торс. При этом общая площадь европейских государств, вместе взятых, близка к 5 млн кв. км. Площадь России, в пределах хотя бы современного СССР, существенно превосходит 20 млн кв. км (в особенности если причислить к ней пространство Монгольской и Тувинской народных республик — бывших «Внешней Монголии» и «Ряньхойского края», фактически находящихся в настоящий момент на положении частей Советского Союза).

За редким исключением русские люди конца XIX — начала XX в. забывали о зауральских пространствах (один из тех, кто помнил о них, был гениальный русский химик Д. И. Менделеев). Ныне наступили иные времена. Весь «Уральско-Кузнецкий комбинат», с его донами, угольными шахтами, новыми городами на сотню-другую тысяч населения каждый — строится за Уралом. Там же воздвигают «Турксиб». Нигде экспансия русской культуры не идет так широко и так стихийно, как в другой

части Зауралья — в так называемых «среднеазиатских республиках» (Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия). Оживает весь торс русских земель — «от стрелок Негорелого до станции Сучан». Евразийцы имеют свою долю заслуги в этом повороте событий. Но с тем вместе совершенно явственно вскрывается природа русского мира как центрального мира Старого материка. Были моменты, когда казалось, что между западной его периферией — Европой, к которой причислялось и Русское Доуралье («Европейская Россия» старых географов), — и Азией (Китаем, Индией, Ираном) лежит пустота. Евразийская установка русской современности заполняет эту пустоту биением живой жизни. Уже с конца XIX в. прямой путь из Европы в Китай и Японию лежит через Россию (Великая Сибирская железная дорога). География указывает с полной несомненностью, что не иначе должны пролегать дороги из Европы (во всяком случае, северной) в Персию, Индию и Индокитай. Эти возможности к настоящему времени еще не реализованы. Трансперсидская железная дорога, прорезывающая Персию в направлении с северо-запада на юго-восток и связанная с железнодорожной сетью как Британской Индии, так и Европы (через Закавказье, Крым и Украину), была близка к осуществлению накануне мировой войны. В настоящее время, в силу политических обстоятельств, она отошла в область беспочвенных проектов. Нет связи между железными дорогами русского Туркестана («среднеазиатских республик») и Индии. Нет ориентации русской железнодорожной сети на транзитное европейско-индийское движение. Но рано или поздно такое движение станет фактом — будь то в форме ж.-д. путей, автолюбительских линий или воздушных сообщений. Для этих последних кратчайшие расстояния, даваемые Россией, имеют особенно большое значение. Чем больший вес будут приобретать воздушные сообщения со свойственным этому роду сношений стремлением летать

по прямой — тем ясней будет становиться роль России-Евразии как «срединного мира». Установление транспортных линий может еще больше усилить эту роль. На дальнем севере Россия на огромном пространстве является соседом Америки. С открытием путей через полюс или, вернее, над полюсом она станет соединительным звеном между Азией и Северной Америкой.

В последующих статьях говорится о стремлении евразийцев дать духовный синтез восточных и западных начал. Здесь важно указать на те соответствия, которые являет этому стремлению область геополитики. Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр и все остальные его части — вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в «рассыпанную храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем. Связывающая и объединяющая роль «срединного мира» сказывалась и в истории. В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур. И, скажем, взаимодействия между Ираном и Китаем никогда в истории не были столь тесными, как в эпоху монгольского владычества (XII—XIV вв.). А за тринадцать — четырнадцать веков перед тем исключительно и только в кочевом евразийском мире пересекались лучи эллинской и китайской культур, как то показали новейшие раскопки в Монголии. Силой неустрашимых фактов русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое

призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом. Это обстоятельство еще недостаточно осознано в наше время, но выраженные в нем соотношения лежат в природе вещей. Задачи объединения суть в первую очередь задачи культурного творчества. В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила. Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу — особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта — западный и юго-восточный. Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет, может и должно быть русским, по преимуществу, полем зрения.

Возвращаемся, однако, к явлениям чисто географического порядка. По сравнению с русским «торсом» Европа и Азия одинаково представляют собой окраину Старого Света. Причем Европой, с русско-евразийской точки зрения, является, по сказанному, все, что лежит к западу от русской границы, а Азией — все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа — таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет «Европейской» и «Азиатской» России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Енисея, и т. д. Евразийцы продолжают: Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго-восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих берегов, так и разнообразием форм рельефа. Этого от-

нюдь нельзя сказать об основном его «торсе», составляющем, по сказанному, Россию-Евразию.

Он состоит в первую очередь из трех равнин (беломорско-кавказской, западносибирской и туркестанской), а затем из областей, лежащих к востоку от них (в том числе из невысоких горных стран к востоку от р. Енисей). Зональное сложение западных и южных окраин материка отмечено «мозаически дробными» и весьма не простыми очертаниями. Лесные, в естественном состоянии, местности сменяются здесь в причудливой последовательности, с одной стороны, степными и пустынными областями, с другой — тундровыми районами (на высоких горах). Этой «мозаике» противостоит на срединных равнинах Старого Света сравнительно простое, «флагоподобное» расположение зон. Этим последним обозначением мы указываем на то обстоятельство, что при нанесении на карту оно напоминает очертания подразделенного на горизонтальные полосы флага. В направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра. Каждая из этих зон образует сплошную широтную полосу. Общее широтное членение русского мира подчеркивается еще и преимущественно широтным простираем горных хребтов, окаймляющих названные равнины с юга: Крымский хребет, Кавказский, Копетдаг, Парапамиз, Гиндукуш, основные хребты Тянь-Шаня, хребты на северной окраине Тибета, Ин-Шань, в области Великой китайской стены. Последние из названных нами хребтов, располагаясь в той же линии, что и предыдущие, окаймляют с юга возвышенную равнину, занятую пустыней Гоби. Она связывается с туркестанской равниной через посредство Джунгарских ворот.

В зональном строении материка Старого Света можно заметить черты своеобразной восточно-западной симметрии, сказывающейся в том, что характер явлений на восточной его окраине аналогичен такому же на западной окраине и отличается от характера явлений в срединной

части материка. И восточная, и западная окраины материка (и Дальний Восток, и Европа) — в широтах между 35 и 60° северной широты в естественном состоянии являются областями лесными. Здесь бореальные леса непосредственно соприкасаются и постепенно переходят в леса южных флор. Ничего подобного мы не наблюдаем в срединном мире. В нем леса южных флор имеются только в областях его горного окаймления (Крым, Кавказ, Туркестан). И они нигде не соприкасаются с лесами северных флор или бореальными, будучи отделены от них сплошной степно-пустынной полосой. Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывной линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова (*Eurasia sensu stricto*). Ее нужно отличать от старой «Евразии» А. фон Гумбольдта, охватывающей весь Старый материк (*Eurasia sensu latiore*).

Западная граница Евразии проходит по черноморско-балтийской перемычке, т. е. в области, где материк сужается (между Балтийским и Черным морями). По этой перемычке, в общем направлении с северо-запада на юго-восток, проходит ряд показательных ботанико-географических границ, например, восточная граница тиса, бука и плюща. Каждая из них, начинаясь на берегах Балтийского моря, выходит затем к берегам моря Черного. К западу от названных границ, т. е. там, где произрастают еще упомянутые породы, простираение лесной зоны на всем протяжении с севера на юг имеет непрерывный характер. К востоку от них начинается членение на лесную зону на севере и степную на юге. Этот рубеж и можно считать западной границей Евразии, т. е. ее граница с Азией на Дальнем Востоке проходит в долготах выклинивания сплошной степной полосы при ее приближении к Тихому океану, т. е. в долготах Хингана.

Евразийский мир есть мир «периодической и в то же время симметрической системы зон». Границы основных евразийских зон со значительной точностью приурочены к пролеганию определенных климатических рубежей. Так, например, южная граница тундры отвечает линии, соединяющей пункты со средней годовой относительной влажностью в 1 час дня около 79,5%. (Относительная влажность в час дня имеет особенно большое значение для жизни растительности и почв.) Южная граница лесной зоны пролегает по линии, соединяющей пункты с такой же относительной влажностью в 67,5%. Южной границе степи (на ее соприкосновении с пустыней) отвечает одинаковая относительная влажность в 1 час дня в 55,5%. В пустыне она повсюду ниже этой величины. Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам (см. нашу книгу «Географические особенности России», часть I, Прага, 1927). Это и дает основание говорить о «периодической системе зон России-Евразии». Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы говорили в предыдущем, но в смысле симметрий юго-северных. Безлесью севера (тундра) здесь отвечает безлесье юга (степь). Содержание кальция и процент гумуса в почвах от срединных частей черноземной зоны симметрично уменьшаются к северу и к югу. Симметричное распределение явлений замечается и по признаку окраски почв. Наибольшей интенсивности она достигает в тех же срединных частях горизонтальной зоны. И к северу, и к югу она ослабевает (переходя через коричневые оттенки к белесым). По пескам и каменистым субстратам — от границы между лесной и степной зонами симметрично расходятся: степные острова к северу и «островные» леса к югу. Эти явления русская наука определяет как «экстразональные». Степные участки в лесной зоне можно характеризовать как явление «югоносное»,

островные леса в степи суть явления «североносные». Югоносным формациям лесной зоны отвечают североносные формации степи.

Нигде в другом месте Старого Света постепенность переходов в пределах зональной системы, ее «периодичность» и в то же время «симметричность» не выражены столь ярко, как на равнинах России-Евразии.

Русский мир обладает предельно прозрачной географической структурой. В этой структуре Урал вовсе не играет той определяющей и разделяющей роли, которую ему приписывала (и продолжает приписывать) географическая «вампуга». Урал, «благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, не только не разъединяет, а, наоборот, теснейшим образом связывает "Доуральскую и Зауральскую Россию", лишняя раз доказывая, что географически обе они в совокупности составляют один нераздельный континент Евразии». Тундра, как горизонтальная зона, залегает и к западу, и к востоку от Урала. Лес простирается и по одну и по другую его сторону. Не иначе обстоит дело относительно степи и пустыни (эта последняя окаймляет и с востока, и с запада южное продолжение Урала — Мугоджары). На рубеже Урала мы не наблюдаем существенного изменения географической обстановки. Гораздо существеннее географический предел «междуморий», т. е. пространств между Черным и Балтийским морями, с одной стороны, Балтийским морем и побережьем северной Норвегии — с другой.

Своеобразная, предельно четкая и в то же время прозрачная географическая структура России-Евразии связывается с рядом важнейших геополитических обстоятельств.

Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода «сепаратизмов» — будь то политических, культурных или экономических. «Мозаически дробное» строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных мирков. Здесь

есть материальные предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве. Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера «флагоподобного» расположения зон не содействует ничему подобному. Бесконечные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций. В пределах степей, передвигаясь по суше, в пределах лесов — по воде многочисленных здесь рек и озер, человек находился тут в постоянной миграции, непрерывно меняя свое место обитания. Этнические и культурные элементы пребывали в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемешивании. В Европе и Азии временами бывало возможно жить только интересами своей колокольни. В Евразии, если это и удастся, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок. На севере Евразии имеются сотни тысяч кв. км лесов, среди которых нет ни одного гектара пашни. Как прожить обитателям этих пространств без соприкосновения с более южными областями? На юге на не меньших просторах растут степи, пригодные для скотоводства, а отчасти и для земледелия, при том, однако, что на пространстве многих тысяч кв. км здесь нет ни одного дерева. Как прожить населению этих областей без хозяйственного взаимодействия с севером? Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии. Недаром именно в рамках евразийских степей и пустынь существовал такой «унифицированный» во многих отношениях уклад, как быт кочевников — на всем пространстве его бытования: от Венгрии до Маньчжурии и на всем протяжении истории — от скифов до современных монголов. Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки, как скифская, гуннская,

монгольская (XIII—XIV вв.) и др. Эти попытки охватывали не только степь и пустыню, но и лежащую к северу от них лесную зону и более южную область «горного окаймления» Евразии. Недаром над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это «братство народов» выражается в том, что здесь нет противоположения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу». История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле. В XIX и начале XX в. они бывали по временам замутнены нарочитым «западничеством», которое требовало от русских, чтобы они ощущали себя «европейцами» (каковыми на самом деле они не были) и трактовали другие евразийские народы как «азиатов» и «нижшую расу». Такая трактовка не приводила Россию ни к чему, кроме бедствий (например, русская дальневосточная авантюра начала XX в.). Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании и что последние русского «европеизма», еще укрывающиеся в эмиграции, лишены всякого исторического значения. Только преодолением нарочитого «западничества» открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих.

Евразия и раньше играла объединительную роль в Старом Свете. Современная Россия, воспринимая эту традицию, должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой и преодоленной эпохе, — методов насилия и войны. В современный период речь идет о путях культурного

творчества, о вдохновении, озарении, сотрудничестве. Обо всем этом и говорят евразийцы. Несмотря на все современные средства связи, народы Европы и Азии все еще в значительной мере сидят каждый в своей клетушке, живут интересами колокольни. Евразийское «месторазвитие», по основным свойствам своим, приучает к общему делу. Назначение евразийских народов — своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира. И тогда могут оказаться полезными для вселенского дела и те связи этнографического родства, которыми ряд евразийских народов сопряжен с некоторыми внеевразийскими нациями: индоевропейские связи русских, переднеазиатские и иранские отношения евразийских турок, те точки соприкосновения, которые имеются между евразийскими монголами и народами Восточной Азии. Все они могут пойти на пользу в деле строения новой органической культуры, хотя и Старого, но все еще (верим) молодого и чреватого большим будущим Света.

СТЕПЬ И ОСЕДЛОСТЬ

I

Положение России в окружающем ее мире можно рассматривать с разных точек зрения. Можно определять ее место в ряду «отдельных историй» западной половины Старого Света, в которой расположены исторические очаги ее культуры. Можно исходить из восприятия Старого Света, как некоего целостного единства. На этих страницах мы хотим привести некоторые замечания — исторические и хозяйственно-географические, — предполагающие рассмотрение исторических судеб и географической природы Старого Света именно как целостного единства. В порядке такого восприятия устанавливается противоположение «окраинно-приморских» областей Старого Света — восточных (Китай), южных (Индия и Иран) и западных («Средиземье» и Западная Европа), с одной стороны, и «центрального» мира — с другой, мира, заполненного «эластической массой» кочующих степняков, «турок» или «монголов». Противоположение это поясняет механику истории Старого Света в последние тысячелетия, помогает постичь соотношение между врастающим в определенную территорию творчеством «окраин-

Впервые опубликовано: «На путях: Утверждение евразийцев». Москва, Берлин, 1922.

но-приморских» сфер и передаточной в своем значении, усваивающей результат этого творчества и в движении кочевий и завоеваний сообщаящей его другим, столь же территориально «неподвижным» мирам, «степной» культурой. Прежде всего укажем следующее: без «татарщины» не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием. Мы отнюдь не хотим отрицать определенных и больших культурных достижений Древней Руси XI и XII вв.; но историческая оценка этих достижений есть оценка превратная, поскольку не отмечен процесс политического и культурного измельчания, совершенно явственно происходивший в дотатарской Руси от первой половины XI к первой половине XIII в. Это измельчание выразилось в смене хотя бы относительного политического единства первой половины XI в. удельным хаосом последующих годов; оно сказалось в упадке материальных возможностей, например, в сфере художественной. В области архитектуры упадок этот выражается в том, что во всех важнейших центрах эпохи храмами, наиболее крупными по размерам, наиболее богатыми в отделке, неизменно являются ранее построенные: позднейшие киевские бледнеют перед Св. Софией, позднейшие черниговские — перед Св. Спасом, позднейшие новгородские — перед Св. Софией Новгородской, позднейшие владими́ро-суздальские — перед Успенским собором. Странное обратное развитие художественно-материальных возможностей: крупнейшее достижение — в начале; «сморщивание», сужение масштабов в ходе дальнейшей эволюции — поразительный контраст происходившему в тот же период развитию романской и готической архитектуры Запада! Если Св. София Киевская первой половины XI в. по размеру и отделке достойно противостоит современным ей романским храмам Запада — что значат перед парижской Notre Dame, законченной

в 1215 г., ее русские современники вроде церкви Св. Георгия в Юрьеве Польском или Новгородского Спаса Нередицы? Мы не будем касаться эстетических достоинств одних и других храмов; в отношении к размерам материальным Русь начала XIII в. являет картину ничтожества: в сравнении с Западом — различие масштабов, десятикратное, стократное; подлинная «отсталость», возникающая не вследствие, но до татарского ига! Ту беспомощность, с которой Русь предалась татарам, было бы нелогично рассматривать как «роковую случайность»; в бытии дотатарской Руси был элемент неустойчивости, склонность к деградации, которая ни к чему иному, как к чужеземному игу, привести не могла. Это черта, общая целому ряду народов; средневековая и новейшая история отдельных славянских племен построена, как по одному шаблону: некоторый начальный расцвет, а затем, вместо укрепления расцвета, разложение, упадок, «иго». Такова история ослабявшихся болгар, сербов, поляков. Такова же судьба дотатарской Руси. Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татары — «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пала на Русь, как наказание Божье, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы многожды труднее и доля — горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России, но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно организующейся силы, они, несомненно, повлияли на Русь. Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество — становиться могущественной «ордой». Быть

может, не только это, не одну жестокость и жадность, нужно было иметь, чтобы из Внешней Монголии пройти до Киева, Офена, Ангоры и Анкгора. Для того чтобы это сделать, нужно было ощущать по-особому степи, горы, оазисы и леса, чують дерзанье безмерное. Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений — тот же дух, то же ощущение континента. Но монголы, в собственном смысле, не были «колонизаторами», а русские являются ими: доказательство, в ряду многих, что всецело к «монгольству» никак не свести Россию. Да и само татарское иго, способствовавшее государственной организации России, прививавшее или раскрывавшее дремавшие дотоле навыки, было в то же время горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие. Стержень последнего — русское благочестие. И вот благочестие это — такое, как оно есть, и такое, каким оно питало русскую духовную жизнь, — создано именно во времена «татарщины». В дотатарской Руси — отдельные черты, намеки; в Руси «татарской» — полнота мистического углубления и постижения и ее лучшее создание, русская религиозная живопись; весь расцвет последней целиком уместается в рамки «татарского ига»!.. В этом разительном противополжении — своей ролью наказания Божья татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества, — в этом противополжении явлен двойственный лик России. Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии; Россия — часть особого «окраинно-приморского» мира, носительница углубленной культурной традиции. В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия.

II

В эпоху дотатарскую русское население, по-видимому, не уходило глубоко в степь, но занимало значительную часть «лесостепи» — приднепровской, придеснянской и пр. При татарском владычестве русская народность «отсиживалась» в лесах. Важнейшим историческим фактом послетатарской эпохи стало распространение русской народности на степь, политическое и этнографическое освоение степи. К началу XX в. процесс этот завершился заселением черноморских и азовских, а также части каспийских и среднеазиатских «степных» пространств. Сочетая в своем бытии несомненные черты «степного» («азиатского» *rag excellence*¹) уклада со столь же определенным приближением к характеру культур западного «окраинно-приморского» мира, Россия такой, как она есть сейчас, является, в смысле территориальном, комбинацией областей, воспроизводящих географическую природу некоторых западноевропейских районов с простором стран, по характеру существенно «внеевропейских». Лесная и часть лесостепной полосы — земля кривичей, древлян, полян, северян и проч. — есть несколько видоизмененное подобие европейских стран вроде Германии, к востоку от Эльбы, с тем же, в общем, количеством осадков, теми же почвами и некоторой разницей в климате, не вызывающей, однако, различий в произрастании. Наиболее же северная часть русского заселения — губ. Олонецкая и западная половина Архангельской — есть как бы часть Скандинавии, воспроизводящая все основные черты в природе последней, но несколько «обездоленная» в климате. Своеобразие русского отношения к степи заключается в том, что русская этнографическая стихия превращает это, от века отданное кочевому быту пространство, в земледельческую об-

¹ По преимуществу (лат.).

ласть. Оценивая характер этого процесса, нужно с возможной полнотой уяснить себе те хозяйственно-географические условия, в которых находится земледелие колонизированной степи. В Северной Америке, особенно в восточной ее половине, сельские хозяева Европы обретают более или менее точное воспроизведение знакомой им климатическо-почвенной обстановки, и без затруднения они практикуют здесь выработанные в Европе приемы «интенсификации»: посев корнеплодов и кормовых трав¹. Широкую доступность страны именно такому посеву мы возьмем в качестве *principium individuationis*² географической «европейскости» страны (подразумеваем доступность при отсутствии искусственного орошения, ибо существование последнего есть признак особый и не характерный для «Европы»!). Нет никакого сомнения, что с точки зрения доступности посеву корнеплодов и кормовых трав вся лесная и значительная часть лесостепной полосы «доуральской» России определится как «европейская»; найдутся «европейские» районы и в «зауральской» Руси. Но окажется ли «европейской» российская степь? И отвлеченно-климатический и хозяйственно-практический анализ равным образом обнаруживают существенную неблагоприятность степи — не только киргизской и каспийской, но также азовской и черноморской — для возделывания корнеплодов и кормовых трав (чрезмерная сухость). Российская степь, столь благоприятная в иных частях своих для пшеницы, не есть область ни картофеля, ни клевера. Между тем переход от трехполья к иным системам полеводства европейское земледелие построило главным образом на введении в хозяйственный оборот названных двух растений. Иными словами, с точки зрения

¹ Как известно, картофель привезен в Европу из Америки. Но именно в Европе возделывание его развилось до значения важнейшей сельскохозяйственной культуры.

² Принцип индивидуализации (*лат.*).

существующей агрономии российская степь на значительном пространстве определяется как область неизбывного трехполья. Этот вывод имеет не только техническое сельскохозяйственное, но и общекультурное значение. Если насельники Западной, Северо-Западной и Центральной России могут достичь в своем земледельческом быту какой угодно степени сельскохозяйственной «европеизации», на земледельческом укладе Южной, Юго-Восточной и Восточной России и некоторых частей Сибири неустранимо останется печать того, что именуется хозяйственной экстенсивностью. Некоторые же части российской степи никогда, по-видимому, не поддадутся земледельческому заселению и останутся областями кочевого скотоводства и специального коневодства (так называемые области «абсолютного» скотоводства). Опять-таки обстоятельство это имеет не только техническое сельскохозяйственное, но и общекультурное значение. Также Северной Америке и Австралии знакомы полупустыня и сухая степь. Но в Северной Америке и Австралии полупустыня и сухая степь являются подлинно «пустыми» — без значительного исторического прошлого, без устойчивого быта насельников. Степь же, в которую глядит Россия, есть степь историческая; это степь тюрков и монголов, одна из важнейших стихий истории Старого Света; это степь, где в курганах и могильниках кроются клады, которые содержанием своим определяют народы, ими обладавшие, в качестве богатейших народов древности (так называемые сибирские древности, новочеркасский клад и пр.¹). Экстенсивность, которая неизбежно останется присущей земледельческому укладу степи, можно характеризовать не только как таковую; она есть

¹ См. выпуск, посвященный древностям времен переселения народов, в исследовании Н. П. Кондакова о «Русских древностях», СПб., изд. гр. И. Толстого.

некоторое средство к сохранению в земледельческом населении своеобразного «чувства степи». В смысле психологическом и этническом земледельцы «степные» представят собой переход от тех экономических «европейцев», которыми могут стать земледельцы русской лесной и лесостепной полосы и население промышленное, где бы оно ни упражняло свои занятия, к кочевнику — монголу, киргизу, калмыку, — который не исчезнет и не может исчезнуть. Лесной и земледельческий на заре своего существования народ российский за последние века стал также «степным». В этом, повторяем, одно из важнейших обстоятельств новейшей русской истории. Пережив в начальные века развития влияние степных народов как влияние внешнее, ныне народ российский сам как бы охватывает степь. Степное начало, привитое русской стихии как одно из составляющих ее начал со стороны, укрепляется и углубляется в своем значении, становится неотъемлемой ее принадлежностью; и наряду с «народом-земледельцем», «народом-промышленником» сохраняется или создается в пределах русского национального целого «народ-всадник», хотя бы и практикующий трехполье.

III

В трех отдельных сельскохозяйственных задачах сказывается совокупность историко-географической обстановки, определяющей бытие России.

1. В проблеме «европеизации» сельского хозяйства во всех доступных европейским методам улучшенного земледелия областях России; эта основная задача заключается в себе бесконечное количество более мелких; она касается не только земледелия, но обнимает скотоводство и пр. Наряду с основной массой «европейских» русских областей в качестве оазисов «европейских» условий

выступают окраинно-европейские и азиатские предгорья, например, южная (предгорная) Кубань, Терская область, Семиречье и пр.

2. В проблеме приспособления сельскохозяйственно-го уклада степей к своеобразным, нигде в Европе — да и не только в ней — не находящим подобия географическим условиям последних; эта задача определенно и резко распадается на две: преимущественно земледельческую и преимущественно скотоводческую. Первая касается тех частей степи, где земледельческий быт установился или его, возможно, установят; вторая — областей «абсолютного» скотоводства. В применении к областям земледельческим намечается, как проблема главенствующая, при сохранении трехполья усиление его в противоборствовании засухе (более ранняя, многократная пахота и т. д.). Не только доступные земледелию части киргизской, но также значительные пространства черноморской и азовской степи стоят по количеству осадков у предела земледельческой зоны и приближаются по характеру к пустыне. Ровность рельефа, дающая возможность лучшего усвоения осадков, качество почвы, а также запасы влаги, сберегаемые к началу вегетации снежным покровом, — составляют преимущество российских степей по сравнению, например, с американскими. Но чтобы земледелие стало крепким, земледельческий быт должен творчески приспособиться и целиком использовать эти благоприятные, но ограниченные в благоприятности и весьма своеобразные свойства.

3. Четыре сельскохозяйственные зоны сменяют друг друга на территории российского мира: первая — зона «европейского» земледелия (картофель и клевер); вторая — область земледелия степного (неизбывное трехполье, пшеница); третья — зона «абсолютного» скотоводства; последняя переходит в пустыню, где уже невозможно ни произрастание пшеницы, ни прокормление скота. И вот как преодоление пустыни возникает зона искусственного

орошения¹. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам, нынешняя оросительная система Муганской степи, Астрабадской и иных провинций Персии, афганского и китайского, а также отчасти и русского Туркестана есть незначительная часть ранее в историческом прошлом существовавшей системы. Предпосылки в естественных условиях, т. е. наличие пригодных к использованию водных ресурсов, остались, исчезла человеческая воля. Если русскому народу окажется непосильным восстановить и расширить оросительную систему перечисленных выше земель, весьма маловероятно, чтобы проблема эта оказалась посильной и, главное, достаточно интересной для какого-либо иного народа современности. Россией же производимые в пределах «русского мира», а не оплачиваемые данью на сторону хлопок, южные фрукты, рис могут дать исключительное развитие названных стран, ибо только на линии последних Россия соприкасается с субтропической зоной; между тем при существовании океанического хозяйства каждая страна, расположенная в отношении моря благоприятней, чем расположена Россия, «соприкасается» со всякой субтропической, расположенной у моря страной. Распространением колонизации на степь Россия приобщается к степному миру; в задачах экономического воскрешения «древней»

¹ Может ставиться вопрос о распространении искусственного орошения также в степной земледельческой полосе, в частности в низовьях Волги и Днепра. Сколь ни важно и плодотворно для будущего такое распространение, возможную значительность его не нужно преувеличивать. По условиям рельефа и дебита вод речь может идти об орошении (главным образом, в Северной Таврии, в Самарской и Астраханской губ.) никак не более миллиона десятин (нынешняя ирригационная площадь русского Туркестана около 2 млн десятин). Орошенное пространство явилось бы в экономическом отношении величиной чрезвычайно ценной, но все-таки небольшой в сопоставлении с десятками миллионов десятин степной пашни.

Азии она прикасается к миру восточных культур. Так раскрывается в хозяйственных категориях образ России как территориального «центра» Старого Света, как сопряжение экономических «Европы» и «Азии», как «Евразии» не только в общеисторическом и общекультурном, но хозяйственно-географическом смысле. Держава Российская, в ее современных пределах, есть в обозримой потенции не просто частица Старого Света, но некоторое уменьшенное воспроизведение его совокупности. Если представить вовлечение в русскую сферу Монголии и Восточного Туркестана, хозяйство российское охватит собой совокупность исторического «степного» мира, всю «центральную» область старого материка. И с этим миром сопрягутся в пределах России определенные области «окраинно-приморской» западноевропейской, а также «иранской» сферы. К этой последней, в смысле хозяйственно-географическом, можно причислить также среднеазиатские «Туркестаны», поскольку они являются областями искусственного орошения и не относятся, следовательно, к пространствам, занятым кочующими «турками» и «монголами». Как таковые, как области «врастающей в определенную территорию», «неподвижной», «оседлой» культуры, районы эти представляют собой как бы выдвинутый в глубины материка эмпориум «окраинно-приморских» миров. Сопряжение дополняется примыканием российских земель к сфере «средиземноморской». Ныне примыкание это осуществляется в обладании южным Крымским и Кавказско-Черноморским побережьем. В сочетании «центрального» мира с определенной частью «окраин» Россия-Евразия охватывает собой «ядро», «сердцевину» Старого Света. Вне остаются «окраины», прижатые, выдвинутые в море. Тем самым «окраины» эти обращены преимущественно к соучастию в хозяйстве океаническом. Хозяйство же России-Евразии образует в перспективе развития особый внутриконтинентальный мир. Существует определенная связь между заданиями экономическими и заданиями политическими. Первые могут быть осуществлены только в условиях устойчивого политического строя, под

покровом объемлющей *рах госсика*. В начертании последней пусть не прикрепляется наш взор исключительно и только к *рах готапа*. Как ни ужасно монгольское владычество в его возникновении и расширении, замирением, наиболее объемлющим из числа известных в истории, была *рах монголица*; та эпоха, когда «купцы и францисканские монахи» проходили беспрепятственно из Европы в Китай, когда русские князья XIII—XIV вв. без затруднений (хотя и без удовольствия) путешествовали с поклоном Орде в страны, куда в XIX в. с величайшим трудом проникали Пржевальский, Грумм-Гржимайло, Потанин. Пред лицом жестокой голодной смерти, грозящей ныне миллионам русских людей, пред лицом долга, который накладывает на каждого эта страшная смертная угроза, суждения об экономическом составе и экономической природе России могут показаться видением. Да, этот долг существует, напряженный и явственный. Да, в обстановке происходящего эти суждения — подлинное видение. Но есть видения, в которых высшая реальность, и как раз таким видением почитаем мы хозяйственный образ России. Не заботой хозяйственной и не одной «интенсификацией» спасется (если спасется) Россия. Через духовное просветление и через духовное горение пролегают пророческие пути. Но поднимаясь к Духу, было бы грешно и безумно презирать Богом данную плоть. В напряжении Духа, в преодолении, устранении бедствия родная страна — как женщина, готовая зачать и понести. Прикинув, свято любите родную земную плоть. Изумруд лугов на побережье Волхова! Желто-ярая, вся в колосьях степь! В таинственных далях — горные великаны заповедных глубин материка, поднявшие к небу снежные короны, струящие к подошве водный поток. Водный поток разделите на арыки, и пусть благословением Божиим цветет Божий сад там, где он цвел когда-то и где сейчас его нет! Плугом поднимите степи, дотоле не знавшие плуга. И пусть в неслыханной шири шумят и влекут, колыхаясь, ржаные и пшеничные моря.

САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА «МИРОВОЙ ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ»: ЗАКОНЫ ГЕОПОЛИТИКИ

«— Вы сделали этот ход на ничью?

— Нет.

— Значит, вы сделали ход на выигрыш?

— Мм... Отчасти.

— Быть может, вы сделали ход на проигрыш?!

— Я сделал ход, который отвечает требованиям позиции».

(Из диалога М.Найдорфа и И.Болеславского.)

Д.Бронштейн

«Международный турнир гроссмейстеров»

«Массовое самоопределение людей в некоторой рамке, которую они признают как реальность, актуализует эту реальность».

П.Г.Щедровицкий

Данная статья описывает принципы позиционной игры на «мировой шахматной доске». В известной мере она является продолжением и завершением первой части «Самоучителя», посвященной основным понятиям геополитики¹.

¹ С. Переслегин. «Самоучитель игры на мировой шахматной доске: основные понятия геополитики». В кн.: «Классика геополитики: XIX век», СПб: Terra Fantastica — М.: АСТ, 2002.

1. «ТРАНСПОРТНАЯ ТЕОРЕМА» И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

Традиционно геополитика рассматривается как превращенная форма географии. При таком подходе она являет собой одно из оснований большой стратегии: современное стратегирование принимает геополитические ограничения в качестве «рамочных».

Геополитический подход к национальному или государственному планированию начинается с составления соответствующей локальной «карты». На такой карте необходимо показать местное положение границ и векторов движения этно-культурных плит¹, геополитические потенциалы регионов — демографические, промышленные, финансовые, энергетические², — соответствующие социальные температуры³, господствующие антропопоки, грузовые балансы. Все случаи отклонения государственных границ от геополитических подлежат неукоснительному изучению, как возможные источники международной и/или внутренней напряженности. Аналогичную, то есть дестабилизирующую, роль играют также незамкнутые балансы: дефицит внешней торговли, нехватка энергоносителей и тому подобное⁴.

¹ Этно-культурная плита понимается как единство суперэтнуса, историко-географического ландшафта, породившего суперэтнос, и присоединенного семиотического пространства, порожденного суперэтносом.

² Последнее — только для индустриальных этносов, вступивших в стадию глобализации.

³ Под социальной температурой понимается мера беспорядочности общественных движений. Эта величина определяет количество внутренней энергии (пассионарности), запасенной тем или иным этносом. Формально «нагрев» социосистемы может быть определен по отклонению возрастно-половой пирамиды от теоретической «псевдогауссовой» кривой.

⁴ В.Н.Княгинин. Доклад на организационно-деятельностной игре «Проектирование институтов и технологий стратегического управления республики Армения», 30.10—3.11.2002 г.

Следующим направлением исследования является инфраструктурный анализ: определение транспортных узлов и вычисление сопротивления обобщенной дорожной сети. Ниже будет показано, что такой анализ позволяет предсказывать не только исход отдельных сражений, но и судьбу великих империй.

«ТРАНСПОРТНАЯ ТЕОРЕМА»

«Транспортная теорема» представляет собой геополитическое утверждение, носящее интегральный характер: она позволяет оценивать политическую стабильность государственных образований, используя только открытую информацию и очевидные «общие соображения».

«Транспортная теорема» рассматривает два механизма, ограничивающие развитие государственных организмов: информационный и экономический. Первый значительно более прозрачен.

Пусть v — характерная скорость перемещения информации внутри государства, а t — характерная длительность процессов, подлежащих управлению из центра. Тогда «приведенные к кругу» размеры государства не могут превышать vt . Для доиндустриальных государств v составляет около 100 километров в сутки (для «морских» цивилизаций формальная скорость значительно больше, но огромную роль играет сезонность), а t в зависимости от исторической эпохи — от четырех дней до недели. Таким образом, приведенный радиус древних и средневековых империй составляет 400—700 километров, причем с улучшением вооружения и увеличением маневренности боевых действий (как внешних, так и внутренних) эта величина уменьшается.

Понятно, что в такой форме теорема «работает» только для моноцентрических государств, расположенных на

бесконечной плоскости. Создание иерархической схемы управления — выделение сатрапий, провинций, феодов, номов, — увеличивает теоретические размеры государства, но понижает его эффективность как системы управления, что может привести к запуску второго — экономического — механизма социальной деструкции. Кроме того, региональные иерархические узлы, беря на себя часть проблем государственного Центра, не только ставят под сомнение необходимость существования этого Центра, но и тормозят передачу информации в пределах страны. Последнее означает, что всякая проблема, которая не может быть решена на низовом уровне, создает угрозу национальной катастрофы.

Отклонение реального рельефа от теоретической бесконечной плоскости может быть описано введением специальной метрики, учитывающей высокое транспортное сопротивление «закрытой» местности (в частности, горной).

Простейшая, статическая, форма «транспортной теоремы» позволяет объяснить такие явления, как долгое сохранение «доменной» структуры на Балканском полуострове с его высоким транспортным сопротивлением практически в любом направлении, возрождение «номов» в раннем Средневековье в связи с «запирающим эффектом» замков и монастырей, а также — наличие у каждой империи своей «ахиллесовой пяты», долговременное удержание которой оказывается невозможным.

Экономический механизм «транспортной теоремы» носит значительно более сложный характер. Рассмотрим сложный полицентрический государственный организм (обобщенную империю). Для любого ее региона выгоды от существования единого государства определяются наличием общего товарного рынка; охраной коммуникаций, внешней безопасностью. Издержки включают в себя государственные налоги и поборы (в том числе налог кровью), а

также отсутствие суверенитета, что подразумевает наличие дополнительных личных рисков у местной элиты.

Пусть теперь регион начинает развиваться быстрее, нежели транспортная сеть, соединяющая его с имперским центром. Как следствие, со временем нарастает уровень автаркии, поскольку обмен произведенными продуктами с центром становится все более и более затруднительным — коммуникации империи «захлебываются». На определенном этапе «издержки империи» начинают превышать ее экономическую выгоду, которая, естественно, снижается по мере роста автаркии. Одновременно падает уровень безопасности. Во-первых, развитая провинция становится привлекательной для соседей, в то время как хронически больные склерозом имперские магистрали все хуже и хуже справляются с транспортировкой войск. Во-вторых, обогащение местных элит вызывает опасение и зависть у столичной знати — с понятными последствиями.

Так или иначе, истэблизм региона, озабоченный отсутствием гарантий собственной безопасности и вынужденный все более сосредоточиваться на местных проблемах, постепенно утрачивает общеимперское мышление. Коль скоро это происходит, империя становится метастабильной: отныне любое достаточно сильное потрясение провоцирует ее распад на региональные государственные образования, причем бывшая провинциальная имперская знать становится национальной политической элитой новых государств.

Рано или поздно метастабильная империя распадается — причем не по линиям наибольшего транспортного сопротивления, но по некоторым произвольным кривым, которые соотносят с национальными, языковыми, клановыми, родовыми границами. Противоречие между «правильными» и «реальными» линиями раскола иррационально. Оно и решается иррационально: распад империи всегда провоцирует «релаксационные войны» всех масштабов — от межгосударственных до межмафиозных.

Итак, динамическая форма «транспортной теоремы» утверждает, что сохранение единства полицентрического государственного организма возможно тогда, и только тогда, когда развитие общеимперской инфраструктуры опережает экономическое развитие регионов¹.

Интересным примером применения «транспортной теоремы» был анализ устойчивости Советского Союза, проведенный в 1986 году автором этих строк. Экстраполируя официальные данные по росту ВВП и финансовому эквиваленту грузоперевозок, я получил, что после 1990 г. «инфраструктурный показатель» начнет падать². Из этого пришлось сделать вывод о неминуемом распаде страны в последнем десятилетии XX века. Заметим в этой связи, что если бы «перестройка» не сопровождалась экономической катастрофой (то есть деградацией производства в регионах), последствия могли бы оказаться даже более серьезными — в этом случае прогнозировалось отделение Дальнего Востока с последующим расколом России по линии Урал—Волга.

«Транспортная теорема» может быть применена при анализе «позиционного пата», возникшего в бывшем советском Закавказье. Эта теорема ставит четкие пределы расширению ЕС (Франция абсолютно права, когда она выискивает причины для того, чтобы не принимать Турцию в ряды сообщества). Хотя данные по китайской экономике противоречивы, возникают обоснованные сомнения в том, что даже столь прочная этно-культурная плита, как Поднебесная, выдержит темпы экономического развития, навязанные

¹ В.Н. Княгинин. Доклад на организационно-деятельностной игре «Проектирование институтов и технологий стратегического управления республики Армения», 30.10—3.11.2002 г.

² Формальный анализ графиков указал даже конкретную дату «гибели империи» — август 1991 года, но такое совпадение, конечно, носит чисто случайный характер (погрешность графических построений превышала год).

восточному побережью страны. Наконец, «транспортная теорема» указывает на основную проблему геополитического проекта, известного как «глобализация»¹: инфраструктурную необеспеченность.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ

Назовем геополитической позицией систему взаимодействия региональных экономик вместе со средствами инфраструктурного обеспечения².

Задачей геополитической стратегии является анализ позиции и определение методов ее преобразования в желательную сторону.

Позиции называются эквивалентными, если при переходе между ними структура региональной экономики не меняется. Позиция является выигрышной, если она эквивалентна конечной позиции, в которой реализуется текущая государственная цель (по крайней мере, в масштабе рассматриваемого региона). Позиция оказывается проигрышной, если любое ее преобразование приводит к фатальной «воронке»³. Поскольку геополитика есть игра с

¹ Термином «глобализация» принято обозначать два совершенно разных понятия. Во-первых, это естественный исторический процесс, связанный с исчерпанием на Земле свободного экономического пространства. Во-вторых, это геополитический проект западных (прежде всего американских) элит, направленный на унификацию и интеграцию мировой экономики.

² В статье автора «Основные понятия аналитической стратегии» (в кн. Э. Манштейн «Утерянные победы», СПб: Terra Fantastica — М.: АСТ., 1999) подробно изучается частный случай геополитической позиции — военная позиция.

³ «Воронкой» называется ситуация, в которой каждый шаг развития уменьшает размерность пространства решений.

ненулевой суммой, позиция, выигрышная для одной из сторон, не обязательно является проигрышной для другой.

Позиции, не принадлежащие к классу выигрышных или проигрышных, называются неопределенными. Неопределенная позиция является равной, если для обеих сторон мощности пространства решений, не ухудшающих позицию, совпадают. В противном случае можно говорить о преимуществе одной из сторон.

При оценке позиции исходным фактором является сравнение геополитических потенциалов взаимодействующих регионов. Следует иметь в виду, что, во-первых, мир пока еще остается индустриальным и материальным — тем самым, речь идет о контактном трансграничном взаимодействии — и, во-вторых, что учитывается потенциал региона, а не всей, стоящей за ним государственной системы.

Геополитическое взаимодействие носит характер близкодействия.

Следующим по важности фактором является связность геополитического региона s . Позиция является тем более связной, чем выше отношение стоимостного эквивалента грузовых/информационных/пассажирских потоков внутри региона к стоимостному эквиваленту произведенных товаров/услуг/информации/рабочей силы внутри региона. (Иными словами, связность определяется отношением перемещаемого внутри региона геополитического потенциала к производимому.)

Степень открытости региона w вычисляется через отношение геополитического потенциала, переносимого через границу региона, к внутрирегиональным трансакциям. Разумеется, может быть измерена дифференциальная открытость — вдоль того или иного пространственного вектора

Если в пределе какое-либо решение, отвечающее исходной цели, отсутствует, воронка называется фатальной.

или — по определенной компоненте геополитического потенциала (антропотокам, энергетическим потокам и т.п.)¹.

Конкретный региональный геополитический анализ включает, прежде всего, вычисление внутренней связности региона и его степени открытости. Далее следует изменить масштаб стратегирования, имея в виду построение новой региональной «карты». Понятны требования к этой «карте», изображающей геополитически преобразованный регион:

- степень открытости w стремится к единице;
- открытость анизотропна, она максимальна в направлении на центр государства и минимальна в направлении зарубежных стран;
- связность s максимальна при условии соблюдения предыдущих правил.

Если перейти от регионального к национальному уровню, третье требование сохранит свою форму, а первые два редуцируются: всякое государство стремится к позиции, при которой его геополитическая связность максимальна, а открытость минимальна.

Данная геополитическая теорема служит идеологической основой стратегии борьбы за «естественные экономические границы». На практике указанная стратегия весьма агрессивна: ни этнические, ни государственные границы, как правило, не совпадают с естественными, что порождает понятное желание их исправить².

¹ Можно ввести также *степень автаркии региона* a , как отношение производимого геополитического потенциала к потенциалу, переносимому через границу. Понятно, что по построению $swa=1$.

² Если применение «теоремы о геополитической связности» в международных отношениях не всегда желательно и возможно, то внутренние, региональные, границы государств должны при всех обстоятельствах отвечать ее требованиям.

Вопреки установившемуся мнению, глобализация (неважно, понимаем ли мы этот термин как обозначение проекта или явления) не отменяет «теоремы о геополитической связности». Просто с развитием индустриализма «естественные границы» некоторых держав расширились до пределов земного шара, и этим империям удалось навязать мировому сообществу свою концепцию «ограничения государственных суверенитетов».

Поскольку, несмотря на развитие различных эфирных сетей, мир остается индустриальным и материальным, геополитические связности, подобно топологическим, в значительной мере определяются инфраструктурной насыщенностью территорий. В этой связи можно говорить об узлах геополитической позиции, владение которыми резко меняет связность территории.

Для сугубо сухопутных транзакций общий оборот геополитического потенциала внутри региона может быть представлен в виде суммы оборота узлов. Тогда общая (интегральная) связность региона аддитивна и определяется только конфигурацией узлов.

Некоторые области лишь уменьшают связность территории, заставляя государство прикладывать огромные и (в средне- и долгосрочной перспективе) бесполезные усилия, для того чтобы включить эти области в общий экономический оборот¹. В большинстве случаев выгодно

Рационально выбранное областное деление минимизирует издержки на существование государства. Практически совершенным в этом отношении является устройство Соединенных Штатов Америки. Заметим здесь, что известная теорема Кристаллера, описывающая идеальную иерархию коммуникационных узлов на бесконечной плоскости, является частным случаем «теоремы о геополитической связности».

¹ Иногда говорят, что такие области имеют отрицательную связность. Это выражение имеет простой физический смысл: включение их в общую инфраструктурную сеть повышает суммарное транспортное сопротивление, вызывает

избавляться от таких геополитических «черных дыр». Совершенно не обязательно, однако, делать это, во-первых, быстро и, во-вторых, бесплатно.

В этой связи представляет интерес проблема Калининградской области.

Исторически земли бывшей Восточной Пруссии никогда не принадлежали России¹. Они была присоединена к СССР в 1945 году — по праву завоевания и в качестве компенсации за вероломное нападение гитлеровской Германии. Статус Калининградской области как российской территории был подтвержден Потсдамской конференцией и окончательно урегулирован совещанием в Хельсинки, провозгласившим принцип нерушимости послевоенных границ.

Права России на Восточную Пруссию представляются вполне легитимными, хотя не следует забывать, что распад СССР перечеркнул Потсдамские и Хельсинкские соглашения, что привело в 1990-е годы к реформатированию европейского континента и появлению на его карте нескольких новых независимых государств. В сущности, Германия в любой момент может поставить вопрос о возвращении области — в порядке реституции или на основании того или иного «правильно организованного» референдума.

Эта политическая опасность будет постоянно висеть над Россией.

В рамках региональной геополитики Восточная Пруссия определена как часть Северо-Западного федерального округа. Однако область отделена от остальных земель России территорией прибалтийских государств, настроенных по

задержку грузов в узлах и, следовательно, снижает общие оборот и связность. Можно интерпретировать эту ситуацию, представив, что исходная сеть осталась неизменной, но к ней подсоединились «отрицательные» узлы.

¹ За исключением короткого периода в конце правления Елизаветы Петровны.

отношению к своей бывшей метрополии весьма недружественно. Тяготение Литвы, Латвии и Эстонии к Европейскому Союзу и НАТО резко повышает транспортное сопротивление их магистралей в отношении российских товаров и пассажиров. Понятно, что компромисс здесь возможен, однако, в обмен на «особый статус» российских транзитных перевозок через Прибалтику Запад, несомненно, потребует — и получит — соответствующие уступки в какой-либо другой сфере. При этом сухопутная блокада Восточной Пруссии будет оставаться перманентной угрозой.

Морские коммуникации с эксклавом, к сожалению, тоже не вполне надежны — как по причине сезонного характера судоходства на Балтике, так и в связи с неудобством Калининградского (да и Санкт-Петербургского) морского порта.

Таким образом, Восточная Пруссия не может быть удержана Россией — по крайней мере, в рамках позиционной игры на «мировой шахматной доске». Опыт истории показывает, что любые попытки сохранить за собой географически изолированный эксклав чреваты национальной катастрофой. Примером тому — судьба Германии и Пакистана¹.

Это, разумеется, не значит, что Калининградская область должна быть немедленно ассоциирована с Германией или другими странами ЕС. Ее можно и должно удерживать тактически, за счет тех или иных международных комбинаций, принимая на себя всю экономическую нерентабельность владения этим изолированным «плацдармом».

¹ Связность Аляски относительно США в определенных условиях также может стать отрицательной. Разумеется, пока США остается абсолютным экономическим, политическим и военным лидером на континенте, эта слабость не очень заметна. Тем не менее с геополитической точки зрения Аляска (в большей степени, чем даже Гавайи) представляет собой «ахиллесову пяту» американской империи.

Причины, заставляющие вести столь сложную игру, заключены в геополитическом потенциале региона, пусть и не очень большом, но для России существенном, и прежде всего в его высокой внешней открытости. Восточная Пруссия, представляя собой статическую геополитическую слабость, вместе с тем образует динамический геокультурный ресурс. Иными словами, контроль над этой землей принесет России пользу, и именно в тот момент, когда страна перейдет от тотальной обороны к активному обмену смыслами с окружающим миром и затем к экспансии своих смыслов.

Кроме этих «высоких материй» следует также учитывать простой геополитический фактор: прибалтийские государства, разумеется, блокируют Восточную Пруссию. Но со своей стороны и Восточная Пруссия блокирует прибалтийские государства, нарушая их связи с ЕС.

«НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ...»

На поверхности материка транспортные операции осуществляются только по дорогам, соединяющим транспортные узлы, что позволяет точно считать инфраструктурное сопротивление и рассматривать позицию как конечную сумму узлов. На море практически через любую точку поверхности можно провести коммуникационную линию. При этом средняя скорость движения грузов на море обычно выше, чем на суше¹.

¹ Разумеется, суточный пробег железнодорожного вагона много выше, нежели самого быстроходного коммерческого судна. Но если пассажирские составы действительно следуют со скоростью 60 км/час и выше, то грузовой железнодорожный транспорт «застревает» на всех узловых станциях, в результате чего реальная средняя скорость перемещения грузов редко превышает 20 км/час.

Таким образом, море следует понимать как «континуум узлов» — инфраструктурную сеть с пренебрежимо малым транспортным сопротивлением. В рамках геополитического «ближкодействия» страны, разделенные судоходным морем, должны рассматриваться в качестве региональных соседей.

Соответственно, геополитическая позиция, опирающаяся на морские коммуникации, всегда имеет преимущество над чисто материковой позицией. Это утверждение было обосновано А. Мэхеном в его трудах «О влиянии морской силы на историю» и «О влиянии морской силы на французскую революцию».

«Океаническая стратегия» является слишком привлекательной, чтобы не быть соответственно очень дорогой. Морские позиции тоже имеют свои центры связности, потеря или блокада которых обесценивает всю систему коммуникаций. Создание подобных инфраструктурных узлов и их содержание очень ресурсоемко, да и не в любом месте побережья может быть создан коммерческий порт или военно-морская база.

Кроме портов, «океаническая стратегия» требует флота, причем не только гражданского, который всегда рентабелен, но и сугубо затратного — военного. Практически, затраты на постройку и содержание боевых кораблей и средств их базирования необходимо включать в оценку коммерческой эффективности морской торговли.

Ни Россия, ни Советский Союз никогда не имели экономических и географических предпосылок для перехода к «океанической стратегии». Единственная попытка, предпринятая при Николае II, закончилась национальной катастрофой. Однако определенное давление на мировые торговые пути Россия, с ее традиционно высоким геополитическим потенциалом, оказывала, оказывает и должна оказывать в будущем.

На сегодняшний день страна не может ставить перед собой задачи борьбы за атлантические коммуникации (ни

на коммерческом, ни тем более на военном уровне)¹. Но во всяком случае Россия может и должна контролировать торговлю по Каспию и системе речных транспортных коридоров «Север—Юг».

Второй геополитической задачей страны в области «морской силы» является конкурентная борьба на дальневосточных морских коммуникациях, что подразумевает строительство современных грузовых судов и обновление Тихоокеанского военного флота.

Наконец, Россия должна сосредоточиться на Полярных морях, образующих Северный морской путь.

Понятно, что океан, практически круглый год закрытый льдом, обладает высоким транспортным сопротивлением: движение судов возможно только караванами, следующими под ледокольной проводкой. Но СМП является кратчайшим путем на российский Дальний Восток, что обуславливает его стратегическое значение. Велик и экономический потенциал пути — если иметь в виду перспективы освоения северных месторождений газа, нефти, цветных металлов.

Следует иметь в виду, что средняя температура северного полушария в течение ближайшего столетия будет медленно повышаться, пока не достигнет уровня малого климатического оптимума (+1,2 градуса к современному значению, +2,5 градуса к отметкам температур, характерных для малого ледникового периода XVI—XVII столетий). Соот-

¹ Прежде всего по инфраструктурным причинам. Черное море закрыто зоной проливов, что обесценивает его порты. Еще хуже обстоит дело на мелководной и неудобной для судоходства Балтике: большинство судов предпочитает разгружаться в прекрасно оборудованном Антверпенском мегапорту, те же корабли, которые проходят в Балтийское море, ориентируются на Гданьск и эстонский Таллинн. Развитие Мурманского порта ограничивает крайне низкая его связность с центром страны и плохие климатические условия.

ветственно, ледовая обстановка в Полярных морях будет постепенно улучшаться.

Все, что говорилось о море, справедливо и для «Пятого океана», причем в гипертрофированной форме. Скорость самолета более чем на порядок превосходит скорость поезда или океанского лайнера. Любая точка неба обладает высокой связностью для страны, имеющей достаточный авиационный парк и средства его базирования.

Увы, стоимость современных аэродромных комплексов столь же велика, как и у океанских портов, и точно так же их нельзя разместить в произвольной местности. Авиалайнеры дороги в производстве и эксплуатации: практически, они рентабельны лишь при перевозке жизненно важных товаров. И, разумеется, людей, которые во все эпохи остаются наиболее дорогим и ценным грузом.

Самолеты весьма уязвимы для атак с неба и земли, от террористических актов, погодных условий, наконец, просто несчастных случаев. Это обусловило крайнюю нестабильность рынка авиаперевозок¹.

Тем не менее сегодня «воздушная связность» вносит значительный вклад в обеспечение общей региональной и государственной связности. В первую очередь это касается стран с большой территорией, таких, как США, Канада, Австралия, Россия. Заметим, что Соединенные Штаты, имея превосходную дорожную сеть и огромное количество автотранспорта, широко пользуются среднемагистральными авиалайнерами для переброски людей и дорогих грузов на расстояние порядка 1000 километров.

Для России с ее крайне низкой плотностью дорожной сети (особенно на северо-востоке) гражданская авиация

¹ Несмотря на помощь со стороны государства, крупные американские авиакомпании так и не оправились от удара, который был нанесен им террористическим актом 11 сентября 2001 г. Их убытки за 2001 г. и три квартала 2002 года носят катастрофический характер и исчисляются миллиардами долларов.

представляет собой не столько транспортную систему, сколько инструмент национальной безопасности, и понятно то внимание, которое уделяло авиатранспорту имперское коммунистическое правительство.

В 1960-х годах Н. Хрущев предпринял интересную в геополитическом положении попытку ответить на преимущество противника на море и в воздухе захватом господства в космосе. Вероятность реализации такой «космической стратегии» в условиях экономического, научного и технического отставания СССР от западных держав была минимальна, тем не менее, замысел Н. Хрущева следует признать правильным, ибо при использовании стандартных геополитических приемов никаких шансов не было вообще.

План Н. Хрущева был ближе к своему осуществлению, чем это принято считать сейчас. Возможно, неправильной была концентрация усилий на сравнительно второстепенной (по сравнению с инфраструктурным развитием) задаче создания ракетно-ядерного щита, но, во всяком случае, решающие ошибки, вызвавшие потерю темпа в космической гонке, были допущены уже при Л. Брежневе. В оправдание последнего следует сказать, что массированное освоение космоса средствами индустриального человечества, по-видимому, вообще невозможно, а к выходу в следующую цивилизационную фазу развития Советский Союз был не готов.

СВЯЗНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Последняя компонента обобщенной связности носит уже не геоэкономический, а скорее геокультурный характер. Речь идет о тех социальных взаимодействиях, которые осуществляются за счет общего языкового и семантического поля. Некогда такое взаимодействие сыграло решающую

роль в становлении наций и государств, в формировании этно-культурных плит. Сейчас значение семантической связности дополнительно возросло за счет широкого распространения Интернета.

На первый взгляд, именно благодаря Интернету и мировому рынку программного обеспечения все командные высоты в виртуальном мире захватили «страны, говорящие на английском языке». Действительно, Запад блестяще защищает как свое языковое, так и смысловое пространство. Действительно, 90% (или 99%) современных компьютерных программ англоязычны.

Однако английский язык, являясь основным языком мировой коммуникации, практически не переносит культурную идентичность и, поэтому, не вносит почти никакого вклада в национальную и региональную связность¹. С развитием телекоммуникационных сетей все больше людей разговаривают, читают, пишут, даже думают на английском, не приобретая при этом специфических качеств, присущих англосаксонской культуре. Можно сказать, что произошло отделение британской (и равным образом американской) идентичности от английского языка.

В этих условиях концепция русского двуязычия — русский язык (как язык идентичности плюс владение любым из мировых языков коммуникации) даст России преимущество в борьбе за пространство смыслов. Это преимущество может быть реализовано в форме создания виртуального надгосударственного объекта, объединяющего людей, говорящих на русском языке (а поскольку русский язык представляет собой язык идентичности, то относящихся к русской культуре).

Такой проект, позволяющий соединить — сначала в киберпространстве, а затем на правовом, экономическом и

¹ Хотя, конечно, он повышает глобальную смысловую связность человечества как целого.

культурном уровне — геополитические потенциалы российской метрополии и русской диаспоры, носит название Русский Мир.

По сегодняшним представлениям, развитие человечества за пределы индустриальной цивилизационной фазы приведет к резкому перемешиванию этносов и раздроблению этнокультурных плит. В новых условиях семантическая связность станет важнейшим компонентом общей территориальной связности, государство перестанет быть национальным и превратится в территориальное, а включение наций в исторический процесс начнут осуществлять виртуальные механизмы национальных Миров с фрактальными границами.

2. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГЕОПОЛИТИКИ

При всей важности геополитических дискурсов они не составляют единственной рамки для стратегирования за область, этнос или государство. Существуют ситуации, когда конструирование будущего в геополитических терминах не представляется возможным. Такова, например, рассмотренная выше проблема Восточной Пруссии. В еще более резкой форме ограниченность инфраструктурного подхода видна при планировании за республики Закавказья: построение сколько-нибудь связной позиции в этом регионе подразумевает рациональное решение нагорно-карабахского и абхазского вопросов, что представляется нереалистичным (во всяком случае, в ближне- и среднесрочной перспективе).

Современное стратегирование предполагает самоопределение в пространстве, образованном тремя взаимообусловленными векторами: геополитическим, геоэкономическим и геокультурным.

ГЕОЭКОНОМИКА¹

В отличие от геополитики, история которой насчитывает почти два столетия, геоэкономика в своей современной форме была создана сравнительно недавно — в 1980—1990 гг. На сегодняшний день она считается «не вполне завершенной научной дисциплиной» и рассматривается как своеобразный синтез науки и искусства, некая форма человеческой практики.

Первоначально геоэкономике понимали достаточно узко — как раздел науки, описывающий формальную зависимость экономической жизни от географических условий. В этом плане данная дисциплина восходит к экономической географии и в еще большей степени к исторической географии Ф. Броделя².

В настоящее время предметом геоэкономики считаются малозученные реалии современного глобализованного мира, а именно:

- новые системы управления экономическими процессами;
- новые субъекты принятия решений;
- новые формы организации целостностей.

В рамках геоэкономического дискурса глобализация понимается прежде всего как слияние геополитических и геоэкономических реалий. Если геополитика и следующая за ней военная стратегия оперируют узким сегментом

¹ По материалам лекции профессора А.И. Неклессы, прочитанной на организационно-деятельностной игре «Проектирование институтов и технологий стратегического управления республики Армения», 30.10—3.11.2002 г.

² См., например, первую часть известной работы Ф. Броделя, «Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II», М. 2002.

реальности, то геоэкономика и порожденная ею стратегия развития пытаются описать современный сложный мир как целостность, что подразумевает переход к «новым штабным картам». В сущности — геоэкономика есть просто красивый термин, придуманный для обозначения нового качества, описание которого отсутствует в языке.

Ключевым в геоэкономике является понятие «национальной корпорации». Речь идет о людях — обычно представителях высшей бюрократии, политической, научной и деловой элиты, чье благосостояние и амбиции связаны с преуспеванием данного государства. В сущности, геоэкономика формально отождествляет государство как субъекта политической жизни с корпорацией, как субъектом жизни экономической. Это не означает, что геоэкономика отвергает или теряет рамку государственной/национальной миссии. Скорее, она распространяет данную рамку на бизнес; одним из законов геоэкономики является формула: «Корпорация, деятельность которой выходит за чисто экономические пределы, в чисто экономическом смысле успешнее, нежели та, все интересы которой ограничиваются сферой бизнеса».

Геоэкономика рассматривает современное государство как национальную корпорацию, которая использует геоэкономический инструментарий, чтобы действовать на национальных территориальных площадках.

Геоэкономика понимает стратегию как искусство трансценденции, и в этом смысле смена масштаба при переходе от предприятия к корпорации и затем к национальной корпорации есть инструмент для распаковки внеэкономических, креативных смыслов бизнеса.

Формально, геоэкономическая стратегия — это попытка придать смысл некоторой системе деятельностей, существующих или проектирующихся, организационно и семантически связав их в единую динамическую систему.

Основным тактическим приемом геоэкономики является расширение пространства решений за пределы известно-

го опыта: выигрывает тот, кто первым сконструирует новое экономическое пространство и сумеет построить для него систему деятельностей. В этом плане недостаток ресурсов рассматривается геоэкономикой как ресурс развития.

Геоэкономические стратегии по определению неожиданны: традиционный менталитет не может прочесть «текст» на новом языке и считает его иррациональным.

Большинство геоэкономических планов строится на эффекте преадаптации, когда создаются формы деятельности для политической, экономической или культурной реальности, которой в сегодняшнем мире нет, но которая завтра неминуемо возникнет. Найдя такую виртуальную площадку, субъект немедленно обретает статус игрока на мировой шахматной доске или сохраняет этот статус в течение следующего шага развития. Так, в 1970-е годы США начали рассматривать финансово-юридическое поле как площадку преадаптации, а правовое регулирование — как форму управления новой глобализованной экономикой. Это привело впоследствии к «сбросу» промышленности в развивающиеся страны и построению в США постиндустриальной штабной экономики, продуктом которой являются международные правила игры.

Современные геоэкономические представления оперируют понятиями глобальной экономики, мирового дохода и квазиаренты. Создание единого геоэкономического универсума привело к обобществлению глобального долга и превращения его в один из механизмов перераспределения мирового валового продукта¹.

Речь, по сути, идет о том, что современное государство начинает играть роль регионального филиала некой «предельной корпорации». При этом от филиала требуется

¹ Описание мирового глобального продукта как экономической категории, выявление механизмов производства, размещения и распределения этого продукта есть одна из нерешенных до сего дня задач геоэкономии.

лишь выполнять свою роль в общекорпоративном разделении труда, то есть иметь геэкономическую миссию. Его экономика отнюдь не должна быть эффективной, в некоторых случаях «предельной корпорации» выгодно поддерживать существование формально неэффективных государств. Так, штабной экономике США крайне желательно сейчас снизить цену на нефть ниже 15 долларов за баррель. Понятно, что при такой цене некоторые нефтедобывающие страны окажутся перед необходимостью продавать нефть ниже себестоимости. Для глобальной экономики это, однако, имеет лишь то значение, что мировой доход станет теперь капитализироваться в другой части земного шара. Нефтедобывающие государства получают свою, практически неизменную долю мировой квазиренды в виде кредитов и безвозмездной помощи.

Таким образом, субъектами геэкономии являются национальные корпорации, которые либо обладают видением завтрашних площадок преадаптации, либо включены в текущую мировую систему разделения труда — являются филиалами «предельной» корпорации.

Современный геэкономический универсум может быть представлен в виде некоего аналога «пищевой пирамиды». Основанием этой пирамиды является сельскохозяйственные регионы. Этажом выше находятся области, производящие сырье. Эти две ступени пирамиды имеют, по существу, доиндустриальную природу: в настоящее время они не до конца зарегулированы штабной экономикой, свидетельством чему является существование ОПЕК и сравнительно высокие цены на нефть.

Следующие два этажа носят индустриальный характер и включают в себя области, занятые низкотехнологическим производством, и регионы, поставляющие на мировой рынок хай-тек.

Наконец, последние, верхние ступени постиндустриальны. Здесь производится интеллектуальное сырье и единые правила геэкономической игры. Представляет инте-

рес, что при индустриальном характере современного мира промышленные этажи экономической пищевой пирамиды практически лишены субъектности. Можно прогнозировать, что ожесточенная борьба между «сырьевыми» и «штабными» уровнями приведет к серьезному кризису традиционной экономики.

Соотнесение построенной «пирамиды» с поверхностью земного шара позволит создать геоэкономический абрис мира¹.

В рамках этого построения рассматриваются четыре части света:

- «Юг», который специализируется на доиндустриальном (сырьевом и сельскохозяйственном) производстве;
- «Восток», развивающий классическую индустрию (лоу-тек);
- «Запад», царство высоких технологий;
- «Север», занятый выпуском интеллектуального сырья.

Пределом «южного» геоэкономического дискурса является «Дальний Юг», специализирующийся на формально запрещенных сырьевых производствах (наркотики, экологически «грязная» добыча полезных ископаемых и т.п.). Аналогично «Дальний Восток» производит формально запрещенную промышленную продукцию, а «Дальний Север» занят противозаконными операциями с информацией. В сущности, штабная экономика, построенная «Дальним Западом», есть система злоупотребления юридическими смыслами — противозаконные операции с правом.

При всей своей формальности эта схема позволяет оценить как реальное нравственное и экономическое содержание

¹ Разумеется, проектирование геоэкономической пирамиды на карту мира носит весьма условный характер: геоэкономические континенты не совпадают с реальными (как, впрочем, и геополитические этно-культурные плиты).

современной системы международного права, так и подлинное место, занимаемое на мировой карте Россией: геоэкономическим «Крайним Севером».

ГЕОКУЛЬТУРА

Концепция геокультуры разработана гораздо хуже, нежели представление о геоэкономике. В сущности, геокультура изучает неизмеримые в денежном эквиваленте, иррациональные проявления человеческого и социального капитала.

Современная геокультура тесно смыкается с геополитикой, поскольку широко использует понятие идентичности, лежащее в основе стратификации цивилизаций и выделения этно-культурных плит. Однако геокультурный подход оперирует с представлениями более высокого уровня, нежели геополитический.

Геополитика вслед за социальной термодинамикой рассматривает идентичности как источник социального движения. В процессе такого движения идентичности расходуются, что проявляется как потеря пассионарности, «охлаждение» социосистемы и утрата цивилизационного приоритета.

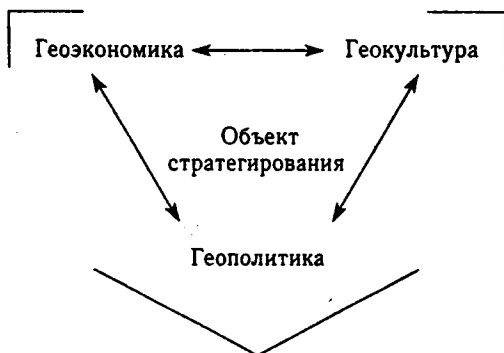
Геокультура ставит вопрос об «обороте идентичностей»: их переносе, преобразовании, потере, восстановлении. Она вводит в рассмотрение категорию уникальности и изучает уникальности, лежащие в основе этносов, «культурно-исторических типов», «этно-культурных плит».

Геокультурная уникальность, будучи неизмеримой, носит скрытый характер и, как правило, не рефлектируется ни социумом, ни элитами. Она, однако, транслируется (при этом возникают пограничные и смешанные типы культур) и нередко является предметом рыночных отношений: современная торговля брендами есть выхолащенная форма «продажи» национальной или групповой уникальности.

В отличие от культуры в общепринятом значении этого термина, геокультурная уникальность практически не может быть утеряна и поэтому не нуждается в сохранении и защите. Поэтому содержанием геокультурной стратегии является последовательная рефлексия этой уникальности и использование ее для восстановления и трансляции идентичности, иными словами, для продления существования этно-культурной плиты.

МОДЕЛЬ «ФАЗ РАЗВИТИЯ»

Геополитический, геоэкономический и геокультурный вектора образуют систему базисных векторов, задающую пространство стратегирования:

Время не присутствует в этой схеме явно и вводится через понятие шага развития. Каждый такой шаг представляет собой результат применения частной стратегии к объекту стратегирования, определенному в конкретных геополитических, геоэкономических и геокультурных координатах.

Желание перейти в смысловое пространство с явным заданным понятием шага развития приводит к более общей схематизации, порождающей метастратегии.

Исходной рамкой такого построения является понятие социосистемы, которое мы уже использовали в геополитическом анализе, воспринимая его интуитивно. Формально социосистема есть специфическая форма организации носителей разума¹, подобно тому как экосистемы суть формы организации биологических сообществ.

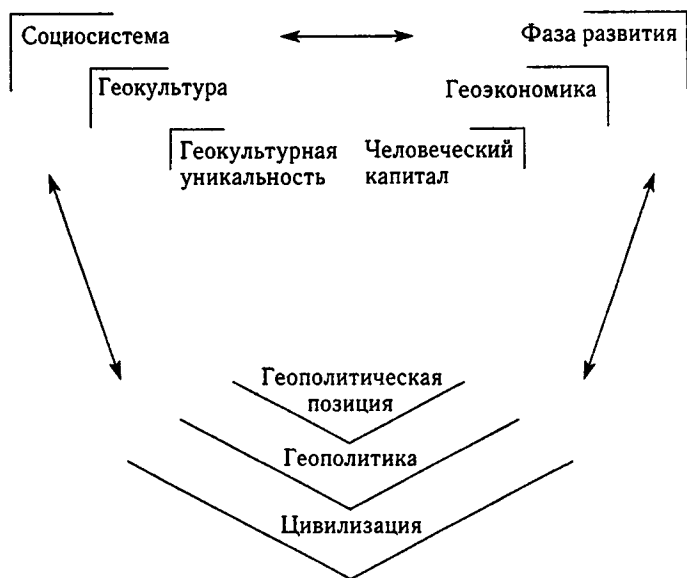
Собственные значения оператора развития социосистемы носят название цивилизационных фаз развития. Фазы маркируют различные типы связей между обществом и объемлющим его биогеоценозом: они различаются характером взаимодействия социосистемы с окружающей средой, то есть местом *homo sapiens* в трофической пирамиде и способом присвоения пищевого ресурса.

Наконец, поскольку представление о стратегии и шаге развития зависит от того, как общество вообще понимает (и принимает) категорию развития, для того чтобы зафиксировать стратегическое пространство, необходимо ввести еще один параметр — цивилизация².

В новых координатах пространство стратегирования обретает следующий вид:

¹ Социосистема отвечает обычным системным признакам: положительности энергии связи, наличию корреляции в движении элементов. Обычно для нее требуют также выполнения всех атрибутивных признаков человеческого общества, а именно: существования общего хозяйственного механизма, развитого разделения труда, функционирования подсистем познания, обучения, управления, расслоения психических процессов на сознательные и бессознательные как на уровне индивидуума, так и на уровне общества, наличия индивидуальной и коллективной трансценденции.

² Напомним, что цивилизация — это образ жизни, заданный в виде совокупности общественно используемых технологий и рамочных ограничений, наложенных на эти технологии.

В такой схематизации четко видны места, занимаемые частными стратегиями, геополитической или большой стратегией, наконец, метастратегией цивилизационного развития.

«ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРЕМА»

Для того чтобы сформулировать последнюю из геополитических теорем, кратко охарактеризуем цивилизационные фазы:

Архаическая фаза длилась от «начала времен» до грани VIII и VII тысячелетия до н. э. и включала в себя палеолитическую и мезолитическую эпохи. Экономика носила присваивающий характер, ее формами были охота и собирательство, а «кровью» — обработанные кремни. В настоящее время архаическая фаза отсутствует (исключая

несколько явно реликтовых социосистем), тем не менее социальные отношения, восходящие к архаичным формам существования, продолжают существовать в ряде изолированных обществ¹.

Традиционная фаза продолжалась до середины II тысячелетия н.э. Эта фаза может быть расчленена на неолитическую и энеолитическую эпохи первобытнообщинной формации, рабовладельческую и феодальную формации. Традиционная экономика является производящей, «кровью» ее служит зерно, а господствующими формами экономической жизни являются земледелие, скотоводство и ремесло. На сегодняшнем земном шаре традиционная фаза распространена очень широко: практически, это весь геоэкономический «Юг».

Для современной индустриальной фазы развития характерно существование фабричного производства и общепланетной системы обмена. «Кровью» экономики сейчас служат энергоносители. В настоящее время индустриальная экономика «Запада», «Востока» и «Севера» полностью овладела мировым пространством, подчинив себе традиционные общества.

Поскольку неперенным условием существования индустриальной фазы является пространственное развитие², исчерпанность земного шара означает кризис индустриализма и близость фазового перехода, который может носить как катастрофический (откат социосистемы к традиционным, если не архаичным, формам существования), так и прогрессивный характер. Последнее подразумевает институционализацию в актуальных пространствах бытия новой фазы развития.

¹ Например, в кавказской чересполосице национальных и геокультурных групп.

² Ввиду принципиально кредитного характера индустриальной экономики.

Весьма важным следствием модели фаз развития является «демографическая фазовая теорема», носящая рамочный характер по отношению к геополитическим, геоэкономическим и даже геокультурным построениям.

В традиционной фазе развития общие биологические императивы («плодитесь и размножайтесь») соответствуют экономическим потребностям крестьянской семьи. Появление ребенка в такой семье почти никак не сказывается на финансовых затратах (просто в связи с тем, что традиционное хозяйство тяготеет к натуральности) и достаточно слабо — на общем потреблении. Уже с четырех-пяти лет ребенок может выполнять ряд дел, простых, но необходимых для нормального существования хозяйства: выпас скота, уборка помещений, валяние шерсти и т.п. Таким образом, он заменяет собой значительно более дорогого наемного работника. Вырастая, ребенок берет на себя все больший объем работ, способствуя процветанию хозяйства. Несколько упрощая, можно сказать, что каждый ребенок в патриархальной традиционной семье может рассматриваться как практически бесплатная рабочая сила. Соответственно, рост семьи означает рост числа работников, то есть увеличение зажиточности хозяйства.

Как следствие, демографическая динамика фазы носит экспоненциальный характер. Эффективное (с учетом детской смертности) число детей в крестьянской семье составляет 4—5 человек, что соответствует годовому приросту населения до 6% и даже до 10% в год¹.

Возникновение «торгового капитализма» приводит (даже в традиционной стадии) к быстрому сокращению прироста населения. Как только возникает возможность

¹ Например, население Пакистана (страны полностью относящейся к традиционной фазе, по крайней мере, до 1970-х годов), увеличилось за период 1901—2001 г. с 16,6 до 148 миллионов человек, что соответствует эффективному линеаризованному росту на 7,9% в год.

тратить деньги, ребенок из подспорья в производстве, бесплатного наемного работника превращается в обузу. Во времена позднего Рима императоры прилагали титанические усилия к нормализации демографической динамики, однако вырождение сначала патрицианских, а затем и плебейских семейств продолжалось до падения Рима.

В индустриальной фазе демографический кризис выступает с беспощадной остротой: рождение детей не только не выгодно индивидуальной семье, но и прямо приводит к ее непосредственному обнищанию.

«Невыгодность детей» проявляется тем сильнее, чем более развиты товарно-денежные отношения и индустриальная фаза в целом и чем выше изначальный доход семьи. В рамках простейшей модели рождение первого ребенка отбрасывает семью к границе «своего» исходного имущественного класса, рождение второго — переводит в более низкий класс. Как правило, при трех детях или еще большем их количестве происходит деклассирование семьи.

Необходимо иметь в виду, что затраты на развитие, воспитание и образование ребенка в индустриальной фазе очень велики, и период детства продолжается до 16, 18 и даже 23 лет. Если учесть, что между 18 и 23 годами молодые люди создают собственные семьи, становится понятно, что родители не получают никакой непосредственной отдачи на свой огромный «вложенный капитал».

В результате демография индустриальной фазы определяется «точкой равновесия» двух противоположных императивов: биологического (инстинкт продолжения рода) и экономико-социального (инстинкт социального выживания). Опыт и моделирование показывают, что это равновесие наступает при среднем значении детей в семье между показателями «один» и «два». В современной России, например, он близок к единице и нигде не поднимается выше значения 1,2. Этот показатель соответствует сокращению индустриального населения на 3—5% в год. Всякие откло-

нения от этой цифры вызваны примесью традиционной фазы развития.

Следовательно, демографическая ситуация устойчива лишь при вполне определенном равновесии между традиционной и индустриальной фазами развития. Преобладание традиционной фазы приводит к тому, что индустриальное производство не успевает ассимилировать поступающие кадры. Так создаются огромные города трущоб¹ с крайне низким жизненным уровнем и незначительным развитием индустрии (Бангладеш, в меньшей степени Бразилия). Напротив, подавление традиционной фазы приводит к сильнейшей концентрации населения вокруг индустриальных центров и возникновению вокруг них «антропологических пустынь»².

Это означает, что современное геополитическое/геоэкономическое/геокультурное управление с неизбежностью включает в себя конструирование миграционных потоков.

¹ Социальное явление, которое может быть охарактеризовано как псевдоурбанизация.

² Тип территории, возникающей вследствие ухода человека с ранее освоенных им земель.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции Торжество Геи <i>Николай Ютанов</i>	5
Хэлфорд Дж. Макиндер Географическая ось истории	7
Николай Трубецкой Европа и человечество	33
Мы и другие	106
Русская проблема	126
Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока	144
Карл Хаусхофер Границы в их географическом и политическом значении	227

Николай Устрялов
Элементы государства 599

Петр Савицкий
Евразийство 655

**Географические
и геополитические
основы евразийства** 677

Степь и оседлость 688

Послесловие
**Самоучитель игры
на «мировой шахматной доске»:
законы геополитики** 700
Сергей Переслегин

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2,
тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Научно-популярное издание

Классика геополитики XX век

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: Н.В. Пашкова
Технический редактор Л.Л. Подъячева
Корректоры О.О. Гриднева, Е.П. Николаева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560. Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус»
Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.